

ПУШКИН
СОЧИНЕНИЯ

ПУШКИН * ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

13

1799
1999

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1937

ПУШКИН

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

ПЕРЕПИСКА
1815—1827

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1996

ББК 84.5
П 91

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

16 ноября 1937 г. Президент академии В.Л.КОМАРОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

Максим ГОРЬКИЙ, Д.Д.БЛАГОЙ, С.М.БОНДИ, В.Д.БОНЧ-БРУЕВИЧ, Г.О.ВИНОКУР, академик А.М.ДЕБОРИН, П.И.ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ, Б.В.ТОМАШЕВСКИЙ, М.А.ЦЯВЛОВСКИЙ, Д.П.ЯКУБОВИЧ

Заведующий редакцией *В.Д.Бонч-Бруевич*

РЕДАКТОР ТРИНАДЦАТОГО ТОМА:
Д.Д.Благой

*Переизданию Полного академического собрания сочинений А.С.Пушкина, приуроченного к 200-летию со дня рождения поэта, содействуют:
Комитет РФ по печати, Российское акционерное общество “Газпром”, Российская московская телерадиовещательная компания “Москва”, Дирекция художественного вещания "ЛАД" Всероссийской государственной телерадиокомпании, Открытое акционерное общество"ГАЗ"(г. Нижний Новгород) , "Российская газета", Московский акционерный коммерческий банк "Возрождение", банк “Огни Москвы”.*

С благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Пушкин А.С.
П 91 Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 13 / Художник С.Богачев. — М.: Воскресенье, 1996. — 684 с; ил.
ISBN 5—88528—080—0 (т.13)
ISBN 5—88528—052—5

В тринадцатый том Собрания сочинений входит переписка А.С.Пушкина за 1815 — 1827 гг..

П $\frac{4702010106 — 015}{К 56 (03) — 96}$ подписное

ББК 84.5

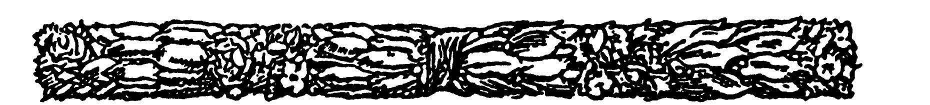

В настоящий том входит переписка Пушкина за 1815—1827 гг.

Тексты писем Пушкина за 1815—1825 гг. приготовлены Д. Д. Благим, за 1826—1827 гг. — Д. П. Якубовичем; тексты писем к Пушкину за 1815 — 1827 гг.—Л. Б. Модзалевским и Д. Д. Благим; тексты коллективных писем (с участием Пушкина и к Пушкину) — Д. Д. Благим.

Переводы иноязычных текстов редактированы А. А. Смирновым.

Редактор тома — Д. Д. Благой. Контрольный рецензент — М. А. Цявловский.

ПЕРЕПИСКА
1815—1827

1815

1. И. И. Мартынову.

28 ноября 1815 г. Царское Село.

(Черновое)

Милостивый государь,

Иван Иванович!

Вашему превосходительству угодно было, чтобы я написал пиэсу на приезд государя императора; исполняю ваше повеленье. — Ежели чувства любви и благодарности к великому монарху нашему, начертанные мною, будут не совсем недостойны высокого предмета моего, сколь счастлив буду я, ежели его сиятельство граф Алексей Кирилович благоволит поднести его величеству [1] слабое произведенье неопытного стихотворца!

Надеясь на крайнее [2] Ваше снисхожденье честь имею пребыть, милостивый государь,

Вашего превосходительства всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

1815 года
28 ноября.
Царское Село.

---

[1] его величеству *зачеркнуто и рукой Н. Ф. Кошанского надписано:* гос.〈ударю〉 им〈ператору〉

[2] *Исправлено самим Пушкиным из* крайнѣе

1816

2. П. А. Вяземскому.

27 марта 1816 г. Царское Село.

27 марта 1816.

Князь Петр Андреевич,

Признаюсь, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало могла победить благословенную мою леность. Так и быть; уж не пеняйте, если письмо мое[1] заставит зевать ваше пиитическое сиятельство; сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынника, которого уж и без того дергает бешеный демон бумагомарания. С моей стороны прямо объявляю вам, что я не намерен оставить вас в покое, покаместь хромой софийской почталион не принесет мне вашей прозы и стихов. Подумайте хорошенько об этом, делайте, что вам угодно — но я уже решился и поставлю на своем.

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей (или Ликей, только, ради бога, не *Лицея*) не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину:

Блаженен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельской дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком

[1] мое *вписано*.

И даже..... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами,
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а на яву
Свою любовницу ласкает!..

Правда время нашего выпуска приближается; остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!.. целый год еще дремать перед кафедрой... это ужасно. Право с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой Россиады, даже с присовокупленьем к тому и премудрой критики Мерзлякова, с тем только, чтобы гр.‹аф› Разумовской сократил время моего заточенья. — Безбожно молодого человека держать в заперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей Российского Слова. Но делать нечего,

Не всем быть можно в ровной доле,
И жребий с жребием не схож —

От скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные), часто читаю стихотворения, которые их не лучше, недавно говел и исповедывался — всё это вовсе незабавно. Любезный арзамасец! утешьте нас своими посланиями — и обещаю вам, если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего Лицея.

Простите, князь — гроза всех князей-стихотворцев [на] Ш. — Обнимите Батюшкова за того больного, у которого, год тому назад, завоевал он Бову Королевича. Не знаю, успею ли написать Василью Львовичу. На всякой случай обнимите и его за ветренного племянника. Valeas.

Александр Пушкин.

Ломоносов вам кланяется.

‹*Приписка С. Г. Ломоносова:*›

Je remets à la poste prochaine le plaisir de vous entretenir, mon cher prince. Votre dévoué S. Lomonossof.

3. В. Л. Пушкин — Пушкину.

17 апреля 1816 г. Москва.

Москва. 1816. Апреля 17.

Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мне вспомнил. Письмо твое меня утешило и точно сделало с праздником. Желания твои сходны с моими; я истинно желаю, чтоб *непокойные* стихотворцы оставили нас в покое. Это случиться может, только после *дождика, в четверг*. Я хотел было отвечать на твое письмо стихами, но с некоторых пор Муза моя стала очень ленива, и ее тормошить надобно, чтоб вышло что-нибудь путное. Вяземский тебя любит и писать к тебе будет. Николай Михайлович в начале мая отправляется в Сарское-Село. Люби его, слушайся и почитай. Советы такого человека послужат к твоему добру и может быть к пользе нашей словесности. Мы от тебя многого ожидаем. — Скажи Ломоносову, что непохвально забывать своих приятелей; он написал к Вяземскому предлинное письмо, а мне и поклона нет. Скажи однако, что хотя я и пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мне в любви моей тебя уверять не должно. Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону. Этого довольно. Прости, друг сердечный. Будь здоров, благополучен, люби и не забывай меня.

Василий Пушкин.

П: П: Вот эпиграмма, которую я сделал в *Яжелбицах*.(*)

Сходство с Шихматовым
и хромым почталионом.

Шихматов, почтальон! Как не скорбеть о вас?
Признаться надобно, что участь ваша злая;
У одного, нога хромая,
А у другого, хром Пегас.

---

* В Яжелбицах мы нашли почталиона хромаго, и Вяземский мне эту задал эпиграмму.

4. В. Л. Пушкину.

28 (?) декабря 1816 г. Царское Село.

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный *Вот*!
Тебе, мой дядя, в новый год

Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме Вашем Вы называли меня братом, но я не осмелился назвать Вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бахических шатаясь на Пегасе.
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад,
Нет, нет, вы мне совсем не брат,
Вы дядя мой и на́ Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что Вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

Да, каюсь я, конечно, перед вами
Совсем неправ пустынник-рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами,
Он виноват и прозой и стихами,
Но старое забудьте в новый год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем — обещательные и извинительные; первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же приметил я, что и вся она состоит из двух посланий, — это мне кажется непростительным.

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной Музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бледного Шишкова
Священным Феба языком
И лоб угрюмый Шаховского
Клеймить единственным стихом!
О вы! которые умели
Любить, обедать и писать,

Скажите искренно, ужели
Вы не умеете прощать?

28 декабря
1816-го года

P. S. Напоминаю себя моим незабвенным. Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце и которые любите еще меня.

Шапель Андреевич конечно
Меня забыл давным давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И петь и пить свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться — право, пресмешно.

1817

5. И. В. Малиновский, С. С. Есаков, В. Д. Вольховский, А. Д. Илличевский, И. И. Пущин, А. А. Дельвиг, **А. С. Пушкин** и неизвестный лицеист — **С. С. Фролову.**

4 апреля 1817 г. Царское Село.

4 апреля 1817 года.

Чувствую, что виноват перед вами, почтенный Степан Степанович — обещался быть секретарем для отправления писем к вам, а до сих пор еще ни слова не сказал путного. Да и теперь будет тоже. — Экзамен не за горами — а до сих <пор> были все в Петербурге на празднике; я не забыл, что звали вы меня за мои частые пословицы *Саншо-Пансо* [брат ты], что ж худого-то: понабрался их, а они и пригодятся — *мал золотник да дорог* — также заключите и о письме с почтением пребывающего к вам

Ивана Малиновского. —

Посмотрим, кто из нас: вы ли почтеннейший, Степан Степанович, приедете в Царское или я прискачу к вам в Лонку. Желаю впрочем, чтоб вы первый посетили нас и увидели исполнение желания вашего. Каковы ваши труды? Под надзором доброго хозяина думаю я вся Лонка расцвела; — как весело! — Будьте здоровы и не забудьте вашего Есакова. —

Вспомните и обо мне, почтеннейший Степан Степанович! Нам же всё напоминает вас; мы встретили и провели праздники, но — без вас, и теперь опять по прежнему начинаем бродить по саду, но вас уже нет: возвратитесь скорее, Царское село не хуже Лонки, и здесь вы будете между русскими, между теми, которые знают вас и любят столько, сколько любить можно добрейшего наставника. Позвольте уверить вас в чувствах глубокого почтения и преданности вашего покорнейшего слуги

Владимира Вольховского.

Не забывайте его, не забывайте нас.

С брата по строчке, выдет целое письмо. С каким удовольствием приписываю я к другим и моих *два* слова — Христос воскресе! Степан Степанович! почтеннейший начальник! С праздниками поздравляем вас.

Алексей Илличевский.

Позвольте и мне написать вам несколько слов, почтеннейший Степан Степанович! Извините, что до сих пор сего не сделал; но право времени ни минуты не имел свободной. Праздники провел я в Петербурге — и теперь опять в кругу милых моих товарищей, но всё не то: вас не нахожу — *Козырь вскрылся — нырнул в лонку* — а нас военных покинул. Худо, Степан Степанович, но уж так и быть всё прощу вам, если только вы не забудете любящего и почитающего вас друга.

Иван Пущин.

Маслов много, много вам кланяется.

И я, любезнейший Степан Степанович, свидетельствую вам почтение, христосуюсь с вами и очень желаю вас опять увидеть. Остаюсь всегда желающим [1] вам здоровья и счастия.

Б.‹арон› Дельвиг.

Почтеннейший Степан Степанович,

Извините, ежели старинный приятель пишет вам только две строчки с половиной — в будущую почту напишет он две страницы $^1/_2$.

Егоза Пушкин.

— Finis coronat opus — Biscup.—

6. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину.[2]

1 сентября 1817 г. Петербург.

Любезный князь,

Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое должен был он мне вручить и которое потерял он у Луи, между тем как я скучал в псковском моем уединеньи. Я очень недавно приехал в Петербург и желал бы как можно скорее его оставить для Москвы, то есть для Вяземского; не знаю сбудется ли мое желание; покаместь с нетерпением ожидаю твоих новых стихов и прошу у тебя твоего благословения.

Пушкин.

1. Sept.
1817.

Адрес: Их высокопреосвященствам [3]
Василью Львовичу Вот
и Петру Андреевичу Асмодею.
В Москве.

---

[1] *Переделано из* желающий

[2] *Листок с частью письма, обращенной к В. Л. Пушкину, оторван.*

[3] *Переделано из* высокопреосвященству

Милостивый Государь,

Иван Иванович!

Вашему Превосходительству угодно было чтобы я написал пиесу на прибытие Государя Императора, исполняю ваше повеление. Если чувства любви и благодарности к великому монарху нашему напитанные мною, будут нисколько недостойны высокого предмета моего, сколь щастлив буду я ежели Его Сиятельство Граф Алексей Кириллович благоволит поднести Ев ~~Величеству~~ Гос. Имп. слабое произведение неопытного Стихотворца!!

Письмо И. И. Мартынову, 28 ноября 1815 г. (1-я и 2-я страницы).

Институт Литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в Ленинграде.

Надѣюсь на крайнюю Вашу снисходительность, съ которою пребываю Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшiй слуга

Александръ Пушкинъ

1815 года

28 ноября

Царское Село

1818

7. А. Е. Измайлов — Пушкину.

26 июля 1818 г. Петербург.

М.<илостивый> г.<осударь> мой
Александр Сергеевич

С.<анкт> П.<етер>бургское Вольное Общество любителей Словесности, Наук и Художеств, в заседании своем вчерашнего числа избрав единогласно вас в свои действительные члены, возложило на меня приятную обязанность уведомить вас, м.<илостивый> г.<осударь> мой, об оном.

Исполняя с особенным удовольствием такое поручение Общества, имею честь быть с совершенным почтением всегда

Вашим м.<илостивого> г.<осударя> моего
покорнейшим слугою

А. Измайлов,
Председатель Общества.

№ 14
26 июля 1818
Его благород.<ию> А. С. Пушкину

1819

8. А. И. Тургеневу.

9 июля 1819 г. Петербург.

Очень мне жаль, что я не простился ни с вами, ни с обоими Мирабо. Вот вам на память послание Орлову; примите его в ваш отеческой карман, напечатайте в собственной типографии и подарите один экземпляр пламенному питомцу Беллоны, у трона верному гражданину. К стате о Беллоне: когда вы увидете белоглазого Кавелина, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевского, восп.<итанника> Унив.<ерситетского> панс.<иона>. Кавелин притесняет его за какие-то теологические мнения и достойного во всех отношениях молодого человека вытесняет из пансиона, оставляя его в нижних классах, не смотря на успехи и великие способности. Вы были покровителем Соболевского, вспомните об нем и — как кардинал-племянник — зажмите рот доктору теологии Кавелину, который добивается в инквизиторы. — Препоручаю себя вашим молитвам и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мере на три месяца.

Пушкин.

1819
9 июля.

9. Н. И. Кривцову.

Вторая половина июля—начало августа 1819 г. Михайловское.

(Черновое)

Помнишь ли ты, житель свободной Англии, что есть на свете Псковская губерния, твой ленивец, которого ты верно помнишь, который о тебе каждый день грустит, на которого сердишься и [1] Я <не> люблю писать писем. Язык и голос едва ли достаточны для наших мыслей — а перо так глупо, так медленно — письмо не может заменить разговора. Как бы то ни было, я виноват,

[1] *Фраза не закончена.*

знавши, что мое письмо может на минуту напомнить тебе об нашей России, о вечерах у Т.<ургеневых> и Кар.<амзиных> [и не исполнив дружеского долга].

10. П. Б. Мансурову.

27 октября 1819 г. Петербург.

Насилу упросил я Всеволожского, чтоб он позволил мне написать [тебе] несколько строк, любезный Мансуров, чудо-Черкес! Здоров ли ты, моя радость; весел ли ты, моя прелесть — помнишь ли нас, друзей твоих (мужеского полу)... Мы не забыли тебя и в 7 часов с $1/_2$ каждый день поминаем [тебя] в театре рукоплесканьями, вздохами — и говорим: свет-то наш Павел! что-то делает он теперь в великом Новгороде? завидует нам — и плачет о Кр...... (разумеется нижним проходом). Каждое утро крылатая дева летит на репетицию мимо окон нашего Никиты, по прежнему подымаются на нее телескопы и <---> — но увы... ты не видишь ее, она не видит тебя. Оставим элегии, мой друг. Исторически буду говорить тебе о наших. Всё идет по прежнему; шампанское, слава богу, здорово — актрисы также — то[1] пьется, а те <------> — аминь, аминь. Так и должно. У Юрьева <------>, слава[2] богу, здоров — у меня открывается маленькой; и то хорошо. Всеволожской Н. играет; мел столбом! деньги сыплются! Сосницкая и кн. Шаховской толстеют и глупеют — а я в них не влюблен — однакож его вызывал за его дурную комедию, а ее за посредственную игру. Tolstoy болен — не скажу чем — у меня и так уже много <--- -----> в моем письме. Зеленая Лампа нагорела — кажется гаснет — а жаль — масло есть (т. е. шампанское нашего друга). Пишешь ли ты, мой собрат — напишешь ли мне, мой холосенькой. Поговори мне о себе — о военных поселеньях. Это всё мне нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизм. Прощай, лапочка.

Свер<чок> А. Пушкин.

27 oct.

1819.

Адрес: Павлу Борисовичу
Мансурову

---

1 *Переделано из* всё

2 *Переделано из* славу

1820

11. П. А. Вяземский — Пушкину и А. И. Тургеневу.
Ночь с 19 на 20 и 20 февраля 1820 г. Варшава.

Два слова, а может быть и более, Сверчку-Пушкину.

Поздравь, мой милый сверчок, приятеля своего N.N. с счастливым испражнением *барельефов пиров Гомера*, которые так долго лежали у него на желудке. Признаюсь, я вложил Эсхилу выражение ему чуждое. Проклятый, хотя и святый отец Брюмоа, ввел меня в соблазн: он сказал: „C'est une justice, que lui rendait Eschyle lui-même, qui avait coutume de dire, que ses pièces n'étaient que des reliefs des festins étalés dans l'Iliade et l'Odissée". Увлеченный поэтическим смыслом уподобления * (а на поверку выходит: вымысла моего), я позабыл справиться или лучше сказать не позаботился справиться с другим источником, или по крайней мере с французским словарем, который, сказавши мне, что *reliefs* на[1] языке старинном значит: *restes de viandes*, меня избавил бы от преступления против Эсхила, а желудок г-на N.N. от *барельефов*, которые, легко сознаюсь с ним, не так скоро переваришь, как мясные объедки. За то уже Аристофановскую индижестию (которую кажется не мне подобает брать на совесть) не скоро выгонешь из него. Хотя я и не великой грек, но смею поручиться, что без всякого оскорбления греческой чести, можно всегда назвать Аристофаном каждого комика, которого бесстыдная дерзость выводит на сцену гражданина честного с намерением предать его осмеянию общественному. Тут идет дело не о даровании писателя, а о гнусном умысле человека. Убийцею Сократа в буквальном смысле не льзя назвать Аристофана: но Аристофан первый и всенародно донес на Сократа, как на безбожника, и вот почему Плутарх (опять чорт дергает меня) сказал о нем: „Шутки его самые низкие и отвратительные; он даже и для черни не забавен, а людям здравомыслящим

* Ибо признайся сам: в ошибке моей есть погрешность против истинны, но не против здравого смысла: *барельефы* так сказать дополнение сюжета, подробности, рассказ, ему соответствующий. И, не трогая чести г-на Эсхила, в моем сравнении более поэзии и благородства.

[1] *Переделано из* въ

и честным нестерпим; нельзя снести его надменности, и добрые люди ненавидят его злость!" После этого, кажется, нам грешным можно иногда и всуе даже употреблять имя Аристофана. Далее: в одной комедии своей [он] (название спроси у Преображенского моста, я запомнил) он именно осмеивает греческих трагиков в шутках самых плоских и низких, я вот почему Вольтер говорил о нем: „Ce poète comique, qui n'est ni comique ni poète, n'aurait pas été admis parmis nous à donner ses farces à la foire de St. Laurent". Скажи по совести, не мог ли бы Вольтер сказать того же о герое г-на N.N., и следственно нам грешным не простительно ли иногда смешивать понятия о Аристофане с судом над героем г-на N.N. Это всё могло бы раскормить немного Сына Отечества, но я не хочу, чтобы не только *Москва*, но и Варшава разгорелась от *сальной свечки*, и потому, погасив свой огарок, желаю тебе доброй ночи, обнявши наперед от всего сердца и поблагодарив за Лидиньку. Присылай еще что есть.

‹*А. И. Тургеневу*:›

Пятница. 20. Сей час получил твою грамоточку от, бог весть, которого числа. Что скажешь ты, что скажите Вы о французских делах? Бери, чорт его бери; но плохо то, что всё обрывается на свободу. Уже подали три проэкта законов, из коих два подкапываются под самое здание общественных вольностей, угрожая свободе личной и свободе мысли. Заварится каша. Опять заведутся Конгресы, эти кузницы оков народных: цари станут на стороже, народы потерпят, да и выдут из терпения: а нам всё не легче будет. Власть любит generализировать и там, где идет дело о мере частной, принимать меры общие. Вот и мое Прадтовское пророчество. Я о Франции плачу, как о родной. Ей, все друзья свободы, вверили надежды свои в рост: боже сохрани, от второго банкрутства. Если и тут опытность не была в прок, то где же искать государственной мудрости на земле? Куда девать упования свои на преобразование России? Теперь у нас ни калачом не выманишь конституции в России: разве придется отъискивать ее собаками? Какие получаете Вы французские листы? В l'Indépendant, который посылается Вельяшеву-la chaussée, всё это дело и последствия рассказаны хорошо. Что говорит об этом Капо, и как принято было известие двором? — Мой немец не *Якоби*, а *Якоб*, в Петербурге не был и выписан сюда из Германии в профессоры греческого языка. С ним читать приятно, он человек молодый. Отъискал ли ты мое тряпье во 2-м Благонамеренном? Этот народ не умеет никак продавать товар лицом. Как можно разом бухнуть всё в одну книжку? и на мою долю всегда падают опечатки. Что сделал ты с моими тремя последними баснями? Ты, кажется, хотел их отдать Измайлову. Неужели и на них наложил Яценко лапу? *Пуще всего Библию и перевод Евангелия!!!*[1] А затем прости-прощай. Если встретишь Меньщикова, скажи ему, что ответ его ожидается с нетерпением. Что делает Жуковский? Что ты заупрямился и не отвечаешь мне на вопрос: едут ли они в Берлин, и будет ли он проводником?

Братьям мой сердечный поклон.

---

[1] *Последние шесть слов в подлиннике подчеркнуты двумя чертами.*

Поручи дружбе любезного почт-директора два мои письма в Москву и поблагодари за строки, при доставлении письма от брата. Книги пришлю. Если на *Сына* не подписался, то не нужно.

Библию и Евангелие русское пуще всего.

Вот *Сыну.*

Пусть остряков союзных тупость
Готовит на меня свой нож:
Против меня глупцы! так что ж?
Да за меня их глупость.

12. П. А. Вяземскому.

28 марта 1820 г. Петербург.

(Отрывок)

Deux grands auteurs, les héros du Parnasse
Sont par le monde et choyés et chéris.
En vain leur Muse et détonne et grimace,
Des Visigoths ils sont les favoris.
Certain Quidam distinguant leurs écrits
De ces Messieurs nous désigne la place.
L'un est, dit-il, le chantre du Midi,
L'autre du Nord. Touchez là. C'est bien dit:
Tant l'un est sec! et tant l'autre est de glace!

Поэма моя на исходе — думаю кончить[1] последнюю песнь на этих днях. Она мне надоела — потому и не присылаю тебе отрывков.

Св.‹ерчок› Пушкин.

1820
28 март.

13. П. А. Вяземскому.

Около (не позднее) 21 апреля 1820 г. Петербург.

Я читал моему преображенскому приятелю — несколько строк, тобою мне написанных в письме к Тургеневу, и поздравил его с счастливым испражнением пиров Гомеровых. Он отвечал, что ‹-----› твое, а не его. Желательно, чтоб дело на этом остановилось — он кажется боится твоей сатирической

---

[1] *Переделано из* окончить

палицы; твои первые четыре стиха на счет его в послании к Дмитриеву — прекрасны; остальные, нужные для пояснения личности, слабы и холодны — и, дружба в сторону, Катенин стоит чего-нибудь получше и позлее. Он опоздал родиться — и своим характером и образом мыслей, весь принадлежит 18 столетию. В нем[1] та же авторская спесь, те же литературные сплетни и интриги, как и в прославленном веке философии. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этим не удивишь; что ни говори, век наш не век поэтов — жалеть кажется нечего — а всё-таки жаль. Круг поэтов делается час от часу теснее — скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо. — И то хорошо. Покаместь присылай нам своих стихов; они пленительны и оживительны — Первый снег прелесть; Уныние — прелестнее. Читал ли ты последние произведения Жуковского, в бозе почивающего? слышал ты его Голос с того света — и что ты об нем думаешь? Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу. Поэму свою я кончил. И только последний, т. е. окончательный,[2] стих ее принес мне истинное удовольствие. Ты прочтешь отрывки [ее] в журналах, а получишь ее уже напечатанную — она так мне надоела, что не могу решиться переписывать ее клочками для тебя. — Письмо мое скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц С‹анк›т Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами. Прости. Отвечай мне — пожалуйста — я очень рад, что придрался к переписке.

Пушкин.

14. П. А. Вяземский — Пушкину.

30 апреля 1820 г. Варшава.

30-го маия.[3]

Я очень рад, что тебе вздумалось написать ко мне: у меня есть до тебя дело. Сделай одолжение, высылай тот час по напечатании твою поэму и скажи мне, в каких местах подражал ты и кому. Я хочу придраться к тебе и сказать

---

[1] В нем *вписано.*

[2] т. е. окончательный *вписано.*

[3] *Описка.*

кое-что о поэзии, о нашей словесности, о писателях, читателях и прочее. Не забудь моей просьбы. Впрочем я очень жалею, что ты в письме своем мало говоришь о себе, а много о Катенине. Его ответ не удобопонятен: как быть моему <-----> его испражнением? разве я ему в штаны <------>? Ты знаешь ли заклад Фокса. Он приятелю велел на себя <-------> и приходит в беседу: все от вонючего убегают и говорят, что он <--------->: заводят споры; бьются об заклад, Фокса раздевают, и противники хватаются за выложенные гвинеи. Извините, возражает Фокс, вот, кто мне <------>, указывая на приятеля, и есть свидетели. — Но я о Катенине ни с кем не спорил и <-----> свое держу про себя. Вот начало письма весьма <-------->; но,

Благочестивых слов в душе признавши цену,
Я каждому его смиренно отдаю.

Далее следую за твоим письмом, и то не о золоте приходится говорить: о стихах моих. Если ты непременно хочешь, чтобы стихи мои в послании к Дмитриеву метили на Катенина, то буде воля твоя; но признайся, что я не слыхал, чтобы он когда-нибудь унижал достоинства Державина или хотел пускаться писать басни: следственно на его долю выпадает один стих о Людмиле; жалею, что он не достойным образом разит — извини мне выражение — нахальство входить в рукопашный бой с Жуковским на поприще, ознаменованном блистательными его успехами. Тут уже идет не о личности, а о нравственном безобразии такого поступка; ибо не признавать превосходства Жуковского в урожае нынешних поэтов значит быть ослепленным завистью: здесь слепота глупости подозреваться не может. Еще окончательное слово: стихотворческого дарования, не говорю уже о поэтическом, в Катенине не признаю никакого; с Шаховским можно еще быть зуб за зуб: бой ровнее: он род удельного князя, который также при случае может напасть в расплох, и отразить его приносит некоторую честь. Каков он ни есть, а всё в наше время *единственный комик*. Бог душу мою видит; спроси у него, и он скажет, что ни за какие лица, а еще менее того за мою харю вступаться не буду; но, как есть честь, истинна, есть так же и изящность, которой должно служить верою и правдою и потому, где и как можно, изобличать тех, которые оскорбляют представителей ее. — Ну полно ли? уговор лучше денег: если ответ твой на мой ответ будет ответом на мой ответ, то не иметь тебе от меня ни ответа, ни привета. Я так отстал от русской словесности, то есть от ее житья-бытья, что дурные стихи меня уже не бесят; сохранил одно чувство сладострастия при чтении хороших. Сам пишу стихи полусонный и махинально: читать их здесь не кому, а ты сам ремесленник и знаешь, что следственно первейшего и главнейшего удовольствия я не имею; а стоять на ряду с к.<нязем> Цертелевым в Сыне Отечества под клеймом: Варшава, чести и прибыли большой нет.

Пиши ко мне о себе; о радостях и неудовольствиях своих, надеждах и предположениях. Пока у нас не будет журнала с нравственною и политическою целию, писать весело нельзя. Мы все переливаем из пустого в порожнее и играем в слова, как в бирюлки. Прости, мой искусный Бирюлкин. Обнимаю тебя от всего сердца.

15. Н. И. Гнедичу.

17—19 апреля или 29 апреля—4 мая 1820 г. Петербург.

Чедаев хотел меня видеть непременно — и просил отца прислать меня к нему как можно скорее... по счастию — тут и всё. — Дело шло о новых слухах, которые[1] нужно предупредить. Благодарю за участие — и беспокойство

Пушкин.

Адрес: Николаю
Ивановичу
Гнедичу.

16. Л. С. Пушкину.

24 сентября 1820 г. Кишинев.

Кишенев. 24 сент. 1820

Милый брат, я виноват перед твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длинным письмом и подробными рассказами. Начинаю с яиц Леды. Приехав в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновенью. Генерал Раевской, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада. Сын его (ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные), сын его предложил мне путешествие к Кавказским водам, лекарь, который с ним ехал, обещал меня в дороге не уморить, Инзов благословил меня на счастливый путь — я лег в коляску больной; через неделю вылечился. 2 месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем купался в теплых кисло-серных, в железных и в кислых холодных. Все эти целебные ключи находятся не в дальном расстоянии друг от друга, в последних отраслях Кавказских гор. Жалею, мой друг, что ты [не] со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного

---

[1] *Переделано из* которых

Бешту, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии — любопытен во всех [своих] отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы России, скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерической план Наполеона в рассуждении завоевания Индии. Видел я берега Кубани и сторожевые станицы — любовался нашими казаками. Вечно верьхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности! Ехал в виду неприязненных полей свободных, горских народов. Вокруг нас ехали 60 казаков, за нами тащилась заряженная пушка, с зажженным фитилем. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на них положиться; в надежде большого выкупа — они готовы напасть на известного русского генерала. И там, где бедный офицер безопасно скачет на перекладных, там высокопревосходительный легко может попасться на аркан какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, как эта тень опасности нравится мечтательному воображению. Когда-нибудь прочту тебе мои замечания [об] на черноморских и донских казаков — теперь тебе не скажу об них ни слова. С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в *Керчь*. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посереди кладбища увидел я груду камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на *Золотом холме*. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот всё, что осталось от города *Пантикапеи*. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится. Из Керча приехали мы в *Кефу*, остановились у Броневского, человека почтенного по

непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом — и, подобно Старику Виргилия, разводит сад на берегу моря, не далеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не[1] умный человек, но имеет большие сведения об Крыме, стороне важной и запущеной. Отсюда морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в *Юрзуф*, где находилось семейство Раевского. Ночью на корабле написал я Элегию, которую тебе присылаю; отошли ее *Гречу* без подписи. Корабль плыл перед[2] горами, покрытыми тополами, виноградом, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения; он остановился в виду Юрзуфа. Там прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посереди семейства почтенного Раевского. Я не видел в нем героя, славу русского войска, я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года; человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества. Старший сын его будет более нежели известен. Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался — счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение — горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда [есть] увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я один в пустынной для меня Молдавии. По крайней мере пиши ко мне — благодарю тебя за стихи; более благодарил бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзию — доброй, умной старушкою, к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым[3] болтаньем и сказками; но [не] влюбиться в нее — безрассудно. Михайло Орлов с восторгом повторяет ---
------- *русским безвестную*!... я также. Прости, мой друг!

[1] не *вписано.*

[2] *Переделано из* пред

[3] милым *вписано.*

Обнимаю тебя. Уведомь меня об наших. Всё ли еще они в деревне. Мне деньги нужны, нужны! Прости. Обними же за меня Кюхе<ль>б<екера>[1] и Дельв.<ига>. Видишь ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мне обо всей братьи.

Пушкин.

17. Арзамасцам.

20-е числа сентября 1820 г. (?) Кишинев.

(Черновое)

В лето 5 от Липецкого потопа — — [м<ы>, превосходительный Рейн и] жалобный сверчок, на лужице города Кишенева, именуемой *Быком*, сидели и плакали, воспоминая *тебя, о Арзамас*, ибо благородные [гуси] величественно барахтались пред на<шими> глазами в мутных водах упомянутой. Живо представились им ваши отсутствующие превосходительства, и в полноте сердца своего положили они уведомить о себе членов православного братства, украшающ<его> берега Мойки и Фонтанки —

18. Н. И. Гнедичу.

4 декабря 1820 г. Каменка.

Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь, почтенный Николай Иванович. Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. — Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов. Вы поверите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толках петербургских. Поэму мою, напечатанную под вашим отеческим надзором и <при> поэтическом покровительстве, я не

[1] *В подлиннике:* Кюхеб...

получил — но сердечно благодарю вас за милое ваше попечение. Некоторые №-ра Сына доходили до меня. Видел я прекрасный перевод Андромахи, которого читали вы мне в вашем эпикурейском кабинете, и вдохновенные строфы:

Уже в последний раз приветствовать я мнил
и проч.

Они оживили во мне воспоминанья об вас и чувство прекрасного, всегда драгоценное для моего сердца — но не примирили меня с критиками, которые нашел я в том же Сыне Отечества. Кто такой этот В., который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: *красней*, несчастный? (что между проччим очень неучтиво), говорит, что *характеры* моей поэмы писаны *мрачными* красками этого нежного, чувствительного Корреджио и *смелою кистию Орловского*, который кисти в руки не берет, а[1] рисует только почтовые тройки да киргизских лошадей? Согласен со мнением неизвестного эпиграммиста — критика его для меня *ужасно как тяжка*. Допрощик[2] умнее, а тот, кто взял на себя труд отвечать ему (благодарность и самолюбие в сторону), умнее всех их. В газетах читал я, что Руслан, напечатанный для приятного препровожденья скучного времени, продается с превосходною картинкою — кого мне за нее благодарить? Друзья мои! надеюсь увидеть вас перед своей смертию. Покаместь у меня еще поэма готова или почти готова. Прощайте — нюхайте гишпанского табаку и чихайте громче, еще громче.

Пушкин.

Каменка 4 декабря
1820

Где Жуковской, уехал ли он с ее в.‹ысочеством›? Обнимаю с братским лобзанием Дельвига и Кюхельбекера. Об них нет ни слуха ни духа — журнала его не видал; писем также.

Мой адрес: В Кишенев — Его пр.‹евосходительству› Ивану Никитичу Инзову.

---

[1] *Переделано из* и

[2] *Переделано из* допросчик

1821

19. В. Л. Давыдову (?).

Первая половина марта 1821 г. Кишинев (?).

(Черновое)[1]

Уведомляю тебя о происшедствиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греция восстала и провозгласила свою свободу. Теодор Владимиреско, служивший некогда в войске покойного князя Ипсиланти, в начале февраля ныняшнего года — вышел из Бухареста с малым чис<лом> вооруженных арнаутов и объявил, что греки не в силах более выносить притеснений и грабительств туре<цких> начальников, что они решились освободить роди<ну> от ига незаконного, что <нам>ерены платить только подати, <н>аложенные прав<ительст>вом. Сия прокламация <встр>евожила всю <Молд>авию. К.<нязь> Суццо и <русской> консул н<апрас>но<?> хотели удержать р<аспростра>нения<?> бунт<а> — пандуры и арнауты от<овсю>ду бежали к смелому Владимиреско — и в несколько дней он уже начальствовал 7000 войска.

21 февр<аля> генерал князь Александр Ипсиланти — с двумя из своих братьев и с кня.<зем> Георг.<ием> Кан<такузеном> прибыл в Яссы из Кишенева, где оставил он мать, сестер и двух братий. Он был встречен 3 стами арнаутов, кн.<язем> Су.<ццо> и р.<усским> к<онсулом> и тотчас принял начальство города. Там издал он прокламации, которые быстро разлилися повсюду — в них сказано — что Феникс Греции воспрянет из своего пепла, что час гибели для Турции настал *и проч.*, и *что Великая*

---

[1] *Подлинник в нескольких местах прожжен.*

Держава одобряет подвиг великодушный! Греки стали стекаться толпами под его трое знамен, из которых одно трехцветно, на другом развевается крест, обвитый лаврами, с текстом *сим знаменем победиши*, на третьем изображен возрождающийся Феникс. — Я видел письмо одного инсургента — с жаром описывает он обряд освящения знамен и меча князя Ипсиланти — восторг духовенства и народа — и прекрасные минуты Надежды и Свободы...

В Яссах всё спокойно. Семеро турков были приведены к Ипсиланти — и тотчас казнены — странная новость со стороны европейского генерала. ‹В Г›алацах турки в числе 100 человек были перер‹езаны›; ‹двен›адцать греков также убиты. ‹И›звестие о возмущ‹ении› ‹пора›зило К‹онста›нтинополь. Ожидают уж‹асов,›‹?› ‹но›‹?› еще их нет. Трое бежавши‹х› греков ‹на›ходятся со вчерашнего дня в здешнем карантине. Они уничтожили многие ложные слухи — старец Али принял христианскую веру и окрещен именем Константина — двухтысячный отряд его, который шел на соединение с сулиотами — уничтожен турецким войском.

Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — к независимости древнего Отечества. В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах везде собирались толпы греков, все продавали за ничто̀ свое имущество, покупали сабли, ружьи, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имения греков в его распоряжении. С начала имел он два миллиона. Один *Паули* дал 600 т‹ысяч› пиаст‹ров› с тем, чтоб ему их возвратить по восстановлении *Греции*. 10,000 греко̀в записались в войско.

Ипсиланти идет на соединение с Владимиреско. Он называется Главнокомандующим северных греч.‹еских› войск — и уполномоченным Тайного Правительства. Должно знать, что уже тридцать лет составилось и распространилось тайное общ‹ество›, коего целию было освобож‹дение› Греции. Ч‹лены общест›ва‹?› разделены на три ‹степе›ни... Низ‹шую›‹?› ‹ст›епень составляла военная ‹кас›та‹?› — втору‹ю граж›дане, чле‹ны втор›ой‹?› степени имели право каждый пр‹иск›ать

себе товарищей — но не воино<в>, которых избирала только 3 высшая степень. Ты видишь простой ход и главную мысль сего общества, которого основатели еще неизвестны... Отдельная вера, отдельный язык, независимость книгопечатания, с одной стороны просвещение, с другой глубокое невежество — всё покровительствовало вольнолюбивым патриотам — все купцы, всё духовенство до последнего монаха считалось в обществе — которое ныне торжествует и коего чис<ло> дост<игает> <?>

Вот тебе подробный отчет последних происшедствий нашего края.

Странная картина! Два великие народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно вре<мя> восстают из праха — и, возобновленные, являются на политическом поприще мира. Первый шаг Ал<ександра> Ипсиланти прекрасен и блистателен. Он счастливо начал — отныне и мертвый или победи<тель> п<рин>адлежит истории — 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! — завидная <у>часть. <Кин>жал изменника опаснее дл<я него> сабли <турк>ов; Константин-Паш<а> не совестней будет Клодовнка <или Влад>имира<?>, влияние молодого мстителя Греции <долж>но его встревожить. Признаюсь я [бы] <сове>товал<?> к.<нязю> Ипсиланти предупредить престарелого злодея: нравы той страны, где он теперь действует, оправдают политическое убийство.

Важный вопрос: что станет делать Россия; займем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов? Во всяком случае буду уведомлять —

20. А. А. Дельвигу.

23 марта 1821 г. Кишинев.

Друг Дельвиг, мой парнасской брат,
Твоей я прозой был утешен;
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад....
Ты знаешь, я в минувши годы,
У берегов Кастальских вод,
Любил марать поэмы, оды. —

Ревнивый зрел меня народ
На кукольном театре моды;
Поклонник правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Всё *для иных не Русью пахнет*;
О чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет.
Теперь я право чуть дышу,
От воздержанья Муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу;
К Молве болтливой я хладею
И из учтивости одной
Доныне волочусь за нею,
Как муж ленивый за женой.
Наскуча Муз бесплодной службой,
Другой богиней, тихой Дружбой
Я славы заменил кумир.
Но всё люблю, мои поэты,
Фантазии волшебный мир,
И чуждым пламенем согретый,
Внимаю звуки ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы, игры прежних дней,
Глядит с лежанки ваша сводня
На шашни молодых <------>...

Жалею, Дельвиг, что до меня дошло только одно из твоих писем, именно то, которое мне доставлено любезным Гнедичем, вместе с девственной Людмилою. — Ты не довольно говоришь о себе и об друзьях наших — о путешествиях Кюх....<ельбекера> слышал я уж в Киеве. Желаю ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения, об духе любви я не беспокоюсь, в этом нуждаться не будет, о празднословии молчу — дальный друг не может быть излишне болтлив. В твоем отсутствии сердце напоминало о тебе, об твоей Музе — журналы. Ты всё тот же — талант прекрасный и ленивый. Долго ли тебе шалить, долго ли тебе разменивать свой гений на серебренные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре

части дня и не четыре времени <года>, напиши своего Монаха. Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удел — умертви в себе ветхого человека — не убивай вдохновенного поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебе, что кончил я новую поэму — *Кавказский Пленник*, которую надеюсь скоро вам прислать. Ты ею не совсем будешь доволен и будешь прав; еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу. Я перевариваю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости — как не воспоминаниями? —

Недавно приехал в Кишенев и скоро оставляю благословенную Бессарабию — есть страны благословеннее. Праздный мир не самое лучшее состояние жизни. Даже и Скарментадо кажется не прав — самого лучшего состояния нет на свете, но разнообразие спасительно для души. —

Друг мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мне, что делается с братом — ты его любишь, потому что меня любишь, он человек умный во всем смысле слова — и в нем прекрасная душа. Боюсь за его молодость, боюсь воспитания, которое дано будет ему обстоятельствами его жизни и им самим — другого воспитания нет для существа, одаренного душою. Люби его, я знаю, что будут стараться изгладить меня из его сердца,— в этом найдут выгоду. —Но я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови.

Прощай.

А. Пушкин.

1821 г. марта

23

Кишенев. —

21. Н. И. Гнедичу.

24 марта 1821 г. Кишинев.

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный[1]
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.
Всё тот же я — как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою.
И Дружбе легкие посланья
Пишу без строгого старанья.
Ты, коему судьба дала
И смелый ум и дух высокой
И важным песням обрекла,
Отраде жизни одинокой;
О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера Музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил —
Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца,
И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья.
Избранник Феба! твой привет,
Твои хвалы мне драгоценны;
Для Муз и дружбы жив поэт.

[1] изгнанный *вместо зачеркнутого* венчанный

Его враги ему презренны —
Он Музу битвой площадной
Не унижает пред народом;
И поучительной лозой
Зоила хлещет — мимоходом.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Иванович — нашло меня в пустынях Молдавии; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Благодарю за воспоминание, за дружбы, за хвалу, за упреки, за формат этого письма — всё показ<ыв>ает участие, которое принимает живая душа ваша во всем, что касается до меня. Платье сшитое, по заказу вашему, на Руслана и Людмилу прекрасно; и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня. Чувствительно благодарю почтенного Ѧ; эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности. — Не скоро увижу я вас; здешние обстоятельства пахнут долгой, долгою разлукой! молю Феба и казанскую богоматерь, чтоб возвратился я к вам с молодостью, воспоминаньями и еще новой [1] поэмой; — та, которую недавно кончил, окрещена *Кавказским пленником.* Вы ожидали многого, как видно из письма вашего — найдете малое, очень малое. С вершин заоблачных бесснежного Бешту видел я только в отдаленьи ледяные главы Казбека и Эльбруса. Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущелиях Кавказа — я поставил моего героя в однообразных равнинах, где сам прожил [я] два месяца — где возвышаются в дальном расстоянии друг от друга 4 горы, отрасль последняя Кавказа; — во всей поэме не более 700 стихов — в скором времени пришлю вам ее — дабы сотворили вы с нею, что только будет угодно.

Кланяюсь всем знакомым, которые еще меня не забыли — обнимаю друзей. С нетерпеньем ожидаю 9 тома Русской Истории. Что делает Н.<иколай> М.<ихайлович>? здоровы ли он, жена и дети. Это почтенное семейство ужасно недостает моему сердцу. — Дельвигу пишу в вашем письме. Vale.

1821 марта 24.
Кишенев.

Пушкин.

---

[1] новой *вписано.*

22. А. И. Тургеневу.

7 мая 1821 г. Кишинев.

Не правда ли, что вы меня не забыли, хотя я ничего не писал и давно не получал об вас никакого известия? Мочи нет, почтенный Александр Иванович, как мне хочется недели две побывать в этом пакостном Петербурге: без Карамзиных, без вас двух, да еще без некоторых избранных, соскучишься и не в Кишеневе, а вдали камина к.<нягини> Голицыной замерзнешь и под небом Италии. В руце твои предаюся, отче! Вы, который сближены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать на несколько дней (однакож не более) с моего острова Пафмоса? Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса и посвящу вам, христолюбивому пастырю поэтического нашего стада; но сперва дайте знать минутным друзьям моей минутной младости, чтоб они прислали мне денег, чем они чрезвычайно обяжут *искателя новых впечатлений*. В нашей Бессарабии в впечатлениях недостатку нет. Здесь такая каша, что хуже овсяного киселя. Орлов женился; вы спросите каким образом? Не понимаю. Разве он ошибся плешью и <-------- ----> головою. Голова его тверда; душа прекрасная; но чорт ли в них? Он женился; наденет халат и скажет:

Beatus qui procul....

Верьте, что, где б я ни был, душа моя, какова ни есть, принадлежит вам и тем, которых умел я любить.

Кишенев
7 мая
1821.

Пушкин.

Если получу я позволение возвратиться, то не говорите ничего никому, и я упаду, как снег на голову.

Адрес: Его превосходительству
Александру Ивановичу
Тургеневу.
в С. Петербурге.—

23. Дегильи.

6 июня 1821 г. Кишинев.

Avis à Mr Deguilly, ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un J. F.; il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un foutu duel au sabre, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament. On ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure. On ne compromet pas deux fois son second.*

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prévu, je suis fâché de n'avoir pas parié.

Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous.

Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez.

Pouchkine.

6 juin, 1821.

Notez encore que maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

---

* Ni un général qui daigne recevoir un pied-plat dans sa maison.

24. Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.

27 июля 1821 г. Кишинев.

Брату.

Здраствуй, Лев, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мне дельного ничего не говоришь — я называю дельным всё, что касается до тебя. Пиши ко мне, покаместь я еще в Кишеневе. Я тебе буду отвечать со всевозможной болтливостью, и пиши мне по-русски, потому что, слава богу, с моими конституционными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты в родню, так ты литератор (сделай милость не поэт): пиши же мне об новостях нашей словесности; что такое *Сотворение мира* Милонова? что делает Катенин? Он ли задавал вопросы Воейкову в С.<ыне> О.<течества> прошлого года?

Кто на ны? Черная Шаль тебе нравится — ты прав, но ее чорт знает как напечатали. Кто ее так напечатал? пахнет Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что он славная душа — и что я люблю его, как должно. Вот еще важнее: постарайся свидиться с Всеволожским — и возьми у него на мой счет число экземпляров моих сочинений (буде они напечатаны), розданное моими друзьями — экземпляров 30. Скажи ему, что я люблю его, что он забыл меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D.[1] его, Овошникову его, Лампу его — и всё елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова — пожелай здравия калмыку — и напиши мне обо всем.

Пришли мне Тавриду — Боброва. Vale.

Твой брат А.

27 июля.

Сестре.

Etes-vous de retour de votre voyage? avez-vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? cela vous a-t-il amusé? aimez-vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? que lisez-vous? avez-vous revu la voisine Annette Voulf? montez-vous à cheval? quand revenez-vous à Pétersbourg? que font les Korf? êtes-vous mariée, êtes-vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie.

25. С. И. Тургеневу.

21 августа 1821 г. Кишинев.

Поздравляю вас, почтенный Сергей Иванович, с благополучным прибытием из Турции чуждой в Турцию родную. С радостию приехал бы я в Одессу побеседовать с вами и подышать чистым европейским воздухом, но я сам в карантине, и смотритель Инзов не выпускает меня, как зараженного какою-то либеральною чумою. Скоро ли увидите вы северный Стамбул? обнимите там за меня милого нашего муфти Александра Ивановича и мятежного драгомана брата его; его преосвященству

[1] *Марки вин.*

писал я письмо, на которое ответа еще не имею. Дело шло об моем изгнании — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня в Бессарабии. Пред вами я виноват, полученное от вас письмо я через два дни перечитываю — но до сих пор не отвечал — надеюсь на великодушное прощение и на скорое свидание.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнит — а Долгорукой меня забыл.

Пушкин.

21 авг.

Адрес: Сергею Ивановичу *Тургеневу*

26. Н. И. Гречу

21 сентября 1821 г. Кишинев.

Извините, любезный наш Аристарх, если опять беспокою вас письмами и просьбами; сделайте одолжение — доставьте письмо, здесь прилагаемое, брату моему; молодой человек меня забыл и не прислал мне даже своего адреса.

Вчера видел я в С.‹ыне› О.‹течества› мое послание к Ч—у; уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее libéral, оно прямо русское, и верно почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем. Там напечатано *глупца философа*; зачем глупца? стихи относятся к Американцу Толстому, который вовсе не глупец; но лишняя брань не беда. А скромное письмо мое на счет моего же письма — видно не лезет сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнедичу пробовал я было писать — да они и в ус не дуют. Что б это значило: если просто забвение — то я им не пеняю: забвенье — естественный удел всякого отсутствующего; я бы и сам их забыл, если бы жил с эпикурейцами, в эпикурейском кабинете, и умел читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письмы их мне не нужны — так плохо.

Хотел было я прислать вам отрывок из моего Кавказского Пленника, да лень переписывать; хотите ли вы у меня купить

весь кусок поэмы? длиною в 800 стихов; стих шириною — 4 стопы; разрезано на 2 песни. Дешево отдам, чтоб товар не залежался. Vale.

Пушкин.

21 сентября
1821.
Кишенев.

27. Неизвестному.

1821 г. Кишинев (?).

(Черновое)

Votre lettre est arrivée fort à propos, j'en avais besoin...

1822

28. П. А. Вяземскому.

2 января 1822 г. Кишинев.

Попандонуло[1] привезет тебе мои стихи, Липранди берется доставить тебе мою прозу — ты, думаю, видел его в Варшаве. Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его. В долгой разлуке нашей одни[2] дурацкие журналы изредка сближали нас друг с другом. Благодарю тебя за все твои сатирические, пророческие и вдохновенные творенья, они прелестны — благодарю за все вообще — бранюсь с тобою за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти в *арену* вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться — довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы. Ежели я его задел в послании к Че<даеву> — то это не из ненависти к нему, но чтобы поставить с ним на одном ряду Американца Толстого, которого презирать мудренее. Жуковской меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся *Лалла-рук* не стоит десяти строчек Тристрама Шанди; пора ему иметь собственное воображенье и крепостные вымыслы. Но каков Баратынской? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова — если впредь зашагает, как шагал до сих пор — ведь 23 года — счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет. Кавказский мой пленник кончен — хочу

[1] *В подлиннике, видимо, описка:* Попандуполо

[2] *Переделано из* одне

напечатать, да лени много, а денег мало — и меркантильный успех моей прелестницы Людмилы отбивает у меня охоту к изданиям — желаю счастия дяде — я не пишу к нему; потому что опасаюсь журнальных почестей — скоро ли выйдут его творенья? все они вместе не стоят *Буянова*; а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаюсь, чтобы двоюродный брат мой не [со<чтен> <?>] почелся моим сыном — а долго ли до греха. Пиши мне, с кем ты хочешь и как хочешь — стихами или прозой — ей богу буду отвечать.

Пушкин.

2 январь
1822.

Пишу тебе у Рейна — всё тот же он, не изменился, хоть и женился. Начал он тебе было диктовать письмо в своем роде — но заблагорассудил изорвать его. Он тебе кланяется и занят ужасно сургучом.

Прибавление.

Орлов велел тебе сказать, что он делает палки сургучные, а палки в дивизии своей уничтожил.

29. Л. С. Пушкину.

24 января 1822 г. Кишинев.

Сперва хочу с тобою побраниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина — во-вторых письма твои слишком коротки — ты или не хочешь или не можешь мне говорить открыто обо всем — жалею; болтливость братской дружбы была бы мне большим утешением. Представь себе, что до моей пустыне не доходит ни один дружний голос — что друзья мои как нарочно решились оправдать элегическую мою мизантропию — и это состояние несносно. Письмо, где говорил я тебе о Тавриде, не дошло до тебя — это меня бесит — я давал тебе несколько препоручений самых важных в отношении ко мне — чорт *с ними*; постараюсь сам быть у вас на несколько дней — тогда дела пойдут иначе. Ты говоришь, что Гнедич на меня сердит, он прав — я бы должен был к нему прибегнуть с моей но-

вой поэмой — но у меня шла голова кругом — от него не получал я давно никакого известия; Гречу должно было писать — и при сей верной оказии предложил я ему Пленника... К тому же ни Гнедич со мной, ни я с Гнедичем не будем торговаться и слишком наблюдать каждый свою выгоду, а с Гречем я стал бы бессовестно торговаться, как со всяким брадатым ценителем книжного ума. Спроси у Дельвига, здоров ли он, всё ли, слава богу, пьет и кушает — каково[1] нашел мои стихи к нему и пр. О проччих дошли до меня темные известия. Посылаю тебе мои стихи, напечатай их в Сыне (без подписи и без ошибок). Если хочешь, вот тебе еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, в ней каждый стих — правда.

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус.
Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что был француз.
Клеон — умом ее стращая;
Дамис — за то, что нежно пел:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Хочешь еще? на Каченовского —

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем —

покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя,

твой друг Демьян.

24 генв.
1822.

30. В. Ф. Раевскому.

1821 г.—начало февраля 1822 г. Кишинев.

Пришли мне, Раевской, *Histoire de Crimée*, книга не моя, и у меня ее требуют. *Vale et mihi faveas.*

Пушкин.

Адрес: Г.ну маиору
Раевскому.

---

[1] *Переделано из* каковы

31. Н. И. Гнедичу.

29 апреля 1822 г. Кишинев.

29 апреля. 1822. Кишенев.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не из притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! недостатки этой повести, поэмы или чего вам угодно, так явны, что я долго не мог рещиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвещенному ценителю поэтов, вам предаю моего Кавказского пленника; в награду за присылку прелестной вашей Идилии (о которой мы поговорим на досуге) завещаю вам скучные заботы издания; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотворение сказкой, повестию, поэмой или вовсе никак не называйте, издайте его в двух песнях или только в одной, с предисловием или без; отдаю вам его в полное распоряжение. Vale.

Пушкин.

Адрес: Николаю Ивановичу Гнедичу.

32. П. А. Катенину.

20-е числа апреля—май 1822 г. Кишинев.

(Черновое)[1]

азе виден поэт. Я не
чести быть поэтом, но эта похвала
показалась бы мне не очень лестною.

Я прочел конеч‹но› твое письмо к Гречу с большим удовольствием, и во-первых потому что ты даешь мне знать о себе только через журналы, [во 2) что]

33. Лев Герасимовский — Пушкину.

2 июня 1822 г. С. Вассиены.

2-го июня 822. С. Вассиены.

Соловкин издерживает как видно в полной мере свое слово гнать меня до последнего своего издыхания; — сей час получил я изьвестие, поразившее меня до того, что забываю сам себя и даже [вь] прихожу в неистовство от чрезмерной его подлости. —

Баталионный командир, не хотя озадачить меня на первый раз лично, поручил своему адьютанту сказать мне, что Нилус приказал ему: держать меня

[1] *Лист с началом письма вырван.*

в руках, как замеченного в кой чем в прежнем полку еще. — Вндя из сего ясно рекомендацию подлеца (как он и обещал мне) — я не знаю, на что решиться, будучи уверен, что несчастие мое и здесь неизбежно; — Нилус три раза только меня видел. Прошу у вас, любезнейший Пушкин, совета; мне кажется, одно спасение мое в предстательстве Павел Сергеича — одно слово его Нилусу, и — мнение, влобою произведенное, обо мне переменится. — Будучи облагодетельствован столь много его превосходительством, я не смею утруждать и о сем еще, хотя и знаю правила его не оставлять — по доброте души своей — без покровительства к нему прибегающих. Не откажите, естли это можно, попроеить о сем генерала; естли ж нет, то посоветуйте, что в таком случае мне делать. — Ч.‹орт› меня возьми; я взбешон сверх меры. — Естли б не мать моя..... Клянусь! отправил бы мерзавца к фуриям, ему подобным!!.. Простите моему выражению — едва могу пером водить от огорченья.

Сию записку посылаю с моим человеком к Метлеркамфу, он у него дождется вашего ответа, который я с нетерпением ожидаю. — До свидания. На вас моя в пособии надежда. —

Лев Герасимовский.

Адрес: Его благородию
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину.

34. А. А. Бестужеву.

21 июня 1822 г. Кишинев.

Милостивый государь,
Александр Александрович,

Давно собирался я напомнить В.‹ам› о своем существовании. Почитая прелестные ваши дарования, и, признаюсь, невольно любя едкость вашей остроты, хотел я связаться с вами на письме, не из одного самолюбия, но также из любви к истинне. Вы предупредили меня. Письмо ваше так мило, что невозможно с вами скромничать. Знаю, что ему не совсем бы должно верить, но верю поневоле и благодарю вас, как представителя вкуса и верного стража и покровителя нашей словесности.

Посылаю[1] вам мои бессарабские бредни и желаю, чтоб они вам пригодились. Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется голубушка еще поумнела. Не понимаю, что могло встревожить ее целомудренность в моих элегических отрывках — однако должно нам настоять из одного честолюбия — отдаю их в полное ваше распоряжение. Пред-

[1] *Сперва было начато* Сч

вижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по видимому ее настращали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно (например, услужливого Плетнева или какого-нибудь нежного путешественника, скитающегося по *Тавриде*), повторяю вам, она ужасно бестолкова, но впрочем довольно сговорчива. Главное дело в том — чтоб имя мое до нее не дошло, и всё будет слажено.

С живейшим удовольствием увидел я в письме вашем несколько строк К. Ф. Рылеева, они порука мне в его дружестве и воспоминании. Обнимите его за меня, любезный Александр Александрович, как я вас обниму при нашем свидании.

Пушкин.

21 июня
1822
Кишенев.

35. Н. И. Гнедичу.

27 июня 1822 г. Кишинев.

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательного, чтоб меня искренно обрадовать. От сердца благодарю вас за Ваше дружеское попечение. Вы избавили меня от больших хлопот, совершенно обеспечив судьбу Кавказского пленника. Ваши замечания на счет его недостатков совершенно справедливы и слишком снисходительны; но дело сделано. Пожалейте обо мне: живу меж гетов и сарматов; никто не понимает меня. Со мною нет просвещенного Аристарха, пишу как-нибудь, не слыша ни оживительных советов, ни похвал, ни порицаний. Но какова наша цензура? признаюсь, никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике. Ее критика приносит честь ее вкусу. Принужден с нею согласиться во всем: *Небесный пламень* слишком обыкновенно; *долгий поцелуй* поставлено слишком *на выдержку* (trop hasardé). *Его томительную негу* | *вкусила тут она вполне* — дурно, очень дурно — и потому осмеливаюсь заменить этот киргиз-кайсацкий стишок следующими —: *какой угодно* поцелуй разлуки

Союз любви запечатлел.
Рука с рукой, унынья полны,

Сошли ко брегу в тишине —
И Русской в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них.
Вдруг и проч. —

С подобострастием предлагаю эти стихи на рассмотрение цензуры — между тем поздравьте ее от моего имени — конечно иные скажут, что эстетика не ее дело; что она должна воздавать Кесареве Кесарю, а Гнедичеве Гнедичу, но мало ли что говорят.

Я отвечал Бестужеву и послал ему кое-что. Не льзя ли опять стравить его с Катениным?[1] любопытно бы. Греч рассмешил меня до слез своею сравнительною скромностию. Жуковскому я также писал, а он и в ус не дует. Не льзя ли его расшевелить? Не льзя ли потревожить и Слёнина, если он купил остальные экземпляры Руслана? С нетерпением ожидаю Шильонского узника; это не чета Пери и достойно [его] такого переводчика, каков певец Громобоя и Старушки. Впроччем мне досадно, что он переводит и переводит отрывками — иное дело Тасс, Ариост и Гомер, иное дело песни Маттисона и уродливые повести Мура. Когда-то говорил он мне о поэме *Родрик* Саувея; попросите его от меня, чтоб он оставил его в покое, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии робкой и жеманной. Тогда некоторые люди упадут, и посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев — с своими *чувствами и мыслями*, взятыми из Флориана и Легуве. Так-то пророчу я не в своей земле — а между тем не предвижу конца нашей разлуки. Здесь у нас *молдованно* и тошно; ах, боже мой, что-то с ним делается — судьба его меня беспокоит до крайности — напишите мне об нем, если будете отвечать.

27 июня. А. Пушкин.

---

[1] *Сперва было начато:* с к<ем-нибудь> <?>

36. П. А. Катенину.

19 июля 1822 г. Кишинев.

Ты упрекаешь меня в забывчивости, мой милый: воля твоя! Для малого числа избранных желаю еще увидеть Петербург. Ты конечно в этом числе, но дружба — не италианской глагол piombare, ты ее также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, как ты мог взять на свой счет стих:

И сплетней разбирать игривую затею.

Это простительно всякому другому, а не тебе. Разве ты не знаешь несчастных сплетней, коих я был жертвою, и не твоей ли дружбе (по крайней мере так понимал я тебя) обязан я первым известием об них? Я не читал твоей комедии, никто об ней мне не писал; не знаю, задел ли меня Зельской. Может быть да, вероятнее — нет. Во всяком случае не могу сердиться. Если б я имел что-нибудь на сердце, стал ли бы я говорить о тебе на ряду с теми, о которых упоминаю? Лица и отношения слишком различны. Если б уж на то решился, написал ли стих столь слабый и неясный, выбрал ли предметом эпиграммы прекрасный перевод комедии, которую почитал я непереводимою? Как дело ни верти, ты всё меня обижаешь. Надеюсь, моя радость, что это всё минутная туча, и что ты любишь меня. Итак оставим сплетни и поговорим об другом. Ты перевел Сида; поздравляю тебя и старого моего Корнеля. Сид кажется мне лучшею его трагедиею. Скажи: имел ли ты похвальную смелость оставить пощечину рыцарских веков на жеманной сцене 19-го столетия? Я слыхал, что она неприлична, смешна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанского рыцаря воину, поседевшему под шлемом! ridicule! Боже мой, она должна произвести более ужаса, чем чаша Атреева. Как бы то ни было, надеюсь увидеть эту трагедию зимой, по крайней мере постараюсь. Радуюсь, предвидя, что пощечина должна отяготеть на ланите Толченова или Брянского. Благодарю за подробное донесение, знаю, что долг платежем красен, но non erat his locus... Прощай, Эсхил, обнимаю тебя, как поэта и друга...

19 июля.

37. Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.

21 июля 1822 г. Кишинев.

‹*Л. С. Пушкину:*›

Ты иа меня дуешься, милый; нехорошо. Пиши мне пожалуйста и как тебе угодно; хоть на шести языках; ни слова тебе не скажу — мне без тебя скучно — что ты делаешь? в службе ли ты? пора, ей богу пора. Ты меня в пример не бери — если упустишь время, после будешь тужить — в русской службе — должно непременно быть 26 лет полковником, если хочешь быть чем-нибудь когда-нибудь —; следственно разочти; — тебе скажут: учись, служба не пропадет. А я тебе говорю: служи — учение не пропадет. Конечно я не хочу, чтоб ты был такой же невежда, как В. И. Козлов, да ты и сам не захочешь. Чтение — вот лучшее учение — знаю, что теперь не то у тебя на уме, но всё к лучшему.

Скажи мне — вырос ли ты? Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком; скажи, с кем из моих приятелей ты знаком более? что ты делаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, уверь его ради Христа, что в послании моем к Чедаеву нет ни одного слова об нем; вообрази, что он принял на себя стих *И сплетней разбирать игривую затею*; я получил от него полу-кислое письмо, он жалуется, что писем от меня не получил, не моя вина. Пиши мне новости литературные; что мой Руслан? не продается? не запретила ли его цензура? дай знать... Если же Слёнин купил его, то где же деньги? а мне в них нужда. Каково идет издание Бестужева? читал ли ты мои стихи, ему посланные? что Пленник? Радость моя, хочется мне с вами увидеться; мне в П.‹етер›Б.‹урге› дела есть. Не знаю, буду ли к вам, а постараюсь. Мне писали, что Батюшков помешался: быть не льзя; уничтожь это вранье. Что Жуковский, и за чем он ко мне не пишет? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвечай мне на все вопросы, если можешь — и поскорее. Пригласи также Дельвига и Баратынского. Что Вильгельм? есть ли об нем известия?

Прощай.

Отцу пишу в деревню.

21 июля.

<*О. С. Пушкиной:*>

Ma bonne et chère amie, je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous — je vous embrasse et je vous aime — amusez-vous et mariez-vous.

38. П. А. Вяземскому.[1]

1 сентября 1822 г. Кишинев.

1 сентября.

Посуди сам, сколько обрадовали меня знакомые каракулки твоего пера. Почти три года имею про тебя только неверные известия стороною — а здесь не слышу живого слова европейского. Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстого, мнение твое мне драгоценно. Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было <не> заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякой раз, как представлялся тому случай. Ему по<ка>за<лось> <за>бавно сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак к.<нязя> Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и, почитая мщение одной из первых христианских добродетелей — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не досягает меч законов, туда достает бич сатиры. Горацианская сатира, тонкая, легкая и веселая не устоит против угрюмой злости тяжелого пасквиля. Сам Вольтер это чувствовал. Ты упрекаешь меня в том, что из Кишенева, под эгидою ссылки, печатаю ругательства на человека, живущего в Москве. Но тогда я не сомневался в своем возвращении. Намерение мое было <е>хать в Москву, где только и могу совершен<но> очиститься. Столь явное нападение на гр.<афа> Толстого не есть малодушие. Сказывают, что он написал на меня что-то ужасное. Журналисты должны были принять отзыв человека, обруганного в их журнале. Можно подумать, что я с ними за одно, и это меня

---

[1] *Кусков письма недостает.*

бесит. Впроччем я свое<?> дело сделал и<?> с Толстым<?> на бумаге более связываться не хочу. Я бы мог оправдаться перед тобой сильнее и яснее, но уважаю твои связи с человеком, который[1] так мало на тебя походит.

Каченовский представитель какого-то мнения! voilà des mots qui hurlent de se trouver ensemble. Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более чем подражатель подражателей, он пол<о>н истинной элегической поэзии. Шильонского Узника еще не читал. То, что видел в С.<ыне> О.<течества>, прелестно....

> Он на столбе, как вешний цвет,
> Висел с опущенной главой.

Ты меня слишком огорчил, предположением, что твоя живая поэзия приказала долго жить. Если правда — жила довольно для славы, мало для отчизны. К счастию не совсем тебе верю, но понимаю тебя — лета клонят к прозе, и если ты к ней привяжешься не на шутку, то нельзя не поздравить Европейскую Россию. Впрочем, чего тебе дожидаться? неужели тебя пленяет ежемесячная слава Прадтов? Предприими постоянный труд <, пиши> <?> в тишине самовластия, образуй наш метафизической язык, зарожденный в твоих письмах — а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою более сблизиться; покаместь обнимаю тебя от души.

П.

Посылаю тебе поэму в мистическом роде — я стал придворным.

39. Л. С. Пушкину.

4 сентября 1822 г. Кишинев.

4 сентября

На прошедшей почте — (виноват: с Долгоруким) — я писал к отцу, а к тебе не успел, а нужно с тобою потолковать кой о чем. Во-первых о службе. Если б ты пошел в военную —

---

[1] *Переделано из* который

вот мой план, который предлагаю тебе на рассмотрение. В гвардию тебе не за чем; служить 4 года юнкером вовсе не забавно. К тому же тебе нужно, чтоб о тебе немножко позабыли. Ты бы определился в какой-нибудь полк корпуса Раевского — скоро был бы ты офицером, а потом тебя перевели бы в гвардию — Раевской или Киселев — оба не откажут. Подумай об этом, да пожалуйста не слегка: дело идет о жизни. — Теперь, моя радость, поговорю о себе. Явись от меня к Никите Всеволожскому — и скажи ему, чтобы он ради Христа погодил продавать мои стихотворенья, до будущего года — если же они проданы, явись с той же прозьбой к покупщику. Ветренность моя и ветренность моих товарищей надела<ла> мне беды. Около 40 билетов розданы — само по себе разумеется, что за них я буду должен заплатить. В послании к *Ов..<идию>* перемени таким образом:

Ты сам — дивись, Назон, дивись судьбе превратной,
Ты, с юных дней презрев [тре<воги>] волненья
жизни ратной,
Привыкнув *и проч.*

К стати об стихах: то, что я читал из *Ш.<ильонского> Узн.<ика>*, прелесть. С нетерпением ожидаю успеха *Орлеанской Д<---->*. Но актеры, актеры! — 5-стоп.<ные> стихи без рифм[1] требуют совершенно новой декламации. Слышу отсюда драммоторжественный рев *Глухо-рева.* Трагедия будет сыграна тоном Смерти Роллы. Что сделает великолепная Семенова, окруженная так, как она окружена? Господь защити и помилуй — но боюсь. Не забудь уведомить меня об этом и возьми от Жуковского билет для 1-го представления на мое имя. Читал стихи и прозу Кю<хельбекера> — что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где всё дышет мифологией и героизмом — славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия. Что бы сказал Гомер и Пиндар? — но что говорят Дельвиг и Баратынский? *Ода к Ермо<лову>* лучше, но стих: Так пел в Суворова влюблен Державин... слишком уже греческой — стихи к Грибоедову достойны поэта, некогда написавшего — Страх при звоне меди заставляет народ,

[1] без рифм *вписано.*

устрашенный, толпами стремиться в храм священный. Зри, боже! число, великий, унылых, тебя просящих, сохранить ‹и›м [1] — цел труд, многим людя́м — принадлежащий и проч. Справься об этих стихах у б.‹арона› Дельвига. Батюшков прав, что сердится на Плетнева; на его [бы] месте я бы с ума сошел со злости — *Б. из Рима* не имеет человеческого смысла, даром что новость на Олимпе очень мила. Вообще мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи — он не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец. Кланяйся ему от меня (т. е. Плетневу — а не его слогу) [2] и уверь его, что он наш Гёте.

А. П.

Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m'envoyer des habits — rappelez-la lui de ma part. —

Еще слово — скажи Слёнину, чтоб он мне присылал Сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Может вычесть, что стоит, из своего долга.

Милый мой — у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило — что делает Дельвиг? чего он смотрит?

40. Я. Н. Толстому.

26 сентября 1822 г. Кишинев.

Милый Яков Николаевич! Приступаю тотчас к делу. Предложение князя Лобанова льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых изъяснений. Я хотел сперва печатать мелкие свои сочинения по подписке, и было роздано уже около 30 билетов — обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никите Всеволожскому, а самому отступиться от издания — разумеется, что за розданные билеты должен я заплатить, и это первое условие. Во-вторых, признаюсь тебе, что в числе моих стихотворений иные должны быть выключены, многие переправлены, для всех должен быть сделан новый

---

1 *Прорвано.*

2 *Слова в скобках вписаны.*

порядок, и потому мне необходимо нужно пересмотреть свою рукопись; третье: в последние три года я написал много нового; благодарность требует, чтоб я всё переслал князю Александру, но цензура, цензура!.... Итак, милый друг, подождем еще два, три месяца — как знать, — может быть к новому году мы свидимся, и тогда дело пойдет на лад. Покаместь прими мои сердечные благодаренья; ты один изо всех моих товарищей, минутных друзей минутной младости, вспомнил обо мне. К стати или не к стати. Два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто ни строчки, ни слова......

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
По прежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изганньи скучном каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна —
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина, —
Я слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык.....

Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, Калмык!

Ты пишешь мне о своих стихотворениях, а я в бессарабской глуши, не получая ни журналов, ни новых книг — не знал об издании книги, которая утешила бы меня в моем уединении. Прости, милый, до свидания — и до послания! Обними наших. Что Всеволожские? что Мансуров? что Барков? что Сосницкие? что Хмельницкий? что Катенин? что Шаховской? что Ежова? что гр.<аф> Пушкин? что Семеновы? что Завадовской? что весь Театр?

Кишенев, 26 сентября 1822 г.

41. Н. И. Гнедичу.

27 сентября 1822 г. Кишинев.

Приехали Пленники — и сердечно вас благодарю, милый Николай Иванович. Перемены, требуемые цензурою, послужили в пользу моего; признаюсь, что я думал увидеть знаки роковых ее когтей в других местах и беспокоился — например если б она переменила стих *простите, вольные станицы*, то мне было бы жаль. Но слава богу! *горькой поцелуй* прелесть. *Ей дней* ей-ей не благозвучнее *ночей*; *уповательных* мечтаний; *упоительных. На домы* дождь и град; *на долы* — вот единственные ошибки, замеченные мною. Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли, примечание издателей очень лестно — не знаю, справедливо ли. Перевод Жуковского est un tour de force. Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истинной первые признаки сумасшедствия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал, хотя утратил первоначальную прелесть. Уж он не напишит ни Светланы, ни Людмилы, ни прелестных элегий 1-ой части Спящих Дев. Дай бог, чтоб он начал создавать.

Князь Александр Лобанов предлагает мне напечатать мои мелочи в Париже. Спасите ради Христа; удержите его по крайней мере до моего приезда — а я вынырну и явлюсь к вам.

Катенин ко мне писал, не знаю, получил ли мой ответ. Как ваш Петербург поглупел! а побывать там бы нужно. Мне брюхом хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю вас от души.

А. Пушкин

27 сент.
Кишенев.

Я писал к брату, чтоб он Слёнина упросил не печатать моего портрета — если на то нужно мое согласие — то я не согласен.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Николаю Николаевичу[1]
Гнедичу
В С. Петербург
в императорской библиотеке.

42. Л. С. Пушкину.

Сентябрь (после 4)—октябрь (до 6) 1822 г. Кишинев.

Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me parait préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtemps de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. — Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez- les le plus poliment qu'il vous sera possible: c'est le moyen de se tenir en garde contre les petits prejugés et les petites passions qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supé-

[1] *Описка, вместо* Ивановичу

rieurs, quelles que soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aises de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux-mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart du temps est une perfidie. — Point de protection, car elle asservit et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez, je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offense volontaire; peu ou point de oaroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettent pas de briller, ne tâchez pas de pallier vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponneries de la vanité nous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plutôt la misère; croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel.

Les principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra coûter à ma vanité; mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'intérêt de votre vie.

43. Л. С. Пушкину.[1]

Октябрь 1822 г. Кишинев.

Если б ты был у меня под рукой, моя прелесть, то я бы тебе уши выдрал. Зачем ты показал Плетневу письмо мое? в дружеском обращении, я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами — вся моя ссора с Толстым происходит от нескромности к.<нязя> Шаховского. Впрочем послание Плетнева, может быть, первая его пиэса, которая вырвалась от полноты чувства. Она блещет красотами истинными. Он умел воспользоваться своим выгодным против меня <по>ложени<ем>; тон его смел и б<лагороден> <?>. <На> будущей почте отвечу ему.

Скажи мне, милый мой, шумит ли мой Пленник? *A-t-il produit du scandale*, пишет мне Orlof, *voilà l'essentiel*. Надеюсь, что критики не оставят в покое характера[2] Пленника, он для них создан, душа моя; я журналов не получаю, так потрудись, [так] напиши мне их толки — не ради исправления моего, но ради смирения кичливости моей.

Я карабкаюсь и может быть явлюсь у вас. Но не <преж>де будущего года. —

мне, на ле; Жуковск<ому> я писал, он мне не отвечает; министру я писал — он и в ус не дует — о други, Августу мольбы мои несите! но Август смотрит сентябрем... К стати: получено ли мое послание к Овидию? будет ли напечатано? что Бестужев? жду календаря его. Я бы тебе послал и новые стихи, да лень. Прощай, милый.

А. П.

Окт. 1822
Кишенев.

Друг мой, попроси И. В. Слёнина, чтоб он за вычетом остального долга, прислал мне 2 экз. *Людмилы*, 2 экз. *Пленника*, один *Шильонского узника*, книгу Греча — и Цертелова древние стихотворения. Поклонись ему от меня.

---

[1] *Нижний край листка оторван.*

[2] *Переделано из* характер

44. В. П. Горчакову.

Октябрь—ноябрь 1822 г. Кишинев.

Замечания твои, моя радость, очень справедливы и слишком снисходительны — зачем не утопился мой Пленник вслед за Черкешенкой? как человек—он поступил очень благоразумно— но в герое поэмы не благоразумия требуется.—Характер Пленника не удачен; доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века. Конечно поэму приличнее было бы назвать Черкешенкой — я об этом не подумал.

Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести; но всё это ни с чем не связано и есть истинный *hors d'oeuvre.* Вообще я своей поэмой очень недоволен и почитаю ее гораздо ниже Руслана — хоть стихи в ней зрелее. Прощай, моя радость.

П.

‹На отдельном листке:›

5 стр.

Читайте: *изгнанной лиры.*

Когда я погибал безвинный, безотрадный
И шопот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя и проч.

7 стр. Как жертву милую, как верный цвет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных невежд;
Но сердце укрепив свободой и терпеньем,
Я ждал и проч.

Адрес: Горчакову. *В Гургулбине.*

45. П. А. Плетневу.

Ноябрь—декабрь 1822 г. Кишинев.

(Черновое)

Я долго не отвечал тебе, мой милый Плетнев; собирался отвечать стихами, достойными твоих, но отложил попечения, положение твое против меня слишком выгодно, и ты слишком хорошо, умеючи им воспользовался. Если первый стих твоего послания написан также от души, как и все проччие — то я не раскаиваюсь в минутной моей несправедливости — она доставила неожиданное украшение словесности. Если же ты на меня сердит, то стихи твои, как они ни прелестны, никогда не утешут меня. Ты конечно б извинил мои легкомысленные строки, если б знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на целый свет, и никакая поэзия не шевелит моего сердца. Не подумай однако, что не умею ценить неоспоримого твоего дарования. Чувство изящного не совсем во мне притупилось — и когда я в совершенной памяти — твоя гармония, поэтическая точность, благородство выражений, стройность, чистота в отделке стихов пленяют меня, как поэзия моих любимцев.

По письмам моего брата вижу, что он с тобою дружен. Завидую ему и тебе.

Sine ira, милый певец, — по рукам и до свидания.

Не вполне подтверждаю то, что писал о твоей *Иро‹и›де*, но признаюсь — это стихот.‹ворение› не достойно ни тебя, ни Батюшкова. Многие приняли его за сочинение последн.‹его›. Знаю, что с посредств.‹енным› писателем этого не случится — но Бат.‹юшков›, не будучи доволен тв.‹оей› элег.‹ией›, рассердился на тебя за ошибку других — а я рассердился после Батюшкова.

Извини мое чистосердечие, но оно залог моего к тебе уважения. Sine ira и проч. —

По пи‹сьмам› брат‹а›

1823

46. Л. С. Пушкину.

1—10 января 1823 г. Кишинев.

Душа моя, как перевести по-русски *bévues*? — должно бы издавать у нас журнал *Revue des Bévues*. Мы поместили бы там выписки из критик Воейкова, полудневную[1] денницу Рылеева, его же герб российской на вратах византийских — (во время Олега, герба русского не было — а двуглавый орел есть герб византийской и значит разделение Империи на Зап.‹адную› и Вост.‹очную› — у нас же он ничего не значит). Поверишь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи [из] ваших журналов, чтоб не найти с десяток этих *bévues*, поговори об этом с нашими да похлопочи о книгах. Ты ко мне совсем не пишешь, да и все вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж‹уковскому› — чтоб он продиктовал Якову строчки три на мое имя. Батюшков в Крыму. Орлов с ним видался часто. Кажется мне он из ума шутит. Дельвигу поклон, Баратынскому также. Этот ничего не печатает, [оч‹ень› ‹?›] а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургенева и Карамзина?

Чем тебя поподчивать? Вот *стихи Ѳ. Глинке* —

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слёз оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный Гражданин!

---

[1] *Переделано из* полуденную

Пускай Судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнаньи позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Я послал было их через тебя, но ты письма моего не получил, покажи их Глинке, обними его за меня и скажи ему, что он всё-таки почтеннейший человек здешнего мира.

Адрес: Брату.

47. К. В. Нессельроде.

13 января 1823 г. Кишинев.

Monsieur le Comte,

Attaché par ordre de Sa Majesté auprès de Monsieur le Général-gouverneur de la Bessarabie, je ne puis sans une permission expresse venir à Pétersbourg, où m'appellent les affaires d'une famille que je n'ai pas vue depuis trois ans. Je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence pour La supplier de m'accorder un semestre de deux ou trois mois.

J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la considération la plus haute,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

13 janvier 1823. Kichenef.

48. Л. С. Пушкину.

30 января 1823 г. Кишинев.

Благоразумный Левинька!

Благодарю за письмо — жалею, что проччие не дошли — пишу тебе, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журна-

лами, письмами, — и всё то благо, всё добро. Пиши мне о Дидло, об Черкешенки Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому пленнику. Бестужев прислал мне Звезду — эта книга достойна всякого внимания; жалею, что Баратынский поскупился — я надеялся на него. Каковы стихи к Овидию? душа моя, и Руслан, и Пленник, и Noël, и всё дрянь в сравнении с ними. Ради бога, люби две звездочки, они обещают достойного соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылееву и прочим знаменитым нашим поэтам. *Мечта воина* привела [меня] в задумчивость воина, что служит в иностранной коллегии и находится ныне в бессарабской канцелярии. Эта Мечта напечатана с ошибочного списка — призванье вместо взыванье, *тревожных дум,* слово, употребляемое знаменитым Рылеевым, но которое по-русски ничего не значит. *Воспоминание и брата и друзей* стих трогательный, а в *Звезде* просто плоский.[1] Но всё это не беда; были бы деньги. Я рад, что Глинке полюбились мои стихи — это была моя цель. В отношеньи его я не Фемистокл; мы с ним приятели, и еще не ссорились за мальчика. Гнедич у меня перебивает лавочку —

Увы напрасно ждал тебя жених печальный

и проч. — непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнассе. Дельвиг, Дельвиг! Пиши ко мне и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя недоставало. En avant! marche.

Приехал ли царь? впрочем это я узнаю прежде, чем ты мне ответишь. Ты собираешься в Москву — там увидишь ты моих друзей — напомни им обо мне; также и родне моей, которая впрочем мало заботится о судьбе племянника, находящегося в *опале*: может быть они правы — да и я не виноват....

Прощай, душа моя! Если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю. Я ведь тебе писал, что Кюхельбекерно мне, на чужой стороне. А где Кюхе‹льбекер›?

Ты мне пишешь об NN: en voilà assez. Assez так assez; а я всё при своем мнении.

---

[1] *Переделано из* плоской

Ты не приказываешь жаловаться на погоду — в августе месяце — так и быть — а ведь неприятно сидеть в заперти, когда гулять хочется. Прощай еще раз.

30 янв.

49. П. А. Вяземскому.

6 февраля 1823 г. Кишинев.

Как тебе не стыдно не прислать своего адреса; я бы давно тебе написал. Благодарю тебя, милый Вяземский! пусть утешит тебя бог за то, что ты меня утешил. Ты не можешь себе представить, как приятно читать о себе суждение умного человека. До сих пор, читая рецензии Воейкова, Каченовского и проч. — мне казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки приятельниц Варюшки и Буянова. Всё, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос — французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность. У нас нет театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическим слогом — и то не точным и [зар] заржавым; впрочем где он не следовал [сво] жеманным правилам фр.‹анцузского› театра? Знаю, за что полагаешь его поэтом романтическим: за мечтательный монолог Фингала — *нет! песням никогда надгробным я не внемлю*, но вся трагедия написана по всем правилам парнасского православия; а романтический трагик принимает за правило одно вдохновение — признайся: всё это одно упрямство. Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит: стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака. Мы смеемся, а кажется лучше бы дельно приняться за Бируковых; пора дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим [мнением] голосом — презрение к русским писателям нестерпимо; подумай об этом на досуге, да соединимся — дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную — читал ли ты мое послание Бирукову? если нет, вытребуй его от брата или от Гнедича; читал я твои стихи в П.‹олярной› Звезде; все прелесть — да ради Христа, прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеют ею. Глинка владеет языком чувств.... это что такое! Бестужева статья об нашей братьи ужасно молода — но у нас всё елико

печатано, имеет действие на святую Русь: за то не должно бы ничем пренебрегать, и должно[1] печатать благонамеренные замечания на всякую статью — политическую, литературную — где только есть немножко смысла. Кому, как не тебе, взять на себя скучную, но полезную должность надзирателя наших писателей. [Я] Стихи мои ищут тебя по всей России — я ждал тебя осенью в Одессу и к тебе бы приехал — да мне всё идет на перекор. Не знаю, нынешний год увижусь ли с тобою. Пиши мне покаместь, если по почте так осторожнее, а по *оказии* что хочешь — да не льзя ли твоих стихов? мочи нет хочется; дядя прислал мне свои стихотворения — я было хотел написать об них, кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева[2], нежели чтоб порадовать нашего старосту; да не возможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром — Доратом. Видишь ли ты иногда Чедаева? он вымыл мне голову за пленника, он находит, что он недовольно *blasé*; Чедаев по несчастию знаток по этой части; оживи его прекрасную душу, поэт! ты верно его любишь — я не могу представить себе его иным, что прежде. Еще слово об *Кавк.<азском> Пле.<ннике>*. Ты говоришь, душа моя, что он [м<ерзавец> <?>] сукин сын за то, что не горюет о Черкешенки — но что говорить ему — *всё понял он* выражает всё; мысль об ней должна была овладеть его душою и соединиться со всеми его мыслями — это разумеется — иначе быть не льзя; не надобно всё[3] высказывать — это есть тайна занимательности. Другим досадно, что *Плен.<ник>* не кинулся в реку вытаскивать мою Черкешенку — да, сунься-ка; я плавал в кавказских реках, — тут утонишь сам, а ни чорта не сыщешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в Черкешенку — он прав, что не утопился. Прощай, моя радость.

Пушкин.

6 февр.
1823.

У нас после завтра бал — приезжай потанцовать — Полторацк<ие> зовут.

---

[1] должно *вписано.*

[2] *В подлиннике:* ущипнуть Дмитриеву

[3] *Переделано из* всего

Счастие супружеское.

Дома сидя я без дела,
Буду нежно говорить:
Ах мой друг: как ты <-------->!
Прикажите покурить —

вот модные стихи в Кишеневе — не мои — Полторацкого — в честь будущей моей женитьбы.

50. П. А. Вяземскому.

Март 1823 г. Кишинев.

Благодарю тебя за письмо, а не за стихи: мне в них не было нужды — Первый снег я читал еще в 20 году и знаю наизусть. Не написал ли ты чего[1] нового? пришли, ради бога, а то Плетнев и Рылеев отучат меня от поэзии. Сделай милость напиши мне обстоятельнее о тяжбе своей с цензурою. Это касается всей православной кучки. Твое предложение собраться нам всем и жаловаться на Бируковых может иметь худые последствия. На основании военного устава, если более двух офицеров в одно время подают рапорт, таковой поступок приемлется за бунт. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду, но общая жалоба с нашей стороны может навлечь на нас ужасные подозрения и причинить большие беспокойства... Соединиться тайно — но явно действовать в одиночку, кажется, вернее. В таком случае должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло. Руссо не впервой соврал, когда утверждает que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre. Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне — на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом. Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; всё это в порядке вещей. Думаю скоро связаться с Бируковым и стану доезжать его в этом смысле — но за 2000[2] верст мудрено щелкать его по носу.

---

[1] *Переделано из* что

[2] *Сперва было:* 20000.

Я барахтаюсь в грязи молдавской, чорт знает когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка нам и приятна.

Св‹ерчок›

Вот тебе несколько пакостей:

Христос воскрес.

Христос воскрес, моя Реввека!
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой цалуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцалуй я не робея
Готов, Еврейка, приступить —
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

Эпиграмма.

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

Лечись — иль быть тебе Панглосом,
Ты, жертва вредной красоты —
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее стращая,

Дамис — за то, что нежно пел —
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

Оставя честь судьбе на произвол,
—— живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол.
И вдруг беда! казнит ее меркурий,
Раскаиться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет по немногу,
Вдруг лопнул он; что ж <----->? — „Слава богу!
Всё к лучшему: вот новая дыра!“

Этих двух не показывай никому — ни Денису Давыдову.

51. П. А. Вяземскому.

5 апреля 1823 г. Кишинев.

Мои надежды не сбылись: мне нынешний год не льзя будет приехать ни в Москву, ни в Петербург. Если летом ты поедешь в Одессу, не завернешь ли по дороге в Кишенев? я познакомлю тебя с героями Скулян и Секу, сподвижниками Иордаки, и с гречанкою, которая цаловалась с Байроном.

Правда ли, что говорят о Катенине? мне никто ничего не пишет — Москва, Петербург и Арзамас совершенно забыли меня.

Охотников приехал? привез ли тебе письма и проччее?

Говорят, что Чедаев едет за границу — давно бы так; но мне его жаль из эгоизма — любимая моя надежда была с ним путешествовать — теперь бог знает, когда свидимся.

Важный вопрос и, сделай милость, отвечай: где Мария Ивановна Ко̀рсакова, что живет или жила[1] против какого — монастыря (Страстного, что ли), жива ли она, где она; если умерла, чего боже упаси, то где ее дочери, замужем ли и за кем, девствуют ли, или вдовствуют и проч. — мне до них дела нет, но я обещался обо всем узнать подробно.

---

[1] или жила *вписано*.

К стати не знаешь ли, минуло ли 15 лет генералу Ор‹лову›? или нет еще?

5 апреля

А. П.

Стихов, ради бога, стихов да свеженьких.

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу
Вяземскому —
В Москве —
в Чернышевском переулке, в собств. доме.

52. Н. И. Гнедичу.

13 мая 1823 г. Кишинев.

Благодарю вас, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабского пустынника. Он молчит, боясь надоедать тем, которых любит, но очень рад [по‹говорить›] случаю поговорить с вами об чем бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданию Руслана и Пленника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попечение; но ваши предложения останавливают меня по многим причинам. 1) Уверены ли вы, что цензура, по неволе пропустившая в 1-й раз Руслана, нынче не опомнится и не заградит пути второму его пришедствию? Заменять же прежнее новым в ее угоду я не в силах и не намерен. 2) Согласен с вами, что предисловие есть пустословие довольно скучное, но мне никак не льзя согласиться на присовокупление новых бредней моих; они мною обещаны Як.‹ову› Толстому и должны поступить в свет особливо. Правда есть у меня готовая поэмка, да NB цензура. Tout bien vu, не кончить ли дела предисловием? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то в милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité

Как бы то ни было, воспользуюсь своим *случаем*, говоря ей правду неучтивую, но, быть может, полезную. Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее; этих она недостойна чувствовать; дру-

гие ей по плечу; этих она любит и почитает. Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего Нерешительного; услыша стих „И должно честь отдать, что немцы акуратны“ — я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе всё захлопает и захохочет. — А что тут острого, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание.

Вы, коего гений и труды слишком высоки для этой детской публики, что вы делаете, что делает Гомер? Давно не читал я ничего прекрасного. Кюхельбекер пишет мне четырестопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе, и что он падал с лошади. Всё это к стати о Кавк.‹азском› Пленнике. От брата давно не получал известия, о Дельвиге и Баратынском также — но я люблю их и ленивых. Vale, sed delenda est censura.

13 мая
Кишенев — Пушкин.

Своего портрета у меня нет — да на кой чорт иметь его.

Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресение выпускать на волю птичку? вот вам стихи на это —

В чужбине свято наблюдаю [1]
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью:
Зачем на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатают ли без имени в С.‹ыне› О.‹течества›?

53. А. А. Бестужеву.

13 июня 1823 г. Кишинев.

Милый Бестужев,

Позволь мне первому перешагнуть через приличия и сердечно поблагодарить *тебя* за Пол.‹ярную› Звез.‹ду›, за твои письма, за статью о литературе, за Ольгу и особенно за Вечер

---

[1] *Переделано из* наблюдая

на биваке. Всё это ознаменовано твоей печатью, т. е. умом и чудесной живостью. О *Взгляде* можно бы нам поспорить на досуге, признаюсь, что ни с кем мне так не хочется спорить, как с тобою да с Вяземским — вы одни можете разгорячить меня. Покаместь жалуюсь тебе об одном: как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу — а от тебя его не ожидал. Еще слово: зачем хвалить холодного однообразного Осипова, а обижать Майкова. Елисей истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

> Я мню и о тебе, исподняя одежда,
> Что и тебе спастись худа была надежда!

А любовница Елисея, которая сожигает его штаны в печи,

> Когда для пирогов она у ней топилась:
> И тем подобною Дидоне учинилась.

А разговор Зевеса с Меркурием, а герой, который упал в песок

> И весь седалища в нем образ напечатал.
> И сказывали те, что ходят в тот кабак,
> Что виден и поднесь в песке сей самый знак —

всё это уморительно. Тебе кажется более нравится благовещение, однако ж Елисей смешнее, следств. полезнее для здоровья.

В рассуждении 1824 года, постараюсь прислать тебе свои бессарабские бредни; но не льзя ли вновь осадить цензуру и, со второго приступа, овладеть моей Анфологией? Разбойников я сжег — и по делòм. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского, если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают <н>еж<н>ых[1] ушей читательниц Пол.<ярной> Зв.<езды>, то напечатай его. Впрочем чего бояться читательниц? их нет и не будет на русской земле, да и жалеть не о чем.

Я уверен, что те, которые приписывают новую сатиру Арк.<адию> Родзянке, ошибаются. Он человек благородных

---

[1] *Прорвано.*

2

Monsieur Poutschkin ayez la complaisance de passer dans l'instant chez moi

42.

Voilà, mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre

Записка М. Е. Крупенского Пушкину и записка Пушкина неизвестному, октябрь 1820 г.—июнь 1823 г.

Институт Литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в Ленинграде.

правил и не станет воскрешать времена слова и дела. Донос на человека сосланного есть последняя степень бешенства и подлости, да и стихи, сами по себе, недостойны певца сократической любви.

Дельвиг мне с год уже ничего не пишет.[1] Попеняйте ему и обнимите его за меня; он вас, т. е. тебя, обнимет за меня — прощай, до свиданья.

А. П.

13 июня.

54. М. Е. Крупенский — Пушкину.

Октябрь 1820 г.—июнь 1823 г. Кишинев.

Monsieur Pouskin, ayez la complaisance de passer dans l'instant chez moi.

55. Неизвестному.

Октябрь 1820 г.—июнь 1823 г. Кишинев.

Voilà, mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre.

Pouchkine.

56. Неизвестной.

Июнь—июль 1823 г. Кишинев—Одесса.

(Черновое)

[Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris, mais j'ai eu la faiblesse de vous avouer une passion ridicule et je veux m'en expliquer franchement —][2] Ne feignez rien, ce serait indigne de vous — la coquetterie serait une cruauté frivole et surtout bien inutile — votre colère, je n'y croirai pas plus — en quoi puis-je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse, si peu de privauté — votre orgueil même ne peut en être blessé.

---

[1] *Сперва было начато:* не о⟨твечает.⟩

[2] *Вся эта фраза перечеркнута двумя тонкими поперечными чертами.*

Si j'avais des espérances, cela ne serait pas la veille de votre départ que j'aurais attendu pour me déclarer. <N'>attribuez mon aveu qu'à une exaltation dont je n'étais plus le maître, qui allait jusqu'à la défaillance. Je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux — cependant je vous

57. П. А. Вяземскому.

19 августа 1823 г. Одесса.

Мне скучно, милый Асмодей, я болен, писать хочется — да сам не свой. Мне до тебя дело есть: Гнедич хочет купить у меня второе издание Русл.<ана> и К.<авказского> Пле.<нника> — но timeo danaos т. е. боюсь, чтоб он со мной не поступил, как прежде. Я обещал ему предисловие — но от прозы меня тошнит. Перепишись с ним — возьми на себя это 2 издание и освяти его своею прозой, единственною в нашем прозаическом отечестве. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику — стань за немцев и англичан — уничтожь этих маркизов классической поэзии... Еще одна просьба: есть-ли возьмешься за издание — не лукавь со мною, возьми с меня, что оно будет стоить — не дари меня — я для того только до сих пор и не хотел иметь с тобою дела, милый мой аристократ. Отвечай мне по extra-почте!

Я брату должен письмо. Что он за человек? говорят, что он славный малой и московский франт — правда ли?

Прощай, моя прелесть — вперед буду писать тебе толковее. А Орлов?

19 авг.

Адрес: Князю Петру Андреевичу
Вяземскому.

58. Л. С. Пушкину.

25 августа 1823 г. Одесса.

Мне хочется, душа моя, написать тебе целый роман — три последние месяца моей жизни. Вот в чем дело: здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб

он отпустил меня в Одессу — я[1] оставил мою Молдавию и явился в Европу — ресторация и италианская опера напомнили мне старину и ей богу обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишенев на несколько дней, провел их неизьяснимо элегически — и, выехав оттуда навсегда, — о Кишеневе я вздохнул. Теперь я опять в Одессе и всё еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни — впроччем я нигде не бываю, кроме в театре. Здесь Туманский. Он добрый малой, да иногда врет — напр. он пишет в П.<етер>Б.<ург> письмо, где говорит между проччим обо мне· Пушкин открыл мне немедленно свое сердце и porte-feuille — любовь и пр... — фраза, достойная В. Козлова; дело в том, что я прочел ему отрывки из Бахчисарайского фонтана (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру. Туманский принял это за сердечную доверенность и посвящает меня в Шаликовы — помогите! — Здесь еще Раич. Знаешь ли ты его? Будет Родзянка-предатель — жду его с нетерпением. Пиши же мне в Одессу — да поговорим о деле.

Изьясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти; хоть я знаю закон божий и 4 первые правила — но служу и не по своей воле — и в отставку идти невозможно. — Всё и все меня обманывают — на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных. На хлебах у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность может довести до крайности — мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию — хоть письмы его очень любезны. Это напоминает мне П.<етер> Бург — когда, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы я брал извощика от Аничк.<ова> моста, он вечно бранился за

---

[1] я *вписано.*

80 коп. (которых верно б ни ты, ни я не пожалели для слуги). Прощай, душа моя — у меня хандра — и это письмо не развеселило меня.

Одесса

25 августа.

Так и быть я Вяземскому пришлю *Фонтан* — выпустив любовный бред — а жаль!

59. Ф. Ф. Вигель — Пушкину.

8 октября 1823 г. Кишинев.

Посылаю вам, любезнейший Александр Сергеевич, письмо Тургенева, более вам,[1] чем мне, принадлежащее. Я сбирался писать с Шварцом, но скоро ли мне безграмотному, хотя и Арзамасцу, решиться писать к Поэту? того и гляди, что проврешься. Прочитав Тургенева послание, вы увидите,[2] что вы по прежнему чадо избранное Арзамаса, сердитесь, браните ваших восприемников, они всегда осуждены вас любить. — Скажите, мой милый безбожник, как вы могли несколько лет выжить в Кишеневе? хотя за ваше неверие и должны вы были от бога быть наказаны, но не так много. Что касается до меня, я скажу тоже: хотя мои грехи или лучше сказать мой грех велик, но не столько, чтобы судьба определила мне местопребыванием помойную эту яму. — Письмо сие доставит вам г. Рено, который торопит меня кончить его, ибо торопится в Одессу, и я очень желание сие понимаю. — Напишите ко мне несколько строчек, вы тем большое мне сделаете удовольствие, а естьли [письмо] в них возвестите [сюда] намерение сюда приехать, то сделаете меня счастливым. Обнимаю вас

весь ваш

Вигель.

Кишенев
8 октября
1823.

Попросите от меня Никиту взять у портного платье и уверить, что денег у меня теперь нет, а непременно скоро заплачу. С отъезжающими пришлите его ко мне.

Шварцу кланяйтесь; на днях большую эпистолу к нему пошлю.

60. П. А. Вяземскому.

14 октября 1823 г. Одесса.

По твоему совету, милый Асмодей, я дал знать Гнедичу, что поручаю тебе издание Русл.<ана> и Плен.<ника>, следственно дело сделано. Не помню, просил ли я тебя о вступлении, преди-

[1] вам *переделано из* къ

[2] *Сперва было начато:* вы в<идите>

словии и т. под., но сердечно благодарю тебя за обещание. Твоя проза обеспечит судьбу моих стихов. О каких переменах говорил тебе Раич? я никогда не мог поправить раз мною написанное. В Руслане должно только прибавить эпилог и несколько стихов к 6-той песне, слишком поздно доставленные мною Жуковскому. Руслан напечатан исправно, ошибок нет, кроме *свежий сон* в самом конце. Не помню, как было в рукописи, но свежий сон тут смысла не имеет. К.<авказский> Пленник иное дело.

Остановлял он долго взор — должно: вперял он неподвижный взор. *Живи — и путник оживаст* — Живи — и пленник оживает. Пещеры *темная* прохлада — *влажная.* И вдруг на *домы* дождь и град — *долы.* В чужой аул *ценою злата* — за много злата (впроччем как хочешь).

Не много радостных *ей дней*
Судьба на долю *ниспослала.*

Зарезала меня цензура! я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать *ей дней* в конце стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей Судьба на долю ей послала.* То ли дело. *Ночей,* ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов имянно противны духу нашей цензуры? Бируков добрый малой, уговори его или я слягу.

На смертном поле свой бивак

У меня прежде было *У стен Парижа.* Не лучше ли, как думаешь! *верил я надежде И уповательным мечтам.* Это что̀? *Упоительным* мечтам. Твоя от твоих: помнишь свое прелестное послание Давыдову? Да вот еще два замечания, в роде Антикритики. 1) *Под влажной буркой.* Бурка не промокает и влажна только сверху, следственно можно спать под нею, когда нѐчем иным накрыться — а сушить нет надобности. 2) *На берегу заветных вод.* Кубань граница. На ней карантин и строго запрещается казакам переезжать *об он пол.* Изьясни это потолковее забавникам Вес.<тника> Евр.<опы>. Теперь замечание типографическое: *Всё понял он....* несколько точек, в роде Шаликова и — à la ligne *прощальным, взором* и пр. Теперь я согласен в том, что это место писано слишком в обрез, да силы нет

ни поправить, ни прибавить. Sur ce — обнимаю тебя с надеждой и благодариостию.

Письмо твое я получил через Фурнье и отвечал по почте. Дружба твоя с Шаховским радует миролюбивую мою душу. Он право добрый малой, изрядный автор и отличный сводник. Вот тебе новость в том же роде. Здесь Стурдза монархической; я с ним не только приятель, но кой о чем и мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом. Читал ли ты его последнюю brochure о Греции? Гр.<аф> Ланжерон уверяет меня qu'il y a trop de bon Dieu. Здесь Северин, но я с ним поссорился и не кланяюсь. Вигель здесь был и поехал в Содом-Кишенев, где, думаю, будет виц-губернатором. У нас скучно и холодно. Я мерзну под небом полуденным.

А. П.

14 окт.
Од.

Замечания твои на счет моих разбойников несправедливы; как сюжет, c'est un tour de force, это не похвала, напротив; но, как слог, я ничего лучше не написал. Бахчи-сарайской фонтан, между нами, дрянь, но эпиграф его прелесть. К стати об эпиграфах — знаешь ли эпиграф К.<авказского> Пле.<нника>?

Под бурей рока твердый камень,
В волненьях страсти — легкой лист. —

Понимаешь, почему не оставил его. Но за твои 4 стиха я бы отдал 3 четверти своей поэмы. Addio.

61. А. Н. Раевскому (?).

15—22 октября 1823 г. Одесса.

(Черновое)

Je réponds à votre P. S. comme à ce qui intéresse surtout votre vanité. M.<adame> S.<obansky> n'est pas encore de retour à Odessa, je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre, en 2 lieu comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs — j'ai réfléchi. Et comme Lara Hansky assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là. C'est-à-dire que je ne montrerai pas votre épître à M^{de} S.<obansky> en ne lui cachant

que ce que jettait sur vous l'intérêt d'un caractère Melmothique, comme j'en avais d'abord eu l'intention — et voici ce que je me suis proposé — votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables; en revanche j'y ai préparé tout au long une belle réponse dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantages que vous en avez pris sur moi dans votre lettre, j'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job lovelace, je vois votre vanité et votre faible à travers l'affectation de votre cynisme etc., le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet — mais comme je vous <estime><?> toujours pour mon maître en fait de morale, je vous demande pour tout cela votre permission et surtout vos conseils, — mais dépêchez-vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles, on m'a dit qu'Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux — votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. Mr votre oncle qui est un cochon comme vous savez a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2, mais cette fois-ci il aura du g.<ros> J.-f. afin qu'il soit du secret comme tout le monde.

62. Ф. Ф. Вигелю.

22 октября—4 ноября 1823 г. Одесса.

(Черновое)

Проклятый город Кишенев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на старый кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет —
И не найду твоих следов.
Падут, погибнут пламенея
И лавки грязные жидов,
И пестрый дом Варфоломея.
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом —
Но только с этим городком
Я Кишенев равнять не смею, —
Я слишком с библией знаком

(И к лести вовсе не привычен!)
Содом — ты знаешь — был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев.
Мне жаль, ‹что› [пламенем] громами
Его сразил Еговы гнев.
В блаженстве, в развлеченьях света
Избранный богом человек
Провел бы я смиренно век.
Но в Кишеневе, видишь сам —
Ты не найдешь ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалея о твоей судьбе,
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер [милых] три красавца;
На всякой случай, грустный друг,
Лишь только будет мне досуг,
Прощусь с Одессою, явлюся.
Тебе служить я буду рад
Своей беседою шальною —
Стихами, прозою, душою,
Но, Вигель, — пощади мой зад!

Это стихи, следственно шутка — не сердитесь и усмехнитесь, любезный Филип Филипович, — вы скучаете в вертепе, где скучал я 3 года. Желаю вас рассеять хоть на минуту — и сообщаю вам сведения, которых вы требовали от меня в письме к Шв‹арцу›; из 3 зна‹комцев› ‹?›, думаю, годен на употребление в пользу собственно самый меньшой; NB. он спит в одной комнате с братом Михаилом и трясутся немилосердно — из этого можете вывести важные заключения, предоставляю их вашей опытности и благоразумию — старший брат, как вы уже заметили, глуп, как архиерейский жезл — Ванька ‹------› — следственно чорт с ними — обними‹те› их от меня дружески — сестру также — и скажите им, что Пушкин цалует ручки *Майгин* и желает ей счастья на земле — умалчивая о небесах — о кото-

рых ие получил еще достаточных сведений. Пулхерии В.<арфоломей> объявите за тайну, что я влюблен в нее без памяти и буду на днях экзекутор и камер-юнкер<?> в подр.<ажание> другу Завальевскому; Полторацким поклон и старая дружба! Алексееву тоже и еще что-нибудь. Где и что Липранди? Мне брюхом хочется видеть его. У нас холодно, грязно — обедаем славно — я пью, как Лот содомский, и жалею, что не имею с собой ни одной дочки. Недавно выдался нам молодой денек — я был презид<ентом> попойки — все перепились и потом поехали по <-------->.

63. П. А. Вяземскому.

4 ноября 1823 г. Одесса.

4 ноября Од.

Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня, и то, что не хотел выставить перед публикою. Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай, да сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызывайся за каждый стих и загрызи ее если возможно, в мое воспоминание. Кроме тебя у меня *там* нет покровителей; еще просьба: припиши к Бахчисараю предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой; прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в Путешествии Апостола-Муравьева статью Бахчи-сарай, выпиши из нее что посноснее — да завороже всё это своею прозою, богатой наследницею твоей прелестной поэзии, по которой ношу траур. Полно не воскреснет ли она, как тот, который пошутил? Что тебе пришло в голову писать оперу и подчинить поэта музыканту. Чин чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. В роде Дон-Жуана — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать — а если брать, так брать, не то, что и когтей марать.

А. П.

Новое издание очень мило — с богом — милый ангел или аггел Асмодей.

Вообрази, что я еще не читал твоей статьи, победившей цензуру? вот каково жить по-азиатски, не читая журналов. Одесса город европейской — вот почему русских книг здесь и не водится.

А. П.

В.<асилию> Л.<ьвовичу> дяде кланяюсь и пишу на днях.

64. П. А. Вяземскому.

11 ноября 1823 г. Одесса

Вот тебе и Разбойники. Истинное происшедствие подало мне повод написать этот отрывок. В 820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы. Некоторые стихи напоминают перевод *Шил.<ьонского> Узн.<ика>*. Это несчастие для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 821 года.

11 ноябр.

65. А. А. Дельвигу.

16 ноября 1823 г. Одесса.

Мой Дельвиг, я получил все твои письма и отвечал почти на все. Вчера повеяло мне жизнию лицейскою, слава и благодарение за то тебе и моему Пущину! Вам скучно, нам скучно: сказать ли вам сказку про белого быка? Душа моя, ты слишком мало пишешь, по крайней мере слишком мало печатаешь. [Со<неты>[1] пре<лестны>] Впроччем я живу по-азиатски, не читая ваших журналов. На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением и благодарностию за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной Музе Баратынского. Жду и не дождусь появления в свет ваших стихов; только их получу, заколю агнца, восхвалю господа — и украшу цветами свой шалаш — хоть Бируков находит это слишком сла-

---

[1] *Сперва было начато:* Тв<ои>

дострастиым. Сатира к Гиед.‹ичу› мне не нравится, даром что стихи прекрасные; в них мало перца; *Сомов безмундирный* непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостию писателя? Это шутка, достойная кол.‹лежского› совет.‹ника› Измайлова. Жду также Полярной Звезды. Жалею, что мои элегии писаны против религии и правительства: я полу-Хвостов: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать в печать (а видеть их в печати). Ты просишь Бахчисарайского фонтана — он на днях отослан к Вяземскому. Это бессвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, и[1] всё-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до-нѐльзя. Бируков ее не увидит за то, что он фи-дитя, блажной дитя. Бог знает когда и мы прочитаем ее вместе — скучно, моя радость! вот припев моей жизни. Если б хоть брат Лев прискакал ко мне в Одессу! где он, что он? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора променять мне почести изгнания на радость свидания. Правда ли, что едет к вам Россини и италианская опера? — боже мой! это представители рая небесного. Умру с тоски и зависти.

16[2] нояб. А. П.

Вели прислать мне немецкого *Пленника*.

66. А. А. Шишкову.

Август—ноябрь 1823 г. Одесса.

С ума ты сошел, милый Шишков; ты мне писал несколько месяцев тому назад: Милостивый государь, лестное ваше знакомство, честь имею, покорнейший слуга.... так что я и не узнал моего царско-сельского товарища. Естьли заблагорассудишь писать ко мне, вперед прошу тебя быть со мною на старой ноге. Не то мне будет грустно. До сих пор жалею, душа моя, что мы не столкнулись с тобою на Кавказе; могли

---

[1] *Переделано из* а

[2] *Переделано из* 13

бы мы и стариной тряхнуть, и поповесничить, и в язычки постучать. Впроччем судьба наша, кажется, одинакова, и родились мы видно под единым созвездием. Пишет ли к тебе общий наш приятель Кюхельбекер? Он на меня надулся, бог весть почему. Помири нас. Что стихи? куда зарыл ты свой золотой талант? под снега ли Эльбруса, под тифлисскими ли виноградниками? Естьли есть у тебя что-нибудь, пришли мне — право сердцу хочется.

Обнимаю тебя — письмо мое бестолково, да нѐкогда мне быть толковее.

А. П.

Недавно узнал я, что ты знакомец и родственник почтенному нашему Александру Ивановичу. Он доставляет мне случай снестись с тобою, а сам завален бумагами и делами — любить тебя есть ему время — а писать к тебе — навряд.

67. Н. И. Кривцову.

Октябрь—ноябрь 1823 г. (?) Одесса (?).

Милый мой Кривцов,
помнишь Пушкина? Не думай, что он впервые после разлуки пишет к тебе. Но бог знает почему письма мои к тебе не доходили. О тебе доходят до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовал изгнанника. Правда ли, что ты стал аристократом? — Это дело. Но не забывай демократических друзей 1818 года. Все мы разбрелись. Все мы переменились. А дружба, дружба —

68. Майгин N. и неизвестной.

Ноябрь (после 4) 1823 г. Одесса.

(Черновое)

Oui, sans doute je les ai devinées, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Od‹essa›, ci-devant hermite de Kichenef. J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folie, de tourment, d'esprit, de grâce, de soirées, mazourka etc. Mon dieu que vous êtes cruelle, Madame, de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer ni vous oublier. Hélas, aimable Maiguine, loin de vous tout malaise, tout

maussade<?>, mes facultés s'anéantissent, j'ai perdu jusqu'au talent des carricatures, quoique la famille du Pr.<ince> Mourouzi soit si bien digne de m'en inspirer. Je n'ai qu'une idée — celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait ce bon homme de poëte, le petit bout de vie qui me reste... Vous rappelez-vous de la petite<?> correction que vous avez faite dans la feuille<?> de l'A<rétin><?> — mon Dieu, si vous la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa — venez au nom du ciel, nous aurons pour vous attirer bal, opéra italien, soirées, concerts, sigisbées, soupirants, tout ce qui vous plaira; je contreferai le singe, je médirai et je vous dessinerai M^{de} de <*нрзб.*>[1] dans les 36 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en paroles, car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler — cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée. Encore une fois venez au nom du ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris à celles qui ont trop d'esprit pour être prudes mais que j'aime et que je respecte de par<?> mon coeur.

Quant à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hasard elle ne fût point contrefaite) ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouement et de mes regrets.

Devinez qui à votre tour.

S. qui passait pour avoir des goûts anti-physiques l'a à passer un fil par le trou d'une aiguille en en mouillant le bout — A. dit de lui qu'il excellait partout où il fallait de la patience et de la salive —

69. Неизвестному.

Конец ноября—1 декабря 1823 г. Одесса.

(Черновое)

J'ose espérer qu'un exil de quatre ans n'<a> pas effacé de votre mémoire

---

[1] *В предыдущих изданиях, до академического издания переписки включительно, читалось:* M-de de Vor. *и даже прямо* m-me de Voronzof

70. А. И. Тургеневу.

1 декабря 1823 г. Одесса.

1 декабря

Вы помните Кипренского, который из поэтического Рима напечатал вам в С.<ыне> От.<ечества> поклон и свое почтение. Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но ценя в полной мере и ваше воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменою своей судьбы. Надобно подобно мне провести 3 года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и не вольного европейского воздуха. Теперь мне было бы совершенно хорошо, если б не отсутствие кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я стал скучен, как Грибко, и благоразумен, как Чеботарев,

исчезла прежня живость,
Простите ль иногда мою мне молчаливость,
Мое уныние?... терпите, о друзья,
Терпите хоть за то, что к вам привязан я.

К стати о стихах: вы желали видеть оду на смерть Н.<аполеона>. Она не хороша, вот вам самые сносные строфы:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И Галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал —

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой,

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

Вот последняя:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Твою развенчанную тень!
Хвала! ты русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал...

Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года — впрочем это[1] мой последний либеральный бред, я закаялся и написал на днях подражание басни умеренного демократа И.‹исуса› Х.‹риста› (Изыде сеятель сеяти семена своя):

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды.....
Паситесь, мирные народы!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

---

[1] *Переделано из* этой

Поклон братьям и братье. Благодарю вас за то, что вы успокоили меня на счет Н.<иколая> М.<ихайловича> и К.<атерины> А.<ндреевны> К<арамзиных> — но что делает поэтическая, незабвенная, конституциональная, анти-польская, небесная княгиня Голицына? возможно ли, чтоб я еще жалел о вашем Петербурге.

Жуковскому грех; чем я хуже принц.<ессы> Шарлотты, что он мне ни строчки в 3 года не напишет. Правда ли, что он переводит *Гяура*? а я на досуге пишу новую поэму, *Евгений Онегин*, где захлёбываюсь желчью. Две песни уже готовы.

71. П. А. Вяземскому.

1—8 декабря 1823 г. Одесса.

Конечно ты прав, и вот тебе перемены —

Язвительные лобзания напоминают тебе твои <------->? поставь *пронзительных*. Это будет ново. Дело в том, что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публике. *Хладного скопца* уничтожаю из уважения к давней девственности А<нны> Л.<ьвовны>

> Не зрит лица его гарем.
> Там ~~~~~
> И не утешены никем,
> Стареют жены.

Меня ввел во искушение Бобров: он говорит в своей Тавриде: *Под стражею скопцов гарема.* Мне хотелось что-нибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и фр.<анцузской> утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе.

> Но верой матери моей
> Была твоя — —

если найдешь удачную перемену, то подари меня ею; если ж нет, оставь так, оно довольно понятно. Нет ничего легче по-

ставить *Равна, Грузинка, красотою,* но *инка кр...* а слово Грузинка тут необходимо — впроччем делай, что хочешь.

Апостол написал свое путешествие по Крыму; оно печатается — впроччем, ожидать его нѐчего.

Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны.

Посылаю Разбойников.

Как бишь у меня? *Вперял он неподвижный взор?* Поставь *любопытный,* а стих всё-таки калмыцкий.

72. В. И. Туманский — В. К. Кюхельбекеру (с припиской Пушкина)

11 декабря 1823 г. Одесса

11 декабря 1823 *Одесса.*

Спасибо тебе, друг мой Вильгельм, за память твою обо мне: я всегда был уверен, что ты меня любишь не *от делать нечего* *, а от сердца. Два поклона твои в письме к Пушкину принимаю я с благодарностью и с мыслию, что нам снова можно возобновить переписку, прекращенную неожиданною твоею изменою Черкесу-Ермолову и долгим уединением твоим во Смоленской губернии. Само воображение не всегда успеет следовать за странностями твоей жизни, и я дожидаюсь твоего известия, чтобы понять ссору твою с Русским Саладином, как тебе случалось называть Алексея Петровича. Мне очень горестно видеть, что до сих пор какой-то неизбежный Fatum управляет твоими днями и твоими талантами и совращает те и другие с прямаго пути. Который тебе год, любезный Кюхельбекер? Мне очень стыдно признаться тебе, что, будучи гораздо моложе, я обогнал тебя в благоразумии. Страшусь раздражить самолюбие приятеля, но право и вкус твой несколько *очеченился!* Охота же тебе читать Шихматова и Библию. Первый — карикатура Юнга; вторая — не смотря на бесчисленные красоты, может превратить Муз в церковных певчих. Какой злой дух, в виде Грибоедова, удаляет тебя в одно время и от наслаждений истинной поэзии и от первоначальных друзей твоих! Наша литература похожа на экипаж, который бы везли рыба, птица и четвероногий зверёк. Тот улетает в романтизм, другой плавает в классической лахани, а третий тащится в Библейское общество! Горькую чашу мы пьем! Теперь бы время было соединиться узами таланта и одинаких правил, дабы успеть еще спасти народную нашу словесность. Но для этого надобно столько же ума, сколько трудолюбия, а у нас господа поэты, исключая двух-трех, подобно мотылькам страшатся посидеть долго и на цветке, чтоб не утерять частицу блеска своего. Умоляю

* Citation de mon nouveau poëme. Suum cui-que. P.

тебя, мой благородный друг, отстать от литературных мнений, которые погубят твой талант и разрушат наши надежды на твои произведения. Читай Байрона, Гете, Мура и Шиллера, читай, кого хочешь, только не Шихматова!

Я должен бы сказать теперь *несколько слов* о себе, но для этого нужно *длинное* письмо, а я боюсь утомить тебя описанием перемены в моем положении и в моих мыслях. Мне здесь хорошо: у меня довольно знакомых и мало времени для скуки и бездействия. Часто воспоминаю прошедшее; освещенное солнцем молодости, оно имеет для меня одни приятности. Жером и Фанни, ты и Madame Смит, Лимперани и Агнеса, как лица занимательного романа, оживляют мои уединенные мечты. Быть может и Муза посещает иногда старого своего друга — но я стараюсь уже сохранять втайне эти свидания. Прощай, милый друг, пиши ко мне, особливо о твоих похождениях в Грузии, и верь дружбе твоего неизменного.

Туманского

Поклонись за меня хорошенько нашему умному Вяземскому и ученому Раичу! Да пожалуйста не приправляй писем своих французскими фразами.

73. П. А. Вяземскому.

20 декабря 1823 г. Одесса.

Какая б ни была вина

так и у меня на черно.

Символ конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У нас слово *вина* имеет два значенья; одно из них здесь не имело бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они

Aux Saumaise futurs préparent des tortures.

Я бы хотел знать, не льзя ли[1] в переписки нашей избегнуть как-нибудь почты — я бы тебе переслал кой-что слишком для нее тяжелое. Сходнее нам в Азии писать по оказии. Что Кривцов? Его прев.<осходительство> мог бы мне аукнуть. Я жду Пол.<ярной> Зв.<езды> в надежде видеть тебя распечатного. Что журнал Анахарсиса-Клоца-Кю<хельбекера>? Рисунок с фонтана оставим до другого издания. Печатай скорее; не ради славы прошу, а ради Мамона.

[1] ли *вписано.*

20 декабря.

Поздр.‹авляю› тебя с рожд.‹еством› сп.‹асителя› наш.‹его› госп.‹ода› И.‹исуса› Х.‹риста›.

Ты кажется сбираешься сделать заочное описание Бахчисарая? брось это. Мадригалы Софье Потоцкой, это дело другое. Впрочем в моем эпилоге описание дворца в нынешнем его положении подробно и верно, и Зонтаг более моего не заметит. Что если б ты заехал к нам на Юг нынче весною? Мы бы провели лето в Крыму, куда собирается пропасть дельного народа, женщин и мущин. Приезжай, ей богу веселее здесь, чем у вас на Севере.

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москве
в Чернышевском переулке, в собственном доме.

1824

74. А. А. Бестужеву.

12 января 1824 г. Одесса.

Конечно я на тебя сердит и готов с твоего позволения браниться хоть до завтра. Ты напечатал именно те стихи, об которых я просил тебя: ты не знаешь до какой степени это мне досадно. Ты пишешь, что без трех последних стихов Элегия не имела бы смысла. Велика важность! а какой же смысл имеет: *Как ясной влагою полубогиня грудь — воздымала* или: *с болезнью и мольбой Твои глаза,* и проч.?

Я давно уже не сержусь за опечатки, но в старину мне случалось забалтываться стихами и мне грустно видеть что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности. Это простительно Воейкову, но *et tu autem, Brute!*

Гнедич шутит со мной шутки в другом роде. Он разгласил, будто бы все новые стихи, обещанные мною Я. Толстому, проданы уже ему, Гнедичу. Толстой написал мне письмо пресухое, в котором он справедливо жалуется на мое легкомыслие, отказался от издания моих стихотворений, уехал в Париж, и мне об нем нет ни слуху, ни духу. Он переписывается с тобою в С.<ыне> О.<течества>; напиши ему слово обо мне, оправдай меня в его глазах да пришли его адрес.

Повторяю тебе в последний раз мои пени и просьбы и обнимаю тебя sans rancune и с благодарностью за всё остальное — прозу и стихи. Ты — всё ты: т. е. мил, жив, умен. Баратынский — прелесть и чудо, *Признание* — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий, хотя бы наборщик клялся мне евангелием поступать со мною милостивее. Рылеева *Войнаровский* несравненно лучше всех его *Дум*, слог его возму-

жал и становится истинно-повествовательным, чего у нас почти еще нет. Дельвиг — молодец. Я буду ему писать. Готов христосоваться с тобой стихами, но сделай милость...... пощади. Прощай, мой милый Walter! Туманского вчера и сегодня я не видал и письма твоего не отдавал. Он славный малой, но, как поэта, я не люблю его. Дай бог ему премудрости.

А. П.

1824, 12 янв. Одесса.

Адрес: Его высокоблагородию Николаю Ивановичу Гречу, в С.-Петербург, в газетную экспедицию. Прошу доставить г. Бестужеву.

75. Ф. В. Булгарину.

1 февраля 1824 г. Одесса.

С искренней благодарностью получил я 1-й № Сев.‹ерного› Арх.‹ива›, полагая, что тем обязан самому почтенному издателю, с тем же чувством видел я снисходительный ваш отзыв о татарской моей поэме. Вы принадлежите к малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в Полярной Звезде, отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда не большая, но стихи не люди. Свидетельствую вам искреннее почтение.

Пушкин.

Одесса. 1 февраля 1824.

76. Л. С. Пушкину.

Январь (после 12)—начало февраля 1824 г. Одесса.

Так как я дождался оказии, то и буду писать тебе спустя рукава. Н. Раевской здесь. Он о тебе привез мне недостаточные известия; зачем ты с ним чинился и не поехал повидаться со мною? денег не было? после бы сочлись — а иначе бог знает когда сойдемся. Ты знаешь, что я дважды просил Ивана

Ивановича о своем отпуске чрез его министров — и два раза воспоследовал всемилостивейший отказ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится не в терпеж. Ubi bene ibi patria. А мне bene там, где растет трин-трава, братцы. Были бы деньги, а где мне их взять? что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться. Русская слава льстить может какому-нибудь В. Козлову, которому льстят и петербургские знакомства, а человек немного порядочный презирает и тех и других. Mais pourquoi chantais-tu? на сей вопрос Ламартина отвечаю — я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит — за деньги, за деньги, за деньги — таков я в наготе моего цинизма. Плетнев пишет мне, что Бахч.<исарайский> Фонт.<ан> у всех в руках. Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе! благодарю в особенности Тургенева, моего благодетеля; благодарю Воейкова, моего[1] высокого покровителя и знаменитого друга! Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный теми, у которых есть полные рукописи; но это безделица — поэт не должен думать о своем пропитании, а должен, как Корнилович, писать с надеждою сорвать улыбку прекрасного пола. Душа моя, меня тошнит с досады — на что ни взгляну, всё такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть? К стати о гадости — читал я Федру Лобанова — хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина! Voulez-vous découvrir la trace de ses pas — надеешься найти Тезея жаркой след иль темные пути — мать его в рифму! вот как всё переведено. А чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии! План и характеры Федры верх глупости и ничтожества в изобретении — Тезей ни что иное, как первый Мольеров рогач; Иполит, le superbe, le fier Hypolite — et même un peu farouche, Иполит,

[1] *В подлиннике*: мого

суровый скифской ‹--------› — ии что иное, как благовоспитанный мальчик, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir .... и проч.

прочти всю эту хваленую тираду и удостоверишься, что Расин понятия не имел об создании трагического лица. Сравни его с [монологом] речью молодого любовника Паризины[1] Байроновой, увидишь разницу умов. А Терамен аббат и сводник — Vous-même où seriez vous etc... — вот глубина глупости! С Рылеевым мирюсь — Войнаровской полон жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но, естьли не успею, скажи ему, чтоб он взял у Тургенева Олега вещего и напечатал. Может быть я пришлю ему отрывки из Онегина; это лучшее[2] мое произведение. Не верь Н. Раевскому, который бранит его — он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал.

77. А. А. Бестужеву.

8 февраля 1824 г. Одесса.

Ты не получил видно письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на один раз. О твоей повести в П.‹олярной› Зв‹езде› скажу, что она не в пример лучше (т. е. занимательнее) тех, которые были напечатаны в прошлом годе et c'est beaucoup dire. Корнилович славный малой и много обещает — но зачем пишет он *для снисходительного внимания мил.‹остивой› госуд.‹арыни› NN.* и ожидает *ободрительной улыбки прекрасного пола* для продолжения любопытных своих трудов? Всё это старо, ненужно и слишком уже пахнет Шаликовскою невинностию. Булгарин говорит, что Н. Бестужев отличается *новостию мыслей.* Можно бы с бо̀льшим уважением употреблять слово *мысли.* Арабская сказка прелесть; советую тебе держать за ворот этого Сенковского. Между поэтами не вижу Гнедича, это досадно; нет и Языкова — и его жаль; (похабный)[3] мадри-

---

[1] *В подлиннике, видимо, описка:* Паризаны

[2] *Переделано из* лучшие

[3] (похабный) *вписано.*

гал А. Родзяики можно бы оставить покойному Нахимову; *вчера* — — — *люблю и мыслю* поместят современем в грамматику для примера бессмыслицы. Плетнева Родина хороша, Баратынской — чудо — мои пиэсы плохи: вот тебе и всё о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтан шумит. Недостаток плана не моя вина. Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Впроччем я писал его единственно для себя, а печатаю потому что деньги были нужны.

3 пункт и самый нужный с эпиграфом *без церемонии*: ты требуешь от меня десятка пиэс, как будто у меня их сотни. Едва ли наберу их и пяток, да и то не забудь моих отношений с цензурой. Даром у тебя брать денег не стану; к тому же я обещал Кюхельбекеру, которому верно мои стихи нужнее, нежели тебе. Об[1] моей поэме нѐчего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то верно не в Москве и не в Петербурге. Прощай, поклон Рылееву, обними Дельвига, брата и братью.

8 февр.
1824.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Николаю Ивановичу Гречу.
В С-Петербург. *В газетной Экспедиции* Пр.‹ошу› дост.‹авить› г‹осподи›ну *Бестужеву*.

78. П. А. Вяземскому.

8 марта 1824 г. Одесса.

От всего сердца благодарю тебя, милый Европеец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше право не хуже другого. Одно меня затрудняет, ты продал всё издание за 3000 р.,[2]

[1] *Сперва было начато:* О п‹оэме›
[2] 3000 *исправлено из* 1000.

а сколько ж стоило тебе его напечатать? Ты всё-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли их сюда. Расти им не за чем. А у меня им не залежаться, хоть я право не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола.

Жду с нетерпением моего Фонтана, т. е. твоего предисловия. Недавно прочел я твои давишние замечания на Булг.‹арина›, это лучшая из твоих полемических статей. Жизни Дмитриева еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь чорт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры одного из твоих посланий, а всё проччее первого стихотворения Жуковского. Ты его когда-то назвал Le poëte de notre civilisation. Быть так, хороша наша civilisation!

Твое поручение отыскать тебе дом обрадовало меня несказанно. Дело не к спеху, однако изволь изьяснить мне потолковее, что такое *в начале лета* и *не дорого*. Лев Нарышкин, с которым я уж об этом говорил, уезжает в чужие края *в начале лета*. Он нанимает здесь дом за 500 р. в месяц, и[1] дачу не очень помню за сколько. Я бы советовал тебе для детей нанять дачу, потому что в городе пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочем твоего *слишком дорого* не понимаю; ты деньги всё ведь истратишь, если не на то, так на другое. Жду ответа. С. Волконского здесь еще нет.

8 марта
1824
Одесса

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москве
в Чернышевском переулке, в собственном доме

---

[1] *и переделано из* а

79. И. Н. Инзову (?)

Около 8 марта 1824 г. Одесса.

(Черновое)

Je vous envoie, Général, les 360 roubles que je vous dois depuis si longtemps; veuillez recevoir mes sincères remerciements, quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire. Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'à présent vous payer cette dette — le fait est que je crevais de misère.

Agréez, Général, les assurances de mon profond respect.

80. Л. С. Пушкину.

1 апреля 1824 г. Одесса.

Вот что пишет ко мне Вяземской:

„В *Благон.‹амеренном›* читал я, что в каком-то ученом обществе читали твой Фонтан еще до напечатания. На что это похоже? И в П.‹етер›Б.‹урге› ходят тысяча списков с него — кто ж после будет покупать; я на совести греха не имею и проч."

Ни я. Но мне скажут: а какое тебе дело? ведь ты взял свои 3000 р. — а там хоть трава не расти. — Всё так, но жаль, если книгопродавцы, в первый раз поступившие по-европейски, обдернутся и останутся в накладе — да вперед невозможно и мне будет продавать себя с барышом. Таким образом обязан я за всё про всё — друзьям *моей славы* — чорт их возьми и с нею; тут смотри как бы с голоду не околеть, а они кричат *слава*! Видишь, душа моя, мне на всех вас досадно; требую от тебя одного: напиши мне, как Фонтан расходится — или запишусь в гр.‹афы› Хвостовы и сам раскуплю половину издания. Что это со мною делают журналисты! Булгарин хуже Воейкова — как можно печатать партикулярные письма — мало ли что мне приходит на ум в дружеской переписке — а им бы всё и печатать. Это разбой; решено: прерываю со всеми переписку — не хочу с ними иметь ничего общего. А они, глупо ругай или глупо хвали меня — мне всё равно — их не в грош не ставлю — а публику почитаю на ровне с книгопродавцами — пусть покупают и врут, что хотят.

1 апреля
1824.

Письмо это доставит тебе Синявин, *адьют.‹ант›* гр.‹афа› Воронцова, славнейший малой, мой приятель; он доставит тебе обо мне все сведения, которых только пожелаешь. Мне сказывали, что ты будто собираешься ко мне; куда тебе! Разве на казенный счет да в сопровождении жандарма. Пиши мне. Ни ты, ни отец ни словечка не отвечаете мне на мои элегические отрывки — денег не шлете — а подрываете мой книжный торг. Куда хорошо.

Адрес: Льву Сергеевичу Пушкину.

У Обуховского мосту, в доме Полторацкого.

81. П. А. Вяземскому.

Начало апреля 1824 г. Одесса.

Сей час возвратился из Кишенева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю, как тебя благодарить; Разговор прелесть, как мысли, так и блистательный образ их выражения. Суждения неоспоримы. Слог твой чудесно шагнул вперед. Недавно прочел я и жизнь Дмитриева; всё, что в ней рассуждение — прекрасно. Но эта статья tour de force et affaire de parti. Читая твои критические сочинения и письма, я и сам собрался с мыслями и думаю на днях написать коё-что о нашей бедной словесности, о влиянии Ломоносова, Карамзина, Дмитриева и Жуковского. Авось и тисну; тогда du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь ли что? твой Разговор более писан для Европы, чем для Руси. Ты прав[1] в отношении романтической поэзии. Но старая ‹-----› классическая, на которую ты нападаешь, полно существует ли у нас? это еще вопрос. — Повторяю тебе перед эвангелием и святым причастием — что Дмитриев, не смотря на всё старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя В.‹асилий› Львович. Разве он один представляет в себе классическую нашу словесность, как Мордвинов заключает в себе одном всю русскую опозицию? и чем он классик? где его трагедии, поэмы дидактические или эпические? разве классик в посланиях к Севериной да в эпиграммах, переведенных из Гишара? — Мнения *Вест.‹ника› Евр.‹опы›* не можно почитать за мнения, на *Благ.‹онамеренного›* сердиться невозможно. Где же враги романтической поэзии?

[1] *Вместо* прав *сперва было начато:* не

где столпы классические? Обо всем этом поговорим на досуге. Теперь поговорим о деле, т. е. о деньгах. Слёнин предлагает мне за Онегина, сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой. Чтоб напечатать Онегина, я в состоянии — — — т. е. или рыбку съесть, или на <---> сесть. Дамы принимают эту пословицу в обратном смысле. Как бы то ни было, готов хоть в петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклон, буду немедленно им отвечать. Брата я пожурил за рукописную известность Бахчисарая. Каков Булгарин и вся братья. Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа — да пришли мне денег.

А. П.

Ты не понял меня, когда я говорил тебе об оказии — почтмейстер мне в долг верит, да мне не верится.[1]

82. П. А. Вяземскому.

Апрель—первая половина мая (?) 1824 г. Одесса.

(Отрывок)

читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастию более всего правдоподобная.

83. А. И. Казначееву.

22 мая 1824 г. Одесса.

(Вторая черновая редакция)

П.<очтенный> А.<лександр> И.<ванович> Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, не знаю в праве ли отозваться на

[1] *Приписка — сбоку страницы.*

предписание е.<го> с.<иятельства>. Как бы то ни было, надеюсь на вашу снисходительность и приемлю смелость объясниться откровенно на счет моего положения.

7 лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти 7 лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. Я сам заградил себе путь и выбрал другую цель. Ради бога не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость. Думаю, что граф Воронцов не захочет лишить меня ни того, ни другого.

Мне скажут, что я, получая 700 рублей, обязан служить. Вы знаете, что только в Москве или П.<етер>Б.<урге> можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 в. от столиц. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паёк ссылочного невольника. Я готов от них отказаться, если не могу быть властен в моем времени и занятиях. Вхожу в эти подробности, потому что дорожу мнением гр.<афа> Воронцова, также как и вашим, как и мнением всякого честн.<ого> человека.

Повторяю здесь то, что уже известно графу М.<ихаилу> С.<еменовичу>: если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника, кроме его сиятельства; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы и от всякой надежды на дальнейшие успехи в оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтоб меня, как говорится, уничтожить. Если гр.<аф> прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, переменив мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь.

Еще одно слово: Вы может быть не знаете, что у меня аневризм. Вот уж 8 лет, как я ношу с собою смерть. Могу пред-

ставить свидетельство которого угодно доктора. Ужели не льзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая верно не продлится.

Свидетельствую вам глуб.<окое> почт.<ение> и серд.<ечную> пред.<анность>.

84. П. А. Вяземский — Пушкину.
Конец мая (?) 1824 г. Москва.

(Секретное)

Сделай милость, будь осторожен на язык и на перо. Не играй своим будущим. Теперешняя ссылка твоя лучше всякого места. Что тебе в Петербурге? Дай мне отделаться от дел своих, но не так, чтобы можно было всё бросить на несколько лет и ехать в чужие края, я охотно поселился бы у вас. Верные люди сказывали мне, что уже на Одессу смотрят, как на champ d'asyle, а в этом поле верно никакая ягодка более тебя не обращает внимания. В случае какой-нибудь непогоды Воронцов не отстоит тебя и не защитит, если правда, что и он подозреваем в подозрительности. Да к тому же, признаюсь, откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Он человек приятный, благонамеренный, но не пойдет донкишотствовать против власти ни за *лице*, ни за *мнение*, какие бы они ни были, если власть поставит его в необходимость объявить себя за них или за нее. Ты довольно сыграл пажеских шуток с правительством; довольно подразнил его, и полно! А вся наша опозиция ничем иным ознаменоваться не может, que par des espiègleries. Нам не дается мужествовать против него; мы [должны] можем только ребячиться. А всегда ребячиться надоест.

85. В. А. Жуковский — Пушкину.
1 июня 1824 г. Петербург.

Ты уверяешь меня, Сверчок моего сердца, что ты ко мне писал, писал и писал — но я не получал, не получал и не получал твоих писем. Итак бог судья тому, кто наслаждался ими. На последнее и единственное твое письмо буду отвечать двумя словами, ибо тремя некогда. Имя Сафианос прекрасное и для меня столь же священное, как и для Греции. Но не знаю, удастся ли мне почтить его так, как я бы желал. Поговорю с теми, кто это дело знает и кто что-нибудь по этому делу может. Естьли не получишь никакого от меня отзыва — то знай, что не удалось. Естьли же удастся, то лень исчезнет, и напишу подробно. Обнимаю тебя за твоего *Демона*. К чорту чорта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги — вперед. Крылья у души есть! вышины она не побоится, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь сострапать для себя будущее, то сердце разогреется

надеждою за тебя. Прости, чортик, будь ангелом. Завтра же твой ангел. Твои звали меня к себе, но я быть у них не могу: пошлю только им полномочие выпить за меня заздравный кубок и за меня провозгласить: Быть сверчку орлом и долететь ему до солнца.

Жуковский.

1 июня.

86. А. И. Казначееву.

Начало (после 2) июня 1824 г. Одесса.

(Черновое)

Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait tant de peine, et l'affliction que vous m'en témoignez me touche sincèrement. Quant à la crainte que vous avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne la crois pas fondée. Que regretterais-je — est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le temps de me résigner. — Sont-ce mes appointe‹ments›? — Puisque mes occupations littéraires [peuvent me procurer] plus [d'argent] il est tout naturel [de leurs sacrifier des occupations de mon service etc.] Vous me parlez de protection [et d']amitié. Deux choses incompatibles; je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitié du Cte Wor‹onzof›, encore moins à sa protection: rien que je sache ne dégrade plus que le patronage, et j'estime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui. Là-dessus j'ai des préjugés démocratiques qui valent[1] bien les préj‹ugés› de l'org‹ueil› de l'Aristocratie.

Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel et tel chef, je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais qui vient y promener parmi nous sa platitude et son baragouin.

Je n'aspire qu'à l'indépendance — pardonnez-moi le mot en faveur de la chose — à force de courage et ‹de› persévérance je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre — le plus grand pas est fait. Si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce. — Je ne conçois pas la *consternation* de mes amis (je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis).

---

[1] *В подлиннике:* vaillent

Il n'y a pas de doute que le Cte W.‹oronzof› qui est un homme d'esprit saura me donner le tort dans l'opinion du public — triomphe très flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son [gré] vu que je me soucie tout autant ‹de› l'opinion de ce public que du blâme ‹et› de l'admiration de nos journaux.

87. П. А. Вяземскому.

7 июня 1824 г. Одесса.

Жена твоя приехала сегодня, привезла мне твои письма и мадригал Василия Львовича, в котором он мне говорит: *ты будешь жить с княгинею прелестной*; не верь ему, душа моя, и не ревнуй. Письма твои обрадовали меня по многим отношениям: кажется ты успокоился после своей эпиграммы. Давно бы так! Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып или цыц-цыц. Пришли мне эпиграмму Грибоедова. В твоей неточность: и *визг* такой; должно *писк*. Впрочем она прелестна. То, что ты говоришь на счет журнала, давно уже бродит у меня в голове. Дело в том, что на Воронцова нечего надеяться. Он холоден ко всему, что не он; а меценатство вышло из моды. Никто из нас не захочет *великодушного покровительства просвещенного вельможи*, это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дело и соединиться. Но беда! мы все лентяй на лентяе — материалы есть, материалисты есть, но où est le cul de plomb qui poussera ça? где найдем своего составителя, так сказать, своего Каченовского? (в смысле Милонова — что для издателя хоть Вестника Европы, не надобен тут ум, потребна только ‹----›). Еще беда: ты *Sectaire*, а тут бы нужно много и очень много терпимости; я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки, а ты[1] уступишь ли мне моего Катенина? отрекаюсь от Василья Львовича; отречешься ли от Воейкова? Еще беда: мы все прокляты и рассеяны по лицу земли — между нами сношения затруднительны, нет единодушия; золотое *к стати* поми-

[1] ты *вписано*

нутио от нас выскользает. Первое дело: должно приструнить все журналы и держать их в *решпекте* — ничего легче б не было, если б мы были вместе и печатали бы завтра, что решили бы за ужином вчера; а теперь сообщай из Москвы в Одессу замечание на какую-нибудь глупость Булгарина, отсылай его к Бирукову в П.<етер>Б.<ург> и печатай потом через 2 месяца в *revue des bévues*. Нет, душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня — а еще дале [нам] бабушке до Юрьева дня.

Радуюсь, что мог услужить тебе своей денежкой, сделай милость не торопись. С женою отошлю тебе 1-ую песнь Онегина. Авось с переменой министерства она и напечатается — покаместь мне предла<гают>[1] за второе издание К.<авказского> Пленника 2000 рублей. <Как>[1] думаешь? согласиться? Третье ведь <от>[1] нас не ушло.

Прощай, милый; пишу тебе в пол-пьяна и в постеле — отвечай.

Адрес (рукою В. Ф. Вяземской): Его сиятельству
милостивому государю
князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Чернышевском переулке[2] в собственном доме
В Москве.

88. Л. С. Пушкину.

13 июня 1824 г. Одесса.

13 июня

Ты спрашиваешь моего мнения насчет Булгаринского вранья — чорт с ним. Охота тебе связываться с журналистами на словах, как Вяземскому на письме. Должно иметь уважение к самому себе. Ты, Дельвиг и я можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы — вот тебе и весь мой совет. Напиши мне лучше что-нибудь о Северных Цветах — выдут ли и когда выдут? С переменою министерства, ожидаю и перемены цензуры. А жаль..... la coupe était pleine. Бируков и Красовской не в терпеж были глупы [и] своенравны и притеснительны. Это

[1] *Прорвано.*

[2] *В подлиннике:* В Чернышевской переулке

долго ие могло продлиться. На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он *Бахчис.‹арай-ский› Фонтан* из уважения к святыни Академического словаря и неблазно составленному слову *водомет*? Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы[1] вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик. Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первою главой или песнью Онегина. Авось пролезем. Ты требуешь от меня подробностей об Онегине — скучно, душа моя. В другой раз когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякого рода; скучно и пыльно. Сюда приехала кн.‹ягиня› Вера Вяземская, добрая и милая баба — но мужу был бы я больше рад. Жуковского я получил. Славный был покойник, дай бог ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мне нужны. Продай на год Кавк.‹азского› плен.‹ника› за 2000 р. Кому бишь? Вот[2] перемены: И *путник* оживает — и пленник. Остановлял он долго взор — вперял он любопытный взор. *И уповательным* мечтам — И упоительным. *Не много.... ей дней*[3] — *ночей* — ради бога. Прощай.

Адрес: Милостивому государю
Льву Сергеевичу
Пушкину *в С.-Петербург.*
У Обухова мосту в доме Полторацкого.

89. П. А. Вяземскому.

24—25 июня 1824 г. Одесса.

Я ждал отъезда Трубецкого, чтоб писать тебе спустя рукава. Начну с того, что всего ближе касается до меня. Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти, еще неизвестно. Тиверий рад будет придраться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня. Покаместь не говори об этом никому. А у меня голова кругом идет. По твоим письмам к

---

[1] В *подлиннике:* литтературы, *затем одно* т *зачеркнуто.*

[2] Вот *вписано.*

[3] ей дней *подчеркнуто двумя чертами.*

кн.‹ягине› Вере, вижу, что и тебе и кюхельбекерно и тошно; тебе грустно по Байроне, а я так рад [ей] его смерти, как высокому предмету для поэзии. Гений Байрона [ослаб‹?›] бледнел с его молодостию. В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уж не тот пламенный демон, который создал Гяура и Чильд Гарольда. Первые 2 песни Дон Жуана выше следующих. Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был на выворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились — после 4-ой[1] песни Child-Harold Байрона мы не слыхали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим[2] талантом. Твоя мысль воспеть его смерть в 5-ой песни его Героя прелестна — но мне не по силам — Греция мне огадила. О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братьи негров, [и] можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительное ребячество. Иезуиты натолковали [им] нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавошников, есть законнорожденный их потомок, и наследник их школьной славы.[3] Ты скажешь, что я переменил свое мнение, приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что писал тому несколько лет сам Байрон [сде‹лав›?] в замечаниях на Child Harold — там, где он ссылается на мнение Фовеля, французского консула, помнится, в Смирне. — Обещаю тебе однакож вирши на смерть его превосходительства.

Хотелось мне с тобою поговорить о перемене министерства. Что ты об этом думаешь? я и рад и нет. Давно девиз всякого русского есть *чем хуже, тем лучше*. Опозиция русская, составившаяся, благодаря русского бога, из наших писателей, каких бы то ни было, приходила уже в какое-то нетерпение, которое я из под тишка поддразнивал, ожидая чего-нибудь. А теперь, как позволят Фите Глинке говорить своей любовнице, что она божественна, что у ней очи небесные, [и] что любовь

---

1 4-ой *переправлено из* 5-ой

2 человеческим *вписано.*

3 *Сперва было:* законнорожденный потомок их школьной славы.

есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдут врать своим чередом, чины своим чередом, Русь своим чередом — вот как Шишков сделает всю обедню <------>. С другой стороны деньги, Онегин, святая заповедь Корана — вообще мой эгоизм. Еще слово: я позволил брату продать [2-ую] второе издание *Кавк.<азского> Пле.<нника>*. Деньги были нужны — а (как я говорил) 3-е издание от нас не уйдет. Да ты пакостишь со мною: даришь меня и связываешься чорт знает с кем. Ты задорный издатель — а Гнедич хоть и не выгодный приятель, за то уж копейки не подарит и смирно себе сидит, не бранясь ни с Каченовским, ни с Дмитриевым.

А. П.

Пришли же и ты мне стихов.

90. А. А. Бестужеву.

29 июня 1824 г. Одесса.

Милый Бестужев, ты ошибся, думая, что я сердит на тебя — лень одна мне помешала отвечать на последнее твое письмо (другого я не получил). Булгарин другое дело. С этим человеком опасно переписываться. Гораздо веселее его читать. Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в [это время] таком случае пишу элегии, как другой мажет <?> *<нрзб.>* свою <?> кровать <?>.[1] Но приятельское ли дело вывешивать на показ мокрые мои простыни? Бог тебя простит! но ты острамил меня в нынешней Звезде — напечатав 3 последние стиха моей Элегии; чорт дернул меня написать еще к стати о Бахч.<исарайском> фонт.<ане> какие-то чувствительные строчки и припомнить тут же[2] элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяние, когда увидел[3] их напечатанными — журнал может попасть в ее руки. Что ж она подумает [обо мне], видя с какой охотою беседую об ней *с одним из п.<етер>б.<ургских> моих приятелей*. Обязана ли она знать, что она[4] мною не названа,

---

[1] *Четыре последние слова густо замараны другими чернилами.*

[2] тут же *переделано из* ту же

[3] когда увидел *переделано из* увидев

[4] она *переделано из* я

что письмо распечатано и напечатано Булгариным — что проклятая Элегия доставлена тебе чорт знает кем — и что никто не виноват. Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики. Голова у меня закружилась. Я хотел просто напечатать в Вестн.<ике> Евр.<опы> (единственном журнале, на которого не имею права жаловаться), что Булг.<арин> не был в праве пользоваться перепискою двух частных лиц, еще живых, без согласия их собственного. Но перекрестясь предал это всё забвению. Отзвонил и с колокольни долой. Мне грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто же будет писать? М. Дмитриев да А. Писарев? хороши! если бы покойник Байрон связался браниться с полупокойником Гёте, то и тут бы Европа не шевельнулась, чтоб их стравить, поддразнить или окатить холодной водой. [По<лемика> <?>] Век полемики миновался. Для кого же занимательно мнение Дмитриева о мнении Вяземского или [лучше] мнение Писарева[1] о самом себе. Я принужден был вмешаться, ибо призван был в свидетельство М. Дм.<итриевы>м. Но больше не буду. Онегин мой [раз] растет. Да чорт его напечатает — я думал, что цензура ваша поумнела при Шишкове — а вижу, что и при старом по старому. — Если согласие мое, не шутя, тебе нужно для напечатания Разбойников, то я никак его не дам, если не пропустят *жид* и *харчевни* (скоты! скоты! скоты!), а *попа* — к чорту его. Кончу дружеской комисией — постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда-то собрание своих стихотворений за 1000 р. ассигн.<ациями>. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится ли Аристип Всеволодович? я бы в придачу предложил [бы] ему мою дружбу mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ca ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо. Мужайся — дай ответ скорей, как говорит бог Иова или Ломоносова.

29 июня
1824.
Одесса.

---

[1] Мнение Писарева *вписано*.

91. П. А. Вяземскому (?)

5 июля 1824 г. Одесса.

(Набросок)

Французы ничуть не ниже англичан в истории. Если первенство чего-нибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории. Робертсон сказал, что если бы Вольтер потрудился указать на источники своих сказаний, то бы он, Робертсон, никогда не написал своей Истории. 2-е, Лемонте есть гений 19-го столетия — прочти его Обозрение царствования Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де С-т Этьен — дрянь.

5 июля 1824
Одесса.

Век романтизма не настал еще для Франции — Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля — он ученик трагика Вольтера, а не природы —

tous les recueils de poësies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française —

Ламартин хорош в Наполеоне, в Умирающем поэте — вообще хорош какой-то новой гармонией.

Никто более меня не любит прелестного André Chénier — но он из классиков классик — от него так и несет древней греческой поэзией.

Вспомни мое слово: первый гений в отечестве Расина и Буало — ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм — что что̀ твои немцы — а покаместь поэзии во Франции менее, чем у нас.

92. А. И. Тургеневу.

14 июля 1824 г. Одесса.

Вы уж узнали, думаю, о просьбе моей в отставку; с нетерпеньем ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог до-

ждаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое. Старичок Инзов сажал меня под арест всякой раз как мне случалось побить молдавского боярина. Правда — но за то добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мною об гишпанской революции. Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж верно не пришел бы ко мне толковать о конституции Кортесов. Удаляюсь от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность к шалостям окаянной Музы, я было хотел прислать вам несколько строф моего Онегина, да лень. Не знаю, пустят ли этого бедного Онегина в небесное царствие печати; на всякой случай, попробую. Последняя перемена министерства обрадовала бы меня вполне, если бы вы остались на прежнем своем месте. Это истинная потеря для нас, писателей; удаление Голицына едва ли может оную вознаградить. Простите, милый и почтенный! Это письмо будет вам доставлено кн.<ягиней> Волконской, которую вы так любите и которая так любезна. Если вы давно не видались с ее дочерью, то вы изумитесь правоте и верности прелестной ее головы. Обнимаю всех, то есть весьма немногих — целую руку К. А. Карамзиной и княгине Голицыной constitutionnelle ou anti-constitutionnelle, mais toujours adorable comme la liberté.

А. П.

14 juillet

Адрес: A Monsieur
Monsieur Tourguenief
à St. Pétersbourg.

93. П. А. Вяземскому.

15 июля 1824 г. Одесса.

За что ты меня бранишь в письмах к своей жене? за отставку? т. е. за мою независимость? За что ты ко мне не пишешь? Приедешь ли к нам в полуденную пыль? Дай бог! но поладишь ли ты с здешними властями — это вопрос, на кото-

рый отвечать мне не хочется, хоть и можно бы. Кюхельбекер едет сюда — жду его с нетерпением. Да и он ничего ко мне не пишет; что он не отвечает на мое письмо? Дал ли ты ему Разбойников для Мнемозины? — Я бы и из Онегина переслал бы что-нибудь, да нельзя: всё заклеймено печатью отвержения. Я было хотел сбыть с рук Пленника; но плутня Ольдекоппа мне помешала. Он перепечатал Пленника, и я должен буду хлопотать о взыскании по законам. Прощай, моя радость. Благослови, преосвященный владыко Асмодей.

15 июля.

Адрес: Князю Петру Андреевичу
Вяземскому.

94. В. Л. Давыдову (?)

Июнь 1823 г.—июль 1824 г. Кишинев—Одесса.

(Черновое)

С удивлением слышу я, что ты почитаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства. Видно слова мои были тебе странно перетолкованы. Но что бы тебе ни говорили, ты не должен был верить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательство‹вало› благородным усилиям возрождающего‹ся› народа. Жалея, что принужден оправдываться перед тобою, повторю и здесь то, что случалось мне говорить касательно греков.

Люди по большой части самолюбивы, беспонятны, легкомысленны, невежественны, упрямы; старая истина, которую всё-таки не худо повторить. Они редко терпят противуречие, никогда не прощают неуважения; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяют всякую новость; и, к ней привыкнув, уже не могут с нею расстаться. —

Когда что-нибудь является общим мнением, то глупость общая — вредит ему столь же, сколько единодушие ее поддерживает. Греки между европейцами имеют гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных друзей. Ничто еще не было столь *народно*, как дело греков, хотя многие в их политическом отношении были важнее для Европы.

95. В. Л. Давыдову (?)

Июнь 1823 г.—июль 1824 г. Кишинев—Одесса.

(Черновое)[1]

de Constantinople — <un t>as<?> de gueux timides, voleurs et vagabonds qui n'ont pu même soutenir le premier feu de la mauvaise mousqueterie turque, formerait une singulière troupe dans l'armée du Comte Vitgenstein. Quant à ce q.<ui> reg.<arde> les officiers, ils sont pires que les soldats. N.<ous> avons vu ces nouveaux Léonidas dans les rues d'Odessa et de Kichenev — plusieurs nous sont personnellement connus, nous certifions leur complète nullité — ils ont trouvé l'art d'être insipide, même au moment où leur conversation devait intéresser tout européen — aucune idée de l'art militaire, nul point d'honneur, nul enthousiasme — les français et les russes qui se trouvent ici — leur marquent un mépris dont ils ne sont que trop dignes, ils supportent tout même les coups de bâton avec un sang-froid digne de Thémistocle. Je ne suis ni un barbare ni un apôtre de l'Alcoran, la cause de la Grèce m'intéresse vivement, c'est pour cela même que je m'indigne en voyant ces misérables revêtus du ministère sacré de défenseurs de la liberté —

96. И. С. Деспоту-Зеновичу.

8 августа 1824 г. Село Колпино.

Александр Пушкин сердечно благодарит Игнатия Семеновича Зеновича за его заочное гостеприимство. Он оставляет его дом, искренно сожалея, что не имел счастия познакомиться с почтенным хозяином.

8 августа 1824

97. А. Н. Раевский — Пушкину.

21 августа 1824 г. Александрия, около Белой Церкви.

Vous avez eu grand tort, cher ami, de ne pas me donner votre adresse, de vous imaginer que je ne saurais vous retrouver au fin fond du gouvernement de [Kieff] Pskoff, vous m'auriez épargné du temps perdu en recherches et vous auriez reçu

---

[1] *Верхний край письма оторван.*

ma lettre plutôt. — Vous craignez, dites-vous, de me compromettre par votre correspondance, cette crainte est puërile sous bien des rapports et puis il est des circonstances où l'on passe par-dessus ces considérations. — Du reste, que peut-il y avoir de compromettant dans notre correspondance? je ne vous ai jamais parlé politique, vous savez que je n'ai pas grand respect pour celle des poëtes et si j'ai un reproche à vous faire, c'est celui de ne pas assez respecter la Religion, notez bien cela, car ce n'est pas la première fois que je vous le dis. — C'est un besoin réel pour moi que de vous écrire: on ne passe pas impunément tant de temps ensemble; sans faire entrer en ligne de compte toutes les bonnes raisons que j'ai [de] pour vous porter une amitié véritable, l'habitude seule suffirait pour former un lien [véritab<le>] durable entre nous. Maintenant que nous sommes si loin l'un de l'autre je ne mettrai plus aucune restriction dans l'expression des sentiments que je vous porte; sachez donc qu'outre votre beau et grand talent je vous ai voué depuis longtemps une amitié fraternelle et qu'aucune circonstance ne m'en fera départir. — Si après cette première lettre vous ne me répondez pas et vous ne me donnez pas votre adresse, je continuerai à vous écrire, à vous importuner jusqu'à ce que je vous force à me répondre, à passer par-dessus de petites appréhensions que l'innocence seule de notre correspondance doit faire évanouir. —

Je ne vous parlerai pas de votre malheur, je vous dirai seulement que je ne désespère nullement de votre situation présente, elle s'améliorera, je n'en doute pas. La seule chose que je craigne pour vous c'est l'ennui du moment, aussi [je] n'ai-je pris la plume que pour chercher à vous amuser, à vous distraire, à vous parler du temps passé, de notre existence d'Odessa, qui n'était pas brillante, il est vrai, mais que le souvenir et le regret doivent nécessairement embellir à vos yeux. — Минувшей жизнию повею. —

Risnitch a repris les rênes du gouvernement du Théâtre, les actrices n'obéissent plus qu'à sa voix, quel dommage que vous n'y soyez plus. Zavalievsky continue à faire le bonheur de ses amis et connaissances, maintenant il a une nouvelle prétention, c'est celle de littérateur: il a fait le voyage de la Côte Méridionale de la Crimée à cheval, le Mérite des femmes à la main, se récriant à chaque pas tantôt sur les beautés de la poésie, tantôt sur celles de la nature le tout en mauvais français à la portée de la belle compatriote seulement et de votre *carricature* qui parfois même trouvait du mauvais goût dans son enthousiasme, il a fini par tomber de cheval au milieu de ses rêveries poétiques. — Je remets à une autre lettre le plaisir de vous parler des faits et gestes de nos belles compatriotes, présentement je vous parlerai de Tatiana. — Elle a pris une vive part à votre malheur, elle me charge de vous le dire, c'est de son aveu que je vous l'écris, son âme douce et bonne n'a vu dans le moment que l'injustice dont vous étiez la victime, elle me l'a exprimé avec la sensibilité et la grâce du caractère de Tatiana.— Sa charmante fille même se rappelle de vous, elle me parle souvent du fol Mr Pouchkin et de la canne à tête de chien que vous lui avez donné.—J'attends tous les jours une petite image avec les deux premiers vers que vous avez fait pour elle. —

Mon cher ami, de grâce ne vous laissez point aller au découragement, prenez garde qu'il n'affaiblisse vos belles facultés; prenez soin de vous-même, ayez patience, votre situation s'améliorera, on reconnaîtra l'injustice de la rigueur dont

on use envers vous; c'est un devoir envers vous-même, envers les autres, envers votre pays même que de ne vous laisser abattre; n'oubliez pas que vous êtes l'ornement de notre littérature naissante et que les traverses momentanées dont vous êtes victime ne peuvent porter atteinte à votre gloire littéraire.—Je sais que votre premier exil a fait du bien à votre caractère, que vous n'êtes plus aussi étourdi, inconsidéré, continuez de même et de plus respecter la religion et je ne doute nullement que dans un court espace de temps vous ne soyez tiré de votre maudit village. —

Adieu. Votre ami A. Raïevsky.

21 Août 1824
Alexandrie près Bielatserkow.

Mon adresse est toujours à Kieff.

98. Н. Н. Раевский-сын — Пушкину.

Конец августа—начало сентября 1824 г. Белая Церковь.

J'ai appris avec beaucoup de peine, mon cher Pouchkin, votre départ pour les terres de votre Père. Ainsi donc je n'aurai plus la perspective de vous voir de sitôt. Quant à votre changement de destination, je n'en augure pas trop de mal, j'espère que c'est un pas vers la fin de votre exil. J'espère aussi que votre proximité de Pétersbourg vous mettra à même de voir souvent votre famille et vos amis ce qui diminuera de beaucoup les ennuis de votre séjour à la campagne. J'ai été longtemps sans vous écrire car j'ai fait une grande maladie, dont je ne suis pas encore totalement rétabli. Continuez de m'écrire et faites le longuement et souvent, ne craignez pas de me compromettre, ma liaison avec vous date de bien avant votre malheureuse histoire; elle est indépendante des événements qui sont survenus et que les erreurs de votre première jeunesse ont amenés. J'ai un conseil à vous donner, soyez prudent, non pas que je craigne leur retour, mais je crains toujours quelque action imprudente qu'on pourrait interprêter dans ce sens et malheureusement les antécédents donnent prise sur vous. Si je ne vois pas de changement à votre situation, comme je tiens beaucoup à vous voir, je vous promet de venir chez vous avant un an; si votre situation change il faut que vous vous engagiez à venir me voir pour le même terme. Adieu, mon cher ami, conservez moi l'amitié que vous m'aviez témoigné, qu'elle soit indépendante de l'éloignement où nous vivons et du temps qu'il pourra durer. Adieu, je suis fatigué de vous écrire, je n'ai pas la tête à moi. Mon adresse est la même: à Kief, au nom de mon Père. Envoyez-moi la vôtre.

N. Raïevsky.

99. А. А. Дельвиг — Пушкину.

10 сентября 1824 г. Петербург.

1824-го года 10 сент —

Милый Пушкин, письмо твое и Прозерпину я получил и тоже в день получения благодарю тебя за них. Прозерпина не стихи, а музыка: это пенье райской птички, которое слушая, не увидешь, как пройдет тысяча лет. Эти двери

давно мне знакомы. Сквозь них, еще в Лицее, меня [иногда] часто выталкивали из Элизея. Какая искустная щеголиха у тебя истина. Подобных цветов мороз не тронет! Князь Вяземской петь может сколько угодно, а стихов мне пришлет. Я повторил вызов, где подстрекаю его подарками твоими, Жуковского и Дашкова. Жуковской дает мне перевод Водолаза Шиллера. Цветы мои печатаются. В первых числах декабря увидишь их. Послание к Богдановичу исполнено красотами; но ты угадал: оно в несчастном роде дидактическом. Холод и суеверие французское пробиваются кой-где. Что делать? Это пройдет! Баратынской недавно познакомился с романтиками, а правила французской школы всосал с материнским молоком. Но уж он начинает отставать от них. На днях пишет, что у него готово полторы песни какой-то романтической поэмы. С первой почтой обещает мне прислать, а я тебе доставлю [их и] с нею и прочие пьесы его, которые теперь в цензуре. Пришлю тебе и моих Купальниц. Об них Лев верно рассказал тебе.

Благодарю тебя за похвалу и замечания. Чего доброго ты заставишь меня написать поэму. Грех на твоей душе будет. „И нас тогда пленяли эполеты" я переменю: но скажи одно ли бледное слово *пленяли* тебе не нравится, и не почитаешь ли ты эполеты анахронизмом, которые при Екатерине тоже носились? Впрочем я их всячески не оставлю. —

Теперь дело о деньгах. Ежели ты хочешь продать второе издание Руслана, Пленника и, ежели можно, Бахчисарайского Фонтана, то пришли мне доверенность. Об этом меня трое [пр⟨осят⟩] книгопродавцев просят; ты видишь, что я могу произвести между ними торг и продать выгодно твое рукоделье. Издания же будут хороши. Ручаюсь.

Сергею Львовичу, Надежде Осиповне и Ольге Сергеевне мое почтение. Льву скажи, что я с ним не помирюсь на одно письмо. Только что всё приведу в порядок — буду у тебя. Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобо-пропущаемой цензурой? Пришли, коли есть. Есть еще у меня не просьба, но только спрос: не вздумаешь ли ты дать мне стихов двадцать из Евгения Онегина? Это хорошо бы было для толпы, которая не поймет всей красоты твоей Прозерпины или Демона, а уж про Онегина давно горло дерет. Подумайте, ваше Парнасское величество! Обнимаю тебя. Матюшкин тебе кланяется и слепец Козлов, который только что и твердит о тебе да о Байроне. Люби

Дельвига.

100. А. Н. Вульфу.

20 сентября 1824 г. Михайловское.

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.

Лайон, мой курчавый брат
(Не Михайловской прикащик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим за благо рассудится мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей А.<нны> Н.<иколаевны>.

До свидания, мой милый.

А. П.

<Приписка Анны Николаевны Вульф:>

Александр Сергеевич вручил мне это письмо к тебе, мой милый друг. Он давно сбирался писать к тебе и к Языкову, но я думала, что это только будет на словах. Пожалуйста отдай тут вложенное письмо [к] Языкову и, ежели можешь, употреби всё старание уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает; покаместь пожалуйста отвечай скорее на это письмо и пришли ответ от Языкова скорее. Сегодня я тебе писать много не могу. Пушкины оба у нас, и теперь я пользуюсь временем, как они ушли в баню. Я надеюсь, что твое беспокойство на счет А.<нны> П.<етровны> кончилось. Пожалуйста, моя душа, ежели можешь, пришли мне книг; я боюсь тебе надоесть с этой просьбой, но так и быть — полагаюсь на твою [родственную] братскую дружбу. Прощай, моя радость; с нетерпением будем *мы* ожидать твоего ответа. Не забывай тебе душою преданную Анну Вульф.

Сентября 20 1824 года.

Лев тебя цалует.

Адрес (рукою Анны Николаевны Вульф): Его благородию милостивому государю Алексею Николаевичу Вульфу. В город Дерпт.

101. А. А. Дельвиг — Пушкину.
28 сентября 1824 г. Петербург.

Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шел, т. е. делай, что хочешь, но не сердися на меры людей и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и [порядочно] хорошо мстит. Я не видал ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали. Ежели б ты приехал в Петербург, бьюсь об заклад, у тебя бы целую неделю была толкотня от знакомых и незнакомых почитателей. Никто из писателей [наших] русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты. Чего тебе недостает? Маленького снисхождения к слабым. Не дразни их год или два, бога ради! Употреби получше время твоего изгнания. Продав второе издание твоих сочинений, пришлю тебе и денег и, ежели хочешь, новых книг. Объяви только волю каких и много ли. Журналы все будешь получать. Сестра, брат, природа и чтение, с ними не умрешь со скуки. Я разве буду навозить ее. Нет ничего скучнее теперешнего Петербурга. Вообрази, даже простых шалунов нет! — Квартальных некому бить! Мертво и холодно или иначе: свежо и прохладно!

С приезда Воейкова из Дерпта и с появления Булгарина литература наша совсем погибла. Подлец на подлеце подлеца погоняет. Ездят в Грузино, перебивают друг у друга случай сделать мерзость, алтынничают. Офицеры занимаются новопривезенными из Варшавы темпами. Теперь мера всех артикулов вот какая: ра̄з, два̄, трӣ. Карамзин теперь в отчаянии. Для него одно счастие [видеть] наслаждаться лицезрением нашего великодушного и благословенного монарха. А он путешествует! Жуковский, я думаю, [уже] погиб невозвратно для поэзии. Он учит великого князя Александра Николаевича русской грамоте и, не шутя говорю, всё время посвящает на сочинение азбуки. Для каждой буквы рисует фигурку, а для складов картинки. Как обвинять его! Он исполнен великой идеи: образовать, может быть, царя. Польза и слава народа русского утешает несказанно сердце его. Но я заболтался — пора перестать. Благодарю за Онегина. Льва целую, но не пишу ему. Первое: за ним письмо еще, а второе некогда. Завтра ваш человек рано уезжает. Пиши ко мне чаще — я твой верный ответчик. Спешу скорее отделаться от Цветов, чтоб обнять тебя физически.

Дельвиг.

28 сент.

102. П. А. Вяземский — Пушкину.
Начало октября 1824 г. Москва.

Вяземский, видя в Московских ведомостях объявление о продаже нового издания Кавказского Пленника, писал к Жуковскому, чтобы узнать с дозволения ли Сергея Львовича и в следствие ли какой-нибудь сделки с ним прислал сюда свое издание Ольдекоп. Жуковский, переговорив с Дельвигом, отвечал Вяз.<емскому>, что никакой сделки нет, и что продажа нового издания безза-

конная. В след за сим Вяз.<емский> послал за книгопродавцем Ширяевым, который отвечал ему, что Ольдекоп заплатил Сергею Львов.<ичу> за право продавать свое издание. Спрашивается, которое из двух обстоятельство справедливо: если право не дано Ольдекопу, то пусть Александр Пушкин пришлет формальную доверенность на имя Василья Львовича или на имя Вяземского, для остановления продажи в Москве — или в данной доверенности кому-нибудь в Петербурге упомянет о *200* экземплярах, купленных от Ольдекопа московским книгопродавцем Ширяевым.

103. П. А. Вяземскому.

8 или 10 октября 1824 г. Михайловское.

Мой милый, наконец ты подал голос — деловую записку твою получил исправно — вот тебе ответ. Ольдекоп украл и соврал; отец мой никакой сделки с ним не имел. Доверенность я бы тебе переслал; но погоди; гербовая бумага в городе, должно взять какое-то свидетельство в городе — а я в глухой деревне. Если можно без нее обойтись, то начни действия, единственный, деятельный друг! По письму дяди вижу, что кн.<ягиня> В.<ера> Ф.<едоровна> к тебе приехала; ты ничем не достоин своей жены (разве стихами, да и тех уж не пишешь). Немедленно буду к ней писать; я всё хотел наверное знать место ее пребывания. En attendant mettez moi à ses pieds et dites lui qu'elle est une âme charmante. О моем житье-бытье ничего тебе не скажу — скучно вот и всё.

Каков гр.<аф> Воронцов?

> Полу-герой, полу-невежда,
> К тому ж еще полу-подлец!....
> Но тут однако ж есть надежда,
> Что полный будет наконец.

К стати о стихах: сегодня кончил я поэму Цыгане. Не знаю, что об ней сказать. Она покаместь мне опротивила, только что кончил и не успел [вым<ыть>] обмыть запревшие <---->. Посылаю тебе маленькое поминаньеце за упокой души раба божия Байрона — я было и целую панихиду затеял, да скучно писать про себя — или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского. Брат Лайон тебе кланяется. Пришли мне стихов, умираю скучно.

104. С. Г. Волконский — Пушкину.

18 октября 1824 г. Петербург.

С. Петербург 18-го октября 1824 г.

Любезный Александр Сергеевич, при отъезде моем из Одесс, я не думал, что не буду более иметь удовольствие, по возвращении моем с Кавказа, с вами видиться, и что баловник Муз, преследуемый судьбой в гражданском своем бытии будет предметом новых гонений.

Соседство и вспоминании о Великом Новгороде, о вечевом колоколе и об осаде Пскова будут для вас предметом пиитических занятий — а соо‹те›чествиникам вашим труд ваш памятником славы предков — и современника.

Посылаю я вам письмо от Мельмота; сожалею, что сам не имею возможность доставить оное и вам потвердить о тех сплетнях, кои московские вертушки вам настряпали. Неправильно вы сказали о Мельмоте, что он в природе *ничего не благословлял*, прежде я был с вами согласен, но по опыту знаю, что он имеет чувствы дружбы — благородными и не изменными обстоятельствами.

Имев опыты вашей ко мне дружбы и уверен будучи, что всякое доброе о мне известие — будет вам приятным, уведомляю вас о помолвке моей с Марию Николаевною Раевскою — не буду вам говорить о моем счастии, будущая моя жена была вам известна.

Все ваши знакомые весьма сожалеют, что лишены удовольствия вас видить и что вероятно место пребывание ваше не можеть вам дать местного развлечения.

Я сего числа еду в Киев, надеюсь прежде половины ноября пред олтарем совершить свою свадьбу. Пробуду несколько времени в Киеве — буду в поместьях новых моих родственников и там, как и здесь, буду часто о вас говорить и общее воспоминание о вас — будет в вашу пользу. Поручаю себя вашей дружеской и благосклонной памяти

На всегда не изменно вам
преданный

Сергей Волконский.

P. S. Извещаю вас, что я поместил по поручению отца величавого рогоносца сына его в Царскосельский лицей.

105. В. А. Жуковскому.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

Не знаю, получил ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю в кратце о деле, которое меня задирает за живо. 8-и летняя Родоес Сафианос, дочь грека, падшего в Скулянской битве героя, воспитывается в Кишеневе[1] у Катерины Христо-

[1] в Кишеневе *вписано*.

Конец чернового письма В. А. Жуковскому 31 октября 1824 г.

и начало чернового письма ему же 29 ноября 1824 г.

Публичная Библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, тетрадь № 2370, л. 37.

форовны Крупенской, жены бывшего виц-губернатора Бессарабии. Нельзя ли сиротку приютить? она племянница русского полковника, следств. может отвечать за дворянку. Пошевели сердце Марии, поэт! и оправдаем провиденье. О себе говорить не намерен, я хладнокровно не могу всего этого раздумать; может быть тебя рассержу, вывалив что у меня на сердце. Брат привезет тебе мои стихи, жду твоих, как утешения. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня в семейство Карамзина, скажи им, что я для них тот же. Обними из них кого можно; прочим — всю мою душу. —

106. П. А. Плетневу.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

(Черновое)

Ты издал дядю моего:
Творец Опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не жалела<?> лик его...
Теперь издай [меня], приятель,
[Плоды] пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ты будешь свой издатель?

Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего Онегина! — Созови мой Ареопаг, ты, Ж.<уковский>, Гнед.<ич> и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорн<остью> при<му> его решение.

Жалею, что нет между ва<ми> Бара<тынского>, говорят, он пишет

107. В. Ф. Вяземской.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

(Черновое)

Belle, bonne Princesse Véra, âme charmante et généreuse! Je ne vous remercierai pas pour votre lettre, les paroles seraient trop froides et trop faibles pour vous exprimer mon attendrissement

et ma reconnaissance... Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne; tel que je suis, elle seule me consola de bien des chagrins et seule a pu calmer la rage de l'ennui [qui] consume ma sotte existence. Vous désirez la connaître, cette sotte existence: ce que j'avais prévu s'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez réels. On m'a reproché mon exil; on se croit entraîné dans mon malheur, on prétend que je prêche l'Athéisme à ma soeur qui est une créature céleste et à mon frère qui est très drôle et très jeune, qui admirait mes vers et que j'ennuie très certainement. Dieu s<eul> sait, si je songe à lui? Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emploi qui le mit dans tous les cas dans une fausse position à mon égard; cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce qui me rappelle la mer m'attriste — le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre — je crois qu'un beau ciel me ferait pleurer de rage; но слава <богу> небо у нас сивое, а луна точная репка... A l'égard de mes voisins je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excèdent pas — je jouis parmi eux de la réputation *d'Onéguine* — et voilà, je suis prophète en mon pays. Soit-il. Pour toute ressource je vois souvent une bonne vieille voisine — j'écoute ses conversations patriarcales. Ses filles assez mauvaises sous tous les rapports me jouent du Rossini que j'ai fait venir. Je suis dans la meilleure position possible pour achever mon roman poétique, mais l'ennui est une froide Muse — et mon poëme n'avance guère — voilà pourtant une strophe que je vous dois — montrez-la au *Pr<ince> Pierre.* Dites lui de ne pas juger du tout par cet échantillon.

Adieu, ma respectable Princesse, je suis à vos pieds bien tristement, ne montrez cette lettre que à ceux qui j'aime et qui prennent à moi l'intérêt de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel, un mot d'Odessa — de vos enfants! — avez-vous consulté le docteur de Mili? que fait-il — и что Мили?

Le prince a

Адрес: [Пок.<орно> про.<шу> ее сият.<ельство> дост.<авить> княгине Вере Феод.<оровне> Вяземской]

108. Н. В. Всеволожскому.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

(Черновое)

Не могу поверить, чтоб ты забыл меня, милый Все<волож-ской> — ты помнишь П<ушкина>, проведшего с тобою столько веселых часов — П<ушкина>, которого ты видал и пьян<ого> и влюбл.<енного>, не всегда верн<ого> твоим субботам, но неизменного твоего товарища в театре, наперсника твоих шалостей, П<ушкина>, отрезвившего тебя в страстную пятн.<ицу> и приведшего тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову. Сей самый П<ушкин> честь имеет напомнить тебе ныне о своем существовании и приступает к некоторому делу, близко до него касающемуся... Помнишь ли, что я тебе полу-продал, полу-проиграл рукопись моих стихотв.<орений>? Ибо знаешь: игра несч<астливая><?> родит задор. Я раскаялся, но поздно — ныне решился я исправить свои погрешности, начиная с моих стих<ов>, большая часть оных ниже посредственн<ости> и годится только на соверш<енное> уничтожение, некоторых хочется мне спасти. Все<воложской> ми<лый>, царь не дает<?> мне<?> свободы! продай мне назад мою рукопись, — за ту же цену 100<0> (я знаю, что ты со м<ной> спорить<?> не станешь; даром же взять не захочу). Деньги тебе доста<влю> с благодар<ностью>, как скоро выручу — надеюсь, что мои стихи у Слёнина не залежатся. Передумай и дай ответ. Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку<?> Всеволодчика <?>. Когда-то свидимся.... когда-то.....

109. Б. А. Адеркасу.

Конец октября (31 ?) 1824 г. Михайловское.

(Отрывок)

М.<илостивый> г.<осударь> Б.<орис> А.<нтонович>,

Г.<осударь> имп.<ератор> высочайше[1] соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Неважные обвинении правительства сильно подей-

[1] *Переделано из* по высочайшему

ствовали иа сердце моего отца и раздражили мнительность,[1] простительную старости и нежной любови его к продчим детям. Решился для его спокойствия и своего собственного просить е.‹го› и.‹мператорское› в.‹еличество›, да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей. Ожидаю сей последней милости от ходатайства вашего превосх‹одительства›.

110. В. А. Жуковскому.

31 октября 1824 г. Михайловское и Тригорское.

Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моем положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как не льзя лучше, но скоро всё переменилось: отец, испуганный моей ссылкою, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним объясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я всё молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся.[2] Наконец желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно.... Отец осердился. Я поклонился,[3] сел верьхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé... (Жуковский, думай о моем положении и суди). Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю всё, что имел на сердце целых 3 месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я *его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить*... Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра — еще раз спаси меня.

А. П.

31 окт.

---

[1] *Переделано из* мнительную

[2] *Фраза вписана.*

[3] поклонился *вписано.*

Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться — дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я hors la loi.

P. S. Надобно тебе знать, что я уже писал бумагу губернатору, в которой[1] прошу его о крепости, умалчивая о причинах. П. А. Осипова, у которой пишу тебе эти строки, уговорила меня сделать тебе и эту доверенность. Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя, — голова кругом идет.

111. П. А. Вяземский — Пушкину.
6 ноября 1824 г. Москва.

Москва. 6-го ноября.

Здесь в Москве остановить продажу Ольдекоповского Пленника нельзя, потому что здешние книгопродавцы его сами купили и ведаться должно с продавцем, а не покупщиком. Я писал о том Тургеневу; он начал уже хлопотать с Дельвигом. По моему лучшее средство, хотя на первый взгляд и странное, есть написать министру Шишкову, объяснить тебе ему свое положение и просить его о защите, как министра и старейшину литературы нашей и потому вдвойне заступника твоего в таком деле. Я почти уверен, что он по крайней мере из любочестия уважит твою прозьбу и поможет тебе. А права искать правому трудно: к тому же у нас, я думаю, и в законах ничего не придумано на такой случай, и каждое начальство скажет: это не по моей части. — Вот, что советую сделать; впрочем я рад со своей стороны хлопотать, если мое предложение тебе не улыбнется. Твое Море прелестно! Я затвердил его наизусть тот час, а это по мне великая примета. Вообще стихи потеряли для меня это очарование, это *очаровательство* невыразимое. Прежде стихи действовали на меня почти физически, щекотали чувства, *les sens*; теперь надобно им задеть струны моего ума и сокровенные струны души, чтобы отозваться во мне. Ты играешь на мне на старый лад. Спасибо, мой милый виртуоз! Пожалуйста почаще брянчи, чтобы я не вовсе рассохся! — Твое любовное письмо Тани: *Я к вам пишу, чего же боле?* прелесть и мастерство. Не нахожу только истины в следующих стихах:

> Но, говорят, Вы *нелюдим*.
> *В глуши*, в деревне всё Вам скучно,
> А мы ни чем здесь не *блестим*!

Нелюдиму то и должно быть *не скучно*, что они *в глуши* и ни чем *не блестят*. Тут противумыслие! — Сделай милость, пришли скорее своих Цыган и дай мне их напечатать особенно! Давай мне всё печатать. Ты жене соврал, когда

[1] *В подлиннике:* в котором

говорил, что я с тобою барничал; я ни копейки от себя не бросил в Бахчисарайский Фонтан, клянусь честию, а напротив, кажется, жена не додала тебе нескольких рублей. В спор с Лже-Дмитриевым также не от тебя вступил, и во всем споре о тебе и помина не было. Да к тому же, теперь бояться нечего; я уж верно со сволочью этою в распрю не пойду; довольно и того, что рав брал я на хлебы их ничтожество и откормил их. Они раздулись моими пощечинами! Теперь буду умнее. Вообще в Москве печатать лучше, вернее, дешевле. Петербургская литература так огадилась, так исшельмовалась, что стыдно иметь с нею дело. Журналисты друг на друга доносят, хлопочут только о грошах и то ищут их в грязи и в заходах. И тебе не худо хлопотать о грошах или денежках на черный день; но это дело другое! Собери все свои элегии и пришли мне их; можно их отдельно напечатать. Потом *три поэмы*. Там отрывки из Онегина; а уж под конец полное собрание. Вот тебе и славная оброчная деревня! А меня наряди своим бурмистром! Тебе времени теперь много: есть досуг собрать, переписать. Да и я без дела и без охоты делать. А твое занятие будет для меня: дела не делай, а от дела не бегай. Сделай милость, для меня и для себя займись моим предложением. В Москве готовится новый журнал: Полевой и Раич главные издатели. Они люди честные и благонамеренные. Дай им что-нибудь на зубок. Они подносят тебе билет на свой журнал, который буду пересылать. — Жена писала тебе из Одессы на имя псковского губернатора. Скажи мое почтение Сергею Львовичу: не отвечал я ему на его письмо, потому что побоялся беспокоить в горести по смерти Анны Львовны. Жена тебе очень кланяется и ожидает твоего письма.

Присылай стихов, все стихи! Ради бога стихов!

Брату мой поклон.

Адрес: Александру Сергеевичу Пушкину.

112. Л. С. Пушкину.

1—10 ноября 1824 г. Тригорское.

Дела мои всё в том же порядке, я в Михайловском редко, Annette очень смешна; сестра расскажет тебе мои новые фарсы. Все там о тебе сожалеют, я ревную и браню тебя — скука смертная везде.

Скажи от меня Жуковскому, чтоб он помолчал о происшедствиях ему известных. Я решительно не хочу выносить сору из Михайловской избы — и ты, душа, держи язык на привязи.

Видел ты всех святых? Шумит ли Питер? что твой приезд и что Онегин?

NB. пришли мне 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc. — найдешь у St. Florent. 2) Серные спички. 3) Карты, т. е. картежные (об этом скажи Михайле, пусть он их и держит и продает).

3) Жизнь Емельки Пугачева. 4) Путешествие по Тавриде Муравьева. 5) Горчицы и сыру; но это ты и сам мне привезешь. Что наши литературные паны и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что — лень прислать.

Прощай, отвыкни со временем от Нащёкина, от Сабурова, от вина и от Воейковой — а то будешь un freluquet, что гораздо хуже чем[1] Mirtil и godelureau dissolu.

Языков будет в Дерпт не прежде января.

Всем поклон — пиши же живее.

Адрес: Милостивому государю и братцу.

113. Л. С. Пушкину.

1—10 ноября 1824 г. Михайловское.

Брат, вот тебе картинка для Онегина — найди искусный и быстрый карандаш.

Если и будет другая, так чтоб всё в том же *местоположении.* Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно.

Да пришли мне калоши — с Михайлом.

‹*Под картинкой:*›

1 хорош — 2 должен быть *оперши́ся на гранит*, 3 Лодка, 4 Крепость, Петропавловская.

114. В. А. Жуковский — Пушкину.

12 (?) ноября 1824 г. Петербург.

Милый друг, твое письмо привело бы в великое меня замешательство, естьли б твой брат — не приехал[2] с ним вместе в Петербург и не прибавил к нему своих словесных объяснений. Получив его, я точно не знал на что решиться: вот первая мысль, которая мне представилась: ехать к[3] Паулуччи (который здесь и с которым NB я очень мало знаком) предупредить его на счет твоего письма к Адеркасу и объяснить ему твое положение. И я это бы сделал (ибо ничего другого [пр‹идумать›] не мог придумать), естьли бы не явился твой Лев и не сказал мне, что всё будет само собою устроено. Без него, желая тебе сделать пользу, я только бы тебе вероятно повредил, то-есть обратил бы внимание на то, что лучше оставить в неизвестности, и не могу пору-

---

[1] *Переделано из* un

[2] *Сперва было:* замешательство без приезда твоего брата в

[3] *Переделано из* въ

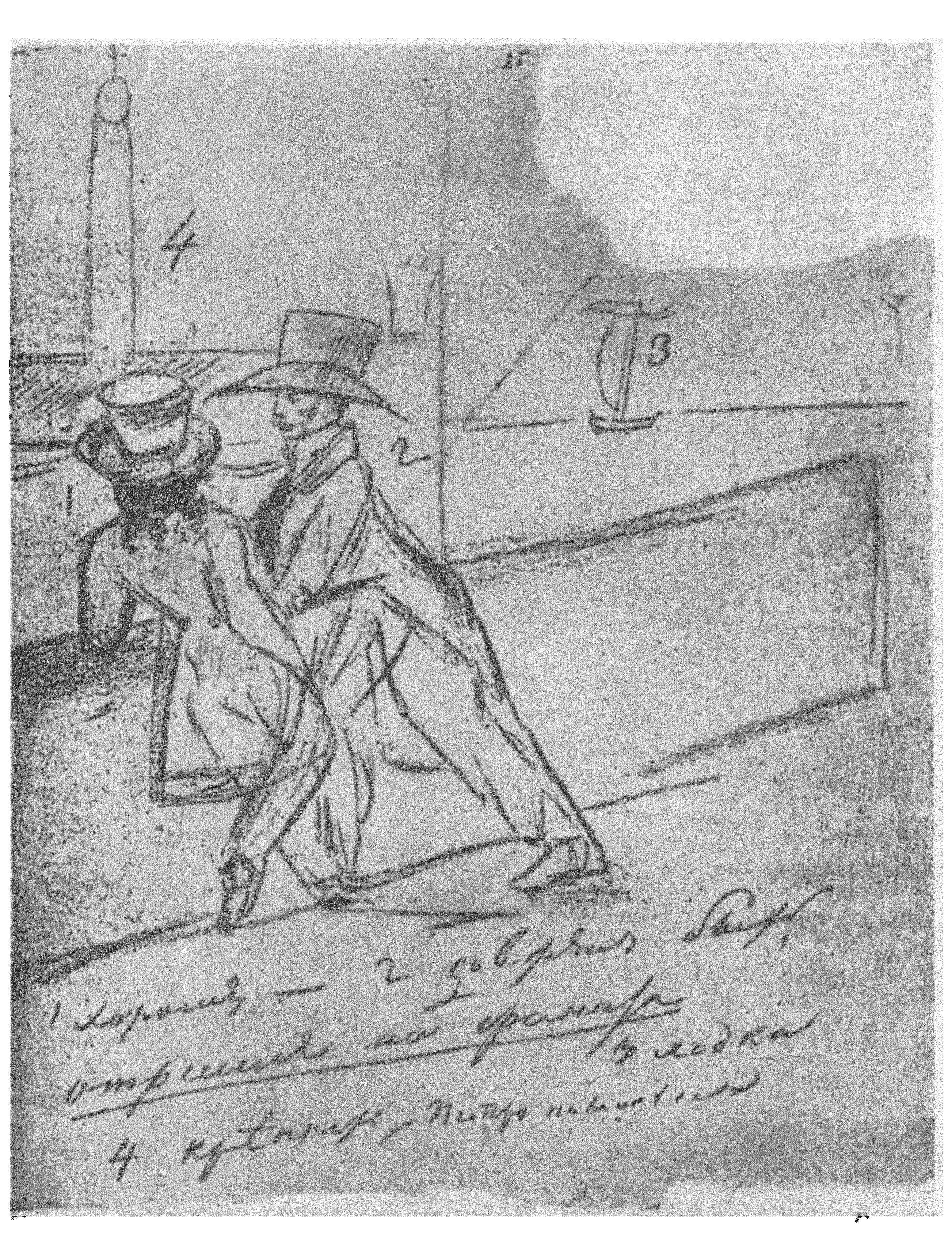
читься, уважил ли бы Паулуччи мою просьбу. Тургенева, который с ним хорошо знаком, нет в Петербурге; он поехал в Москву, где ожидает его смерть матери. На письмо твое, в котором описываешь то, что случилось между тобою и отцом, не хочу отвечать, ибо не знаю, кого из вас обвинять и кого оправдывать. И твое письмо и рассказы Льва уверяют меня, что ты столько же не прав, сколько и отец твой. На всё, что с тобою случилось, и что ты сам на себя навлек, у меня один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богач, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженного несчастия, и *обратить в добро* заслуженное; ты более нежели кто-нибудь можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, всё твое возможное счастие и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые, шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, естьли употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, естьли захочет сам. Плывн, силач. А я обнимаю тебя. Уведомь непременно, что сделалось с твоим письмом. Читал Онегина и Разговор, служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнассе. И какое место, естьли с *высокостию гения* соединишь и *высокость цели*! Милый брат по Аполлону! это тебе возможно! А с этим будешь недоступен и для всего, что будет шуметь вокруг тебя в жизни.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину.

115. Л. С. Пушкину.

Первая половина ноября 1824 г. Михайловское.

Брат, ты мне пришлешь немецкую критику Кавк.‹азского› Пл.‹енника›? (спросить у Греча) да книг, ради бога книг. Если гг. издатели не захотят удостоить меня присылкою своих альманаков, то скажи Слёнину, чтоб он мне их препроводил, в том числе и Талию Булгарина. К стати о талии: на днях я мерился поясом с Евпр.‹аксией› и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15 летней девушки, или она талью 25 летн. мущины. Евпр.‹аксия› дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь; надоела! Еще комисии: пришли мне рукописную мою книгу да портрет Чадаева, да *перстень* — мне грустно без него; рискни — с Михайлом. Надеюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Как можно ездить без оружия! Это и в Азии не делается.

Письмо Л. С. Пушкину, 1—10 ноября 1824 г. (1-я и 2-я страницы).

Публичная Библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, тетрадь № 1254, л. 25—25 об.

Брат, вот тебе кар-
тинка для Онегина —
найди искусный и быстрый
карандаш —

Если и будет другая, так чтоб
все в том же местоположении.
Та же сцена, слышишь ли? Это
мне нужно непременно.

Письмо А. С. Пушкина. 1—10 ноября 1824 г. (1-я и 2-я страницы)

Что Онегин? перемени стих *Звонок раздался* поставь: Швейцара мимо он стрелой. В Разг.<оворе> после *Искал вниманье красоты* нужно непременно:

> Глаза прелестные читали
> Меня с улыбкою любви,
> Уста волшебные шептали
> Мне звуки сладкие мои.

Не забудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин.* Что он за нехрист? он русской, из перерусских русской. Здесь слышно будто губернатор приглашает меня во Псков. Если не получу особенного *повеления,* верно я не тронусь с места. Разве выгонят меня отец и мать. Впрочем я всего ожидаю. Однако поговори, заступник мой, с Ж.<уковским> и с Кар.<амзиным>. Я не прошу от правительства полу-милостей; это было бы полу-мера, и самая жалкая. Пусть оставят меня так, пока царь не решит моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надеялся на перемену судьбы моей, но со мной он поступил не только строго, но и несправедливо. Не надеясь на его снисхождение — надеюсь на справедливость его. Как бы то ни было, не желаю быть в П.<етер> Б.<урге>, и верно нога моя дома уж не будет. Сестру цалую очень. Друзей моих также — тебя в особенности. Стихов, стихов, стихов! Conversations de Byron! Walt<er> Scott! это пища души. Знаешь ли <мои>[1] занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; пос.<ле> об.<еда> езжу верьхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем[2] недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице рус.<ской> ист.<ории>.

Прощай, моя радость. Что ж чухонка Баратынского? я жду.

Адрес: Его благородию
милостивому государю
Льву Сергеевичу Пушкину.
В С.-Петербург.
У [Измайловского] [Обухова] моста в доме Полторацкого.

---

[1] *Кусок вырван.*

[2] тем *вписано.*

116. И. М. Рокотову.

Середина августа—середина ноября 1824 г. Михайловское.

Monsieur, je me serais fait un devoir de vous envoyer ma calèche, mais pour le moment je n'ai pas de chevaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos ordres. Si Monsieur votre frère me faisait l'honneur de passer chez moi, j'aurais été enchanté de le recevoir et de renouveler une connaissance aussi aimable.

Quant à ce qui regarde le prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500.

Au reste je m'en rapporterai absolument à la décision de Monsieur votre frère.

Agréez les assurances du respect le plus profond et <de> la considération la plus parfaite. — Monsieur, votre très humble et obéissant serviteur

Alexandre Pouchkine.

Mercredi.

P. S. Mon père vous présente ses respects. Il espère la prochaine fois avoir la double satisfaction de recevoir à Михайловское vous et Monsieur votre frère.

117. Л. С. Пушкину.

Начало 20-х чисел ноября 1824 г. Михайловское.

Скажи моему гению-хранителю, моему Жуковскому, что, слава богу, всё кончено. Письмо мое к Адеркасу у меня, наши, думаю, доехали, а я жив и здоров. Что это у вас? потоп! нѝчто проклятому Петербургу! voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet. Жаль мне Цветов Дельвига; да надолго ли это его задержит в тине петербургской? Что погреба? признаюсь, и по них сердце болит. Не найдется ли между вами Ноя, для насаждения винограда? На святой Руси не штука ходить нагишом, а хамы смеются. Впрочем это всё вздор. А вот важное: тётка умерла! Еду завтра в Св.<ятые> горы и велю отпеть молебен или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся в Москву; добрый путь! Печатай, печатай

Онегина и с Разговором. Обними Плетнева и Гнедича; обоим буду писать на будущей почте. Вот тебе: А.‹нна› Н.‹иколаевна› на тебя сердита. Рокотов пересказал П.‹расковье› А.‹лександровне› твои письма в *Лубны* и к матери. Опять сплетни! и ты хорош. Всё-таки она приказала тебя *пустель‹гу›*,[1] расцеловать. Евпраксея уморительно смешна, я предлагаю ей завести с тобою философическую переписку. Она всё завидует сестре, что та пишет и получает письма. Отправь с Михайлом всё, что уцелело от Александрийского пожара, да книги, о которых упоминаю в письме с сестрой. Библию, библию! и французскую непременно. Образ жизни моей всё тот же, стихов не пишу, продолжаю свои Записки да читаю Кларису, мочи нет какая скучная дура! Жду твоих писем, что Всеволожской, что моя рукопись, что письмо мое к к.‹нягине› В.‹ере› Ф.‹едоровне›? Будет ли картинка у Онегина? что делают Полярные господа? что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоров и не напейся пьян, как тот — после своего потопа. NB. Я очень рад этому потопу, потому что зол. У вас будет голод, слышишь ли? Торопи Дельвига, присылай мне чухонку Баратынского, не то прокляну тебя. Скажи сестре, что я получил письмо к ней от милой кузины гр.‹афини› Ив‹е›л.‹ичевой› и распечатал, полагая, что оно столько же ответ мне, как и ей — объявление о потопе, о Колосовой, ум, любезность и всё тут. Поцалуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу — а гр.‹афине› Екат.‹ерине› дружеское рукожатие. Скажи Сабурову, чтоб он не дурачился, усовести его. Пиши же ко мне.

‹Приписка после вскрытия письма:›

Ах, милый, богатая мысль! распечатал нарочно. Верно есть *бочки* per fas et n‹efas›[2] продающиеся в П.‹етер› Б.‹урге› — купи, что можно будет, подешевле и получше. Этот потоп — оказия.

Адрес: Льву Сергеевичу Пушкину
в собственные лапки. Я расковырял.[3]

---

[1] пустель‹гу› *вписано.*

[2] *Повреждено при вскрытии и новой заклейке.*

[3] *У прорванного места, близ печати.*

118. В. А. Жуковскому.

29 ноября 1824 г. Михайловское.

Мне жаль, милый, почтенный друг, что наделал эту всю тревогу; но что мне было делать? я сослан за строчку глупого письма, что̀ было бы, если правительство узнало [бы] обвинение отца? это пахнет палачем и каторгою. Отец говорил после: *Экой дурак, в чем оправдывается!*[1] *да он бы еще осмелился меня бить! да я бы связать его велел!* — зачем же обвинять было сына в злодействе несбыточном? *да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками?* это дело десятое. *Да он убил отца словами!* — каламбур и только. Воля твоя, тут и поэзия не поможет.

Что ж, милый? будет ли что-нибудь для моей маленькой гречанке? она в жалком состоянии, а будущее для нее и того жалчее. Дочь героя, Жуковский! Они[2] родня поэтам по поэзии. Но полу-милорд Воронцов, даже не полу-герой. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами, а делать нечего. Получил я вчера письмо от Вяземского, уморительно смешное. Как мог он на Руси сохранить свою веселость?

Ты увидишь Карамзиных — тебя да их люблю страстно. Скажи им от меня что хочешь.

29 Нояб.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
Василью Андреевичу
Жуковскому
В СПетербург.
В Аничковском дворце.

119. П. А. Вяземскому.

29 ноября 1824 г. Михайловское.

Ольдекоп, мать его в рифму; надоел! плюнем на него и квит. Предложение твое касательно моих элегий не сбыточно и вот почему: в 1820 г. переписал я свое вранье и намерен был издать

[1] в чем оправдывается! *вписано.*

[2] *Переделано из* он

его по подписке; напечатал билеты и роздал около сорока. Я проиграл потом рукопись мою Никите Всеволожскому (разумеется, с известным условием). Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и доныне правоверные ожидают его. Теперь поручил я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступим к изданию элегий, посланий и смеси. Должно будет объявить в газетах, что так как розданные билеты могли затеряться по причине долговремянной остановки издания, то довольно будет, для получения экземпляра, одного имени с адресом, ибо (солжем на всякой страх) имена всех г.г. подписавшихся находятся у Издателя. Если понесу убыток и потеряю несколько экземпляров, пенять не на кого, сам виноват (это остается *между нами*).[1] Брат увез Онегина в П.<етер> Б.<ург> и там его напечатает. Не сердись, милый; чувствую, что в тебе теряю вернейшего попечителя, но в нынешние обстоятельства, всякой другой мой издатель невольно привлечет на себя внимание и неудовольствия. Дивлюсь, как письмо Тани очутилось у тебя. NB. истолкуй это мне. Отвечаю на твою критику: *Нелюдим* не есть мизантроп, т. е. ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то, что *в глуши, в деревне всё ему скучно,* и что *блеск* один может привлечь его... если впрочем смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17 летней, к тому же влюбленной! Что ж, душа моя, твоя проза о Байроне? я жду, не дождусь. Смерть моей тетки frétillon не внушила ли какого-нибудь перевода В.<асилию> Л—<ьвови>чу? нет ли хоть эпитафии?

Пиши мне: Ее высокор.<одию> Парасковье Александровне Осиповой, в Опочку, в село Троегорское, для дост. А. С. и всё тут, да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слышатель; отвечай же мне на мое полу-слово. Княгине Вере я писал; получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

29 ноябр.

---

[1] *Слова в скобках вписаны.*

Знаешь ли ты мою *Телегу жизни*?

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезит с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая страх и негу,
Кричим: валяй, ‹----- ----›!

Но в полдень нет уж той отваги.
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры, и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустив русской титул.....

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москве
в Чернышевском переулке в собств. доме.

120. Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.

4 декабря 1824 г. Михайловское.

‹*Л. С. Пушкину:*›

Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего демона! моего демона! после этого он и Верую напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни Моря, ни капли стихов от меня.

NB. г. Издатель Онегина

Стихи для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть.

Понимаете? да нельзя ли еще под Разговором поставить число *1823 год.*? Стих: Вся жизнь одна ли, две ли ночи надобно бы

выкинуть, да жаль — хорош. Жаль еще, что Поэт не побранил потомства в присутствии своего Книгопр.‹одавца›. Mes arrière-neveux me devraient cet ombrage. С журналистами делай, что угодно, дарю тебе мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нет. Мих.‹айло› привез мне всё благополучно, а библии нет. Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие Ист.‹ории› Кар.‹амзина›. При мне он ее и переменил. — Закрытие феатра и запрещение балов — мера благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно народ не участвует в увеселениях высшего класса, но во время общественного бедствия не должно дразнить его обидной роскошью. Лавошники, видя освещение бель-этажа, могли бы разбить зеркальные окна, и был бы убыток. Ты видишь, что я беспристрастен. Желал бы я похвалить и проччие меры правительства, да газеты говорят об одном розданном миллионе. Велико дело миллион, но соль, но хлеб, но овес, но вино? об этом зимою не грех бы подумать хоть в одиночку, хоть комитетом. Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. Ни чуть незабавно стоять в Инвалиде на ряду с идилическим коллежским ассесором Панаевым. Пришли же мне Эду Баратынскую. Ах он чухонец! да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду.

4 дек.

‹О. С. Пушкиной:›

Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не веришь. Si ce que vous dites concernant le testament d' А.‹нна› Л.‹ьвовна› est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante, et je suis fâché que Chalikof ait pissé sur son tombeau. Няня исполнила твою комисию, ездила в Св.‹ятые› горы и отправила панихиду или что было нужно. Она цалует тебя, я также. Твои троегорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы.

‹Л. С. Пушкину:›

Лев! сожги письмо мое.

Кланяйся В.‹асилию› В.‹асильевичу› Э.‹нгельгардту› и Гнедичу, и Плетневу, и Онегину, и Слёнину. Присылай мне *Старину*: это приятная новость. Торопи Дельвига; надеюсь, что не претерпел он убытку. Что Козлов слепой? ты читал ему Он.‹егина›? [1]

Адрес: Ее сиятельству
милостивой государыне
Катерине Марковне
графине Ивеличевой
в С. Петербург
у Калинкина мосту в собственном доме. Пр.‹ошу› дост.‹авить› братцу Льву Серг.

121. А. Г. Родзянке.

8 декабря 1824 г. Михайловское.

Милый Родзянко, твой поклон меня обрадовал; не решишься ли ты, так как ты обо мне вспомнил, написать мне несколько строчек? Они бы утешили мое одиночество.

Объясни мне, милый, что такое А. П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят, она премиленькая вещь — но *славны Лубны за горами*. На всякой случай, зная твою влюбчивость и *необыкновенные таланты* во всех отношениях, полагаю дело твое сделанным или полусделанным.[2] Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это всё элегию или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговорим о поэзии, т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма *Чуп*? Злодей! не мешай мне в моем ремесле — пиши сатиры, хоть на меня; не перебивай мне мою романтическую лавочку. К стати: Баратынский написал поэму (не прогневайся [Чу‹хонку›] про *Чухонку*), и эта чухонка говорят чудо как мила. — А я про *Цыганку*; каков? подавай же нам скорей свою *Чупку* — ай да Парнасс! ай да героини! ай да честная

[1] *Последний абзац приписан сверху и сбоку первой страницы.*

[2] *Переделано из* сделанное или полу-сделанное

компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую ж тебе надобно, проклятый Феб? гречанку? италианку? чем их хуже чухонка или цыганка. <-----> одна — <--->![1] т. е. оживи лучом вдохновения и славы.

Если А.<нна> П.<етровна> так же мила, как сказывают, то верно она моего мнения: справься с нею об этом. Поклон Порфирию и всем моим старым приятелям.

Прости, украинской мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней,[2] чем иной венец;
Твой Рим — деревня; ты мой Папа,
Благослови ж меня, певец!

8 дек.

Адрес: Поэту Родзянке.

122. Д. М. Шварцу.

Около 9 декабря 1824 г. Михайловское.

(Черновое)

Буря кажется успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда и подать вам голос, милый Дм.<итрий> Мак.<симович.> Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревни — скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни италианской оперы. Но за то нет — ни саранчи, ни милордов Уоронцовых. Уединение мое совершенно — праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко — целый день верьхом — вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы кажется раз ее видели, она единственная моя подруга — и с нею только мне нескучно. Об Одессе ни слуху, ни духу. Сердце вести просит — долго не смел затеять переписку с оставленными товарищами — долго крепился, но не утерпел. Ради бога! слово живое об Одессе — скажите мне, что у вас делается — скажите во-первых выздоровела <ли> маленькая гр.<афиня> Гурьева, я сердечно желаю всего счастья, почт. и благ.

[1] *Три последние слова позднее зачеркнуты.*

[2] *Переделано из* Спокойней

123. Л. С. Пушкину.

Около (не позднее) 20 декабря 1824 г. Михайловское.

Вульф здесь, я ему ничего еще не говорил, но жду тебя — приезжай хоть с П.<расковьей> А.<лександровной>, хоть с Дельвигом; переговориться нужно непременно.

С Рокотовым я писал к тебе — получи это письмо непременно. Тут я по глупости лет прислал тебе святочную песенку. Ветреный юноша Р.<окотов> может письмо затерять — а ничуть не забавно мне попасть в крепость *pour des chansons*.

Христом и богом прошу скорее вытащить *Онегина* из-под цензуры — слава, <--> ее <----> — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи — режь, рви, кромсай хоть все 54 строфы его. Денег, ради бога, денег! —

У меня с Тригорскими завязалось дело презабавное — некогда тебе рассказывать, а уморительно смешно. Благодарю тебя за книги, да пришли же мне всевозможные календари, кроме Придворного и Академического. К стати — начало речи старика Шишкова меня тронуло, да конец подгадил всё. Что ныне цензура? Напиши мне нечто

О / Карамзине, ой, ых.
Жуковском
Тургеневе А.
Северине
Рылееве и Бестужеве

И вообще о толках публики. Насели ли на Воронцова? Царь, говорят, бесится — за что бы кажется, да люди таковы! —

Пришли мне бумаги почтовой и простой, если вина, так и сыру, не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленую [пробку] главу бутылки — т. е. штопер.

Мне дьявольски не нравятся п<етербургск>ие толки о моем побеге. Зачем мне бежать? здесь так хорошо! Когда ты будешь у меня, то станем трактовать *о банкире, о переписке, о месте*

пребывания Чедаева. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться.

Кто думает ко мне заехать? Избави меня

От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала! —

впроччем, всех милости просим. С посланным посылай, что задумаешь — addio.

Получил ли ты письмо мое о Потопе, где я говорю тебе voilà une belle occasion pour nos dames de faire bidet? NB. NB.

Хотел послать тебе стихов, да лень.

124. Л. С. Пушкину.

20—23 декабря 1824 г. Михайловское.

Брат! здраствуй — писал тебе на днях; с тебя довольно. Поздравляю тебя с рожеством господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мне *Цветов да Эду* да поезжай к Энгельгартову обеду. Кланяйся господину Жуковскому. Заезжай к Пущину и Малиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

Да пришли мне кольцо, мой Лайон.[1]

125. Л. С. Пушкину.

Ноябрь—декабрь 1824 г. Михайловское.

Бумаги, перьев
облаток, чернил
чернильницу
de voyage
Чамодан
Библии 2
Шекспир

---

[1] *Приписка на обороте, поперек страницы.*

Вина [bordeau] Soterne Champagne
Сыр
ли<мбургский>
Курильницу
Lampe de voyage
Allumettes
Табак
Гл.<инянук> труб<ку с> черешн.<евым чубуком>
[Chemises]
formes<?>[1]
bague
Médaillon simple
montre.

[1] *В подлиннике заключено в рамку вместе с зачеркнутым словом* Chemises *и помечено сбоку крестиком.*

1825

126. К. Ф. Рылеев — Пушкину.
5—7 января 1825 г. Петербург.

Рылеев обнимает Пушкина и поздравляет с Цыганами. Они совершенно оправдали наше мнение о твоем таланте. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца. Я пишу к тебе: *ты*, потому что холодное *вы* не ложится под перо; надеюсь, что имею на это право и по душе и по мыслям. Пущин познакомит нас короче. Прощай, будь здоров и не ленись: ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы.

127. П. А. Плетнев — Пушкину.
22 января 1825 г. Петербург.

22 генваря, 1825.
С. п. бург.

Как быть, милый Пушкин! Твое письмо пришло поздо. Первый лист Онегина весь уже отпечатан, числом 2400 экзем. Следственно поправок сделать нельзя. Не оставить ли их до второго издания? В этом скоро будет настоять нужда. Ты верно уже получил мое письмо с деньгами 500 р. По этому суди, что работа у нас не дремлет, когда дело идет о твоих стихах. Все жаждут. Онегин твой будет карманным зеркалом петербургской молодёжи. Какая прелесть! Латынь мила до уморы. Ножки восхитительны. Ночь на Неве с ума нейдет у меня. Если ты в этой главе без всякого почти действия так летишь и влечешь, то я не умею вообразить, что выйдет после. Но Разговор с книгопродавцем верх ума, вкуса и вдохновения. Я уж не говорю о стихах: меня убивает твоя логика. Ни один немецкий профессор не удержит в пудовой диссертации столько порядка, не поместит столько мыслей и не докажет так ясно своего предложения. Между тем какая свобода в ходе! Увидим, раскусят ли это наши классики? Они до слез уморительны. Прочитай во 2-м № Сына Отечества брань на мое Письмо о русских поэтах. Бранятся за Баратынского, как будто он в своей раме не совершенство, какого только можно желать. Бранятся за Жуковского, как будто не с него начался у нас чистый поэтический язык. Бранятся за Державина, как будто нельзя быть высочайшим

поэтом, не попадая в золотый век. А Гомер-то? Но сделай милость, держи при Критике и мое письмо. Они меня криво толкуют. Они хотят уверить, что я поместил тебя в число плаксивых элегиков, когда я упомянул, что игривость твоя не мешает тебе в то же время быть исполненным самою трогательною чувствительностию. Они думают сделать тебе честь, сказавши, что у тебя один поэтический ум, а нежных и глубоких движений сердца ты не разумеешь. Они разочли, что великому поэту смешно быть чувствительным. Им кажется, что Шаликов чувствителен. Вот судьи наши! Радуйтесь, чернь рукоплещет. Но полно о глупостях.

Козлова завтра увижу и прочитаю твое письмо. Он твоим словом больше дорожит, нежели всеми громкими похвалами. Его Байрон (мне давно казалось) по частям лучше, нежели в целости. Историю никак не уломаешь в лирическую пиесу. Рылеев это прежде него доказал своими Думами. Какие мерзости с Дельвигом делают эти молодцы за Северные Цветы. У них на Парнассе толкучий рынок. Всё для денег.

О себе прошу тебя. Если ты доброжелательствуешь мне: говори прямее. Шутка конечно мила; но дело нужнее. После твоих побранок мне легче исправляться. О стихах я уж не спрашиваю. Но что проза? Главное: есть ли слог? Без него, по моему мнению, нет и прозы. Истина мыслей рано или поздо приходит, а слога не возьмешь ни из грамматики, ни в книгах не начитаешь. Тебе со стороны легче видеть всё ясно. Толков ты не слышишь. Одно осталось тебе: диктаторствуй над литературными плебеянами, да и только!

Я жду от тебя ответа нетерпеливо. Пиши обо всем, что ты думаешь начать или с новыми, или с прежними изданиями. Если хочешь денег, то распоряжайся скорее. Когда выйдет Онегин, я надеюсь скопить для будущих изданий значительную сумму, не отнимая у твоих прихотей необходимого.

128. К. Ф. Рылееву.

25 января 1825 г. Михайловское.

Благодарю тебя за *ты* и за письмо. Пущин привезет тебе отрывок из моих Цыганов. Желаю, чтоб они тебе понравились. Жду Пол.‹ярной› Звез.‹ды› с нетерпеньем, знаешь для чего? для Войнаровского. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бест.‹ужев› пишет мне много об Онегине — скажи ему, что он не прав: ужели хочет он изгнать всё легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следственно должно будет уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Pucelle, и Вер-Вера, и Ренике-фукс, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc. etc. etc. etc. etc... Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии, но довольно об Онегине.

Согласен с Бестужевым во мнении о критической [его] статье Плетнева — но не совсем соглашаюсь [в] с строгим приговором о Жук‹овском›. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались? Что ни говори, Ж‹уковский› имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым. Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает? Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастия и не созревшие надежды. Прощай, поэт.

25 генв.

129. П. А. Вяземскому.

25 января 1825 г. Михайловское.

Что ты замолк? получил ли ты от меня письмо, где говорил я тебе об Ольдекопе, о собрании моих элегий, о Татьяне, etc. В Цветах встретил я тебя и чуть не задохся со смеху, прочитав твою Черту местности. Это маленькая прелесть. *Чист.‹осердечный› Ответ* растянут: рифмы *слёзы, розы* завели тебя. Краткость одно из достоинств сказки эпиграмматической. *Сквозь кашель и сквозь слезы* очень забавно, но вся мужнина речь до *за гробом ревность мучит* растянута и натянута. *Еще мучительней вдвойне* едва ли не плеоназм. Вот тебе критика длиннее твоей пиэсы — да ты один можешь ввести и усовершенствовать этот род стихотворения. Руссо в нем образец, и его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов. — Прочел я в Инвалиде объявление о Телеграфе. Что там моего? Море или Телега? Что мой Кюхля, за которого я стражду, но всё люблю? говорят, его обстоятельства не хороши — чем не хороши? Жду к себе на днях брата и Дельвига — покаместь я один одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни. Стихи не лезут. Я кажется писал тебе, что мои Цыгане ни куда не годятся: не верь — я соврал — ты будешь ими очень доволен. Онегин печатается; брат и Плетнев смотрят за изданием; не ожидал я, чтоб он протерся сквозь цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе послание цензору? там между прочим

Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал.
Шишков уже наук правленье восприял.
Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью Двенадцатого года,
Один в толпе вельмож он русских Муз любил,
Их незамеченных созвал, соединил,
От хлада наших дней спасал он лавр единый
Осиротевшего венца Екатерины etc.

Так Арзамасец говорит ныне о деде Шишкове, tempora altri! вот почему я не решился по твоему совету к нему прибегнуть в деле своем с Ольдекопом. В подлостях нужно некоторое благородство. Я же подличал благонамеренно — имея в виду пользу [нашу][1] нашей словесности и усмиренье кичливого Красовского. Прощай, кланяйся княгине — и детей поцалуй. Не правда ли, что письмо мое напоминает *le faire* [Василья Львовича][2]? Вот тебе и стишки в его же духе

Приятелям

Враги мои, покаместь, я ни слова,
И кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу, когда-нибудь, любого;
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданый, беспощадный:
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит[3] индеек и гусей.

Напечатай где-нибудь.

25 генв.

Как ты находишь статью, что написал наш Плетнев? экая ералаш! Ты спишь, Брут! Да скажи мне, кто у вас из Москвы так горячо вступился за немцев против Бестужева (которого я не читал). Хочешь еще эпиграмму?

[1] нашу *поверх какого-то другого начатого слова.*

[2] Василья Львовича *густо замарано.*

[3] *Переделано из* стережет

Благодарю тебя за
ты и за письмо.
Пущин привезет тебе
отрывок из моих
Цыганов. Желаю чтоб
они тебе понравились.
Жду Пол. Зв. с нетерпеньем
знаешь для чего? для
Войнаровского. Эта поэ-
ма нужна была для
нашей словесности. Бест.
пишет мне много об
Онегине — скажи ему
что он не прав. Ужели
он хочет изгнать все
легкое и веселое из
области поэзии? куда

Письмо К. Ф. Рылееву, 25 января 1825 г. (1-я и 2-я страницы).
Институт Литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в Ленинграде.

Кнутикъ сатиры и
комедiи? остроумно
замыслы будутъ уширо-
фитъ и Orlando furioso
и Гудибрасъ, и Pucelle
и Веръ-Веръ и Ренике-
-фуксъ и лучшихъ частъ
Душеньки, и сказки
Лафонтена и басни
Крылова &c &c &c &c. . . –
Это не много стараго.
картины игривой прелести
также входятъ въ
область поэзiи, но
довольно обывателю.
Согласенъ ли веселу-
-шимъ волшебникамъ

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах.
Бормочит нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: *Фита* бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны.

130. П. А. Вяземскому.

28 января 1825 г. Тригорское.

Пущин привезет тебе 600 рублей. Отдай их кн.<ягине> В.<ере> Ф.<едоровне> и с моей благодарностию. Савелов большой подлец. Посылаю при сем к нему дружеское письмо. Перешли его (в конверте) в Одессу *по оказии*, а то по почте он скажет: не получил. Охотно извиняю и понимаю его

Но умный человек не может быть не плутом!

A propos. Читал я Чацкого — много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек — но Грибоедов очень умен. Пришлите же мне Ваш Телеграф. Напечатан ли там Хвостов? что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как В.<асилий> Л.<ьвович>, Ив.<анчин>-Пис<арев> — и проч. Каков Филимонов в своем Инвалидном объявлении. Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня. Слава же Филимонову!

Пишу тебе в гостях [за] с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадью: большая разница для моего наезднического честолюбия.

28 генв.

131. А. А. Бестужеву.

Конец января 1825 г. Михайловское.

Рылеев доставит тебе моих Цыганов. Пожури моего брата за то, что он не сдержал своего слова — я не хотел, чтоб эта поэма известна была прежде времени — теперь нечего делать —

принужден ее напечатать, [прежде] пока не растаскают ее по клочкам.

Слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин.[1] Вот что мельком успел я заметить:

Драмматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следст. не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана не ясно: не то <----->, не то московская кузина. Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина, но штатской трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен. Les propos de bal, сплетни, рассказ Репетилова о клобе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый — вот черты истинно комического гения. — Теперь вопрос. В комедии Горе от ума кто умное действ.<ующее> лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий [и] благородный [молодой человек] и добрый[2] малой, проведший несколько времени с очень умным человеком (имянно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Всё, что говорит он — очень умно. Но кому говорит он всё это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.* К стати что такое Репетилов? в нем 2, 3, 10 характеров. Зачем делать его гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием; довольно, чтоб он признавался поминутно в своей глупости, а не в мерзостях. Это смирение черезвычайно ново на театре, хоть кому из нас не случалось *конфузиться*, слушая ему подобных кающихся? — Между мастерскими чертами этой прелестной комедии — недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молч.<алину> — прелестна! — и как натурально! Вот на чем должна была вертеться вся комедия, но Грибоедов видно

* Cléon Грессетов не умничает с Жеронтом, ни с Хлоей.

[1] *Переделано из* она достойна

[2] и добрый *вписано.*

не захотел — его Воля. О стихах я не говорю, половина — должны войти в пословицу.

Покажи это Грибоедову. Может быть я в ином ошибся. Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался. Эти замечания пришли мне в голову после, когда уже не мог я справиться. По крайней мере говорю прямо, без обиняков, как истинному таланту.

Тебе кажется Олег не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе[1] — есть черта трогательного простодушия, да и происшедствие само по себе в своей простоте имеет много поэтического. Лист кругом; на сей раз полно.

Я не получил *Лит.‹ературных› Лист.‹ков›* Булг.‹арина›, тот №, где твоя критика на Бауринга. Вели прислать.

132. П. А. Вяземскому.

Конец (после 28) января 1825 г. Михайловское.

Некогда мне писать княгине — благодари ее за попечение, за укоризны, даже за советы, ибо всё носит отпечаток ее дружбы, для меня драгоценной. — Ты конечно прав; более чем когда-нибудь обязан я уважать себя — унизиться перед правительством была бы глупость — довольно ему одного Грабе.

Я писал тебе на днях — и послал некоторые стихи. Ты мне пишешь: пришли мне *все стихи*. Легко сказать! Пущин привезет тебе отрывки из Цыганов — заветных покаместь нет.

133. П. А. Плетнев — Пушкину.

7 февраля 1825 г. Петербург.

7 февр. 1825. С. п. б.

Мне Дельвиг часто повторяет пословицу русскую: если трое скажут тебе ты пьян, то ложись спать. После твоего письма о моем несчастном Письме к графине пришлось мне лечь спать. Его облаяли в Сыне Отечества; Баратынский им недоволен, ты тоже. Я тебе очень благодарен, милый Пушкин, за все твои замечания. Теперь я буду верить всему, что ты ни скажешь мне. Этого только и добивался я от тебя. Повторю свое:

Твой гордый гнев...
Утешнее хвалы простонародной.

[1] и заботливость о его судьбе *вписано*.

И в самом деле: что за радость писать, когда не узнаешь о себе правды от людей, которых любишь и мнением которых дорожишь? Но всё это не отнимает у меня права защищаться перед тобою, хоть для одного удовольствия дольше писать к тебе:

1) Я писал к даме, ей богу, не из куростройства, но из простодушного доброжелательства хоть двух-трех из них заставить прочитать что-нибудь по-русски; особенно хотелось мне завлечь их любопытство: познакомиться с нашими поэтами, когда они узнают хоть по одной пиесе из каждого. Они, сколько бы мы их ни бранили, всё-таки участием своим много пособляют переносить тяжелое бремя авторства, особенно где нет совсем времени деловым людям заниматься ни прозой, ни стихами. 2) О Ламартине я потому должен был часто упоминать, что он (как ты заметил из начала письма) был, так сказать, *пари* нашего разговора. Ты уж гляди на эту вещь в той раме (пусть она дрянная), в которой я ее поставил. 3) Мнение о русской Антологии, которую я воображаю не более, как в два-три печатных листка, не только мое, но и Крылова-Лафонтеновича. 4) Разделения наших поэтов в моем письме настоящего нет, а употребленное мною есть маленькая хитрость, чтобы только сообщить ей, кто отписал и кто пишет. Как ты прикажешь сделать, когда и этого не знают? 5) Драмматических писателей я пропустил потому, что вообще полагаю наши трагедии и комедии (выключая Недоросль), если не совсем ничтожными, по крайней мере дурными в отношении к другим родам. Шаховской, мне кажется, то же современем получит за свои комедии, что Херасков получил уже от нашего века за свои поэмы. Катенина талант я уважаю, но жестких стихов его не люблю. Хмельницкий опрятен, но в нем истинной поэзии не больше, как и в наших актрисах. 6) У Дмитриева есть пять-шесть страниц, которых, кажется, не сгладит время. В *bévues* грешен — не знал. 7) О Туманском и А. Крылове согласен с тобой. Впрочем я многих из молодых назвал за то, что у них есть какое-то ухо, а я терпеть не могу, у кого одни только уши, как напр. у Воейкова и ему подобных. 8) *Об языке чувств* неясно выразился. Мне хотелось сказать, что до Баратынского Батюшков и Жуковский, особенно ты, показали едва ли не все лучшие элегические формы, так, что каждый новый поэт должен бы непременно в атом роде сделаться чьим-нибудь подражателем, а Баратынский выплыл из этой опасной реки — и вот, что особенно меня удивляет в нем. 9) О золотом веке можно только гадать: но как уже не подозревать его, когда наши стихи стали писать правильнее, свободнее и яснее прозы? 10) Разнообразна ли наша словесность? В поэзии у нас довольно разнообразия, судя по числу истинных повтов. 11) Направления нет — я похвастал. 12) Что такое Державин? На это очень желаю получить от тебя хоть несколько строчек, тем более, что я пока в душе почитаю вековечными только его, Крылова и А. Пушкина, если он на меня за это не сердится и не скажет мне дурака. 13) Твоего различения Батюшкова от Вяземского не знаю: скажи, ради бога! А Батюшков для меня прелесть. Заключу: Я вто писал письмо к такой женщине, которая от доброй души говорила, будто ей нечем заменить Ламартина по-русски. Тебе смешно, а мне было до слез больно. Таким образом я с досады всё видел у нас в лучшем виде, нежели оно в самом деле. Впрочем, кажется мне, для успехов литературы полезнее по моему

пристрастно хвалить, нежели так невежественно отзываться о Крылове ([у которого будто] за то, что у него теперь нет *русских* куриц и *русских* медведей), о Жуковском (за то, что нельзя нарисовать прелести и очарования первой любви), о тебе (что будто Олег-Вещий холоден, без чувства и воображения), как имеют честь, или бесчестие, отзываться издатели Сына Отечества № 3. Но довольно. Прошу только тебя не забыть уведомить меня о том, что я выше сам означил. Остальное прими не за оправдание, но за исповедь.

Ты из прежнего письма моего знаешь, что поправок сделать в Онегине и Разговоре нельзя (если не захочешь ты бросить понапрасну 2400 листов веленевой бумаги и оттянуть выход книги еще на месяц по проклятой медленности наших типографий). Теперь еще требуешь поправки, когда уже всё отпечатано. Сделай милость, оставь до второго издания.

Предвижу ваше возраженье:
Но тут не вижу я стыда......

И в самом деле: твоя щекотливость почти не у места. Что знаешь ты, да кто другой, того мы не поймем. Всякой подумает, [как] будто нельзя и поэм писать

Как только о себе самом?

Дельвиг к тебе не скоро будет. К нему приехал отец.

Забыл-было: Письма из Италии точно Перовского. О Черепе я тоже думаю: но желал бы видеть в нем несколько стихов обделаннее и общую мысль яснее изложенною.

Прошу тебя, не замедли ответом. Онегина надобно выпустить. Если ты долго не ответишь мне, я, наперед говорю, согрешу: выпущу его в свет без твоего благословения и, разумеется, без поправок.

134. К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев — Пушкину.
12 февраля 1825 г. Петербург.

‹К. Ф. Рылеев:›

Благодарю тебя, милый Поэт, за отрывок из Цыган и за письмо; первый прелестен, второе мило. Разделяю твое мнение, что картины светской жизни входят в область поэзии. Да если б и не входили, ты с своим чертовским дарованием втолкнул бы их насильно туда. Когда Бестужев писал к тебе последнее письмо, я еще не читал вполне первой песни Онегина. Теперь я слышал всю: она прекрасна; ты схватил всё, что только подобный предмет представляет. Но Онегин, сужу по первой песни, ниже и Бахчисарайского фонтана и Кавказского пленника. Не совсем прав ты и во мнении о Жуковском. Неоспоримо, что Жук.‹овский› принес важные пользы языку нашему; он имел решительное влияние на стихотворный слог наш — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не *за влияние его на дух нашей словесности*, как пишешь ты. К несчастию влияние это было слишком пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность,

неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали. Зачем не продолжает он дарить нас прекрасными переводами своими из Байрона, Шиллера и других великанов чужеземных. Это более может упрочить славу его. С твоими мыслями о Батюшкове я совершенно согласен: он точно заслуживает уважения и по таланту и по несчастию. Очень рад, что Войнаровский понравился тебе. В атом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях: иначе не всё выскажешь. Сей час получено Бестужевым последнее письмо твое. Хорошо делаешь, что хочешь поспешить изданием Цыган; все шумят об ней и все ее ждут с нетерпением. Прощай, Чародей.

Рылеев.

12 генваря[1]

‹А. А. Бестужев:›

Письмо твое сердечно получил — но отвечать теперь нет время. Буду писать с требуемым номером журнала, и тогда потолкуем о комедии. Замечания твои во многом правы — до свиданья на письме, прощай, мой поэт, будь самим собою и помни друзей, которые желают тебе счастия и славы.

Твой Александр.

Адрес (рукою Рылеева): Его благородию
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину. etc. etc. etc.

135. Л. С. Пушкину.

Конец января—первая половина февраля 1825 г. Михайловское.

Я с тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинам: 1) потому что это было бы напрасно...... Цыганов, нечего делать, перепишу и пришлю к вам, а вы их тисните. Твои опасенья на счет приезда ко мне, вовсе несправедливы. Я не в Шлиссельбурге, а при физической возможности свидания, лишить оного двух братьев была бы жестокость без цели, следств. вовсе не в духе нашего времени, ни... —

Жду шума от Онегина; покаместь мне довольно скучно; ты мне не присылаешь Conversations de Byron, добро! но милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради Записки Фуше и давай мне их сюда; за них отдал бы я всего Шекспира; ты не[2] воображаешь, что такое Fouché! Он по мне

---

[1] *Описка.*

[2] не *вписано.*

очаровательнее Байрона. Эти записки должны быть сто раз поучительнее, занимательнее, ярче записок Наполеона, т. е. как политика, потому что в войне я ни чорта не понимаю. На своей скале (прости боже мое согрешение!) Наполеон поглупел — вопервых, лжет как ребенок,* 2) судит о таком-то, не как Наполеон, а как парижский памфлетер, какой-нибудь Прадт или Гизо. Мне что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Monthaulon подкуплены! тем более, что самых важных сведений имянно и не находится. Читал ты записки *Nap.‹oléon›*? Если нет, так прочти: это, между прочим, прекрасный роман mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздоре, поговорим о важном. *Мой* Коншин написал, ей богу, миленькую пьэсу *Дев.‹ушка› влюбл.‹енному› поэ.‹ту›* — кроме авторàми. А куда он Коншин! его *Элегия* в Цветах какова? Твое суждение о комедии Грибоедова слишком строго. Бестужеву писал я об ней подробно; он покажет тебе письмо мое. По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства на Парнассе. Я министр иностранных дел, и кажется, дело до меня не касается. Если *Палей* пойдет, как начал, Рылеев будет министром. — Плетнев неосторожным усердием повредил Баратынскому; но *Эда* всё поправит. Что Баратынский?.... И скоро ль, долго ль?.. как узнать? Где вестник искупленья? Бедный Баратынский, как об нем подумаешь, так по неволе постыдишься унывать. Прощай, стихов новых нет — пишу Записки, но и презренная проза мне надоела.

Приехал гр.‹аф› В.‹оронцов›? узнай и отпиши мне, как отозвался он обо мне в свете — а о другом мне и знать, не нужно.

Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его арапская рожа[1] произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы.

---

* Т. е. заметно.

Адрес: Брату Льву.

---

[1] *В подлиннике:* роожа

136. И. И. Пущин — Пушкину.

18 февраля 1825 г. Москва.

Москва 1825 февраля 18-го.

Опять я в Москве, любезнейший Пушкин — действую снова в суде. — Деньги твои возвращаю: Вяземская их не берет, я у себя оставить не могу; она говорит, что получит их от одесского приятеля, я говорю, что они мне не следуют. Приими их обратно, — я никак благоразумнее не умею поступить с ними. —

Живи счастливо, любезнейший Поэт! Пиши мне послание и уведоми о получении суммы. —

Кюхельбекера здесь нет. Он в деревне у матери и вероятно будет у тебя. —

Много знакомых твоих и любопытных о тебе расспрашивают. Я по возможности удовлетворяю их любопытству. Между прочим И. И. Дмитриев меня забросал вопросами за обедом у Вяземского. —

Прощай, будь здоров. Кланяйся няне. —

Твой Иван Пущин.

На-днях тебе пришлю Рылеева произведения, которые должны появиться: Войнар.‹овский› и Думы.

Мой ад.: у Спаса на Песках близь Арбата в доме графини Толстой.

137. П. А. Вяземскому.

19 февраля 1825 г. Михайловское.

Скажи от меня Муханову, что ему грех шутить со мною шутки журнальные. Он без спросу взял у меня начало Цыганов и распустил его по свету. Варвар! ведь это кровь моя, ведь это деньги! теперь я должен и Цыганов распечатать, а вовсе не во-время.

Онегин напечатан, думаю, уже выступил в свет. Ты увидишь в Разг.‹оворе› Поэта и Книг.‹опродавца› мадригал кн.‹язю› Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он имянно поэт прекрасного пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Что же Телеграф обетованный? Ты в самом деле напечатал Телегу, проказник? Прочие журналы все получаю — и более чем когда-нибудь чувствую необходимость какой-нибудь Edim-

boorg review. Да вот те Христос: литература мне надоела — прозы твоей брюхом хочу. Что издание Фонвизина?

19 февр.

Кланяюсь княгине и цалую руки, хоть это из моды вышло.

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москве
В Чернышевском переулке в собственном доме.

138. Н. И. Гнедичу.

23 февраля 1825 г. Михайловское.

Кажется Вам обязан Онегин покровительством Шишкова и счастливым избавлением от Бирукова. Вижу, что дружба Ваша не изменилась, и это меня утешает.

Нынешние мои обстоятельства не позволяют мне и желать ваших писем. Но жду стихов ваших, хоть печатных, хоть рукописных. Песни Греческие прелесть и tour de force. Об остроумном предисловии можно бы потолковать? Сходство песенной поэзии обоих народов явно — но причины?... Брат говорил мне о скором совершении Вашего Гомера. Это будет первый классический, европейской подвиг в нашем отечестве (чорт возьми это отечество). Но, отдохнув после Иллиады, что предпримите вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра? Я жду от вас эпической поэмы. *Тень Святослава скитается не воспетая,* писали вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской, а Ермак? а Пожарской? История народа принадлежит Поэту.

Когда Ваш корабль, нагруженный сокровищами Греции, входит в пристань при ожиданьи толпы, стыжусь вам говорить о моей мелочной лавке № 1. — Много у меня начато, ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемены погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23 февр., день объявления греческого бунта Александром Ипсиланти.

Адрес: Николаю Ивановичу
Гнедичу.

139. Л. С. Пушкину.

Конец февраля 1825 г. Михайловское.

Получил, мой милый, милое письмо твое. Дельвига с нетерпением ожидаю. Жалею о строгих мерах, принятых в твоем отношении. Читал объявление об Онегине в Пчеле: жду шума. Если издание раскупится — то приступи тотчас к изданию другому или условься с каким-нибудь книгопродавцем. Отпиши о впечатлении, им произведенном. У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен я был вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть. Я велел Розе подать мне счеты. Она показала мне, что за 2 года (1823 и 4) ей ничего не платили (?). И считает по 200 руб. на год, итого 400 рублей. — По моему счету ей следует 100 р. Наличных денег у ней 300 р. Из оных 100 выдам ей, а 200 перешлю в П.<етер>Б.<ург>. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько имянно положено ей благостыни и заплачено ли что-нибудь в эти 2 года. Я нарядил комитет, составленный из Василья, Архипа и старосты. Велел перемерить хлеб и открыл некоторые злоупотребления, т. е. несколько утаенных четвертей. Впрочем, она мерзавка и воровка. Покаместь я принял бразды правления.

Ты спрашиваешь, зачем пишу я Булгарину? потому что он мне друг. Есть у меня еще друзья: Сабуров Яшка, Муханов, Давыдов и проч. Эти друзья не в пример хуже Б.<улгарина>. Они на днях меня зарежут — покаместь я почтенному Фаддею Венедиктовичу послал 2 отрывка из Онегина, которых нет[1] ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будет.... а кто виноват? всё друзья, всё треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Над или под Морем и Землею должно было поставить Идиллия Мосха. От этого я бы не удавился — а Бион старик при своем остался б. То же и об Ив.<ане> Ив.<ановиче> Парни — но тут я сам виноват.

Если придет тебе пакет на имя Дельвига, то распечатай — позволяю. Плетнева цалую и буду писать.

---

[1] нет *вписано.*

Да пришлите же мне Старину и Талию, господи помилуй не допросишься. Здесь письмо к Изд.<ателю> или <---------> Н.<евского> А.<льманаха>. Прочитай его да доставь. Он, каналья, лжет на меня в афишках да мне присылает свое вранье — добро! Начало *Кота* Измайлова очень мило.

P.S. Слепой поп перевел *Сираха* (смотр. Инв.<алид> № какой-то), издает по подписке — подпишись на несколько экз.

140. П. А. Плетнев — Пушкину.
3 марта 1825 г. Петербург.

3 марта, 1825. С. п. б.

Нынешнее письмо будет рапортом, душа моя, об Онегине. Я еще, кажется, не извещал тебя подробно о нем.

Напечатано 2400 экз. Условие заключил я со Слёниным, чтобы он сам продавал и от себя отдавал, кому хочет, па комиссию, а я, кроме него, ни с кем счетов иметь не буду. За это он берет по 10 процентов, т. е. нам платит за книжку 4 р. 50 ко., продавая сам по 5 руб. За все экз., которых у него не будет в лавке, он платит деньги сполна к каждому 1 числу месяца для отсылки к тебе или как ты мне скажешь.

1-го марта, т. е. через две недели по поступлении Онегина в печать, я уже не нашел у него в лавке 700 экз., следовательно, он продал, за вычетом процентов своих, на 3150 рублей.

Из этой суммы я отдал:

1) За бумагу (белую и обертошную)	397 руб.
2) За набор и печатание — —	220 —
3) За переплет — — —	123 —
4) За пересылку экземпляров тебе, Дельвигу, отцу и дяде (твоим) —	5 —
И того	745

Из оставшейся 2.405 р. суммы Слёнин вычел 500 руб., которые я взял у него для отсылки к тебе еще прежде, нежели Онегин отпечатался.

Я было думал ныньче прислать к тебе последние 1905 руб., но брат Лев истребовал от Слёнина, по твоему предписанию 2.000 рублей на выкуп от Всеволодского рукописи твоих мелких стихотворений. По этому случаю ты нынешний месяц остаешься без денег, даже в долгу 95 рублей.

Итак запиши, что из доходов Онегина ты уже израсходовал ровно 3245 рублей.

Думаю, что вещун *Д.<ельвиг>* возвратился из Витебска в Михайловское. Поцелуй его за меня и скажи, что я не писал ему туда в другой раз, не надеясь, что б мое письмо его там застало. От него ты узнаешь, что с Ольдекопом делать нечего. Но всё-таки твои новые издания у меня не выходят из головы. Они тебе дадут много. Подумай об этом с *Д.<ельвигом>*. Только надобно

всё лучше устроить и побольше прибавить нового. Тогда на руках ничего не останется. Впрочем делай, как считаешь лучше. Скажи *Д.<ельвигу>*, что мне без него грустно. Я надеюсь скоро принять его в объятия — и с новым вдохновением.

Жуковский работает всё около астрономии. Чернец Козлова скоро выйдет. Полярная Зв.<езда> печатается, также Рылеева Думы и Войнаровский.

Не знаю, от чего журналисты тебе не присылают своих непотребностей. Верно ждут от тебя послания. Каченовский всё хлопочет о Кавказск.<ом> Пл.<еннике>, а его бедного уж нет и в лавках.

Вязeмский болен — и не на шутку. Говорят, что трудно поднять его. А Булгарин так, слава богу, жирнее день ото дня.

О, провидение! Роптать я не дерзаю;

Но...

141. Л. С. Пушкину.

Конец февраля—начало марта 1825 г. Михайловское.

Я было послал это в С.<ын> О.<течества>, да кажется журнал сей противу меня восстанет, судя по сухому объявлению Пчелы. В таком случае мне не годится там явиться, как данннику атамана Греча и есаула Булг<арина>. Дарю отрывки тебе: печатай, где хочешь.

142. А. А. Бестужев — Пушкину.

9 марта 1825 г. Петербург.

9. Марта. 1825.

Долго не отвечал я тебе, любезный Пушкин, не вини: был занят механикою издания Полярной. Она кончается (т. е. оживает), и я дышу свободнее и приступаю вновь к литературным спорам. Поговорим об *Онегине*.

Ты очень искусно отбиваешь возражения на счет предмета — но я не убежден в том, будто велика заслуга оплодотворить тощее поле предмета, хотя и соглашаюсь, что тут надобно много искуства и труда. Чудно привить яблоки к сосне — но это бывает, это дивит, а всё-таки яблоки пахнут смолою. Трудно попасть горошинкой в ушко иглы, но ты знаешь награду, которую назначил за это Филипп! Между тем как убить в высоте орла, надобно и много искуства и хорошее ружье. Ружье — талант, птица — предмет [и] — для чего ж тебе из пушки стрелять в бабочку? — Ты говоришь, что многие гении занимались этим — я и не спорю, но если они ставили это искуство выше изящной, высокой поэзии — то верно шутя [и] слово Буало, будто хороший куплетец лучше иной поэмы, нигде уже ныне не находит верующих, ибо Рубан, бесталанный Рубан написал несколько хороших стихов, но читаемую поэму напишет не всякой Проговориться не значит говорить, блеснуть можно и не горя. Чем выше предмет, тем более надобно силы, чтобы объять его — его постичь, его одушевить. Иначе ты покажешься мошкою на пирамиде — муравьем, который силится поднять яицо орла. — Одним словом как бы ни был велик и богат предмет

стихотворения — он станет таким только в руках гения. Сладок сок кокоса, но для того, чтоб извлечь его, потребна не ребяческая сила. В доказательство тому приведу и пример: что может быть поэтичественнее *Петра*? И кто написал его сносно? Нет, Пушкин, нет, никогда не соглашусь, что поэма заключается в предмете, а не в исполнении! — Что свет можно описывать в поэтических формах — это несомненно, но дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов? поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты? — Я вижу франта, который душой и телом предан моде — вижу человека, которых тысячи встречаю на яву, ибо самая холодность и мизантропия и странность теперь в числе туалетных приборов. Конечно многие картины прелестны, — но они не полны, ты схватил петербургской свет, но не проник в него. Прочти Бейрона; он, не знавши нашего Петербурга, описал его схоже — там, где касалось до глубокого познания людей. У него даже притворное [1] пустословие скрывает в себе замечания философские, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человека, который бы лучше его, портретнее его очеркивал характеры, схватывал в них новые проблески страстей и страстишек. И как зла, и как свежа его сатира! Не думай однакож, что мне не нравится твой *Онегин*, напротив. Вся ее мечтательная часть прелестна, но в этой части я не вижу уже Онегина, а только тебя. Не отсоветываю даже писать в этом роде, ибо он должен нравиться массе публики, — но желал бы только, чтоб ты разуверился в превосходстве его над другими. Впрочем мое мнение не аксиома, но я невольно отдаю преимущество тому, что колеблет душу, что ее возвышает, что трогает русское сердце; а мало ли таких предметов — и они ждут тебя! Стоит ли вырезывать изображения из яблочного семячка, подобно браминам индейским, когда у тебя, в руке резец Праксителя? Страсти и время не возвращаются — а мы не вечны!!! — Озираясь назад, вижу мое письмо, испещренное сравнениями — извини эту глинкинскую страсть, которая порой мне припадает. Извини мою искренность, я солдат и говорю прямо, в ком вижу прямое дарование. Ты великой льстец на счет Рылеева, и [2] так же справедлив, сравнивая себя с Баратынским в элегиях, как говоря, что бросишь писать от [него] первого поэмы — унижение паче гордости. Я напротив скажу, что, кроме поэм, тебе ничего писать не должно. Только избави боже от эпопеи. Это богатый памятник словесности — но надгробный. *Мы не греки и не римляне*, и для нас *другие сказки надобны*.

О здешних новостях словесных и бессловесных не многое можно сказать. Они очень не длинны по [содержанию] объему, но весьма, по скуке. Скажу только, что Козлов написал *Чернеца* и говорят недурно. У него есть искры чувства, но ливрея поэзии по нем еще не обносилась, и не дай бог судить о Бейроне по его переводам: это лорд в Жуковского пудре. Н. Языков точно имеет ве ъ запас поэзии: чувства и охоту учиться, но пребывание его на родине не много дало полету воображению. Пьэсы в П.‹олярной› З.‹везде› только что отзывются прежними его произведениями. Что же касается до Бар‹атын-

[1] *Переделано из* притворная

[2] *Переделано из* но

ско>го — я перестал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе. Его *Эдда* есть отпечаток ничтожности, и по предмету и по исполнению, да и в самом Черепе я не вижу целого — одна мысль, хорошо выраженная, и только. Конец — мишура. Бейрон не захотел после Гамлета пробовать этого сюжета и написал [только] забавную надпись — о которой так важно толкует Плетнев. Скажу о себе: я с жаждою глотаю английскую лит — ру, и душой [доволен] благодарен английскому языку — он научил меня мыслить, он обратил меня к природе — это неистощимый источник! Я готов даже сказать Il n'y a point du salut hors la littérature Anglaise. Если можешь, учись ему. Ты будешь заплочен сторицею за труды. Будь счастлив, сколько можно

вот желание твоего — Алек. Бестужева.

143. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

10 марта 1825 г. Петербург.

Не знаю, что будет Онегин далее: быть может в следующих песнях он будет одного достоинства с Дон Жуаном: чем дальше в лес, тем больше дров; но теперь он ниже Бахчисарайского Фонтана и Кавказ.<ского> Пленника. Я готов спорить об этом до второго пришествия.

Мнение Байрона, тобою приведенное, несправедливо. Поэт, описавший колоду карт лучше, нежели другой деревья, не всегда выше своего соперника. У каждого свой дар, своя Муза. Майкова Елисей прекрасен; но был ли бы он таким у Державина, не думаю, несмотря на превосходства таланта его пред талантом Майкова. Державина Мириамна никуда не годится. Следует ли из того, что он ниже Озерова?

Несогласен и на то, что Онегин выше Бахчисар.<айского> Фонтана и Кавк.<азского> Пленника, как творение искусства. Сделай милость, не оправдывай софизмов Воейковых: им только дозволительно ставить искусство выше вдохновения. Ты на себя клеплешь и взводишь бог знает что.

Думаю, что ты получил уже из Москвы Войнаровского. По некоторым местам ты догадаешься, что он несколько ощипан. Делать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои Думы, не смотря на то я просил Пущина и их переслать тебе. Чувствую сам, что некоторые так слабы, что не следовало бы их и печатать в полном собрании. Но за то убежден душевно, что Ермак, Матвеев, Волынской, Годунов и им подобные хороши и могут быть полезны не для одних детей. Полярная Звезда выйдет на будущей неделе. Кажется она будет лучше двух первых. Уверен заране, что тебе понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Он в первый раз судит так основательно и так глубокомысленно. Скоро ли ты начнешь печатать Цыган?

Рылеев.

Марта 10 дня.

Чуть не забыл о конце твоего письма. Ты великой льстец: вот всё, что могу сказать тебе на твое мнение о моих поэмах. Ты завсегда останешься моим учителем в языке стихотворном. Что Дельвиг? Не у тебя ли он? Здесь говорят, что он опасно заболел.

144. И. И. Пущин — Пушкину.

12 марта 1825 г. Москва.

Здравствуй, любезнейший Пушкин.

До сих пор жду от тебя ответа и не могу дождаться. Хоть прозой уведомить меня надобно, получил ли ты посланные мною деньги. —

Между тем я к тебе с новым гостинцем. Рылеев поручил мне доставить тебе труды его — с покорностию отправляю. —

Вяземской был очень болен. Теперь однако вышел из опасности: я вижу его довольно часто — и всегда непременно об тебе говорим. Княгиня — большой твой друг.

Хлопотавши здесь по несносному изданию с Селивановским, я между прочим узнал его желание сделать второе издание твоих трех поэм, за которые он готов дать тебе 12-ть тысяч. Подумай и употреби меня, если надобно, посредником между вами. — Впрочем советовал бы также поговорить об этом с петербургскими книгопродавцами, где гораздо лучше издаются книги. —

Все тебе желают мильон хорошего. Мы ждем Ломоносова на-днях из Парижа.

Твой Иван Пущин.

Марта 12-го.
Знамен. день.

145. Л. С. Пушкину.

14 марта 1825 г. Тригорское.

Брат, обнимаю тебя и падам до ног. Обнимаю также и Алжирца Всеволожского. Перешли же мне проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Как жаль, что тебя со мною не будет! дело бы пошло скорее и лучше — Дельвига жду, хоть он и не поможет. [Он] У него твой вкус, да не твой почерк. Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь, потом благословясь и в цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь в уксусе — да книг: Conversations de Byron, Mémoires de Fouché, Талию, Старину, да Sismondi (littérature) да Schlegel (dramaturgie), если есть[1] у St. Florent. Хотел бы я также иметь *Новое Изд.‹ание› Собр.‹ания› Рус.‹ских› Стих.‹отворений›*, да дорого — 75 р. Я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакож.

---

[1] есть *написано два раза.*

Каченовский восстал иа меня. Напиши мне, благопристоен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму.

У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза? должно заранее истребить это гонением, кнутом, кольями, песнями на голос *Один сижу во компаний* и тому под.

Ан.‹на› Ник.‹олаевна› тебе кланяется и очень жалеет, что тебя здесь нет; потому что я влюбился и миртильничую. Знаешь ее кузину Ан.‹ну› Ив.‹ановну› В.‹ульф›? ecce femina!

Мочи нет, хочется Дельвига. Писал я тебе о калошах? не надобно их. Гнедича песни получил. На днях буду писать ему с претензиями. Покаместь благодари его — думаю, что экз. Оне.‹гина› ты ему от меня поднес. Ч‹то›[1] касается до оных дам, надеюсь, что это шутка. А чего доброго! Однакож это было бы мне во всяком случае очень неприятно.

Тригорское
14 марта.

Достань у Рылеева или у Бестужева мои мелкие стихотв. и перешли мне скорее.

„Что ж ты обещался *мне* прислать Парни?“

‹Приписка Анны Николаевны Вульф:›

I and my sister make you our compliments from our hearts and souls.[2]

Адрес: Льву Сергеевичу Пушкину.

146. Л. С. Пушкину.

14 марта 1825 г. Михайловское.

По получению рукописи. 14 марта.

Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержусь — и не думал. Несколько раз писал тебе, видно еще до тебя не дошло. Всеволожской со мною шутит. Я должен ему 1000, а не 500, переговори с ним и благодари очень за рукопись. Он славный человек, хоть и женится. Тотчас займусь новым собранием и перешлю тебе.

---

[1] *Кусок вырван.*

[2] *Фразы после даты и приписка А. Н. Вульф — на обороте, близ адреса.*

Ради бога, погоди в рассуждение отставки. М. б. тебя притесняют без ведома царя. Просьбу твою могут почесть следствием моего внушения etc. etc. etc. — Погоди хоть Дельв.<ига>.

Уведомь о Баратынском — свечку поставлю за Закревского, если он его выручит.

147. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

15 марта 1825 г. Михайловское.

Брат Лев
и брат Плетнев!

Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал черное белье на скоро, а новое сшил на живую нитку. Но с вашей помощию надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьет, как непотребную прачку.

Ошибки правописания, зн. препинания, описки, бессмыслицы — прошу самим исправить — у меня на то глаз недостанет. — В порядке пиэс держитесь также вашего благоусмотрения. Только не подражайте изданию Батюшкова — исключайте, марайте с плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себе в помощники Жуковского, не во гнев Булгарину, и Гнедича, не во гнев Грибоедову. Эпиграфа или не надо, или из A. Chénier. Виньэтку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа, сделайте; имянно: *Психея, которая задумалась над цветком.* (К стати: что прелестнее строфы Ж<уковского> — *Он мнил, что вы с ним однородные* и следующей. Конца не люблю). Что, если б волшебная кисть Ф. Толстого.... —

Нет! слишком дорога!
А ужесть, как мила!.....

К тому же, кроме Уткина, ни чей резец не достоин его карандаша. — Впроччем это всё наружность. Иною прелестью пленяется...

Пересчитав посылаемые вам стихотворения, нахожу 60 или около (ибо часть подземным богам непредвидима). Бируков, человек просвещенный; кроме его я ни с кем дела иметь не

хочу. Ои и в *грозное время* был милостив и жалостлив. Ныне повинуюсь его приговорам безусловно. —

Что сказать вам об издании? Печатайте [не] каждую пиэсу на особенном листочке, исправно, чисто, как послед. изд. Жук.‹овского› — и пожалуйста без ~~~~~~~~~~ и без ——+—— и без ═══ вся эта пестрота безобразна и напоминает Азию. Заглавие крупными буквами — и à la ligne. — Но каждую штуку особенно — хоть бы из 4 стихов состоящую — (разве из двух, так можно à la ligne и другую).

60 пиэс! довольно ли будет для 1 тома? не прислать ли вам для наполнения *Ц.‹аря› Никиту и 40 его дочерей?*

Брат Лев! не серди журналистов! дурная политика!

Брат Плетнев! не пиши *добрых* критик! Будь зубаст и бойся приторности!

Простите, дети! Я пьян.

15 марта.

148. А. А. Дельвиг — Пушкину.

20 марта 1825 г. Витебск.

20 марта

Милый Пушкин, вообрази себе, как меня судьба отдаляет от Михайловского. Я уж был готов отправиться за Прасковьей Александровной к тебе, вдруг приезжает ко мне отец и берет с собою в Витебск. Отлагаю свиданье наше до 11-го марта, и тут вышло не по моему. На четвертый день приезда моего к своим попадаюсь в руки короткой знакомой твоей, в руки Горячки, которая посетила меня не одна, а с воспалением в правом боку и груди. Кровопускание и шпанские мухи [пре‹кратили›]сократили их посещение, и я теперь выздоравливаю и собираюсь выехать из Витебска в четверг на святой недели, следственно в субботу у тебя буду. Из Петербурга я несколько раз писал к тебе: но у меня был человек немного свободно-мыслящий. Он не полагал за нужное отправлять мои письма на почту. Каково здоровье твое, душа моя? Ежели ты получишь письмо мое в начале страстной недели, то еще успеешь отвечать мне, когда найдешь это приятным для себя. Я ничего не знаю петербургского, и ты меня можешь поподчивать новостями *оного*. Хотя литературные новости наши более скучны и досадны, [чем] нежели занимательны. Онегин твой у меня, читаю его и перечитываю и горю нетерпением читать продолжение его, которое должно быть, судя по первой главе, любопытнее и любопытнее. Целую крылья твоего Гения, радость моя.

Прощай, до свидания.

Дельвиг.

Отец, мать и сестра Антонида тебе кланяются.

149. А. А. Бестужеву.

24 марта 1825 г. Михайловское.

Во-первых пришли мне свой адрес, чтоб я не докучал Булгарину. Рылееву не пишу. Жду сперва Войнаровского. Скажи ему, что в отношении мнения Байрона, он прав. Я хотел было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Byron в своем споре заврались; у меня есть на то очень дельное опровержение. Хочешь перешлю? переписывать скучно. Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? мнение свое о его думах я сказал вслух и ясно, о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотв. языке — но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасаюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай — да чорт его знал. Жду с нетерпением Войнаровского и перешлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более!

Твое письмо очень умно, но всё-таки ты не прав, всё-таки ты смотришь на Онегина не с той точки, всё-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с Д.<он> Ж.<уаном>. — Никто более меня не уважает Д.<он> Ж.<уана> (первые 5 пес., других не читал), но в нем ничего нет общего с Онег.<иным>. Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в *Евг.<ении> Он.<егине>*. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен.... Ах! Если б заманить тебя в Михайловское!.... ты увидишь, что если уж и сравнивать Онегина с Д.<он> Ж.<уаном>, то разве в одном отношении: кто милее и прелестнее (gracieuse) Татьяна или Юлия? 1-ая песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается). Сим заключаю полемику нашу.... Жду П.<олярной> З.<везды>. Давай ее сюда. Предвижу, что буду с тобою согласен в твоих мнениях литературных. Надеюсь, что наконец отдашь справедливость Катенину. Это было бы к стати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать суждения [наши] свои сродно мыслящему созданию. *Бескорыстное* признание в оном требует

душевной силы. Впроччем этому буду рад для Катенина, а для себя жду твоих повестей; да возьмись за роман — кто тебя держит. Вообрази: у нас ты будешь первый во всех значениях этого слова; в Европе также получишь свою цену — во-первых, как истинный талант, во-вторых по новизне предметов, красок etc... Подумай, брат, об этом на досуге..... да тебе хочется в ротмистра!

24 март. Михайловское.

150. В. Ф. Вяземской.

24 марта 1825 г. Михайловское.

Chère et respectable Princesse, votre lettre m'a navré le cœur. Je n'avais pas l'idée du malheur qui vous est arrivé; je n'essaierai pas de vous consoler, mais je partage du fond de l'âme vos chagrins et vos angoisses. J'espère qu'à l'heure qu'il est le Prince et les enfants sont convalescents. Puisqu'Онегин peut le distraire, je m'en vais dès ce moment me mettre à le copier et je lui enverrai. J'écrirai aussi à mon frère pour qu'il lui envoye ce qu'il peut avoir de mes vers. Je demande seulement au Prince qu'il garde tout cela pour lui seul, et qu'il n'en lise rien à personne au monde.

P.<ouchtchine> a eu tort de vous parler de mes inquiétudes et de mes conjectures qui se sont trouvées fausses. Je n'ai aucune relation avec O.<dessa>, j'ignore complètement ce qui s'y passe. Chère Princesse, soyez tranquille, s'il est possible. Donnez-moi des nouvelles de Votre famille et comptez-moi toujours au nombre de ceux qui vous sont le plus dévoués.

24 mars.

Адрес: Ее сиятельству
княгине Вере Федоровне
Вяземской.
В Москве.
В Чернышевском переулке,
в собств. доме.

151. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

25 марта 1825 г. Петербург.

Спешим доставить тебе Звезду. Уверены, что она понравится Пушкину и заранее радуемся этому. Она здесь всем пришла по сердцу. Это хоть не совсем хороший знак; но уверены, что в ней есть довольно и таких пьес, которых похвалить не откажутся и истинные ценители произведений нашего Парнасса. Мы много одолжены нашим добрым поэтам и прозаикам за доставленные пьесы, но как благодарить тебя, милый Поэт, за твои бесценные подарки нашей Звезде? От Цыган все без ума, Разбойникам, хотя и давнишним знакомцам, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для *Звездочки* стыдимся и просить у тебя что-нибудь; так ты наделил нас. На последнее письмо я еще не получал от тебя ответа. Уж не сердишься ли за откровенность мою? Это кажется тебе не в пору; ты выше этого. Что Дельвиг? По слухам он должен быть у тебя. Радуюсь его выздоровлению и свиданию вашему. С нетерпением жду его, чтоб выслушать его мнение об остальных песнях твоего Онегина. Не пишешь ли ты еще чего? Что твои записки? Чем ты занимаешься в праздное время? Мы с Бестужевым намереваемся летом проведать тебя: будет ли это к стати? Вот тебе несколько вопросов, на которые буду ожидать ответа.

Твой Рылеев.

Марта 25 дня
1825.

152. Л. С. Пушкину.

27 марта 1825 г. Михайловское.

Душа моя, что за прелесть бабушкин кот! я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Тр.‹ифоном› Фал.‹елеичем› Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорельский ведь Перовский, не правда ли?

Об[1] Вяз.‹емском› получил известие. Перешли ему, душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых[2] сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтеньебесия.

Получил ли ты мои стихотворенья? Вот в чем должно состоять предисловие: Многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания российской публики — но как[3] они

[1] *Переделано из* От

[2] новых *вписано.*

[3] *Переделано из* так

часто бывали печатаны бог весть кем, чорт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издателя — так вот они, извольте-с кушать-с, хоть это-с <----->-с (сказать это помягче). 2) Мы (сиречь Издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или малозанимательных для почтеннейшей публики (российской) или могущие быть занимательными[1] единственно некоторым частным лицам, или слишком незрелые, ибо г. Пшк. изволил печатать свои стишки в 1814 году (т. е. 14<-ти> лет),[2] или как угодно.

3) Пожалуйста без малейшей похвалы мне. Это непристойность и *в Бахч.<исарайском> Ф.<онтане>* я забыл заметить это Вяземскому. 4) Всё это должно быть выражено романтически, без буфонства. Напротив. Во всем этом полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, ведь он не поверит — ну по крайней мере столь же хороша. Доволен ли он? Да перешли на всякой случай это предисловие в Михайловское, [я] а я пришлю вам замечанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему, чтоб он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — а у меня нет родительской деревни с соловьями и с медведями. Прощай. Сестру поцалуй.

Великая пятница.

Я Телеграфом очень доволен — и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Жуковскому. Дельвига[3] нет еще!

Так как Воейков ведет себя хорошо, то думаю прислать и ему стихов — то ли дело не красть, не ругаться по матерну, не перепечатывать, писем не перехватывать и проч. — люди не осудят, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи к.<нягине> Голиц.<ыной>-Суворовой, возьми их от нее. Думаю, что *Посл.<ание> к Ов.<идию>*, *Вчера был день* и *Море* могут быть, разнообразия ради, помещены в Элегиях — да и вообще можно переменить весь порядок. R.<éponse> S.<'il> V.<ous> P.<lait>

---

[1] *Переделано из* занимательные

[2] *От слов* или слишком незрелые *вписано.*

[3] *Переделано из* Дельвиг

[Не напечатать ли в конце *Воспоминания в Ц.‹арском› С.‹еле›* с Notoй, что они писаны мною 14‹-ти› лет — и с выпискою из моих Записок (об Державине) ась?]

Нет.

Да тиснуть еще мою *Птичку* [да 4 стиха *о дружбе*: Что дружба? легкой пыл похмелья].[1]

153. И. И. Пущин — Пушкину.

2 апреля 1825 г. Москва.

Наконец получил послание твое в прозе, любезный Пушкин! Спасибо и за то. За проклятую *délicatesse* я с княгиней бранился; она велела сказать тебе, что ты хорошо сделаешь, когда при деньгах пришлешь ей долг, что она отнюдь не хочет тебе его простить. Только желает, чтоб ты тогда ей заплатил, когда сам будешь иметь довольное количество монеты. —

Вяземской совсем поправился, начал выезжать. Все тузы московские тебе кланяются и с большим удовольствием читают *Онегина*.

Мы ждем сюда дипломата Ломоносова, который уже в Петербурге. — Будь здоров.

Твой Иван Пущин

Москва.
2-го апреля.

Адрес: Ее высокоблагородию
Прасковье Александровне Осиповой.
В *Опочке*. Для доставления в село *Трогорское*. А вас покорно прошу отослать А. С. Пушкину.

154. П. А. Вяземскому.

Конец марта—начало апреля 1825 г. Михайловское.

Надеюсь, что ты выздоровил — с нетерпением ожидаю о том официального известия. Брат перешлет тебе мои стихи, я переписываю для тебя Онегина — желаю, чтоб он помог тебе улыбнуться. В первый раз улыбка читателя me sourit (Извини эту плоскость: в крови!..). А между тем будь мне благодарен — отроду не для кого ничего не переписывал, даже для Голицыной — из сего следует, что я в тебя влюблен, как Кюхельбекерской Державин в Суворова.

Занимает ли еще тебя российская литература? я было на Полевого очень ощетинился за Невск.‹ий› Альм.‹анах› и за

[1] *Последний абзац приписан сбоку страницы.*

пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился. Я даже такого мнения, что должно непременно поддержать его журнал. Хочешь? Я согласен.

Стихотворения мои отосланы в Пет<ер>б.<ург> под Бирукова. Почти всё известно уже. Но всё нужно было соединить во едино. Изо всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах — их всех около 50 и все оригинальные — но по несчастию я могу сказать, как Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie, а[1] с живыми — полно, не хочу ссориться.

Из послания к Чедаеву вымарал я стихи, которые тебе не понравились — [но] единственно для тебя, из уважения к тебе — а не потому, что они другим не по нутру.

Кланяйся Давыдову, который забыл меня. Сестра Ольга в него влюблена и поделом. К стати или нет: он критиковал ей в Бахч.<исарайском> Фонт.<ане> Заремины очи. Я бы с ним согласился, если б дело шло не о востоке. Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. К стати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он черес чур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидосской Невесте и проч. —

155. П. А. Вяземскому.

7 апреля 1825 г. Михайловское.

7 апреля.

Нынче день смерти Байрона — я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба божия боярина Георгия. Отсылаю ее к тебе.

Онегина переписываю. Немедленно и он явится к тебе.

Сей час получил я Войнаровского и Думы с письмом Пущина — предложение Селивановского, за 3 поэмы 12.000 р., кажется,

---

1 *Переделано из* я

должен я буду отклонить по причине новой типографической плутни. Бахч.<исарайский> Ф.<онтан> перепечатан.

Прощай, милый, у меня хандра, и нет ни единой мысли в голове моей — кланяйся жене. Я вам обоим душою предан.

А. П.

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москве
в собств. доме в Чернышевском переулке.

156. Л. С. Пушкину.

7 апреля 1825 г. Тригорское.

Сей час получил от тебя письмо и повестку, вероятно от Плетнева. Письмо А.<нне> Н.<иколаевне> отдал не прочитав и сжег его тотчас (из опасения — или из ревности, как хочешь). Она в претензии за твои нежности и за то, что они тебя усыпили. — *Полярн<ой>* еще не получил. Справься ради бога об *Фонт.<ане>*. Селивановский предлагает мне *12000 р.*, а я должен от них отказаться — эдак с голоду умру — с отцом да с Ольдекопом. Прощай, я бешен.

Благодарю очень за *Отр.<ывок>* из письма *Бар.<атынского>*. Дельвига здесь еще нет.

On vous permet d'écrire des lettres — mais *sous l'adresse de notre soeur* (пойми!). C'est ainsi, voyez-vous, que j'écris à Анна Ив.<ановна> В.<ульф>, sous le nom d'Euphrosine. Господи Суси Христе! Quelles misères!... Цалуй Ольгу.

<Приписка Анны Н. Вульф:>

Quelle amabilité et dans quelle humeur charmante est *lui*!!! — Comment osez-vous m'écrire une lettre comme cela. C'est bien que votre frère a pris la peine de la brûler pour moi! — Да еще смели прибавить прибавление об оном в письме к вашему брату. !!!

Вот тебе мой вчерашний *im-promptu*

Семейственной любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра! не спереди, а сзади.

Сожги же это, показав ей.

Variantes en l'honneur de M-lle NN

Почтения, любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.

M-lle NN находит, что первый текст тебе приличен. Honny soit etc...

Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). А.<нна> Н.<иколаевна> также, и в обеих церквах Триг.<орского> и Вор.<онича> происходили молебствия. Это немножко напоминает la Messe de Frédéric II pour le Repos de l'âme de Mr de Voltaire. Вяз<емском>у посылаю вынутую просвиру отцом Шкодой — за упокой поэта.

Адрес: Льву Сергеевичу Пушкину.

157. А. С. Шишкову.

Около 7 апреля 1825 г. Михайловское.

(Черновое)

Г. Ольдекоп в прошлом 1824 году перепечатал мое сочинение Бах.<чисарайский> Фонтан без моего соизволения — чем и лишил меня 3000. Отец мой с.<татский> с.<оветник> С. Л. Пуш<кин>, хотя и жаловался вашему в.<ысокопревосходительству> за сие неуважение собственности, но не только не получил удовлетворения, но еще уверился я из письма вашего в том, что г. Ольдекоп пользуется вашего высокопревосходительства покровительством. Выкл.<юченный> из службы, след. не получая жалования и не имея другого дохода, кроме своих сочинений, решился я прибегнуть с жалобою к самому вашему высокопревосходительству, надеясь, что вы не захотите лишить меня хлеба — не из личного неудовольствия противу г. Ольд.<екопа>, совсем для меня незнакомого, но единственно для охранения себя от воровства.

158. А. Н. Вульфу.

Март—апрель (до 20) 1825 г. Тригорское.

Любезный Алексей Николаевич — Благодарю Вас за воспоминанья. Обнимаю вас братски. Также и Языкова — послание его и чувствительная Элегия — прелесть — в послании, после

тобой хранимого певца, стих пропущен. А стих Языкова мне дорог. Перешлите мне его.

А. П.

‹*Приписка П. А. Осиповой на обороте:*›

Очень хорошо бы было, когда б вы исполнили ваше предположение приехать сюда. Алексей, нам нужно бы было потолковать и о твоем путешествии. Хотя я не имею чести знать Языкова, но от моего имяни пригласи его, чтоб он оживил Тригорское своим присутствием.

159. Л. С. Пушкину.

22 и 23 апреля 1825 г. Михайловское.

Фуше, Oeuvres dram.‹atiques›[1] *de Schiller, Schlegel, Don Juan* (последние 6-ая и пр. песни), новое Wal.‹ter› Scott, *Сибирской Вестник весь* — и всё это через St. Florent, а не через Слёнина. — Вино, вино, ром (12 буты.), горчицы, Fleur d'Orange, чемодан дорожный. *Сыру лимбург.‹ского›* (книгу об верховой езде — хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону).

Как я был рад баронову приезду. Он очень мил! Наши барышни все в него влюбились — а он равнодушен, как колода, любит лежать на постеле, восхищаясь Чигринским Старостою. Приказывает тебе кланяться, мысленно тебя цалуя 100 раз, желает тебе 1000 хороших вещей: (наприме. устриц).

23.

Сей час получил письмо от тебя. Благодарю за обещание предисловия. Думаю, что можно начать благословясь. О *посл.‹ании›* к *Ч.‹едаеву›* скажу тебе, что пощечины повторять не нужно — Толстой явится у меня во всем блеске в 4-ой песне *Онег.‹ина›*, если его пасквиль этого стоит, и посему попроси его эпиграмму и пр.[2] от Вяземского (непременно). Ты, голубчик, не находишь толку[3] в моей луне — что ж делать, а напечатай уж так. Если Сабуров не уехал еще в Одессу, то попроси его обо мне там ничего не врать. Жалею, что не могу быть уверену и в твоей молчаливости. Скажи сестре, что я поссорил ее с Ан.‹ной› Ник.‹олаевной›, показав и не читав[4] нечаянно письмо, где

---

[1] dram. *вписано.*

[2] эпиграмму и пр. *вписано.*

[3] *Переделано из* толка

[4] и не читав *вписано.*

она говорит: elle me boude mais je m'en fous или подобное. Я Анету увер<ил, ч>то сестра сердится очень на нее, и всё чер<ез тв>ои[1] сплетни.

Des bretelles
Des bottes (или ненужно).

Плетневу поклон да пара слов — на днях к нему пишу.[2]

Адрес: Брату.

160. В. А. Жуковский — Пушкину.

15—начало 20-х чисел апреля 1825 г. Петербург.

Мой милый друг, прошу тебя отвечать как можно скорее на это письмо, но отвечай человечески, а не сумасбродно. Я услышал от твоего брата и от твоей матери, что ты болен: правда ли это? Правда ли, что у тебя в ноге есть что-то похожее на аневризм, и что ты уже около десяти лет угощаешь у себя этого постояльца, не говоря ни кому ни слова. Причины такой[3] таинственной любви к аневризму я не понимаю и никак не могу ее разделять с тобою. Теперь это уже не тайна и ты должен позволить друзьям твоим вступиться в домашние дела твоего здоровья. Глупо и низко не уважать жизнь. Отвечай искренно и не безумно. У вас в Опочке некому хлопотать о твоем аневризме. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь, сделать, чтобы ты переехал на житье и леченье в Ригу. Согласись, милый друг, обратить на здоровье свое то внимание, которого[4] требуют от тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты должен, должен, должен взять (теперешняя никуда не годится — не годится не потому единственно, что другие признают ее такою, нет более потому, что она не согласна с твоим достоинством); ты должен быть поэтом России, должен заслужить благодарность — теперь ты получил только первенство по таланту; присоедини к нему и то, что лучше еще таланта — достоинство! Боже мой, как бы я желал пожить вместе с тобою, чтобы сказать искренно, что о тебе думаю и чего от тебя требую. Я на это имею более многих права, и мне ты должен верить. Дорога, которая перед тобою открыта, ведет прямо к великому; ты богат силами, знаешь свои силы, и всё еще будущее твое. Не ужели из этого будут одни жалкие развалины? — Но прежде всего надобно жить! Напиши ко мне немедленно о своем аневризме. И я тотчас буду писать к Паулуччи. С ним уже я имел разговор о тебе и можно положиться на[5] его доброжелательство. Обнимаю тебя душевно. —

---

[1] *Кусок вырван.*

[2] *Приписка на обороте, под адресом.*

[3] *Переделано из* той

[4] *Переделано из* которое

[5] *Переделано из* что

Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих Цыган! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое... Как жаль, что мы розно!

Скорее, скорее ответ.

Жуковский.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину.

161. Л. С. Пушкину.

Апрель (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

Доставь это Вяземскому, повторив просьбы, чтоб он никому не показывал, да и сам [ничего] не пакости.

162. П. А. Вяземскому.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу Онегина (тебе единственно и только для тебя переписанного). За разг.<овор> с няней [и письмо Тани] без письма брат получил 600 р. — ты видишь, что это деньги, следств. должно держать их под ключом. От тебя нет ни слуху, ни духу. Надеюсь, что ты здоров, о другом надеиться не смею, но судьба кажется могла бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый, вот тебе *Элегия на смерть Ан.<ны> Льв.<овны>*.

Ох, тетинька! ох, Анна Львовна,
Вас.<илья> Льв.<овича> сестра!
Была ты к маминьке любовна,
Была ты к папиньке добра,
Была ты *Лиз.<аветой> Льв<овн>ой*
Любима больше серебра;
Матв.<ей> Мих<айлович>, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольг.<ою> Сергевной,
Со Льв.<ом> Серг.<еичем> давно ли,
Как бы на смех судьбине гневной,

Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем В.‹асилий› Л.‹ьвович›
Тзой гроб стихами обмочил
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

(Я да Дельвиг).

К стати: зачем ты ие хотел отвечать на письма Дельвига? он человек, достойный уважения во всех отношениях, и не чета нашей литературной С.‹анкт› П.‹етер› Бургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его *Цветы** на след. год. Мы все об них постараемся. Что мнишь ты о Полярной?.... [Нет] Есть ли у тебя какие-нибудь известия об Одессе? перешли мне что-нибудь о том.

Адрес: Князю Вяземскому.

163. Александру I.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

(Черновое)

Je me serais fait un devoir de supporter ma disgrâce dans un respectueux silence, si la nécessité ne me contraignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse, jusqu'à présent je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anévrisme que j'ai depuis une dizaine d'années exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la verité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de votre caractère, j'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie votre majesté de me permettre de me retirer quelque part *en Europe*, où je ne sois pas dénué de tout secours.

164. В. А. Жуковскому.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я 10 лет и с божией помощию могу проносить еще года 3. Следств. дело не к спеху, но Михайловское душно для меня. Если бы царь меня до излечения отпустил за границу, [в Евро‹пу›], то это

* Да нет ли у тебя и прозы?

было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен. Вяз.<емский> пишет мне, что друзья мои в отношении властей изверились во мне: напрасно. Я обещал Н.<иколаю> М.<ихайловичу> два года ничего не писать противу правительства и не писал. *Кинжал* не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно. Теперь же всё это мне надоело; и если меня оставят в покое, то верно я буду думать об одних пятистопных без рифм. Смело полагаясь[1] на решение твое, посылаю тебе черновое к самому Белому; кажется, подлости с моей стороны ни в поступке, ни в выражении нет. Пишу по франц., потому что язык этот деловой и мне более по перу. Впрочем да будет воля твоя; если покажется это непристойным, то можно перевести, а брат перепишет и подпишит за меня.

Всё это тринь-трава. Ничего не говорил я тебе о твоих Стихотв.<орениях>. Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. Выбрасывая, [унижая] уничтожая самовластно, он не исключил из Собрания *послания к нему* — произведения конечно слабого. Нет, Жуковский

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И <----> его <--->.

Надпись к[2] *Гёте*, *Ах, если б мой милый*, *Гению* всё это прелесть; а где она? Знаешь, что выдет? После твоей смерти всё это напечатают с ошибками и с приобщением стихов Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвиг расскажет тебе мои литературные [произведен<ия>] занятия. Жалею, что нет у меня твоих советов — [о<ни>] или хоть присутствия — оно вдохновение. Кончи, ради бога, *Водолаза*. Ты спрашиваешь, какая цель у Цыганов? вот на! Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё не в попад.

Адрес: В. А. Жуковскому.

---

[1] *Переделано из* полагаюсь

[2] к *вписано.*

165. Ф. В. Булгарин — Пушкину.

25 апреля 1825 г. Петербург.

Милостивый государь,
Александр Сергеевич

Писал я к Вам на obертке Талии, а наконец решился написать на особой бумажке, и начинаю благодарностью за присылку стихов на зубок Пчеле. — А где зубы у Пчелы? спросите — у Хвостова, который сотворил голубей с зубами: одно другого стоют. — На нас ополчились в Москве, что мы ничего не сказали об Онегине. Бог видит душу мою, знает, как я ценю ваш талант — вы сами могли судить, сказал ли я что-либо, где-либо предосудительное или двусмысленное о вас, но если б вы знали все обстоятельства бедных журналистов, то бы пожалели, что они иногда должны промолчать. Не верьте, что вам будут писать враги мои, хотя близкие к вашему сердцу, верьте образцам чести — Бестужеву и Рылееву — они знают, как я вас ценю — а Жуковского всегда буду почитать, как человека, а поэтом плохим — подражателем Сутея. Вяземского добрым, умным, благородным — не поэтом. — А вас — ПОЭТОМ.[1]

Прощайте, некогда, Слёнин торопит, пишу в его лавке..... —

Ваш искренний почитатель

Ф. Булгарин.

25. Апреля 1825.

NB. Уведомьте — регулярно ли получаете *три* наши журнала.

166. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

Конец апреля 1825 г. Петербург.

Письмо твое Бестужев получил, но не успел отвечать: его услали в Москву провожать принца Оранского. Может быть он напишет тебе оттуда. — Здесь слышно, что Дельвиг уже у тебя: правда ли? В суботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и с братом твоим. Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелестны; особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен! Стихи

И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет

превосходны. После прочитаны были твои Цыгане. Можешь себе представить, что делалось с Кюхельбекером. Что за прелестный человек этот Кюхельбекер. Как он любит тебя! *Как он молод и свеж!* — Цыган слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтоб привя-

[1] Поэтом *написано крупными буквами и подчеркнуто тремя чертами.*

заться к чему-нибудь и [вот, что] нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и сбирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом. Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачем? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина, ва тем, что желаю от него совершенства. На счет слога, кроме небрежного начала, мне не нравится слово: *рек*. Кажется, оно несвойствен‹но› поэме; оно принадлежит исключительно лирическому слогу. Вот всё, что я *придумал*. Ах, если бы ты ко мне был также строг; как бы я был благодарен тебе. Прощай, обни‹маю теб›я, а ты обними Дельвига. не пишешь ни слова о П.‹олярной› Звезде. ли Наливайко? Прощай, милая Сирена.[1]

Твой Рылеев.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину.
etc. etc. etc.

167. П. А. Катенин — Пушкину.
9 мая 1825 г. Кологрив.

В конце зимы жил я в Костроме, любезнейший Александр Сергеевич, и с прискорбием услышал от дяди твоего, тамошнего жителя, что ты опять попал в беду и по неволе живешь в деревне. Я хотел тотчас к тебе писать, но тяжба, хлопоты, неудовольствия, нездоровье отняли у меня и время, и охоту. Развязавшись кое-как, и то на время, со всей этой дрянью, и возвратясь в свой медвежий угол, я вдруг вспомнил, что забыл спросить у дяди твоего, в какой губернии ты находишься и как надписывать к тебе письма. Бог весть сколько бы еще времени так уплыло; но на прошедшей почте князь Николай Сергеевич Голицын прислал мне из Москвы в подарок твоего Онегина; весьма нечаянно нашел я в нем мое имя, и это доказательство, что ты меня помнишь и хорошо ко мне расположен, заставило меня почти устыдиться, что я по сие время не попекся тебя проведать. Сделай одолжение, извести меня обо всем; ты перестал ко мне писать так давно, я сам два года с половиной живу так далеко ото всего, что не знаю, ни где ты был, ни что делал, ни что с тобой делали; а коли ты всё это мне расскажешь, ты удовлетворишь желание истинно приятельское. От меня не жди новостей: живу я в лесу, в дичи, в глуши, в одиночестве, в скуке, и стихов решился не писать: carmina nulla canam. Но и монахини (разумеется, честные), давшие небу обет не любить, охотно слушают про дела любовные; я в том же положении, и с отменным удовольствием проглотил г-на Евгения (как по отчеству?) Онегина. Кроме прелестных стихов, я нашел тут тебя самого, твой разговор, твою веселость и вспомнил наши казармы в Милионной. Хотелось бы мне потребовать от тебя в самом деле исполнения обещания шуточного написать поэму песен в двадцать пять, да не знаю, каково теперь твое расположение: любимые занятия наши иногда становятся противными; впрочем, кажется, в словесности тебе

[1] *Внутренний край письма на сгибе листов оторван.*

неудовольствий нет, и твой путь на Парнасе устлан цветами. Еще раз, милый Александр Сергеевич, повторяю мою просьбу: уведоми меня обо всем, где ты, как ты, что с тобою, как писать к тебе и прочее. Желаю тебе успеха и от бед избавления; остаюсь по прежнему весь твой

Павел Катенин.

Маия 9-го 1825.
Кологрив.

168. А. Г. Родзянко и А. П. Керн — Пушкину.
10 мая 1825 г. Лубны.

‹*А. Г. Родзянко:*›

Лубны 10-го маия. 1825-го года.
пред глазами Анны Петровны. —

Виноват, сто раз виноват перед тобою, любезный и дорогой мой Александр Сергеевич, не отвечая три месяца на твое неожиданное и приятнейшее письмо, излагать причины моего молчания и не нужно, и излишнее, лень моя главною тому причиною, и ты знаешь, что она никогда не переменится, хотя Анна Петровна ужасно как моет за это выражение мою грешную головушку. Но невзирая на твое хорошее мнение о моих различных способностях, я становлюсь в тупик в некоторых вещах и во-первых в ответе к тебе. Но сделай милость, не давай воли своему воображению и не делай общею моей неодолимой лени, скромность моя и молчание в некоторых случаях могут быть[1] вместе обвинителями и защитниками ее; я тебе похвалюсь, что благодаря этой же лени я постояннее всех Амадисов и польских и русских, итак одна трудность перемены и переноски своей привязанности составляет мою добродетель, *следовательно*, говорит Анна Петровна, *немного стоит добродетель ваша*! А она соблюдает молчание, — ‹*Керн:*› Молчание знак согласья. ‹*Родзянко:*› и справедливо. Скажи пожалуй, что вздумалось тебе так клепать на меня, за какие проказы? — за какие шалости? — но довольно, пора говорить о литтературе с тобою нашим Корифеем. — ‹*Керн:*› Ей богу *он* ничего не хочет и не намерен вам сказать! насилу упросила! — Если б вы знали, чего мне это стоило! — ‹*Родзянко:*› Самой безделки; придвинуть стул, дать перо и бумагу и сказать: *пишите*. ‹*Керн:*› Да спросите, сколько раз повторить это должно было! — ‹*Родзянко:*› Repetitia est mater studiorum. — Зачем не во всем требуют уроков, а еще более повторений, жалуюсь тебе, как новому Оберону, отсутствующий, ты имеешь гораздо более влияния на *ее*, нежели я со всем моим присутствием, письмо твое меня[2] гораздо боле поддерживает, нежели всё мое красноречие. ‹*Керн:*› Je vous proteste qu'il n'est pas dans mes fers! — ‹*Родзянко:*› а чья вина? — вот теперь вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем, снова пришло остывшее давно желание иметь законных детей, и я пропал, тогда можно было извиниться молодостию и неопытностию, а теперь чем? — ради бога, будь посредником! — ‹*Керн:*› Ей богу я этих строк не читала! —

[1] могут быть *переделано из* должны служить ‹?› мне

[2] меня *переделано из* ко мне

<*Родзянко:*> Но заставила их прочесть себе 10 раз. <*Керн:*> Право не 10. — <*Родзянко:*> а 9 — еще *солгал.* Пусть так,[1] тем то Анна Петровна и очаровательнее, что со всем умом и чувствительностию [светской] образованной женщины, она изобилует такими детскими хитростями — но прощай, люблю тебя и удивляюсь твоему гению, и восклицаю:

О, Пушкин, мот и расточитель
Даров поэзии святой
И молодежи удалой
Гиерофант и просветитель,
Любезный женщинам творец,
Певец [бр<одяг>] разбойников, Цыганов,
Безумцев, рыцарей, Русланов,[2]
Скажи, чего ты не певец. —

Моя поэма *Чупка* скончалась на тех отрывках, что я тебе читал, а две новые сатиры пошлю в скорости напечатать. —

Аркадий Родзянко.

<*А. П. Керн:*>

Вчера *он* был вдохновен *мною*! и написал — Сатиру — на меня. Если позволите, я вам ее сообщу. —

Стихи на счет известного *примирения*

Соч. Арк.<адий> Родз.<янко> сию минуту.

„Поверьте толки все [3] рассудка
Была одна дурная шутка,
Хвостов <в> лирических певцах;
Вы *не притворно* рассердились
Со мной нарочно согласились,
И кто, кто? — я же в дураках.

И дельно; в век наш греховодный
Я вздумал нравственность читать;
И совершенство посевать
В душе к небесному холодной;
Что ж мне за все советы? — Ах!
Жена, муж, оба с мировою
Смеются под нос надо мною:
„Прощайте, будьте в дураках!“

NB:

Эти стихи сочинены после благоразумнейших дружеских советов, и это было его желание, чтоб *я* их здесь переписала.

---

[1] *От* Но заставила *кончая* Пусть так *приписано сбоку страницы.*

[2] Русланов *над зачеркнутым* Цыганов

[3] *Переделано из* все слова

169. Н. Н. Раевский-сын — Пушкину.

10 мая 1825 г. Белогородка или Белая Церковь.

B.[1] le 10 de Mai.

Pardon, mon cher ami, si j'ai passé tant de temps sans vous écrire; mais les occupations de service, le manque de temps et de société qui puisse tirer mon esprit de son engourdissement m'ont empêché d'écrire une seule lettre depuis six mois. C'est pour vous le premier que je romps le silence. — Merci pour votre plan de tragédie. Que pourrais-je vous en dire? Ce n'est pas les conceptions brillantes qui vous manquent; mais la patience [de] dans l'exécution. Il vous sera donc donné d'ouvrir encore la carrière d'un théâtre national. — Quant à la patience, j'aurais voulu vous voir consulter les sources où Karamsine a puisé, aulieu de vous en tenir à son seul récit. N'oubliez pas que Schiller fit un cours d'astrologie avant d'écrire son Wallenstein. Je vous avoue ne pas trop comprendre pourquoi vous voulez n'employer que les vers blancs dans votre tragédie. Moi, je [concevrais] croirais au contraire que ce serait bien le cas de faire usage de toutes les richesses de nos nombreux rhythmes. Bien entendu en ne cherchant pas à les combiner ensemble, comme le Prince Chakovskoï, mais en ne vous restrégnant pas à suivre pour chaque scène, le rhythme adopté dans la première. — Que votre tragédie soit bonne ou mauvaise j'y prévois d'avance [deux] d'importants résultats pour notre littérature; vous donnerez de la vie à notre héxamètre qui jusqu'à présent est si lourd, si inanimé; vous prêterez au dialogue un mouvement qui le fera ressembler à une conversation et non pas à des phrases de vocabulaire comme jusqu'à présent; vous achèverez de populariser chez nous, ce langage simple et naturel que notre public est encore a ne pas comprendre, malgré les beaux modèles des Цыганы et des Разбойники. Vous achèverez de faire descendre la poésie de ses échasses. —

Le Père et la Mère de votre Comtesse Natalie de Kagoul sont ici depuis une semaine. Je leur ai lu en séance publique votre Онегин, ils en sont enchanté. Mais moi j'en ai fait une critique que j'ai gardé pour moi. Chakovskoï ne pourra pas en faire une [gran‹de›] Octologie. — Votre fragment des Цыганы qui a paru dans la Полярная Звезда avec une suite que je ne connaissais pas, est peut-être le tableau le plus animé, du coloris le plus brillant que j'aye jamais lu dans aucune langue. Bravo, Bravissimo! Votre Кавказской Пленник qui n'est point un bon ouvrage a ouvert une carrière qui sera l'écueil de la médiocrité. — Je ne suis point un partisan de [po‹ëmes›] longs poëmes; mais ces espèces de fragments démandent toute la richesse de la poésie; la forte conception d'un caractère et d'une situation. Войнаровски est un ouvrage en mosaïque composé de fragments de Byron et de Пушкин, rapportés ensemble sans beaucoup de réflexion. Je lui sais grâce pour la couleur locale. C'est un garçon d'esprit mais ce n'est point un poëte. Il y a plus de mérite dans les fragments de Наливайко. Il y a de la véritable sensibilité, de l'observation (j'allais dire de la connaissance du coeur humain), une intention heureuse et bien éxécutée, enfin un style pur et de la véritable poésie dans le Чернец, tant que Козлов

---

[1] *Название местности сперва было написано полностью; затем, видимо допустив ошибку, Раевский стал менять его, и, так как получилось неразборчиво, сократил.*

parle d'après lui même; mais pourquoi a-t-il pris pour cadre une parodie du Giaour et finit-il par une longue paraphrase d'un passage de Marmion. Il a imité, et parfois très heuresement, votre narré rapide et les tours de phrase de Жуковский. Il doit savoir l'Anglais et avoir étudié Colleridge. —

Excusêz, mon cher ami, l'ennyeux de ma lettre, je vous écris par devoir et non d'abondance de coeur; je suis trop engourdi pour cela. Je vois a tous moments les[1] fautes de français et d'orthographe que je fais; sans avoir le courage de les corriger. Je n'écris pas par affaire d'amour propre; mais j'aurais voulu vous dire quelque chose de plus interressant. Imprimez donc plus vite vos Цыганы puisque vous ne voulez pas me les envoyer en manuscrit; écrivez moi de grace et faites mes compliments à votre frère que j'aime beaucoup, malgré que je n'ai fait que l'entrevoir. —

Je vous écrirai une autre fois plus en ordre sur votre tragédie.[2]

170. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

12 мая 1825 г. Петербург.

Дельвиг пересказал мне замечания твои о Думах и Войнаровском. Хочется поспорить, особливо о последнем, но удерживаюсь до поры: жду мнения твоего на письме и жду с нетерпением. Ты ни слова не говоришь о Исповеди Наливайки, а я ею гораздо более доволен, нежели Смертью Чигиринского старосты, которая так тебе понравилась. В Исповеди мысли, чувства, истины, словом гораздо более дельного, чем в описании удальства Наливайки, хотя наоборот в удальстве более дела. Ты прав, опасаясь, что Звездочка отнимет у меня много времени. Петербург тошен для меня; он студит вдохновение: душа рвется в степи; там ей просторнее, там только могу я сделать что-либо достойное века нашего, но как бы на зло железные обстоятельства приковывают меня к Петербургу. Ты обещаешь также поспорить с Бестужевым за обозрение, обещал прислать свое опровержение на Байрона и Бовля — и верно всё это отложишь в длинный ящик. Слышал от Дельвига и о следующих песнях Онегина, но по изустным рассказам судить не могу. Как велик Байрон в следующих песнях Дон-Жуана! Сколько поразительных идей, какие чувства, какие краски. Тут Байрон вознесся до невероятной степени: он стал тут и выше пороков и выше добродетелей. Пушкин, ты приобрел уже в России пальму первенства: один Державин только еще борется с тобою, но еще два, много три года усилий, и ты опередишь его: тебя ждет завидное поприще: ты можешь быть нашим Байроном, но ради бога, ради Христа, ради твоего любезного Магомета не подражай ему. Твое огромное дарование, твоя пылкая душа могут вознести тебя до Байрона, оставив Пушкиным. Если б ты знал, как я люблю, как я ценю твое дарование. Прощай, чудотворец.

Рылеев.

Маия 12 дня
1825.

Бестужев еще в Москве.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину
etc. etc. etc.

Ко мне адрес: в доме Американской Компании, у Синего моста.

---

[1] *Переделано из* mes

[2] *Приписано сбоку первой страницы.*

171. Л. С. Пушкину.

Первая половина мая 1825 г. Михайловское.

Жив, жив Курилка!

Как! жив еще Курилка журналист? —
— Живёхонек! всё также сух и скучен
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Всё тискает в свой непотребный лист
И старый вздор и вздорную новинку. —
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского, перешли ее Вяземскому. А между тем пришли мне тот № В.<естника> Евр.<опы>, где напечатан 2-ой разговор лже-Дмитриева, это мне нужно для предисловия к *Бахч.<исарайскому> Фонт.<ану>*. Не худо бы мне переслать и весь процес (и Вестн.<ик> и Дамс.<кий> Жур.<нал>).

Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть — сердись он, не сердись — а *хотел простить — простить не мог* достойно Байрона. Видение, конец прекрасны. Послание, может быть, лучше поэмы — по крайней мере ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами, есть ли успею, пошлю их с этим письмом.

Гнедич не получил моего письма? Жаль, оно, сколько помню, было очень забавно. В том же пакете находилось два очень нужные — тебе и Плетневу. Что Плетнев умолк? Конечно бедный болен, Иль Войнаровским недоволен — к стати каковы мои замечания? надеюсь, не скажешь, что я ему кажу — а виноват: Войн<аровский> мне очень нравится. Мне даже скучно, что его здесь нет у меня.

Если можно, пришли мне последнюю *Genlis* — да Child-Harold — Lamartine (то-то чепуха должна быть!), да вообще что-

нибудь нови́нького, да и *Старину.*[1] Талию получил и письмо от изд.<ателя>. Не успел еще пробежать: *Ворожея* показалась мне *du bon comique.* А Хмельницкой моя старинная любовница. Я к нему имею такую слабость, что готов поместить в честь его целый куплет в 1-ую песнь Онегина (да кой чорт! говорят, он сердится, если об нем упоминают, как о драмм. писателе). В.<яземский> прав — а всё-таки на него сердит. Надеюсь, что Дель.<виг> и Бар.<атынский> привезут мне и Анахарзиса Клоца, который верно сердится на меня за то, что мне не по нутру *Резвоскачущая кровь Гриб.<оедов>а.*

Дельвигу объятия мои отверсты. Жду от него писем из эгоизма и пр., из аневризма и проч.

Письмо Ж.<уковского> наконец я разобрал. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!

Тиснуть *Сарское Село* и с Нотой. Напрасно объявляли о *Бр.<атьях> Разб.<ойниках>.* Их бы можно [хорошо бы] напечатать и в *Разн.<ых> Стих.<отворениях>.* Богатая мысль напеч. *Нап.<олеона>*, да цензура.... лучшие строфы потонут..

172. К. Ф. Рылееву.

Вторая половина мая 1825 г. Михайловское.

Думаю, ты уже получил замечания мои на Войнаровского. Прибавлю одно: везде, где я ничего не сказал, должно подразумевать похвалу, знаки восклицания, прекрасно и проч. Полагая, что хорошее писано тобою с умыслу, не счел я за нужное отмечать его для тебя.

Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы *Петра в Остр.<огожске>* черезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест* (Loci topici). Описание места действия, речь героя и — нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключаю Ив.<ана> Сусанина, первую думу,[2] по́ коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не попра-

---

[1] да и Старину *вписано.*

[2] *Переделано из* первая дума

вил в Олеге *герба России*. Древний герб, с.‹вятой› Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III. Не прежде. Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратех на показание победы.

Об Исповеди Наливайки скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут конечно наложил ты свою печать.

Тебе скучно в Петерб.‹урге›, а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа. Как быть. Прощай, Поэт — когда-то свидимся?

173. И. И. Козлов — Пушкину.
31 мая 1825 г. Петербург.

St. Pétersbourg, le 31 Mai 1825.

Mon cher Pouchkine,

Il m'est impossible de vous exprimer l'extrême plaisir que m'ont causé vos charmants vers; ce fut vraiment un délicieux instant dans ma vie et je vous en remercie chaudement. Ce n'est pas le peu de talent que je puis avoir, mais mon admiration pour le vôtre et le sincère attachement que je vous porte, qui justifient le premier hémistiche du 7-e vers; encore une fois merci et grand merci: il a été droit à mon coeur!

J'ai lu le 2-d chant de *Эвгений Онегин*; c'est un charme: j'ai lu aussi les poésies fugitives; parmi celles que je ne connaissais pas encore, j'en ai trouvé qui me paraissent inimitables: La fille de Czerni-Georges, les versets du Coran et deux Elégies surtout m'ont tourné la tête. Quand je veux faire des vers, je lis mon Byron, Joukovsky et vous, et tant bien que mal notre imagination fermente et je me mets à chanter. J'espère que votre triple inspiration ne m'abandonnera pas dans mon nouveau petit poème, c'est la Princesse Dolgorouky-Chérémétieff: je trouve que ce sujet est infiniment touchant. Je n'ose pas dire que la *Дума* de Reileeff, qui porte ce nom, soit sans mérite; mais il me semble qu'elle n'empêche pas de tenter un petit poème de 7 à 800 vers. Mon plan est fait et quelques fragments aussi, mais avant tout c'est ma Fiancée d'Abydos, qui viendra se présenter à votre porte.

Je vois votre frère et tous nos amis très souvent; Baratinsky nous arrive, dans quelques jours, ainsi que Viazemsky, mais en revanche Tourguénieff part; c'est une perte irréparable. Si vous lisez nos journaux, vous verrez que Boulgarine ne se rappelle plus qu'une seule chose, concernant Tourguénieff, c'est qu'il prend beaucoup de café et gobe des mouches en avalant ses craquelins. Nos journalistes deviennent de jour en jour plus plats. Vos deux Epigrammes contre celui de Moscou font mourir de rire, surtout *Basile* et *Michel*; ceux d'ici en mériteraient

de semblables; mais si vous voulez du verbiage français dans un autre genre, lisez le nouveau poème de Lamartine sur *Harold*; malgré quelques beaux vers, c'est de ce galimatias double dont parle Beaumarchais. Je finis cette lettre peut-être beaucoup trop longue: pardonnez si j'ai osé vous traiter comme une ancienne connaissance, je vous demande votre amitié, cher Pouchkine, et fais des voeux ardents pour votre bonheur.

Je vous embrasse de tout mon coeur et suis à jamais tout à vous

Jean de Kasloff

174. Анне Н. Вульф.

Март—май 1825 г. (?) Михайловское.

Voici, Mademoiselle, encore une lettre pour mon frère. Je Vous supplie de la prendre sous votre protection. De grâce, les plumes que vous avez eu la magnanimité de me tailler et que j'ai eu l'insolence d'oublier! Ne m'en veuillez pas.

Адрес: Анне Николавне Вульф

175. А. А. Бестужеву.

Конец мая—начало июня 1825 г. Михайловское.

Отвечаю на первый параграф твоего Взгляда. У римлян век посредственности предшествовал веку *гениев* — грех отнять это титло у таковых людей, каковы Виргилий, Гораций, Тибулл, Овидий и Лукреций, хотя они* — кроме двух последних, шли столбовою дорогою подражания. Критики греческой мы не имеем. В Италии Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту, сии предшествовали Alfieri и Foscolo.[1] У англичан Мильтон и Шекспир писали прежде Аддиссона и Попа, после которых явились Southay, Walter Scott, Moor и Byron — из этого мудрено вывести какое-нибудь заключение или правило. Слова твои вполне можно применить к одной французской литературе.

У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? имянно критики у нас и недостает. Отселе репутации

* Виноват! Гораций не подражатель.

[1] и Foscolo *вписано.*

Ломоносова* и Хераскова, и если последний упал в общем мнении, то верно уж не от критики Мерзлякова. Кумир Державина $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовый[1] доныне еще не оценен. Ода к Фелице стоит на ряду с Вельможей, ода Бог с одой на См.<ерть> Мещ.<ерского>, ода к Зубову недавно открыта. Княжнин безмятежно пользуется своею славою, Богданович причислен к лику великих поэтов, Дмитриев также. Мы не имеем ни единого коментария, ни единой критической книги. Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который [в басне][2] столь же выше Лафонтена, как Держ.<авин> выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? Вестник Европы и Благонамеренный? библиографические известия Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся, что это всё не может установить какого-нибудь мнения в публике, не может почесться уложением вкуса. Каченовский туп и скучен, Греч и ты остры и забавны — вот всё, что можно сказать об вас — но где же критика? Нет, фразу твою скажем на оборот; литература кой-какая у нас есть, а критики [отъ] нет. Впрочем ты сам немного ниже с этим соглашаешься.

У одного только народа критика предшествовала литературе — у германцев.[3]

Отчего у нас нет гениев и мало талантов? Во-первых у нас Державин и Крылов — во-вторых где же бывает *много* талантов.

Ободрения у нас нет — и слава богу! отчего же нет? Державин, Дмитриев были *в ободрение* сделаны министрами. Век Екатерины — век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин кажется ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также. Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг; посмотрим, когда появится его Гомер. Из неободренных вижу только себя да Баратынского — и не говорю:

---

* Уважаю в нем великого человека, но конечно не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная услуга.

---

[1] *Переделано из* полу-золотой, полу-свинцовый

[2] в басне *вписано.*

[3] *Эта фраза написана на поле второй страницы, начиная от слов:* Кумир Державина

Слава богу! *Ободрение может оперить только обыкновенные дарования.* Не говорю об Августовом веке. Но Тасс и Ариост оставили в своих поэмах следы княжеского покровительства. Шекспир лучшие свои комедии написал *по заказу* Елисаветы. Мольер был камердинером Людовика; бессмертный Тартюф, плод самого сильного напряжения комического гения, обязан бытием своим заступничеству монарха; Вольтер *лучшую* свою поэму писал под покровительством Фридерика.... Державину покровительствовали три царя — ты не то сказал, что хотел; я буду за тебя говорить.

Так! мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши[1] талантов, тем пред ними отличается, что не носит [она] на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

> О вспомни, как в том восхищеньи
> Пророча, я тебя хвалил.
> Смотри, я рек, триумф минуту,
> А добродетель век живет.

Прочти послание к А.‹лександру› (Жук.‹овского› 1815 году). Вот как русский поэт говорит русскому царю. Пересмотри наши журналы, всё текущее в литературе..... Об нашей-то лире можно сказать, что Мирабо сказал о Сиесе. Son silence est une calamité publique. Иностранцы нам изумляются — они отдают нам полную справедливость — не понимая, как это сделалось. Причина ясна. У нас писатели взяты из высшего класса общества — аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает.[2] Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою — а тот является с требованием на уважение, как шестисот летний дворянин, — дьявольская разница!

Всё, что ты говоришь о нашем воспитании, о чужестр.‹анных› и междуусобных (прелесть!) подражателях — прекрасно, выражено сильно, и с красноречием сердечным. Вообще мысли

---

[1] в роскоши *переделано из* роскошию

[2] *Переделано из* не понимал.

в тебе кипят. Об *Онег.<ине>* ты не высказал всего, что имел на сердце; чувствую почему и благодарю — но зачем же ясно[1] не обнаружить своего мнения? — покаместь мы будем [удерживаться] руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет — а ты достоин ее создать.

Твой Турнир напоминает Турниры W. Scotta. Брось этих немцев и обратись к нам православным; да полно тебе писать *быстрые* повести с романтическими переходами — это хорошо для поэмы байронической. Роман требует *болтовни*; высказывай всё на чисто. Твой Владимир говорит языком немецкой драммы, смотрит на солнце в полночь,* etc. Но описание стана Литовского, разговор плотника с час.<овым>[2] прелесть; конец так же. Впрочем везде твоя необыкновенная живость.

Рылеев покажет конечно тебе мои замечания на его Войнаровского, а ты перешли мне свои возражения. Покаместь обнимаю тебя от души.

Еще слово: ты умел в 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности — а нынешний год и спасибо не сказал старику Шишкову. Кому же как не ему обязаны мы нашим оживлением?

---

* Стр. 330.

176. П. А. Вяземский — Пушкину.
7 июня 1825 г. Остафьево.

Остафьево. 7-го июня.

Я получил вторую часть Онегина и еще кое-какие безделки. Онегиным я очень доволен, т. е. многим в нем, но в этой главе менее блеска, чем в первой, и потому не желал бы видеть ее напечатанною особняком, а разве с двумя, тремя или по крайней мере еще одною главою. В целом или в связи со следующим она сохранит в целости свое достоинство, но боюсь, чтобы она не выдержала сравнения с первою, в глазах света, который не только равного, но лучшего требует. Говорят, что Цыгане твои прелесть, а я всё их не вижу, я, который имею столько прав и на стихи твои и на Цыган, потому что без ума от тех и от других. Я упивался твоими стихами и часто бывал пьян у цыган. Что скажет об этом признании потомство, если письмо попадется ему в руки, и если оно будет такой же чопорный бригадир, как и настоящее? Ce qui me dégoûte de l'histoire, disait madame Sévigné, c'est que ce que nous voyons aujourd'hui, sera un jour de l'histoire. 12-го числа отправляюсь в Петербург или лучше сказать в Царское Село, проживу там до 29-го, а после отправлюсь в Ревель

---

[1] *Переделано из* явно

[2] разговор плотника с час. *вписано.*

купаться в море. Говорят, что и тебя готовятся в прок посолить. Правда ли, что у тебя аневризм в ноге? Дай бог, чтобы не в правой руке. Охота тебе было печатать une réclamation на Телеграфа у подлеца Булгарина! Телеграф очень огорчился, а виноват был во всем я. Мне казалось осторожнее прибавить *Журнальным*, потому что у тебя приятелей много, и могли бы попасть не в попад. Надобно совершенно разорвать с петербургскими журналистами. Вот тебе письмо от Телеграфа. Давай ему стихов и скажи, чего хочешь, только не дорожись и не плутуй. Я буду Вашим сводником. Отдаю ему твоего Курилку, только боюсь, чтобы цензура не уморила его. Я очень рад твоим стихам Козлову и как стихам и как чувству. Если: Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна! попадется на глаза Василью Львов.<ичу>, то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара. Сказывают, у Вас умер еще добрый человек Петр Львович и оставил хорошее наследство. Смотри, не перестань писать с счастия: наследства так и падают Вам на голову. А напротив, тебе надобно теперь еще прежнего быть умнее и одному поддерживать славу пушкинского рода. Бедный и любезный наш Алексей Михайлович умер и снес в могилу неистощимый запас шуток своих на Василья Львовича. Не видавши их вместе, ты точно можешь жалеть об утрате оригинальных и высококомических сцен. Нам уж так сладко не смеяться! Были выходки классические! — Что̀ скажешь ты о глупой войне за и против Грибоедова? Наши умники так глупы, что моченьки нет: нет мо̀чи хотя и много в них мочи.

Прощай, голубчик! Что же ты, голубчик, не весело поешь? Жена тебе дружески кланяется, а я тебя обнимаю и желаю здоровия, терпения и благоразумия, хороших стихов желать нечего, потому что они и сами напрашиваются. Каково тонко и сладко сказано?

177. А. А. Дельвигу.

Первые числа (не позже 8) июня 1825 г. Михайловское.

Жду, жду писем от тебя — и не дождусь — не принял ли ты опять во услужение покойного Никиту — или ждешь оказии? — проклятая оказия! Ради бога, напиши мне что-нибудь: ты знаешь, что я имел несчастие потерять бабушку Чичерину и дядю Петр.<а> Льв.<овича> — получил эти известия без приуготовления и нахожусь в ужасном положении — утешь меня, это священный долг дружбы (сего священного чувства).

Что делают мои *Разн.<ые> Стих.<отворения>*? видел ли их Бируков Грозный? От Плетнева не получаю ни единой строчки; что мой Онегин? продается ли? к стати: скажи Плетневу, чтоб он Льву давал из моих денег на орехи, а не на коммисии мои, потому что это напрасно: такого бессовестного коммиссионера нет и не будет. По твоем отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка — (вот почему

он и ниже Ломоносова). Он не имел[1] понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает *оды*, но не может выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что ж в нем: *мысли, картины*[2] *и движения истинно поэтические*; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей богу, его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а проччее сжечь. Гений его можно сравнить с гением Суворова — жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом — довольно об Державине — что делает Жуковский? — Передай мне его мнение о 2-ой главе *Онег.‹ина›* да о том, что у меня в пяльцах. Какую Крылов выдержал операцию? дай бог ему многие лета! — Его *Мельник* хорош, как *Демьян и Фока.* Видел ли ты Н.‹иколая› М.‹ихайловича›? идет ли вперед История? где он остановится? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные! 6 Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я.....

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
барону Антону Антоновичу
Дельвигу
в С. Петербург
в *имп.‹ераторскую› публ.‹ичную› библиотеку.*

178 К. Ф. Рылеев — Пушкину.

Первая половина июня 1825 г. Петербург.

Благодарю тебя, милый чародей, за твои прямодушные замечания на Войнаровского. Ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он точно истукан. Это важная ошибка; она вовлекла меня и в другие. Вложив в него верноподданнические филлипики за нашего Великого Петра, я бы не

[1] *Переделано из* не имеет

[2] картины *вписано.*

имел надобности прибегать к хитростям и говорить ва Войнаровского для Бирюкова. Впрочем поправлять не намерен; это ужасно несносно для такого лентяя, как я, лучше написать что-нибудь новое. О Думах я уже сказал тебе свое мнение. Бестужев собирается отвечать тебе, и правда ему есть об чем поспорить с тобой касательно мнений твоих об его обозрении. Главная ошибка твоя состоит в том, что ты и ободрение и покровительство принимаешь ва одно и то же. Что ободрение необходимо не только для таланта, но даже для гения, я твердил Бестужеву еще до получения твоего письма; но какое ободрение. Полагаю, что характер и обстоятельства гения определяют его. Может быть Гомер сочинял свои рапсодии из куска хлеба; Байрона подстрекало гонение и вражда с родиной, Тасса любовь, Петрарка также; иначе быть не может, и покровительство в состоянии оперить, но думаю, что оно скорей может действовать отрицательно. Сила душевная слабеет при дворах, и гений чахнет; всё дело добрых правительств состоит в том, чтобы не стеснять гения; пусть он производит свободно всё, что внушает ему вдохновение. Тогда не надобно ни пенсий, ни орденов, ни ключей камергерских; тогда он не будет без денег, следовательно без пропитания; он тогда будет обеспечен. Гений же немного и требует в жизни. Тогда потерпят быть может только одни самозванцы гении. Прощай, гений.

Твой Рылеев.

Еще обнимаю тебя за твои примечания. Войнаровского вышлю с следующею почтою.

Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь ради бога, Пушкиным. Ты сам по себе молодец.

179. П. А. Вяземскому.

25 мая и около середины июня 1825 г. Михайловское.

Ты спрашиваешь, доволен ли я тем, что сказал ты обо мне в Тел.‹еграфе›. Что за вопрос? Европейские статьи так редки в наших журналах! а твоим пером водят и вкус и пристрастие дружбы. Но ты слишком бережешь меня в отношении к Ж.‹уковскому›. Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный. Переводы избаловали его, изленили; он не хочет сам созидать, но он, как Voss, гений перевода. К тому же смешно говорить об нем, как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает. Былое сбудется опять, а я всё чаю в воскресении мертвых. Читал твое[1] *о Чернеце*, ты исполнил долг своего

---

[1] *Переделано из* твоего

сердца. Эта поэма конечно полна чувства и *умнее* Войнаровского, но в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. За то Думы дрянь и название сие происходит от немецкого dum, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда. Стихи Неелова прелесть, не даром я назвал его некогда le chantre de la merde! (Это между нами и потомством буди сказано). Статьи и стихов Шаликова не читал. Не уж то он обижается моими стихами? вот уж тут-то я невинен, как барашек! спросите у братца Леона: он скажет вам, что, увидев у меня имя кн.‹язя› Ш.‹аликова›, он присоветовал мне заменить его Батюшковым — я было и послушался, да стало жаль et j'ai remis bravement Chalikof! Это могу доказать черновою бумагою. Твои калембуры очень милы — здешние девицы находят их весьма забавными, а всё-таки жду твое о Байроне. Благодарю за Casimir (как бы выкроить из него calembourg? выгадай-ка). Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно он поэт, но всё не Вольтер, не Гёте... далеко кулику до орла! — Первый гений *там* будет романтик и увлечет французские головы бог ведает куда. К стати: я заметил, что все (даже и ты) имеют у нас самое тёмное понятие о романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать, но не теперь; мочи нет устал. Писал ко всем — даже и к Булгарину.

25 мая.

Ты вызываешься сосводничать мне *Полевого*. Дело в том, что я рад помогать ему, а условий верно никаких не выполню — следств. и денег его мне не надобно. Да ты смотри за ним — ради бога! и ему случается завираться. На пример, Дон Кихот искоренил в Европе странствующих рыцарей!!! — В Италии, кроме Dante единственно, не было романтизма. А он в Италии-то и возник. Что ж такое Ариост? а предшественники его, начиная от Buovo d'Antona до Orlando inamorato? как можно писать так на обум! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Наполеон ими занимался и был лучшим журналистом Парижа (как заметил, помнится, Фуше).

‹Приписка Л. С. Пушкина:›

Лев Пушкин просит прощения в том, что письмо распечатано; не взглянув на конверт, он думал, что оно к нему. —

180. Л. С. Пушкину.

Около середины июня 1825 г. Михайловское.

Вяземскому, который на днях у вас будет. Не то отдать А. И. Тургеневу для доставления в Москву.

Тебе ничего не пишу, мусье Lion, за то, что [тебе] за тобою еще несколько ответов.

181. П. А. Вяземскому.

Начало июля 1825 г. Михайловское.

Думаю, что ты уже получил ответ мой на предложения Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебе попадется (кроме Онегина), если же мое имя, как сотрудника, то не соглашусь из благородной гордости, т. е. амбиции: Телеграф человек порядочный и честный — но враль и невежда; а вранье и невежество журнала делится между его[1] издателями; в часть эту входить не намерен. Не смотря на перемену министерства и на улучшения цензуры, всё-таки не могу отвечать за Красовского с братьею; пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то[2] пиэс, да в накладе может остаться журнал, если так восхощет бог да Бируков. — Я всегда был склонен аристократичествовать, а с тех пор как пошел мор на Пушкиных, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную, лавку № 1, запираю. К тому же, между нами, брат Лев у меня на руках; от отца ему денег на девок да на шампанское не будет; так пускай Телеграф с ним сделается, и дай бог им обоим расторговаться с моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses.... Какую песню из[3] Béranger перевел дядя В.‹асилий› Л.‹ьвович›? уж не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в П.‹етер›Б.‹урге›, и что готовится уже следственная комисия, составленная из гр.‹афа› Хвостова, Магницкого и г-жи Хвостовой (автора *Камина*, и следств. соперницы В.‹асилия› Л‹ьвови›ча). Не худо уведомить его, что

---

[1] его *вписано.*

[2] стольку-то *переделано из* столько-то

[3] из *вписано.*

уже давно был бы он сослан, если не [Оп‹асный›] чрезвычайная известность (extrême popularité) его Опасного соседа. Опасаются шума! — Как жаль, что умер А.‹лексей› М.‹ихайлович›! и что не видал я дядиной травли! Но Дмитриев жив, всё еще не потеряно. — Я послал в *Пчелу*, а не в *Тел.‹еграф›* мою *опечатку*, потому что в Москву почта идет несносно долго; Полевой напрасно огорчился, [я] ты не напрасно прибавил *журнальным*, а я недаром отозвался, et le diable n'y perd rien. Вот еще Эпиграмма на *Благон.‹амеренного›*, который, говорят, критиковал моих *Приятелей*:

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей,
Журнальный шут об них статейку тиснул
И в свет пустил без подгиси ж злодей!
Но что ж? ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

Отослано к *Полевому*. Ты уже, думаю, босо-ножка, полощешься в морской лужице, а я наслаждаюсь душным запахом смолистых почек берез, под кропильницею псковского неба и жду, чтоб Некто повернул сверху кран, и золотые дожди остановились — Фита в сторону, у нас холодно и грязно — жду разрешения моей участи.

Адрес: Князю *Вяземскому*.

182. В. А. Жуковскому.

Начало июля 1825 г. Михайловское.

Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно, тем более, что здешний губернатор предлагал уже мне иметь жительство во Пскове, но я строго придерживался повелению высшего начальства. Я справлялся о псковских операторах; мне указали там на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в ученом свете по своей книге об лечении лошадей.

Не смотря на всё это, я решился остаться в Михайловском, тем не менее чувствуя отеческую снисходительность его величества.

Боюсь, чтоб медленность мою[1] пользоваться монаршей милостию не почли за небрежение или возмутительное упрямство — но можно ли в человеческом сердце предполагать такую адскую неблагодарность:

Дело в том, что, 10 лет не думав о своем аневризме, не вижу причины вдруг об нем расхлопотаться. Я всё жду от человеколюбивого сердца императора, авось-либо позволит он мне современем искать стороны мне по сердцу и лекаря по доверчивости собственного рассудка, а не по приказанию высшего начальства.

Обнимаю тебя горячо.

А. Пушкин.

1825
Михай<ловское>[2]

Адрес: В. А. Ж.

183. П. А. Вяземскому.

13 июля 1825 г. Михайловское.

Брат писал мне, что ты в Ц.<арском> С.<еле>, что он переписал для тебя мои стихи, а от тебя жду, жду письма и не дождусь — что ты? в Ревеле или еще нет? и что твой Байрон или Бейрон (Toi dont le monde encore ignore le vrai nom!). Сей час прочел твои замечания на замечания Дениса на замечания Наполеона — чудо-хорошо! твой слог живой и оригинальный тут еще живее и оригинальнее. Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же в слух сказать, что русской метафизической язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться на подобии французского (ясного точного языка прозы — т. е. языка мыслей). Об этом есть у меня строфы 3 и в *Онег.<ине>*. За твоей статьею следует моя о M[de] de Staël. Но не разглашай этого: тут есть

---

[1] *В подлиннике* моя

[2] *Кусок с датой месяца вырван при распечатывании письма.*

одно *великодушие*, поставленное во-первых ради цензуры, а во-вторых для вящшего *анонима* (род онанизма[1] журнального). Вероятно ты уже знаешь царскую ко мне милость и позволение приехать во Псков. Я справлялся о тамошних операторах; мне рекомендуют Всеволожского, очень искусного коновала; увидим. Покаместь, душа моя, я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцалуешь: романтическую трагедию! — смотри, молчи же: об этом знают весьма немногие. Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди об нем,[2] как езуит — по намерению.

Милый мой! мое намерение обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай — с тобою ли твоя княгиня-лебедушка? кланяйся ей от арзамасского гуся.

13 июля.

Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия: *Комедия о настоящей беде Московскому Государству, о ц.‹аре› Борисе и о Гришке Отр.‹епьеве› писал раб божий Алекс.‹андр› сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Вороniче.* Каково?

Адрес: Его превосходительству
Николаю Михайловичу
Карамзину.
В Царском-Селе.
Пр.‹ошу› дост.‹авить› князю П. А. Вяземскому.

184. П. А. Плетнев — Пушкину.
18 июля 1825 г. Петербург.

18 июля, 1825.
С. п. бург

Дело об отпуске твоем еще не совсем решилось. Очень вероятно, что при докладе сделана ошибка. Позволено тебе не только съездить, но, если хочешь, и жить в Пскове. Из этого видно, что просьбу об отпуске для излечения болезни поняли и представили, как предлог для некоторого рассеяния, в котором ты вероятно имеешь нужду. А то известно, что в Пскове операции сделать некому. Итак на этих днях будут передокладывать, что ты не для рассеяния хочешь выехать ив Михайловского, но для операции действительной. Вот,

[1] онанизма *позднее вымарано.*

[2] *Переделано из* ней

почему никто тебе об этом и не пишет. Сделай милость, ты успокойся. Тебя все твои друзья и брат любят. Льву я не показывал твоих последних двух писем и не говорил, что ты писал ко мне. Он, может быть, по молодости лет и рассеян, но тебя очень любит. Твое ожесточение огорчило бы его. Что ж за радость мне быть причиною вашей ссоры, которая произошла от недоразумения? Напиши ему просто, что бы он скорее кончил переписку Разн.<ых> Стих.<отворений>. По твоему желанию посылаю Руслана и Кавказ.<ского> Плен.<ника> с немецким переводом, потому что первого издания нигде нет.

Когда будет тебе нужда в деньгах, напиши ко мне только: *пришли* (*имярек рублей*)! Я всегда могу для тебя достать.

Об издании повм напиши только, в каком формате печатать. Не взять ли формат издания французских поэтов XIX века у Ladvocat в 16-ю большую долю. Дельвиг тебе писал обо всем, что ты от него хотел знать.

Прилагаю письмо для П.<расковьи> А.<лександровны>, полагая, что она еще не уехала.

Старина Русская посылается ей же.

Плетнев.

185. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 19 июля 1825 г. Тригорское (?).

Милый мой поэт, вот еще тебе поправка в А. Шенье (в посвящении Н.<иколаю> Р.<аевскому> последняя строфа)

Певцу etc.
Несу надгробные цветы
etc.

Что не слышно тебя! у нас осень, дождик шумит, ветер[1] шумит, лес шумит — шумно, а скучно. Женится ли Дельвиг? опиши мне всю церемонию. Как он хорош должен быть под венцом! жаль, что я не буду его шафером.

Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его Венецианскую ночь на голос гондольерского речитатива — я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее — но пусть вообразит себе красоту и задушевность — по крайней мере дай бог ему ее слышать!

Questo è scritto in presenzia della donna, come ognun puo veder. Addio caro poeta. Scrivete mi, vi prego.

Tutto il vostro.

Адрес: Петру Александр. Плетневу.

---

[1] *В копии П. И. Бартенева:* ветр

186. Анне Н. Вульф.

21 июля 1825 г. Михайловское.

Je vous écris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hé bien! êtes vous à Riga? avez vous fait des conquêtes? vous marierez-vous bientôt? avez vous trouvé des Houlans? mandez-moi tout cela dans le plus grand détail, car vous savez que malgré mes mauvaises plaisanteries, je m'intéresse véritablement à tout ce qui vous concerne. Je voulais vous gronder, mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse. Pour de la morale et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien — 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis (au masculin), ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte, au lieu que les *amies* vous feront du tort; car mettez-vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-même. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les tempes quand même ca serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque temps, mais [m'en] n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit, что с вами нездорово вальсировать, ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous [en], détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la d—re éd. de Byron.

Savez vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc..... et vos promesses donc, les avez vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier — où donc avais-je ma tête? Sur ce, parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante *Не мила ей прелесть* NB: *ночи,* et cela me serre le coeur, hier *M-r Alexis* et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout à coup. Ennui? *conformité de sentiment*? je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: elle était là — la pierre qu'elle a[1] heurtée est sur ma table auprès d'une héliotrope

[1] a *переделано из* he<urtait>

fanée, j'écris beaucoup de vers — tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu *dimanche* des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué... cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir éveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes ni plus sombre dans ses jours de tristesse, que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse... non cette idée m'est insupportable, dites lui que j'en mourrai; — non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette délicieuse créature. Mais dites-lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancholique et mystérieux [ce me], je la méprise, entendez vous? oui, je la méprise malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, Mlle la Baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 juillet.

P. S. Envoyez moi la recette que vous m'avez promise, j'ai fait tant de farces que je n'en peux plus — *maudite visite, maudit départ!*

187. А. А. Дельвигу.

23 июля 1825 г. Михайловское.

Сей час узнаю, что ты ко мне писал, но письмо твое до меня не дошло, дай бог, чтоб новый Никита им воспользовался! я чрезвычайно за тебя беспокоюсь; не сказал ли ты чего-нибудь лишнего или необдуманного; участие дружбы можно перетолковать в другую сторону — а я боюсь быть причиною неприятностей для лучших из друзей моих.

Мне пишет П.‹етр› А.‹лександрович›, что обо мне намерены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; ответ[1] окончателен. Во Пскове конечно есть лекаря — чего ж мне более?

С братом я в сношения входить не намерен. Он знал мои обстоятельства и самовольно затрудняет их. У меня нет ни копейки денег в минуту нужную, я не знаю, когда и как я получу

[1] *Переделано из* отвечено

их. Беспечность и легкомыслие эгоизма извинительны только[1] до некоторой степени. Если он захочет переписать мои стихи, вместо того чтоб читать их на ужинах и украшать ими альбом Воейковой, то я буду ему благодарен — если нет, то пусть отдаст он рукопись мою тебе, а ты уж похлопочи с Плетневым.

Ты, слышал я, женишься в августе, поздравляю, мой милый — будь счастлив, хоть это чертовски мудрено. Цалую руку твоей невесте и заочно люблю ее, как дочь Салтыкова и жену Дельвига.

23 июля.

П.‹расковья› А.‹лександровна› уехала, и я один.

Зачем было заменять мое письмо, дельное и благоразумное, письмом моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность....? ..... Ошибка важная! в первом случае я бы поступил прямодушно, во втором могли только подозревать мою хитрость и неуклончивость.

Некто Вибий Серен, по доносу своего сына, был присужден[2] римским сенатом к заточению на каком-то безводном острове. Тиберий воспротивился сему решению, говоря, что человека, коему дарована жизнь, не должно лишать способов к поддержанию жизни. Слова, достойные ума светлого и человеколюбивого! — чем более читаю Тацита, тем более мирюсь с Тиберием. Он был один из величайших государственных умов древности.

Адрес: Б.‹арону› Дельвигу.

188. А. П. Керн.

25 июля 1825 г. Михайловское.

J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au désir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez

[1] только *вписано.*

[2] *Переделано из* осужден

Оленин. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi, pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme — mais la frivolité est toujours cruelle et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu, divine. J'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ерм.<олай> Фед.<орович> et mes compliments à Mr Voulf.

25 jllt.

Je reprends la plume, car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous. J'espère que vous lirez cette lettre en cachette — la cacherez vous encore dans votre sein? me répondrez vous bien longuement? écrivez moi tout ce qui vous passera par la tête, je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie — mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherais d'y croire ou de me tromper, c'est égal. — Savez vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental — que dira Ан.<на> Ник.<олаевна>? Ах вы чудотворка или чудотворица!

Savez-vous quoi? écrivez-moi comme cela et comme cela; c'est si joli.[1]

189. П. А. Осиповой.

25 июля 1825 г. Михайловское.

Voici, Madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et était incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres vous serez arrivée à Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Pétersbourg étaient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'écrit une nouvelle assez étrange: la décision de S.<a> M.<ajesté> leur a paru un malentendu et l'on est résolu de lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer

---

[1] comme cela et comme cela; c'est si joli *написано поперек письма в разных направлениях.*

à Schlusselbourg où certes je n'aurais pas le voisinage de Trigorsky, qui tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiemment de vos nouvelles — donnez m'en, je vous en supplie. Je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance. Je vous salue du fond de mon âme.

25 juillet.

190. Л. С. Пушкину.

28 июля 1825 г. Михайловское.

Если б Плетнев показал тебе мои письма, так ты бы понял мое положение. Теперь пишу тебе из необходимости. Ты знал, что деньги мне будут нужны, я на тебя полагался, как на брата — между тем год прошел, а у меня ни полушки. Если б я имел дело с одними книгопродавцами, то имел бы тысяч 15.

Ты взял от Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатил 500, доплатил ли остальные 500? и осталось ли что-нибудь от остальной тысячи?

Я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензированы. Ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их[1] моск.‹овской› публики. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходят. Издание поэм моих не двинится никогда. Между тем я отказался от предложения Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры...

Словом мне нужны деньги или удавиться. Ты знал это, ты обещал мне капитал прежде году — а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану — а благодарить ей богу не за что.

28 июля.

При сем письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполне истолковать Плетневу мои обстоятельства — полагаюсь на его дружбу — если ж ты захо-

---

[1] их *вписано.*

чешь продиктовать Цыганов для отдачи в цензуру, покаместь не перешлю своего списка, — я почту себя очень обязанным.

Заплачены ли Вяземскому 600 р.?[1]

Адрес: Льву Сергеев<ичу Пушкину>
в С. Пе<тербург>

Против Юсу<пова сада> по Екатер<ингофскому> проспекту <в доме> купца *По*
Льву Се<ргеевичу>
П<ушкину>
В С. Петербург[2]

<*Приписка А. А. Дельвига подле адреса:*>

В феврале месяце брат твой прислал свои сочинения для переписки; в конце апреля месяца он мне дал, по особенной моей просьбе, свою черную тетрадь: думал ли он, что ты должен будешь переписывать с этой черной тетради или нет?

191. И. Ф. Мойеру.

29 июля 1825 г. Михайловское.

Сей час получено мною известие, что В. А. Жуковский писал вам о моем аневризме и просил вас приехать во Псков для совершения операции; нет сомнения, что вы согласитесь; но умоляю Вас, ради бога не приезжайте и не беспокойтесь обо мне. Операция, требуемая [об] аневризмом, слишком маловажна, чтоб отвлечь человека знаменитого от его занятий и местопребывания. Благодеяние ваше было бы мучительно для моей совести. Я не должен и не могу согласиться принять его; смело ссылаюсь на собственный Ваш образ мыслей и на благородство Вашего сердца.

Позвольте засвидетельствовать Вам мое глубочайшее уважение, как человеку знаменитому и другу Жуковского.

С.<ело> Михайловское 29 июля 1825. Александр Пушкин.

Адрес: Его превосходительству
милостивому государю
.... *г-ну Моеру.*
В Дерпт.

---

[1] *Последняя фраза — сбоку первой страницы.*

[2] *Половина листа оторвана.*

192. П. А. Осиповой.

29 июля 1825 г. Михайловское.

Vous avez reçu, Madame, de Pskov une lettre inutile que j'ai anéantie. — Je vous envoie une autre de Batova et une autre de ma mère. Vous verrez quelle belle âme est ce Жуковский. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire faire l'opération par Moer je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskov. Je ne sais d'où viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

Rocotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au château de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poëtique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir. Ses aimables hôtes devraient bien se hâter d'y retourner, mais ce souhait tient trop à mon égoïsme de famille; si Riga vous amuse, amusez-vous et souvenez-vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à. d. de Michaïlovsky), vous voyez que je confonds nos habitations et toujours par habitude.

29 juillet.

Au nom du ciel, Madame, n'écrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moer. Cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

193. Н. Н. Раевскому-сыну.

Вторая половина июля (после 19) 1825 г. Михайловское.

(Черновое)

Où êtes-vous? j'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai; se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: Mes amis se sont donnés beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter, ma mère a écrit à S.<a> M.<ajesté> et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelques jours. En attendant

je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est partie pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille bonne et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'écrivant j'ai réfléchi sur la tragédie en général. C'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la *vraisemblance*, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il [1)] dans une salle coupée en deux moitiés dont l'une est occupée par deux mille personnes, qui sont censées n'être pas vues par ceux qui sont sur les planches. 2) *la langue*. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas! j'entends les doux sons de la langue Grecque etc. Voyez les anciens: leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est il pas une invraisemblance conventionnelle? 3) le temps, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés de la vraisemblance. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'*a-parte*, il le supprime et là-dessus allonge le monologue et pense avoir fait faire une révolution dans le système de la tragédie; quelle puérilité!

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. (Je n'ai pas lu Calderon ni Vega) mais quel homme que ce Sch.‹akespeare›! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie. —

On a encore une manie: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus étrangères, en porte essentiellement l'empreinte (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding). Un consp.‹irateur› dit: *Donnez-moi*

à boire en conspirateur — et ce n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron (*ha pagato*) cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gêne et cette timidité de dialogue. Voyez Sc.<hakespeare> <?>. Lisez Sch.<akespeare>, il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en temps et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est-elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai tâché de les unir tous deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par-dessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer.

Je

194. П. А. Осиповой.

1 августа 1825 г. Михайловское.

J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc. — voici toutes les nouvelles que je puis vous donner, je suppose que celles de votre intendant seront plus variées. Recevez, Madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 août.

195. Н. А. Полевому.

2 августа 1825 г. Михайловское.

Милостивый государь,

Виноват перед вами, долго не отвечал на ваше письмо, хлопоты всякого рода не давали мне покоя ни на минуту. Также не благодарил я вас еще за присылку Телеграфа и за удовольствие, мне доставленное вами в моем уединении — это не простительно.

Радуюсь, что стихи мои могут пригодиться вашему журналу (конечно лучшему из всех наших журналов). Я писал к.<нязю>

Вяземскому, чтоб он потрудился вам их доставить — у него много моих бредней.

Надеюсь на вашу снисходительность и желаю, чтоб они понравились нашей публике.

Свидетельствую вам искреннее свое уважение

Александр Пушкин.

2 августа

Михайловское.

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
г-ну Полевому.
В *Москве*
в газетной экспедиции моск. почтам.
Г-ну изд. Моск. Телеграфа.

196. П. А. Вяземский — Пушкину. 4 августа 1825 г. Ревель.

Ревель. 4-го августа.

На днях получил я твое письмо от 15-го июля, а перед тем еще. Я рад, что ты едешь в Псков, во-первых для здоровия, а во-вторых и для будущего. Только ты сделай милость, не ступи этого первого шага левшою, как Людовик 18-й, выходя из корабля в Кале, так что говорили, que c'était la première gaucherie de la Restauration. Пусть будет этот первый шаг правый, твердый и прочный. Ты довольно вилял, но как ни виляй,

Всё придешь к тому же горю,
Что велит нам умереть!

Право, образумься, и вспомни — собаку Хемницера, которую каждый раз короче привязывали, есть еще и такая призязь, что разом угомонит дыхание; у султанов она называется почетным снурком, а у нас этот пояс называется Уральским хребтом. Надеюсь, а пуще желаю, чтобы Псков принес тебе пользу. Я русских журналов здесь не вижу и потому ни себя, ни тебя не читал в Телеграфе. Верно и меня пощипала цензура. Я полагал, что буду здесь много заниматься и много творить: выходит, что ничем и ничего. И мой Бай, или Бейрон бай-бай! За то сам байронствую, сколько могу. Ныряю и прядаю! Здесь есть природа, а особливо для нас, плоских москвичей. Есть будто море, будто солнце, суть будто скалы

И тайною тоской и тайной негой полный,
Гляжу на облака, луга, скалы и волны!

Здесь есть и Льва Сергеича сестра, милое, умное, доброе создание, с которою видимся раз десять в день и говорим о племяннике Василья Львовича.

У меня до сей поры твоих стихов только вторая часть Онегина, вторая часть Хвостова и еще две безделки. О других стихах слышу, но рука неимет. Недели через две буду в Питере и вырву их сам из когтей Львиных. Его величество, царь зверей и царь твоих стихов читал мне Цыган. Ты ничего жарче этого еще не сделал, и можешь взять в эпиграф для поэмы стихи Державина из Цыганской песни:

Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Шутки в сторону, это, кажется, полнейшее, совершеннейшее, оригинальнейшее твое творение. Твоего Шенье в темнице не знаю, но благодарю уже за одно заглавие. Предмет прекрасный. Шенье в своей школе единственный поэт французский: он показал, что есть музыка, т. е. разнообразие тонов, в языке французском. Спасибо и за трагедию, о которой мне Жуковский уже говорил: Тут есть ночь знаменитая! Вперед! — Неужели Дельвиг сердился на меня за молчание? Я хоронил и умирал, вот причины моей невежливости. Они достаточны. Оправдай меня перед ним, хотя и сам я с ним виделся и извинялся. Для Цветов дам ему своей ромашки. Вот пожалуй, что вылилось у меня здесь! Только надобно кое-что исправить. Заметь и доставь мне замечания.

Нарвский водопад.

Несись с неукротимым гневом
Сердитой влаги Властелин, — *вла вла*!
Над тишиной окрестной, ревом
Господствуй, бурный исполин!

Жемчужною, *кипящей* лавой студеной
За валом низвергая вал,
Мятежный, дикой, величавый
Перебегай ступени скал!

Дождь брызжет с беспрерывной сшибки
Волны, сразившейся с волной,
И влажный дым, как облак зыбкий,
Вдали твой предъявляет бой!

Всё разъяренней, всё угрюмей
Летишь, как гений непогод,
И мыслью погружаюсь в шуме
Твоих междоусобных вод.

Но как вокруг всё безмятежно,
И, утомленные тобой,
Как чувства отдыхают нежно
Любуясь сельской тишиной.

Твой ясный берег чужд смятенью,
На нем цветет Весны краса,
И вместе миру и волненью
Светлеют те же небеса!

Но ты, питомец тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зерцало их лазури,
Вотще блестящей с вышины;

Под грозным знаменьем свободы
Несешь залогом бытия *таишь*
Зародыш вечной непогоды
И вечнобьющего огня!

Ворвавшись в сей предел спокойный
Один свирепствуешь в глуши,
Как средь пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души!

Как ты, внезапно разгорится,
Как ты, ростет она в борьбе,
Терзает лоно, где родится,
И поглощается в себе.

Я доволен тут одним нравственным применением, но стихи что-то холодны! Я совсем отвык от стихов. Я говорю, как на иностранном языке: можно угадать мысли и чувства, но нет для слушателей увлечения красноречия. Не так ли? Признайся! Я в стихах Франклин на французском языке: сдается какое-то чужеязычие. — Жены со мною нет. Она в Остафьеве, где и я буду в начале сентября. Авось там примусь баять о Байроне. Между тем всё эта мысль гнездится у меня в голове, и собираю все возможные материалы. Прости. Пиши и лечись; вылечись, но не выпишись, разве выпишись из ссылки. Об Одессе ничего не знаю, кроме того, что граф Воронцов навез с собою из Петербурга дождь милостей, и что Яков Сабуров к нему определился.

Здесь есть приятельница сестры твоей, Дорохова, в которую влюбись и которую воспой непременно, когда познакомишься. Белокурая вакханка, полуденная нега на северной почве, виноград на снегу, чего-то нет, но многое что есть: небрежность! Голос приятный, а поет, то есть, сказывает стихи на русский лад наших барышень. Например из твоей Молдавской песни:

Однажды я созвал нежданых гостей.

Это сочетание двух слов — самое нельзя прелести! Я сказывал ей, что уведомлю тебя о поправке стиха. Сделай одолжение, душа, напечатай его так в полных своих стихотворениях. Здесь на водах был у нас Дубенский, приятель твоего отца. Он однажды говорил Ольге Сергеевне: J'ai coulé ici des jours filis d'or et de soie, comme disait M-dme Sévigné. — Это напомнило мне le flagrant délit, comme disait Napoléon, Чернышева. Помнишь ли?

197. П. А. Плетнев — Пушкину.
5 августа 1825 г. Петербург.

5 августа, 1825.
С. п. б.

Ты напрасно думал, что книгопродавцы наши согласятся на твое выгодное для них предложение. Они такие еще варвары, что не смею и сказать, на каких условиях желали бы они приобресть право издания поэм твоих. Оставим их. Поспешим лучше сами всё приготовить и начнем сами печатать. Мне очень жаль, что я не могу много прислать тебе денег. Впрочем на этой почте я приказал Слёнину отправить к тебе всё, что у него по моему последнему с ним счету оставалось, т. е. 725 руб. Покамест поживи ими, а осенью будут новые для тебя деньги, когда возвратятся купцы с Макарьевской яр.<марки>. Между тем вот и отчет в этих деньгах.

28 марта, при посылке 1000 руб., я сказывал тебе, что на книгопродавце осталось 7 р. 50 к. Он показал, что 7 руб. им издержаны на разные посылки по твоим коммиссиям. Вновь же Онегина продано (кроме тех, о которых я уже тебя уведомлял, т. е. к 1-му марта 700 экз., да к 28 марта 245 экз.) 161 экз., т. е. на 724 руб. 50 к., а прибавь к этому бывшие на книгопродавце 50 к., получить ты и должен ровно 725 р. Итак, чтобы привести в ясность тебе весь ход этой торговли, я повторю: Напечатано 2400 экземпляров; за деньги из них прод.: 1106 экз., а без денег вышло для разных лиц 44 экз. Следовательно продать осталось еще 1250 экз. И их-то я решился для скорейшей продажи уступать книгопродавцам по 20 процентов, т. е. чтобы тебе с них за экземпляр брать по 4 руб., а не по 4 р. 50 к., как было прежде. Доволен ли ты моими распоряжениями?

По твоему желанию я послал тебе Руслана, Пленника и Пенинского Грам.<матику>. Я бы желал, чтобы меня обстоятельно извещал, что получаешь от меня по своим поручениям. Иначе меня могут обмануть. Я не могу сам всё доставлять на почту, а предписываю книгопродавцу, который рад всё писать на счет, а ничего не выполнять, буде есть возможность.

Сделай милость, заключи мировую с Левушкой. Он ничего не знает и в надежде, что ты с ним по прежнему, отшучивается, когда ему говорю, как он спешит перепискою Разн.<ых> Стих.<отворений>. Прикрикни на него по старому, и он разом отдаст мне тетрадь, готовую для цензора. Мы все от себя обезденеживаем. Говорят, куй железо, пока горячо, а у нас оно стынет. Да приготовляй поскорее предисловия и поправки ко всем поэмам. Я их разом тисну и пришлю тебе после этого через неделю то, за что ты их хотел совсем продать. Слава богу, что купцы-то еще глупы, а то тебе разоренье с ними.

Для операции к тебе приедет из Дерпта Моэль (если не ошибаюсь), который был женат на Марье Андреевне Протасовой. Когда он услышал, что, у тебя аневрисм, то сказал: Я готов всем пожертвовать, чтобы спасти первого для России поэта. Это мне сказывала Воейкова, которая к нему о тебе писала: а ты не хочешь ей пожертвовать для альбома ни одним стихом. Грешно!

Жуковский тебя обнимает. Он к тебе сам напишет. Ты не поверишь, с каким он участием всегда говорит о тебе. Напрасно ты мизантропствуешь.

Карамзин и все твои прежние друзья остались к тебе расположены по прежнему. Ты только люби Поэзию, а тебя все не перестанут и любить и почитать. Ты верно живее каждого чувствуешь: чего здесь и желать можно, кроме славы, спокойствия самодовольной души и добрых друзей?

198. П. А. Осиповой.

8 августа 1825 г. Михайловское.

C'est hier que j'ai reçu, Madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivée à Riga. Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible. Elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à[1] Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. Ан.‹на› Богд.‹ановна› m'a dit qu'on vous y attendait vers la mi-août. Je n'ose l'espérer.

Que vous disait donc Mr K.‹ern› concernant la surveillance paternelle de Mr A.‹dercass› à mon égard? sont-ce des ordres positifs? Mr K.‹ern›, y est-il pour quelque chose? ou ne sont-ce que des bruits publics?

Je suppose, Madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles Européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg je ne sais rien de ce qui[2] s'y passe. Nous attendons l'automne, mais nous avons encore quelques beaux jours et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenêtre.

Adieu, Madame. Recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté. C'est vous qui m'avait fait apprécier le charme de la première.

8 août.

Адрес: à Madame
Madame Ossipof.
à Riga.

199. В. А. Жуковский — Пушкину.

9 августа 1825 г. Петербург.

9 августа. 1825.

Прошу тебя, мой милый друг, отвечать немедленно на это письмо. Решился ли ты дать сделать себе операцию и согласишься ли поехать для этого во Псков? Оператор готов. Это Мойер, Дерптский профессор, мой родня и друг.

[1] *Переделано из* en

[2] *Переделано из* qu'y

Прошу в нем видеть Жуковского. Он тотчас к тебе отправится, как скоро узнает, что ты его ожидаешь. Итак уведомь меня с точнейшею точностию, когда будешь во Пскове. Сделай так, чтобы на той квартире, которую займешь для себя, была горница и для моего Мойера. А я обо всем, что к тебе пишу, нынче же извещу его. Прошу не упрямиться, не играть безрассудно жизнию и не сердить дружбы, которой твоя жизнь дорога. До сих пор ты тратил ее с недостойною тебя и с оскорбительною для нас расточительностию, тратил и физически и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграммою, но должна быть возвышенною поэмою. Не хочу по пустому ораторствовать: лучший для тебя оратор есть твоя судьба; ты сам ее создал и сам же можешь и должен ее переменить. Она должна быть достойна твоего гения, и тех которые, как я, знают ему цену, его любят и потому тебя не оправдывают. Но это еще впереди. Теперь нам надобна твоя жизнь. Не льзя ли взять на себя труд об ней позаботиться, хотя из некоторого внимания к друзьям своим. Отвечай мне немедленно. А я обнимаю тебя сердечно.

Твой Жуковский.

Мой адрес: в Аничковском дворце отдать для доставления швейцару.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину.
В Опочке.

200. П. А. Вяземскому.

10 августа 1825 г. Михайловское.

Накупался ли ты в море и куда из Ревеля думаешь отправиться? напиши пожалуйста, а я из Михайловского не тронусь. Что твой Байрон? перешли мне его прежде печати; да нет ли стихов покойного поэта Вяземского, хоть эпиграмм? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: *Что нужды? говорит рассчетливый* etc. Виноват! я самовластно сделал в ней перемены, перемешав стихи следующим образом: 1, 2, 3—7, 8—4, 5, 6. — Не напечатать ли, сказав: *Нет, я в прихожую пойду путем доходным,* если цензура не пропустит осьмого стиха, так и без него обойдемся; главная прелесть: *Я не поэт, а дворянин*! и еще прелестнее после посвящения Войнаровского — на которое мой Дельвиг уморительно сердится.

Что Карамзины? я бы к ним писал, но боюсь приличия — а всё люблю их от всего сердца. Ж.<уковский> со мной так проказит, что не льзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? настоящий <------>! Мне жаль, что от Кюх<ельбекера> отбили охоту к журналам,[1] он человек дельный с пером в руках — хоть и сумасброд.

[1] *Переделано из* от журналов

Жду разбора Шихматова, то-то вранья, чаю! Сей час прочел Анти-критику Полевого. Нет, мой милый, не то и не так! — Разбор *новой пиитики басен* — вот критика. Когда-то мы возьмемся за журнал! мочи нет хочется, а покаместь смотри хоть за Полевым. Чем мне тебя поподчивать? вот тебе мои бон-мо (Ради соли, вообрази что это было сказано чувствительной девушке, лет 26): Qu'est ce que le sentiment? — Un supplément du tempérament.

Что более вам нравится? запах розы или резеды? — Запах селедки.

10 авг.

Адрес: Кн. П. А. Вяземскому.

201. П. А. Осиповой.

11 августа 1825 г. Михайловское.

Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, Madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent autant que vos soins génereux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais c'est que les sentiments que je vous ai voués seront éternellement les mêmes. J'ai été aujourd'hui encore ‹à›[1] Trigorsky. La petite se porte très bien et est très jolie. Je crois comme vous, Madame, que les bruits qui sont venus à Mr Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger. Ces jours-ci j'ai été chez Pechtchourof, l'avocat patelin — comme vous l'appelez — il me croyait à Pskof (*NB*). Je compte voir encore mon vieux nègre de Grand'Oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.

Je présente mes respects à toute l'aimable famille et suis, Madame, votre tout dévoué.

11 août.

202. В. И. Туманскому.

13 августа 1825 г. Михайловское.

Буря, кажется, успокоилась; осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда. Милый мой Туманский, у меня до тебя просьба, надеюсь,

[1] *Прорвано.*

что не откажешься оказать мне истинное одолжение. Вот в чем дело: за несколько дней пред моим отъездом из Одессы, Савелов и я играли у Лучича; Лучич проиграл мне 900 р., из коих 300 заплатил мне на другой же день, а остальные 600 перевел на Савелова, который и согласился. При моем внезапном отъезде я занял эти [900] 600 р. у кн.<ягини> Вяземской (с согласия же Савелова). После, узнаю, что он отрекается от своего долгу. Деньги эти пропали, так и быть, но боюсь, чтоб это не перетолковали мои приятели, которых у меня много, и все охотники до толков. Расскажи это просто, par manière de conversation, Лучичу. Он человек честный и верно не солжет в деле, касающемся до чести. Повторяю, что денег этих мне не нужно, и что даже возиться с Савеловым я не намерен. Отпиши мне отзыв Лучича; вот и всё.

— Об Одессе, кроме газетных известий, я ничего не знаю, напиши мне что-нибудь. О себе скажу тебе, что я совершенно один; царь позволил мне ехать во Псков для операции моего аневризма, и Моэр хотел ко мне приехать — но я просил его не беспокоиться и думаю, не тронусь из моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали против воли моей, и, кажется, только испортили мою участь. Что ты? что твоя поэзия? Изредко и слишком редко, попадаются мне твои стихи. Сделай милость, не забывай своего таланта. Боюсь, чтоб проза жизни твоей не одолела поэзии души. *Девушка вл.<юбленному> поэту* — прелесть! *сидя с авторàми* одно не хорошо.

Не так ли: Со мной ведете ль разговоры,
Вам замечательней всего
Ошибки слога моего.
Без выраженья ваши взоры

etc. Кланяйся всем бывшим моим товарищам, свидетельствую свое почтение В.<арваре> Д.<митриевне> и А.<лександру> И.<вановичу>. Прощай, мой милый.

13 авг.

Адрес мой: в Опочку, в село Тригорское. Ее высокор.<одию> Прасковьи Александр. Осиповой.

203. А. П. Керн.

13 и 14 августа 1825 г. Михайловское.

Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!.. et puis: ах, мерзкая!.. Pardon, belle et douce; mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez-vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par ex. que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous *convenir et vous plaire* (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous-entendu, je ne conçois pas ce que vous désirez. Me demandez-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty. Allons, gardez toujours le Не скоро, а здорово, pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky — et parlons ''autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère. Que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal — est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds — (j'y aurais joint le cœur, mais votre cousine a trop décrié ce mot). Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous vouliez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve — je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans — c'est indigne — mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez moi.... — Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force, ni émotion, et un refus n'a ni grâce, ni volupté. Au revoir donc — et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de Mr votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le surlendemain de votre arrivée. По делом ему! Si vous saviez quelle aversion mêlée de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du Ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte, la goutte! C'est ma seule espérance.

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible *si* que je n avais pas remarqué d'abord. *Si ma cousine reste je viendrai cet automne* etc. — au nom du Ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-la

en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas cela au moins: par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites-vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez-le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait Mr Kern. C'est un bien digne homme que Mr K.<ern>, un homme sage, prudent etc.; il n'a qu'un seul défaut — c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? c'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. Aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de Vous. Cela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien le plus injustement du monde; j'aurais dû être reconnaissant pour la fois passée, je le sais; mais que voulez-vous? je vous supplie, divine — compatissez à ma faiblesse, écrivez moi, aimez moi et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, дайте ручку.

14 août.

204. О. С. Пушкиной.

10—15 августа 1825 г. Михайловское.

Ma bonne amie, je vous crois arrivée. Mandez-moi quand vous comptez partir pour Moscou et donnez-moi votre adresse. Je suis bien triste de ce qui m'est arrivé, mais je l'avais prédit, ce qui est très consolant comme vous savez. Je ne me plains pas de ma mère, au contraire je lui suis reconnaissant, elle a cru me faire du bien, elle s'y est prise chaudement, ce n'est pas sa faute si elle s'est trompée. Mais mes amis — ils ont fait expressément ce que je les avais conjuré de ne pas faire. Quelle rage de me prendre pour un sot et de me pousser dans un malheur que j'avais prévu, que je leur avais indiqué? On aigrit S.<a> M.<ajesté>, on prolonge mon exil, on se moque de mon existence, et lorsqu'on est étonné de toutes ces bévues, on me fait ses compliments sur mes beaux vers et l'on va souper. Que voulez-vous, je suis triste et découragé — l'idée d'aller à Pskoff me parait souverainement ridicule, mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловское, j'attends qu'on m'en signifie l'ordre. Tout cela est d'une légèreté, d'une cruauté inconcevable. Encore un mot: ma santé demande un autre

Voici, une lettre pour Mme votre tante, vous
pouvez la garder si par hasard on n'est
plus à Riga. Dites-moi, peut-on être aussi
étourdie que vous l'êtes? comment une
lettre adressée à vous, est-elle tombée
en d'autres mains que les vôtres? mais
comme ce qui est fait est fait — par-
lons de ce que nous aurons à faire.

Si Mr votre époux vous ennuie
trop, quittez-le — mais savez-vous comment?
vous laissez là toute la famille, vous
prenez la poste vers Ostrof et vous
arrivez... où? à Trigorsky? pas du
tout: à Michailovsky. Voilà le beau
projet qui me tracasse l'imagination
depuis un quart d'heure. Mais con-
cevez-vous quel serait mon bonheur?
Vous me direz "Et l'éclat, et le scandale?"
Que diable! en quittant un mari le
scandale est complet, le reste n'est
rien ou fort peu de chose — mais avouez

Письмо Пушкина А. П. Керн, 28 августа 1825 г. (1-я и 3-я страницы).

Институт Литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в Ленинграде.

impossible. Il faut d'abord calmer vos spasmes — m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés j'y répugne — Ha! vos lettres, à propos. comment les recevrai-je? votre tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente. (& le moyen... à 400 lieues) Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées & peut-être brulées en cérémonie. Tachez de déguiser votre écriture trop connue le reste. — Mais écrivez moi & beaucoup en long et en large et en diagonale (terme de géométrie) — Mais surtout donnez moi l'espérance de vous revoir — Si non, je tacherai vraiment d'être amoureux autre part. J'oublierai : je veux

[library stamp]

climat, on n'en a pas dit un mot à S.‹a› M.‹ajesté›. Est-ce sa faute s'il n'en sait rien? On me dit que le public est indigné; je le suis aussi, mais c'est de l'insouciance et de la frivolité de ceux qui se mêlent de mes affaires. O, mon dieu, délivrez-moi de mes amis!

Няня заочно у вас, Ольга Сергеевна, ручки цалует — голубушки моей.[1]

Адрес: A mademoiselle Olga Pouchkine.

205. П. А. Вяземскому.

14 и 15 августа 1825 г. Михайловское.

14 авг.

Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-российском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах. Благодарю очень за Водопад. Давай мутить его сей час же.

... с *гневом*
Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня*? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь *стремнин, вершин*[2] и тому подобное.

2‹-ая› строфа — прелесть! — Дождь брызжет *от* (такой-то) сшибки
Твоих *междуусобных* волн.

Междуусобный значит *mutuel*, но не заключает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл.

5-ая и 6-ая стр. — прелестны.

Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной* о гремящем водопаде говоря, не годится —

[1] *Эта фраза на обороте, под адресом.*

[2] вершин *вписано.*

о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зерцало* и проч. Не яснее ли и не* живее ли: *Ты не приемлешь их лазури* etc. Точность требовала бы *не отражаешь*. Но твое повторение *ты*, тут нужно.

Под грозным знаменьем etc. *Хранишь* etc., но вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно-бьющий *огонь*, тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

Ворвавшись — чудно-хорошо. *Как средь пустыни* etc. Не должно тут двойным сравнением развлекать внимания — да и сравнение не точно. *Вихорь и пустыню* уничтожь-ка — посмотри, что выйдет из того:

Как ты, внезапно разгорится.

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде *огненном* метафорически, т. е. *блистающий, как огонь*, а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня). Итак, не лучше ли:

Как ты, *пустынно* разразится

etc. а? или что другое — но *разгорится* слишком натянуто. Напиши же мне: в чем ты со мною согласишься. Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство италианки. Пиши мне, во Пскове это для меня будет благодеянье. Я созвал *нежданных* гостей, прелесть — не лучше ли еще *незванных*. Нет, cela serait de l'esprit.

При сем деловая бумага, ради бога употреби ее в дело.[1]

<*На отдельном листе:*>

1811 года дядя мой Василий Львович, по благорасположению своему ко мне и ко всей семьи моей, во время путешедствия из Москвы в С.<анкт>П.<етер>Б.<ург>, взял у меня взаймы 100 рублей ассигн.<ациями>, данных[2] мне на орехи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной

---

* впрочем это придирка.

---

[1] *Эта фраза написана на обороте под адресом.*

[2] *Переделано из* данные

тетушкой Анной Львовною. Свидетелем оного займа был известный Игнатий; но и сам Василий Львович, по благородству сердца своего, от оного не откажется. Так как оному прошло уже более 10 лет без всякого с моей стороны взыскания или предъявления, и как я потерял уже всё законное право на взыскание выше упомянутых 100 рублей (с процентами за 14 лет; что составляет более 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородие, милостивого государя дядю моего заплатить мне сии 200 рублей по долгу христианскому — получить же оные деньги уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземского, известного литератора.

Коллежский секретарь Александр
Сергеев сын Пушкин.

15 августа
1825
Село Михайловское.

Адрес: Кн.‹язю› Вяземскому.

206. В. А. Жуковскому.

17 августа 1825 г. Михайловское.

Отче, в руце твои предаю дух мой. Мне право совестно, что жилы мои так всех вас беспокоят — операция аневризма ничего не значит, и ей богу первый псковской коновал с ним бы мог управиться. Во Псков поеду не прежде как в глубокую осень, оттуда буду тебе писать, светлая душа. — Надниях виделся я у Пещурова с каким-то доктором-аматёром; он пуще успокоил меня — только здесь мне Кюхельбекерно; согласен, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией в роде Коншина. К стати об элегиях, трагедия моя идет, и думаю к зиме ее кончить; в следствии чего, читаю только Карамзина да летописи. Что за чудо эти 2 последние тома[1] Карамзина! какая жизнь! c'est palpitant comme la gazette d'hier, писал я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: не льзя ли мне доставить или жизнь *Железного Колпака*, или житие какого-

[1] *Переделано из* томы

нибудь *юродивого*. Я напрасно искал Василия Блаженного в Чет.‹ьих› М.‹инеях› — а мне бы очень нужно.

Обнимаю тебя от души. Вижу по газетам, что Перовский у Вас. Счастливец! он видел и Рим и Везувий.

17 авгу.

П.

Адрес: Его высокоблагородию
Василию Андреевичу
Жуковскому,
в С. Петербург
в Аничковском дворце.
Отдать швейцару для доставления.

207. А. П. Керн.

21(?) августа 1825 г. Михайловское.

Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que votre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si intéressante mais qui ne valent[1] pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'écrire. Quelle mauvaise tête!

Dites-moi donc, que vous a-t-il fait ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? hé bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas (ou ce qui est bien pire) vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maîtresse.... d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale. Mais encore, on doit des égards au mari, sinon personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier, il est nécessaire de par le monde. Tenez, je vous parle à coeur ouvert. A 400 v. de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux; qu'est ce donc que cela doit être à 4 pas? — (NB: Je voudrais bien savoir pourquoi Mr votre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de votre plume dans votre lettre à moi? sans indiscrétion peut-on le savoir?).[2]

[1] *В подлиннике:* vaillent.

[2] *Фраза, заключенная в скобки, слегка зачеркнута.*

Pardon, Divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accomoder tant soit peu de ce maudit Mr Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile. De la douceur, de la coquetterie (et surtout, au nom du Ciel, des refus, des refus et des refus) le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme; mais que voulez-vous? — Je suis au désespoir du départ d'Annette;[1] quoiqu'il en soit il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? répondez-moi, je vous en supplie; et n'en dites rien à A.<lexis> Voulf. — Vous viendrez? — n'est ce pas? — jusque-là ne décidez rien à l'égard de votre mari. Vous êtes jeune, une carrière entière est devant vous — lui...... Enfin soyez sûre que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent — quelquefois c'est inévitable — mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu, il fait nuit, et votre image m'apparait toute triste et toute voluptueuse — je crois voir votre regard, votre bouche entrouverte.

Adieu — je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux — je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu et croyez à mon délire; il est ridicule mais vrai.

208. А. П. Керн.

28 августа 1825 г. Михайловское.

Voici une lettre pour M^{d} votre tante, vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites-moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? Mais comme ce qui est fait est fait — parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M^{r} votre époux vous ennuie trop, quittez-le — mais savez-vous comment? vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez... où? à Trigorsky? pas du tout:

[1] d'Annette *было сперва сокращенно:* d'A*; затем Пушкин приписал недостающие буквы.*

à Michailovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? Vous me direz: „Et l'éclat, et le scandale?“ Que diable! en quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose. — Mais avouez que mon projet est romanesque?— Conformité de caractère, haine des barrières, organe du vol très prononcé, etc. etc. — Concevez-vous l'étonnement de M^de^ votre tante? Il s'ensuivra une rupture. Vous verrez votre Cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié moins insipide — et Kern une fois mort — vous êtes libre comme l'air... Eh bien, qu'en dites-vous? quand je vous disais que j'étais en état de vous donner un conseil hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frissonner. — Vous me direz: consolez-vous. Fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes — m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés, j'y répugne... Ha! vos lettres, à propos. Comment les recevrai-je? Votre Tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente (et le moyen.... à 400 verstes). Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées et puis brulées en cérémonie. Tâchez de déguiser votre écriture et je verrai le reste. — Mais écrivez-moi et beaucoup en long et en large et en diagonale (terme de géométrie). Voilà ce que c'est que *diagonale.*[1] Mais surtout donnez moi l'espérance de nous revoir. Si non, je tâcherai vraiment d'être amoureux autre part. J'oubliais: je viens d'écrire [une] à Netty une lettre bien tendre, bien basse. Je raffole de Netty. Elle est naïve — et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous pas naïve. N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? hé bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimable — je serai gai lundi, exalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je serai tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. *Adieu.*

28 août

Ne décachetez pas la lettre ci-jointe. Ce n'est pas bien. M^de^ votre tânte s'en fâcherait.

---

[1] *Эта фраза написана из угла в угол письма — по диагонали.*

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M^{de} O.‹ssipof› décachette une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachette une lettre de Netty — et nous y trouvons tous de quoi nous édifier — vraiment c'est un charme![1]

‹П. А. Осиповой:[2]›

Oui, madame, honny soit qui mal y pense. Ha, les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! Serait-ce par expérience qu'ils le savent? mais je leur pardonne, faites en de même et continuons.

Votre dernière lettre (de minuit) est charmante; j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sévère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années et elle se corrigera, je vous le promets; quant à sa coquetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M^{r} votre fils, à son Cousin! arrivée à Trigorsky, il lui[3] passe par l'esprit de captiver Mr Rokotof et moi; ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette Providence de ce sacré каторжник! ce n'est pas tout, vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! ha, par exemple, c'en est trop: Mr Rokotof le saura, et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, Madame, croyez-vous sérieusement qu'elle fasse la coquette *indifféremment*? elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux, timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, Madame, de [votre] n'avoir pas rendu ma lettre, elle était trop tendre, et dans les circonstances actuelles, ce serait ridicule de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinence qui me caractérise, et décidément je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai tâché de porter

---

[1] *Последний абзац написан сбоку первой страницы.*

[2] *Письмо это, обращенное якобы к П. А. Осиповой, на самом деле предназначено также для А. П. Керн.*

[3] lui *вписано.*

le trouble au sein d'une famille; que Ерм.<олай> Өед.<орович> puisse m'accuser de n'avoir pas de Principes et que sa femme puisse se moquer de moi. — Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant: „hardie dans etc." N'est-ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini, je ne la croirai plus.

Adieu, Madame, c'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée — nous médirons de la Netty du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue, et encore plus de ne pas<?> l'avoir<?> possédée<?>.[1] Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment.

Michailovs.

Адрес: A madame Ossipof

209. П. А. Плетнев — Пушкину.

29 августа 1825 г. Петербург.

29 авг. 1825.

A propos: не имянинник ли ты завтра? Поздравляю тебя и целую. Все, мною посланные, книги ты уже должен теперь получить. Я нарочно выправлялся и узнал, что Русская Старина для П.<расковьи> А.<лександровны> отправлена 18 июля, Руслан и Пленник для тебя 21 июля, а Грамматика Пенинского для тебя же 7 августа. Может быть, не скоро доходят до тебя повестки из вашей почтовой экспедиции. Это надобно разобрать самому тебе: а то за что ж пропадать будут наши посылки? Слёнин только в том виноват перед тобою, что замедлил выслать деньги, о которых я тебя предуведомлял. Теперь он исправился, и на одной почте с моим письмом ты должен получить их, но не 725 рублей, а только 525 р. Остальные же 200 р., с твоего позволения, на несколько недель я у него взял для одной собственной крайней нужды. Надеюсь, что ты на меня не только не будешь сердиться, но похвалишь, что я без церемонии взял у тебя, а не у другого кого. Впрочем ты всё-таки уведомь меня, когда получишь эти 525 р., а я свой долг тебе возвращу аккуратно, как только у меня случатся деньги. С St. Florent не вижу нужды теперь ни в чем условливаться. На будущее время у меня есть другой план, о котором скажу в этом же письме. Не сердись, что я подробно извещаю тебя об Онегине. Аккуратные отчеты — моя слабая сторона. Да это и тебе забавно от нечего делать. Всеволожскому остальные 500 р. Лев давно отдал, а Вяземскому 600 еще нет, как он мне сказывал. Может быть, после того — не знаю: он к тебе верно сам об этом написал уже или напишет. Винится перед тобой слезно. Поправки твои все получил и отдал Льву,

[1] *Последние пять слов густо замараны.*

чтобы он непременно поместил их при переписке твоих Раз.<ных> Стихотвор.<ений>. У тебя в Элегии: Желание славы, один стих без рифмы:

> Желаю славы я, чтоб именем моим
> Твой слух... и проч.

Если это с намерением сделал ты, так извини, что я по невежеству не догадался; если же просмотрел, то не хочешь ли прислать поправки?

Умоляю тебя отстать от лени и приняться за приготовление всех поэм к новому изданию. Я не могу сделать к ним предисловий и примечаний вместо тебя, во 1) потому, что у меня нет совсем свободного времени, 2) я испортил бы всё дело какою-нибудь грубою или глупою ошибкою и проч. Fournier здесь уже нет: Лев сказал мне, что он уехал. Об Онегине заговаривал-было я с книгопродавцами, чтобы они взяли остальные экзем. с уступкою им за всё издание 1000 рублей. Никак не соглашаются. Они думают, что эта книга уже остановилась, а забывают, как ее расхватят, когда ты напечатаешь еще песнь или две. Мы им тогда посмеемся дуракам. Признаюсь, я рад этому. Полно их тешить нам своими деньгами. Милый, прими совет мой! Я буду говорить тебе, как опытный человек в деле книготорговли и совершенно преданный выгодам твоим, почти столько же, сколько и твоей славе. Желаешь ли ты получить денег тысяч до пятидесяти в продолжение пяти месяцев или даже четырех с начала сентября до конца декабря?

Вот единственное и вернейшее средство: I. Пришли мне (как только возможно тебе скорее) вторую и третию песни Онегина, чтобы я вместе напечатал их в одной книжке в продолжение сентября. Но заметь, что надобно прислать оригинал так, как отдавать его следует в цензуру. В противном случае дело затянется, и я уже тогда не отвечаю за успех. Главное условие: делать всё так, как я предлагаю. II. Велеть Льву в половине сентября непременно отдать мне Разные Стихотворения, чисто и со всеми твоими последними поправками переписанные, чтобы 1-го октября взял я их от цензора и снес в типографию. III. Приготовь оригиналы, со всеми своими давними и новыми поправками, примечаниями и проч., всех пяти поэм: Руслана, Пленника, Фонтана, Разбойников и Цыганов — непременно к 15-му октября, чтобы я мог их к 1-му ноября взять от цензора и снести в типографию. Если это всё ты в состоянии сделать, то я (отвечаю честию), не требуя от тебя ни копейки за бумагу и печатание, доставлю тебе к 1-му генваря 1826 года (как хочешь: в разные ли сроки, или вдруг к этому одному сроку) не менее 50.000 рублей: в этом

> Меня мой разум уверяет,
> Гласит мое мне сердце то.

Вот и расчет мой à peu-près: Я надеюсь непременно после издания 2 и 3 песень Онегина продать вдруг 1-й песни его 850 экземпляров (за вычетом процентов книгопродавцу) на 3.400 руб.

Потом: 2000 экз. 2 и 3 песн. Онегина по 4 р. 50 к. за экз. на 9.000 —
Далее: 2000 — Раз. Стих. также по 4 р. 50 к. — на 9.000 —
Наконец 2000 — Поэм всех, считая хоть по 13 руб. за экз. 26.000 —

Итого 47.400 руб.

Ты уже видишь, что не много недостает до 50.000. Но я надеюсь с помощию нового плана продажи выиграть менее уступки книгопродавцам и более сбыть вдруг экз. прямо на деньги, чем не только оплатится бумага и печатание всех этих книг, но и достанет дополнить сумму до 50.000 рублей. Уверяю тебя, что это всё сбудется: сделай только в точности по моему расписанию. Если же ты не уважишь моего усердия и почтешь за шутку то, что я пишу от чистого сердца, тогда бог с тобой. Я тебя отдам на съедение книгопродавцам; потому что, презревши мой совет, ты конечно либо сам, либо черев кого-нибудь другого, опять обратишься с новыми условиями к этим варварам, которые этого только и ждут. Но я останусь не без грусти; она очень понятна, когда чистейшую жертву отталкивают. Что стоит тебе подождать до генваря? Ты будешь Крезом. Я уж не стращаю тебя, что отдам твои деньги в ломбард; нет все тебе пришлю преисправно. Делай с ними, что хочешь. Понимаешь ли меня? —

По новому плану моему продажи, я, по отпечатании новой твоей книги, рассылаю афиши по всем книжным лавкам, где назначится, какая уступка сделана будет, если *на чистые непременно деньги* возьмет у меня купец для продажи 50 экз.; если 100, если 250, если 300 и т. д. Монополии нет. Они все усердно[1] готовы брать вдруг более, потому что больше уступки процентов. В долг ни кому нн экземпляра. Сверх того объявляю, что эта книга продается в такой-то квартире Плетнева, хоть для близь живущих. На этих экземплярах мы ни копейки не теряем процентов. В Москву и другие города также на чистые деньги. Я в восторге от этой мысли высокой.

NB. Непременно *нашли* мне оффициальное письмо, в котором пропиши, что „во избежание-де затруднений в продаже ты не согласен, чтоб я отдавал твои издания в одну лавку, но требуешь раздачи их по всем книгопродавцам, да вкупе усердствуют они тебе и себе“. Это письмо я покажу Слёнину, чтоб он не подумал, что меня подкупили братия его.

P. S. Повторяю: блажен будешь, если исполнишь в точности всё, аде предложенное.

210. К. Ф. Рылееву.

Вторая половина июня—август 1825 г. Михайловское.

(Черновое)

Мне досадно, что Р.‹ылеев› меня не понимает — в чем дело. Что у нас не покровительствуют литературу, и что слава богу? зачем же об этом говорить? pour réveiller le chat qui dort? напрасно. Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нынешней нашей словесности. Чего ж тебе

[1] *Сперва было начато:* усердствова‹ть›

более? загляни в журналы, в течении 6-ти лет посмотри, сколько раз упоминали обо мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасно — а об нашем приятеле ни гугу, как будто на свете его не было. Почему это? уж верно не от гордости или радикализма такого-то журналиста, нет — а всякой знает, что, хоть он расподличайся, никто ему спасибо не скажет и не даст ни 5 рублей — так лучше ж даром быть благородным человеком. Ты сердишься за то, что я чванюсь 600 летним дворянством (NB. мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость etc. Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас гр.<аф> Хв<остов> прожился на них. Там есть нечего, так пиши книгу, а у нас есть нечего, служи, да не сочиняй. Милый мой, ты поэт и я поэт — но я сужу более прозаически и чуть ли от этого не прав. Прощай, мой <милый><?>, что ты пиш<ешь>?

211. А. Н. Вульфу.

Конец августа 1825 г. Михайловское.

Любезный Алексей Николаевич,

Я не успел благодарить Вас за дружеское старание о проклятых моих сочинениях, чорт с ними и с Цензором, и с наборщиком, и с *tutti quanti* — дело теперь не о том. Друзья мои и родители вечно со мною проказят. Теперь послали мою коляску к Моэру с тем, чтоб он в ней ко мне приехал и опять уехал и опять прислал назад эту бедную коляску. Вразумите его. Дайте ему от меня честное слово, что я не хочу этой операции, хотя бы и очень рад был с ним познакомиться. А об коляске сделайте милость, напишите мне два слова, что она? где она? etc. —

Vale, mi fili in spirito. Кланяюсь Языкову. Я написал на днях подражание Элегии его *Подите прочь.*

212. П. А. Вяземский — Пушкину.

28 августа и 6 сентября 1825 г. Царское Село.

Спасибо за два твои письма ко мне, но за письмо к сестре деру тебя за уши и не шутя, а сериозно и больно. Что за горячка? Что за охота быть пострелом и всё делать на перекор тем, которые тебе доброжелательствуют? Что за охота chercher midi à quatorze heures в побуждениях самых чистых, в поступках самых открытых и простых? Твоя мать узнаёт, что у тебя аневризм в ноге, она советуется с людьми, явно в твою пользу расположенными: Карамзиным и Жуковским. Определяют, что ей должно писать к государю, Жуковский вызывается доставить тебе помощь Мойера, известного искусством своим. Как было сказано, так и сделано: только государь, который хозяин дома, вместо того, чтобы назначить пребывание твое в Риге или в Дерпте, или в Петербурге, назначает тебе Псков. Кто же тут виноват? Каждый делал свое дело; один ты не делаешь своего и портишь дела других, а особливо же свои. Отказываясь ехать, ты наводишь подозрение на свою мать, что она хотела обольстить доверенность царя и вымышленным аневризмом насильно выхватить твою волю! Портишь свое положение для будущего времени, ибо этим отказом подаешь новый повод к тысяче заключениям о твоих намерениях, видах, надеждах. И для нас, тебя знающих, есть какая-то таинственность, несообразимость в упорстве не ехать в Псков, — что же должно быть в уме тех, которые ни времени, ни охоты не имеют ломать голову себе над разгадыванием твоих своенравных и сумасбродных логогрифов. Они удовольствуются первою разгадкою, что ты — человек неугомонный, с которым ничто не берет, который из охоты идет на перекор власти, друзей, родных и которого вернее и спокойнее держать на привязи подалее. Что значит: mais comme on sera bien aise de me savoir hors de Михайловски, j'attends qu'on m'en signifie l'ordre. Да и разумеется: все любящие тебя порадуются выпуску твоему из Михайловского. Ни сестра твоя, ни брат не поняли смысла этой фразы. Бедная сестра твоя только слез, а не толку добилась из твоего письма. Она целый день проплакала и в слезах поехала в Москву. На всякий случай могу тебе утвердительно сказать, что твой отец даже и не знал о письме твоей матушки к государю, и, следовательно, он во всем этом деле не причастен. Смотреть на Псков, как на ссылку, то всё же она не хуже деревни, тем более, что деревня всё еще за тобою остается. Соскучишься в городе, никто тебе не запретит возвратиться в Михайловское: всё и в тюрьме лучше иметь две комнаты; а главное то, что выпуск в другую комнату есть уже некоторый задаток свободы. Но главнейшее здесь в том: что ты болен, что нужна операция, что нужен хороший оператор: всё это развязывается в Пскове, зачем же затягиваешь новый узел и настоящий Гордиановский узел. Не могу понять, да, вероятно, ты и сам не понимаешь, а любуешься в суматохе: тебе хочется жаловаться на судьбу, на людей, и где они тебе благоприятствуют, там ты исподтишка путаешь всё, что они ни сделают. Будь доволен. Ты не на пуховиках пронежил свою молодость и не в оранжереях взрастил свои лавры! Можно войти погреться в избу и поваляться на лежанке. Остерегись! Лихорадка бьет, бьет, воспламеняет, да кончит тем, что и утомит-

Уже довольно был ты в раздражительности, и довольно искр вспыхнуло из этих электрических потрясений. Отдохни! Попробуй плыть по воде: ты довольно боролся с течением. Разумеется не советую плыть по воде к грязному берегу, чтобы запачкаться в тине; но в новой стезе, открываемой перед тобою, ничто не заденет совести твоей, ничто не запятнает характера. Положим, что ничто на ней и не льстит тебе, и что глаза твои разгорелись на другую стезю, более заманчивую, — но что же делать? Стоит ли барахтаться, лягаться и упрямиться, стоит ли наделать шума в околодке, чтобы поставить на своем и добро бы еще поставить на своем, а ничуть, чтобы только не уступить, и кому же? Заботливой деятельности дружбы! Перед дружбою не стыдно и поподличать; даже сладостно, в чем можно без нарушения чести, и переломить себя в угоду ей. Такие жертвоприношения не унижают души, не оставляют на ней смрадных следов, как жертвоприношения личным выгодам и суетной корысти, а напротив возвышают ее, окуривают благовонием, которое долго отзовется. Душа должна быть тверда, но не хорошо ей и щетиниться при каждой встрече. Смотри, чтобы твоя не смотрела в поросята! Без содрогания и без уныния не могу думать о тебе, не столько о судьбе твоей, которая всё-таки уляжется, когда-нибудь, но о твоей внутренности, тайности! Ты можешь почерстветь в этой недоверчивости к людям, которою ты закалиться хочешь. И какое право имеешь ты на недоверчивость? Разве одну неблагодарность свою! Лучшие люди в России за тебя; многие из них даже деятельны за тебя; имя твое сделалось народною собственностью. Чего тебе не достает? Я знаю чего, но покорись же силе обстоятельств и времени. Ты ли один терпишь, и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряженных с настоящим положением не только нашим, но вообще европейским. Если приперло тебя потеснее другого, то вини свой пьедестал, который выше другого. Будем беспристрастны: не сам ли ты частью виноват в своем положении? Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом. Мороз сделал свое, вот и всё! Я не говорю, что тебе хорошо, но говорю, что могло бы быть хуже, и что будет хуже, если не станешь домогаться о лучшем и будешь перечить друзей своих. Осекая их попытки в твою пользу, кончишь тем, что и их парализуешь. Заключим: отказ твой ехать в Псков для посоветования с Мойером есть мера противная и благоразумию, потому что она ни на чем путном не основана, и нравственности, потому что ты оказываешь неблагодарность друзьям своим и испытываешь их дружбу к тебе до-нельзя, и настоящим и будущим выгодам твоим, ибо новою катастрофою запутываешь ход своей драмы и углубляешься в нее, как в лес или Кюхельбекер в своих „Аргивянах", который чем более писал, тем менее знал, когда кончит. Положим, что поездка в Псков не улучшит твоего политического положения, но она улучшит твое здоровье — это положительный барыш, а в барышах будет и то, что ты уважил заботы друзей, не отвергнул, из упрямства и прихоти, милости царской, и не был снова на ножах с общим желанием, с общим мнением. Наклада никакого не вижу: барыш в смете есть. В твоем положении пренебрегать ничем не должно, тем более, когда ничего не рискуешь. Я подозреваю некоторые недочеты в твоих соображениях. Ты любуешься в гонении: у нас оно, как и авторское ремесло, еще не есть почетное звание, ce n'est même pas du tout un état. Оно — звание только для немногих; для народа оно не существует. Гонение

придает державную власть гонимому только там, где господствуют два раскола общественного мнения. У нас везде царствует одна православная церковь. Ты можешь быть силен у нас одною своею славою, тем, что тебя читают с удовольствием, с жадностию, но несчастие у нас не имеет силы ни на грош. Хоть будь в кандалах, то одни те же друзья, которые теперь о тебе жалеют и пекутся, одна сестра, которая и теперь о тебе плачет, понесут на сердце своем твои железа, но их звук не разбудит ни одной новой мысли в толпе, в народе, который у нас мало чуток! Твое место сиротеет у нас в дружеских беседах и в родительском доме, но в народе не имеешь ты стула, тебя ожидающего: у нас никому нет места почетного. В библиотеках отведена тебе первая полка, но мы еще не дожили до поры *личного уважения*. В государственном человеке уважают кресты и чины, в авторе его книги, и то еще слава богу; но будь первый без крестов, другой без книг, их забывают и не знают. В дубовом лесу мы не друиды, а свиньи: дубам не поклоняемся, а жрем одни валяющиеся жолуди. Оппозиция — у нас бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях: она может быть домашним рукоделием про себя и в честь своих пенатов, если набожная душа отречься от нее не может, но промыслом ей быть нельзя. Она не в цене у народа. Поверь, что о тебе помнят по твоим поэмам, но об опале твоей в год и двух раз не поговорят, разумеется, кроме друзей твоих, но ты им не ею дорог. Не ты же один на черной доске у судьбы: есть тоже имена честные, но так как они не подписываются в журналах, то их давно уже нет в помине. Нет сомнения que la disgrâce ne donne pas chez nous de popularité; elle n'est que le prix des succès; какие бы ни были удачи, торговые ли, придворные, карточные, стихотворные, государственные, но всё поклоняемся мы одному счастию, а благородное несчастие не имеет еще кружка своего в месяцослове народа ребяческого, немного или много дикого и воспитанного в одних гостиных и прихожих. Ты судишь о своем положении по расчислениям ума и сердца, и, может быть, находишь людей, которые подтакивают твоим итогам, но и ты и они ошибаются. Пушкин по характеру своему; Пушкин, как блестящий пример превратностей различных, ничтожен в русском народе: за выкуп его никто не даст алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворческая отрыжка. Мне всё кажется, que vous comptez sans votre hôte, и что ты служишь чему-то, чего у нас нет. Дон-Кишот нового рода, ты снимаешь шляпу, кладешь земные поклоны и набожничаешь перед ветреною мельницею, в которой не только бога или святого, но и мельника не бывало.

Молола мельница и что ж молола? — ложь!

Каково вспомнил я стих Сумарокова!

От стиха Сумарокова перейдем к моей мельнице, то есть водопаду.

Называя водопад *властелином влаги*, я его лицетворю, забывая этимологию его, и говорю о том незримом moteur, побудителе водяной суматохи. И Жуковский согласен со мною; впрочем увидим. *Дождь* будет по твоему приказанию брызгать *от*, а не *с* — ради твоих прекрасных глаз и матушки-грамматики. *Междоусобные воды*: я и сам знал, что это не совсем правильно, и Жуковский тебя подтверждает. Но *междоусобие* имеет полный смысл и уже

означает смуты; зачем же делать из него прилагательное непосредственное и самостоятельное? *Междоусобное* не отвечает *mutuel*, а intestin, которое впрочем на французском языке не имеет отдельно смысла, мною приписываемого. Кажется, можно решиться. Смысл ясен: *доброжелательство, доброжелательный, памятозлобие, памятозлобный* и пр. Главное дело, что *междоусобный* не пришивается никогда к иному слову, как брань, распри, и что *междоусобие* не приемлется в другом значении, как только в *ссоре, смуте*. Позвольте, ваше благородие! Оно не правильно, а всё-таки лучше! Конечно, не *питомец*, а как-нибудь *вместитель*, т. е. не словом, а мыслию; *тайной* тут идет не в смысле тишины, а невидимости. Есть действие бури, но кто видит, откуда она берется? Небо ясно и тихо. Эта тайность есть матка — мысль всей пиесы. Не хочешь ли: *но ты созданье тайной бури*! Второй стих в том же смысле, разве вместо *игралище* и *глухой*, сказать: *и жертва внутренней войны*? Но это слишком уже сбивается на Саллустия. Вбей себе в голову, что этот весь водопад не что иное, как человек, взбитый внезапною страстию. С этой точки зрения, кажется, все части соглашаются, и все выражения получают une arrière pensée, которая отзывается везде. После этого и строфа, осужденная тобою к остракизму, не лишняя, но надобно ее поаристидить в формах и потушить вечно-бьющий огонь. Но *зародыш* необходим, ибо в нем и трепещет вся господствующая мысль, то есть, что бури нет окрест водопада, а что вся буря в нем сидит, как блуд в вине по священному писанию, которое нам в этом выражении дало прекрасный текст для анакреонтической песни.

Я пью, когда влюбляюсь;
Когда я пью, влюбляюсь.

Воля твоя, *вихорь знойный в степи* есть весьма точное уподобление водопада и страсти одинокой, безответной. Он возится сам с собою, терзает колыбель свою, потому что по сторонам ничего ему не дается, как бешеный, который себя колотит, потому что не кого ему бить. *Двойное сравнение,* как ты говоришь, *тут не развлекает внимания,* а дает ему сильнейший толчок в стихе *Как страсть в святилище души,* qui est le mot de l'énigme. Я всё еще сидел на природе, но вдруг меня прорвало, и я залез в душу. Кажется, так, впрочем, чорт знает! *Разразится*, конечно, лучше, чем *разгорится*. Поправив стихи, я сам отдал их барону.

Я на-днях возвратился из Ревеля морем с эскадрою на адмиральском корабле. Мало, только два дня был на море и не успел поверить Байрона, как твой дядя поверил Виргилиеву бурю. Первый день я был под гнетом тоски неодолимой и в страшном расстройстве нервов. На другой день начал было привыкать, а на третий противные ветры уже заставили нас поворотить в Кронштадт, хотя и предполагали крейсировать в Балтике дней десять. Впрочем, кажется, с морем хорошо амуриться и иметь его любовницею, а дожем не хотел бы я быть. Около 10-го думаю возвратиться восвояси и хлопотать по твоей доверенности у Василья Львовича.

Сделай милость, раскуси, разжуй и развари мое письмо. Оно не только вылилось из души, тебе приверженной, но и подсказано размышлением и опыт-

ностию. *Съезди в Псков*, повидайся с Мойером, и ты будешь прав и чист перед нами и всеми. Что за охота дать себя ухлопать аневризмом? Смерть незавидная! Жизнь может и к тому пригодиться, чтобы норовить умереть во-время и кстати.

Обнимаю тебя от души. Желаю получить твое первое письмо из Пскова.

Дай же что-нибудь в Телеграф; ты всё говоришь, что нужно его поддерживать. Кому же как не тебе? Ты можешь придать ему сто процентов дюжиною стихотворений в год, а там и мне веселее будет надсматривать за ним. Охота ли лезть в омут одному! Ты Сталью отделал моего приятеля, а может быть и своего, Александра Муханова, бывшего адъютанта Закревского. Да по делом, хоть мне его и жаль.

Царское Село, 28-го.

6-го сентября. После выговора, вот тебе благодарность за письмо последнее к Жуковскому, где ты говоришь об осенней поездке в Псков. На здоровье и с богом! Карамзин очень доволен твоими трагическими занятиями и хотел отыскать для тебя *железный колпак*. Он говорит, что ты должен иметь в виду в начертании характера Борисова дикую смесь: набожности и преступных страстей. Он беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдания себе. Эта противоположность драматическая! Я советовал бы тебе прислать план трагедии Жуковскому для показания Карамзину, который мог бы тебе полезен быть в историческом отношении. Житие Василия Блаженного напечатано особо. Да возьми повесть дядюшки твоего Василья: разве он не довольно блаженный для тебя. Карамзин говорит, что ты в колпаке немного найдешь пищи, то есть, вшей. Все юродивые похожи! Жуковский уверяет, что и тебе надобно выехать в лицах юродивого. Что за юродивые журналы наши! Я после Ревеля кинулся на них, и мне сделалось тошно. — Вьельгорский сделал прекрасную музыку на твой: „Режь меня! Жги меня!“ Я ее еще не слыхал.

Прости, умница. Глажу тебя по головке и в лоб цалую.

12-го выезжаю. — На днях говорил я о тебе с старою и древнею Голицыною, но доброю, безумною попрежнему, хотя безумие ее и переменило направление.

213. П. А. Катенину.

Первая половина (не позднее 14) сентября 1825 г. Михайловское.

Ты не можешь себе вообразить, милый и почтенный Павел Александрович, как обрадовало меня твое письмо, знак неизменившейся твоей дружбы.... Наша связь основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям. Ты огорчаешь меня уверением, что оставил поэзию — общую нашу любовницу. Если это правда, что ж утешает тебя, кто утешит

j'avais 20 ans en 1820) quelques propos inconsidérés, des vers satiriques me firent remarquer. Le bruit se répandit dans le public que j'avais été traduit et fustigé à la chancellerie secrète.

Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général, je me vis flétri dans l'opinion — je me battais — j'avais 20 ans. Je délibérai si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassiner V.

Dans le 1r cas je ne faisais que confirmer un bruit qui me déshonorait, dans le second je ne me vengeais pas, puisqu'il n'y avait pas d'outrage, je commettais un crime, je sacrifiais à l'opinion d'un public que je méprise un homme duquel tout dépendait et un talent qui m'avait inspiré de l'admiration involontaire.

Telles furent mes réflexions. Je les communiquai à un ami qui fut parfaitement de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité — j'en sentis l'inutilité.

Je résolus de mettre tant d'indécence et de jactance dans mes discours et mes écrits qu'enfin l'autorité fût obligée de me traiter en criminel — j'espérais la Sibérie ou la forteresse comme moyen de réhabilitation.

Черновое письмо Александру I, начало июля—сентябрь (до 22) 1825 г.

Публичная Библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, тетрадь № 2370, л. 69 об.

ее?... Я думал, что в своей глуши — ты созидаешь; нет — ты хлопочешь и тягаешься — а между тем годы бегут.

Heu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni.

А что всего хуже, с ними улетают и страсти и воображение. Послушайся, милый, запрись да примись за романтическую трагедию в 18-ти действиях (как трагедии Софии Алексеевны). Ты сделаешь переворот в нашей словесности, и никто более тебя того не достоин. Прочел в Булг.[1] твое 3-е действие, прелестное в величавой простоте своей. Оно мне живо напомнило один из лучших вечеров моей жизни; помнишь?... На чердаке к.‹нязя› Шаховского.

Как ты находишь первый акт Венцеслава? По мне чудно-хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читал, по-гишпански не знаю, а от Жандра в восхищении; кончена ли вся трагедия?

Что сказать тебе о себе, о своих занятиях? Стихи покаместь я бросил и пишу свои mémoires, то есть, переписываю на бело скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 песни Онегина у меня готовы, и еще множество отрывков; но мне не до них. Радуюсь, что 1-я песнь тебе по нраву — я сам ее люблю; впрочем на все мои стихи я гляжу довольно равнодушно, как на старые проказы с К...., с театральным маиором и проч.: больше не буду! — Addio, Poëta, a rivederla, ma quando?....

214. П. А. Вяземскому.

13 и 15 сентября 1825 г. Михайловское.

13 сентября.

Сам съешь! — Заметил ли ты, что все наши журнальные анти-критики основаны на *сам съешь*? Булгарин говорит Федорову: ты лжешь, Фед.‹оров› говорит Булг.‹арин›у: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: *ты невежда,* Пол.‹евой› возражает Пинскому: *ты сам невежда,* один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь! — и все правы. Итак, сам съешь, мой милый; ты сам ищешь полудня в четырнадцать часов. — Очень естественно, что милость царская огорчила меня, ибо новой милости не смею надеяться — а Псков для меня хуже деревни, где по крайней мере я не под присмотром полиции. Вам легко на досуге укорять

[1] *В альманахе Булгарина „Русская Талия“.*

меня в неблагодарности, а были бы вы (чего боже упаси) на моем месте, так может быть пуще моего взбеленились. Друзья обо мне хлопочут, а мне хуже да хуже. Сгоряча их проклинаю, одумаюсь, благодарю за намерение, как езуит, но всё же мне не легче. Аневризмом своим дорожил я пять лет, как последним предлогом к избавлению, ultima ratio libertatis — и вдруг последняя моя надежда разрушена проклятым дозволением ехать лечиться в ссылку! Душа моя, по неволе голова кругом пойдет. Они заботятся о жизни моей; благодарю — но чорт ли в эдакой жизни. Гораздо уж лучше от не-лечения умереть в Михайловском. По крайней мере могила моя будет живым упреком, и ты бы мог написать на ней приятную и полезную эпитафию. Нет, дружба входит в заговор с тиранством, сама берется оправдать его, отвратить негодование; выписывают мне Моера, который, конечно, может совершить операцию и в сибирском руднике; лишают меня права жаловаться (не в стихах, а в прозе, дьявольская разница!), а там не велят и беситься. Как не так! — Я знаю, что право жаловаться ничтожно, как и все проччие, но оно есть в природе вещей. Погоди. Не демонствуй, Асмодей: мысли твои об общем мнении, о суете гонения и страдальчества (положим) справедливы — но помилуй.... это моя религия; я уже не фанатик, но всё еще набожен. Не отнимай у схимника надежду рая[1] и страх ада.

Зачем не хочу я согласиться на приезд ко мне Моэра? — я не довольно богат, чтоб выписывать себе славных докторов и платить им за свое лечение — Моер друг Жуков<ском>у — но не Жуковский. Благодеяний от него не хочу. Вот и всё.

Ты признаешься, что в своем водопаде ты более писал о страстном человеке, чем о воде. Отселе и неточность некоторых выражений. Благодарю от души Карамзина за Железный Колпак, что он мне присылает; в замену отошлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее! Сегодня кончил я 2-ую часть моей трагедии — всех, думаю, будет 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однакож, этого никому. Благодарю тебя и за заме-

---

[1] рая *переделано из* на рай

чание Карамзина о характере Бо́риса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на[1] его с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное. Ты хочешь *плана*? возьми конец Х-го и весь одиннадцатый том, вот тебе и *план*.

Ах, мой милый, вот тебе каламбур на мой аневризм: друзья хлопочут о моей *жиле, а я об жилье*. Каково?

15 сентяб.

Resumé: Вы находите, что позволение [мне] ехать во Псков есть шаг вперед, а я думаю, что шаг назад — но полно об аневризме — он мне надоел, как наши журналы.

Жалею, что о Staël писал Муханов (если адъют.<ант> Раевского), он мой приятель, и я бы не тронул его, а всё же он виноват, M^d Staël наша — не тронь ее — впрочем я пощадил его. Как мне жаль, что Полевой пустился без тебя в Анти-критику! Он длинен и скучен, педант и невежда — ради бога, надень на него строгой мунштук и выезжай его — на досуге. Будут и стихи, но погоди немного.

Горч.<аков> мне живо напомнил Лицей, кажется он не переменился во многом — хоть и созрел и следств. подсох. Ты вбил ему в голову, что я объедаюсь гонением. Ох, душа моя — меня тошнит.... но предлагаемое да едят.

215. Александру I.

Начало июля—сентябрь (до 22) 1825 г. Михайловское.

(Черновое)

Des propos inconsidérés, des vers satiriques [me firent remarquer dans le public], le bruit se répandit que j'avais été traduit et fou<etté> à la ch.<ancellerie> sec<rète>.

Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général, je me vis flétri dans l'opinion, je suis découragé — je me battais, j'avais 20 ans en 1820 — je délibérais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assasin<er> — V[2]

Dans le 1 cas je ne faisais qu'assu<rer> un bruit qui me déshon<orait>, en <l'>autre je ne me veng.<eais> pas puisqu'il

---

[1] на *вписано.*

[2] *Слово не дописано: после* V — *волнистая черта. Некоторые исследователи рассматривают букву* V *как начало слов:* Votre Majesté — Ваше величество.

n'y avait pas d'outrage, je commettais un crime, je sacr<ifiais> à l'opinion d'un public que je méprise un homme auquel tenait tout et talent dont j'avais été l'admirateur involontaire.

Telles furent mes réflexions. Je les com<muniqais> à un ami qui fut parf.<aitement> de mon avis. Il me conseilla des démarches de justif.<ication> envers l'autorité — j'en sentis l'inutilité.

Je résolus de mettre tant d'indécence, de jactance dans mes discours et mes écrits qu'enfin l'autoritée soit obligé de me traiter en criminel — [j'espérais] la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation.

La conduite magnanime, libérale de l'autorité me toucha profondément, en déracinant entièrement une ridicule calomnie. Depuis jusqu'à ma disgrâce s'il m'est quelquefois échappé des plaintes contre un ordre de choses reçu, si quelquefois je m'abandonnais à de jeunes déclamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté soit dans mes écrits soit dans mes discours la Pers<onne> de V.<otre> M.<ajesté>.

Sire, on m'a accusé d'avoir compté sur la générosité de votre caractère — je vous ai dit la verité avec une franchise dont il serait impossible d'être capable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui j'ai recours à cette générosité. Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse — un anévr.<isme> de coeur exige une prompte opération ou un traitement prolongé. Le séjour de P.<scov> la ville qui m'a été assignée ne peut me procurer aucun secours, je sup<plie> V.<otre> M.<ajesté> de me permettre le séjour d'une de nos capitales ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe où je <pourrais> prendre soin de mon existence.

216. А. П. Керн.

22 сентября 1825 г. Михайловское.

Au nom du ciel n'envoyez pas à Md Os.<sipof> la lettre que vous avez trouvée dans votre paquet. Ne voyez-vous pas qu'elle était écrite uniquement pour votre édification particulière? Gardez-la pour vous ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en désespère après vos dernières étourderies..... A propos — vous me jurez vos grands dieux que vous ne faites la

coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: *je méprise ta mère.* C'est affreux; il fallait dire: *votre mère*, et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans simagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant (qui n'est pas poëte) à une distance aussi respectable. Quand il était près de vous, vous savez que je trouvais cela tout naturel — car il faut être raisonnable. Voilà qui est dit. N'est ce pas? point de correspondance — je vous réponds qu'il n'en sera pas moins amoureux. — Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet? Annette en a eu la chair de poule, et moi la tête m'en a tourné de joie; mais je ne crois pas au bonheur et cela est bien pardonnable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie? — Mais venez du moins à Pskov; cela vous sera facile. — Le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée. — Ne serait-elle qu'une vaine espérance, comme tant d'autres?.. Venons au fait: d'abord, il faut un prétexte: une maladie d'Annette — qu'en dites-vous? ou bien, ne ferez-vous pas un voyage à Pétersbourg?.. Vous me le ferez savoir. Oui? — Ne me trompez pas, bel ange! que je vous sois redevable de quitter la vie en connaissant le bonheur! — Ne me parlez pas d'admiration; ce sentiment n'en est pas un. Parlez-moi d'amour; j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers... Votre conseil d'écrire à S.<a> M.<ajesté> m'a touché comme une preuve de ce que vous avez songé à moi — je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. Il faut que le sort décide de mon existence; je ne veux pas m'en mêler... — L'espérance de vous revoir encore belle et jeune est la seule chose qui me soit chère. — Encore une fois, ne me trompez pas.

22 sept. Михайловское.

Demain, c'est la fête de M^{de} votre tante; je serai donc à Trigorsky. Votre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la[1] lui ai pas communiquée. Répondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité. —

[1] *Переделано из* le

217. В. А. Жуковский — Пушкину.

Вторая половина (не позднее 23) сентября 1825 г. Петербург.

Ты, как я вижу, предал в руце мои только дух свой, любезнейший сын. А мне право до духу твоего нет дела: он жив и будет жив, ибо весьма живущ. Подавай-ка мне свое грешное тело, то есть свой аневризм. С этим прекрасным аневризмом не уцелеет и дух твой. Дух же твой нужен мне для твоего Годунова, для твоих десяти будущих поэм, для твоей славы и для исправления светлым будущим всего темного прошедшего. Слышишь ли, Бейрон Сергеевич! Но смотри же: Бейрон на лире, а не Бейрон на деле: коментарий на эту фразу найдешь в письме Вяземского, в котором для тебя много разительной правды! Этот Вяземский очень умный человек и часто говорит дело. Мне лучше его ничего не льзя сказать тебе. Да и не нужно. Я было крепко рассердился на тебя за твое письмо к сестре и к Мойеру; но твоя библейская фраза меня с тобою помирила. Прошу покорнейше уважать свою жизнь и помнить, что можешь сделать в ней много прекрасного, несмотря ни на какие обстоятельства. Следовательно вот чего от тебя требую: вспомнив, что *настала глубокая осень* (ты обещал ею воспользоваться) [нан‹ять›] собраться в дорогу, отправиться в Псков и, наняв для себя такую квартиру, в которой мог бы поместиться и Мойер, немедленно написать к нему, что ты в Пскове и что ты дождешься его в Пскове. Он мигом уничтожит твой аневризм. Ты возвратишься в свою Опочку, примешься с новым духом за своего Годунова и напишешь такого Годунова, что у нас всех будет душа прыгать: слава победит обстоятельства. В этом я уверен. Твое дело теперь одно: не думать несколько времени ни о чем, кроме поэзии, и решиться пожить исключительно только для одной высокой поэзии. Создай что-нибудь бессмертное, и [беды] самые беды твои (которые сам же состряпал) разлетятся в прах. Дай способ друзьям твоим указать на что-нибудь твое превосходное, великое; тогда им будет легко поправить судьбу твою; тогда они будут иметь на это неотъемлемое право. Ты сам себя не понимаешь; ты только бунтуешь, как ребенок, против несчастия, которое само [есть] не иное что, как плод твоего ребячества: а у тебя такие есть способы сладить с своею судьбою, каких нет у простых сынов сего света, способы благородные, высокие. Перестань быть эпиграммой, будь поэмой.

И я ваш покорный слуга

Жуковский.

Уведомь немедленно, на что ты решишься касательно Пскова, Мойера и аневризма.

Адрес: Александру Сергеевичу
Пушкину.
В Опочке.

218. П. А. Вяземскому.

Вторая половина (не позднее 24) сентября 1825 г. Михайловское.

Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны.

Он ужасно высох — впроччем, так и должно: зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием; первое всё-таки лучше. От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии, попроси его не говорить об них, не то об ней заговорят, а она мне опротивит, как мои Цыганы, которых я не мог докончить по сей причине. Радуюсь однако участи моей песни *Режь меня.* Это очень близкий перевод, посылаю тебе дикий напев подлинника. Покажи это Вельгорскому — кажется, мотив — чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и с песней. — Сестра мне пишет из Москвы — видаешься ли ты с нею? Ради бога докажи Вас.<илию> Льв.<овичу>, что Элегия на смерть *Ан.<ны> Льв.<овны>* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает „а она его сестре 15.000 оставила!“ ... Это напоминает чай, которым он поил Милонова. Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате —

Сатирик и поэт любовный
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей,
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый, — Музы наши сестры,
Итак ты всё же братец мой.

Variante: *Василий Львович тонкий, острый.*

Кланяюсь княгине и сестре — некогда более писать.

<При письме листок с нотами; на обороте его:>

Не потеряй этих нот, если не будут они гравированы, покажи это Верстовскому.

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москве,
в Чернышевском переулке, в собств. доме.

219. П. А. Плетнев — Пушкину.

26 сентября 1825 г. Петербург.

Стихотворения
Александра Пушкина

Элегии.

I. Пробуждение. 1816.
II. Мечтателю. 1818.
III. (Увы! зачем...). 1819.
IV. (Мой друг! Забыты мной...). 1821.
V. Друзьям. 1817.[1]
VI. Выздоровление. 1818.
VII. Война. 1821.
VIII. (Я пережил). 1821.
IX. (Умолкну скоро я). 1821.
X. Гроб юноши. 1821.
XI. (Простишь ли мне...). 1823.
XII. (Ты вянешь и молчишь...) 1824.
XIII. (Я видел смерть...) 1816.[2]
XIV. К ней. 1817.[3]
XV. Уныние. 1816.[4]
XVI. Черное море. 1820.[5]
XVII. Сожженное письмо. 1825.
XVIII. (Ненастный день потух). 1823.
XIX. Желание славы. 1825.
XX. Андрей Шенье. 1825.

Разные Стихотворения.

I. Воспоминания в Цар.<ском> Селе. 1814.
II. К Овидию. 1821.
III. Русалка. 1819.
IV. Гроб Анакреона. 1815.
V. Черная шаль. 1821.
VI. Торжество Вакха. 1817.
VII. Фонтану Бах.<чисарайского> Дворца. 1820.
VIII. Песнь о Вещем Олеге. 1823.[6]
IX. Певец. 1816.
X. Амур и Гименей. 1816.

---

[1] *Пушкин зачеркнул цифру* 7 *и поставил* 6.
[2] *Строка зачеркнута Пушкиным и им же написано.* Не нужно.
[3] *То же, кроме римской цифры; им же написано:* Не нужно.
[4] *Строка, кроме римской цифры, зачеркнута Пушкиным.*
[5] *Слова* Черное море *заключены Пушкиным в скобки.*
[6] *Пушкиным переправлено на* 1822.

XI. Романс. 1814.
XII. Наездники. 1815.
XIII. Месяц. 1816.
XIV. Разлука. 1817.
XV. Адели. 1822.
XVI. Виноград. 1820.
XVII. Стансы Т—му. 1819.
XVIII. Уединение. 1819.
XIX. Прозерпина. 1824.
XX. Домовому. 1819.
XXI. Вакхическая песнь. 1825.
XXII. Друзьям. 1822.
XXIII. К морю. 1824.
XXIV. Демон. 1823.
XXV. Подраж.‹ание› Турец.‹кой› Песне. 1820.
XXVI. Телега жизни. 1823.
XXVII. Наполеон. 1822.

Эпиграммы и Надписи.

I. Приятелям.
II. (Охотник до журнал.‹ьной› драки...)
III. (У Кларисы денег...)
IV. Добрый Человек.
V. История Стихотворца.
VI. Уединение.
VII. Лиле.
VIII. Роза.
IX. Имянины.
X. К портрету Жуковского.
XI. (Судьба свои дары....)
XII. К. А. Б.
XIII. Старик.
XIV. Веселый пир.
XV. (Хоть впрочем он...)
XVI. Иностранке.
XVII. (Как брань тебе...)
XVIII. (Не спрашивай, зачем унылой...)
XIX. Приятелю.
XX. Усы.
XXI. Жив, жив Курилка.
XXII. На выпуск птички.

Подражания Древним.

I. Дориде.
II. (Редеет облаков...).
III. Муза.

IV. Нереида.
V. Дионея.
VI. Дорида.
VII. Дева.
VIII. Ночь.
IX. Приметы.
X. Земля и Море.
XI. Красавица пред зеркалом.

Послания.

I. К Лицинию. 1815.
II. К Вс — му. 1819.
III. Отрывок. 1817.
IV. К Н. Я. П. 1818.
V. К Ш — ву. 1816.
VI. К Дельвигу. 1817.
VII. К Кривцову. 1819.
VIII. К Алексееву. 1821.
IX. К К** . 1823.
X. К Козлову. 1825.
XI. К Прелестнице. 1818.
XII. К N. N. 1819.
XIII. К Ч** . 1820.
XIV. К Гречанке. 1821.
XV. К Дочери Карагеоргия. 1822.
XVI. К Жуковскому. 1818.
XVII. К Ч** . 1821.

NB Что бы прибавить здесь: К Плетневу!

Подражания Корану.
1824.
I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. IX.

Вот тебе, милый Пушкин, оглавление. Я в таком виде получил твои стихотворения от брата Льва, а распоряжение делал сам Жуковский. В этом виде послал я их и к Бирукову. Но прежде, нежели начну печатать, ты сделай свои перемены, какие почтешь нужными. Кажется, в распоряжении есть странности. Отчего, напр., *К Лицинию* в Посланиях, а к *Овидию* в Раз. Стих., отчего *Усы* в Эпигр. и Надп., а к *Прелест⟨ниц⟩е* в Посланиях? Ты свежими глазами лучше всё пересмотришь и, переправив, как должно, возвратишь мне этот листок или перепишешь [1] его надосуге, как следует. Я страстен аккуратностью: хотел бы, чтобы ты выставил годы против каждой уж пиесы, даже самой маленькой. Это будет удовлетворительнее для читателя и красивее для оглавления. Лев мне сказывал, что у тебя есть прелюбопытные примечания к *Воспом.⟨инаниям⟩*

---

[1] *Переделано из* перепиши

в Цар.‹ском› Селе. Пришли их, и также ко всему, к чему тебе захочется; а то теперь замечания только у *Андрея Шенье* и *Подражаний Корану*: этого мало; другим пиесам завидно. Я назову всю книгу просто: *Стихотворения Ал.‹ександра› Пуш.‹кина› для того,* чтобы второй разряд можно было назвать: *Разные Стихотворения.* Если же книгу всю назвать: *Разн.‹ые› Стихотв.‹орения›,* то не обойдешься во втором разряде без *Смеси,* которой ты не жалуешь. Мы много ставили годов *наобум*: всё поправь, что нужно. Тебе уж надобно тут похлопотать, когда ты связался со мною. Я человек премелочной. Люблю всякую безделицу видеть в исправности. Если хочешь приложить предисловие, то пришли его поскорее. Я, как сказывал тебе, не могу ничего написать, да и трудное дело говорить за тебя. Под твой язык не подделаешься. Виньеты, решительно говорю, не будет. С художниками нашими невозможно иметь дела. Они все побочные дети Аполлона: *не понимают нас они.* Да и что придаст твоим стихам какая-нибудь глупая фигура над пустоцветом? Придет время: тогда не так издадут. Формат я возьму в небольшую осмушку, чтобы не ломать ни одного стиха. По твоему желанию напечатаю 1200 экз. и продавать буду по 10 руб. Только сделай милость, не задержи меня своим ответом и всем, что нужно для разрешения моих недоумений. Я наверно получу рукопись от Бирукова к 1 октября. Тебе стыдно не быть заботливым и деятельным, когда я начал хлопотать я, задавленный проклятою своею должностью.

Ответы Перовского.

1 Вопр.: Зачем Финн дожидается Руслана? — *Отв.* Он предвидел, что Рус. к нему приедет. *2 Воп.* Зачем Финн рассказывал Руслану свою историю? *Отв.* Затем, что он знал, кто Финн; притом старики словоохотны. *3 воп.* Как может Рус. в несчастном положении с жадностью внимать старцу? *Отв.* Его положение не было несчастно: Финн его с начала ободрил. *4 вопр.* Зачем Русл. присвистывает? *Отв.* Дурная привычка. Или: свистали вместо того, чтобы погонять лошадь английским хлыстиком. *5 вопр.* Зачем трус Фарлаф поехал искать Людмилу? *Отв.* Трусы часто ездят туда же, куда и храбрые. *6 вопр.* Справедливо сравнение на стр. 43? *Отв.* Точно. *7 вопр.* Зачем Карла приходил к Людмиле? *Отв.* Как хозяин, с визитом. *8 вопр.* Как Людмиле вздумалось надеть шапку? *Отв.* С испугу, как справедливо заметил и вопрошатель. *9 воп.* Как колдун *это* позволил? *Отв.* Она без позволения сделала это. *10 вопр.* Как Рус. бросил Рогдая в воду, как ребенка? *Отв.* Прочитайте в поэме. *11 вопр.* Зачем Карла не вылез из котомки? *Отв.* Руслан прежде смерти крепко затянул котомку ремнем, оставив небольшое отверстие, чрез которое Карла мог просовывать только голову.

Вяземский теперь в Москве. Требуй от него сам войну со Лжедмитриевым. Он верно с большою охотою тебе пришлет ее. Вот отчет, который Лев просил меня доставить тебе о деньгах твоих. Всеволожскому отданы все деньги; за коляску также; на 200 руб. купится тебе книг и пр. и перешлется на-днях в Михайловское; прочие деньги им прожиты, отчего Вяземскому и не достало. Крылова басни не выйдут прежде декабря. Дельвиг еще не женат, но скоро будет. О *Mémoires* поговорю с St. Florent

и доставлю. Гнедич приехал с Кавказа. Новосильцов и Чернов умерли оба, если ты слышал об их дувли. Жуковский теперь в Гатчине. Козлов кончил Абидосскую Невесту. Кстати: он, выслушав твоего Шенье, просил тебе дать знать, если ты не помнишь, что брату Шенье, после, когда поднята была голова Андрея, подали безыменную записку: „Каин! где брат твой Авель?“ Если цензор что вычеркнет из твоих пиес, я буду печатать с пропусками, прибавив на конце, что они сделаны самим автором: без того нельзя. Не знаю, всё ли я тебе перѐсказал, что хотелось.

26 сентября
1825.

220. В. А. Жуковскому.

6 октября 1825 г. Тригорское.

На днях увидя в окошко осень, сел я в тележку и прискакал во Псков. Губернатор принял меня очень мило, я поговорил с ним о своей жиле, посоветовался с очень добрым лекарем и приехал обратно в свое Михайловское. Теперь, имея обстоятельные сведения о своем аневризме, поговорю об нем толком. П. А. Осипова, будучи в Риге, со всею заботливостию дружбы говорила обо мне оператору Руланду; операция не штука, сказал он, но следствия могут быть важны: больной должен лежать несколько недель неподвижно etc. Воля твоя, мой милый — ни во Пскове, ни в Мих.<айловском> я на то не соглашусь; всё равно умереть со скуки или с аневризма; но первая смерть вернее другой. — Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало. 2-ое, псковской лекарь говорит: можно обойтись и без операции, но нужны строгие предосторожности: не ходите много пешком, не ездите верьхом, не делайте сильных движений etc. etc. Ссылаюсь на всех; что мне будет делать в деревне или во Пскове, если всякое физическое движение будет мне запрещено? Губернатор обещался отнестись, что лечиться во Пскове мне невозможно — итак погодим, авось ли царь что-нибудь решит в мою пользу.

Теперь 3-ий § (и самый важный), Мойера не хочу, решительно. Ты пишешь: *прими его, как меня*. Мудрено. Я не довольно богат, чтоб выписывать себе славных операторов — а даром лечиться не намерен — он не ты. Конечно я с радостию и благодарностью дал бы тебе срезать не только становую жилу, но и голову; от тебя благодеянье мне не тяжело — а от другого не хочу. Будь он тебе расприятель, будь он сын Карамзина.

Милый мой, посидим у моря, подождем погоды; я не умру; это невозможно; бог не захочет, чтобы Гудунов со мною уничтожился. Дай срок: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедия искупит меня... но до трагедий ли нашему черствому веку? По крайней мере оставь мне надежду.— Чувствую,[1] что операция отнимет ее у меня. Она закабалит меня на 10 лет ссылочной жизни. Мне уже не будет ни надежды, ни предлога — страшно подумать, отче! не брани меня и не сердись, когда я бешусь; подумай о моем положении; вовсе не завидное, что ни толкуют. Хоть кого с ума сведет.

Тригорское.
6 окт.

221. А. Н. Вульфу.

10 октября 1825 г. Михайловское.

Милый Алексей Николаевич, чувствительно благодарю Вас за дружеское исполнение моих препоручений и проч. Почтенного Мойера благодарю от сердца, вполне чувствую и ценю его благосклонность и намерение мне помочь — но повторяю решительно: ни во Пскове, ни в моей глуши лечиться я не намерен. О коляски моей осмеливаюсь принести вам нижайшую просьбу. Если (что может случиться) деньги у вас есть, то прикажите, наняв лошадей, отправить ее в Опочку, если же (что также случается) денег нет — то напишите, сколько их будет нужно. — На всякой случай поспешим, пока дороги не испортились... Что скажу вам нового? Вы, конечно, уже знаете всё, что касается до приезда А.<нны> П.<етровны>. Муж ее очень милый человек, мы познакомились и подружились. Желал бы я очень исполнить желание ваше касательно подражания Язкву — но не нахожу его под рукой. Вот начало:

Как широко,
Как глубоко!
Нет, бога ради,
Позволь мне сзади — etc. —

---

[1] *Переделано из* чувствуя

Не написал ли Яз.<ыков> — еще чего-нибудь в том же роде? или в другом? перешлите нам — мы будем очень благодарны.

10 окт.

Адрес: Его благородию
Алексею Николаевичу *Вульфу*
в Дерпт.

222. П. А. Вяземский — Пушкину.
16 и 18 октября 1825 г. Остафьево—Москва.

Остафьево. 16-го октября.

Ты сам Хвостова подражатель,
Красот его любостяжатель,
Вот мой, его, твой, наш навоз!
Ум хорошо, а два так лучше,
Зад хорошо, а три так гуще,
И к славе тянется наш воз.

На меня коляска имеет действие настоящего судна сухопутного и морского: в дороге меня рвет и слабит Хвостовым. — Это уже так заведено. Вот испражнение моей последней поездки. Улыбнись, моя красотка, на мое <----->. Я получил твое письмо, а Горчакова видел только мельком. На днях еду в Костромскую деревню дней на 15-ть. А ты что сделаешь с жилой и жильем? Только не жилься, чтобы не лопнуть. Телеграф получил от тебя письмо, уполномочивающее его взять у меня твоих стихов мелких. Я всё боюсь, потому что ты превздорный на этот счет. Того и смотри, что рассердишься после, моя капризная рожица! — Не дашь ли мне прочесть своего Бориса? брюхом хочется! Муханов анти-стальский не Раевского, а Закревского адъютант, не большой рыжик, а маленькой рыжик. Твоя статья о Лемонтее очень хороша по слогу зрелому, ясному и по многим мыслям блестящим. Но что такое за представительство Крылова? Следовательно и Орловский представитель русского народа. Как ни говори, а в уме Крылова есть всё что-то лакейское: лукавство, брань из-за угла, трусость перед господами, всё это перемешано вместе. Может быть и тут есть черты народные, но по крайней мере не нам признаваться в них и не нам ими хвастаться перед иностранцами. И <----> есть некоторое представительство человеческой природы, но смешно же было бы живописцу ее представить, как отличительную принадлежность человека. Назови Державина, Потемкина представителями русского народа, это дело другое; в них и золото и грязь наши par excellence, но *представительство Крылова* и в самом литературном отношении есть ошибка, а в нравственном, государственном даже и преступление de lèze-nation, тобою совершенное.

Обнимаю тебя сердечно. Приготовь мне что-нибудь к приезду моему из Костромы. Подарок эпистолярный и поэтический.

Здесь Баратынской на четыре месяца. Я очень ему рад. Ты, кажется, меня почитаешь каким-то противуположником ему, и не знаю с чего. Вполне уважаю его дарование. Только не соглашался с твоим *смирением*, когда ты мне говорил, что после него уже не будешь писать элегий. — Здесь есть Погодин, университетский и повидимому *хороших правил*: он издает альманах в Москве на будущий год и просит у тебя Христа-ради. Дай ему что-нибудь из Онегина или что-нибудь из мелочей. Прости, голубчик.

Москва, 18-го. Завтра еду.

223. П. А. Вяземскому.

Около 7 ноября 1825 г. Михайловское.

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позывает
Ко испражненью прежних дней.

Благодарствую, душа моя — и цалую тебя в твою поэтическую <-----> — с тех пор как я в Михайловском, я только два раза хохотал; при разборе новой пиитике басен и при посвящении <-----> <-----> твоего. — Как же мне не любить тебя? как мне пред тобой не подличить — но подличить готов, а переписывать, воля твоя, не стану — смерть моя и только.

Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедиею, в ней же первая персона Борис — Гудунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее в слух, один, и бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! — Юродивый мой, малой

презабавный; на Марину у тебя <-------> — ибо она полька, и собою преизрядна — (в роде К. Орловой, сказывал это я тебе?). Проччие также очень милы; кроме капитана Маржерета, который всё по-матерну бранится; цензура его не пропустит. Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат! Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем *духа* русского народа — не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял. — В старину наш народ назывался смерд (см. госп.<одина> Кар.<амзина>). Дело в том, что Крылов преоригинальная туша, гр.<аф> Орлов дурак, а мы разини и пр. и пр...

Я из Пскова написал тебе было уморительное письмо — да сжег. Тамошний архиерей отец Еvгений принял меня как отца Еvгения. Губернатор также был весьма милостив; дал мне переправить свои стишки-с. Вот каково! Прощай, мой милый.

Адрес: Кн. П. А. Вяземскому.

224. А. А. Дельвигу.

Октябрь—первая половина ноября 1825 г. Михайловское.

Брови царь нахмуря,
Говорил: Вчера
Повалила буря
Памятник Петра.
Тот перепугался.
„Я не знал!..“ Ужель? —
Царь расхохотался.
— Первый, брат, апрель!

*

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
Вешают за морем
За два <---->!....

То есть разумею,
Вдруг примолвил он,
Вешают за шею,
Но жесток закон. —

Вот тебе, душа моя, приращение к куплетам Эристова. Поцалуй его от меня в лоб. Я помню его отроком, вырвавшимся из-под полоцких езуитов. Благословляю его во имя Феба и св.‹ятого› Боболия безносого.

Писал я брату об Андрее Шенье. Впрочем твоя святая воля. Я боюсь, чтоб том *Разн.‹ых› Ст.‹ихотворений›* не был слишком тонок. Возьми себе весь портрет Татьяны, до *От Ричардсона без ума*, да еще конец от *Своим пенатам возвращенный*. Как ты думаешь? отпиши, покаместь еще не женился.

Кланяйся от меня почтенному, умнейшему Арзамасцу, будущему своему тестю — а из жены своей сделай Арзамаску — непременно.

Жду писем.

225. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

Около 20 ноября 1825 г. Петербург.

Извини, милый Пушкин,[1] что долго не отвечал тебе; разные неприятные обстоятельства, то свои, то чужие были тому причиною. Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлетним дворянством; но несправедливо. Справедливость должна быть основанием и действий и самых желаний наших. Преимуществ гражданских не должно существовать, да они для Поэта Пушкина ни чему и не служат ни в зале невежды, ни в зале знатного подлеца, неумеющего ценить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдывает тебя, точно так, как она не в состоянии уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску с камердинером знатного барина. Чванство дворянством непростительно особенно тебе. На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин. — Мы опять собираемся с Полярною. Она будет последняя; так по крайней мере мы решились. Желаем распроститься с публикою хорошо и потому просим тебя подарить нас чем-нибудь подобным твоему последнему нам подарку. — Тут об тебе, бог весть, какие слухи: успокой друзей своих хотя несколькими строчками. Прощай, будь здрав и благоденствуй.

Твой Рылеев.

---

[1] *В подлиннике описка:* Пущин

На днях будет напечатана в С.⟨ыне⟩ О.⟨течества⟩ моя статья о Поэзии; желаю узнать об ней твои мысли.

Адрес: Поэту Пушкину
etc. etc. etc.

226. П. А. Катенин — Пушкину.
24 ноября 1825 г. Петербург.

Твое письмо, любезнейший Александр Сергеевич, в свою очередь не мало постранствовало по белу свету и побывало сперва в Кологриве, а после уже дошло до меня в Петербурге. Для отвращения впредь подобных затяжек, уведомляю тебя, что надписывать ко мне надобно: в Большую Милионную, в дом Паульсона. Благодарю тебя, мой милый, за все приветствия; какой автор не любит похвал? Кому они не вдвое лестны покажутся из уст твоих? Но это голо сирены, от которого здравый рассудок велит всякому многострадальному Одиссею затыкать уши. Все мне советовали отдать наконец на театр мою трагедию, я сам полагал это делом толковым и пустился на волю божию; но теперь почти раскаиваться начинаю и предвижу тьму новых неудовольствий, ибо нынешний директор Остолопов, едва знающий меня в глаза, уже за что-то терпеть не может. В прошедшую пятницу по правилам нового театрального постановления собрался в доме гр. Милорадовича комитет *словестников* (так написано было в повестках); какими правилами руководствуются при этом сборе — мне неизвестно, а знаю только, что к сожалению моему не было тут ни Оленина, ни Гнедича, ни Жуковского, ни Жандра, ни Лобанова, пи Хмельницкого. Из людей в самом деле известных в словесности находились только Шишков, Муравьев-Апостол, Шаховской и Крылов: поверишь ли ты, что тут же с ними заседал и Бестужев?! Меня не было, читал мой ученик Каратыгин, как видно, весьма хорошо, ибо трагедия понравилась, и ее определили принять; завтра иду в Контору толковать об условиях. Предвижу множество хлопот и затруднений, очень слегка надеюсь на некоторое вознаграждение в успехе представления; но во всяком случае утешаюсь мыслию, что это уже моя последняя глупость, и что, как бы ни приняли Андромаху, разница будет для меня в том только, что я с бо̀льшим или меньшим отвращением сойду с поприща, на которое никому пускаться не желаю. Недавно играли новую комедию: Аристофан, и приняли ее хорошо. Колосова опять на театре, elle enlève la paille; Семенова после долгого сна отлично сыграла Медею: какое дарование! и как жаль, что она его запускает! Каратыгин к бенефису своему перевел стихами трагедию: Blanche et Guiscard, и весьма не дурно, так что я ему советую на будущий год приняться за что-нибудь лучшее, например Manlius.

С нетерпением жду остальных песней твоего Онегина; желал бы также познакомиться с Цыганами, о которых чудеса рассказывают: отчего ты их не печатаешь? или цензура?... Я сбираюсь свои стихотворения издать, и как ни уверен по совести, что в них нет ни одного слова, ни одной мысли непозволительной, но всё боюсь; ибо никак не могу постичь, что̀ нашим цензорам не

по вкусу и как писать, чтобы им угодить. Прощай, умница, дай бог тебе здоровье и скорый возврат! не забывай, что искренно любит и тебя, и твое дарованье неромантик

Павел Катенин.

Ноя. 24-го. 1825.

227. П. А. Вяземскому.

Вторая половина ноября 1825 г. Михайловское.

Я думал, что ты давно получил от Льва Сергеича 600 р., украденные Савеловым — узнаю, что Лев их промотал; извини его и жди оброка, что соберу наднях с моего сельца С.‹анкт› Петербурга.

Милый, мне надоело тебе писать, потому что не могу являться тебе в халате, нараспашку и спустя рукава. Разговор наш похож на предисловие г-на Лемонте. Мы с тобою толкуем — лишь о Полевом да о Булгарине — а они несносны я в бумажном переплете. Ты умен, о чем ни заговори — а я перед тобою дурак дураком. Условимся, пиши мне и не жди ответов.

Твоя статья о Аббатстве Байрона? Что за чудо Д.‹он› Ж.‹уан›! я знаю только 5 перв. песен; прочитав первые 2, я сказал тотчас Раевскому, что это Chef-d'œuvre Байрона, и очень обрадовался, после увидя, что W. Scott моего мнения. Мне нужен англ. яз. — и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора. Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: Il y avait quelque chose là... извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру. Мочи нет сердит: не выспался и не ‹--------›.

Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? чорт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностию, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо — а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с Гением. Поступок Мура лучше его Лалла-Рук (в его поэтическом отношеньи). Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди,

записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы*! Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе. — Писать свои Mémoires заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью — на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать — braver[1] — суд людей не трудно; презирать [самого себя] суд собственный невозможно.

228. А. А. Бестужеву.

30 ноября 1825 г. Михайловское.

Я очень обрадовался письму твоему, мой милый, я думал уже, что ты на меня дуешься — радуюсь и твоим занятиям. Изучение новейших языков должно в наше время заменить латинский и греческий — таков дух века и его требования. Ты — да, кажется, Вяземский — одни из наших литераторов — учатся; все прочие разучаются. Жаль! высокий пример Карамзина должен был их образумить. Ты едешь в Москву; поговори там с Вяземским об журнале; он сам чувствует в нем необходимость — а дело было бы чудно-хорошо. Ты пеняешь мне за то, что я не печатаюсь — надоела мне печать — опечатками, критиками, защищениями etc... однако поэмы мои скоро выдут. И они мне надоели; Руслан молокосос, Пленник зелен — и пред поэзией кавказской природы — поэма моя: — Голиковская проза. Кстати: кто писал о горцах в Пчеле? вот поэзия! не Якубович ли, герой моего воображенья? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc. — в нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше. Важная вещь! Я написал трагедию и ею очень доволен; но страшно в свет выдать — робкий вкус

---

[1] braver *надписано над* презирать

наш ве стерпит истинного романтизма. Под романтизмом у нас разумеют Ламартина. Сколько я не читал о романтизме, всё не то; даже Кюхельбекер врет. Что такое его Духи? до сих пор я их не читал. Жду твоей новой повести, да возьмись-ка за целый роман — и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе всё будет слог сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь планщику Рылееву, к<ак>[1] говаривал покойник Платов — но я право более люблю стихи без плана, чем план без стихов. Желаю вам, друзья мои, здравия и вдохновения.

30 ноября.

Адрес: Его высокоблагородию
Кондратью Федоровичу
Рылееву
в С.-Петербург.
У Синего мосту в доме Американской компании.

Пр.<ошу> дост.<авить> г-ну Бестужеву.

229. П. А. Вяземскому.

Конец ноября—начало (не позднее 3) декабря 1825 г. Михайловское.

Ты приказывал, моя радость, прислать тебе стихов для какого-то альманаха (чорт его побери), вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших.

Совет

Поверь: когда и мух и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак не льзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

---

[1] *Прорвано.*

Соловей и кукушка

В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразный
Урчит и свищет и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно ку-ку свое твердит;
И эхо вслед кукует то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических ку-ку!

Движенье

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить,
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однакож прав [какой-то] упрямый Галилей.

Дружба

Что дружба? легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

Мадригал

Нет ни в чем вам благодати,
С счастием у вас разлад:
И прекрасны вы не к стати
И умны вы не в попад.

Адрес: Князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москве, в Чернышевском переулке, в собств. доме.

230. П. А. Катенину.

4 декабря 1825 г. Михайловское.

Письмо твое обрадовало меня по многим причинам. 1) что оно писано из П.<етер>Б.<урга>, 2) что Андромаха наконец отдана на театр, 3) что ты собираешься издать свои стихотворения, 4) (и что должно было бы стоять первым) что ты любишь меня по-старому. Может быть нынешняя перемена сблизит меня с моими друзьями. Как верный подданный, должен я конечно печалиться о смерти государя; но, как поэт, радуюсь восшедствию на престол Константина I. В нем очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминают Генриха V. — К тому ж он умен, а с умными людьми всё как-то лучше; словом я надеюсь от него много хорошего. Как бы хорошо было, если нынешней зимой я был свидетелем [тв<оего>] и участником твоего торжества! участником, ибо твой успех не может быть для меня чуждым; но вспомнят ли обо мне? Бог весть. Мне право совестно, что тебе так много наговорили о моих Цыганах. Это годится для публики, но тебе надеюсь я представить что-нибудь более достойное твоего внимания. Онегин мне надоел и спит; впрочем я его не бросил. Радуюсь успехам Каратыгина и поздравляю его с твоим ободрением. Признаюсь — мочи нет хочется к Вам. Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время первого представления Андромахи. *4 декабря.*

231. В. К. Кюхельбекеру.

1—6 декабря 1825 г. Михайловское.

Прежде чем поблагодарю тебя, хочу с тобою побраниться. Получив твою комедию, я надеялся найти в ней и письмо. Я трес, трес ее и ждал не выпадет ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не выдрочил и со злости духом прочел [оба действия] Духов*, сперва про себя, а потом и вслух. Нужна ли тебе моя критика? Нет! не правда ли? всё равно; критикую: ты сознаешься, что характер поэта не правдоподобен; сознание похвальное, но надобно бы сию неправдо-

* Calembourg! reconnais-tu le sang?

подобность оправдать, извинить в самой комедии, а не в предисловии. Поэт мог бы сам совеститься, стыдиться своего суеверия: отселе новые, комические черты. Зато Калибан — прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Ж<уковско>го. Это простительно Цертелеву, а не тебе. Ты скажешь, что насмешка падает на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты, если пишешь для нас, то печатаешь для черни; она принимает вещи буквально. Видит твое неуважение к Ж.<уковскому> и рада.

Сир слово старое. Прочтут иные *сыр* etc. — очень мило и дельно. От жеманства надобно нас отучать. — Пас стада главы моей (вшей?). Впрочем везде, где поэт бредит Шекспиром, его *легкое воздушное творенье,* речь Ариеля и последняя тирада — прекрасно. О стихосложении скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выражения не всегда точно-русские — на пр. слушать *в оба уха, брось* вид угрюмый, *взгляд унылый,* молодец ретивый, сдернет чепец *на старухе* etc. Всё это я прощаю для Калибана, который чудо как мил. Ты видишь, мой милый, что я с тобою откровенен по прежнему; и уверен, что этим[1] тебя не рассержу — но вот чем тебя рассержу: кн.<язь> Шихматов, несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор, бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля.... ай ай, больше не буду! не бей меня.

Адрес: Кюх<ельбекеру>.

232. П. А. Плетневу.

4—6 декабря 1825 г. Михайловское.

Милый, дело не до стихов — слушай *в оба уха*: Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно они вспомнят обо мне... Если брать, так брать — не то, что и совести марать — ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; чорт ли в них? *а просить или о въезде в столицы, или о чужих краях.* В столицу хочется мне для вас, друзья мои, — хочется с вами еще перед смертию поврать; но конечно благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать? Покажи это письмо Ж<уковском>у, который,

---

1 *Переделано из* за это

может быть, на меня сердит. Он как-нибудь это сладит. Да нельзя ли дам взбуторажить?... Душа! я пророк, ей богу пророк! Я Андрея Ш.‹енье› велю напечатать церковными буквами во имя от.‹ца› и сы‹на› etc. — выписывайте меня, красавцы мои, — а не то не я прочту вам трагедию свою. К стати: Борька также вывел Юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! — мой Юродивый впрочем гораздо милее Борьки — увидишь. Вот тебе письма к двум еще Юродивым. Воейков не напроказил[1] ли чего-нибудь? Я его сент.‹ябрьской› книжки не читал. Он что-то со мною трусит. Кюхельбекера *Духи* — дрянь; стихов хороших очень мало; вымысла нет никакого. Предисловие одно порядочно. — Не говори этого ему — он огорчится.

Не уж-то *Ил.‹ья› Мур‹омец›* Загорского? если нет, кто ж псевдоним, если да: как жаль, что он умер![2]

233. Пушкин и Анна Н. Вульф — А. П. Керн.

8 декабря 1825 г. Тригорское.

Je ne m'attendais guère, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. [D] Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme — toutes ses héroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation — mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore.... Vous *allez* à Pétersbourg, mon exil me pèse plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traite en vieux maris. Que fait le vôtre, mon doux génie? Savez que c'est sous ses traits que je m'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

8 déc.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous déteste quelquefois,

[1] *Переделано из* напечатал

[2] *Последний абзац приписан сбоку 1-й страницы.*

qu'avant-hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.

<Анна Н. Вульф:>

Enfin, chère amie, P.<ouchkine> m'a apporté aujourd'hui une lettre de toi. Il était bien temps que je reçoive de tes nouvelles, car je ne savais plus que penser de ton silence, cependant je n'y vois pas ce qui pouvait t'empêcher de m'écrire, et je ne puis voir à quelle lettre tu me réponds, est-ce à celle que je t'ai écrit par mlle Nindele ou à une autre, tes lettres me déroutent toujours. Alexis m'avait écrit que tu avais abandonné tous tes projets de départ, et que tu étais résolue de rester, je commençais donc à devenir tranquille sur ton compte quand ta lettre vient me détromper si désagréablement! — Pourquoi ne me dis tu rien de positif et te plais-tu à me laisser ainsi dans l'inquiétude. Ne crains rien pour tes lettres, tu peux m'écrire maintenant simplement à mon adresse à *Опочка*, on ne lit plus mes lettres, elles traînent toujours par Novorgeff et peuvent même se perdre. Ton projet pour Pétersbourg est-il arrêté pour sûr, l'événement qui vient d'arriver, ne changera-t-il pas ce projet?. — Byron t'a reconcilié avec P..<ouchkine>, il t'envoie l'argent 125 roubles, qu'il coûte aujourd'hui même, la poste prochaine je tâcherai de t'envoyer ce que je te dois, je suis bien fâchée de t'avoir fait attendre si longtemps. Pour le moment je ne puis en parler à ma Mère qui est très malade — elle est au lit depuis plusieurs jours, elle a une érysipèle[1] à la figure... Que te dirai-je encore, je compte absolument partir pour Twer cet hiver, en attendant je languis, je souffre et je patiente, écris-moi plus vite. Betcher est depuis longtemps à Ostroff, но нам от этого не легче. Прощай, мой друг, pour jamais ton amie

Annette.

234. А. А. Дельвигу.

Середина декабря 1824 г. — первая половина декабря 1825 г. Михайловское.

Путешествие по Тавриде прочел я с чрезвычайным удовольствием. Я был на полуострове в тот же год и почти в то же время, как и И. М.<уравьев-Апостол>. Очень жалею, что мы не встретились. Оставляю в стороне остроумные его изыскания; для поверки оных потребны обширные сведения самого автора. Но знаешь ли, что более всего поразило меня в этой книге? различие наших впечатлений. Посуди сам.[2]

Из Азии переехали мы в Европу* на корабле. Я тотчас отправился на так называемую *Митридатову Гробницу* (разва-

* Из Тамани в Керчь.

[1] *В подлиннике:* hiresipele

[2] *Весь этот абзац перечеркнут поперечной чертой.*

лины какой-то башни), там[1] сорвал цветок для памяти и на другой день потерял [его] без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее[2] подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только. Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было, звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы.... „Вот Чатырдаг", сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал. Перед светом я заснул. Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ими; с права огромный Аю-Даг.... и кругом это синее, чистое небо и светлое море, и блеск и воздух полуденный.....

[На полуденном берегу] В Юрзуфе жил я *сиднем*, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностию[3] неаполитанского Lazzaroni. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря — и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество. Вот всё, что пребывание мое в Юрзуфе оставило у меня в памяти.

Я объехал полуденный берег, и путешествие М.‹уравьева-Апостола› оживило во мне много воспоминаний; но страшный переход его по скалам Кикенеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом. Мы переехали горы, и[4] первый предмет, поразивший меня, была берёза, северная берёза! сердце мое сжалось. Я начал уже[5] тосковать о милом полудне — хотя всё еще [я]

---

1 *Сперва было начато:* г‹де›

2 сильнее *вписано.*

3 и беспечностию *вписано.*

4 *Переделано из* Переехав горы

5 уже *вписано.*

находился [я] в Тавриде, всё еще видел и тополи и виноградные лозы. Георгиевской монастырь и его[1] крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и[2] баснословные развалины храма Дианы. Видно мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы, я думал стихами [о **]. Вот они

К чему холодны<е сомненья?>

и проч.

В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного Хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полу-европейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище,

но не тем

В то время сердце полно было —

Лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о котором[3] говорит М.<уравьев-Апостол>, я [его не] об нем не вспомнил, когда писал свою поэму — а то бы непременно им воспользовался.

Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему? и проч.[4]

Пожалуйста не показывай этого письма никому, даже и друзьям моим (разве переписав уже), а начала в самом деле не нужно.[5]

---

[1] его *вписано.*

[2] и *вписано.*

[3] *Переделано из* которой

[4] *Весь этот абзац также перечеркнут поперечной чертой.*

[5] *Последний абзац написан внизу поперек страницы.*

235. Е. А. Баратынский — Пушкину.

Первая половина декабря 1825 г. Москва.

Благодарю тебя за письмо, милый Пушкин: оно меня очень обрадовало, ибо я очень дорожу твоим воспоминанием. Внимание твое к моим рифмованным безделкам заставило бы меня много думать о их достоинстве, ежели б я не знал, что ты столько же любезен в своих письмах, сколько высок и трогателен в своих стихотворных произведениях.

Не думай, что бы я до такой степени был маркизом, что б не чувствовать красот романтической трагедии! Я люблю героев Шекспировых почти всегда естественных, всегда занимательных, в настоящей одежде их времени и с сильно означенными лицами. Я предпочитаю их героям Расина; но отдаю справедливость великому таланту французского трагика. Скажу более: я почти уверен, что французы не могут иметь истинной романтической трагедии. Не правила Аристотеля налагают на них оковы — легко от них освободиться — но они лишены важнейшего способа к успеху: изящного языка простонародного. Я уважаю французских классиков, они знали свой язык, занимались теми родами поэзии, которые ему свойственны, и произвели много прекрасного. Мне жалки их новейшие романтики: мне кажется, что они садятся в чужие сани.

Жажду иметь понятие о твоем Годунове. Чудесный наш язык ко всему способен, я это чувствую, хотя не могу привести в исполнение. Он создан для Пушкина, а Пушкин для него. Я уверен, что трагедия твоя исполнена красот необыкновенных. Иди, довершай начатое, ты, в ком поселился гений! Возведи русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело — признательность и удивление.

Вяземского нет в Москве; но я на-днях еду к нему в Остафьево и исполню твое препоручение. Духов Кюхельбекера читал. Не дурно, да и не хорошо. Веселость его не весела, а поэзия бедна и косноязычна. Эду [тебе] для тебя не переписываю, потому что она на-днях выдет из печати. Дельвиг, который в П‹етербур›ге смотрит за изданием, тотчас доставит тебе экземпляр и пожалуй два, ежели ты не поленишься сделать для меня, что сделал для Рылеева. Посетить тебя живейшее мое желание; но бог весть когда мне это удастся. Случая же верно не пропущу. Покаместь будем меняться письмами. Пиши, милый Пушкин, а я в долгу не останусь, хотя пишу к тебе с тем затруднением, с которым обыкновенно пишут к старшим

Прощай, обнимаю тебя. За что ты Левушку называешь Львом Сергеевичем? Он тебя искренно любит и ежели по ветренности [в чем] как-нибудь провинился перед тобою — твое дело быть снисходительным. Я знаю, что ты давно на него сердишься; но долго сердиться не хорошо. Я вмешиваюсь в чужое дело; но ты простишь это моей привязанности к тебе и твоему брату.

Преданный тебе

Баратынский.

Адрес мой: в Москве, у Харитона в Огородниках, дом Мясоедовой.

1826

236. Е. А. Баратынский — Пушкину
5—20 января 1826 г. Москва.

Посылаю тебе Уранию, милый Пушкин; не велико сокровище; но блажен, кто и малым доволен. Нам очень нужна философия. Однакож позволь тебе указать на пиэсу под заглавием: *Я есмь.* Сочинитель мальчик лет осмнадцати и кажется подает надежду. Слог не всегда точен, но есть поэзия, особенно сначала. На конце метафизика, слишком темная для стихов. Надо тебе сказать, что московская молодежь помешана на трансцендентальной философии, не знаю, хорошо ли это, или худо, я не читал Канта и признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков. Галич выдал пиэтику на немецкий лад. В ней поновлены откровения Платоновы и с некоторыми прибавлениями приведены в систему. Не зная немецкого языка, я очень обрадовался случаю познакомиться с немецкой эстетикой. Нравится в ней собственная ее поэзия, но начала ее мне кажется можно опровергнуть философически. Впрочем, какое о том дело, особливо тебе. Твори прекрасное, и пусть другие ломают над ним голову: как ты отделал элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается, да и по делом; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьэсе говорю, что стало очень приторно:

Вытье жеманное поэтов наших лет. —

Мне пишут, что ты затеваешь новую поэму Ермака. Предмет истинно поэтической, достойный тебя. Говорят, что, когда это известие дошло до Парнасса, и Камоэнс вытаращил глаза. Благослови тебя бог и укрепи мышцы твои на великий подвиг.

Я часто вижу Вяземского. На днях, мы вместе читали твои мелкие стихотворения, думали пробежать несколько пьэс и прочли всю книгу. Что ты думаешь делать с Годуновым? Напечатаешь ли его, или попробуешь его прежде на театре? Смерть хочется его узнать. Прощай, милый Пушкин, не забывай меня.

237. П. А. Плетнев — Пушкину.

21 января 1826 г. Петербург.

Вот тебе, радость моя, и книги. Письма de Junius заплатил я 15 руб., Театр de Schiller 40 р., да его мелкие стихотворения особо 8 руб. Итак нынешняя посылка собственно для тебя стоит 63 рубля. Сверх того получишь ты наличными деньгами (в общий счет издерживаемых мною для тебя денег твоих) от Прасковьи Александровны 156 рублей, которые из твоих же издержал я на покупку ей двух анкорков вина и двенадцати бутылок рома; потому что человек ее мало получил за продажу и ничего не мог мне дать на покупки для своей барыни.

Прошу тебя сказывать мне, доволен ли ты остаешься моими покупками, как съестными, так и питейными, а равно и читательными. Ты мне своим одобрением прибавишь куража, а побранкой выучишь. На случай надобности книг посылаю тебе и Каталог С.-Флорана.

Получил ли ты (непременно уведомь) пять экз. твоих Стихотворений? Доволен ли изданием? Не принять ли этот формат, буквы и расстановку строк для будущих новых изданий твоих поэм, разумеется кроме следующих глав Онегина?

Мне Карамзины поручили очень благодарить тебя за подарок им твоих Стихотворений. Карамзин убедительно просил меня предложить тебе, не согласишься ли ты [ему] прислать ему для прочтения Годунова. Он ни кому его не покажет, или только тем, кому ты велишь. Жуковский тебя со слезами целует и о том же просит. Сделай милость, напиши им всем по письмецу.

Я продал в разные руки книгопродавцам твоих Стихотворений до 600 экз., с уступкою 20 процентов, потому что на <на>личные деньги. У меня теперь твоей суммы, за всеми издержками по изданию и по разным к тебе посылкам, с остальными деньгами от Онегина, хранится более 4.000 рублей. Из этой суммы Дельвиг выпросил на некоторое время 2.000. Что прикажешь делать с твоим богатством? Переслать ли тебе всё в наличности, или в виде какой-нибудь натуры, или приступить к какому-нибудь новому изданию? Умоляю тебя, напечатай одну или две вдруг главы Онегина. Отбоя нет: все жадничают его. Хуже будет, как простынет жар. Уж я и то боюсь: стращают меня, что в городе есть списки второй главы. Теперь ты не можешь отговариваться, что ждешь Пол.<ярной> Звезды. Она не выйдет. Присылай, душа!

Скоро выйдут Пиры и Эда; также Северные Цветы. Другие альманахи все дрянь. Я думаю, тебе всё-таки наслали их издатели.

Пиши ко мне обстоятельнее обо всем, что ты думаешь: не нужно ли также чего переменить в моих правилах в рассуждении изданий. Больше всего прошу тебя не забывать Карамзина и Жуковского. Они очень могут тебе быть полезными при твоем *аневризме*. С такою болезнию шутить не надобно.

Весь твой Плетнев.

21 генв. 1826.

238. П. А. Плетневу.

Вторая половина (не позднее 25) января 1826 г. Михайловское.

Душа моя, спасибо за *Стих.‹отворения› Ал.‹ександра› П.‹ушкина›*, издание очень мило; кое-где ошибки, это в фальшь не ставится. Еще раз благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что делается у вас в П.‹етер›Б.‹урге›? я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую. К стати: не может ли Ж.‹уковский› узнать, могу ли я надеиться на высочайшее снисхождение, я 6 лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный имп.‹ератор› в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки не-религиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в П.‹етер›Б.‹урге› — а?

Прости душа, скучно мочи нет.

Адрес: Его высокоблагородию
Петру Александровичу
Плетневу.
В Пет. Бург.
В Екатерининский Институт.

239. А. А. Дельвигу.

20-е числа января 1826 г. Михайловское.

Милый барон! вы обо мне беспокоитесь и напрасно. Я человек мирный. Но я беспокоюсь — и дай бог, чтобы было понапрасну. Мне сказывали, что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности. Но он болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня. Прощай, мой милый друг.

П.

Адрес: Барону Дельвигу.

240. В. А. Жуковскому.

20-е числа января 1826 г. Михайловское.

Я не писал к тебе во-первых потому, что мне было не до себя, во-втор. за не имением верного случая. Вот в чем дело: мудрено мне требовать твоего заступления пред государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру. Вероятно правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел — но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Всё-таки я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно (NB оба ли Раевские взяты, и в самом ли деле они в крепости? напиши, сделай милость). Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит[1] от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.

Итак остается тебе положиться на мое благоразумие. Ты можешь требовать от меня свидетельств об этом новом качестве. Вот они.

В Кишеневе я был дружен с маиором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым.

Я был массон в Киш.<еневской> ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи.

Я наконец был в связи с большею частию нынешних заговорщиков.

Покойный император, сослав меня,[2] мог только упрекнуть меня в безверии.

Письмо это не благоразумно конечно, но должно же доверять иногда и счастию. Прости, будь счастлив, это покаместь первое мое желание.

---

[1] *Переделано из* будет зависить

[2] *Сперва было:* Но когда покойный император сослал меня, он

Прежде, чем сожжешь это письмо,[1] покажи его Кар<амзину> и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: В.<аше> в.<еличество>, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться? —

Говорят, ты написал стихи на смерть Алекс.<андра> — предмет богатый! — Но в теченьи десяти лет его царствования, лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры, глас народа. Следств. я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба.

241. П. А. Катенин — Пушкину.

3 февраля 1826 г. Петербург.

Извини, любезнейший Александр Сергеевич, что я так давно тебе не отвечал: в нынешнее смутное время грустна даже беседа с приятелем. Жандр сначала попался в беду, но его вскоре выпустили; о других общих наших знакомых отложим разговор до свидания; и почему бы ему не быть вскоре? — Стихотворения твои я читал, большая часть мне давно известна; но скажи пожалуй, к какому К—ну ты пишешь нечто о Колосовой? Многие думают, что ко мне, но я в первый раз прочел эти стихи в печатной книге. Ты часто изволишь ставить начальные буквы таинственно: в Невском Альманахе (издатель должен быть слишком добрый человек) после Полевого et compagnie стоит какой-то *К.. дальный ваш* (чей?) *родня*; моя совесть чиста, ибо по сию пору я ни в Невском, ни в другом альманахе ничего не печатал, но злые люди!... Однако чорт с ними, я хочу поговорить с тобою о человеке очень хорошем, умном, образованном и мне коротко знакомом; назвать до времени не могу. Он намерен в начале будущего года выдать также альманах, разумеется не такой, как нынешние; я для него решаюсь нарушить мой зарок и написать что-нибудь порядочное, время есть; сверьх того я вызвался выпросить стихов у тебя, и надеюсь, что ты не введешь меня в лгуны; более: я прошу у тебя таких стихов, которыми бы ты сам был доволен, вещи дельной. Будь умница и не откажи. Готовое теперь ты вероятно еще прежде издашь, но это всё равно, будет другое, и в твои лета и с твоим дарованием всё должно итти чем далее, тем лучше. Слышал я о второй части Онегина, о трагедии: Годунов, любопытен чрезвычайно всё это видеть, но ты решительно не хочешь мне ничего показать ни прислать. Бог тебе судия, а я, как истый христианин, прощаю, с уговором только: чтобы ты непременно, без отговорок и вполне удовлетворил мою вышеписанную покорнейшую просьбу; за человека могу я ручаться, как за себя, следственно и за достоинство предполагаемого издания уже вперед несколько отвечаю; но без тебя, баловень муз и публики, и праздник не в праздник. Это мне опять напоминает твое отсутствие: постарайся, чтобы

---

[1] письмо *вписано*.

оно кончилось. Самому тебе не желать возврата в Петербург странно! Где же лучше? Запретить тебе на отрез, кажется, нет довольно сильных причин. Если б я был на месте Жуковского, я бы давно хлопотал, как бы тебя возвратить тем, кто тебя душевно любит; правда, я бы тогда хлопотал для себя. Прощай, милый, будь здоров и покуда хоть пиши. Мое почтение царю Борису Федоровичу, любезного проказника Евгения прошу быть моим стряпчим и ходатаем у его своенравного приятеля. Прощай. Весь твой

Павел Катенин.

Февр. 3. 1826.
С. Петерб.

242. А. А. Дельвигу.

Начало февраля 1826 г. Михайловское.

Насилу ты мне написал и то без толку, душа моя. Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мне, как будто вчера мы целый день были вместе и наговорились до сыта. Конечно я ни в чем не замешан, и если правительству досуг подумать обо мне, то оно в том легко удостоверится. Но просить мне как-то совестно особенно ныне; образ мыслей моих известен. Гонимый 6 лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я конечно не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам — но никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив. Класс писателей, как заметил Alfieri, более склонен к умозрению, нежели к деятельности, и если 14 декабря доказало у нас иное, то на то есть особая причина. Как бы то ни было, я желал бы *вполне* и *искренно* помириться с правительством, и конечно это ни от кого, кроме его, не зависит. В этом желании [конечно] более благоразумия, нежели гордости с моей стороны.

С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнародование заговора. Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни — как фр.<анцузские> трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира. Прощай, душа моя.

Пушкин.

Ты взял 2000 у меня и хорошо сделал, но сделай так, чтоб прежде вел.<икого> поста они находились опять у Плетнева.

Адрес: Милостивому государю
барону Антону Антоновичу
Дельвигу
в С. Петербург
в Б. Мильонной, в доме
г-жи Эбелинг.

243. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Начало февраля 1826 г. Петербург.

Милый мой Пушкин, до тебя дошли ложные слухи о Раевском. Правда они оба в Петербурге, но на совершенной свободе. Государь говорил с ними, уверился в их невинности и, говорят, пожал им руку и поцеловал их. Отец их сделан членом Совета. Наш сумашедчий Кюхля нашелся,[1] как ты знаешь по газетам, в Варшаве. Слухи в Петербурге переменились об нем так, как должно было ожидать всем знающим его коротко. Говорят, что он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета. Зная его доброе сердце и притом любовь хвастать разными положениями, в которые жизнь бросала его, я почти был в этом всегда уверен. [Да] Он бы верно комунибудь из товарищей не удержался сказал всю свою тайну. Дай бог, чтоб это была правда. Говорят великий князь Михайло Павлович с ним более всех ласков; [так] как от сумашедчего, от него можно всего ожидать, как от злодея ничего. —

По письму твоему приметил я, что ты изволишь на меня дуться, быть может, за долгое мое молчание. Исправься, душа моя, от такого греха; будь человеком, не будь зверем! Пиши ко мне по прежднему, за то я буду отвечать не по прежднему, т. е. акуратнее. Северные Цветы давно готовы, один Дашков не совсем выпростался, а такого одного ждут с охотою семеро. Твоя 2<-я> песня Онегина везде читается и переписывается. Я не только, что никому ее не давал, да и сам не имею. Твой экземпляр отдал Вяземскому, и для Цветов тобою назначенные куплеты его жена мне и переписала и прислала. Дела поправить нечем другим, как прислать ее с третьей к Плетневу и приказать печатать. Поздравление с Борисом Годуновым я было [пр] писал на огромном листе, да от радости до сих <пор> не окончил. Царицам гор мое почтение. Прощай.

Твой Дельвиг.

---

1 *Сперва было начато:* пой<ман>

244. П. А. Плетнев — Пушкину.

6 февраля 1826 г. Петербург.

6 февр. 1826. С. п. б.

Посылаю, душа моя, по желанию твоему тысячу рублей. Напрасно ты нападаешь на меня за знаки препинания. Может быть, ты сам виноват. Рукопись прислал ты очень неисправную, а ее переписывал какой-то писарь; итак еще более испортил. После того трудно добиться везде аккуратно до настоящего смысла. Советую тебе вперед отдавать кому-нибудь переписывать у себя да после просматривать. А без того заочно всегда будут неисправности.

Ты отказываешься прислать Годунова за тем, что не кому переписать. Это странно. Ведь надобно ж будет когда-нибудь об этом похлопотать. Пригласи из Опочки дни на три к себе какого-нибудь писаку и заплати ему за труды. Увидишь, что он все твои стихи возьмется переписывать тебе.

Ты всё-таки не сказал мне и не прислал ничего, что надобно печатать. Не далеко уж вел.<икий> пост. Это последнее время. После свят.<ой> недели книжная торговля прекращается. Опять принуждены будем ждать зимы. Ужели ты в нынешнюю зиму ничего не выдашь более, кроме *Стих.<отворений> Ал.<ександра> Пуш.<кина>*. Сделай милость, выпусти Онегина. Ужели не допрошусь я.

Скажи Пр.<асковье> Ал.<ександровне>, что я получил от нее 25 р., но <не> высылаю книг по тому, что они еще не вышли. Эда и Пиры должны явиться на днях, за ними Сев.<ерные> Цветы, а уж после Крылов.

Карамзин болен. Не худо бы тебе и навестить его письмом. Жуковский не писал стихов на смерть государя, а для выпуска в Институте, которые однако ж посвящены воспоминанию об императоре покойном. Я их еще не получил. Получу, так и пришлю. Гнедич также плох здоровьем. Беда, как мы останемся без конца Илиады.

Обнимаю тебя и желаю, чтобы ты был у себя с писарем.

Плетнев.

Дельвиг тебе уже писал.

245. П. А. Катенину.

Первая половина февраля 1826 г. Михайловское.

Отвечаю тебе по порядку. Стихи о Колосовой были написаны в письме, которое до тебя не дошло. Я не выставил полного твоего имени, потому что с Катениным говорить стихами только о ссоре моей с актрисою показалось бы немного странным.

Будущий альманах радует меня несказанно, если разбудит он тебя для поэзии. Душа просит твоих стихов; но знаешь ли что? Вместо альманаха не затеять ли нам журнала в роде Edimburgh Review? Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей

словесности новое, истинное направление? Покаместь, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отъучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности: как думаешь? Да что Андромаха и собрание твоих стихов?

246. А. А. Дельвигу.

20 февраля 1826 г. Михайловское.

Мой друг барон, я на тебя не дулся и долгое твое молчание великодушно извинял твоим Гименеем

Io hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чорт побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чорт побери. Когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе; но так и быть: апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огнь вечный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня баронессе Дельвиг.

Очень благодарен за твои известия, радуюсь, что тевтон Кюхля не был Славянин — а охмелел в чужом пиру. Поведение вел.<икого> кн.<язя> Михаила в [его] отношении к нему очень благородно. Но что Ив.<ан> Пущин? Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь их должна решиться — сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую. Меры правительства доказали его решимость и могущество. Большего подтверждения, кажется, не нужно. Правительство может пренебречь ожесточение некоторых обличенных...

Я писал Ж<уковскому> — и жду ответа. Покаместь я совершенно один. Пр.<асковья> Ал.<ександровна> уехала в Тверь, сей час пишу к ней и отсылаю Эду — что за прелесть эта Эда! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякой говорит по своему. А описания лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! — чудо! — Видел я и Слепушкина, неужто никто ему не поправил *Святки, Масленицу, Избу*? у него

истинный, *свой* талант; пожалуйста пошлите ему от меня экз. Руслана и моих Стих.‹отворений› — с тем, чтоб он мне не подражал, а продолжал идти своею дорогою. Жду Цветов.

Адрес: Дельвигу.

247. П. А. Осиповой.

20 февраля 1826 г. Михайловское.

Madame,

Voici le nouveau poème de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef-d'œuvre de grâce, d'élégance et de sentiment. Vous en serez enchantée.

Je présume, Madame, que vous êtes maintenant à Twer, je souhaite que vous y passiez votre temps agréablement, mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky, où après vous avoir regrettée, nous commençons déjà à vous attendre.

Recevez, Madame, l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 févr.

Veuillez, Madame, présenter mes hommages à Mlle votre fille ainsi qu'à Mlle Netty.

248. П. А. Плетнев — Пушкину.

27 февраля 1826 г. Петербург.

27 февр. 1826.

Стихотворений Александра Пушкина у меня уже нет ни единого экз., с чем его и поздравляю. Важнее того, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше от меня ничего получить. Это быстрое растечение твоих сочинений вперед заставит их прежде отпечатания скупать их гуртом на наличные деньги. При продаже нынешней я руководствовался формою, которая изобретена была Гнедичем, по случаю продажи Стихотворений Батюшкова в Жуковского. Вот она: 1) Покупщику, требующему менее 50 экз., нет уступки ни одного процента. 2) Кто берет на чистые деньги 50 экз., уступается ему 10 проц. 3) Кто 100 экз., уступается 15 проц. 4) Кто 300 экз., уступается 20 проц. 5) Кто 500 экз., уступается 25 проц. 6) Кто 1000 экз., уступается 30 процентов.

К нашему благополучию книгопродавцы наши так еще бедны или нерасчетливы, что из последних двух статей ни один не явился, и все покупали по 4-ой статье.

На будущее время я отважусь предложить им одну общую статью: кто бы сколько ни брал, деньги должен вносить чистые и уступки больше 10 проц. не получит. Меня затруднял способ сохранять отпечатанные книги до продажи всех, особенно при большом издании; но теперь и это препятствие уничтожено: следственно ничто меня не принудит сдаваться этим вандалам. Только еще прошу тебя обязать меня оффициальным письмом (да не причтут мне этой новости в притеснение торговли их!), что я не имею права сбавлять или увеличивать число процентов выше или ниже 10.

Скажи теперь по совести, прав ли я в своих предсказаниях на счет твоих доходов. Воспользуйся же еще нынешней зимой, а летом нет продажи книг. Если ты не решился выписывать писаря, пришли мне черновые бумаги; я или сам перепишу, или найму; потом всё переписанное перешлю тебе для сверки или поправок; тогда ты обратно мне перешлешь бумаги, и я приступлю к печатанию. В твоей воле, что теперь начать: второе ли издание Разн.‹ых› Стихот.‹ворений› (но в этом случае, надобно что-нибудь прибавить; потому что в другой раз некоторых пиес уж не пропустят), Бориса ли, Онегина ли, или Цыганов. Только сделай милость, не медли. Остается не более двух месяцев, в которые еще можно что-нибудь сделать. Жуковский особенно просит прислать Бориса. Он бы желал его прочесть сам, и еще (когда позволишь) на лекции его. Другая его к тебе коммисия состоит в том, чтобы ты написал к нему письмо серьиозное, в котором бы сказал, что, оставляя при себе образ мыслей твоих, на кои никто не имеет никакого права, не думаешь играть[1] словами никогда, которые бы противоречили какому-нибудь всеми принятому порядку. После этого письма он скоро надеется с тобою свидеться в его квартире.

Что велишь делать с твоими деньгами? Хоть я не привел в совершенно аккуратный счет всю операцию нынешнего издания, но имею в руках (кроме издержанных на некоторые к тебе посылки, отосланной по твоему требованию *тысячи*, употребленных на издание и заимообразно отданных Дельвигу *двух тысяч*) *пять* тысяч еще. Распоряжайся, милый, поскорее. Ты мне давно не писал. Жду нетерпеливо твоего ответа. Что скажешь об Эде? Скажи П.‹расковье› А.‹лександровне›, что Крылов еще не вышел, также и Сев.‹ерные› Цветы. Всё пришлю, как скоро появится.

Б‹аратынс›кий вышел в отставку и живет в Москве. Брат твой здоров. Карамзину и Гнедичу лучше. Жуковский страдает гимороидами. Я весь к твоим услугам. Обнимаю тебя.

Плетнев.

249. П. А. Плетневу.

3 марта 1826 г. Михайловское.

Карамзин болен! — милый мой, это хуже многого — ради бога успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты. Гнедич не умрет прежде совершения Илиады — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк. Не будет

[1] играть *переделано из* более

Вам Бориса, прежде чем не выпишите меня в П.<етер>Б.<ург> — что̀ это в самом деле? стыдное дело. Сле-Пушкину дают и кафтан, и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному — шиш. Так и быть: отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического четвер<та>ка (что мне следует), по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское. Вопрос: Невинен я или нет? но в обоих случаях давно бы надлежало мне быть в П.<етер> Б.<урге>. Вот каково быть верноподданным! забудут и квит. Получили ли мои приятели письма мои дельные, т. е. деловые? Что ж не отвечают? — А ты хорош! пишешь мне: переписывай да нанимай писцов Опоческих, да издавай Онегина. Мне не до Онегина. Чорт возьми Онегина! я сам себя хочу издать или выдать в свет. Батюшки, помогите.

3 марта.

Адрес: Его высокоблагородию
Петру Александровичу
Плетневу
в С.-Петербург
в Екатерининском институте.

250. В. А. Жуковскому.

7 марта 1826 . Михайловское.

Поручая себя ходатайству Вашего дружества, вкратце излагаю здесь историю моей опалы. В 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать в отставку. Давно расстроенное здоровье и род аневризма, требовавшего немедленного лечения, служили мне достаточным предлогом. Покойному государю императору не угодно было принять оного в уважение. Его величество, исключив меня из службы, приказал сослать в деревню за письмо, писанное года три тому назад, в котором находилось суждение об афеизме, суждение легкомысленное, достойное конечно всякого порицания.

Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого

себя и ие намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости.

7 марта 1826. — Александр Пушкин.

С.<ело> Михайловское.

Адрес: Василию Андреевичу Жуковскому.

251. П. А. Плетневу.

7 (?) марта 1826 г. Михайловское.

Мой милый, очень благодарен тебе за все известия. — Вместе с твоим получил я письмо и от Заикина с уведомлением о продаже *Стих.<отворений> А.<лександра> П.<ушкина>* и с предложениями. Ты говоришь, мой милый, что некоторых пиэс уже цензор не пропустит; каких же? А. Шенье? итак погодим с новым изданием; время не уйдет, всё перемелится — будет мука — тогда напечатаем второе, добавленное, исправленное изд. (однако, скажи: разве были какие-нибудь неудовольствия по случаю моих Стихотв.<орений>? или это одни твои предположения?) Знаешь ли? уж если печатать что, так возьмемся за Цыганов. Надеюсь, что брат по крайней мере их перепишет — а ты пришли рукопись ко мне — я доставлю предисловие и м. б. примечания — и с рук долой. А то всякой раз, как я об них подумаю или прочту слово в журн., у меня кровь портится — в собрании же моих поэм для новинки поместим мы другую повесть в роде *Верро,* которая у меня в запасе. Жду ответа.

При сем письмо к Ж.<уковскому> в треугольной шляпе и в башмаках. Не смею надеиться, но мне бы[1] сладко было получить свободу от Ж.<уковского>, а не от другого — впрочем держусь стоической пословицы: не радуйся нашед, не плачь потеряв.

Какого вам Бориса, и на какие лекции? в моем Борисе бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу.

Прощай, мой друг; деньги мои держи крепко, никому не давай. Они мне нужны. Сдери долг и с Д.<ельвига>.[2]

---

[1] бы *переделано из* было

[2] *Последний абзац написан сбоку письма.*

252. Анна Н. Вульф — Пушкину.
Конец февраля—8 марта 1826 г. Малинники.

Vous devez être maintenant à Михайловское depuis longtemps — voilà tout ce que je puis savoir au juste sur votre compte — longtemps j'ai balancé si je vous écrirai avant de recevoir une lettre de vous; mais comme la réflexion ne me sert jamais de rien, j'ai fini par céder au désir que j'avais de vous écrire. Mais par quoi commencerais-je et que vous dirais-je. Je crains et je ne puis laisser aller ma plume; Dieu, pourquoi ne suis-je pas partie avant, pourquoi — mais non, mes[1] regrets ne servent à rien — ils ne seront peut-être [pour vous] qu'un triomphe pour votre vanité, il est très probable que vous ne vous rappelez plus les derniers jours que nous avons passés ensemble. Je suis fâchée de ne vous avoir pas écrit les premiers jours de mon arrivée, ma lettre aurait été charmante; mais aujourd'hui cela m'est impossible, je ne puis être que tendre et je crois que je finirai par déchirer cette lettre. [Il est presque] Savez vous que je pleure en vous écrivant, cela me compromet, je le sens; mais c'est plus fort que moi, je ne puis me vaincre. Il est presque sûr que je reste ici, ma chère Mère l'a arrangé sans me demander mon avis — elle dit que c'est une grande inconséquence de ma part de ne pas vouloir rester maintenant quand en hiver je voulais partir seule même! Voyez que vous êtes fautif de tout vous-même — dois-je maudire ou bénir la providence de vous avoir envoyé [sur mon chemin] à Trigorsk? — Si encore vous m'en voudrez d'être restée ici, vous serez un monstre après cela, — entendez vous, Monsieur. Je ferai tout mon possible de ne pas rester, je vous donne ma parole, et si je ne réussis pas, croyez que cela ne sera pas ma faute. Ne croyez cependant pas que cela soit peut-être parce que je n'ai personne ici — loin de cela, j'ai trouvé [ici] un Cousin charmant qui m'aime passionnément et ne demande pas mieux que de me le prouver à votre manière si je le voulais. Ce n'est pas un uland comme vous le supposerez peut-être, mais un officier de la garde, un charmant jeune homme et qui ne me fait d'infidélité pour personne, entendez-vous? Il ne peut supporter l'idée que j'ai passé tant de temps avec vous, un aussi grand libertin. Mais hélas! je ne sens rien à son approche — sa présense ne fait naître aucune émotion en moi. Je crois toujours recevoir une lettre de vous, quelle jouissance cela serait pour moi. Cependant je n'ose vous le demander, je crains même que je ne pourrais pas vous écrire, car je ne sais, si je pourrais cacher mes lettres de mes Cousines — et alors que pourrais-je vous dire — j'aime mieux ne point recevoir de vos lettres aussi que d'en avoir de pareilles à celles de Riga. Pourquoi ne vous ai-je pas quitté à présent avec l'indifférence d'alors — pourquoi Netty n'est-elle pas venue me chercher alors? Peut-être nous nous serions séparés autrement. Cette lettre sous différents prétextes je ne lui ai pas montrée en disant que c'est à A.‹nnette› K.‹ern› que j'écrivais. Mais je ne pourrais pas le faire toujours sans donner du soupçon. Malgré toute mon étourderie et mon inconséquence vous avez su me rendre discrète. Je parle de vous aussi peu que possible, mais je suis triste et je pleure. Je suis bien folle cependant, car je suis sûre que pour vous vous pensez à moi avec beaucoup d'indifférence déjà et dites

[1] *Переделано из* les

peut-être des horreurs de moi, tandis que moi! — J'ai oublié de vous dire que Maman a trouvé que vous étiez triste à notre départ. *Ему, кажется, нас жаль!* Mon désir de retourner lui donne du soupçon et je crains de trop presser. Adieu, je vous fais une *grimace.*

Le 8 mars. Il y a déjà quelque temps que je vous ai écrit cette lettre, je ne pouvais me résoudre à vous l'envoyer. Dieu! Il est décidé que je reste ici: hier j'ai eu une scène très vive avec ma mère pour mon départ, elle a dit devant tous mes parents qu'elle me laissait décidément ici, que je devais rester, et qu'elle ne pouvait pas me prendre, puisqu'en partant elle s'était arrangée de manière à me laisser ici. Si vous saviez comme je suis triste. Je crois vraiment comme A.<nnette> K.<ern> qu'elle veut seule faire votre conquête et que c'est par jalousie qu'elle me laisse ici. J'espère cependant que cela ne sera que jusqu'à l'été, ma tante ira alors à Pskoff — et nous reviendrons ensemble avec *Netty.* Mais combien de changements peuvent arriver jusqu'alors, peut-être qu'on vous pardonnera, [je sais qu'alo<rs>] peut-être que Netty vous rendra autre. Il sera mal avisé de ma part de revenir avec elle, j'en courrais le risque cependant — et j'espère avoir assez d'amour-propre pour ne pas vous regretter. A.<nnette> K.<ern> doit venir aussi ici — il n'y aura cependant pas de rivalité entre nous, il paraît que chacune est contente de son lot. Cela vous fait honneur et prouve notre vanité et crédulité. *Euphr<osine>* m'écrit que vous lui avez dit que vous vous êtes amusé à Pskoff — est-ce après moi? — quel homme vous seriez alors ? — et quelle sotte je serais! — Avez-vous pris la baguette д'Илья Ив.<анович>? Quand je reviendrai, je vous la demanderai. Dieu! Si je recevais une lettre de vous que je serai contente, ne me trompez pas au nom du Ciel, dites que vous ne m'aimez pas du tout, alors je serai plus tranquille peut-être. Je suis furieuse contre ma Mère, quelle femme vraiment. Au reste en tout cela il y a aussi de votre faute.

Adieu, que direz-vous après avoir lu cette lettre? Si vous m'écrirez — faites le par Treuer, cela sera plus sûr. Je ne sais pas comment vous adresser cette lettre, j'ai peur que par Trigorsk elle ne tombe dans les mains de Maman, ou vous écrirais-je par *Euph.<rosine>* — dites moi ce qui sera mieux.

253. И. Е. Великопольскому.

Около (не позднее) 11 марта 1826 г. Михайловское.

Милостивый государь Иван Ермолаевич!

Сердечно благодарю вас за письмо, приятный знак вашего ко мне благорасположения. Стихотворения Слепушкина получил и перечитываю всё с бòльшим и бòльшим удивлением. Ваша прекрасная мысль об улучшении состояния поэта-крестьянина, надеюсь, не пропадет. Не знаю, соберусь ли я снова к вам во Псков; вы не совершенно отнимаете у меня надежду вас увидеть в моей глуши: благодарим покамест и за то.

Кланяюсь князю Цицианову; жалею, что не отнял у него своего портрета. Что нового в ваших краях?

Остаюсь с искренним уважением вашим покорнейшим слугою

Александр Пушкин.

254. П. А. Катенин — Пушкину.

14 марта 1826 г. Петербург.

Премного благодарю, любезнейший Александр Сергеевич, за готовность твою меня одолжить и предваряю тебя, что обещанные дары должны быть доставлены сюда отнюдь не позже первого сентября, дабы издатель успел всё кончить с цензурою и типографиею ранее нового года. От издания журнала вдвоем я отнюдь не прочь, но об этом рано говорить, пока тебя здесь нет, что меня очень огорчает. На друзей надеяться хорошо, но самому плошать не надо; я бы на твоем месте сделал то же, что на своем, написал бы прямо к царю почтительную просьбу в благородном тоне, и тогда я уверен, что он тебе не откажет, да и не за что.

Наконец достал я и прочел вторую песнь Онегина, и вообще весьма доволен ею; деревенский быт в ней так же хорошо выведен, как городской в первой; Ленской нарисован хорошо, а Татьяна много обещает. Замечу тебе однако (ибо ты меня посвятил в критики), что по сие время действие еще не началось; разнообразие картин и прелесть стихотворения, при первом чтении, скрадывают этот недостаток, но размышление обнаруживает его; впрочем, его уже теперь исправить нельзя, а остается тебе другое дело: вознаградить за него вполне в следующих песнях. Буде ты не напечатаешь второй до выхода альманаха, ее подари; а буде издашь прежде, просим продолжения: вещь премилая. Мои стихотворения всё еще переписываются в Костроме, и оттоле весьма давно ко мне ни слова не пишут, вероятно по той причине, что и меня изволят считать в числе заточенных; коль скоро пришлют, приступлю к напечатанию, но и тут беда, ибо глупость наших цензоров превосходит всякое понятие. Андромаха принята на театр, роли розданы, и дирекция хотела было пустить ее в ход во время коронации; но Семенова не захотела играть летом и в отсутствии значительной части зрителей, обязанных с двором отправиться в Москву: итак, представление отложено до совершенного открытия театров по истечении годового срока со дня смерти бывшего государя.

Что твой Годунов? Как ты его обработал? В строгом ли вкусе историческом, или с романтическими затеями? Во всяком случае я уверен, что цензура его не пропустит: о, боже! Читал ли ты Крылова басни, изданные в Париже гр.<афом> Орловым с переводами, французским и италианским? Из них некоторые хороши, особливо басня Ручей, работы Лавиня: прелесть. Помнишь ли, это было твое привычное слово, говоря со мной? Полно упрямиться в Опочке,

приезжай-ка сюда, гораздо будет лучше и для тебя и для нас. До свидания, моя умница, будь здоров; к слову, ты что-то хворал: прошло ли? Напиши. Прощай. Весь твой

Павел Катенин.

Марта 14-го 1826.
С.-Петербург.

255. Анна Н. Вульф — Пушкину.

Вторая половина марта 1826 г. Малинники.

Si vous avez reçu ma lettre, au nom du Ciel déchirez-la! J'ai honte de ma folie, jamais je n'oserai lever les yeux sur vous si je vous revois. Maman part demain, et moi je reste ici jusqu'à l'été. Du moins je l'espère ainsi. Si vous ne craignez pas de me compromettre auprès de ma sœur (comme vous le faites d'après sa lettre) je vous prie en grâce de ne pas le faire avec Maman. Aujourd' hui elle m'a plaisanté sur nos adieux de *Pskow*, qu'elle trouve avoir été très tendres („они, говорит она, думали, что я ничего не замечаю"), comment cela vous paraît-il? — Au reste vous n'avez besoin que de paraître tel que vous êtes, pour la détromper et lui prouver que vous ne remarquez même pas mon absence. Quel prestige enchanteur m'avait séduit! Comme vous savez feindre le sentiment. Je conviens avec mes Cousines que vous êtes un homme bien dangereux, mais je tâcherai de[1] devenir raisonnable. —

Au nom du ciel déchirez ma première lettre et brisez ma tasse de Pskoff — c'est un mauvais signe d'en donner, je suis très superstitieuse, et pour vous récompenser de cette perte je vous promets quand je reviendrai de vous donner la cire cacheter que vous m'avez demandée à mon départ. Je vais apprendre l'italien et malgré que je suis bien fâchée contre vous, je crois que ma première lettre sera pour vous mio <?> delizie<?>.[2]

Адрес: Пушкину.

256. А. А. Дельвиг — Пушкину.

7 апреля 1826 г. Петербург.

Милый Пушкин, посылаю тебе и Прасковье Александровне насилу-расцветшие Северные Цветы. Желаю, чтоб они тебе показались. Я было, выпросивши у тебя позволение напечатать отрывок об Овидии, хотел поместить к нему картинку: да что делать с нашими скотами академиками? Ни один не мог сделать что-нибудь сносное. С досады наш Дельвиг бросился к Григоровичу, уговорил его написать статью о русских художниках и велел гравировать с пяти русских хороших картин. Граверы сделали сколько могли, к будущему году [надеюсь] жду от них еще большего. Пора им привыкнуть к альманачному вкусу! К будущему году надеюсь на тебя, как на каменную стену, надеюсь лично от тебя получить лучшие цветы для моего парника или теплицы. От Бара-

[1] *Сперва было начато:* d'êt<re>

[2] *Два последних слова густо замараны.*

тынского тоже. Деньги твои я взял, как хороший министр финансов, т. е. назначил Плетневу источник уплаты: я купил у Баратынского Эду и его Сочинения, и Эда, продаваясь, в скором времени погасит совершенно мой долг. Живи, душа моя, надеждами дальными и высокими, трудись для просвещенных внуков; надежды же близкие, земные оставь на старания друзей твоих и доброй матери твоей. Они очень исполнимы, но еще не теперь. Дождись коронации, тогда можно будет просить царя, тогда можно от него ждать для тебя новой жизни. Дай бог только, чтоб она полезна была для твоей поэзии. Прощай, обнимаю тебя.

7-го апреля.

Жена моя тебе кланяется и благодарит за поздравление.
Еще прощай.

257. В. А. Жуковский — Пушкину.
12 апреля 1826 г. Петербург.

12 апреля.

Не сердись на меня, что я к тебе так долго не писал, что так долго не отвечал на два последние письма твои.[1] Я болен и ленив писать. А дельного отвечать тебе нечего. Что могу тебе сказать на счет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать [для тебя] в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, *но писать для славы*. Дай пройти несчастному этому времени. Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо свое. Есть ли оно *только ко мне*, то оно странно. Есть ли ж для[2] того, чтобы его *показать*, то безрассудно. Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством. Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею *благоприобретенною* славою: ибо умею уважать Поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностию России. Но я ненавижу всё, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть всё зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестию поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное. — Извини эти строки из катехизиса. Я люблю и тебя и твою музу, и желаю, чтобы Россия вас любила. Кончу началом: не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы.

Я болен. Еду в Карлсбад; возвращусь не прежде, как в половине сентября. Пришли к этому времени то, что сделано будет твоим добрым Гением. То, что напроказит твой злой Гений, оставь у себя: я ему не поклонник. Прости. Обнимаю тебя.

Жуковский.

---

[1] *Переделано из* твоих

[2] *Вместо* для *сперва было начато:* ко⟨му⟩

258. П. А. Плетнев — Пушкину.

14 апреля 1826 г. Петербург.

14 апр. 1826.

Не удивляйся, душа моя, что я целый месяц не писал к тебе. Этот месяц был для меня черным не только в году, но и во всей жизни. С роду не бывал я болен и не пробовал, каковы на свете лекарства; а теперь беспрестанно их глотаю через час по две ложки. Это однакож не помешало мне, хоть с разными изворотами, исполнить все твои коммиссии, а имянно: 1) Князю Вяземскому отослано 600 руб. 2) Слепушкину доставлен экз. твоих Стих.<отворений>. 3) Тебе посланы 2, 3 и 4 части Мнемозины. 4) Сверх того посланы тебе новое издание басен Крылова и Северные Цв.<еты>. 5) Отдано твое письмо Жуковскому. Ты верно не знаешь, какой у нас теперь мор на писателей. Жуковский болен отчаянно и для своего спасения получил совет ехать на теплые воды. Карамзин не может здесь выздороветь и потому отправляется морем до Бордо, а оттуда по южной части Франции во Флоренцию, где проживет два года. Гнедичу говорят доктора, что он может ожидать спасения от весны, а не от них. Можешь по этому вообразить, в состоянии ли кто-нибудь в этом положении начать какое-нибудь важное дело. Сверх того так много еще хлопот посторонних. Мой совет и всех любящих тебя провести нынешнее лето в деревне. К осени Жуковский возвратится. Дел важных сбавится. Всё взойдет в обыкновенное течение. Тогда легче начать и Жуковскому. Тебе легко возражать, что за советами нужды ни у кого не будет. Но ты хладнокровнее обними стечение этих странных обстоятельств, и сам согласишься, что прежде надобно заняться чем-нибудь общим, а потом приступить к частному. 6) Послана тебе рукопись Цыганов. Аккуратнее исправь да поскорее пришли: так и тиснем. Кстати. Не можешь ли ты решиться напечатать второй главы Онегина? Это необходимо нужно. Теперь она ходит в самой неисправной рукописи по городу, и от этого скоро к ней потеряют вкус. Сделай милость, напечатай: тогда скорее разойдется и первая. Ты от этого тьму получишь денег. 7) Не стыдно ли тебе такую старину воспоминать, каково дело твое с Ольдекопом. Книги его уж нет ни экземпляра; да я не знаю, существует ли и он в каком-нибудь формате. И из чего ты хлопочешь? Если хочешь денег: согласись только вновь напечатать Кавказ.<ского> Плен.<ника>, или Бахч.<исарайский> Фон.<тан>, и деньги посыплются к тебе. Если хочешь примером его учить других: этого никто не делал, да и не сделает. Оставь во рту у нищего кусок. Если его вырвешь, он, может быть, умрет с голода, а ты до сыта не наешься. Я бы очень желал, чтобы ты несколько замечаний своих на Тацита пустил в ход с цитатами. Это у многих повернуло бы умы. Не поленись, любезный брат. К Баратынскому ты слишком пристрастен. Он любит еще играть словами; в слоге есть кокетство; во многом француз, хоть и люблю его до смерти. Твое письмо к брату убийственно. У меня бы рука не поднялась так *отвечать*. На Аладьина плюнь.

259. Анна Н. Вульф — Пушкину.

20 апреля 1826 г. Малинники.

Dieu! Quelle émotion j'ai eprouvée en lisant votre lettre et que j'aurais été heureuse si la lettre de ma sœur n'avait mêlé de l'amertume à ma joie. Hier matin je prenais le thé quand on m'apporta de la poste les livres, je ne pouvais deviner d'où ils me venaient; quand en l'ouvrant je vis *Lascasas*, mon cœur battit et je n'osais les ouvrir d'autant plus qu'il y avait du monde dans la chambre. J'aurais été contente de votre lettre, si je ne me rappelais que vous en avez écrit de pareilles et même de plus tendres encore en ma présence à A.<nnette> K.<ern> et aussi à Netty. Je ne suis pas jalouse, croyez-moi; si je l'étais véritablement ma fierté triompherait bientôt du sentiment et cependant je ne puis m'empêcher de vous dire combien votre conduite me blesse. Comment en recevant ma lettre vous vous écriez: Ах, господи, *quelle lettre, comme si* c'était *d'une femme*! et vous la jetez pour lire les bêtises de Netty; il ne vous manquait que de dire que vous la trouviez *trop tendre*. Ai-je besoin de vous dire combien cela me blesse; outre que c'était encore me compromettre beaucoup que de dire que la lettre était de moi. Ma soeur était toute offensée de cela et crainte de m'affliger elle conte cela à Netty. Celle-là qui ne savait pas même que je vous avais écrit, se répand en reproches de mon peu d'amitié et de confiance en elle — et vous qui m'accusez d'étourderie voilà ce que vous faites vous-même! — Ah! Pouchkine, vous ne méritez pas l'amour, et je vois que j'aurais été plus heureuse si j'avais quitté Trigorsk avant, et si le dernier temps que j'ai passé [ici] avec vous pouvait s'effacer de mon souvenir. Comment n'avez <vous> pas compris pourquoi je ne voulais pas recevoir de vous des lettres comme celles de Riga. C'est qu'un style qui ne blessait alors que ma vanité me déchirerait l'âme à présent, le P.<ouchkine> d'alors n'était pas pour moi le même que celui auquel j'écris maintenant. Ne sentez-vous pas cette différence, cela serait bien humiliant pour moi — je crains que vous ne m'aimez pas comme vous auriez dû le faire — vous déchirez et blessez un coeur dont vous ne connaissez pas le prix, que j'aurais été heureuse si j'avais été aussi froide que vous le supposiez! Jamais de ma vie je n'ai passé un temps aussi terrible que celui que j'ai passé jusqu'à présent; jamais je n'ai senti des souffrances d'âme comme celles que j'ai eprouvées d'autant plus que je devais renfermer dans mon coeur toutes mes peines. Que j'ai maudit mon voyage ici! Je vous avoue que ce dernier temps après les lettres d'Euph.<rosine> je voulais faire tout mon possible pour tâcher de vous oublier — car j'étais bien fâchée contre vous. N'ayez point d'inquiétude pour le Cousin, ma froideur l'a rebuté — et puis il est venu un autre concurrent avec lequel il n'ose se mesurer et doit bien céder la place, c'est [le] Anrep qui a été ici ces jours ci, il faut convenir qu'il est très beau [il est] et très original — j'ai eu le bonheur et l'honneur de faire sa conquête — oh pour celui-là il vous surpasse encore, ce que je n'aurais jamais pu croire, il va à son but à pas de géant; jugez, que je crois qu'il vous surpasse même en témérité. Nous avons beaucoup parlé de vous — il m'a dit aussi plusieurs de vos phrases à ma grande surprise, par ex. que j'avais trop d'esprit pour avoir des préjugés. Dès le premier jour presque il se saisit de ma main et dit qu'il a tout le droit de la baiser puisqu'il me trouvait très

bien. Remarquez, Monsieur, je vous prie qu'il n'a fait ici ni ne fait la cour à personne d'autre, ni ne me répète des phrases qu'il dit à une autre, au contraire, il ne se soucie de personne [et me suit partout], en partant il m'a dit que cela dépendait de moi [s'il] qu'il revienne ici. Ne craignez rien cependant — je n'éprouve rien pour lui; il ne fait aucun *effet* sur moi, quand votre seul souvenir me donne tant d'émotion!

Maman a promis de m'envoyer chercher au mois de Juin si ma Tante ne vient pas l'été. Dois-je vous prier de faire votre possible pour qu'elle le fasse plus vite. J'ai bien peur que vous n'ayez pas du tout d'amour pour moi; mais vous ne sentez que des désirs passagers que tant d'autres éprouvent aussi bien. — Nous avons beaucoup de monde, à peine j'ai trouvé un moment pour vous écrire, il nous est arrivé encore de Novgorod un aimable jeune homme Mr. Pavlichteff, un grand musicien, il m'a dit qu'il vous connaissait. Nous allons aujourd'hui dîner chez une de mes Tantes, il faut finir ma lettre car il faut que je m'habille — je serai en grande société mais je ne rêverai qu'à vous. Ecrivez moi en toute sûreté par Treuer et par *Торжок*, c'est plus sûr, vous n'avez rien à craindre, il ne sait pas de qui il me remet les lettres, et ici on connaît votre main. Déchirez ma lettre après l'avoir lue, je vous conjure, je brûlerai la vôtre; savez-vous je crains toujours que vous ne trouviez ma lettre trop tendre et je ne vous dis pas tout ce que je sens. Vous dites que votre lettre est plate, parce que vous m'aimez, quelle absurdité, surtout pour un poète, qu'est-ce qui rend plus éloquent que le sentiment. Adieu pour le moment [Si vous sentez comme moi — je serais contente]. Dieu, aurais-je jamais cru que j'écrirai jamais une phrase pareille à un homme. Non, je l'efface. Adieu encore, je vous fais une grimace, puisque vous les aimez. Quand nous verrons-nous. Je ne vivrai pas jusqu'à ce moment. —

20 avril.

260. П. А. Вяземскому.

Конец апреля—начало мая 1826 г. Михайловское.

Милый мой Вяземской, ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем — потолкуем когда-нибудь на досуге. Покаместь дело не о том. Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится — а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи). Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского *о попе*: но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспи-

тательный дом мне не хочется — а нельзя ли его покаместь отдать в какую-нибудь деревню,— хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты, или нет; мы все больны — кто чем. Отвечай же подробно.

Адрес: Князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Чернышевском переулке, в собственном доме.
Нужное

261. А. Н. Вульфу.

7 мая 1826 г. Псков или Остров.

Вы мне обещали писать из Дерпта и не пишете. Добро. Однако я жду вас, любезный филистер, и надеюсь обнять в начале следующего месяца. Не правда ли, что вы привезете к нам и вдохновенного? Скажите ему, что этого я требую от него именем славы и чести России. Покаместь, скажите мне — не чрез Дерпт ли проедет Жуковский в Карлсбат? Языков должен это знать. Получаете ли вы письма от Ан.<ны> Ник.<олаевны> (с которой NB мы совершенно помирились перед ее выездом) и что делает Вавилонская блудница Ан.<на> Петр.<овна>? Говорят, что Болтин очень счастливо метал против почтенного Ерм.<олая> Фед.<оровича>. Мое дело — сторона; но что скажете вы? Я писал ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez-vous placé votre mari? celui-ci est bien plus embarassant. Прощайте, любезный Алексей Николаевич, привезите же Языкова и с его стихами.

7 мая.

Видел я в Синске некоторые нескромные гекзаметры[1] и сердечно им позавидовал.

Адрес: Его благородию
Алексею Николаевичу
Вульфу
в Дерпт.

---

[1] *Сперва было начато:* э<кзаметры>

262. П. А. Вяземский — Пушкину.

10 мая 1826 г. Москва.

Сей час получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видал, а доставлено мне оно твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда, волею божиею, ты будешь его барином и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения. Другого средства не вижу, как уладить это по совести, благоразумию и к общей выгоде. Я рад был бы быть восприемником и незаконного твоего Бахчисарайского фонтана, на страх завести новую классикоромантическую распрю хотя с Сергеем Львовичем или с певцом Буянова, но оно не исполнительно и не удовлетворительно. Другого делать, кажется, нечего, как то, что я сказал, а во всяком случае мне остановить девушки (ou peu s'en faut) нет возможности... Ты жалуешься на мое молчание: я на твое. Кто прав? Кто виноват? Оба. Было время не до писем. Потом мы опять имели несчастие лишиться сына 3-х летнего. Из 5 сыновей остается один. Тут замолчишь по неволе. Теперь я был болен недели с две. Вот тебе бюджет моего времени не завидный. Скучно, грустно, душно, тяжко. Я рад, что ты здоров, и не был растревожен. Сиди смирно, пиши, пиши стихи и отдавай в печать! Только не трать чернил и времени на рукописное. Я надеюсь, что дело обойдется для тебя хорошо. Ты вероятно знаешь, что Карамзины отправляются в чужие краи за болезнию Ник.<олая> Мих.<айловича>, Жуковский также. А Хвостовы и Булгарины здравствуют. Что ты давно ничего не печатаешь? А Цыгане? А продолжение Евгения? Ты знаешь, что *твой Евгений* захотел продолжиться и женится на соседке моей Энгельгардт, девушке любезной, умной и доброй, но не элегической по наружности. Я сердечно полюбил и уважил Баратынского. Чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет. В нем, кроме дарования, и основа плотная и прекрасная. Прощай, ma chair à beaux vers. Как Василий Львович потеет вековечно, так и от тебя идет испарина хороших стихов. Тебе не нужно для того топить бани: ты везде в бане. — В конце месяца думаю съездить в Петерб.<ург> проститься с Карамзиными. Жена тебе очень нежно кланяется.

10-го маия.

Адрес (рукою В. Ф. Вяземской): Милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину.

263. П. А. Катенин — Пушкину.

11 мая 1826 г. Петербург.

Что значит, любезнейший Александр Сергеевич, что ты давно не пишешь ко мне, и даже не отвечал на мое последнее письмо? Не сердишься ли за что, сохрани господи? Как бы то ни было, я за долгое молчание ожидаю длиннейшего письма, и дело будет с концом. Меня недавно насмешил твой (яко-бы) ответ на желание одного известного человека прочесть твою трагедию: *Годунов*: трагедия эта не для дам, и я ее не дам. — Скажи, правда ли это? Меня оно покуда несказанно тешит. Буде ты любопытен чтò знать про меня, вот новость: я в прошедшую пятницу принужден был состязаться с Олиным, то есть читали в Комитете, составленном из разных судей-литераторов, grecs et bulgares, etc., два вдруг изготовленные перевода Расинова Баязета, один мой, а другой вышеписанного Олина, который видно слишком дурно написал, ибо grecs et bulgares et autres barbares решительно предпочли мой, и я имел все шары белые; Олин же только четыре из двадцати. Авторы не бывают там, когда их судят, но, как мне сказывали, много мне сделал пользы А. С. Шишков; мне его одобрение тем приятнее, что я с ним не знаком, стало он судил просто по своему вкусу, а вкус его не терпит дурного. Всё это прекрасно, но скоро ли оно может показаться в люди? — Послушай, радость моя, ты отвечал и толково и забавно, но я право не дама, и нельзя ли мне как-нибудь Годунова показать? Кусок должен быть лакомый. К слову о дамах, меня просила Колосова непременно в первом к тебе письме сказать за нее пропасть хороших вещей; только где я их возьму? Положим, что они сказаны, и твоя очередь отвечать. Что делает мой приятель Онегин? Послал бы я ему поклон с почтением, но он на всё это плевать хотел: жаль, а впрочем малой не дурак. Прощай, умница, будь здоров и не молчи ни в стихах, ни в прозе. Весь твой

Павел Катенин.

Маия 11-го 1826.
С.-Петербург.

264. В. В. Измайлов — Пушкину.

19 мая 1826 г. Москва.

Милостивый государь мой,
Александр Сергеевич,

Позвольте ветерану в словесности, но счастливому некогда журналисту, передававшему публике первые мастерские опыты ваши в поэзии, напомнить вам о себе несколькими строками и в то же время молить вас именем Аполлона осчастливить меня новым великим подарком. Я готовлюсь выдать к новому году альманах, по без вашего содействия, без ваших стихов, так же не удаются альманахи, как растения без росы и солнца; бросьте в него несколько цветков вашей музы, милостивый государь мой, чтобы дать моей книге свежесть и бессмертие; озарите меня вашею славою, а если возможно, зароните в душу ветхого поэта искру юной жизни пиитической; а я обещаю и быть вам вечно

благодарным и не допускать в альманахе соперников, недостойных стоять рядом с вами.

Между тем буду иметь смелость скоро представить на суд ваш слабый мой перевод в стихах иа Казимира Делавиня (его *Послания к Наполеону*), как знак моей совершенной к вам доверенности: примите его на память и простите великодушно пятна и недостатки переводчика.

Мне приятно будет, естьли вы найдете в сих строках доказательство того искреннего к таланту вашему удивления и постоянного к вам уважения, с коим имею честь быть,

милостивый государь мой,
ваш покорный слуга
Владимир Измайлов.

1826
мая 19 дня
Москва.

P. S. Естьли вам угодно будет исполнить мою просьбу, то прошу вас адресовать ваш подарок в Москву на имя вашего дядюшки В. Л. Пушкина или на мое собственное имя, но в город *Верею*; ибо на лето съезжаю в деревню мою, близь сего города.

Адрес: Его высокоблагородию,
милостивому государю моему,
Александру Сергеевичу
Пушкину.
В Псков.
В город *Опочку*.

265. П. А. Вяземскому.

Вторая половина (не позднее 24) мая 1826 г. Михайловское.

Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит. Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит[1] ее на цепь? не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего.

Видел ли ты мою Эду? вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарил тебя за стансы Ольге. Как же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности к настоящему положению? — Счастливее, чем Андр.‹ей› Шенье, — я заживо слышу голос вдохновения — [и поэт стоит‹?› для меня наро‹да›]

Твои стихи к Мн.‹имой› Красавице (ах извини: Счастливице) слишком умны. — А поэзия, прости господи, должна быть глу-

[1] *Переделано из* посадить

повата. Характеристика зла. Экой ты *неуимчивый,* как говорит моя няня. 7 пятниц лучший твой водевиль.

Напиши же мне что-нибудь, моя радость. Я без твоих писем глупею: это нездорово, хоть я и поэт.

Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная <-----> род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты м. б. — исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу. Прощай и пиши.

Михайловское
май.

Адрес: Его сиятельству
кн. Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москве
в Чернышевском переулке в собств. доме.

266. П. А. Вяземскому.

27 мая 1826 г. Псков.

Ты прав, любимец Муз, — воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу всё дело. Должен ли я тебе что-нибудь или нет? отвечай. Не взял ли с тебя чего-нибудь мой человек, которого отослал я от себя за дурной тон и дурное поведение? Пора бы нам отослать и Булгарина, и Благонамеренного, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а ей богу, когда-нибудь примусь за журнал. Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала — он находка. Читал я в газетах что Lancelot в П.<етер>Б.<урге>, чорт ли в нем? читал я также, что 30 словесников давали ему обед. Кто эти бессмертные? Считаю по пальцам и не досчитаюсь. Когда приедешь в П.<етер>Б.<ург>, овладей этим Lancelot (которого я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесности. Мы в сношениях с иностранцами[1] не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василья Льво-

[1] *Переделано из* в отношении иностранцев

вича; пред M^{de} de Staël заставляем Милорадовича отличаться в мазурке. Русской барии кричит: Мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Всё это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я конечно презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне *слободу*, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, англ. журналы или парижские театры и <-------> — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно — услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница.

27 мая.

Прощай.

Думаю, что ты уже в П.<етер>Б.<урге>, и это письмо туда отправится. Грустно мне, что не прощусь с Карамзиными — бог знает, свидимся ли когда-нибудь. Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Незабавно умереть в Опоческом уезде.

Адрес: Кн. П. А. Вяземскому.

267. Анна Н. Вульф — Пушкину.

2 июня 1826 г. Малинники.

Enfin j'ai reçu hier votre lettre. Treuer me l'a apportée lui-même, et je n'ai pu m'empêcher de faire une exclamation en la voyant. Comment ne m'avez vous pas écrit si longtemps? Comme si vous ne pouviez pas le faire de Pskow? — Ce sont de mauvaises excuses que vous m'alléguez toujours. Tout ce que vous me dites d'Anrep me déplait souverainement et me blesse de deux manières, premièrement la supposition qu'il aie fait plus que me baiser la main m'offense de votre part — et le mot *c'est égal* est encore pire, il me blesse et me peine dans un autre sens — j'espère que vous avez assez d'esprit pour sentir que vous voulez dire par là, que cela vous [êtes] est indifférent à quoi nous en sommes avec lui. Ce n'est pas tendre, j'espère. Ce n'est pas par sa conduite avec moi seulement

que j'ai remarqué qu'il vous surpassait en témérité et impudence; mais par sa manière d'être avec tout le monde et sa conversation en général. Il n'y a donc pas d'espérance que Maman m'envoie chercher, c'est désolant! Над.<ежда> Гавр.<иловна> promet toujours à Maman de venir le mois prochain, mais on ne peut pas y compter, c'est elle qui gâte toute l'affaire. Sans cela M-me Treuer va venir ici dans deux semaines et j'aurais pu aller avec elle. Si Maman m'envoyait un équipage avec cette femme cela serait délicieux, et alors ce mois-ci j'aurais été à Trigorsk. — Je compte sur mon frère pour arranger cela; il ne faut que persuader à Maman que Н.<адежда> Гавр.<иловна> remettra toujours son voyage de mois en mois, и всё будет откладывать. Je crois qu'il doit déjà être à Trigorsk et je lui écrirai par rapport à cela. Toute cette incertitude me tourmente beaucoup — tout ce temps-ci j'ai été très malade et à présent je souffre beaucoup encore. Comme j'ai été étonnée de recevoir l'autre jour [de recevoir] un grand paquet de votre sœur, où elle m'écrivent ensemble avec A.<nnette> K.<ern>; elles sont enchantées l'une de l'autre. Léon m'écrit mille tendresses dans la même lettre et à mon grand étonnement j'y trouve aussi quelques lignes de Delvig qui m'ont fait beaucoup de plaisir. — Il me paraît cependant que vous êtes un peu jaloux de Léon. Il trouve [donc] qu' A.<nnette> K.<ern> est charmante malgré son gros ventre; — c'est l'expression de votre sœur. Vous savez qu'elle est restée à Péters.<bourg> pour faire ses couches et après elle se propose de venir ici. Vous voulez vous venger sur la femme de Léon de ses succès auprès de ma Cousine.— Cela ne prouve pas de l'indifférence pour elle de votre part [cependant].—Encore quelle imprudence de votre part de laisser traîner ma lettre et Maman a manqué de la voir!! Ah! quelle idée lumineuse que celle que je prenne des chevaux de poste et que je vienne seule; je voudrais voir l'accueil aimable que Maman me ferait — elle serait prête à ne pas me recevoir, l'effet serait trop grand. Dieu sait quand je vous reverrai encore — c'est terrible et cela me rend toute triste. Adieu, *ti* mando un baccio, mio amore, mio delizie.

Le 2 Juin.

Ecrivez-moi plus souvent de grâce, vos lettres sont ma seule consolation, je suis bien triste. Savez-vous, que je désire et je crains mon retour à Trigorsk. Mais j'aime mieux me quereller avec vous que de rester ici. Ces contrées sont très insipides et il faut convenir, parmis les *ulands* Anrep est ce qu'il y a de mieux et en général tout le régiment ne vaut pas grande chose et l'air d'ici ne m'est pas salutaire car je suis toujours malade. Dieu, quand vous reverrai-je?..

268. И. Е. Великопольскому.

3 июня 1826 г. Преображенское.

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвой, то унылой;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.

500 рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою
Сей час, мой друг, увидишь почему.

Сделайте одолжение, пять сот рублей, которые вы мне должны, возвратить не мне, но Гавриилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно,

Александра Пушкина.

3 июня
1826
Преображенское.

‹П. Н. Беклешов:› [1]

Скрепил Беклешов.

‹Ф. И. Цицианов:› [2]

Иван Ермолаевич! Мое почтение: я воспользовался этим случаем вам напомнить о верющем письме, которое вы намеревались [вам] мне прислать для взыска денег с Котко: если не пришлете к сроку, что мне делать? — отпишите и не забывайте

вашего покорного слугу
к.‹нязя› Фед. Цицианова.

269. П. А. Катенин — Пушкину.
6 июня 1826 г. Петербург.

Поклон твой Александре Михайловне отдан как следует, любезнейший Александр Сергеевич; она с охотою возьмется играть в твоей трагедии, но мы оба боимся, что почтенная дама цензура ее не пропустит, и оба желаем ошибиться. Ты хочешь при свидании здесь прочесть мне Годунова; это еще усиливает мое желание видеть тебя возвратившегося в столицу. До тех пор есть у меня к тебе новая просьба. Для бенефиса, следующего мне за Андромаху, нужна была маленькая комедия в заключение спектакля; я выбрал Minuit, и некто мой приятель Николай Иванович Бахтин взялся мне ее перевести; но вот горе: там есть романс или куплеты, и в роде не обыкновенном. Молодой Floridor (по-русски Владимир) случайно заперт в комнате своей кузины, молодой вдовы, ночью на новый год, и не теряет времени с нею; пока они разнеживаются, под окном дается серенада, в конце второго куплета бьет полночь, l'heure du berger; старики входят, застают молодых, и остается только послать за попом, ибо всё прочее готово. Французские куплеты дурны, но я

---

[1] *Вдоль стихов, слева.*

[2] *На обороте.*

прошу тебя мне сделать и подарить хорошие. Ты видишь по ходу сцены, что они должны означать, а на всё сладострастное ты собаку съел: сделай дружбу, не откажи. Музыку сделаем прекрасную, Кавос обещал мне давно, что он всегда готов к моим услугам. Пожалуйста, умница, не откажи; тебе же это дело легкое. Еще напоминаю тебе о том, что ты обещал для альманаха, в котором я, по дружбе к издателю и справедливому уважению к его уму, живое принимаю участие; пора уже ему устроивать материалы, а твоих он ждет, как лучшего украшения всей книги: пришли, коли можешь, и прикажи как за благо рассудишь, показывать ли их до времени, или держать про себя: всё будет исполнено. Ты спрашиваешь, кто именно одобрял Олина? Хуже вышло: его перевода читали тогда два действия, первое и последнее; взбешенный на неудачу, он жаловался и выхлопотал прочтение остальных трех; их читали вчера после его же Корсера (прозою из Бейрона); по настоянию его многие судьи на этот раз не приглашены, а новые, числом 15, пошли на голоса, и на вопрос: одобрена или нет? он имел 9 шаров белых и 6 черных; Лобанов отличался в пользу Олина, меня не было. Теперь вопрос: что будет делать дирекция, и не одурачилась ли она? — Мне почти совестно говорить об этих пустяках, когда важнейшее дело судится; но что о нем говорить? Надо молчать и ждать. Прощай, милый Александр Сергеевич, будь здоров, пиши и возвращайся. Весь твой

Павел Катенин.

Июня 6-го. 1826.

270. Николаю I.

11 мая—первая половина июня 1826 г. Михайловское—Псков.

Всемилостивейший государь!

В 1824 году, имев несчастие заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства.

Ныне с надеждой на великодушие Вашего императорского величества, с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом) решился я прибегнуть к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею моею просьбою.

Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподдан-

нейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие краи.

Всемилостивейший государь,
Вашего императорского величества
верноподданный
Александр Пушкин.

‹*На отдельном листе:*›

Я нижеподписавшийся обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

10-го класса Александр Пушкин.

11 мая
1826.

‹*Приложение:*›

№ 426

По предложению его превосходительства, господина Псковского гражданского губернатора и кавалера за № 5497, свидетельствован был во Псковской врачебной управе г. коллежской секретарь Александр Сергеев сын Пушкин. При сем оказалось, что он действительно имеет на нижних оконечностях, а в особенности на правой голени, повсеместное расширение кровевозвратных жил (Varicositas totius cruris dextri); от чего г. коллежской секретарь Пушкин затруднен в движении вообще. Во удостоверение сего и дано сие свидетельство из Псковской врачебной управы за надлежащим подписом и с приложением ее печати.

Июля 19-го дня 1826 года.
Инспектор врачебной управы
‹*Печать*› В. Всеволодов.

271. П. А. Вяземский и А. А. Дельвиг — Пушкину.
12 июня и вторая половина июня 1826 г. Петербург.

‹*П. А. Вяземский:*›

12-го июня.

Ты знаешь о печальной причине приезда моего в Петербург. Хотя ты и шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения ты оплакал его смерть сердцем и умом: ибо всякое доброе сердце, каждый русский ум сделали в нем потерю не возвратную, по крайней мере для нашего поколения. Говорят, что святое место пусто не будет, но его было истинно святое и истинно

на долго пустым останется. Завтра едем с Карамзиными в Ревель: не знаю, долго ли там останусь с ними, но буду тебе писать оттуда, а теперь писать нет ни времени, ни мысли, ни духа. — На твоем месте написал бы я письмо к государю искреннее, убедительное: сознался бы в шалостях языка и пера с указанием однакоже, что поступки твои не были сообщниками твоих слов, ибо ты остался цел и невредим в общую бурю; обещал бы держать впредь язык и перо на привязи, посвящая всё время свое на одни занятия, которые могут быть признаваемы (а пуще всего сдержал бы свое слово), и просил бы дозволения ехать лечиться в Петерб.‹ург›, Москву или чужие краи. Вот мой совет! — Обнимаю тебя.

‹*А. А. Дельвиг:*›

Третьего дни получил от Муханова это письмо и по первой почте тебе посылаю его, милый Пушкин. Что ж ты не присылаешь Цыган, мы бы издали их? Плетнев тебе кланяется, он живет теперь на Кушелевой даче, верст 7-мь от городу, и я довольно редко с ним видаюсь. Его здоровье очень плохо. Теперь кажется начало поправляться, но до сих пор мы думали и его проводить к отцу Ломоносову. Баратынский другим образом плох, женился и замолчал, вообрази, даже не уведомляет о своей свадьбе. Гнедичу лучше, он тоже живет на даче и тебе кланяется. В комнатах,[1] в которых он живет, жил в последнее время Батюшков. До сих пор видна его рука на окошках. Между прочим на одном им написано: Есть жизнь и за могилой! а на другом: Ombra adorata! Гнедич в восторге меланхолическом по целым часам смотрит на эти строки. — Вяз.‹емский› у меня был в проезд свой в Ревель. Он сказал мне, что он уверил В.‹асилия› Л.‹ьвовича›, что: Ах тетушка, ах Анна Львовна, написано мною, и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим. Отец твой ничего об этом не говорил и не говорит. Тебе напрасно его оклеветали. Из Онегина я взял то, что ты мне позволил, только у меня и переписано было, проч. у Вяземского. Что ты не издаешь его. Ежели тебе понадобятся деньги гуртом, продай его мне и второе издание твоих поэм. Только цензура пропустит их, деньги ты получишь. От Эды деньги скоро накопятся. Отдам их Плетневу или кому велишь. Прощай, душа[2] моя, будь здоров и вспоминай обо мне.

Весь твой *Д.*

272. П. А. Вяземскому.

10 июля 1826 г. Михайловское.

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многим причинам. Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною в такое время, когда К.‹арамзин› меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих

[1] *Переделано из* комнаты

[2] *Сперва было начато:* дру‹г›

пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? Во-вторых. Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый.... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Есть ли уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сей час в петлю.

Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Не уж то ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество в праве от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том Русской Истории; Карамзин принадлежит истории. Но скажи *всё*; для этого должно тебе иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре. — Я писал тебе в П.<етер>Б.<ург>, еще не зная о смерти К.<арамзина>. Получил ли ты это письмо? отпиши. Твой совет кажется мне хорош — я уже писал царю, тотчас по окончанию следствия, заключая прошение точно твоими словами. Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если б я был потребован коммисией, то я бы конечно оправдался, но меня оставили в покое, и кажется это не к добру. Впрочем, чорт знает. Прощай, пиши.

10 июля.

Что Катерина Андреевна?

Адрес: Князю П. А. Вяземскому.

273. П. А. Вяземский и О. С. Пушкина — Пушкину.
31 июля 1826 г. Ревель.

<П. А. Вяземский:>

31-го

МОРЕ

Как стаи гордых лебедей,
На синем море волны блещут,
Лобзаются, ныряют, плещут
По резвой прихоти своей.

Как упивается мой слух
Их говором необычайным,
Как сладко предается дух
Мечтам пленительным и тайным!

Так, древности постиг теперь
Я баснословную святыню:
О волны, красоты богиню
Я признаю за вашу дщерь!
Так, верю, родилась она
Из вашей колыбели зыбкой
И пробудила мир от сна
Своею свежею улыбкой.

Где ж, как не здесь, явилась ты,
Очаровательница мира!
В прохладе влажного сапфира,
В стихии светлой чистоты?
Нам чистым сердцем внушены
Прекрасных таинств откровенья:
Из лона чистой глубины
Ты родилась, краса творенья!

И в наши строгие лета,
Лета существенности лютой,
При вас одних хотя минутой
Вновь забывается мечта!
Не смели изменить века
Ваш образ светлый, вечно юный,
Ни смертных хищная рука,
Ни рока грозного перуны.

В вас нет следов житейских бурь,
Следов безумства и гордыни,
И вашей девственной святыни
Не опозорена лазурь.
Кровь братьев не дымится в ней!
На почве, смертным непослушной,
Нет мрачных знамений страстей,
Свирепых в злобе малодушной!

И если смертный возмутит
Ваш мир преступною отвагой,
Вы очистительною влагой
Спешите смыть мгновенный отыд.
Изверженный из чуждых недр,
След поглощаем шумной бездной:

Так пятна облачные ветр
Сметает гневно с сени звездной!

Людей и времени раба,
Земля состарелась в неволе;
Шутя, ее играют долей
Сыны, столетья и судьба!
Но вы всё те ж, что в первый день,
Как солнце первое в вас пало,
О вы, незыблемых небес
Ненарушимое зерцало!

Так и теперь моей мечте
Из лона зеркальной пустыни
Светлеет лик младой богини
В прозрачновлажной красоте.
Вокруг нее, как радуг блеск,
Вершины волн горят игривей,
И звучный ропот ⟨их⟩ и плеск
Еще душе красноречивей.

Над ней, как звезды, светят сны
Давно померкшие в тумане,
Которые так ярко ране
Горели в небе старины.
Сквозь[1] волн, цалующих ее,
Мне веют речи чудной девы:
В них слышно прежнее бытье,
Как лет младенческих напевы

Они чаруют и целят
Тоску сердечного недуга,
Как мировое слово друга,
Они волненье чувств мирят.
В невыразимости своей
Сколь выразителен сей лепет!
Как будит он в душе моей
Восторгов тихих сладкий трепет!

Как звучно льнет зефир к струнам,
Играя арфою воздушной,
Так и в душе моей послушной
Есть отзыв песням и мечтам.
Волшебно забывает ум
О настоящем, мысль гнетущем,

---

[1] *Зачеркнуто и восстановлено.*

31 57

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.
Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Еще! Каждый почти из [illegible] французских [illegible] души. Критику отложим до другова раза. Правда ли, что Николая Т. привезли на корабле в П. Б. Вот каково море наше хваленое! Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна. [illegible] Прощай, душа.

14 августа

Ты находишь письмо мое холодным и сухим. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернется бы.

39 35

Письмо П. А. Вяземскому, 14 августа 1826 г. (1-я страница).

Гос. Архив Феодально-Крепостнической эпохи, в Москве.

И в сладострастьи стройных дум
Я весь в протекшем, весь в грядущем!

Сюда, поэзии жрецы!
Сюда, существенности жертвы!
Еще здесь светит пламень мертвый,
Еще здесь живы мертвецы.
Поэзия про вас хранит
Свои преданья и поверья,
И здесь, где моря вал шумит,
Святыни светлые предверья!

Вот тебе, моему барину на Парнассе, мой смиренный ревельский оброк. Вторый год кланяюсь тебе водою. Ты скажешь, qu'il faut avoir le diable au corps pour faire des vers par le temps qui court. Это и правда! Но я пою или визжу с горяча, потому что на сердце тоска и смерть, частное и общее горе. Что ты поделываешь? Что твой аневризм и твоя трагедия? Твой Опочек и твой Евгений? Желаю тебе скорее и благополучно разделаться с ними со всеми. Получил ли ты мое письмо через Дельвига, писанное на кануне отъезда в Ревель, и сделал ли по моему совету? Я видел твое письмо в Петербурге: оно показалось мне сухо, холодно и не довольно убедительно. На твоем месте написал бы я другое и отправил в Москву. Ты имеешь права не сомнительные на внимание, ибо остался неприкосновен в общей буре, но должен также и на будущее время дать поручительство в законности жития своего, то есть обещание, что будешь писать единственно для печати — и разумеется, дав честное слово, хранить его ненарушимо. Другого для тебя спасения не вижу.— Сестра твоя сказывала, что ты хотел прислать мне извлечения из записок своих относительно до Карамзина. Жду их с нетерпением. Сказывала она также, что Дельвиг имеет ко мне письмо от тебя. Боюсь только, чтобы он не проспал его. Ты советуешь писать мне о Карамзине: рано! Журнальную статью, так! Но в этом случае: поздно! Карамзин со временем может служить центром записок современных в роде записок Garat, но гораздо с бо́льшим правом, чем Suard. Всё русское просвещение начинается, вертится и сосредоточивается в Карамзине. Он лучший наш представитель на сейме европейском.[1] Ты часто хотел писать прозою: вот прекрасный предмет! Напиши взгляд на заслуги Карамзина и характер его гражданский, авторский и частный. Тут будет место и воспоминаниям твоим о нем. Можешь издать их в виде отрывка из твоих записок.— Вчера получили мы письмо от Жуковского из Эмса: теперь он должен быть в Эгре, хвалится поправлением своего здоровия и надеется на совершенное возобновление сил. Александр Тургенев ускакал в Дрезден к брату своему Сергею, который сильно и опасно занемог от беспокойствия по брате Николае. Несчастные! — Вероятно, пробуду здесь до 20-го августа, а там поеду через Петербург, где остановлюсь только дня на три, в Остафьево к жене. Ты еще успеешь написать мне сюда; во всяком случае перешли письмо

---

[1] *Сперва было начато:* на сейме че<ловечества>

через сестру, которая доставит мне его здесь или в Москву. Обнимаю тебя от всего сердца.

Пришли каких-нибудь свеженьких стихов. Покажи свою трагедию: она из рук моих не выдет. Я ни одного стиха твоего не распустил: мне доверить можно.

31-го августа.[1]

<О. С. Пушкина:>

Wiasemsky est impatientant avec son grimoire, il m'a envoyé cette lettre décachetée m'ayant donné comme de raison pleine liberté de la lire mais je veux mourir si j'ai pu aller au delà du 4-me couplet. Ce qui me contrarie à l'infini — pourtant je l'aime presque à l'adoration, ce prince W.<iasemsky>. Hier Léon m'a envoyé votre lettre pour moi et il n'est pas question de la lettre que je devais recevoir par Delvig — Wias.<emsky> prétend qu'elle lui fut rendue encore à Péters.<bourg> mais je crois qu'il ne sait ce qu'il dit. Pour revenir à Réval, je vous dirai que je suis toute contente de m'y trouver. Les bains de mer, la liberté que j'ai de me promener seule, de voir des personnes qui paraissent entièrement étrangères à tout ce qui se presse à Pétersbourg et qui ressemblent si peu à mes chers compatriotes, tout me fait croire quelque fois que je me trouve à 35 mille lieues de ma chère patrie et me donne des moments de bonheur. Mais en voilà assez sur cet article, il commence à m'attrister. Грустно мне, что я еще только в Ревеле, 300 верст от Петербурга. Si vous saviez comme je désire aller outre mer, vous en auriez pitié. Adieu! J'espère que nous nous reverrons bientôt. Portez-vous bien, ménagez-vous au nom de dieu.

Si Annette Woulf est de retour, engagez-la de m'écrire. Sait-elle que je suis si fort l'amie de sa cousine Kern, que j'ai tenu sur les fonts son enfant auquel elle a donné mon nom. J'ose me flatter que cela me vaudra un petit retour de tendresse.

Поцелуй няню. *Olga P.*

Карамзины тебе кланяются, они очень все милы. La maman ne m'a jamais paru aussi intéressante et je l'ai pourtant toujours aimée.

274. П. А. Вяземскому.

14 августа 1826 г. Михайловское.

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.
Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

---

[1] *Описка, вместо* июля

Сердечно благодарю тебя за стихи. Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души. Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Т.<ургенева> привезли[1] на корабле в П.<етер>Б.<ург>? Вот каково море наше хваленое! Еще таки я всё надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна. Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое холодным и сухим. [Ему] Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

Адрес: Барону Антону Антоновичу
Дельвигу.
в С.-Петербург.
На Б. Милльонной в доме г-жи Эвелинг.
Пр.<ошу> дост.<авить> *князю П. А.*
Вяземскому.

275. Н. М. Языков — Пушкину.

19 августа 1826 г. Дерпт.

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую
Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных Муз, —
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного! забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,

[1] *Переделано из* привез

Когда могущественный ром,
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем, —
Лился в стаканы-исполины? —
И мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе —
И славой прадедов горжусь?
Мне утешительно доселе,
Мне весело воспоминать —
Сию Поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
Теперь, — когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды,
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготовляет торжества
На светлый день царевенчанья, —
С челом возвышенным стою,
Перед скрижалью вдохновений,*
И вольность наших наслаждений
И берег Сороти пою.

Н. Языков.

1826. Дерпт
Августа 19.

Таково, с моей стороны, начало нашей переписки! Ради бога, в вас живущего, поддержите ее; а я верно буду постоянно ревностен в деле, которым могу гордиться. У меня есть еще другая до вас прозьба; вот она: один мой приятель, увлеченный духом времени, собирается издать на будущий год альманах; в следствие сего намерения человека *добросовестного* и литтератора, и в следствие надежды на вашу ко мне благосклонность — и прошу и молю вас не отказаться способствовать — и сему богоугодному предприятию. Аполог:

Удел гения.

Змея увидела подснежник, ранний цвет,
И ядом облила прелестное растенье.
Так Гений — наглости завистника предмет —
Страдает без вины и терпит угнетенье.

Хорош ли? Прощайте покуда. Засвидетельствуйте мои почтения и поклоны Прасковье Александровне и всему миру, в котором я был вполне счастлив.

Prope et longe tuus Н. Языков.

---

* Аспидная доска, на которой стихи пишу.

276. Б. А. фон-Адеркас — Пушкину.
3 сентября 1826 г. Псков.

Милостивый государь мой Александр Сергеевич!

Сей час получил я прямо из Москвы с нарочным фельдъегерем высочайшее разрешение по всеподданнейшему прошению вашему, — с коего копию при сем прилагаю. — Я не отправляю к вам фельдъегера, который остается здесь до прибытия вашего, прошу вас поспешить приехать сюда и прибыть ко мне.

С совершенным почтением и преданностию пребыть честь имею:

Милостивого государя моего

покорнейший слуга
Борис фон-Адеркас.

3-го сентября 1826.
Псков.

‹Приложение:›

Главный штаб
его императорского
величества.
По канцелярии
дежурного генерала.
В Москве.
31-го Августа 1826.
№ 1432.

Копия

Секретно.

Господину Псковскому гражданскому губернатору.

По высочайшему государя императора повелению, последовавшему по всеподданнейшей просьбе, прошу покорнейше ваше превосходительство: находящемуся во вверенной вам губернии чиновнику 10-го класса Александру Пушкину позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочным фельдъегерем. Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу Главного штаба его величества.

(Подписал:) Начальник Главного штаба Дибич

Верно: Гражданской губернатор
Б. ф.‹он› Адеркас

277. П. А. Осиповой.

4 сентября 1826 г. Псков.

Je suppose, Madame, que mon brusque départ avec un Фельд-Егерь vous a surpris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un Фельд-Егерь; on m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très aimable du baron Дибич il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant; dès que je serai libre je reviens en toute hâte à Trigorsky où désormais mon cœur est fixé pour toujours.

Pskov. 4 Sept.

278. Анна Н. Вульф — Пушкину.

11 сентября 1826 г. Петербург.

Que vous dirais-je et comment commencerais-je ma lettre? — Cependant je sens un besoin de vous écrire qui ne me permet d'écouter ni réflexion, ni raison. Je suis comme une autre par la nouvelle que j'ai appris hier de votre dénonciation. Dieu du Ciel, que vous arrivera-t-il donc? Ha! Si je pouvais vous sauver au risque de mes jours avec quel plaisir je les aurais sacrifiés [pour vous] et pour toute grâce j'aurais demandé au Ciel de vous revoir un moment avant de mourir. Vous ne sauriez vous imaginer dans quelles angoisses je suis — l'incertitude où je suis sur votre compte est horrible—jamais je n'ai souffert ainsi moralement—et jugez, je dois partir dans deux jours sans avoir rien appris de certain sur votre compte. Non je n'ai rien senti de si affreux dans ma vie — et je ne sais comment je n'en perds pas l'esprit. Moi qui comptais vous revoir enfin ces jours-ci! Jugez [comme] quel coup inattendu a dû être pour moi la nouvelle de votre départ pour Moscou. Mais cette lettre vous parviendra-t-elle et où vous trouvera-t-elle? — voilà des questions auxquelles personne ne peut [vous] répondre. Vous trouverez peut-être que je fais bien mal de vous écrire, et je le trouve aussi, mais cependant je ne puis me priver de cette seule consolation qui me reste. C'est par Вяземский que je vous écris; il ne sait pas de qui est la lettre, il a promis de la brûler s'il ne peut vous la remettre. Vous fera-t-elle encore plaisir? — vous avez peut-être bien changé depuis quelques mois — elle peut même vous paraître déplacée — cette idée, je l'avoue, est affreuse pour moi, mais en ce moment je ne puis songer à rien qu'au danger où vous êtes, et je passe par-dessus toute autre considération. S'il vous est possible, au nom du Ciel, répondez moi un mot. Delvig se proposait de vous écrire avec moi une longue lettre où il vous priait d'être circonspect!! — Je crains bien que vous ne l'ayez pas été. — Dieu, avec quelle joie j'aurais appris que vous êtes pardonné, dussai-je ne vous revoir jamais, quoique cette condition serait pour moi affreuse comme la mort. Vous ne direz pas cette fois que cette lettre est spirituelle, elle n'a pas le sens commun et cependant je vous l'envoie telle qu'elle est. Quel malheur vraiment que de donner dans les каторжник. Adieu, quel bonheur

si tout finissait bien, autrement je ne sais ce que je deviendrai. Je me suis bien compromise hier en apprenant l'affreuse nouvelle, et quelques heures avant j'ai été au théâtre à lorgner le P.‹rince› Viazemsky pour pouvoir vous en parler en revenant! J'aurais eu beaucoup à vous dire, mais aujourd'hui je dis toujours [p‹eu›] trop ou trop peu et je crois que je finirai par déchirer ma lettre.

le 11 septembre.

Ma cousine A[nnette] K[ern] prend le plus vif intérêt à votre sort, nous ne parlons que de vous, elle seule me comprend et ce n'est qu'avec elle que je pleure. C'est si difficile pour moi de feindre et je dois paraître gaie quand mon âme est déchirée. Netty [aussi] est très touchée de votre sort. Que le Ciel veille sur vous et vous protège. — Imaginez-vous ce que j'éprouverai en arrivant à Trigorsk. Quel vide — et quel tourment — tout vous rappellera à mon souvenir. — C'est avec un sentiment bien différent que j'ai cru approcher ces lieux, que Trigorsk m'était devenu cher — je croyais y retrouver l'existence, comme je brûlais d'y retourner et maintenant je n'y retrouverai qu'un souvenir déchirant. Pourquoi l'ai-je quitté, hélas! Mais je vous parle de mes sentiments avec trop d'abandon. Il est temps de finir. Adieu, conservez-moi quelque affection, celle que je vous porte le mérite. Dieu, si je vous revoyais content et heureux.

279. А. А. Дельвиг — Пушкину.
15 сентября 1826 г. Петербург.

Поздравляем тебя, милый Пушкин с переменой судьбы твоей. У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развез прекрасную новость по всему Петербургу. Плетнев, Козлов, Гнедич, Слёнин, Керн, Анна Николавна все прыгают и поздравляют тебя. Как счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особливо мать, она на верьху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастия упорным молчанием. Ты напишешь им. Они доказали тебе любовь свою. — Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою. Что касается до Осиповой, она меня испугала отчаянным письмом. Обними Баратынского и Вяземского и подумайте братцы об моих Цветах. Не осрамите моих седин перед Федоровым. За канцелярские услуги А. И. Тургенев наградил его статьями Карамзина и Батюшкова! Каково это! Уродливый боец выступит в состязание с заслуженным атлетом и победит его. Ради бога, собирая фимиам себе, вербуй хорошенькие пьески мне, а более всего своего, Вяземского и Евгения. Тебе и Дмитриев не откажет, хотя бы страничку из его журнала. Надеюсь на тебя, как на каменную стену. Да пиши ко мне подробнее обо всем, а поласковее к отцу, матери, роду-племени. Пиши скорее к нам; уведомь, куда посылать к тебе деньги и письма и сколько ты останешься в Москве. Прощай, радость моя, оканчиваю письмо это, чтобы приняться утешать и обрадовать Прасковью Александровну. —

Жена моя тебе кланяется очень. Между тем позволь мне завладеть стихами к Анне Петровне. Еще прощай! Guten Tag!

Твой

Дельвиг.

280. П. А. Осиповой.

16 сентября 1826 г. Москва.

Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le temps de vous écrire, cela vous prouve, Madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable. Moscou est bruyant et dans les fêtes, à tel point que j'en suis déjà fatigué et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est à dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines. — Aujourd'hui, 15[1] Sept. nous avons la grande fête[2] populaire; il y aura trois verstes de tables dressées au Девичье поле; les pâtés ont été fournis à la сажень comme si c'était du bois; comme il y a quelques semaines que ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digérer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter; voici la nouvelle du jour. Demain il y a bal chez la Ctesse Orlof; un immense manège a été converti en salle; elle en ‹a› emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglements, très sévères, concernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire. — Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie actuelle. Je suppose que M-lles Annettes sont déjà à Trigorsky. Je les salue de loin et de tout mon cœur, ainsi que toute votre charmante famille. — Agréez, Madame, l'assurance de mon profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie.

Pouchkine.

Moscou.
15 Sept.[3]

281. Анна Н. Вульф с припиской А. П. Керн — Пушкину

16 сентября 1826 г. Петербург.

Pétersbourg le 16 septembre.

Je suis assez peu égoiste pour me réjouir de votre libération et vous en féliciter bien vivement quoiqu'un soupir m'échappe en vous l'écrivant, et qu'au fond du cœur j'aurais donné beaucoup pour que vous fussiez encore à Михайловское, [et] tous mes efforts de générosité ne peuvent étouffer le sentiment de peine que

[1] *Переделано из* 14

[2] *Переделано из* faite

[3] *Пушкин дважды ошибся в датировке: письмо написано 16 сентября.*

j'éprouve en songeant que je ne vous retrouverai plus à Trigorsk où ma mauvaise étoile me rappelle en ce moment, que n'aurais-je donné pour ne l'avoir pas quitté du tout et ne pas y retourner maintenant. — Je vous ai écrit une longue lettre avec le Prince Wias<emsky> — je voudrais que vous ne l'ayez pas reçue, j'étais alors au désespoir de vous savoir pris et je ne sais quelles imprudences je n'aurai pas faites. J'ai vu le Prince au théâtre et je n'ai fait que le lorgner pendant tout le spectacle, j'espérais alors vous en parler!! — J'ai été enchantée de revoir votre sœur — elle est délicieuse — savez-vous, je trouve qu'elle vous ressemble beaucoup. Je ne sais comment je n'ai pas fait cette observation avant. Dites-moi, je vous prie, pourquoi avez-vous cessé de m'écrire — est-ce par indifférence ou oubli. *Vilain* que vous êtes. Vous ne méritez pas qu'on vous aime, j'ai bien des comptes à régler avec vous — mais le chagrin que j'ai de ne plus vous revoir me fait tout oublier. Бедному богд.<ыхану><?> сколько хлопот я думаю в Москве — я ду-<маю>[1] он устанет внимать <ги>мну<?>[1] беспрестанно. — A. Kern вам велит сказать, что она бескорыстно радуется вашему благополучию <*Приписано рукою А. П. Керн:*> и *любит искренно без затей.* <*Анна Н. Вульф:*> Adieu mes délices passées et uniques. Jamais de la vie personne ne me fera éprouver les émotions et sensations que j'ai ressenties près de vous. Ma lettre vous prouve la confiance que j'ai en vous. — J'espère donc que vous ne me compromettrez pas et que vous déchirerez ma lettre, en aurai-je une réponse? —

Адрес: A Monsieur
Alexandre P —
Frère postiche pour ne pas scandaliser le monde.

282. В. В. Измайлов — Пушкину.

29 сентября 1826 г. Подмосковная.

Милостивый государь
Александр Сергеевич,

Простите ли смелость мою? Едва сведал я о вашем приезде в Москву, и повторяю мою нескромную просьбу, и с жадным нетерпением приступаю к вам, занятым трудами славы, чтобы вы из сожаления отбросили хотя один из лучей ее на темный труд мой в литературе, об котором я писал к вам. В сем дерзком требовании ваших стихов в подарок мне и читателям моего альманаха на новый год вините не меня, но ваши таланты. Слава, какую вы имеете, едва ли приобретается не на условии терпеть скуку от журналистов и нас, их собратий, обступающих великого поэта, как неутомимые пчелы осаждают роскошнейшие цветы в природе.

Как мне прискорбно, что я не могу за слабостию здоровья моего вас видеть и слышать, вам лично удивляться и следовать за вашим торжеством в столице. Завидую Москве. Она короновала императора, теперь коронует поэта..... Извините: я забываюсь. Пушкин достоин триумфов Петрарки и Тасса, но москвитяне не римляне, и Кремль не Капитолий.

[1] *Край листка оторван.*

Позвольте мне, без условных форм светской учтивости, но с душевным истинным к вам уважением именоваться,

милостивый государь,

вашим усердным почитателем

Владимир Измайлов.

1826

Сентября 29 дня

Подмосковная.

Адрес: В Москву.

Его благородию,

милостивому государю,

Александру Сергеевичу

Пушкину.

283. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

30 сентября 1826 г. Москва.

Милостивый государь

Александр Сергеевич!

Я ожидал прихода вашего, чтоб объявить высочайшую волю по просьбе вашей, но отправляясь теперь в С. Петербург и не надеясь видеть здесь, честь имею уведомить, что государь император не только не запрещает приезда вам в столицу, но предоставляет совершенно на вашу волю с тем только, чтобы предварительно испрашивали разрешения чрез письмо.

Его величество совершенно остается уверенным, что вы употребите отличные способности ваши на передание потомству славы нашего Отечества, передав вместе бессмертию имя ваше. В сей уверенности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества. Вы можете употребить весь досуг, вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить ваши мысли и соображения; и предмет сей должен представить вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания.

Сочинений ваших никто рассматривать не будет; на них нет никакой ценсуры: государь император сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором.

Объявляя вам сию монаршую волю, честь имею присовокупить, что как сочинения ваши, так и письма можете для представления его величеству доставлять ко мне; но впрочем от вас зависит и прямо адресовать на высочайшее имя.

Примите при сем уверение в истинном почтении и преданности, с которыми честь имею быть

ваш покорный слуга

А. Бенкендорф.

№ 205.

30-го сентября 1826

Москва.

Его благород.<ию> А. С.

Пушкину.

284. В. В. Измайлову.

9 октября 1826 г. Москва.

Милостивый государь
Владимир Васильевич,

Извините, что до сих пор я не мог отвечать вам; разные обстоятельства, печальные и хлопотливые, мне помешали.

Радуюсь, что могу чем-нибудь угодить первому почтенному покровителю моей Музы. Я непременно доставлю Василью Львовичу стихи для Вашего альманаха.

Уезжаю из Москвы с искренним сожалением, что не имел случая возобновить нашего заочного знакомства.

Примите искренние уверения в глубочайшем почтении и сердечной моей преданности.

А. Пушкин.

9 октября
1826.
Москва.

Адрес: Владимиру Васильевичу Измайлову.

285. З. А. Волконская — Пушкину.

29 октября 1826 г. Москва.

Moscou. Ce 29 Octobre
1826.

Il y a plusieurs jours que j'ai mis de côté pour vous ces deux lignes, cher Monsieur Pouschkin. Mais j'ai oublié de vous les remettre; c'est que quand je vous vois, je deviens *marâtre*. Jeanne a été faite pour mon théâtre, j'ai joué ce rôle et voulant en faire un opéra, j'ai dû finir au milieu de la pièce de Schiller. Vous aurez une lithographie de ma tête en Giovanna d'Arco, d'après Bruni, vous la mettrez sur la première page, et vous vous souviendrez de moi. Revenez-nous. L'air de Moscou est plus léger. Un grand poëte russe doit écrire ou dans les stepes ou à l'ombre du Kremlin, et l'auteur de Boris Godounoff appartient à la cité des Czars. — Quelle est la mère qui a conçu l'homme dont le génie est toute force, toute grâce, tout abandon; qui tantôt sauvage, tantôt Européen; tantôt Schakespaer et Byron, tantôt Arioste, Anackréon, mais toujours Russe, passe du lyrique au dramatique, des chants doux, amoureux, simples, parfois rudes, Romantiques ou mordants au ton grave et naïf de la sévère histoire.

Au revoir tantôt j'espère.

Pssе Zénéïde Volkonsky.

286. Н. С. Алексеев — Пушкину.
30 октября 1826 г. Кишинев.

Во время, когда я думал писать к тебе посторонними путями, любезный Пушкин, через посредство Крупенской, которая бралась доставить письмо к сестре своей Пещуровой, как узнаю, что ты в Москве. Радость овладела мной до такой степени, что я не в состоянии изъяснить тебе и предоставляю судить тебе самому, если разлука не уменьшила доверенности твоей к моей дружбе.— С какою завистью воображаю я московских моих знакомых, имеющих случай часто тебя видеть; с каким удовольствием хотел бы я быть на их месте и с какою гордостью сказал бы им: мы некогда жили вместе; часто одно думали, одно делали и почти — одно любили; иногда ссорились, но расстались друзьями, или по крайней мере, я так льстил себе. Как бы желал я позавтракать с тобою в одной из московских рестораций и за стаканом Бургонского пройти трехлетнюю кишеневскую жизнь, весьма занимательную для нас разными происшествиями. Я имел многих приятелей, но в обществе с тобою я себя лучше чувствовал, и мы кажется оба понимали друг друга; несмотря на названии: *лукавого соперника* и *черного друга* я могу сказать, что мы были друзья-соперники, — и жили приятно!

Теперь сцена кишеневская опустела, и я остался один на месте, чтоб, как очевидный свидетель всего былого, мог со временем передать потомству и мысли и дела наши. Всё переменилось здесь со времени нашей разлуки: *Сандулаки* вышла замуж; *Соловкина* умерла; *Пулхерия* состарилась и в бедности; *Калипсо* в чахотке; одна *Еврейка* осталась на своем месте; — но *прежних дней уж не дождусь: их нет, как нет!* Как часто по осушонным берегам Быка, хожу я *грустный* и *туманный* и проч.: вспоминая милого товарища, который умел вместе и сердить и смешить меня. Самая Madame *Вольф* сильно действует на [меня] мое расположение, — и если ты еще не забыл этот предмет, то легко поймешь меня.....!

Место Катакази занял *Тимковской*, ты его верно знаешь: он один своим умом и любезностью услаждает скуку. Ты может быть захочешь узнать, почему я живу здесь так долго, но я ничего тебе сказать не в состоянии; какая-то тягостная лень душою овладела! счастие по службе ко мне было постоянно: за все поручении, мною выполненные с усердием, полу-милорд наградил меня благодарностью и несколько раз пожатием руки; чины же и кресты зависели от окружающих, коих нужно было просить, а я сохранил свою гордость и не подвинулся ни на шаг. — Теперь его чорт взял, он отправился в Англию, но я ожидаю способов возвратиться в Москву белокаменную и соединиться с друзьями, но:

„Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!“

Меж тем я уверен, что ты меня вспомнишь: удостоенный некогда целого послания от тебя, я вправе надеяться получить несколько строк, а также, если можно, и чего-нибудь нового из твоего произведения. Я имел первую часть *Онегина*, но ее кто-то зачитал у меня; о второй слышал и жажду ее прочесть.— Если вздумаешь писать ко мне, то надписывай прямо в Кишенев, а всего

лутче пошли в дом Киселевых, кои ко мне доставят и таким образом будут нашим почт-амтом. —

Я часто говорю о тебе с Яковом Сабуровым, который вместе со мною в комиссии по делам Варфоломея, — он тебя очень любит и помнит. —

Липранди тебе кланяется, живет по прежнему здесь довольно открыто и, как другой Калиостро, бог знает, откуда берет деньги. —

Прости, с нетерпением ожидаю удостоверения, что в твоей памяти живет еще

Алексеев.

30 октября.

287. В. А. Муханову.

9 сентября—октябрь 1826 г. Москва.

Bonjour; venez chez moi demain soir à 8 h. — Nous lirons Годунов.

288. В. А. Муханову.

9 сентября—1 ноября 1826 г. Москва.

Будь у меня вечером и привези [Му] Хомяковых.

А. П.

Адрес: Муханову.

289. В. П. Зубкову (?).

1—2 ноября 1826 г. (?) Москва.

J'espérais vous voir et vous parler encore avant mon départ, mais mon mauvais sort me poursuit dans tout ce que je veux. Adieu donc, cher ami — je vais m'enterrer à la campagne jusqu'au premier janvier — je pars la mort dans le cœur.

290. В. Ф. Вяземской.

3 ноября 1826 г. Торжок.

Je m'empresse, Madame la princesse, de vous envoyer les ceintures. Vous voyez que j'ai une belle occasion de vous faire un madrigal à propos de la ceinture de Vénus etc. — mais le madrigal et le sentiment sont devenus également ridicules. Que vous dirai-je de mon voyage? il continue sous les plus heureux auspices — sauf un chemin détestable et des ямщик insupportables. Les cahots, les coups de coudes etc. incommodent beaucoup mes deux compagn‹ons› de voyage — je leur demande pardon de la liberté grande, mais quand on fait tant que d'aller ensemble, il faut bien se passer quelques choses. S. P.* est mon bon ange; mais *l'autre*

* Ce n'est pas Serge Pouch‹kine› bien entendu.

est mon démon; cela me trouble dans mes méditations poëtiques et amoureuses le plus mal à propos du monde.

Adieu, madame la Princesse, — je m'en vais m'enterrer au milieu de mes voisins. Priez Dieu pour le repos de mon âme. Si vous daignez m'envoyer à Опочка une petite lettre de 4 pages, cela serait de votre part une coquetterie tout à fait aimable. Vous qui savez [mieux] tourner un billet mieux que feue ma tante, n'aurez-vous pas cette extrême bonté? (NB. *billet* est désormais[1] synonyme de *musique*). Adieu donc. Je suis à vos pieds et vous secoue la main à l'Anglaise, puisqu'à toute force vous ne voulez pas que je vous la baise.

Torjok 3 Nov.

Y a-t-il assez de sous-œuvres. Au nom de Dieu n'en donnez pas la clef à M. votre époux. Je m'y oppose formellement.

Адрес: Ее сиятельству
княгине Вере Федоровне
Вяземской —
в Москве.
В Чернышевском переулке
в собств. доме.

291. С. А. Соболевскому.

9 ноября 1826 г. Михайловское.

9 ноябр.

Мой милый Соболевский — я снова в моей избе. 8 дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно; но в доказательства дружбы (сего священного чувства) посылаю тебе мой Itinéraire от Москвы до Новагорода. Это будет для тебя Инструкция. Во-первых запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом

На голос: *Жил да был петух индейской*

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони
Да яишницу свари.

---

[1] desormais *вписано.*

*

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (имянно котлет)
И отправься на легке.

*

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок!

*

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели, —
Влей в уху стакан Шабли.

*

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусок.

Яжельбицы — первая[1] станция после Валдая. — В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю[2] накупи баранок
И скорее поезжай.

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие. Прощай, пиши.

Адрес: Сергею Александровичу
Соболевскому.
В Москве, на Молчановке в доме Ренкевичевой.

---

[1] первая *вписано.*
[2] К чаю *вписано.*

292. П. А. Вяземскому.

9 ноября 1826 г. Михайловское.

Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пасажей; самый неприятный анекдот было — то, что сломались у меня колесы, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским. Деревня мне пришла как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни — ей богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы вероятно сочиненной при ц.‹аре› Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом. Получила ли княгиня поясы и письмо мое из Торжка? Долго здесь не останусь, в П.‹етер›Б.‹ург› не поеду; буду у вас к 1-му.... она велела! Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но всё-таки лучше с вами видеться — чем переписываться. К тому же журнал... Я ничего не говорил тебе о твоем решительном намерении соединиться с Полевым, а ей богу — грустно. Итак никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! всё в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал,[1] всё равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтоб переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вот за чем и издатель существует; но он должен 1) знать грамматику русскую 2) писать со смыслом: т. е. согласовать существ. с прилаг. и связывать[2] их глаголом. — А этого-то Полевой и не умеет. Ради Христа, прочти первый параграф его известия о смерти Румянцова и Растопчина. И согласись со мной, что ему невозможно доверить издания журнала, освященного нашими имянами. Впрочем ничего не ушло. Может

---

[1] *Переделано из* журнала

[2] *Переделано из* связать

быть, не Погодин, а я — буду хозяин нового журнала. Тогда, как ты хочешь, а уж Полевого ты пошлешь к матери в гузно. Прощай князь Вертопрахин, кланяйся княгине Ветроне, которая надеюсь выздоровила. Что наши? Что Запретная Роза? что Тимашева? как жаль, что я не успел с нею завести благородную интригу! но и это не ушло.

9 ноября.

Сей час перечел мои листы о Карамзине — нечего печатать. Соберись с духом и пиши. Что ты сделал для Дмитриева (которого NB ты один еще[1] поддерживаешь), то мы требуем от тебя для тени Карамзина — не Дмитриеву чета. — Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидывать, так вот кому я должен бы[2] завидывать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет. — Ах! каламбур! Скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы.

293. Н. М. Языкову.

9 ноября 1826 г. Михайловское.

Милый Николай Михайлович — сей час из Москвы, сей час видел *ваше* Тригорское — спешу обнять и поздравить вас. Вы ничего лучше не написали, но напишите — много лучшего. Дай бог вам здоровия, осторожности, благоденственного и мирного жития! Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода конечно необъятная. Таким образом Годунова тиснем. О ценз.<урном> уставе речь впереди. Пишите мне. Обнимаю Вас и Вульфа.

Получили ли Вы мои стихи? У меня их нет. Пришлите мне их, да к стати и первое послание.

О Москве напишу Вам много.

---

[1] *Вместо* еще *сперва было начато:* п<оддерживаешь>

[2] *Переделано из* был

294. М. П. Погодин — Пушкину.

15 ноября 1826 г. Москва.

Позволение издавать журнал получено. Подписка открыта. Отрывок из Годунова отправлен в с.-петерб.‹ургскую› цензуру; но его, может быть, не пропустят (два года тому назад запрещено было помещать отрывки из пиес в журналах), а первый № непременно должен осветить вами: пришлите что-нибудь поскорее на такой случай. Еще — журналист ожидает обещанной инструкции.

295. В. Ф. и П. А. Вяземские — Пушкину.

19 ноября 1826 г. Москва.

‹*В. Ф. Вяземская:*›

Je présume que voici une lettre qui vous occupera beaucoup, ce dont ma faiblesse et ma paresse [mettront à] vont profiter, en ne vous disant que quelques mots. D'abord, êtes-vous fou, comment convertir si facilement vos belles rimes et dépenser son or si gratuitement; la quantité des ceintures m'a indignée, il n'y a que la qualité qui puisse vous faire pardonner, elles sont toutes charmantes. Le bon ange et le démon vous tiennent-ils encore compagnie, je crois que vous les avez renvoyés depuis longtemps. A propos vous [la] avez si souvent changé d'*objet*, que je ne sais plus qui est *l'autre*. Mon mari m'assure que *j'espère* que c'est *moi*. Que le Ciel nous[1] en préserve tous deux, d'abord je ne veux point voyager avec vous,[2] je suis trop faible et trop vieille pour courir les grands chemins; dans toute la force du terme, je serai devenue votre mauvais ange, mais je prétends à de l'amitié de votre part, il paraît que vous avez secoué ce joug, auquel il vous faut absolument être soumis pour entendre quelques vérités sans vous révolter. Ainsi adieu donc, mon grave ami, faites nous part de vos projets.

‹*П. А. Вяземский:*›

Как доехал? Что няня? Что любовь? Когда возвратишься? Пишешь ли? Вдался ли в запой стихов, или не можешь еще справиться с московского похмелья? Здесь всё по-старому; один только З‹а›вальевский не пишет и не поет, а растянувшись лежит больной. Кривцов проездом в свой новый пашалык живет с нами, жалеет, что тебя уже не застал и дружески обнимает. А. Тургенев и Жуковский просят из Дрездена посылать им с каждою почтою по несколько стихов из Годунова. Пишу им, что твой Борис не французский рагу, что можно подавать в разбивную, а добрая штука мяса английского, которую должно подать за стол целиком.

Прощай, батюшка. Не заживайся, а приезжай, или в Питер, или в Белокаменную.

19-го ноября.

---

[1] *Переделано из* vous

[2] avec vous *вписано.*

296. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

22 ноября 1826 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

При отъезде моем из Москвы, не имея времени лично с вами переговорить, обратился я к вам письменно с объявлением высочайшего соизволения, дабы вы, в случае каких-либо новых литературных произведений ваших, до напечатания или распространения оных в рукописях, представляли бы предварительно о рассмотрении оных, или через посредство мое, или даже и прямо, его императорскому величеству.

Не имея от вас извещения о получении сего моего отзыва, я должен однакоже заключить, что оный к вам дошел; ибо вы сообщали о содержании оного некоторым особам.

Ныне доходят до меня сведения, что вы изволили читать в некоторых обществах сочиненную вами вновь трагедию.

Сие меня побуждает вас покорнейше просить об уведомлении меня, справедливо ли таковое известие, или нет. Я уверен, впрочем, что вы слишком благомыслящи, чтобы[1] не чувствовать в полной мере столь великодушного к вам монаршего снисхождения и не стремиться учинить себя достойным оного.

С совершенным почтением имею честь быть

ваш
покорный слуга
А. Бенкендорф.

№ 111.
22-го ноября 1826.
Его высокобл‹агороди›ю А. С.
Пушкину.

297. М. П. Погодину.

29 ноября 1826 г. Псков.

Милый и почтенный, ради бога, как можно скорее остановите в моск.‹овской› цензуре[2] всё, что носит мое имя — *такова воля высшего начальства*; покаместь не могу участвовать и в вашем журнале — но всё перемелится и будет мука, а нам хлеб да соль. Нѐкогда пояснять; до свидания скорого. Жалею, что договор наш не состоялся.

Ноября
29.
Псков.

Александр Пушкин.

Адрес: В Москву.
В Университетскую книжную
лавку г-ну Ширяеву
для доставления как можно скорее господину Погодину.

---

[1] *Переделано из* дабы

[2] *В подлиннике:* цензурре

298. А. Х. Бенкендорфу.

29 ноября 1826 г. Псков.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал, должно ли мне было отвечать на письмо, которое удостоился получить от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно никто живее меня не чувствует милость и великодушие государя императора, также как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно не из ослушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя), то поставляю за долг препроводить ее Вашему превосходительству, в том самом виде, как она была мною читана, дабы вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше превосходительство оный мне возвратить.

Мне было совестно беспокоить ничтожными литературными занятиями моими человека государственного, среди огромных его забот; я роздал несколько мелких моих сочинений в разные журналы и альманахи по просьбе издателей; прошу от Вашего превосходительства разрешения сей неумышленной вины, если не успею остановить их в цензуре.

С глубочайшим чувством уважения, благодарности и преданности, честь имею быть

милостивый государь
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

Псков.
1826 г. Ноября 29.

299. Н. С. Алексееву.

1 декабря 1826 г. Псков.

Приди, о друг, дай прежних вдохновений,
Минувшею мне жизнию повей!..

Не могу изьяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой почерк опрятный и чопорный, кишеневские звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой: ты возвратил меня Бессарабии! я опять в своих развалинах — в моей темной комнате, перед решетчатым окном или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского <----->. Опять рейн-вейн, опять Champan, и Пущин, и Варфоломей, и всё..... Как ты умен, что написал ко мне первый! мне бы эта счастливая мысль никогда в голову не пришла, хоть и часто о тебе вспоминаю и жалею, что не могу ни бесить тебя, ни наблюдать твои маневры вокруг острога.[1] Был я в Москве и думал: авось, бог милостив, увижу где-нибудь чинно сидящего моего черного друга, или в креслах театральных или в ресторации за бутылкой. Нет — так и уехал во Псков — так и теперь опять еду в белокаменную. Надежды нет иль очень мало. По крайней мере пиши же мне почаще, а я за новости кишенев<ские> стану тебя подчивать новостями московскими. Буду тебе сводничать старых твоих любовниц — я чай дьявольски состарелись. Напиши кто? Я готов доныне идти по твоим следам, утешаясь мыслию — что орогачу друга.

Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь.

Прощай, отшельник бессарабской,
Лукавый друг души моей —
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою[2] твоей.

А. П. *1 дек.*

Адрес: Николаю Степановичу
Алексееву
в Кишенев.

---

[1] *Последние два слова позже тщательно вымараны.*

[2] *Переделано из* правдой

300. П. А. Вяземскому.

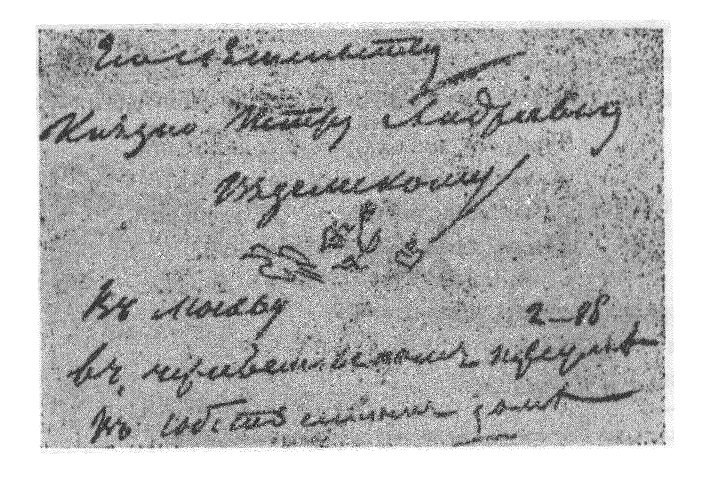
1 декабря 1826 г. Псков.

Ангел мой Вяземской или пряник мой Вяземской, получил я письмо твоей жены и твою приписку, обоих Вас благодарю и еду к Вам и не доеду. Какой! меня доезжают!... изьясню после. В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ую гл. Онегина, я проигрываю в штос четвертую: не забавно. Отовсюду получил письмы и всюду отвечаю. Adieu, couple si étourdi en apparence, adieu, князь Вертопрахин и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня не достает уж и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псков.

При сем письмо к Алексееву (род моего Сушкова), отдай для дост. Киселеву — вой — вым, как хо̄шь.

Адрес: Его сиятельству
князю Петру Андреевичу
Вяземскому.
В Москву,
в Чернышевском переулке.
В собственном доме.

301. В. П. Зубкову

1 декабря 1826 г. Псков

Cher Zoubkof vous n'avez pas reçu de lettre de moi et en voici la raison: je voulais vous arriver comme une bombe le 1 déc. c. à d. aujourd'hui, il y a donc 5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная — vu les[1] chemins détestables. Les ямщик de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, j'ai le côte foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, de rage je joue et je perds. En voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes; mon arrivée eut été la meilleure réponse aux réflexions, objections etc. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, jasons, c. à d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami. Il est temps de vivre, c. à d. de connaître le bonheur. Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète, pourrais-je n'être pas le plus heureux des hommes auprès d'elle — je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend — je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois — voilà ce qui me donne des moments de réflexions pénibles. Dois-je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau?.. Mon dieu qu'elle est jolie! et que ma conduite avec elle a été ridicule. Cher ami, tâchez d'effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner — dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine et la preuve — что тебе в голову придет. Мерзкой этот Панин, два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе — а я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, а в третий сватаюсь! Si elle trouve que Панин a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas? — expliquez lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au

[1] *Переделано из* des

dénouement, qu'une fois qu'on l'aime il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le temps, car il est impossible d'être plus belle. Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Паниным скверным и жени меня.

А. П.

A Moscou, je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma turquoise toute infâme qu'elle est. Je félicite le Cte Somoilof.

302. С. А. Соболевскому.

1 декабря 1826 г. Псков.

Вот в чем дело: Освобожденный от цензуры я должен однакож, прежде чем что-нибудь напечатать, представить оное Выше; хотя бы безделицу. Мне уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно я в точности исполню высшую волю и для того писал Погодину дать знать в цензуру, чтоб моего ничего, нигде не пропускали. Из этого вижу для себя большую пользу: освобождение от альманашников, журнальщиков и прочих щепетильных литературщиков. С Погодиным уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову, без задержания малейшего.[1] Твои догадки — гадки; виды мои гладки. На днях буду у вас, покаместь сижу или лежу во Пскове. Мне пишут, что ты болен: чем ты объелся? Остановлюсь у тебя.

303. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

9 декабря 1826 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Получив письмо ваше, вместе с препровожденною при оном драматическою пиесою, я поспешаю вас о том известить, с присовокуплением, что я оную представлю его императорскому величеству и дам вам знать о воспоследовать имеющем высочайшем отзыве.

Между тем прошу вас сообщать мне на сей же предмет все и мелкие труды блистательного вашего пера.

---

[1] без задержания малейшего *вписано*.

Примите уверения отличного моего уважения и совершенной преданности.

А. Бенкендорф.

№ 135.
9-го декабря 1826.

304. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

14 декабря 1826 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Я имел счастие представить государю императору Комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственно ручно написал следующее:

„Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б *с нужным очищением* переделал Комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие *Валтера Скота*“.

Уведомляя вас о сем высочайшем отзыве и возвращая при сем сочинение ваше, долгом считаю присовокупить, что места, обратившие на себя внимание его величества и требующие некоторого очищения, отмечены в самой рукописи и заключаются также в прилагаемой у сего выписке.

Мне крайне лестно и приятно служить отголоском всемилостивейшего внимания его величества к отличным дарованиям вашим.

В ожидании вашего ответа, имею честь быть с искренным почтением

Вашим покорным слугою

А. Бенкендорф.

№ 151.
14-го декабря
1826.
Его высокобл<агороди>ю А. С.
Пушкину.

305. И. Е. Великопольскому.

Первая половина декабря 1826 г. Псков.

Милый Иван Ермолаевич — Если вы меня позабыли, то напоминаю Вам о своем существовании. Во Пскове думал я Вас застать, поспорить с Вами и срезать штос — но судьба определила иное. Еду в Москву, коль скоро будут деньги и снег. Снег-то уж падает, да деньги-то с неба не валятся.

Прощайте, пишите мне в Москву.

Видаете ли вы Дельвига?

А. П.

306. Н. М. Языкову.

21 декабря 1826 г. Москва.

Письмо ваше получил я во Пскове и хотел отвечать из Новагорода — Вам достойному певцу того и другого. Пишу однакож из Москвы — куда вчера привез я Ваше Тригорское. Вы знаете по газетам, что я участвую в *Моск.<овском> Вестнике*, следственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи в Москву на Молчановку в дом Ренкевичевой, оттуда передам их во храм бессмертия. Непременно будьте же наш. Погодин вам убедительно кланяется.

Я устал и болен — потому Вам и не пишу более. Вульфу кланяюсь, обещая мое высокое покровительство.

21 ноября.[1]

Тригорское ваше, с вашего позволения, напечатано будет во 2 № Моск.<овского> Вестн.<ика> —

Рады ли вы журналу? пора задушить альманахи — Дельвиг наш. Один Вяземской остался тверд и верен Телеграфу — жаль, но что ж делать.

307. Неизвестной (?)

Декабрь (не позднее 22) 1826 г. Москва.

(Черновое)

[<Madam>e<?> je vous avais parlé de]

308. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

23 декабря 1826 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Государь император с удовольствием изволил читать рассуждения Ваши о народном воспитании и поручил мне изъявить Вам высочайшую свою признательность.

---

[1] *Описка, вместо* декабря.

Его величество при сем заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание. Впрочем, рассуждения Ваши заключают в себе много полезных истинн.

С отличным уважением честь имею быть

Вашим покорным слугой

покорнейшей слуга

А. Бенкендорф.

№ 163
23-го декабря 1826.
Его высокоб.<лагородию> А. С.
Пушкину.

1827

309. П. А. Плетнев — Пушкину.

2 января 1827 г. Петербург.

2 января. 1827.
С.п.бург.

Я в последнее время получил от тебя, любезный Александр Сергеевич, три письма почти вдруг. Но они так прибыли ко мне беспорядочно в отношении к помеченным тобою числам и так противоречат одно другому своим содержанием, что я ничего не смел по ним сделать. Ожидаю новых от тебя повелений. Между тем, во избежание разноголосицы, повторяю, на чем дела наши остановились. Послал я тебе в Опочку 1000 рублей, как ты требовал. При этой посылке приложен счет, сколько всего я получил за издание 1 Главы Онегина и Стихотворений А.<лександра> П.<ушкина>, сколько из них издержал, сколько состоит в товаре, сколько в долгу и сколько у меня остается наличных. О выдаче 600 руб. вдове Кондрат.<ия> никогда ты мне не писал, и только в первый раз я это вижу в последнем твоем письме. След. эта статья не числится у меня ни в расходе, ни в долгу.

Если ты заблагорассудишь что-нибудь приказать мне, то теперь начинай снова (после этого письма).

Очень жалею, что ты не побывал у нас и не порадовал собою друзей своих. Москва счастливее. Она перетянула тебя. Боюсь, чтобы теперь с петербургской литературой не случилось казуса, какой воспоследовал с московской по отъезде Карамзина и Жуковского к нам. А, кажется, этого не миновать, хотя Фаддей и уверяет благоразумных читателей, что не опасно, когда преимущественно участвует в издании журнала первокласный поэт. Мне т<а>к [1] более всего обидно, что ты не намекнул даже мне, какие у тебя литературные планы. Правду сказать, что я в любви самый несчастный человек. Кого ни выберу для страсти, всякой меня бросит. Баратынский, которого я право больше любил всегда, нежели теперь кто-нибудь любит его, уехавши в Москву, не хотел мне ни строчкой плюнуть. Сам Дельвиг скоро променяет меня на гранпасьянс. Но бог с вами, братцы! Вижу, что любви и дружбы нет без равенства или, по крайней мере, без денег. Что прикажешь

---

[1] *Прорвано.*

делать с Цыганами? Они пропущены. Здесь печатать или к тебе ‹пер›еслать?[1] Не одолжишь ли меня годовым экземплярцом своего журнала? Выписал бы за деньги; да право нет их.

Плетнев.

310. А. Х. Бенкендорфу.

3 января 1827 г. Москва.

Милостивый государь
Александр Христофорович

С чувством глубочайшей благодарности получил я письмо Вашего превосходительства, уведомляющее меня о всемилостивейшем отзыве его величества касательно моей драмматической поэмы. Согласен, что она более сбивается на историческoй роман, нежели на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное.

В непродолжительном времени буду иметь честь, по приказанию вашего превосходительства, переслать Вам мелкие мои стихотворения.

С чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности честь имею быть

Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

3 января
1827.
Москва.

311. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Первая половина января (?) 1827 г. Петербург.

Здравия желаю Александру милому и поздравляю с новым годом. Цыганы[2] твои пропущены цензурою до чиста и мною доставлены Бенкендорфу. Выйдут от него и будут печататься. Рылеевой я из своего долга заплатил 600 рублей. В остатке у меня осталось 1600 р., которые при появлении Цветов сполна

[1] *Прорвано.*

[2] *Переделано из* Цыгане

заплатятся. За 19-е октября благодарю тебя с лицейскими скотами братцами вместе. Пиши ради бога ко мне, ты ни на одно письмо мое не отвечаешь. Странно для меня, как ты [не пишешь] не отвечал на последнее. Оно заключало другое письмо, [на] которое, если не тронуло тебя, то ты не повт, а камень. Оснпова тебе кланяется, я с ней часто говорю о тебе, и вместе грустим. Нынче буду обедать у ваших, провожать Льва. Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Керн, которая (между нами) вскружила совершенно голову твоему брату Льву. Ты, слышу, хочешь жениться, благословляю — только привози сюда жену познакомиться с моею. Прощай

Дельвиг.

312. П. А. Плетнев — Пушкину.
18 января 1827 г. Петербург.

18 января, 1827.
С.п.бург.

В последнем к тебе письме своем от 2 января 1827 года (которого, кажется, еще ты не получил) я объяснил, почему не мог ни во Псков послать 2.000 рублей, ни доставить 600 руб. вдове Кондр.‹атия›.

По желанию твоему препровождаю к тебе все наличные деньги, остававшиеся у меня от продажи двух книг твоих. Для ясности счетов не лишним нахожу показать тебе общие итоги прихода и расхода денег твоих.

Из поступивших в действительную продажу 2356 экз. 1 Главы Е.‹вгения› Онегина остается в лавке Слёнина только 750 экз., т. е. на 3.000 рублей, а прочие 1606 экз. уже проданы и за них получены деньги сполна *6.977 руб.*

Из 1130 экз. Стихотворений А.‹лександра› Пушкина, поступивших в действительную продажу, ни одного уже не осталось, и за них получены деньги сполна *8.040 руб.*

Следственно общий приход твоих денег был *15.017 руб.*

После отправленных мною к тебе в Опочку 19 ноября прошлого года 1000 руб. (где приложен был и счет всех расходов) я не сделал новых издержек, кроме *38 р. 20 коп.*, процентных и весовых денег на почту. Сложность всех расходов, по присоединении сих денег к *9.893 р. 80 коп.* (тогдашнему итогу издержек), теперь простирается до *9.932 руб.*

Таким образом остаточная у меня сумма твоих денег должна бы состоять из *5.085 руб.* Но так как от Дельвига я не получил еще данных ему в долг твоих денег *2.200 рублей*, то действительный остаток у меня состоит теперь только из *2.885 руб.*, которые и отправляю к тебе.

P. S. Цыганами заведывает Дельвиг. Не знаю, где теперь они.

313. Арина Родионовна—Пушкину.
30 января 1827 г. Михайловское.

Генварь — 30 дня.

Милостивой государь Александра, Сергеевичь имею честь поздравить вас с прошедшим, новым годом из новым, сщастием;: ижелаю я тебе любезнному моему благодетелю здравия и благополучия; а я вас уведоммляю, что я была

в Петербурге: й об вас нихто — неможит знать где вы находитесь йгвоне родйгели, овас соболезнуют что вы к ним неприедите; а Ольга Сергевниа к вам писала при мне соднною дамою вам извеснна а мы батюшка от вас ожидали, писма когда вы прикажите, привозить книгй нонемоглй дождатца: то йвозномерилис повашему старому приказу от править: то я йпосылаю, больших й малых книг сщетом — 134 книгй Архипу даю денег — [сщ‹етом› 85 руб.] 90[1] рублей: присем любезнной друг яцалую ваши ручьки с позволений вашего съто раз и желаю вам то чего йвы желаете йприбуду к вам с искренным почтением

Аринна Родивоновнна.

314. Пушкин и С. А. Соболевский — П. П. Каверину.

18 февраля 1827 г. Москва.

Вот тебе янтарь, душа моя Каверин — каково поживаешь ты в свином городке; здесь тоска попрежнему — Зубков на днях едет к своим хамам — наша съезжая в исправности — частный пристав Соболевской бранится и дерется попрежнему, шпионы, драгуны, ‹-----› и пьяницы толкутся у нас с утра до вечера.

Прощай до свиданья.

18 февр.

‹С. А. Соболевский:›

Собака ехать не может, поколику она больна. Я ездил в контору дилижансов и узнал тамо, что 6 генваря отправлен экстра-дилижанс со вложением Веры Фе.‹доровны› Де.‹мидовой›. — Прощай душа моя. Помни меня, как помнишь пунш.

Соболевской
Молчановский съезжий пристав.

Какой у нас славный Ерофеич![2]

Адрес (рукою С. А. Соболевского): Каверину.

315. В. И. Туманскому.[3]

Февраль (не позднее 23) 1827 г. Москва.

Милый мой Туманский — Ты верно ко мне писал, потому что верно меня любишь по старому, но я не получал от тебя ни строчки. Уж не почта ли виновата? — справься и возьми свои

[1] *Цифры не очень разборчивы, м. б. это* 35 *и* 30.

[2] *На обороте, под адресом.*

[3] *Нижняя часть листка с датой и сноской отрезана.*

меры. На всякой случай пиши на имя *Погодина, к книгопродавцу Ширяеву в Москву.** К стати: надеюсь на тебя, как на каменную стену — Погодин ни что иное, как *имя, звук пустой* — дух же я, т. е. мы все православные. Подкрепи нас прозою своею и утешь стихами. Прощай, пришли *Одессу*, мой отрывок.

А. П.

<*Сбоку другою рукой:*> Не льзя ль чего от Левшина?

316. А. А. Муханову.

Вторая половина февраля (после 18) 1827 г. Москва.

Милый мой Муханов, когда же свидимся мы, чтоб ехать к дяде? Заезжай к Яру, я там буду обедать, и оставь записку.

А. П.

317. А. А. Дельвигу.

2 марта 1827 г. Москва.

Милый мой, на днях рассердясь на тебя и на твое молчание, написал я Веневитинову суровое письмо. Извини: у нас была весна, оттепель — и я ни слова от тебя не получал около двух месяцев — поневоле взбесишься. Теперь у нас опять мороз, весну дуру мы опять спровадили, от тебя письмо получено — всё слава богу благополучно. Жду Цыганов и тотчас тисну. Ты пеняешь мне за Моск.<овский> вестник — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребяты теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: Господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — всё это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы...... — Моск.<овский> Вестн.<ик> сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впроччем на этот метафизической вопрос можно бы и отвечать, да NB). А время вещь такая, которую с никаким Вестником не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают.

Лев был здесь — малый проворный, да жаль, что пьет. Он задолжал у Вашего Andrieux 400 рублей и [себе] ублудил жену гарнизонного маиора. Он воображает, что имение его расстроено, и что истощил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядшую душу. Уморительно.

Генварь — 30 дня

Милостивой Государь Алекс-
ндра, Сергеевичь и мею честь
поздравить вас с прошедши-
м, новым годом из новы-
м, счастием, и желаю
я тебе любезному моему
благодетелю здравия и бла-
гополучия; а я вас уведоми-
ла что я была в Петер-
бурге: и об вас никто —
не может знать где вы
находитесь и твои роди-
тели, очень соболезнуют
что вы к ним не приедите,
Ольга Сергеевна
к вам писала при мне
с одного даже раза
известна

Письмо Арины Родионовны Пушкину, 30 января 1827 г. (1-я и 2-я страницы).

Институт Литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в Ленинграде.

а мы батюшка вас ожида
ли, писма когда вы при-
кажите, привозить книг
понемногу дождатца:
то и подновление пода
шения Старова приказу
от привить: тоя и подв
кан, больших книжных
книги
Книг сщетом — 132
Ерохину дано денег [illegible]
90 рублей: прочего
любезной друг целую
ваши ручки с позволения
вашего сто раз
и желаю вам то чего и вы
желаете и прибуду к вам с
искренным почтением

Арина Родионовна

Плетнев, наш мизантроп, пишет мне трогательное письмо; жалуется на меня, на тебя, на твой гран-пасианс и говорит: Мне страшно думать: это люди! Плетнев, душа моя! что тут страшного? люди — сиречь дрянь, <----->. Плюнь па них да и квит.

2 марта.

Скорей же Цыганов — да что твои Цветы цветоч<ки>.

Адрес: Егѡ Высокородїю
Baronu
Дельвигу.

318. В. И. Туманский — Пушкину.
2 марта 1827 г. Одесса.

Одесса, марта 2-го 1827.

Ты совершенно прав, любезный мой соловей, приписывая мое безвинное молчание не охлаждению дружбы, а чему-то непонятному. По приезде моем в Одессу я писал к тебе два раза и, полагая, что ты будешь в Петербурге, адресовал мои письма на имя Греча, как человека, который тебя там увидит. Случилось совсем противное: ты не ездил на Север, и три месяца я не знал совершенно, где ты и что с тобой. Очень рад, что Москва тебя приютила; постоянная жизнь на одном месте доставит тебе возможность обрадовать меня, твоего приморского друга, своими весточками. Я бы желал однако, чтобы ты выписал от Греча хотя первое мое письмо: в нем были вещи, для тебя любопытные Между тем после того произошли у нас значительные перемены. Больная Нарышкина уехала в деревню и по последним известиям обречена могиле. У нее какой-то новый род удушливой болезни. О графе Воронцове решительно никаких известий не имеем: как в воду канул. Граф Пален ведет себя прелестно: порядочен в делах, в обращении мил и любезен и, как холостяк, принимает приглашения на обеды и вечера. Аристократизма в нем очень мало. Одна из наших новостей, могущая тебя интересовать, есть женитьба Ризнича на сестре Собаньской, Виттовой любовницы. В приданое за нее получил Ризнич в будущем 6000 черв., а в настоящем владимирский крест за услуги, оказанные Одесскому Лицею. Надобно знать, что он в Лицее никогда ничего не делал. Новая м-м Ризнич вероятно не заслужит ни твоих, ни моих стихов по смерти; это малютка с большим ртом и с польскими ухватками. Дом их доселе не открывался для нашей братьи. Круг молодежи почти тот же. Отсутствие Казначеева, прискорбное для нас как отсутствие доброго человека, в ходе дел никакой перемены не сделало. Всё идет довольно хорошо или довольно дурно — как на кого. Раевский уехал в Киев и бог весть, когда назад будет. В последнее время своего пребывания в Одессе он стал еще более мрачным, злобным и разочарованным. У нас теперь жандармы: Бибиков, Шервуд-Верный и еще двое мало известных. Инструкцию, циркулярно им данную от Бенкен-

дорфа, вероятно вы имеете в Москве. Мне в ней очень нравится статья о наблюдении за нравами и вообще за поведением молодых людей. Содержатели трактиров и <-------> хотят подать прошение на эту статью.

Приступим теперь к литературе. Русская моя душа радуется, видя, что центр просвещения наконец переведен в Москву. Влияние этого отечественного города, отдаленного от двора, будет благоприятно для нашей словесности. Теперь уже московские журналы далеко обогнали петербургские. Не будь в бездействии, милый друг, и подстрекай тамошнюю молодежь к занятиям полезным. Не худо бы составить общество молодых людей для перевода хороших книг по части наук, искусств и политической экономии, особенно с немецкого и английского языков. Да пусть у вас прозой почаще пишут! Кроме статей Вяземского, писанных его слогом, но правильно, сильно и остроумно, нельзя читать ваших прозаических статей. Что за охота Погодину печатать исторические мысли, которые внесутся в историю нашей словесности, как примеры галиматьи?.. Что же касается до теории изящных искусств, то ее трудно излагать, подобно Шевыреву в разговорах; а пусть он займется математическим изложением сего предмета хоть в нескольких статьях, по новой эстетике. Это будет полно и следственно понятно. Критика Титова на Аллегории Глинки, кроме двух-трех разных идей, есть образец вкуса, благопристойности и справедливости. Пожалуйста не скупись и присылай мне твой журнал: я готов в нем участвовать, чем бог послал. У Левшина возьму славную для вас статью из 3-го тома его описания Киргизов, а между тем сам займусь для тебя *поденною* прозою. Стихов частицу при сем посылаю. Я бы желал, чтобы вы прежде всего напечатали стихи: К Гречанке. Я люблю эту пьесу потому, что написал в ночь после бала и ужина, полупьяный и психически влюбленный. В ней есть какая-то дерзость выражений, к которой я обыкновенно не привык. Впрочем, владыко, как повелите, так и будет. Исправлять, убавлять и прибавлять в моих пьесах даю тебе полное право. Я прилагаю и свой отрывок об Одессе. За сим целую тебя в быстрые очи и в медовые уста. Исполни мою просьбу на счет высылки журнала и сам пиши, голубчик. Поклон Вяземскому, Баратынскому и Соболевскому, которого прошу извинить, что не отвечаю: писать нечего. В. Туманский.

Я думаю имя выставлять всюду под своими пьесами: c'est le bon ton à présent.

319. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

4 марта 1827 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Барон Дельвиг, которого я вовсе не имею чести знать, препроводил ко мне пять сочинений Ваших: я не могу скрыть вам крайнего моего удивления, что вы избрали посредника в сношениях со мною, основанных на высочайшем соизволении.

Я возвратил сочинения ваши г. Дельвигу и поспешаю вас уведомить, что я представлял оные государю императору.

Произведения сии, из коих одно даже одобрено уже цензурою, не заключают в себе ничего противного цензурным правилам. Позвольте мне одно только примечание: Заглавные буквы друзей в пиесе *19-е Октября* не могут ли подать повода к неблагоприятным для вас собственно заключениям? — это предоставляю вашему рассуждению. —

С совершенным почтением честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою,

А. Бенкендорф.[1]

№ 403.
4. Марта
1827.

Его высокобл‹агороди›ю А. С.
Пушкину.

320. Арина Родионовна — Пушкину.

6 марта 1827 г. Тригорское.

Любезный мой друг

Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает. Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербур.‹гские› летом не будут, они [все] едут непременно в Ревель. Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидиться. Праск.‹овья› Алек.‹сандровна› приехала из Петерб.‹урга› — барышни вам кланяются и благодарят, что вы их не позабываете, но говорят, что вы их рано поминаете, потому что они слава богу живы и здоровы. Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружочик, хорошенько, самому слюбится. Я слава богу здорова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая *няня* ваша *Арина Родивоновна.*

Тригорское.
Марта 6.

321. Н. С. Алексеев — Пушкину.

20 марта 1827 г. Крепость Хотин.

Если мое письмо доставило тебе удовольствие, любезный Пушкин, то суди, в какое восхищение привело меня твое: я, в скучной однообразной жизни, не мог забыть тебя, всякой шаг, всякое место напоминали мне веселые прогулки, занимательные разговоры, дружеское соперничество и не злобное предательство: ты, в шуме обеих столиц, сохранил меня в своей памяти и тем оправдал мое мнение о доброте твоего сердца и благодарных чувствах; хвала тебе! —

[1] *Сперва начал:* пок‹орнейшей›

Ты искал меня глазами в театрах и клобах: но если встречу нашу предполагаешь ты в Москве или Петербурге, то я заранее предсказываю тебе вечную разлуку и скажу твоими словами, что *вреден Север для меня*, только в сем случае я постояннее тебя; и что мне там делать? — Родные меня забыли, друзья отвыкли, женщины не любили — или обманывали, мороз 30 градусов;

Какая честь, и что за наслажденье!

Искать ли мне там новых впечатлений? Но я устарел и ослабел чувствами; отвык от большого света, притворных разговоров, а главное от шляпы и белого галстуха; — итак, любезный друг, оставь меня в скучной, но теплой Бессарабии; не тревожь моей дремоты: здесь есть уголок, где мне не дурно, а много ли человеку надобно? Ты меня помнишь, мои желании всегда были ограничены: одно любящее сердце и некоторое спокойствие для ревнивого моего нрава; — вот всё, что Алексеев просил у немилосердой судьбы! —

Перейдем к описанию другого рода, которое в твоем вкусе и верно полюбится: на сих днях вечером у Вакери *Варлам* вызвал в сени *Сушкова*, и потом на улицу, упрекал его в каких-то двусмысленных словах, на счет его сказанных, и позволил себе возвысить голос; С.<ушков> просил его утихнуть, уверял, что ничего не имел против него и предлагал всякое благородное удовлетворение; но Валах не внимал гласу благоразумия, и дело дошло до калмыцкого балета. Разумеется что Су...<шков> вызвал его — Липранди был его секундантом; Вар.<лам> долго никого не находил, и наконец по усилиям весьма упорным убедили меня: навначили свидание у Дюпона в саду, условились во всем и казалось дело в шляпе; но ни гвардейской мундир, ни звание адьютанта графа Воронцова не могли переделать врожденных чувств: полиция, комендант и отряд жандармов были извещены еще с утра; весь кортеж прибыл к саду, сопровождаемый родственниками и людьми Варлама, в минуту, когда мы едва начали заряжать пистолеты, осторожность с нашей стороны требовала удалиться, я взбесился, наговорил весьма много Вар.<ламу> и предложил С...<ушко>ву драться: он сделал промах, я выстрелил на воздух, не имея ничего против сего последнего, кроме приязни и уважения к благородным правилам; нам запретили повторить выстрел, и мы удалились с презрением к подлецу, но не удовлетворенные. — Через четыре дни граф Пален присылает эстафет с предложениями в самых лестных выражениях: Сушкову отправиться на следствие в Измаил, а мне в Хотин; но Сабанеев поступил с меньшей деликатностью: он просто написал к коменданту, чтоб выслал Вар.<лама> в Тирасполь. — Я третий день в Хотине в хорошем обществе свитских старых моих знакомых; ожидаю последствий — и может быть на некоторое время заточения, потому что Сушков, не видя возможности удовлетворить себя, написал письмо к государю, объясняя все подробности. Я утешаю себя только мыслию, что в поступке моем хотя и есть противузаконное, но ничего постыдного. —

Я читал четыре книги Московского Вестника и признаюсь тебе с прежней откровенностью, что один только стих мне полюбился: — *„Всё возьму, сказал булат“*. Но я намерен объяснить тебе давнишнее мое не удовольствие на цензуру и на издателей за твое послание ко мне; Литера *А* не показывает еще Алексеева, а выкинутые лучшие стихи испортили всю пиэсу; именем всего

прошу тебя, исправь эту ошибку: мое самолюбивое желание было, чтоб через несколько лет сказали: Пушкин был приятель Алексеева, который, не равняясь с ним ни в славе, ни познаниях, превосходил всех чувствами привязанности к нему. — Прости.

20-е марта.
Кр.<епость> Хотин.

322. А. А. Дельвиг — Пушкину.

21 марта 1827 г. Петербург.

Милый друг, бедного Веневитинова ты уже вероятно оплакал. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединение прекрасных дарований с прекрасною молодостью. Письмо твое ко мне или обо мне не дошло до меня, только оно дало пищу больному воображению несчастного друга. Он бредил об нем и всё ввал меня. В день его смерти я встретился с Хвостовым и чуть было не разругал его, зачем он живет. В самом деле, как смерть неразборчива или жадна к хорошему. Сколько людей можно бы ей указать. И как бы она могла быть полезна и приятна. Нé тут-то было. Ей верно хочется [показ<ать>] нас уверить, что она слепа, как Амур, дура. — Благодарю тебя за вести обо Льве. Я, читая письмо твое, живо видел его, влюбленного и пресыщенного жизнию. Для того, думаю, ему полезен будет Кавказ и армейской полк. Пускай потрется, поживет, узнает, с кем он шутит, т. е. жизнь. Ему только того и не достает, чтоб быть совершенно милым. И пьет он, как я заметил, более из тщеславия, нежели ив любви к вину. Он толку в вине не знает, пьет, чтобы перепить других, и я никак не мог убедить его, что это смешно. Ты так же молод был, как ныне молод он; [знаешь] помнишь, сколько из молодечества выпил лишнего: пускай и он пьет, он пьяницей не будет. У него ум ростет еще и ростет хорошо. Увидишь, каков выростет.

Надеюсь, Цыганов получить от тебя один экземпляр. Довольно с тебя будет, что я Онегина вторую главу ждал долго понапрасно и купил. Цветы получишь на будущей неделе, теперь переплетаются. Прощай, обнимаю тебя.

Дельвиг.

21-го марта.

323. А. Х. Бенкендорфу.

22 марта 1827 г. Москва.

Милостивый государь,
Александр Христофорович,

Стихотворения, доставленные бароном Дельвигом Вашему превосходительству, давно не находились у меня: они мною были отданы ему для альманаха *Северные Цветы*, и должны были быть напечатаны в начале нынящнего года. В следствии высочайшей воли я остановил их напечатание и предписал ба-

рону Дельвигу прежде всего представить оные Вашему превосходительству.

Чувствительно благодарю Вас за доброжелательное замечание касательно пиэсы: *19 октября*. Непременно напишу б.‹арону› Дельвигу чтоб заглавные буквы имен — и вообще всё, что может подать повод к невыгодным для меня заключениям и толкованиям, было им исключено.

Медлительность моего ответа происходит от того, что последнее письмо, которое удостоился я получить от Вашего превосходительства, ошибкою было адресовано во Псков.

С чувством глубочайшего почтения и сердечной преданности, честь имею быть

милостивый государь
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

22 марта
1827
Москва.

324. В. И. Туманский — Пушкину.

12 апреля 1827 г. Одесса.

(Отрывок)

Одесса, апреля 12-го, 1827.

Бессовестный, бессовестный! Так-то ты отвечаешь на мои письма. На два послания мои — ни словечка в ответ, а Одессу печатаешь и всем объявляешь, что я в Одессе. Эта лень имеет в себе нечто азиатское и потому непростительна в человеке столь европейском по уму, по характеру, по просвещению, по стихам, по франтовству и по Московскому Вестнику. Исправляйся, милый Пушкин — не то буду писать к тебе беспрестанно, испишу целые стопы бумаги, и в причиненных мне *чрез сие* убытках подам на тебя донос прямо в жандармский штаб.

Зачем не печатаешь моих стихов? Дурны что ли? Жги их без пощады. Уж не ко мне ли относится объявление, помещенное в 6 книжке?... Не думаю, а всё-таки смысла его не понимаю. Нет ли там какой опечатки. Как главного духа Московского Вестника порадую тебя известием, что у нас читают его с необыкновенным восхищением. Всё, что есть порядочного в городе, прославляет тебя и Погодина. Даже граф Пален, не взирая на малое знание русского языка, берет у меня ваши книжки и судит (обыкновенно весьма основательно) о ваших статьях. Чуть ли [даже] еще не вытвердил он нескольких стихов из твоего Годунова! От себя скажу одно: напрасно Погодин печатает в журнале отрывки из сочинений, имеющих большое достоинство в *целом* (какова Физ.‹ическая›

Теогр.‹афия› Европы Риттера), но [совершенно] которых по клочкам не любят[1] разбирать читатели. Вместо отрывков из подобных сочинений, лучше написать особую, журнальную статью, в которой [бы] ясно, подробно и справедливо изложить план, достоинство, пользу его, новость мыслей автора и потом объявить, что оно переведено на русской язык и вскоре представлено будет публике, или пожелать, чтобы скорей было переведено. — Кстати о переводах: с живейшим удовольствием читал я уведомление[2] о изготовлении к печати многих прекрасных сочинений; но зачем бы кажется, говоря о необходимости общества для издания таких книг, не предложить проспекта самого общества. Поверьте, что оно найдет многих усердных членов. Мы за себя постоим. Вся наша молодежь *на жалованье* готова отдать часть оного, чтоб участвовать в столь полезном предприятии. И во многих других городах будет тоже. Сделай милость, любезный Пушкин, не забывай, что тебе на Руси предназначено играть ролю Вольтера (разумеется в отношении к истинному просвещению). Твои связи, народность твоей славы, твоя голова, поселение твое [во] в Москве — средоточии России, всё дает тебе лестную возможность действовать на умы с успехом, гораздо обширнейшим против прочих литераторов. С высоты твоего положения должен ты всё наблюдать, за всеми надсматривать, сбивать головы похищенным репутациям и выводить в люди скромные таланты, которые за тебя же будут держаться. — Что за идея пришла Баратынскому писать столь негодными стихами, каковы напечатанны в Северной Пчеле из его послания к Богдановичу. *Мараки задумчивые враки* и пр. похоже на лай собаки, а не на напев его сладкогласной лиры. Да и что за водевильные мысли во всей пьесе! Словно шуточки Благонамеренного! Я его уважаю и люблю, а потому прошу [ему от меня заметить] ему попенять за эти проступки.

Я помнится читал тебе в прошлом году эпиграмму, написанную мною на[3] чужестранный лад нашей поэзии — [4]

325. В. Д. Соломирскому.

15 апреля 1827 г. Москва.

A l'instant, si vous le désirez, venez avec un témoin.

15 avr. A.P.

326. В. И. Туманский — Пушкину.

20 (?) апреля 1827 г. Одесса.

Одесса, апреля 20, 1827.[5]

По прошедшей почте послал я тебе *Одесский Вестник*, который издаем мы здесь общими силами. Прими его, как знак нашего уважения к тебе. Главе[6]

---

[1] *Переделано из* не любит
[2] *Переделано из* уведомления
[3] *Переделано из* за
[4] *Конца письма не сохранилось.*
[5] *На почтовом штемпеле: 19 апреля.*
[6] *Переделано из* Голове

Русской Поэзии. В будущем № мы осмеливаемся напечатать, любезный Пушкин твое описание Одессы, оно принадлежит нам по праву, ибо в нем заключается *грамота на бессмертие* для нашего города. —

Новостей у нас никаких нет. Весна в полном цвете, и даже Раевский похорошел от влияния воздуха. Общество наше расстроилось отъездом многих лиц; и каждый из нас на лето предполагает куда-нибудь спастись от пыли и жара — я думаю жить на одном из приморских хуторов: позавидуй же мне! Более писать не хочется; прощай, родимый; да будет над тобой благословение Феба вечно и вечно.

Адрес: Его благородию
милостивому государю
Александру Сергеевичу
Пушкину.
В Москве
На Молчановке, в доме
Ренкевича.

327. М. П. Погодину.

Апрель (до 23) 1827 г. Москва.

Ради господа бога, оставьте Черкешенку в покое; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У вас *К Языкову*, тисните, но за то я решительно в двух следующих № не помещусь.

А. П.

328. А. Х. Бенкендорфу.

24 апреля 1827 г. Москва.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у Вашего превосходительства.

С глубочайшим почтением и с душевной преданностию честь имею быть

милостивый государь
Вашего превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Пушкин.

Москва
1827
24 апр.

329. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

3 мая 1827 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо ваше от 24-го прошлого апреля, честь имею вас уведомить, что я имел счастие доводить содержание оного до сведения государя императора.

Его величество, соизволяя на прибытие ваше в С.<анкт>-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано.

Мне же, с моей стороны, весьма приятно будет с вами здесь увидеться и изустно вас уверить в совершенном почтении, с коим пребываю

Вашим покорнейшим слугою,
А. Бенкендорф

№ 849.
3. Маня 1827.
Его высокобл<агороди>ю А. С.
Пушкину.

330. А. А. Муханову.

Февраль—первая половина мая 1827 г. Москва.

Envoyez moi le plan de P.<éters>b.<ourg.> Quand nous reverrons-nous?

A. P.

Vous êtes malade? Je viendrai ce soir chez vous.

331. Л. С. Пушкину.

18 мая 1827 г. Москва.

Что ты мне не пишешь, и что не пишет ко мне твой командир? завтра еду в П.<етер>Б.<ург> увидаться с дражайшими родителями, comme on dit, и устроить свои денежные дела. Из П.<етер>Б.<урга> поеду или в чужие края, т. е. в Европу, или во свояси, т. е. во Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского. Письмо мое доставит тебе М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приезжай на Кавказ и познакомься с нею — да прошу не влюбиться в дочь.

Кончилась ли у вас война? видел ли ты Ермолова, и каково вам после его? Пиши ко мне на имя сестры, а она куда-нибудь да перешлет мне.

А. П.

18 мая.

Адрес: Льву Сергеевичу Пушкину
в Азию.

332. П. А. Осиповой.

Около (не позднее) 10 июня 1827 г. Петербург.

Je suis bien coupable envers vous mais pas tant que vous pouvez le penser. Arrivé a Moscou je vous ai tout de suite écrit en adressant mes lettres на Ваше имя в Почт-амт. Il se trouve que vous ne les avez pas reçues. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous intéresser encore à moi, que vous dirai-je, Madame, de mon séjour à Moscou, et de mon arrivée à P.<éters>b.<ourg> — l'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales, quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eût donné à ehoisir entre les deux, j'aurais choisi Trigorsk — à peu près comme Arlequin, qui sur la question qu'aimerait-il mieux: d'être roué ou pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait. — Je suis ici sur mon départ et je compte absolument venir passer quelques jours à Михайловско; je salue en attendant de tout mon cœur vous et tout ce qui tient à vous.

Адрес: Ее высокородию
Прасковьи Александровне
Осиповой.
В Опочку.

333. М. П. Погодину.

10 июня 1827 г. Петербург.

Очень вас благодарю и с поспешностию отсылаю корректуру — ай да Соболевской, ай да Байбак! что тут он нагородил! —

От него получил я письмо и на днях отвечу — покаместь я с вожделением думаю о Silleri по 11 р. асс.<игнациями>.

10-го июня.

334. А. Х. Бенкендорфу.

29 июня 1827 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович,

По приезде моем в С.‹анкт›Петербург являлся я к Вам, но не имел счастия найти дома. Полагая, что Вы заблагорассудите сами потребовать меня, до сих пор я Вас не беспокоил. Теперь осмеливаюсь просить Вас дозволить мне к Вам явиться, где и когда будет угодно Вашему превосходительству.

С чувством глубочайшего почтения и преданности честь имею быть

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

1827. 29 июня
С. П. Б.

‹*Помета карандашом, покрытая лаком:*› Пригласить его в среду в 2 часа в Петер.‹бурге›

335. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

5 июля 1827 г. Царское Село.

Генерал-адъютант Бенкендорф честь имеет уведомить его высокоблагородие Александра Сергеевича, что он весьма рад будет свидеться с ним и просит его пожаловать к нему в среду в 2 часа по полудни в его квартиру, в С.‹анкт›-Петербурге.

5-го июля 1827 года,
Царское Село.
Его высокоблагор.‹одию› А. С.
Пушкину.

336. С. А. Соболевскому.

15 июля 1827 г. Петербург.

15 июля

Вечор узнал я о твоем горе и получил твои[1] два письма. Что тебе скажу? про старые дрожжи не говорят трожды; не радуйся нашед, не плачь потеряв — посылаю тебе мою наличность,

[1] *Переделано из* твой

остальные 2500 получишь вслед. Цыганы мои не продаются вовсе; деньги же эти — трудовые, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого. Приезжай в П.<етер> Б.<ург>, если можешь. Мне бы хотелось с тобою свидиться да переговорить о будущем. Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т. е. по одежки тяни ножки — всё перемелится, будет мука. Ты видишь, что, кроме пословиц, ничего путного тебе сказать не съумею. Прощай, мой друг.

337. Е. М. Хитрово.

18 июля 1827 г.(?) Петербург.

Madame,

Je ne sais comment Vous exprimer toute ma reconnaissance pour l'intérêt que vous daignez prendre à ma santé; je suis presque confus de me porter si bien. Une circonstance bien importune me prive aujourd'hui du bonheur d'être chez vous. Veuillez recevoir mes regrets et mes excuses ainsi que l'hommage de ma haute considération.

Pouchkine.

18 juillet.

Адрес: A Madame
Madame de Hitrof.

338. А. Х. Бенкендорфу.

20 июля 1827 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович

В 1824 году г. статский советник Ольдекоп без моего согласия и ведома перепечатал стихотворение мое Кавказский Пленник и тем лишил меня невозвратно выгод второго издания, за которое уже предлагали мне в то время книгопродавцы 3,000 рублей. В следствии сего родитель мой, статский советник Сергей Львович Пушкин обратился с просьбою к начальству, но не получил никакого удовлетворения, а ответствовали ему, что г. Ольдекоп перепечатал-де Кавказского Пленника для справок оригинала с немецким переводом, что к тому же не существует в России закона противу перепечатывания книг, и что имеет он, статский советник Пушкин, преследовать Ольде-

копа, токмо разве, яко мошенника, на что не смел я согласиться из уважения к его званию и опасения заплаты за бесчестие.

Не имея другого способа к обеспечению своего состояния, кроме выгод от посильных трудов моих, и ныне лично ободренный Вашим превосходительством, осмеливаюсь наконец прибегнуть к высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя от подобных покушений на свою собственность.

Честь имею быть с чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности

Вашего превосходительства
милостивый государь
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

С. Петербург
20 июля
1827.

339. А. Х. Бенкендорфу.

20 июля 1827 г. Петербург.

Милостивый государь
Александр Христофорович

Честь имею препроводить на рассмотрение Вашего превосходительства новые мои стихотворения. Если вы соблаговолите снабдить меня свидетельством для цензуры, то, в следствии Вашего снисходительного позволения, осмеливаюсь просить Вас о доставлении всех сих бумаг издателю моих сочинений, надворному советнику Петру Александровичу Плетневу.

Препровождая при сем записку о деле моем с г. Ольдекопом, с глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть

милостивый государь
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

С. Петербург
20 июля
1827.

340. А. А. Дельвигу.

31 июля 1827 г. Михайловское.

ЭЛЕГИЯ.

Под небом голубым страны своей родной
　　Она томилась, увядала....
Увяла наконец, и верно надо мной
　　Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
　　Напрасно чувство возбуждал я,
Из равнодушных уст я слышал смерти весть
　　И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
　　С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
　　С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
　　Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
　　Не нахожу ни слез, ни пени.

1826.

Вот тебе обещанная Элегия, душа моя. Теперь у тебя отрывок из Онегина, отр. из Бориса да эта пьэса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на руках Моск.‹овский› вестник, и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина. Если кончу послание к тебе о черепе твоего деда, то мы и его тиснем. Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у Вас; вдохновенья еще нет, покаместь принялся я за прозу. Пиши мне о своих занятиях. Что твоя проза и что твоя[1] поэзия? Рыцарской Ревель разбудил ли твою заспанную Музу? у вас Булгарин? К стати: Сомов говорил мне о его Вечере у Карамзина. Не печатай его в своих Цветах. Ей богу не прилично. Конечно вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах.

---

[1] *Переделано из* твои

Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее. Что твоя жена? помогло ли ей море? Няня ее цалует, а я ей кланяюсь.— Пиши же.

31 июля. Михайловское.

Адрес: Барону Антону Антоновичу *Дельвигу* *в Ревель.*

341. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
22 августа 1827 г. Петербург.

Милостивый государь Александр Сергеевич!

На письмо ваше о *перепечатании г. Ольдекопом* Кавказского Пленника вместе с немецким переводом мне не остается ничего другого вам ответить, как то, что родителю вашему объявлено было теми ‹местами›, от которых это зависело.

Перепечатание ваших стихов, вместе с переводом, вероятно последовало с позволения цензуры, которая на то имеет свои правила. Впрочем, даже и там, где находятся положительные законы насчет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками.

С совершенным почтением имею честь быть,
покорнейший слуга
А. Бенкендорф.

№ 1936.
22 августа 1827.
Его высокоб‹лагороди›ю А. С. Пушкину.

342. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.
22 августа 1827 г. Петербург.

Милостивый государь, Александр Сергеевич!

Представленные вами новые стихотворения ваши государь император изволил прочесть с особенным вниманием. Возвращая вам оные, я имею обязанность изъяснить следующее заключение.

1) *Ангел,* к напечатанию дозволяется;

2) *Стансы,* а равно 3) и Третия глава *Евгения Онегина* тоже.

4) *Графа Нулина* государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своеручно два места, кои его величество желает видеть измененными; а именно следующие два стиха:

„*Порою с барином шалит*", и
„*Коснуться хочет одеяла*",

впрочем прелестная пиеса сии позволяется напечатать.

5) *Фауст* и *Мефистофель* позволено напечатать, за исключением следующего места:

„*Да модная болезнь: она*
„*Недавно вам подарена.*

6) *Песни о Стеньке Разине*, при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева.

Уведомляя вас о сем, имею честь быть с совершенным почтением,
милостивый государь
ваш покорнейшей слуга
А. Бенкендорф

№ 1937.
22 августа 1827.
Его высокоб<лагороди>ю А. С.
Пушкину.

343. П. А. Плетнев — Пушкину.
27 августа 1827 г. Петербург.

27 авг. 1827.

От генерала Бенкендорфа я получил два отношения на твое имя. Препровождаю при сем случае копии обоих:

I. „Представленные вами новые стихотворения ваши государь император изволил прочесть с особенным вниманием. Возвращая вам оные, я имею обязанность изъяснить следующее заключение. 1) *Ангел* к напечатанию дозволяется; 2) *Стансы*, а равно 3) и третия глава *Евгения Онегина* тоже. 4) *Графа Нулина* государь император изволил прочесть с большим удовольствием и отметить своеручно два места, кои его величество желает видеть измененными, а имянно два стиха: *Порою с барином шалит* и *Коснуться хочет одеяла*; впрочем прелестная пиеса сия позволяется напечатать. 5) *Фауст и Мефистофель* позволено напечатать, за исключением следующего места: *Да модная болезнь: она Недавно вам подарена.* 6) *Песни о Стеньке Разине* пр<и>[1] всем поэтическом своем достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева".

[1] *Прорвано.*

II. „На письмо ваше о перепечатании г. Ольдекопом Кавказского Пленника вместе с немецким переводом мне не остается ничего другого вам ответить, как то, что родителю вашему объявлено было теми местами, от которых это зависело. Перепечатание ваших стихов вместе с переводом вероятно последовало с позволения цензуры, которая на то имеет свои правила. Впрочем, даже и там, где находятся положительные законы на счет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками".

Я уже приступил к печатанию Онегина. Напиши, *по чем* его публиковать? Следующую главу вышли мне без малейшего замедления. Пока ей надобно будет перейти свое цензирование, наступит срок и печатания ее. Хоть раз потешим публику оправданием своих предуведомлений. Этим заохотим покупщиков.

Какое сделать употребление из Нулина, когда ты пришлешь новые два стиха, в замену непропущенных?

Для Северных Цветов осталось у меня совсем готовых только две пиесы: *Ангел* и *Стансы*. Постарайся скорее доставить в Фауста два стиха, коими бы заменить непропущенные. Тогда и Фауст пойдет к Дельвигу.

Присланную тобою после Элегию я думаю представить для цензирования вместе с 4-ою Главою Онегина, а то не стоит беспокоить ею одною. Когда ее пропустят, тогда и отдам Дельвигу. Впрочем не дашь ли ему еще кой-чего в замен не одобренных Песень о Разине?

Прошу тебя, отвечай мне аккуратнее на все эти вопросы по порядку. Поэтические письма, т. е. не дельные, вредны там, где идет дело о скором приобретении денег. Кстати о деньгах. Не отставай от работы своего романа. Это вернейший капитал, который у тебя перед глазами.

Прилагаемое письмо получил я на твое имя из Москвы.

344. М. П. Погодину.

Вторая половина (не позднее 30) августа 1827 г. Михайловское.

ОТРЫВОК[1] ИЗ ОНЕГИНА.

В начале жизни мною правил
Прелестный, [милый] хитрый, слабый пол;
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол;
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством.
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.

[1] *Переделано из* Отрывки

Пред ней я таял в тишине,
Ее любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством.
Жить, умереть у милых ног —
Иного я желать не мог.

*

То вдруг ее я ненавидел,
И трепетал и слезы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злобных, тайных сил;
Ее пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры,
Всё было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Всё в ней алкало слез и стона,
Питалось кровию моей.....
То вдруг я мрамор видел в ней
Перед мольбой Пигмалиона
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркой и живой.

*

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета
Как сон забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою.....
Я долго был пленен одною.....
Но был ли я любим и кем,
И где, и долго ли?.... за чем
Вам это знать? не в этом дело;
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело;
Закрылось для любви оно,
И всё в нем пусто и темно.

*

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменя,
Не могут надивиться нами,
Себя по совести ценя.
Восторги наши своенравны
Им очень кажутся забавны;
И право с нашей стороны
Мы непростительно смешны.
Закабалясь неосторожно,
Мы их любви в награду ждем,
Любовь в безумии зовем,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких[1] и страстей!

Что вы делаете? что наш Вестник? Посылаю вам лоскуток Онегина ему на шапку. Фауст и другие стихи не вышли еще из-под ц.<арской> цензуры; коль скоро получу, перешлю к Вам. Я убежал в деревню, почуя рифмы.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно[2] погружон;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народнаго кумира
Не клонит гордой головы;

---

[1] *Сперва было начато:* Глубоких чувств

[2] *Переправлено из* мало-душно

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы.....

Назовите эти стихи да и тисните. Vale.
Что делает мой бедный Байбак? где он?

345. М. П. Погодину.

31 августа 1827 г. Михайловское.

Победа, победа! *Фауста* царь пропустил, кроме двух стихов: *Да модная болезнь, она Недавно вам подарена.* Скажите это от меня господину, который вопрошал нас, *как мы смели* представить пред очи его высокородия такие стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородие от моего имени впредь быть учтивее и снисходительнее. Плетнев доставит[1] вам Сцену, с копией отношения Бенкендорфа. Если моск.‹овская› цензура всё-таки будет упрямиться, то напишите мне, а я опять буду беспокоить государя императора всеподданнейшею[2] просьбою и жалобами на неуважение выс.‹очайшей› его воли.[3]

Теперь обратимся к другому предмету. Вы хотите издать Уранию!!! et tu, Brute!!.. Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между лавочниками литературы, Вы!...... Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью. У Вас *много накопилось статей, которые не входят в журнал*; но каких же? Quod licet Uraniae, licet тем паче М.‹осковскому› Вестнику; не только *licet*, но *decet. Есть и другие причины.* Какие? деньги? деньги будут, будут. Ради бога не покидайте Вестника; на будущий год обещаю Вам *безусловно* деятельно участвовать в его издании: для того разрываю непременно все связи с альманашниками обоих столиц. Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными; стихо-

---

[1] *Переделано из* достанет

[2] *Переделано из* всеподданейшей

[3] на неуважение выс. его воли *вписано.*

творная часть у нас славная; проза м. б. еще лучше, но вот беда: в ней слишком мало вздору. Ведь верно есть у вас повесть для Урании? давайте ее в Вестник. К стати о повестях: они должны быть непременно существенной частию журнала, как моды у Телеграфа. У нас не то, что в Европе — повести в диковинку. Они составили первоначальную славу Карамзина; у нас про них еще толкуют.

Ваша индейская сказка *Переправа*[1] в евр.‹опейском› журнале обратит общее внимание, как любопытное открытие учености, у нас тут видят просто повесть и важно находят ее глупою. Чувствуете разницу? Вестн.‹ик› Моск.‹овский› по моему беспристрастному, совестному мнению — лучший из русск. ж.‹урналов›. В Т.‹елеграфе› похвально одно ревностное трудолюбие — а хороши одни статьи Вяземского — но зато за одну статью Вяземского в Тел.‹еграфе› отдам три дельные статьи М.‹осковского› Вестн.‹ика›. Его критика поверхностна или несправедлива, но образ его побочных мыслей и их выражения резко оригинальны,[2] он мыслит, сѐрдит и заставляет мыслить и смеяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы с ним увидетесь, скажите ему, что я пред ним виноват, но что всё собираюсь загладить свою вину. Не знаю, увижу ли я Вас нынче; по крайней мере хочется зимою побывать в белокаменной. До свидания, милый и любезный. Весь ваш без церемоний.

31 авг. Михайловское.

P. S. Еще слово: издание Урании, ей богу, может, хотя и несправедливо, повредить Вам[3] в общем мнении порядочных людей. Прочтите, что̀ Вяз — — ‹емский› сказал об альманахе издателя Благонамеренного; он совершенно прав. Публика наша глупа, но не должно ее морочить. Так точно как журнальный сыщик Сережа глуп, но не должно его наверное обыгрывать в карты. Издатель журн. должен все силы употребить, дабы сделать свой журнал как можно совершенным, а не бросаться за барышом. Лучше уж прекратить издание; но сие

[1] Переправа *вписано.*
[2] *Переделано из* оригинален
[3] Вам *вписано.*

было бы стыдно. Говорю вам просто и прямо, потому что вас искренно уважаю. Прощайте.

Стансы к царю им позволены, *Песни о Стеньки* не пропущены.[1]

Адрес: В Москву.
В Университетскую книжную лавку г-ну Ширяеву
дл.‹я› дост.‹авления› М. П. Погодину.

346. Алексей Н. Вульф, Анна Н. Вульф и Пушкин—А. П. Керн.

1 сентября 1827 г. Тригорское.

‹Алексей Н. Вульф:›

Точно, милый мой друг, я очень давно к тебе не писал; главнейшая причина была та, что я надеялся ежедневно ехать в Пет‹е›рб.‹ург›, но теперь, когда я вижу, что сия желанная минута не так скоро приближится, я решил тебе снова напомнить обо мне. — Судьбе угодно, чтобы прежде, нежели я вступлю на опасную стезю честолюбия, я бы поклонился праху предков моих, как древние витязи севера, оставляя родину, беседовали на могилах своих отцов — коих в облаках блуждающие тени — прости, мой ангел, я было хотел себя сравнить с Оссиановыми героями и уже был на пути — но сестра, которая, стоя перед зеркалом, взбивала кудри, дала мне заметить, как хорошо у[2] ней [ле‹вая›] правая* сторона взбита, и тем прервала полет моей фантазии, м

‹Анна Н. Вульф:›

Не могу вытерпеть, чтоб не прервать его поэтического рассказа [за кото ‹рый›] и чтоб не сказать тебе, что ты обязана сему двум тарелкам орехов и яблоков с зернышками, которые он съел для вдохновенья et cela par sympathie en voyant dans ma lettre que tu mangeais du pâté et lui mange des noisettes ** et des pommes etc. etc. — *‹Алексей Н. Вульф:›* Ты видишь, что сестра не дает

‹Пушкин:›

Анна Петровна, я Вам жалуюсь на Анну Николавну — она меня не цаловала в глаза, как вы изволили приказывать. Adieu, belle dame.

Весь ваш
Яблочный Пирог.

---

* (ошибся, левая)

** *‹Алексей Н. Вульф:›* кои для меня столь же вкусны, как для тебя пироги яблочные.

---

[1] *Последняя фраза сбоку первой страницы.*

[2] у *переделано из* ее

‹*Алексей Н. Вульф:*›

равно как и А.‹лександр› П.‹ушкин› мне сказать тебе без дальних околичностей, что я на сих днях еду в Тверь а после, когда бог поможет, и к Вам, в Питер. Вот тебе покуда несколько слов, приехав в колыбель моей любви, я напишу тебе более. Здравствуй.

1 сентб. 827
Тригорск.[1]

Распечатав пакет, ты найдешь на нем вид Тригорского, написанный А.‹лександром› С.‹ергеевичем› П.‹ушкиным›. Сохрани для потомства это доказательство обширности *Гения*, знаменитого поэта, обнимающего всё изящное.[2]

347. А. Х. Бенкендорфу.

10 сентября 1827 г. Опочка.

Милостивый государь
Александр Христофорович

С благоговением и благодарностию получил я чрез Ваше превосходительство отзыв государя императора. Почитаю за счастие во всем повиноваться высочайшей его воле.

Что касается до моего дела с г. Ольдекопом, то я не осмелюсь вновь по оному беспокоить Ваше превосходительство. Вы изволили весьма справедливо заметить, что и там, где находятся положительные законы на счет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками. Но сие относится только к сочинениям древних или умерших писателей; если же допустить у нас, что перевод дает право на перепечатание подлинника, то невозможно будет оградить литературную собственность от покушений хищника.

Повергая сие мое мнение на благоусмотрение Вашего превосходительства, полагаю, что в составлении постоянных правил для обеспечения литературной собственности вопрос о праве перепечатывать книгу при переводе, замечаниях или предисловии весьма важен.

---

[1] *Последние две фразы и дата приписаны поперек первой страницы.*

[2] *Последний абзац поперек второй страницы.*

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть

милостивый государь
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

Опочка.
1827
10 сентября

348. П. А. Плетнев — Пушкину.

22 сентября 1827 г. Петербург.

Мне странно, что ты леность свою стараешься прикрыть благовидными причинами. „Не хочешь беспокоить часто Цензора“. Это в сущности-то значит: лень приняться за поправку и переписку. Всего удивительнее противоречие между твоими желаниями и поступками. Денег хочется, да они и крайне тебе нужны. А сам ты ежедневно теряешь свой доход. Все спрашивают прежних поэм твоих и мелких стихотворений. Продать издание какому-нибудь книгопродавцу значит разделить с ним пополам свое имение. Одно средство остается: накопить нынешнею зимою побольше денег, да с будущей весны и приступить к хорошенькому новому изданию всех твоих стихотворений вместе, или по частям, в одном только формате и в каком-нибудь порядке постоянном, что будет полезно и для грядущих творений твоих. Ни что так легко не даст денег, как Онегин, выходящий по частям, но регулярно через два или три месяца. Это уже доказано a posteriori. Он, по милости божией, весь написан. Только перебелить, да и пустить. А тут-то у тебя я хандра. Ты отвечаешь публике в припадке каприза: вот вам Цыганы; покупайте их! А публика, на зло тебе, не хочет их покупать и ждет Онегина, да Онегина. Теперь посмотрим, кто из вас кого переспорит. Деньги-то ведь у публики: так пристойнее, кажется, чтоб ты ей покорился, по крайней мере до тех пор, пока не набьешь своих карманов. Короче тебе скажу: твоих Цыганов ни один книгопродавец не берется купить: всякой отвечает, что у него их — дискать еще целая полка старых. Нуждаются только во второй главе Онегина, которая засела в Москве, а здесь ее все спрашивают. Итак, по получении сего письма, тотчас напиши в Москву, чтобы оттуда выслали все остальные экземпляры Онегина 2<-ой> главы в Петербург на имя Слёнина (мне самому не-когда ездить в почтамт для получения посылок), а ко мне только бы за известие написали в особом письме, сколько послали имянно экз. к Слёнину для верности моих с тобою счетов.

В последний раз умаливаю тебя переписать 4-ю главу Онегина, а буде разохотишься и 5-ю, чтобы не с тонинькою тетрадкою итти к Цензору. Если ты это сделаешь, то отвечаю тебе и за долги твои и за доходы на год; а если еще будешь отговариваться и софийствовать, то я предам тебя на произвол твоей враждующей судьбе. Вспомни, что никогда не бывает столь обильной книжной жатвы, как накануне ро<ждества>[1] и нового года. А ты обеща<л >[1] тогда прислать. Нет, т<оропись<?> >[1] тебе пришлю и отпечата<нные экз.>[1] 3-ей, 4-ой и может быть, 5-ой главы Онегина с целым возом ассигнаций. Вообрази, что тебе надобно будет иметь уже капитал, когда ты и роман напишешь: иначе не на что будет его печатать. Это ведь не глава Онегина в два листика, где и в долг поверят бумагу, набор и печатание. Нет, потребуют все наличные денежки, а где нам их будет взять? У тебя и Годунов ростет для печати. А из каких доходов мы его отпечатаем? По всему видно, что для разных творений твоих, бесприютных и сирых, один предназначен судьбою кормилец: Евгений Онегин. Очувствуйся: твое воображение никогда еще не создавало, да и не создаст, кажется, творения, которое бы такими простыми средствами двигало такую огромную <гору><?>[1] денег, как этот бесцен<ное золо>тое дно Онегин. Он <однако><?>[1] не должен выводить <из терп>ения[1] публики своею ветренностию.

Барон очень хочет выпросить у тебя Стансы для Цветов.

22 сент. 1827.

349. *Д. В. Давыдов — Пушкину.*

Конец сентября—первая половина октября 1827 г. Москва.

(Отрывок)[2]

мне писал племянник мой Владимир Петрович Давыдов, который учится в Эдинбурге, что он часто видится с Валтером-Скоттом и часто бывает у него в деревне. Что Валтер-Скотт долго его обо мне расспрашивал и показывал ему портрет мой, находящийся у него в кабинете. Это весьма польстило моему самолюбию,[3] и я написал Валтеру-Скотту благодарное письмо, на которое [в ответ он прислал виденное тобою его письмо] немедленно он отвечал. Сверх того он, — спустя несколько времени [он] прислал мне свой портрет с надписью [его руки]: *Валтер Скотт, Денису Давыдову.* Теперь я ему [пишу и на днях посылаю] пишу благодарное письмо за портрет, а между тем узнав, что он составляет себе кабинет разного оружия, [я] на днях посылаю ему курстанской[4] дротик, черкесской лук и стрелы и кинжал. Вот вся история моего знакомства с Валтер-Скоттом.

---

[1] *Кусок листка оторван.*

[2] *Начала письма не сохранилось.*

[3] *Переделано из* мое самолюбие

[4] *Переделано из* курстанскую

350. А. Ф. Смирдину.

25 октября 1827 г. Петербург.

Милостивый государь мой
Александр Филипович,

По желанию Вашему позволяю Вам напечатать вторично поэму мою *Бахчисарайский фонтан* числом тысячу экземпляров.

25 октябрь
1827.
С. Петербург.

Ваш покорный слуга
Александр Пушкин

Адрес: Александру Филиповичу
Смирдину

351. Ф. В. Булгарину.

Ноябрь (до 18) 1827 г. Петербург.

Напрасно думали вы, любезнейший Фаддей Венедиктович, чтоб я мог забыть свое обещание — Дельвиг и я непременно явимся к Вам с повинным желудком сегодня в $3^1/_2$ часа. Голова и сердце мое давно Ваши. А. Пушкин.

Адрес: Его высокоблагородию, милостивому государю
Фаддею Венедиктовичу Булгарину.

352. Н. О., С. Л., А. С. и О. С. Пушкины — Л. С. Пушкину.

21 ноября 1827 г. Петербург.

‹Н. О. Пушкина:›

St. Pétersbourg, ce 21 novembre
1827.

Quand, comment et où te trouvera cette lettre, je l'ignore, mon bon ami. C'est Бухмеер qui s'en charge, c'est lui qui a dit à Korff et à Semeka que tu te portais bien quand il a quitté Érivane, mais puis-je être tout-à-fait tranquille n'ayant pas une ligne de ta main depuis le 5[1] d'Août. Assurément tu nous aurais écrit si tu le pouvais, mais pourquoi ne le peux-tu pas? il y a des occasions, les courriers ne font qu'aller et venir, je crains que tu ne sois malade, je ne cesse de

[1] *Переделано из* 6

prier Dieu pour toi, cher Léon, qu'il te conserve et que j'aie bientôt le bonheur de t'embrasser. As- tu reçu l'argent? j'espère qu'il te parviendra à temps. Quant à nos lettres, nous ne te ferons pas languir, nous ne manquons aucune occasion et nous écrivons souvent par la poste. C'est tout ce que je puis te dire pour le moment, ton silence me tourmente au-delà de toute expression, ce tourment ne peut se terminer que par la lecture de ta lettre que j'attends avec une impatience dont tu peux t'en faire une idée, tu sais combien tu m'es cher et ce que je souffre de n'avoir pas de tes nouvelles.

Adieu, mon bien bon ami, mon cher Léon, je te serre contre mon cœur, ta sœur et ton frère t'embrassent.

⟨*С. Л. Пушкин:*⟩

Je n'ose plus, mon bon ami, espérer d'avoir une lettre de toi — je crains toujours que tu ne sois malade et malgré les nouvelles rassurantes que l'on nous a données, je crains que cela ne soit simplement pour nous tranquilliser. Il y a plus d'un mois que je t'ai envoyé par la poste au nom de Mr Раевский 2000 r., j'ignore si tu les a reçus. Au mois d'Août après ta lettre, je t'avais envoyé par Mr Oppermane 500 r., je n'ai pas eu de réponse, mais c'est surtout ta santé qui m'inquiète. Il y a quelque temps que j'ai lu le Voyage en Géorgie par Gamba: les détails seuls des routes m'on fait frissonner. — S'il arrive encore un courrier sans apporter de tes nouvelles, je ne saurai que penser. Je tremble de m'arrêter à cette idée — tu sais comme je suis, et actuellement je ne manque pas de raisons de m'inquiéter à ton sujet. Adieu, je t'embrasse bien tendrement et de tout mon cœur. Je prie Dieu tous les jours et à chaque instant du jour pour ta conservation. — Alexandre est chez nous et t'embrasse. — Хамеков que j'ai rencontré ce matin t'embrasse. Adieu! Sois heureux et surtout porte-toi bien.

⟨*А. С. Пушкин:*⟩

Dites à Rajevsky qu'il m'écrive[1] à l'adresse de mon père. Vous eussiez dû faire de même.

⟨*О. С. Пушкина:*⟩

Et moi, que vous dirai-je, mon bon ami? Rien ne se fait de nouveau ici, si non qu'on attend une troupe Italienne avec la plus vive impatience. On prétend qu'elle surpassera celle de Moscou. En attendant nous avons une augmentation assez considérable en fait d'acteurs français [qui] Mr Bras, le couple Chardon, Mr Paul, pour la comédie et une dle Bertrand pour les ballets. Je n'ai pas encore vu le monde, mais c'est charmant dit-on et je le crois très fort. Le spectacle français est plus fréquenté que jamais et on ne trouve que 3 loges à louer. Voilà des nouvelles théâtrales que je te donne. Pour le reste sûrement tu es encore [plus] instruit — par une certaine *Personne*.

---

[1] *Переделано из* m'écrivent

353. П. А. Вяземский — Пушкину.

22 ноября 1827 г. Москва.

22-го ноября. Москва.

Получишь ты письмо мое от Малышева, хорошего мне приятеля и доброго человека. Полюби его, если можешь любить кого-нибудь, и дай ему стихов своих: он скажет тебе для чего. Ты, пострел, хотя раз рванул бы на меня с отъезда или плюнул из колодца семейной слюни. Пиши хотя к жене моей, ей в скуке уединения письмо твое будет лакомством. Она бедная была в большом страхе и горе: Павлуша лежал в кори, но теперь ему, слава богу, лучше. Вот ее адресс: в Пензе для доставления в Село Мещерское. А вместе и мой, потому что в конце месяца еду к ней. Отвечай мне туда. В конце января думаю быть у Вас. Что наш *Современник* пойдет ли со временем? У нас здесь Аксаков, глупейший из современников, с которым ничего писать нельзя. Он поступает с нами, как поступил с Филоктетом Лагарпа, то есть бьет лежачих. Ты счастлив, твой цензор дает тебе дышать и режет только Аббас-Мирзу в горах и жжет Ибрагима на море. Мне хочется иногда просить тебя подпустить в свой жемчуг мои буски для свободного пропуска. Я вчера обедал у дяди твого: он умиленным и потеющим взором указывал нам на Маргариточку свою, играющую на фортепиано. Кстати! Часто ли обедаешь дома, то есть в недрах Авраама? Сделай милость, обедай чаще. Серг.<ей> Львов.<ич> вèрно в брата хлебосол и любит кормить. Родительскою хлеб-солью надобно дорожить. Извини мне, что даю тебе совет, но ты знаешь, как я люблю тебя.

Мой сердечный поклон и лобзание в руку Ольге Сергеевне. Жива ли наследственная шаль ее? А что делает *наша* друг? Ольга Сергеевна видно разбогатела: она хотела быть в переписке со мною, когда не имела денег для абонирования в библиотеке чтения, а ныне уже не добивается переписки со мною. Кланяйся от меня Дельвигу, Плетневу. Не стыдно ли тебе, пакостнику, обедать у Булгарина? Не лучше ли обедать в недрах Авраама?

Обнимаю тебя.

354. С. А. Соболевскому.

Ноябрь (после 10) 1827 г. Петербург.

Безалаберный! полно тебе писать глупости Анне Петровне; напиши мне слово путное. Где *Онег.<ина>* 2 часть? здесь ее требуют, остановилась за нее продажа и других глав. А кто виноват? ты, живот, Калибан etc. — еще слово: ты перевелся на Трубецкого, а он терпел, терпел целый месяц — а как стало невтерпеж, пристал ко мне внезапно: давай денег! — денег — а где их взять? — Что Ваши, т. е. Наши? Погодин мне писал,

а я виноват весь изленился, не отвечал еще и не послал стихов — да они сами меня обескуражили. Здесь в П.‹етер› Б.‹урге› дают мне (à la lettre) 10 рублей за стих — а у Вас в Москве — хотят меня заставить даром и исключительно работать журналу. Да еще говорят: Он богат, чорт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистую, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича.

А. П.

Баронесса тебе кланяется — и цалует нежно.

Адрес: Соболевскому.

355. П. А. Осипова — Пушкину.

Ноябрь (?) 1827 г. Тригорское.

(Отрывок)[1]

le nouvel an, vous vous reposerez — et puis vous volerez de nos bras — à des nouvelles jouissances à des nouveaux plaisirs — à une nouvelle Gloire. Adieu je baise vos beaux yeux que j'aime tant.[2] P. O.

Послание к няне

Васильевна мой свет, забуду ль я тебя?
В те дни как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки —
Ты, благодатная хозяйка сени той —
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священодействовал при олтаре Камены —
Всегда, приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здраствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Когда я навещал великого поэта
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой!
Как сладостно твое святое хлебосольство
Наш баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет,
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам и брашно подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла

[1] *Первая половина письма не сохранилась.*

[2] que j'aime tant *вписано.*

На милой тесноте старинного стола! —
Ты занимала нас, добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом,
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитренных суждений и похвал,
Свободно говорил язык словоохотный! —
И легкие часы летели беззаботно!

Адрес: А. Пушкину,
где он найдется.

356. М. П. Погодину.

Около (не позднее) 17 декабря 1827 г. Петербург.

Теперь я должен перед вами зело извиняться за долгое молчание. — Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лень мною овладела, это еще лучшее оправдание мое. Посылаю вам Туманск.<ого> (кроме Голубые глаза, взятые для Д.<ельвига>), Отр.<ывок> из Онегина и *Стансы* пропущенные — на днях пришлю *Москву* и др. Извините меня перед Калайдовичем; у меня чисто ничего не осталось после здешней альманашной жатвы, а писать еще некогда.

Весь ваш А. П.

Я не лишен прав гражданства и могу быть цензорован нашею цензурою, если хочу, — а с каждым нрав<оучительным> четверост.<ишием> я к высшему цензору не полезу — скажите это им.

357. С. А. Соболевскому.

Декабрь 1827 г. (?) Петербург.

Если бы ты просто написал мне, приехав в Москву, что ты не можешь прислать мне 2-ю главу, то я без хлопот ее бы перепечатал. Но ты всё обещал, обещал — и благодаря тебя во всех книжных лавках продажа 1-ой и 3-й гл. остановилась. Покорно благодарю. —

Что из этого следует?

Что ты безалаберный.

Что ты Ольдекопничаешь и Воейковствуешь, перепечатывая нас образцовых Великих людей — Мерзлякова, двух Пушкиных, Великопольского, Подолинского, Полевого и проч.

Хорош!

Адрес: Sobolevsky.

358. А. Бальш — Пушкину.

Май 1821 г. — июнь 1823 г. Кишинев
или
около 10 сентября 1826 г. — 1827 г. Москва—Петербург.

Comment faire pour vous trouver?

A. Balsch.

DUBIA.

1. П. Я. Чаадаеву.

26—28 мая (?) 1820 г. Екатеринослав (?).

Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал; стоило ли будить тебя из-за такой безделицы.

2. П. В. Нащокину.

1821 г. Кишинев.

(Отрывок)

Я живу в стране, в которой долго бродил Назон. Ему бы не должно было так скучать в ней, как говорит предание. Все хорошенькие женщины имеют здесь мужей; кроме мужей, чичисбеев, а кроме их еще кого-нибудь, чтобы не скучать....

3. А. П. Полторацкому.

Январь 1822 г. Кишинев.

Я жив,
Старов
Здоров.
Дуэль не кончен.

4. А. П. Керн.

(Приписка в письме Анны Н. Вульф)

Вторая половина августа — начало декабря 1824 г. Тригорское.

Une image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais!

5. Е. К. Воронцовой.

Середина августа 1824 г. — начало 1825 г. Михайловское.

(Отрывок)

Que fait votre lourdaud de mari?

6. А. А. Дельвигу.

Середина марта 1825 г. Михайловское.

Дельвиг, жив ли ты?

7. П. А. Осиповой.

Конец июля—первая половина августа 1825 г. Михайловское.

(Отрывок)

Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attraynte.

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ.

1. В Коллегию иностранных дел.

3 июля 1817 г. Петербург.

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит ведомства Государственной Коллегии Иностранных дел коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин о следующем.

Имею необходимую надобность отлучиться в Псковскую губернию, для приведения в порядок домашних моих дел, по чему всеподданнейше прошу. К сему

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом, повелено было сие мое прошение в Государственную Коллегию Иностранных дел принять и меня, для приведения в порядок домашних моих дел, уволить в Псковскую губернию по 15-е число будущего сентября месяца. прошению

Всемилостивейший государь! Прошу вашего императорского величеетва о сем моем прошении решение учинить июля дня 1817 года. К поданию надлежит в Государственную Коллегию Иностранных дел. Прошение писал титулярный советник Котов.

Коллежской секретарь Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил.

2. В Коллегию иностранных дел.

9 июля 1819 г. Петербург.

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит ведомства Государственной Коллегии Иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин, о нижеследующем:

Имея необходимую надобность отлучиться по собственным делам моим в здешнюю губернию на 28 дней, всеподданнейше прошу.

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Государственную Коллегию Иностранных дел принять и меня в С.‹анкт›-Петербургскую губернию на 28 дней уволить.

Всемилостивейший государь! Прошу вашего императорского величества о сем моем прошении решение учинить июля дня 1819 года. К поданию надлежит в Государственную Коллегию Иностранных дел. Прошение сочинял и писал титулярный советник Котов.

Коллежской секретарь Александр Пушкин.

3. М. С. Воронцов — Пушкину.

22 мая 1824 г. Одесса.

№ 7976
22 мая 1824 г.
Одесса
Отделение 1-е.

Состоящему в штате моем ведомства Коллегии Иностранных дел господину коллежскому секретарю Пушкину.

Желая удостовериться о количестве появившейся в Херсонской губернии саранчи, равно и том, с каким успехом исполняются меры, преподанные мною к истреблению оной, я поручаю вам отправиться в уезды Херсонский, Елисаветградский и Александрийский. По прибытии в города Херсон, Елисаветград и Александрию явитесь в тамошние общие уездные присутствия и потребуйте от них сведения: в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются. После сего имеете осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства и достаточны ли распоряжения, учиненные уездными присутствиями.

Обо всем, что по сему вами найдено будет, рекомендую донести мне.

Нов‹оссийский› г‹енерал-›г‹убернатор› и п‹олномочный› н‹аместник› Б‹ессарабской› области

‹Воронцов›

4. В Коллегию иностранных дел.

2 июня 1824 г. Одесса.

Всепресветлейший, державнейший, великой государь император Александр Павлович, самодержец всероссийской, государь всемилостивейший.

Просит коллежской секретарь Александр Пушкин, а о чем тому следуют пункты.

Вступив в службу вашего императорского величества из Царско-сельского Лицея с[1] чином коллежского секретаря в 1817 году, июня 17 дня в коллегии иностранных дел продолжал оную в Санкт-Петербурге до 1820 году, потом волею вашего императорского величества откомандирован был к полномочному наместнику Бессарабской области.

II.

Теперь по слабости здоровья не имея возможности продолжать моего служения, всеподданейши прошу

III.

Дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение принять и меня вышеимянованного от службы уволить.

IV.

Всемилостивейший государь, прошу ваше императорское величество о сем моем прошении решение учинить. Июня 2 дня 1824 года, Одесса. К подаче подлежит через Новороссийского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области в Государственную коллегию Иностранных дел.

Сие прошение сочинял и писал коллежской секретарь Александр Сергеев сын Пушкин.

5. П. А. Плетнев — Пушкину.

19 ноября 1826 г. Петербург.

19 ноябр. 1826 г.

Приход.

I. Издание первой главы Евгения Онегина должно было принести, после утвержденных условий с книгопродавцами, 9.977 рублей. Но так как 750 экземпл. еще не продано, то и получено наличными деньгами 6.977 руб., а остальные 3.000 руб. остаются в товаре.

---

[1] с *переделано из* в

II. Издание разных мелких стихотворений, которое всё уже разошлось, доставило 8.040 руб.

Следственно чистыми деньгами получено
за обе книги — — — *15.017 рублей*
а в товаре осталось 3.000 руб.

Расход.

Издержки, по случаю печатания обеих сих книг, как то: на покупку бумаги, за набор и переплет; пересылка наличных денег в разные времена сочинителю, считая с начала 1825 года; покупка для него книг и многих других вещей; уплата некоторых долгов по его же требованию: всё это вместе, подробно изложенное в счетной книге, составило *8.893 руб. 80 коп.*

По сравнении действительного дохода, т. е. наличными деньгами, с издержанною суммою видно, что остается в кассе *6.123 р. 20 к.*

Из этих остаточных денег с сим счетом препровождается по требованию сочинителя 1.000 рублей. Да остается в долгу на бароне Дельвиге 2.200 рублей, что вместе составит 3.200 руб.

Следственно в кассе на будущее время готово только: *2.923 руб. 2<0к>.*[1]

---

[1] *Прорвано.*

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

В разделе „Другие редакции и варианты“ помещены черновики писем Пушкина, сохранившиеся на ряду с беловыми редакциями, и письма Пушкина, дошедшие до нас лишь в черновиках и данные в основном тексте в сводках. Сюда же включена прижизненная печатная редакция письма Пушкина к В. Л. Пушкину 1816 г. (опубликованного без ведома и вопреки желанию поэта), довольно значительно отличающаяся от редакции, сохранившейся в списках и явно более соответствующей подлиннику.

Учитывая особый характер писем, отличающий их от произведений художественного слова, статей и т. п., мы даем тексты, входящие в этот раздел полностью, т. е. с воспроизведением в квадратных скобках всех зачеркнутых Пушкиным мест. В случаях переделок одного слова в другое и, в особенности, при наличии сложных переработок, значительно меняющих контекст, первоначальные отмененные чтения выносятся в подстрочные сноски, в качестве вариантов, причем буквами *а, б, в* и т. д. отмечается последовательность их.

Этот способ передачи не только позволяет сообщить чтению черновика наивозможную осмысленность, но и воспроизводит самый процесс работы Пушкина над текстом письма. Для наглядности поясним это примером.

В последнем издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского одно место в черновом письме к одесскому знакомцу поэта, Д. М. Шварцу, напечатано так:

Уединение мое совершенно — праздность [моя] торжественна [и совершенны] [уеди.]

Такое чтение не только не передает последовательной смены нескольких контекстов, предшествующих окончательной редакции этого места, но и не дает точного воспроизведения подлинника. Мало того, создается впечатление, что Пушкин сперва дал сразу же (зачеркнув только одно слово) окончательное чтение, а затем осложнил его рядом тут же отбрасываемых вариантов, т. е. шел не от черновика к беловику, а, наоборот, от беловика к черновику. Между тем транскрипция этого места выглядит следующим образом:

Уединение мое [и] совершенно
√Праздность [моя] торжественн[а][ы]а [и совершенн[а][ы], [уеди]

Т. е. Пушкин сперва написал фразу: „Праздность моя торжественна и совершенна“ и начал слово „уеди“ — „уединение“; затем, не докончив этого слова, перебросил его в начало фразы, придал ему — соответственно изменив средний род на женский — притяжательное местоимение, отнятое у слова „праздность“, связал слова „уединение“ и „праздность“ соединительным сою-

зом и соответственно изменил у двух следующих затем прилагательных-определений единственное число на множественное. Получилось: „Уединение мое и праздность торжественны и совершенны". Однако Пушкина не удовлетворила и эта редакция, и он снова отделил друг от друга слова „уединение" (оставленное им, однако, в начале фразы) и „праздность", распределив между ними следующие далее определения, причем эти последние, в свою очередь, поменялись местами. Так возникло окончательное чтение: „Уединение мое совершенно — праздность торжественна".

Посредством принятого способа воспроизведения и передается эта последовательная смена контекстов, причем это делается не путем транскрипции — графически-точного воспроизведения начертаний подлинника, как они в конечном счете лежат на бумаге, — а показывается постепенная выработка окончательного текста, т. е. подлинник воспроизводится не в пространственной, а во временной последовательности.

В данном издании приведенное место воспроизводится так:

В тексте письма:

Уединение мое совершенно — праздность торжественна.[1]

Под строкой:

[1] *а.* Праздность моя торжественна и совершенна, уеди⟨нение⟩
б. Уединение мое и праздность торжественны и совершенны.

Приведем еще пример. В письме 1819 г. к Н. И. Кривцову имеем:

В тексте письма:

а перо так глупо[8]

Под строкой:

[8] *а.* и перо еще глупее
б. а перо так глупо
в. а перо так бедно
г. а перо так те⟨мно⟩

Совпадение варианта *б* с текстом письма показывает, что Пушкин начал было перерабатывать этот вариант, но после двух неудовлетворивших его попыток снова вернулся к нему.

В угловые скобки, как это и имеет место в данном случае (в варианте *г*), заключены все слова или части слов, восполненные редактором. Взамен слов, не поддающихся прочтению, ставится: *нрзб.* (по числу неразобранных слов). Слова, чтение которых предположительно, сопровождаются редакторским знаком вопроса.

Аннотации редактора в сносках набраны курсивом.

Об орфографии и пунктуации см. в общем введении (ниже, стр. 415—418).

4а. В. Л. Пушкину.

28 (?) декабря 1816 г. Царское Село.

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный Поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный *Вот*!
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме вашем вы называли[1] меня братом; но я не осмелился назвать вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,
От рифм бакхических[2] шатаясь на Пегасе:
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад....[3]
Нет, нет, вы мне совсем не брат:
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира — можно ли мне надеяться, что вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

Да, каюсь я конечно перед вами:
Совсем не прав пустынник-рифмоплет;
Он в лености сравнится лишь с богами;
Он виноват и прозой и стихами:
Но *старое* забудьте в *новый* год.

Кажется, что судьбою определены мне только[4] два рода писем: *обещательные* и *извинительные*:[5] первые, в начале

---

[1] назвали (*Дш*).
называете (*Дл*).
[2] вакхических (*Дш и Дл*).
[3] хоть рад или не рад (*В*).
[4] *В В* только *отсутствует*.
[5] извиняющиеся (*Дш*).

годовой переписки, а последние при последнем ее[1] издыхании. К тому же приметил я, что и все они состоят[2] из двух посланий; это, мне кажется, непростительно.[3]

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать
И с гневной Музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бедного[4] Ослова
Священным Феба языком,
И лоб угрюмый Шутовского
Клеймить единственным стихом!
О вы, которые умели
Любить, обедать и писать —
Скажите искренно — ужели
Вы не умеете прощать?

Напоминаю о себе[5] моим незабвенным; не имею больше времени; но..... надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце и которые любите еще меня....[6]

Шольё Андреевич конечно
Меня забыл давным давно,
Но я его люблю сердечно,
За то, что любит он беспечно
И пить и петь свое вино,
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеется,[7] право, пресмешно.[8]

9а. Н. И. Кривцову.

Вторая половина июля—начало августа 1819 г. Михайловское.

Помнишь ли ты, житель свободной Англии, что есть на свете Псковская губерния, [что] [из этого-то] [откуда наконец

---

[1] *В Дш и Дл явно ошибочно* его
[2] что вся годовая переписка состоит (*В*).
[3] это мне неизвинительно (*В*).
это кажется мне непростительно (*Дл*).
[4] *Так же в Дш.*
[5] *Так же в Дл.*
[6] *Весь этот абзац в В отсутствует.*
[7] *Так же в Дл.*
[8] *В Дш в самом конце письма дата:* 1816. 22 дек.
В В дата вовсе отсутствует.

пишет тебе] твой[1] [П<ушкин>] [верный[2]] ленивец которого[3] ты верно [не забываешь] помнишь [и любишь], который о тебе каждый день грустит, на[4] которого [ты должен бы сердиться — но не знаю сердишься ли] сердишься[5] и [ты д<олжен>] Ужели<?> [Я виноват, потому что уж] Я <не> люблю писать писем — Язык и голос едва ли достаточны для наших мыслей[6] — а перо так глупо,[7] так медленно — [так] письмо не может заменить разговора.[8] Как бы то ни было я виноват [дум<ая>] [и д<умая>] [зная чт] [знавши] [зна] [зная] знавши что мо<е> письмо может на минуту напомнить тебе [9] об нашей[10] России[11] [об вечёрах Тург<евых>] [и о Грибко] о вечерах у Т.<ургеневых> и Кар.<амзиных> [и не исполнив дружеского долга]

13а. П. А. Вяземскому.

Около (не позднее) 21 апреля 1820 г. Петербург.

Радуюсь, милый Вяземской, что преображенской мой приятель подал мне случай придраться к переписке. Ты сделал остроумную ошибку, NN — темное, тупое и справедливое замечанье. Желаю чтоб дело на этом остановилось. Я поздравил Катенина от твоего имени с счастливым испражнением Барельефов пиров Гомеровых. Он отвечал, что <-----> твое а не его; но кажется с беспокойством ожидает твоей сатирической палицы. Первые твои 4 стиха на Катенина в послании к Дмитриеву, прекрасны, следующие, нужные для пояснения личности, слабы и холодны. И — дружба в сторону, Катенин заслуживает что-нибудь позлее и получше. Он опоздал родиться. — Не идеями

---

[1] твой *зачеркнуто и восстановлено.*
[2] верный *вписано.*
[3] *Сперва было начато:* которы<й>
[4] на *зачеркнуто и восстановлено.*
[5] сердишься *зачеркнуто и восстановлено.*
[6] *а.* Я не писал — и язык
б. Я не писал — И голос и язык недостаточны для наших мыслей и чувств
в. Я не писал — И голос и язык недостаточны для выражения наших мыслей и особли<во> для чувств
[7] *а.* н перо еще глупее
б. а перо так глупо
в. а перо так бедно
г. а перо так те<мно>
[8] письмо не может заменить разговора *вписано.*
[9] *а.* что мои письм<а> на несколько минут мо<гут>
б. что мои письм<а> могут принести тебе неск. мин. удовольст<вия>
[10] нашей *зачеркнуто и восстановлено.*
[11] *В подлиннике:* Россие; *переделано из* Россию

(которых у него нет) — но характером, принадлежит он к 18 столет<ию> та же авторская мелкость и гордость, те же литературные интриги и сплетни. Мы все, по большой части привыкли смотреть на поэзию, как на записную прелестницу к которой заходим иногда поврать и поповесничать, без всякой душевной привязанности и вовсе не уважая опасных ее прелестей. Катенин напротив того приезжает к ней в башмаках и напудренный и просиживает у нее целую жизнь с платонической любовью, благоговеньем и важностью. Что ни говори век наш не век поэзии, умы не к ней устремлены; и нынче удвоенные рифмы Вольтера не могли бы произвесть прежнего своего действия — сожалеть, кажется, и о чем а всё-таки жаль. Всего приятнее — стихами — пестрить скучную прозу жизни, и для того, ради бога присылай нам себя почаще. Ты оживляешь однообразие наших вечеров, *Первый снег* прелесть. Но *Уныние* полное чувств

17а. Арзамасцам.

20-е числа сентября 1820 г.(?) Кишинев.

В лето 5 от Липецкого потопа — — [м<ы>[1] превосходительный Рейн и] [превосходительный] жалобный сверчок [сидя н] на лужице города Кишенева[2] именуемой *Быком* сидели и плакали воспоминая *тебя,* [о] *о Арзамас* [*Иерусалим ума и вкуса*] ибо [гу<си>] благородные [гуси] величественно барахтались[3] пред на<шими> глазами в мутн<ых> водах[4] [ее] [Быка] [вышесказанной речки] упомянут<ой> [и с братской] Живо представились [нам] им ваши отсутствующие превосходительства и в полноте[5] [от избытка] сердца [нашего] своего [составили мы заседание состоящее] положили они уведомить[6] о себе [братию] членов[7] православного братств<а> украшающ<его>[8] берега Мойки и Фонтанки — [и потому]

---

[1] м<ы> *вписано.*

[2] на луже Кишеневской

[3] *Вместо* ибо *и т. д. сперва было начато: а.* петь *б.* гуси барахтались *в.* гуси величественно

[4] *а.* в мутном потоке
б. в мутн<ых> потоках

[5] в полноте *зачеркнуто и восстановлено.*

[6] *а.* положили уведомить
б. положили мы уведомить

[7] членов *зачеркнуто и восстановлено.*

[8] *а.* православное братство освящающее
б. православное братство украшающее

19а. В. Л. Давыдову (?).[1]

Первая половина марта 1821 г. Кишинев (?).

Уведомляю тебя о происшедствиях [нашего края — они] которые будут иметь следствия важные[2] не только для нашего[3] края но и для всей Европы — [особенно для России —]

Греция восстала и провозгласила[4] свою свободу — Теодор Владимиреско,[5] служивший некогда в войске покойного князя Ипсиланти[6] в начале февраля ныняшнего года — вышел из Бухареста [с несколькими] [с толпой] с малым чис<лом> [союз<ных><?>] вооруженных арнаутов и объявил [въ] что [угнетаемые] греки [решились] не в силах более выносить [угне<тения>] притеснений и грабительств туре<цких> начальников[7] [и] что они[8] решились освободить роди<ну> от ига незаконного[9] [что <они> впредь] что <нам>ерены платить[10] [исполнять] [то<лько>] [ли<шь>] только подати, <н>аложенные прав<итель-ст>вом. Сия прокламация <встр>евожила всю <Молд>авию — [К.<нязь> Суццо] [в Яссах] К.<нязь> Суццо и <русской> консул н<апрас>но<?> хотели удержать р<аспростра>нения<?> бунт<а> — пандуры и арнауты от<овсю>ду[11] бежали к смелому Владимиреско[12] — и в несколько дней он уже начальствовал 7000 войска.

21 февр<аля> [пр<ибыл>] генерал[13] князь Александр Ипсиланти — с двумя из своих братьев и с кня.<зем> Георг.<ием> Кан<такузеном>[14] прибыл в Яссы из Кишенева[15] где оставил он мать сестер и двух братий.[16] Он был [принят] встречен 3 стами арнаутов кн.<язем> Су.<ццо> и р.<усским> к<онсулом>[17] и[18]

---

1 *Подлинник в нескольких местах прожжен.*
2 иметь важные последствия
3 *Переделано из* наших
4 *а.* Греция взбунтовалась и провозгласила
б. Греки восстали и провозгласили
5 — Некто Владимиреско
6 в войске князя Ипсиланти
7 выносить несправедливости турецкого правительства
8 они *зачеркнуто и восстановлено.*
9 *а.* решились освободиться от ига их
б. решились освободиться от несносного ига
10 <нам>ерены платить *зачеркнуто и восстановлено.*
11 *Начиная от* что <они> впредь *подлинник в ряде мест прожжен.*
12 бежали к Владимиреско
13 генерал *вписано.*
14 и с кня. Георг. Кан<такузеном> *вписано.*
15 прибыл из Кишенева
16 *От* где оставил *вписано.*
17 кн. Су.<ццо> и р. к<онсулом> *вписано.*
18 и *зачеркнуто и восстановлено.*

тотчас принял [он] начальство[1] города — [С.<уццо> и ко<н-сул> к нему[2] явились] Там издал он прокламации, которые быстро разлилися[3] повсюду — [он[4]] в них сказано — что [час вос<стания>] Феникс Греции воспрянет[5] из своего пепла, что час гибели для Турции настал *и проч. и что Великая Держава одобряет* [*сии*] [*сей*] *подвиг великодушный*! [что российское] [Восторг] [Три знамя] Греки стали стекаться толпами под его трое знамен[6] из которых[7] одно трехцветно, на другом[8] развевается крест обвитый лаврами с текстом *сим знаменем победиши*, на третьем[9] изображен возрождающийся Феникс. — Я [читал] видел письмо одного инсургента — с [восторгом] жаром описывает он обряд освящения знамен и меча князя Ипсиланти — восторг духовенства и народа — и[10] прекрасные[11] минуты Надежды и Свободы — —

[Сем<еро>] В Яссах всё спокойно — Семеро турков были приведены к Ипсиланти — и тотчас казнены — странная новость[12] [для] [для] со стороны европейского генерала [с которым за <неско>лько дней п<еред><?>] <В Г>алацах [сто] [сто] турки в числе 100 чело<век> были перер<езаны>; [греки] [т<акже> 12 чело<век>] <двен>адцать греков [бы<ли>] также убиты — <И>звестие о [сих] возмущ<ении> <пора>зило К<онста>нтинополь — Ожидают [гоне<ний>] уж<асов><?> <но><?> [всё го<нений><?>][13] еще их нет — Трое бежавши<х> греков[14] [пр] [<те>перь] <на>ходятся[15] со вчерашнего дня в здешнем карантине — Они [ра<ссеяли>] уничтожили многие ложные слухи — старец[16] Али принял христианскую веру и окрещен имянем Константина — двухтысячный отряд его, который шел на соединение с сулиотами — уничтожен турецким войском —

---

[1] тотчас объявил себя начальником
[2] *Под* нему — *знак восстановления.*
[3] которые разлилися
[4] он *вписано.*
[5] *а.* восстанет
б. воспрял
[6] под его знамена
[7] на которых
[8] на другом *переделано из* другое
[9] на третьем *переделано из* третье
[10] и *зачеркнуто и восстановлено.*
[11] *Сперва было начато*: прекрасну<ю>
[12] *а.* — стр<анн>ое действие
б. — странность
[13] *Начиная от* стр<анн>ое действие *подлинник в ряде мест прожжен.*
[14] Трое греков.
[15] *Подлинник прожжен.*
[16] старец *вписано.*

Восторг умов дошел до высочайшей степени все мысли устремлены к одному предмету[1] — к независимости[2] древнего Отечества — В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках[3] на улицах, в трактирах везде[4] собирались толпы греков, все [покупали] продавали за ничтò свое имущество покупали сабли, ружьи, пистолеты, все говорили об Леониде,[5] об Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти — Жизнь имения[6] греков в его [в рука‹х›] распоряжении — С начала имел он два миллиона — Один *Паули* дал [ем‹у›] 600 т‹ысяч› пиаст‹ров› с тем чтоб ему их возвратить по восстановлении *Греции.* [И‹?›] 10,000 греков записались в войско

[Мой друг, всё это прекрасно. —]

Ипсиланти идет на соединение с Владимиреско. Он [принял] называется Главнокомандующим[7] северных греч.‹еских› войск — и уполномоченным Тайного Правительства — [для точного понятия сего тому] Должно знать что уже тридцать лет [въ] [про] [ро‹ди›лось] составилось и распространилось тайное общ‹ество›, коего целию было освобож‹дение› Греции. Ч‹лены общест›ва‹?› разделены[8] на три ‹степе›ни — — Низ‹шую›‹?› ‹ст›епень составляла военная ‹кас›та‹?› — втору‹ю› ‹граж›дане[9] чле‹ны втор›ой‹?› степени [могли] имели право каждый, пр‹иск›ать себе [сочлено‹в›] товарищей — но не воино‹в›[10] — которых избирала[11] только[12] 3 высшая степень. Ты видишь простой ход[13] и главную мысль сего общества которого основатели еще неизвестны — — Отдельная вера, отдельный язык, независимость книгопечатания, с одной стороны просвещение с другой глубокое невежество[14] — всё покровительствовало вольнолюбивым патриотам — [не было одного монаха кото‹рый›] [Все греки] [все] все купцы всё духовенство до последнего монаха считалось в обществе — которое ныне торжествует и коего чис‹ло› дост‹игает›‹?›[15]

---

[1] *а.* греки устремлены к одной [мы‹сли›] цели
б. все мысли греков устремлены к одному предмету

[2] к независимости *переделано из* независимость

[3] в лавках *вписано.*

[4] везде *вписано.*

[5] *Сперва было начато по-французски:* Léo

[6] — Все имения

[7] *В подлиннике:* Главнокомандующиим; *переделано из* Главнокомандующий

[8] *Сперва было начато:* разделявш‹иеся›

[9] Низ‹шая‹?› ст›епень были воины — втора‹я граж›дане

[10] *Начиная от* тридцать лет *подлинник в ряде мест прожжен.*

[11] *Сперва было начато:* в‹ыбирала›

[12] только *вписано.*

[13] Ты видишь ход

[14] — — Вера, отдельный язык, книгопечатание, просвещение с одной стороны, глубокое невежество

[15] считалось в сем обществе — оно торжествует —

Вот [в каком положении находятся[1]] [корот<кий>] тебе [короткий][2] подробный отчет [о] последних [наших] происшедствий нашего края — [Кинем пророческой взор на будущее, и постараемся разгадать судьбу [возобновленной] Греции —]

Странная картина![3] Два [благо<род>ных] [великие] великие народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно вре<мя> восстают [от долгого усыпления] из праха — и возобновленные, являются на политическом поприще [Европы] мира — Первый шаг Ал<ександра> Ипсиланти [бл<истателен>] прекрасен и блистателен — Он счастливо начал — отныне и мертвый или победи<тель> п<рин>адлежит[4] истории[5] — 28 лет, [да<?>] оторванная рука,[6] цель великодушная! — завидная <у>часть — <Кин>жал изменника опаснее дл<я него> сабли[7] <турк>ов; Константин-Паш<а>[8] не совестней будет[9] Клодовика <или Влад>имира<?> влияние молодого мстителя Греци<и> <долж>но его встревожить[10] — [Покаместь] [Меж нами] Признаюсь я [бы] <сове>товал<?>[11] к.<нязю> Ипсиланти предупредить престарелого злодея: нравы той страны[12] где он теперь действует, оправдают политическо<е> убийство.[13]

Важный вопрос: что станет делать Россия; займем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай [защитниками] союзниками греков и врагами [му<еульман>] их врагов? — [во всяком случае — буду очевидный свидетель первых] [по] [всякое важное] Во всяком случае буду уведомлять —

31а. Н. И. Гнедичу.

29 апреля 1822 г. Кишинев.

Parve, nec invideo sine me, liber, ibis in urbem
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo
Не из притворной скромности прибавлю
Vade sed incultus, qualem decet exulis esse.

---

1 в каком положении находится

2 *Начал восстанавливать* короткий *но не довел до конца.*

3 Странная картина! *вписано.*

4 *а.* отныне он п<рин>адлежит
б. отныне и мертвый иль победи<тель> п<рин>адлежит

5 *От* отныне *было написано после* цель великодушная! *затем перенесено в данное место.*

6 28 лет, заслуженное рукою, коею <?>

7 *Переделано из* саблей

8 *Начиная от* завидная участь *подлинник в ряде мест прожжен, дальше нескольких слов недостает.*

9 не будет сла<бее><?>

10 <с>лава молодого мстителя Греции <для н>его подозрительна

11 *Начиная от* Клодовика *подлинник в ряде мест прожжен.*

12 нравы страны

13 *а.* будут достаточным оправданием сего политическо<го> [удара] убийства
б. будут достаточным оправданием сему политическому убийству

[В самом деле] недостатки этой[1] повести поэмы или чего вам угодно,[2] [столь] так явны что я долго[3] не мог решиться ее напечатать. Простота плана близко подходит[4] к бедности изобретения; описание нравов черкесских [,самое сносное место во всей поэме,] не связано ни[5] с каким происшедствием и [есть] ни что иное как географическая статья или отчет[6] путешественника — Характер главного лица [(лучше сказать единственного лица)] (а [действ. лиц] всего-то [их] их двое) приличен более роману нежели поэме — да и что за характер?[7] кого займет изображение молодого человека,[8] [истощившего] потерявшего [всю] чувствительность сердца в каких<-то> несчастиях неизвестных читателю;[9] его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости горцев и к [юным[10]] прелестям кавказской девы могут[11] быть очень естественны — но что тут трогательного[12] — легко было бы оживить рассказ[13] происшедствиями кот.<орые> сам. соб. истекали из предметов.[14] Черкес пленивший моего Русского, мог быть любовником [моей] [юной] молод<ой> [Черкешенки] избавительницы м<оего> героя[15] — — [вот вам и сцены ревности и отчаянья прерванных свиданий опасностей и проч.[16]] Мать, отец и брат ее могли бы иметь каждый свою роль[17] свой характер — [всё] всем этим я принебрег во-первых от лени[18] во-вторых что разумные эти размышления пришли

---

1 *Переделано из* этого
2 поэмы или чего вам угодно *вписано.*
3 что долго я
4 более подходит
5 ни *переделано из* съ
6 *а. Сперва было начато:* как географическая
б. как географический отчет
7 *а. Сперва было начато:* — к<ахой>
б. — и что за характер?
8 *а.* кто будет тронут изображением человека
б. кто будет зан<ят> изображением человека
в. Начато: кого
г. Начато: молодой
9 *а.* чувствительность своего сердца
б. чувствительность сердца и первые лета своей молодости неизвестные читателю
10 юным *вписано.*
11 *Сперва было начато:* мож<ет>
12 *а.* но что тут занимательного
б. но трогательного тут мало
13 — зачем не оживить было рассказа
14 *а.* происшедствиями естественно из самих
б. происшедствиями истекающими из самого
15 *Сперва было начато:* ру<сского>
16 *а.* — — de là ревность, отчаянье опасность для нашего пленника etc. и проч.
б. — — de là ревность и отчаянье опасность свиданий и проч.
17 свои черты
18 я принебрег от одной лени

мне на ум тогда как обе части м.<оего> Пл.<енника> были уже [написаны] кончены — а съизнова начать[1] не имел я духа —

Те которые [порицали] пожурили меня за то что никак не назвал моего финна [не найдут] не нашед здесь ни одного *им.<ени> собств<енного>*, конечно[2] почтут это за непростительную дерзость — правда что большей части моих читателей никакой нужды нет до имени и что я не боюсь никакой запутанности в [своем] рассказе —

Местные краски верны но понравятся ли читателям избалованным поэтическими панорамами Байр.<она> и Валь<тера> Ск.<отта> — я боюсь и напомнить об них[3] своими бледными рисунками[4] — сравнение мне будет убийственно.[5] К счастию наши арист.<архи> не в состоянии уничтожить меня основательным образом;[6] [бранные] тяжкие критики их мало меня беспокоят; они[7] столь же безвредны как и тупы — а ш.<утки> пло<ские> и площ.<адные> ничуть не смешны и не забавны [как замечает] пишет Каченовский свойственн<ым> ему слогом —

Вы видите что отеческая нежность не ослепляет меня насчет К.<авказского> П.<ленника> но признаюсь люблю его сам[8] не зная за что, в нем есть стихи моего сердца — Черкешенка моя мне мила, любовь ее [меня трогает] трогает душу — Прелестная быль о Пигмалионе обнимающем холодный мрамор нравилась пламенному воображению Руссо.[9] Поэту возвышенному, просвещенному ценителю поэтов, вам предаю мо<его> Кавк.<азского> плен<ника> — примите его под свое покровительство; в награду за присылку прелестной вашей Ид.<илии> [достойной чистой Музы древности] (о которой мы поговорим надосуге) завещаю вам скучные заботы нового издания[10] — [но] дружба ваш.<а> меня избаловала[11] [могу ли надеяться

---

[1] *а.* а съизнова писать
б. а съизнова начинать

[2] конечно *вписано.*

[3] — боюсь и напомнить об их волшебных картинах

[4] *а.* своими бледными рисунками
б. своими тощими рисунками

[5] *а.* сравнение будет убийственно
б. сравнение будет мне убийственно

[6] не в состоянии критиковать основательно

[7] *Переделано из* она

[8] сам *переделано из* за

[9] *а.* пленила некогда пламень воображения Руссо и Шиллера
б. нравилась пламенным воображениям Руссо и Шиллера

[10] *а.* поручаю вам скуку издания
б. поручаю вам скучную заботу его издания
в. завещаю вам скучные заботы издания [моих новых печальн.<ых> бред.<ней>] м<оего>

[11] избаловала меня

что] Несколько строк пера вашего вместо предисловия — и — успех м.<оей> повес.<ти> будет уже надежнее[1] бросьте в ручей одну [из] веточку из ваших лавров, муравей не утонет — впрочем назовите м<оего> П.<ленника> сказкой[2] повестию, поэмой, или [ник<ак>] вовсе не назовите, издайте ее в двух книгах, ч.<астях> или песн<ях> или т.<олько> в одной — отдаю [м.<оего> Пле.<нника>] его в полное ваше распоряжение.[3]

Есть у меня еще отрывок ст. 200 — Прислать мне вам его для физ.<?> наполн<ения> кн<иги>.

32а. П. А. Катенину.[4]

20-е числа апреля—май 1822 г. Кишинев.

может
[<в>ъ стихах]
помня
[по<?> моему<?>]
пометив
[<ста>тью<?>] <произвед>ение<?> [одного<?>][5] извести.
тавил в замечании
<а>вт.<ор><?> [и] [скрыл] не объявил свое им<я>
азе виден поэт — Я не
чести быть поэтом, но эта похвала
показалась[6] бы мне не очень лестною.[7]

Я прочел конеч<но> твое[8] письмо к Греч<у> [в его журнале] с большим удовольствием, и[9] во-первых потому что [из] ты даешь мне знать [о своем существовании] о себе только через журналы[10] [во 2) что]

---

[1] *а.* — и вы обнадежите меня
б. — и будет успех для меня надежнее

[2] м<оего> П. сказкой *вписано.*

[3] *От* отдаю [м. Пле.] *было написано выше, после* впрочем, *но затем перенесено в данное место.*

[4] *Половина листа оторвана; над словом* может — *обрывки французских слогов:* ons, trez, *возможно и не связанных с данным письмом.*

[5] <произвед>ение<?> *надписано над* <ста>тью<?>; одного<?> *над* извести.

[6] но это замечание показалось

[7] не весьма лестной

[8] Я прочел твое

[9] и *вписано.*

[10] *Часть фразы от* ты даешь мне знать *была написана в начале отрывка, но затем крестиком указан перенос ее в данное место, причем слово* ты *оказалось написанным дважды.*

45а. П. А. Плетневу.

Ноябрь—декабрь 1822 г. Кишинев.

Я долго не отвечал тебе, мой милый Плетнев; [хотел][1] собирался отвечать [тебе] стихами достойными твоих но отложил попечения, положение твое[2] против меня слишком выгодно и ты слишком хорошо умеючи[3] им воспользовался — Если первый стих твоего послания написан также от души[4] как и все проччие — то я не раскаиваюсь в минутной моей несправедливости — она доставила [прекрасный подарок] неожиданное украшение словесности. Если [нет] же ты на меня сердит, то стихи твои как[5] они ни [прекрасны] прелестны никогда не утешут меня — Ты конечно б извинил[6] мои легкомысленные строки если б знал как часто бываю подвержен так называемой хандре [о которой мудрено]. В эти минуты я зол на целый свет и никакая поэзия не шевелит моего сердца. Не подумай однако что не умею ценить неоспоримого твоего[7] дарования [Я дорожу твоим мнением и не хочу] [Я не совсем лишен вкуса] Чувство изящного не [совершенно] совсем во мне притупилось — [я дорожу] [я не хочу просл.‹ыть›] и когда я в совершенной памяти — твоя гармония, поэтическая точность,[8] благородство выражений, стройность чистота в отделке стихов[9] пленяют меня как поэзия моих любимцев —[10]

По письмам моего брата [я] вижу что он с тобою дружен[11] Завидую ему[12] и тебе. [и от] [над‹еюсь›] [надеюсь современем]

Sine ira милый певец — по рукам и[13] до свидания —

[Извини мое чистосердечие, я] Не вполне подтверждаю то что [сказал] писал о твоей *Иро‹и›де*, но признаюсь — это

---

[1] *Начал восстанавливать* хотел, *но бросил.*
[2] *а.* попечения, ты
б. попечения, твое положение
[3] умеючи *вписано; переделано из* умно
[4] написан от души и
[5] *а.* как
б. ско‹ль›
[6] Ты конечно извинил
[7] *а.* Не думай что в
б. Не думай чтоб я не ценил твоего
в. Начато: Ни
г. Не подумай однако чтобы не умел ценить твоего
д. Не подумай однако что не умею ценить твоего
е. Начал восстанавливать не умел, *но бросил.*
[8] — твоя чистая поэтическая точность
[9] стройность отделки стихов
[10] как поэзия любимых моих поэтов —
[11] дружен *переделано из* дружбой
[12] *Вместо* ему *сперва было начато* к‹ак›
[13] по рукам и *вписано.*

стихот.<ворение>[1] не достойно ни тебя ни Батюшкова. [Иные] Многие приняли его за сочинение последн.<его> Знаю что с [не] [обыкновенным] посредств.<енным> писателем этого не случится[2] — но Бат.<юшков> не будучи доволен тв.<оей> элег.<ией> рассердился на тебя[3] за[4] ошибку других — а[5] я рассердился после Батюшкова> — [вот]

Извини мое чистосердечие, но оно залог моего к тебе уважения[6] [Прости], Sine ira и проч. —

По пи<сьмам>[7] брат<а>

53а. А. А. Бестужеву

13 июня 1823 г. Кишинев.

Милый Бест.<ужев> позволь мне первому перешагнуть через приличия и сердечно поблагодарить не вас *тебя*[8] за Пол.<ярную> Звезду, [и] за твои письма — за ст.<атью> о сл.<овесности>, за Ольгу[9] и особенно за Вечер на биваке. — Всё это ознаменовано твоей[10] печатью т. е. умом и живостью — [О статье о русской сло<весности>] О Взгляде можно бы [потолковать] поспорить надосуге — признаюсь что ни с кем мне [больше[11] спорить] так не хочется спорить как с тобою — [потому что] ты один можешь разгорячить меня — покаместь жалуюсь тебе [на самого тебя] об одном — как можно в с.<татье> [о] о ру<сской> сл.<овесности> забыть Радищева — кого ж нам помнить как не его — [он на котором] [о] [до] [как поэт] простительно ко<му-нибудь> но ни тебе ни Гречу[12] — еще слово: за чем хвалить [несносного] холодного однообразного Осипова, и [слишком] бранить Майкова [Ма<йков> очень] Его Елисей ист<инно> смешон — ничего не знаю забавнее обращения[13] поэта к порткам

Я мню и о тебе исподняя одежда
Что <и тебе спастись худа была надежда>

---

[1] Иро<и>де, но это стихот.

[2] *а.* Знаю что это похвала и
б. Знаю что такая ошибка тебе похвала и

[3] *а.* — Бат. не будучи им доволен осердился
б. — но Бат. вероятно сердится не будучи им доволен
в. — но Бат. не будучи им доволен вероятно рассердился на тебя

[4] *Дальше начал вписывать слово на* с, *но бросил.*

[5] *Переделано из* я

[6] моего уважения

[7] По пи<сьмам> *вписано.*

[8] и благодарить тебя

[9] за Ольгу *вписано.*

[10] *Переделано из* твоим

[11] *Начал вписывать* не *и зачеркнул.*

[12] *а.* это простительно [кому ниб.] Гречу (умной голове) — но не тебе
б. *Начато:* что простительно

[13] *а.* забавнее обращения след.
б. забавнее след. обращения

[А християне, которые бьют Нептуна похваляясь[1] своим просвеще‹нием›] а сожжение‹?› А любовница Елисея которая [за] сожигает его штаны в печи

Когда для ‹пирогов она у ней топилась›
И ‹тем подобною Дидоне учинилась›

А герой который[2] упал [в земь] в песок

И в‹есь седалища в нем образ напечатал›
И ‹сказывали те, что ходят в тот кабак
Что виден и поднесь в песке сей самый знак›

всё это уморительно — [вам] тебе кажется более нравится благовещение — и мне также но Елисей смешнее следст‹венно› полезнее[3] для здоровья —

В рассуждении 1824 года [я п‹ришлю›] я постараюсь прислать [вам] тебе свои бессарабские бредни[4] — но нельзя ‹ли› вам осадить цензуру, ‹и› вторым приступ‹ом› овладеть[5] моими [подра‹жаниями древним›] Анфологическими[6] стихами Разбойников я сжег — один отрывок уцелел в руках Ник.‹олая› Раевск‹ого› — если отечест‹венные› слова[7] харч‹евня› кнут острог не испугают нежных ушей читательниц[8] Пол.‹ярной› Зве.‹зды› то напечатайте ее — впрочем чего боять‹ся› [жен ‹щин›] читательниц?

Их нет и не буд‹ет›

Да и жалеть не о чем.
Я утеш

Дельвиг мне с год уж ничего не пишет — Попеняйт‹е› п‹ожалуйста›

56а. Неизвестной.

Июнь—июль 1823 г. Кишинев—Одесса.

[Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris, mais j'ai eu la faiblesse de vous avouer une passion ridicule et je veux[9] m'en

---

[1] *Переделано из* выхваляясь
[2] *Переделано из* на которог‹о›
[3] но Елисей полезнее
[4] свои бредни
[5] но нельзя вторым приступить осадить цензуру и овладеть
[6] *В подлиннике сперва* Антологическими, *затем* т *переправлено на* ѳ.
[7] если слова
[8] *а.* не испугают ушей люби‹тельниц›
б. не испугают ушей милых и
[9] mais puisque j'ai la bêtise et la faiblesse [et le ridicule] de vous avouer ma passion ridicule je veux *После отмены этого варианта, очевидно, случайно осталось незачеркнутым* et *перед* la faiblesse

expliquer franchement —][1] Ne feignez rien [c'est] ce serait indigne de vous [et de plus] c'est parfaitement inutile[2] — la coquetterie [qui vous sied tant[3]] serait une [cruelle] [bien] [froidement] cruauté [très] frivole et surtout bien inutile[4] — votre colère,[5] je n'y croirai pas plus — en quoi puis je vous offenser; je vous aime avec tant d'élan de tendresse, si peu de privauté — [Si votre orgueil est blessé] votre orgueil même ne peut en être blessé [vous [avez su que] [saviez ma haute] m'aviez déviné] [depuis<?> long-temps<?>] [vous]

Si j'avais des espérances cela ne serait pas la veille de votre départ [et vous[6]] que j'aurais attendu pour [vous f<aire>] me déclarer. <N'>attribuez mon aveu qu'à une exaltation dont[7] je n'étais plus le maître qui allait jusqu'à la défaillance [et l'imbécillité]. [Je ne veux rien] Je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux — cependant je vous

60а. П. А. Вяземскому.

14 октября 1823 г. Одесса.

(Отрывок)

как сюжет[8] c'est un tour de force (это не похвала, напротив)[9] — но как слог — я ничего лучше не написал — (кроме посл.<ания> к Ов.<идию>) — Бахчисарайский Фонтан дрянь [но эпиграф его преле<сть>[10]] — не говори это однако никому. Я скоро[11] пришлю тебе его<?> — эпигр<аф> его прел<есть> — к стати [об] знаешь ли эпиграф [моего] [эпиг] мое<го> К.<авказского> П<ленника> Под бурей рока, т<вердый> — понимаешь почему не оставил его — но за эти четыре стиха[12] я бы отдал 3 чет<верти> с<воей>[13] поэмы — addio

---

[1] *Начало письма до этого места перечеркнуто двумя тонкими поперечными чертами.*

[2] c'est parfaitement inutile *зачеркнуто и восстановлено.*

[3] qui vous sied tant *вписано.*

[4] et surtout bien inutile *вписано.*

[5] — la colère

[6] et vous *вписано.*

[7] Attribuez mon aveu [à une émotion] à un trouble qui

[8] как сюжет *вписано.*

[9] (это не похвала, напротив) *вписано.*

[10] но эпиграф его преле<сть> *вписано.*

[11] скоро *вписано.*

[12] — к тому же эти четыре стиха лучше

[13] с<воей> *вписано.*

61а. А. Н. Раевскому (?).

15—22 октября 1823 г. Одесса.

Je réponds à votre P. S. comme à ce qui intéresse surtout votre vanité.[1] M.<adame> S.<obansky> n'est pas encore de retour à Odessa, je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre, [et] en 2[2] lieu comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant[3] je suis amoureux ailleurs — j'ai réfléchi. Et comme Lara Hansky assis [le m] sur mon canapé, [j] j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là —[4] C'est-à-dire que je ne montrerai pas votre [lettre] épître à Mde S.<obansky> en ne lui [laissant] cachant que ce que jettait[5] sur vous l'intérêt d'un caractère [de] Melmothique [Byronique],[6] comme j'en avais d'abord eu l'intention[7] — et voici ce que je me suis proposé — votre lettre ne sera que citée avec les restrictions [qui] convenables; en revanche [j'ai] j'y ai préparé [à] tout au long une belle[8] réponse dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantages que vous en avez pris sur moi[9] dans votre lettre, j'y[10] comme<nce> par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job lovelace, je vois votre vanité et votre faible à travers l'affectation de votre cynisme etc. le reste dans le même genre. [Ne] Croyez que ça fasse de l'effet —[11] Mais comme je vous[12] <estime> <?> toujours pour mon maître en fait de morale, je vous demande [humblement] pour tout cela[13] votre [conseil] permission et surtout vos conseils, — mais dépêchez vous car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles on m'a dit qu'Atala Hansky[14] vous [eu] avait rendu fat et ennuyeux — [mais] votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. Mr votre oncle qui est un cochon comme vous savez a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse[15] lettre en sous-accord

---

1 qui vous intéresse: surtout votre vanité.

2 2 *переделано из* s<econd>

3 et que

4 *Эта фраза была написана после первой фразы, но Пушкин перенес ее в данное место, сделав соответствующий знак и помету* |là|, *подчеркнутую двумя черточками.*

5 *В подлиннике:* que si que jettais

6 Byronique *вписано;* Melmothique *зачеркнуто и восстановлено.*

7 *Кусок от* en ne lui [laissant] cachant *кончая* [Byronique] Melmothique *был написан после* l'intention *но затем перенесен в данное место.*

8 belle *вписано.*

9 Sur vous *и* sur moi *вписано.*

10 j'y *переделано из* je

11 de l'effet *переделано из* d'e<ffet>

12 vous *зачеркнуто и восстановлено.*

13 *Вписано в два приема: сперва* pour cela, *затем* tout

14 J'ai eu de vos nouvelles votre frère me dit que Md Hansky

15 fameuse *вписано.*

№ 2, mais cette fois-ci il aura du g‹ros› J. f. afin qu'il soit du secret comme tout le monde [et qu'il ne soit pas le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire]

62а. Ф. Ф. Вигелю.[1]

22 октября—4 ноября 1823 г. Одесса.

Это стихи, следственно шутка — не сердитесь и усмехнитесь любезный Фили‹п› Фи‹липович› — вы скучаете в [этом] вертепе,[2] где скуча‹л› я 3 года. Желаю[3] вас [утешить] рассеять хоть на минуту — и сообщаю вам сведения которых[4] вы требовали от меня в письме к Шв‹арцу›; из 3 [крас‹авцев›] [м] зна‹комцев› ‹?› думаю годен на употребление в пользу собств‹енно› сам‹ый› меньшой; [*Note scandaleuse,*] NB. он спит в одной комнате с [св‹оим› ‹?›] брат‹ом› Михаи‹лом› и трясут‹ся› немилосердно — из этого можете вывести важные заключения, предоставляю их вашей опытности и благоразумию — старший брат как вы уже[5] заметили [упрямый] глуп как архиерейский жезл — [вторый], Ванька ‹------› — следственно чорт с ними — обними‹те› их от меня дружески — сестру также — и[6] скажите[7] им что Пушкин цалует ручки *Майгин*, и желает ей счастья на земле — умалчивая о небесах — о которых не получил еще достаточных сведений.[8] Пулхерии В.‹арфоломей› [ск‹ажите›] объявите за тайну что я влюблен в нее[9] без памяти, и буду на днях экзекутор и камер-юнкер ‹?› в подр.‹ажание› другу[10] Завальевскому; [мужчин] Полторацким поклон и старая[11] дружба! Алексееву тоже и еще что-нибудь — Где и что Липранди[12] [бл] Мне брюхом[13] хочется видеть его — У нас холодно грязно — обедаем [хорошо] славно — я пью, как Лот содомский и жалею что не имею с собой ни одной дочки[14] — Недавно [был] выдался нам молодой денек — я был презид‹ентом› попойки — [Ш‹варц› ‹?›] [везде] все перепились и потом[15] поехали по ‹-------›.

---

[1] *Письмо начинается стихотворным посланием; сводный текст его выше, стр. 71—72; варианты см. во II томе настоящего издания.*

[2] *Сперва было начато:* г‹ороде›

[3] *В подлиннике очевидная описка:* жалею

[4] которых *переделано из* которые

[5] уже *вписано.*

[6] и *вписано.*

[7] *Сперва было начато:* п‹ередайте› ‹?›

[8] — не получил об них достаточных сведений

[9] в нее *вписано.*

[10] другу *вписано.*

[11] старая *вписано.*

[12] — Где Липранди

[13] брюхом *вписано.*

[14] *а.* что дочек при мне ‹?›
б. что не имею ни одной дочки

[15] *Сперва было начато:* и пос‹ле›

63а. П. А. Вяземскому.

4 ноября 1823 г. Одесса.

[Посылаю] Вот тебе, милый и почтенный А<смодей> — последняя моя поэма — я выбросил то, что цензура выбросила б[1] и без меня — и то что сам не хотел[2] [поправить] выставить перед публ<икою>. — Если эти бессвязные[3] отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай но не уступай этой суке — отгрызывайся за стихи и есл. мо<жно>[4] загрызи ее[5] в мое воспоминанье — кроме тебя у меня *там* нет покровителей; [*там*, душа моя!] [анг<ел>] да-с ми<лый><?> Ас<модей><?> Припиши[6] к Бахчисараю [маленькое] предисловие или послесловие — если не для меня так для Соф.<ьи> Киселевой — прилагаю тебе полицейское послание, яко материал [(] почерпни из оного сведения (умолчав об их источнике). [Тут мне[7] [там] кажется можно [наделать прелест<ный> мадригал со цветом пустыни] соединиться] [прелесть] [и] [и] [тут целая поэма] — [вс<ё> за<ворожи>] Заворожи всё это своею прозою — богатой[8] наследницею твоей поэзии по которой ношу траур — [да еще] посмотри в Путешес<твии>[9] Апостола-Муравьева статью Бах.<чи>са<рай> выпиши из нее что посноснее и [по] он имеет на бумаге[10] свое достоинство — хоть в разговоре — им го<спо>дь<?>[11] — при сем мое благословение —

Вообрази что я не читал твоей славной статьи — победившей цензуру? вот како<во> жить по-азиатски, не читая журналов — Одесса город евр.<опейский> — [вот п<очему>] а по этому русских книг здесь не водится — Перечитывая твои пись<ма> [и статьи], меня[12] берет охота спорить — говоря об романтизме[13] ты где-то пишешь что даж<е> стихи со времени рев.<олюции> носят [свой] новый образ — и упоминаешь об А.<ндрэ> Ш.<енье>. Никто более меня не уважает, не любит этого поэта — но он истинный грек [непроходимый] из класси<ков> классик. C'est un imitateur savant<?> et rien de <plus><?>.[14]

---

[1] что выбросили б

[2] сам не хотел *вписано.*

[3] *переделано из* несвязаные

[4] *от* отгрызывайся *вписано.*

[5] загрызи за м<еня>

[6] *Переделано из* напиши

[7] Тут мне *зачеркнуто и восстановлено. Над строкой начато и зачеркнуто слово, не поддающееся прочтению.*

[8] богатой *вписано.*

[9] посмотри Путешествие

[10] на бумаге *вписано.*

[11] *Дальше начато слово на* ч

[12] меня *вписано.*

[13] говоря об романтизме *вписано.*

[14] *Последняя фраза вписана.*

[От] От него так и пашет [древно‹стью›] Феокритом и Анфологиею. [C'est un] Он освобожден от италианских concetti, и от французских Антиthèses[1] — но романтизма в нем нет еще ни капли — Парни — древний[2] [тоже ‹?› и б.‹ольше› ‹?› т.‹ого› ‹?› Ар.‹но› ‹?›[3]], Millevoye ни то ни сё но хорош только в мелочах элегиче‹ских›.[4] Первые [стих] *думы* Ламарт‹ина› в св.‹оем› роде едва ли не лучше Дум Рыл‹еева›, [къ] последние прочел я недавно и [до ‹сих пор›] еще не опомнился — так он вдруг вырос.[5] — La Vigne [подражатель] школьник Вольтера — и бьется [всё] в старых сетях[6] Аристотеля — романтизма нет еще во Франции — А он-то и возродит [по‹койную›] умершую поэзию — помни мое сло‹во› — первый поэтичес‹кий›[7] гений в отечестве Буало — удари‹тся› в такую бешеную свободу[8] [в та] [в такое], что что твои немцы. — Покаместь во Франции поэтов менее чем у нас — О Дмитриеве спорить с тобо‹ю› не стану, хоть все его басни не стоят одной хоро‹шей› басни[9] Крыловой, все его сатиры — одного из твоих посланий[10] — [все его песни, мадригалы, оды[11] элегии] а все проччее [одной] [одного] первого стихотворения Жуковского. Ерм.‹ак› такая дрянь [что] мочи нет, — сказки [рас‹тянуты›] писаны в дурном роде, холодны и растянуты[12] — по мне, Дмитриев ниже Нелединского — и [Ка‹рамзина›] стократ ниже стихотворца Карамзина — любопытно видеть его жизнь не для него а для тебя — —

Хорош [русский поэт] [на‹ш› ‹?›] poëte de notre civilisation.[13] Хороша и наша civilisation! Грустно мне видеть что всё у нас[14] клонится бог знает куда — [ты] ты один бы мог прикрикнуть на лево и на право, порастрясти старые репутации приструнить новые, и показать нам‹?› путь истины, [да] а ты покровительствуешь старому[15] вралю не[16] ‹----------› нами —

---

[1] *Сперва всё слово начато по-русски:* Антит *затем* т *зачеркнуто, и вторая половина приписана по-французски.*

[2] древний *зачеркнуто и восстановлено.*

[3] тоже‹?› и б. т. Ар. *вписано.*

[4] *Кусок от* Парни *был написан ниже, после слов* так он вдруг вырос, *но затем перенесен в данное место.*

[5] — таков он вырос

[6] в сетях

[7] помни мое слово *и* поэтический *вписано.*

[8] в такую свободу

[9] одной басни

[10] одного твоего послания

[11] оды *вписано.*

[12] *Кусок от* Ермак *был написан после слов* любопытно видеть его жизнь не для него а для тебя; *фраза о сказках стояла после слов* ниже стихотворца Карамзина; *затем текст был перекомпонован, как указано.*

[13] poëte de la civilisation

[14] у нас *вписано.*

[15] *Переделано из* старого

[16] *Переделано из* и

[грех] и что всего хуже бросил поэзию, — этого я[1] переварить не в силах — Что тебе пришло в голову оперу писать? и закабалять поэзию музыке — чии чина почитай,[2] — я бы и для Россини не пошевелился.[3] Что до моих зан‹ятий›,[4] пишу теперь не роман,[5] [а поэ‹му›] а роман в стихах дьявольская разница — в роде Дона Жуан‹а›. Первая песнь или глава кончена — я по о‹казии›‹?› тебе ее доставлю[6] — [je l'écris] Пишу [его] с упоеньем что уж дав‹но› со мн‹ой› не было. — [О цензуре я] о печати думать не льзя — но цензура[7] наша так своенравна, что не возможно и размерить [с нею свой] круг свое‹го› действия — лучше не думать — а если брать та‹к› бр‹ать›, не то ‹и когти что марать.›

68а. Майгин N. и неизвестной.

Ноябрь (после 4) 1823 г. Одесса.

Oui sans doute je les ai devinées, les deux femmes[8] charmantes qui [se sont] ont daigné se ressouvenir de l'hermite d'Od‹essa›,[9] ci-devant hermite de Kichenef — J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folie, de tourment, [de soirées], d'esprit, de grâce, de [valse] soirées[10] mazourka etc. — Mon dieu[11] que vous êtes cruelle Madame[12] de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer ni vous oublier. Hélas aimable Maiguine, loin de vous tout malaise tout maussade‹?›[13] [toutes] mes facultés s'anéantissent, j'ai perdu[14] jusqu'au talent des carricatures quoique la fami‹lle› du Pr.‹ince› Mourouzi [m'en ai] soit si bien[15] digne de m'en[16] inspirer [les] [des plus grotesques] — Je n'ai qu'une idée —

---

1 я *вписано.*
2 *а.* Что тебе пришло в голову оперу писать? чин чи‹на› почитай, я музыканту
б. Что тебе пришло в голову оперу писать? [и подчинять] и закабалить [себя] поэта музыканту
3 — я [д‹ля›] и для Россини писать бы
4 *а.* Я теперь
б. Пишу я теперь
5 *Над* роман *начато* п‹оэму›‹?›, *но зачеркнуто.*
6 *а.* — я при‹шлю›
б. — я с ока‹зией›‹?› при‹шлю›
7 но цензуру
8 je l'ai devinée, celle femme
9 d'Od‹essa› *вписано.*
10 [valse] soirées *вписано.*
11 Mon dieu *вписано.*
12 Madame *вписано.*
13 tout malaise tout maussade‹?› *вписано.*
14 je perds
15 si bien *вписано;* si *зачеркнуто и восстановлено.*
16 de m'en *переделано из* d'en

celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le[1] disait ce bon homme de poëte, le petit bout de vie qui me reste — —[2] Vous rappelez-vous de la petite<?> correction[3] [dan] dans [son livre] que vous avez faite dans la feuille<?> de l'Ar<étin><?> — [mais] mon Dieu si vous [feriez la même chose dans m] la répétiez ici [—j'aurai tou] Mais est-il vrai que vous comptez[4] venir à Odessa — venez au nom du ciel, nous [aur] aurons pour vous attirer bal, opéra italien, soirées, concerts, sigisbées, soupirants tout ce qui vous plaira; je contreferai le singe, je médirai[5] et je vous dessinerai M^{de} de <*нрзб.*> dans les [trente] 36[6] postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en paroles car ma[7] conduite a toujours été[8] telle — C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler — cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée. [Venez] Encore une fois venez au nom du ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris à celles[9] qui ont trop d'esprit pour être prudes mais que j'aime [et] et que je respecte de par<?> mon coeur.

Quant à vous charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter [et que j'écrivais<?>] et [et] (quoique[10] [car] par grand hazard elle ne fût point contrefaite) [il] ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter[11] de mon dévouement et de mes regrets — [recev<ez>]

Devinez qui à votre tour.

S. qui passait pour avoir des goûts anti-physiques [l'aurait] l'a à passer un fil par le [bout] trou d'une aiguille en en mouillant le bout[12] — A. dit de lui qu'il excellait partout où il fallait de la patience et de la salive —

---

1 le *переделано из* se
2 *В подлиннике здесь начало круглых скобок, которые, однако, не замкнуты. Возможно, Пушкин думал перенести следующую фразу в другое место.*
3 *а.* vous rappelez-vous votre correction
б. vous vous rappelez de la petite<?> correction
4 *В подлиннике:* contez
5 je médirai *вписано.*
6 6 *переделано из* 8
7 *Переделано из* mon
8 *В подлиннике:* était
9 celles *переделано из* celle
10 quoique *зачеркнуто и восстановлено.*
11 vous ne m'eussiez pas affligé en doutant
12 en en mouillant le bout *вписано.*

69а. Неизвестному.

Конец ноября—1 декабря 1823 г. Одесса.

J'ose espérer qu'un exil de quatre ans [ne m'a] n'<a> pas effacé [tout-à-fait] de [la] votre mémoire

70а. А. И. Тургеневу.

Конец ноября—1 декабря 1823 г. Одесса.

Вы помните Кипренского[1] который из поэтического Рима[2] [просил] напечатал вам поклон и свое почтение — я также[3] обнимаю вас из прозаической Одессы — не благодарю ни за что[4] — но [дорого] в полной мере ценю ваше воспоминание, др.<ужеские> попечения[5] которым обязан я переменою моей судьбы —[6]

Надобно подобно мне провести 3 года в душной азиат[ской ды<ре><?>] чтоб чувствовать цену и не вольн<ого> воздух<а> европейск<ого>.[7] Теперь мне [было] ничего мне бы не доставало — если б <не> отсутстви<е> кой-кого.[8] Когда [вы] мы свидим<ся> Вы не узнаете меня[9] — [боюсь наскучить особенно вам благоразумием[10] — Исчезла прежня ж<ивость>] [К несчастию,] я стал благоразумен и скучен[11]

Прос<тите ль> иног<да>

[Но благоразумие мое будет] Это единственные живые стихи покойного Дмит<риева>[12] — [я люблю их из эгоизма, как] [Что касается до про<зы>]. Кстати о стихах вы желали видеть

---

[1] Вы меня помните

[2] из Рима

[3] также *вписано.*

[4] *а.* — я благодарю за воспоминание
б. — не благодарю вас за воспоминание

[5] воспоминание и попечения

[6] *Следом за этим письмо к Тургеневу прерывается и идет начало письма к неизвестному (см. № 69а). Продолжать письмо к Тургеневу Пушкин, видимо, стал после некоторого перерыва.*

[7] *а.* чтоб воздух европейской
б. чтоб [по]чувствовать и не вольный воздух европейской

[8] *а.* Теперь мне покаместь хорошо — кроме отсутствия кой-чего. Кого мне не достает
б. Теперь мне покаместь хорошо — кроме отсутствия кой-кого. Ничего мне не не достает

[9] Пишу стихи, уже не думая о цензуре Вы не узнаете меня

[10] боюсь наскучу вам благоразумием

[11] я стал скучен и благоразумен

[12] *а.* Это стихи покойного Дмитриева
б. Это единственно живые стихи покойного Дмитриева

оду на смерть Напол<еона> Она не хороша вот вам самые сносные[1] строфы е<е>[2]

Это последн<ий> либераль<ный> бред[3] — на днях я закаялся — и смотря и[4] на запад Европы и вокруг себя обратился к Эвангелию[5] источнику и произнес сию притчу в подражание басни Иисусовой

71а. П. А. Вяземскому.

1—8 декабря 1823 г. Одесса.

Конечно ты прав — и вот тебе перемены

[Равна Зарема]

Язвительные лобзания напоминают тебе <-------> поставь *пронзительных* это будет смело — дело в том что моя Грузинка кусается и это непременно должно быть известно публике. Хладного скопца [вымары<ваю>] уничтожаю из уважения к девств.<енному> слу<ху> А.<нны> Л.<ьвовны>[6]

Не зрит лица его Гарем.
Там <обреченные мученью>
И не утешены никем[7]

Меня ввел в искушение Бобров [въ] [он говорит въ] мне непременно хотелось что-нибудь у него украсть — он говорит в св.<оей> Тав<риде> — Под стр<ажею> скоп<цов> Гар<ема>[8] а[9] к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность;[10] я не люблю видеть в гордом первобытном наш<ем> языке[11] следы [фр.<анцузского>] евр.<опейского> жеманства и франц.<узской> утонченности — грубость и простота более пристали ему[12] — [говорю] проповедую из вн.<утреннего>

---

1 самые сносные *вписано.*

2 *Далее оставлен пробел.*

3 Это последняя либеральная моя

4 и *вписано.*

5 *Сперва было написано:* Эванг источнику, *затем добавлено* <Эванг>елию, *но* источнику *не зачеркнуто.*

6 уничтожаю не столько для А.<нны> Л.<ьвовны> как для

7 *Цитата написана внизу страницы; внос ее в это место показан крестиками.*

8 *От* он говорит *намечено крестиками к перенесению в какую-то другую неуказанную часть письма.*

9 *Переделано из* и

10 оставить русскому языку часть библейской похабности

11 в первобытном языке

12 *а.* более пристали нам
б. более ему пристали
в. более пристали мне<?>

убеждения — но по привычке пишу иначе — *Но вер*<*ой*> — если найдешь удачную перемену[1] то подари меня ею, если ж нет оставь так — оно довольно понятно. [Кто с тобою] Нет ничего легче<,> поставь, Равна, Грузинка <красотою> но ин*ка кр*.... можно бы б<ыло> Равна, Зарема,[2] а слово Грузинка тут необходимо — впроччем делай что хочешь — Апостол написал свое путешествие по Крыму,[3] оно печатается — но ожидать его нечего — Разбойников посылаю по

74а. А. А. Бестужеву.

12 января 1824 г. Одесса.

Конечно я на тебя сердит и готов с твоего позволения браниться хоть до завтра[4] ты напечатал [ту Элегию] те стихи о которых[5] имянно просил тебя не выдавать [в п<ублику>] их в п<ублику>.[6] Ты не знаешь до какой степени это мне досадно [et] [и сколько я желал не выдавать в публику][7] — [они [писаны] относятся к женщине — которая первая прочитала их я просил[8]] ты пишешь что без 3-х последних стихов Эл<егия> не имела бы смысла — Велика важность — а какой же смысл имеет [*Над*] Как.... или с болезнию и мольбой — или.. [Это[9]] Я давно уже <не> сержусь за опечатки — но [иногда] мне встарину[10] случалось [за] забалтываться стихами — и мне [больно] грустно<?> видеть что со мною поступают как с умершим, не уважая ни моей воли [и] ни [самолюбия] бедной собственности — это простительно Вое<йкову> — но et tu, Brute — Я [принужден] хотел было за вину [редактора] твоего корректора извиниться в каком-нибудь журнале — [Оставляю это на] но пустая публика[11] этого не стоит. — Повторяю тебе в последний раз [мои][12] пени и просьбы — и обнимаю тебя sans rancune — и с благодарностью за всё остальное[13] — стихи и прозу — ты

---

1 если найдешь перемену

2 *От* можно *вписано.*

3 *В подлиннике:* по Крыме

4 хоть до завтра *вписано.*

5 об которых

6 *От* не выдавать *вписано.*

7 *От* [et] *вписано.*

8 — которая их читала и я просил

9 Это *вписано.*

10 встарину *вписано.*

11 но публика наша

12 раз *зачеркнуто и восстановлено; над зачеркнутым* мои *начато слово на* ко

13 *а.* за остальную
б. за всё остальное
в. за остальную

всё ты — т. е. мил, жив, умен —[1] Бар<атынский> прелесть и чудо — Признанье совершенство после его[2] никогда не стану печатать св.<оих> элегий — (хотя бы наборщик и поклялся бы перед нал<оем>[3] [меня не] [щадить меня] поступать со мною милостивее) — Рылеева *Войн<аровский>* несравненно лучше всего что он написал — слог его *истинно* повеств<овательный>, чего у нас почти еще нет[4] — Дельвиг молодец Мы с ним снесемся[5] — Гнедич шутит со мною шутки в другом роде — он [сказал Як.<ову> Толс<тому>] разгласил будто бы все новые[6] стихи обещанные мною Як.<ову> Т<олстому>, проданы уже ему Гнед.<ичу> — Толс<той> написал мне письмо пресухое — в котором он справедливо жалуется на мое[7] легкомыслие, отказался от изд.<ания> моих стих<отворений>, уехал в П.<ариж> и с тех <пор> об н<ем> ни слух<у> ни дух<у> — [въ] я вижу [из С.<ына> О.<течества>[8]] что он переписывается с тобою [через] в С.<ыне> О.<течества> — напиши ему слово обо мне и оправдай меня в его глазах да перешли его адрес — —

77а. А. А. Бестужеву.

8 февраля 1824 г. Одесса.

Ты еще не получил как видно,[9] письма моего [где говорю тебе<е>] не стану повторять то, чего[10] довольно и на один раз — О тв.<оей> повест.<и> в Пол.<ярной> скажу что он<а>[11] не в пример лучше (т. е. занимательнее) тех кот.<орые> были напечатаны в про.<шлом> году et c'est beaucoup dire — Корнилович славный малой и мн.<ого> обещ.<ает>,[12] но за чем пишет он для [вни<мания>] снисходительн<ого> внимания . . . м.<илостивой> го<сударыни> NN. и ожидает ободрительной улыбки прекр.<асного> пола[13] для продолжения [занимательн.<ых>] любопы<тных> св.<оих> труд.<ов> всё это старо, ненужно и

[1] т. е. мил, жив, умен *вписано*.
[2] *а.* — Признанье его решило
б. — Признанье его самая
в. — после его Признань<я>
г. — Признанье совершеннее только
[3] перед нал<оем> *вписано*.
[4] еще почти нет
[5] Я с ним снесусь
[6] все новые *вписано*.
[7] мое *переделано на* мою, *но на этом переработка остановилась*
[8] в С.<ыне> О.<течества>
[9] *а.* Ты не получил видно
б. Ты не получил еще как видно
[10] *а.* того, чего
б. того, что
[11] О тв.<оих> соч<инениях> в Пол.<ярной> скажу что она
[12] и мн. обещ. *вписано*.
[13] пола *переделано из* полу

слишком уже пахнет Шал.‹иковской› невинностью. Булг.‹арин› говорит что ст.‹атья› Н. Бест.‹ужева› отличается новостию мыслей; можно бы с бо̀льшим уважен‹ием› употреблять слово *мысл‹и›*.[1] Арабские сказки прелесть — советую тебе держать за ворот этого Сенко̀вского; [стихи преизрядные —] между поэт.‹ами›[2] не вижу Гнедича — и досадно; нет и Языкова и его жаль — [мадр.‹игал› кот‹орый›‹?›] похабн‹ый› мадр.‹игал› Родз.‹янки› должно бы оставить [Нахимову] покойному Демонси а не печатать в евр.‹опейском› изд.‹ании› — Вчера — — люблю и мыслю о тебе — — [отошли в какую-нибудь] поместят [когда-нибудь›] ‹в› граммати‹ку› — для примера явной бессмыслицы[3] — Плетнева Родина хороша. Бар.‹атынский› чудо — мои пиэсы плохи — вот тебе и всё о Полярной —

Радуюсь что мой Фонтан шумит. Недостаток плана не[4] моя вина — я с суеверной точностию[5] перекладывал в стихи рассказ молодой женщины[6] — Aux douces loix — впрочем я [довольно его] [люблю его] печатаю его только потому[7] что деньги нужны я написал его единственно для себя.[8]

III. пункт и сам.‹ый› нужный с эп.‹играфом› без цере‹монии›. Ты [просишь] требуешь от меня для те‹бя› пиэс как будто у меня их сотни — [Не могу их продавать ибо они уже проданы] [Къ] Я обещал стихов Кюхельбекеру которому они верно нужнее нежели тебе.. [пото‹м›] [положим что и‹х›] едва ли наберется их [десяток] и пяток — ты забываешь отношения мои с цензурой [да] — О *нов‹ой›*‹?› поэме[9] нечего и думать — [въ] она писана строфами едва ли не вольнее строф Дон. Жу‹ана› если [я] когда-нибудь она будет напечатана то верно не в П.‹етер›Б.‹урге› и не в Москве. — [У вас есть еще несколько моих стихов — [пере] [пе] сделайтесь с цензурой — переправляйте их]

78а. П. А. Вяземскому.

8 марта 1824 г. Одесса.

От всего сердца[10] благодарю тебя, милый Евр‹опеец› — за неожиданное послание — т. е. посылку. — Начинаю думать что

---

[1] можно было иметь более уважения к мыслям

[2] *между поэтами вписано; над* преизрядные *снова было начато* н‹е› ви‹жу›

[3] для примера бессмыслицы

[4] не *зачеркнуто и восстановлено.*

[5] с суеверной точностию *вписано.*

[6] рассказ женщины

[7] — впрочем я напечатал его для

[8] *Около слов* я написал его единственно для себя *знаки переноса, без указания куда.*

[9] — О поэме

[10] От всего сердца *вписано.*

ремесло наше право не хуже другого —и почитать наших книгопродавцов — одно меня затрудняет ты продал всё издание за 300<0> рублей, а сколько же [оно] стоило тебе его напечатать — Ты всё-таки даришь меня, бессовестный ради Христа вычти [из остальны<х>] что тебе следует из остальных денег — да пришли их ко мне — рости[1] им не за чем — а [за уплатою долгов у меня вряд] у меня не залежатся[2] хоть я право не мот — уплачу старые долги и засяду за новую поэму потому что[3] мне полюбилось — [моя<?>] я к 18 веку уже не принадлежу, [пишу] пишу для себя, а печатаю для денег ничуть не для улыбки прекрасного пола —

Жду с нетерпением [*тво<его>*] мой[4] тво<й> Фонт<ан> т. е. твоего предисловия — Недавно прочел я твои давишние замечания[5] на Булгарина — это лучшая из твоих полемических статей — Жизни Дмитриева еще не читал — но милый грех тебе унижать нашего Крылова — [Ты один мог бы и проч.] [твой голос должен] твое мнение должно бы сделаться законом в нашей словесности, а ты по снисходительному пристрастию и верно вопреки своей совести покровительствуешь[6] [чо<рт>] не хочу сказать кому —

[Ты обещаешься быть [у нас] к нам — [съ] Никогда [не давали] не получал я поручения<?>] [и тебя]

Твое [коми<ссионное>] поручение отыскать тебе дом обрадовало меня несказанно — [впроччем] это дело не к спеху; [и<зволь>] однако изволь изъяснить мне толковее что такое *в начале лета*, и *не дорого* — Л. Нарышкин с которым я об этом уже говорил уезжает в чужие края в начале лета — он нанимает здесь дом в городе за 500 рублей в месяц, и[7] дачу не очень помню за сколько — я бы советовал те<бе>[8] для детей нанять дачу, потому что в городе по причине пыли жить несносно[9] — — [буду] стану хлопотать[10] впроччем твоего *слишком дорого* я не понимаю, ты деньги всё-таки ведь истратишь если не на то так на другое. Жду ответа — Волко<нского> здесь еще нет[11]

---

[1] *В подлиннике:* ростить

[2] у меня им не залежаться

[3] *До сих пор писано карандашом, дальше чернилами.*

[4] мой *переделано из* моего

[5] твои замечания

[6] и ты по снисходительному пристрастию пишешь вопреки своей совести и покровительствуешь

[7] и *переделано из* а

[8] — я бы тебе советовал

[9] по причине пыли несносно

[10] [буду] стану хлопотать *вписано.*

[11] здесь нет

79а. И. Н. Инзову (?).

Около 8 марта 1824 г. Одесса.

Je vous envoie, Général, les 360 rou‹bles› que je vous [devais] dois depuis si longtemps; [re‹cevez›] veuillez recevoir mes sinc‹ères› remerciements[1] quant aux excuses je n'ai pas le courage de vous en faire — Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'à présent vous payer[2] [ma] cette dette — le fait est que je crevais de misère.

Agréez Général les assurances de mon profond respect [et ‹de› mon regret]

83а. А. И. Казначееву.

22 мая 1824 г. Одесса.

(Первая черновая редакция)

22 мая

П.‹очтенный› А.‹лександр› И.‹ванович› [Не зная] Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг не знаю [каким] в праве ли отозваться на предписание е.‹го› с.‹иятельства›. Как бы то ни бы‹ло› надеюсь на ваше снисхождение и приемлю смелость[3] объясниться откровенно насчет мо‹его› положени‹я›[4]

Служба[5] никогда не была моею целию — [Я давно отказался [от [всех] всякой надежды] [от всякой выгоды] [семь лет не] 7 лет я ею не занимался, не написал ни [одного] одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником — эти семь лет к.‹ак› вам изве‹стно› для меня потеряны.[6] Чувствуя[7] совершенную свою неспособность я уже отказался[8] от всякой надежды[9] на дальнейшие успехи или выгоды[10] [Может быть я чувствую больше чем кто-нибудь[11] умеренность пра-

---

[1] mes remerciements

[2] de n'avoir pu vous payer

[3] *а.* Надеюсь на ваше снисхождение и про‹шу›‹?›
б. Как бы то ни было надеюсь на вашу снисходительность и приемлю смелость

[4] объясниться откровенно о своем положении

[5] а *в слове* служба *зачеркнуто и восстановлено.*

[6] *Вписано сперва:* эти семь лет для меня потеряны, *затем:* к. вам известно

[7] *Переделано из* Чувствую

[8] я отказался

[9] надежды *переделано из* надежд

[10] на дальнейшие успехи ‹,› от всех выгод

[11] больше чем кто-нибудь *вписано.*

вительства, ио не могу] [ремесло [де<ло>] мое] [самые мои занятия [бу] будучи совершенно прот<ивоположны>[1]] я сам заградил себе путь я выбрал [дл<я>] другую дорогу — [будьте уве<рены>] ради бога не думайте чтоб я смотрел[2] на [стихи] стихотворство как — на отдохновение чувствительного человека с смешным [или де<тским>] тщеславием [поэта] — [Это] [Это] оно просто мое ремесло, отрость промышленности которая[3] одна доставляет мне[4] пропитание и независимость[5] — [к несчастию] Граф не захочет — лишать ни того ни другого[6] — [К несчастию вре]

Может быть скажете вы,[7] что я получаю жалование[8] следственно обязан служить — Но я принимаю 700 рублей не так как жалование чиновник[9] Ново<российского> ге.<нерал> губ.<ернатора> — но как [человек] *паек* ссылочного невольника — Вы знаете что только или в Москве или в П.<етер>Б.<урге>[10] можно вести[11] книжный торг, — ибо только там [есть книго<продавцы>] находятся [журналы] журнали<сты> цензора и книгопродавцы — [В Одессе] *Я* поминутно долж<ен> отказываться от самых выгодных предложений только по той причине что нахожусь за 200<0> верст от столицы. Правительство[12] вознаграждает некоторым образом мои[13] утраты — но я [скорее[14]] готов отказаться от моего[15] жалования если [я] не буду властен в моем времени и занятиях.[16] Вхожу в это обст.<оятельство> потому что дорожу мнением[17] гр.<афа> Вор.<онцова> также как и ваш<им> также как и всякого честного человека — [18]

---

[1] *От* самые мои занятия *написано ниже, после* [к несчастию вре], *но перенесено в данное место (указано крестиком).*

[2] что я смотрю

[3] *Сперва было начато:* которо<е>

[4] *а.* одна может [д] достави<ть>
б. одна мне доставляет

[5] и независимость *вписано.*

[6] Граф не захочет — лишать ни того ни другого *зачеркнуто и восстановлено.*

[7] *Сперва фраза была начата:* Вы скажете

[8] *В подлиннике:* жалования

[9] не так как чиновник

[10] *а.* что только в России
б. что только в Пете<рбурге> или в Москве

[11] *а.* могу вести
б. Начато: можно

[12] *Переделано из* Правительству

[13] мою

[14] скорее *вписано.*

[15] *Переделано из* моей

[16] *а. Сперва было начато:* в моем
б. в моих занятиях

[17] *В подлиннике:* дорожением

[18] *От* Вхожу в это обст. *вписано.*

Повторяю здесь то что уже [честь имел говорить] сказал самому графу М.‹ихаилу› С.‹еменовичу› если бы я хотел [1] служить, то никогда бы не выбрал себе [2] другого начальника кроме е.‹го› с.‹иятельства› но я не хочу [3] служить никогда ничего по службе не искал [4] и противу воли — —

Чувствую что в сем [письме] довольно [много] чтоб меня уни‹что›жить — если гр.‹аф› прикажет подать мне в отставку — я готов — [но] хотя с сожалением — чувствуя [5] что переменив свою должность [6] — я много потеряю и ничего не надеюсь выигр‹ать› —

[Позвольте]

Еще одно слово: Вы м. б. [7] не знаете что у меня анев‹ризм›, следственно вот уже 6. . . . как я ношу с собою смерть — [8] Могу [если ‹?›] представить свидетельство [какого угодно] тре.‹буемого› доктора которого угодно вам на‹значить› — Кажется служба таковог чиновник‹а› незавид‹на› [9] — [и] ужели нельзя оставить меня в покое на [крат‹кий›] [ост] остаток жизни которая верно не продлится

(Вторая черновая редакция)

П.‹очтенный› А.‹лександр› И.‹ванович› Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, не знаю в праве ли отозваться на предписание е.‹го› с.‹иятельства› Как бы то ни было, надеюсь на вашу снисходительность и приемлю смелость объясниться откровенно на счет моего положения.

7 лет я службою [10] не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником.[11] Эти 7 лет [12] как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. Я сам заградил себе путь и выбрал [совсем] другую цель. Ради бога не думайте

---

[1] если я бы хотел
[2] *а.* не выбрал
б. [не же‹лал›] [не жел‹ал›] не жела‹л›
[3] *а.* не хочу
б. не мо‹гу›
[4] никогда не искал
[5] хотя [и] с сожалением и чувствую
[6] что переменив должность
[7] м. б. *вписано.*
[8] *а.* следственно всегда нахожусь я‹?›
б. и что вот уже 5
[9] доктора которого угодно вам назначить — Таковой чиновник незавиден
[10] *а.* 7 лет я службою
б. 7 лет служу
[11] *В подлиннике:* начальникъ.
[12] *Сперва было начато:* Эта семилетняя

чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая[1] мне пропитание и домашнюю независимость. Думаю что граф Воронцов не захочет лишить меня ни того, ни другого.

[Может быть скажете вы] Мне скажут, что я, получая 700 рублей обязан служить. Вы знаете что только в Москве или П.<етер>Б.<урге> можно вести книжный торг ибо только там находятся журналисты цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине что нахожусь за 2000 в. от столиц. Правительству угодно [было] вознаграждать некоторым образом мои утраты я принимаю эти 700 рублей не так как жалование чиновника но как паёк ссылочного невольника. Я готов[2] от них отказаться если не могу быть властен в моем времени и занятиях, [которые доставляют мне] Вхожу в [сии] эти подробности, потому что дорожу мнением гр.<афа> Воронцова, также как и вашим [также] как и мнением всякого честн.<ого> человека.[3]

Повторяю здесь то что уже [сказал] известно графу М.<ихаилу> С.<еменовичу>: если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника кроме его сиятельства; но чувствуя[4] свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы и от всякой надежды на дальнейшие успехи в оной.[5]

Знаю что довольно этого письма чтоб меня, как говорится, уничтожить. Если гр.<аф> прикажет подать в отставку[6] я готов; но чувствую что переменив мою зависимость я много потеряю а ничего[7] выиграть не надеюсь.

Еще одно слово: Вы может быть не знаете что у меня аневризм. Вот уж 8 лет как я ношу с собою смерть. Могу представить свидетельство которого угодно доктора. Ужели[8] не льзя оставить меня[9] в покое на остаток жизни которая верно не продлится.

Свидетельствую вам глуб.<окое> почт.<ение> и серд.<ечную> пред.<анность>.

---

[1] *Переделано из* доставляющей
[2] как паёк ссылочного невольника и готов
[3] как и всякого человека.
[4] *Переделано из* но чувствую
[5] успехи оной
[6] Если гр. прикажет подать в отставку *зачеркнуто и восстановлено.*
[7] *Переделано из* и ничего
[8] *Зачеркнуто и восстановлено.*
[9] меня *вписано.*

86а. А. И. Казначееву.

Начало (после 2) июня 1824 г. Одесса.

[Votre lettre m'a fait bien de la peine,] Je suis bien fâché que mon congé vous ait fait [de la] tant de peine, et [votre douleur m'a] l'affliction que vous m'en témoignez me touche sincèrement. Quant à la crainte[1] que vous avez[2] relativement aux suites que ce congé[3] peut avoir je ne l<a> crois pas fondée[4] — [Si vous regrettez] [Confond<?>] Que regretterais-je. est-ce ma carrière[5] manquée? [C'est à quoi] [je m'y suis résigné depuis 4 ans] C'est une idée à laquelle j'ai eu[6] le temps de me résigner. — Sont-ce mes appointe<ments>?[7] — — [Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune [de] et mon peu de moyens, je ne puis pas[8] du les dédaigner] — [Mais [mes] [con] [je préfère aux] mes occupa<tions>] Puisque mes occupations littéraires [peuvent me procurer [plus d'argent j<e>] plus [d'argent] [que le] il est tout naturel de [leurs][9] [sacrifier des occupations de mon service etc.] — Vous me parlez[10] de protection [et d']amitié — Deux choses [à mon sens] incompatibles; je ne puis ni ne veux prétendre[11] à l'amitié du Cte Wor<onzoff> encore moins à sa protection: rien que je sache ne dégrade plus que le patronage, et j'estime trop cet homme[12] pour vouloir m'abaisser devant lui [et] [Malgré] Là-dessus[13] j'ai des préjugés [de l'orgu<eil>] [d'orgueil] démocratiques qui valent[14] bien les préj<ugés> [et l'or<gueil>] de l'org<ueil> de l'Aristocratie [il est inutile] [est]

[Et puis] Je suis fatigué[15] de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de[16] tel et tel chef, je suis [blasé] ennuye d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier imbécile[17]

---

1 Quant aux craintes

2 *а.* que vous me témoignez
б. que vous avez témoignées

3 *Сперва было начато:* qu'il m

4 *В оригинале:* je ne les crois pas fondées

5 Que regrettez-vous. Est-ce ma carrière

6 je me suis

7 — Est ce les appointe<ments>?

8 je n'aurais pas

9 *Над зачеркнутым* leurs *надписано* les, *но переработка на этом и остановилась.*

10 Vous me parlez *зачеркнуто и восстановлено.*

11 je ne puis prétendre

12 encore moins à sa protection, je l'estime trop. *От* rien que je sache *написано после:* m'abaisser devant lui [et], *затем перенесено в данное место.*

13 Là-dessus *вписано.*

14 *В подлиннике*: vaillent

15 fatigué *зачеркнуто и восстановлено.*

16 de *переделано из* d'un

17 imbécile *зачеркнуто и над ним надписано* galopin, *однако, затем* imbécile *снова восстановлено.*

Черновое письмо А. И. Казначееву, начало (после 2) июня 1824 г.

Публичная Библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, тетрадь № 2370, л. 9.

galopin anglais qui vient y promener parmi nous [sa nonchalance] sa platitude[1] et son baragouin[2]

Je n'aspire qu'à l'indépendance — pardonnez-moi le mot en faveur de la chose[3] — à force de [cou<rage] courage et [de travail] persévérance je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers[4] pour vivre — le plus grand pas est fait[5] — Si je n' écris[6] encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration,[7] [du moins] les vers une fois écrits je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce. — Je ne conçois pas la *consternation* de mes amis (je ne [les] sais pas trop ce que c'est que mes amis).

Il n'y a pas de doute que le Cte W.<oronzoff> qui est un homme d'esprit saura me [mettre dans mon] donner le tort dans l'opinion du public — triomphe [bien] très flatteur et dont je le laisserai jouir tout[8] à son [gré] [ai<se>] [entendu] vu que je me soucie [très peu de] tout autant <de> l'opinion de ce public que du blâme <et> de l'admiration de nos journaux[9] —

94а. В. Л. Давыдову (?).

Июнь 1823 г.—июль 1824 г. Кишинев — Одесса.

[Мне] С удивлением слышу я[10] что ты почитаешь меня [варваром,] врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства. [Мне случалось иногда говорить о Греции:[11]] Видно слова мои были тебе странно перетолкованы. [Повторю теб<е>] [чтоб оправдаться] Но что бы тебе ни говорили, ты не должен был верить чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательство<вало> [освобождению] [свободе] благородным усилиям [свободы] возрождающего<ся> народа. Жалея[12] что при-

---

[1] qui va y promener sa sottise

[2] *Весь этот кусок от* [Et puis] *написан значительно ниже, после слов* (je ne [les] sais pas trop ce que c'est que mes amis), *но крестиками отмечен перенос его в данное место.*

[3] *Кусок от* pardonnez-moi *был намечен к перенесению в какую-то другую часть письма.*

[4] J'ai vaincu la répugnance que j'avais de faire des vers

[5] le plus grand pas est fait *вписано.*

[6] Si j 'écris

[7] sous l'influence de l'inspiration

[8] tout *вписано.*

[9] *а. Начато:* que des
б. que des feuilles
в. que des nos journaux
г. que du blâme de nos journaux
д. que de l'admiration de nos journaux

[10] С удивлением услышал

[11] *Эта фраза вписана.*

[12] *Переделано из* Жалею

нужден оправдываться перед тобою, повторю и здесь то, что случалось мне[1] говорить касательно греков[2]

Люди по большой части[3] самолюбивы,[4] [ограниченны] беспонятны легкомысленны[5] невежественны[6] упрямы; старая[7] истина которую всё-таки не худо повторить — Они [с трудом] редко терпят противуречие,[8] никогда не прощают[9] неуважения; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяют [что] всякую новость; и [однажды приняв] к ней привыкнув уже не могут с нею расстаться. —

Когда что-нибудь является общим мнением то [оно не приметно] глупость общая — вредит ему столь же сколько [общее усилие] единодушие[10] ее поддерживает. Греки между европ<ейцами>[11] имеют [множ.<ество> глупых] гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных[12] [полезных] друзей — Ничто еще не было[13] столь *народно* как дело греков, хотя многие [з] в их политическом отношении были важнее для Европы.

95а. В. Л. Давыдову (?).[14]

Июнь 1823 г.—июль 1824 г. Кишинев — Одесса.

de Constantinople — <un t>as<?> de gueux [de courtiers, pires que des juifs[15] de coupeurs de bourse] timides, voleurs et[16] vagabonds qui n'ont pu même soutenir[17] le premier[18] feu de la[19] mauvaise mousquetterie turque, [voilà ce que sont les] [ces héros] formerait

[1] Повторю тебе что [случалось мне] думаю

[2] *Далее следует волнистая черта — знак того, что Пушкин хотел внести в эту часть письма то, что намерен был „повторить“.*

[3] Большая часть людей

[4] *Вместо* самолюбивы *сперва было начато слово на* д

[5] легкомысленны *над* беспонятны

[6] невежественны *вписано.*

[7] старая *вписано.*

[8] — Они не терпят ни резкого

[9] *Сперва вместо* прощают *было начато слово на* по

[10] *Переделано из* единомыслие

[11] между европ<ейцами> *вписано.*

[12] благоразумных *зачеркнуто и восстановлено.*

[13] *а. Сперва фраза была начата:* Невежество никто
б. Ничто не было

[14] *Верхняя часть листа оборвана; над* de Constantinople *кусок двух строк, на котором сохранились буквы* oinn *и под ними три зачеркнутые слова, которые можно прочесть как* <d>es gueux *и м. б.* suivre

[15] pires que des juifs *вписано.*

[16] voleurs et *вписано.*

[17] *а.* qui n'ont jamais pu soutenir
б. Начато: qui [n] [ne pouvait] ne pou

[18] premier *вписано.*

[19] la *вписано.*

une singulière troupe dans l'armée [russe] du Comte Vitgen<stein> — Quant à ce q.<ui> reg.<arde> les officiers, ils sont pires que les soldats — [On peut voir] N.<ous> avons vu ces[1] nouveaux Léonidas dans les rues d'Odessa et de Kichenev — [nous] plusieurs nous sont personnellement connus, nous certifions leur complète nullité — [un] ils ont trouvé l'art d'être insipide, même au moment[2] où leur conversation devait intéresser[3] tout européen — aucune idée de l'art militaire, nul point d'honneur, nul enthousiasme[4] — les français et les russes[5] qui se trouvent ici — [leur disent des grosses injures en face et quelquefois] leur marquent un mépris dont ils ne sont que trop dignes, [et qu'ils] [il] [les] [et les] ils supportent tout même les coups de bâton avec un sang-froid digne de Thémistocle — Je ne suis ni un barbare ni un apôtre [du gouvern<ement>] de l'Alcoran, la cause de la Grèce m'intéresse vivement, c'est pour cela même que je m'indigne en voyant ces misérables revêtus du ministère sacré des défenseurs de la liberté —

106а. П. А. Плетневу.[6]

Конец октября 1824 г. Михайловское.

[Съ] Беспечно и радост<но> полагаюсь на тебя [во всем что касается] в отношен<ии> моего Онегина! — [Со<зови>] [Что же] Созови мой Ареопаг ты Ж.<уковский> [Гнд] Гнед.<ич> и Дельви<г> — от [них] от вас ожидаю суда [приговор] — и с покорн<остью> при<му> его реш<ение>

Жалею что нет между ва<ми> Бара<тынского> говорят он пиш<ет>

107а. В. Ф. Вяземской.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

Belle [et] bonne Princes<se> Véra, âme charmante et généreuse [J'attendais toujours] Je ne vous remercierai pas[7] [la langue [est tro<p>] de la reconnaissance] pour votre [souvenir et] votre lettre les paroles [sont] seraient trop froides et trop faibles pour vous exprimer mon attendrissement, et ma reconnais-

---

1 *Переделано из* les

2 *Сперва было начато:* au moment mê<me>

3 *Переделано из* intéressait

4 *Кусок от слов* aucune idée *был написан выше, после слов* complète nullité, *но затем перенесен в данное место.*

5 — les officiers français et russes

6 *Письмо начинается стихотворным обращением. Сводный текст его выше, стр. 113; варианты см. во II т. настоящего издания.*

7 Je ne vous remercierai pas *зачеркнуто и восстановлено.*

sance[1] —— [il n'y a pas d'égoïsme qui tienne] [une] votre douce amitié [consolerait une] suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne; tel[2] que je suis, elle seule me consola[3] de bien [des chag‹rins›] [d'ennui] [des] des chagrins; [a] et seule a pu calmer la rage de l'ennui[4] [qui] consume ma sotte existence[5] — [elle] [cette existence] [J'avais deviné] [— par un] Vous désirez la connaître, cette sotte existence: ce que j'avais prévu [ce] s'est trouvé vrai. Ma présence[6] au [sein] milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez réels, [le gouvernement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être [l'] [un] [son] agent de persécution] On [me] m'a reproché mon exil,[7] on [croit d'être] se [s] croit entraîné dans mon[8] malheur, on prétend que je prêche l'Athéisme à ma soeur qui est une créature céleste et à mon frère qui [a beaucoup d'esprit] est très drôle et très jeune, qui admirait[9] [ravi] mes vers et que j'ennuie très certainement. Dieu s‹eul› sait si je songe a lui?[10] Mon père a eu la faiblesse d'accepter [à mon égard] [une [proposition] offre] un emploi qui le mit dans tous les cas[11] dans une fausse position à mon égard;[12] [tout cela fait] cela fait que [tout] je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce qui me rappelle la mer [ou un beau ciel me] m'attriste — le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre — [et] je crois qu'un beau ciel [et une[13] le même effet] me ferait pleurer de rage; [grâce à] но слава[14] dieu небо у нас сивое, а луна точная репка ——[15] [pour toute ressource [et[16]] j'ai une bonne voisine [des[17]] [ancienne

---

[1] pour vous exprimer tout l'attendrissement de ma reconnaisance

[2] *Переделано из* telle

[3] elle m'a consolé

[4] *а.* et pour quelque temps m'a préservé de la rage de l'ennui
б. et pour quelque temps me préserve de la rage de l'ennui
в. Начато сперва: et vos lettres, *затем снова:* et vo‹s›
г. pourrait seule [donner] calmer la rage de l'ennui

[5] *а.* qui me dévore
б. qui dévore ma [pau‹vre›] sotte existence
в. qui dévore mon existence

[6] *Переделано из* Mon arrivée

[7] exil *зачеркнуто и восстановлено.*

[8] *Сперва было начато:* dans l‹e›

[9] *В подлиннике:* qui admirat

[10] *Эта фраза приписана сбоку.*

[11] dans tous les cas *вписано.*

[12] *Кусок от* Mon père *был написан выше, после слов* agent de persécution, *но затем перенесен в данное место.*

[13] *После* une *пробел, в который должно было быть вписано соответствующее слово.*

[14] но слава *вписано.*

[15] *Кусок от* tout ce qui me rappelle *был написан значительно ниже после слов* par cet échantillon, *но затем перенесен в данное место.*

[16] et *вписано.*

[17] des *вписано.*

connaissance de] originale] à l'égard de mes voisins [je suis] je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord; ils ne m'excèdent [pas] [pas] pas — [et ne<?>] je jouis[1] parmi eux de la réputation *d'Onéguine* — et voilà[2] je suis prophète en mon pays.[3] Soit-il — pour toute ressource [j'a] je vois [sou] souvent une[4] bonne vieille voisine — [ses deux filles] j'écoute[5] ses conversations patriarcales — Ses filles assez mauvaises sous tous les rapports, [me] me jouent[6] du Rossini que j'ai fait venir — [Si l'] [Si l'ennui de la solitu<de><?> [Si la vi<e><?>] pouvait inspirer,] je suis dans la meilleure [po<sture><?>] [voit<?>] position possible pour achever mon [poëme] roman poétique, mais l'ennui[7] est une froide Muse — et [le] m<on> poëme n'avance guère — voilà pourtant une strophe que je vous dois — montrez-la au *Pr.<ince> Pierre.* Dites lui de[8] ne pas juger [de l'ens<emble>] du tout par cet échantillon —

Adieu [P<rincesse>] [chère et] ma respectable Princesse, je suis à vos pieds bien tristement, [montrez] ne montrez cette lettre que à ceux qui j'aime et qui prennent[9] [me de] à moi l'intérêt de l'amitié et non de la curiosité — [et acceptez] [si] au nom du ciel, un mot d'Odessa — de vos enfants! — avez-vous consulté le docteur de Mili? — que fait il — [que fait] и что Мили?

Le prince a —

[Пок.<орно> пр.<ошу> ее сият.<ельство> [доставить по<?>] дост.<авить> княги<не> Вере Феод.<оровне> Вяз<емской>].

108а. Н. В. Всеволожскому.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

Не могу поверить чтоб ты забыл меня[10] милый Все<волож-ской> — ты помнишь П<ушкина> проведшего с тобою [первые годы] столько веселых часов — П<ушкиа>, которого ты видал и пьян<ого> и влюбл.<енного> не всегда верн<ого> тво<им> субботам, но неизменного тв<оего> товарища в театре,[11] [неи<з-

---

[1] j'ai la

[2] *а.* et voilà en<?> mon<?>
б. et me voilà

[3] et voilà je suis prophète en mon pays *вписано.*

[4] *В подлиннике* une *написано дважды.*

[5] *а.* j'arrive en baillant
б. [j'é<coute> <?>] <je> baille en écoutant

[6] — Sa fille assez mauvaise sous tous les rapports, me joue

[7] *Сперва было начато:* le

[8] *Переделано из* ne

[9] *а.* à ceux que
б. que à ceux qui prennent

[10] *а. Сперва было начато:* Ты не забыл меня
б. Долго я совался к тебе

[11] *а.* и пьян<ого> и влюбл.<енного> но всегда твоей
б. и пьян<ого> и влюбл.<енного> не всегда верного субботам, но неизменного товарища в театре

менного>] [постоянного тво<его>] наперсника твоих [кулисных страстей] шалостей, П<ушкина> отрезвившего тебя[1] в стр<астную> пятн.<ицу> и[2] приведшего тебя под руку в церковь теа<тральной> дире<кции> да помолишься [го] го<споду>[3] богу [и] и насмотришься на [пр] госпожу[4] Овошни<кову> Сей самый П<ушкин> честь имеет напомнить тебе ны<не> о своем существовании и приступает к некоторому делу близко до него[5] касаю<щемуся> — — Помнишь ли что я тебе полу-продал полупроиграл рукопись моих стихотв.<орений>? [Ныне] [О священная[6] дружба! о проклятый тиран] Ибо [ты] знаешь [что]: игра[7] несч<астливая><?> родит задор [что[8]] [Ныне] я раскаялся но поздно — ныне решился я исправить свои погрешности начиная с моих стих<ов>[9] большая[10] часть оных ниже [даже и моего] посредственн<ости> и годится только на соверш<енное> уничтож<ение>, некоторых хочется мне спасти — Все<воложской> ми<лый>[11] царь не дает<?> мне<?> свободы! продай мне назад мою рукопись, — за ту же цену 100<0> ([даром] я знаю что ты со м<ной> спорить<?> не ста<нешь>; даром же взять не захочу.) Деньги тебе [возв<ращу>] [дост] доста<влю> с благодар<ностью> как скоро выручу — надеюсь что мои стихи у Слёнина не залежатся[12] — Передумай и дай ответ — Обнимаю тебя [душ<а>] моя ра<дость>, обнимаю и крошку <?>[13] Всеволодчика<?> — Когда-то свидимся.... когда-то.....

110а. В. А. Жуковскому.

31 октября 1824 г. Михайловское.

Но [в<ойди><?>] посуди о моем положении [домашнем] дома — приехав [сюда бы<л>] сюда был я встречен и обласкан — но скоро всё переменилось — отец [помину<тно>] испуганный

---

[1] того П<ушкина> который отрезвил тебя
[2] и *вписано.*
[3] [го] го<споду> *вписано.*
[4] [пр] госпожу *вписано.*
[5] до него бли<зко>
[6] священная *вписано.*
[7] *Переделано из* игрой
[8] *Над* что *в подлиннике волнистая черта; после* что *пообел, в который Пушкин, видимо, хотел что-то вписать.*
[9] *а.* — ныне решился я исправиться [и] и начать с
б. — ныне решился я исправить свои погрешности [съ] с того
[10] *Переделано из* большую
[11] Все<воложской> ми<лый> *вписано.*
[12] *а. Сперва было начато:* — а сти<хи><?>
б. — знаю<?> что мои стихи по милости божией, у Слён<ина> не заживаются —
[13] крошку *вписано.*

моей ссылк<ою> беспрестанно твердил что и его ожидает та же участь, [я не мог никогда] вспылчивость от<ца> и раздр.<ажительность> его мешал<и> мне[1] с ним откровенно изьясниться [пока<?>] [за] [в] [он п<лакал><?>] [жалея его] не [<желая> видеть его слезы] я решился молчать — [б<рат><?>] [начал он укорять брату в [афеизме,] безбож<ии> споря<?>] <начал> он укорять брата, утверждая что я преподаю ему и сестре[2] безбожие — [Жуков<ский>] подумай о моем изгн<ании> и [ска<жи> сам] рассуди[3] [Прие<хавший>] Назначенный за мн<ою> смотреть Пещ<уров> [имел бесстыдство] [глупость] [глупость] [наг<лость>] наг<лость> осмелиться предложить отцу моему распечатывать мою переписку — короче быть моим шпионом — Желая наконец вывести себя из тягостного положения [я пришел к] [я] прихожу к отцу моему — и прошу его позволения говорить искренно.... [честью тебе] больше [ничего] ни слова — отец осердился, запла<кал> закричал — я сел верьхом и уехал — Отец призвал моего брата и велел ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé.

Узнаю всё, голова моя — закипел<а>:[4] Иду к отцу [и къ] нахожу [Ж<уковский>] его с мат<ерью>[5] и высказал всё что было у меня на сердце целых 3 мес.<яца> кончаю тем что говорю ему в последний раз — Отец мой, воспользуясь отс<утс>тв.<ием> свидет.<елей> [обвин<яет>] выбегает и всему дому объявляет — что я его *бил*, потом *хотел бить* — потом замахнул — Перед тобою не оправдываюсь — но [что ж] чего же он хочет [— обв<иняя>] для меня с уголовным обвинение<м> — рудников сибирских и вечного мо<его> бесчестия — спаси меня — [пересе<ли>] хоть кре<постию>, хоть Соло<вецким> монастырем — — [Отдаю] вручаю тебе

[Продолжаю]

118а. В. А Жуковскому.

29 ноября 1824 г. Михайловское.

Ты получил мое письмо — долго не мог я решиться отослать его — но что мне было делать. Я сослан за одну[6] строчку

---

[1] *а.* его вспылчивость мешала мне
б. вспылчивость отца и раздражительность не дав<али>
[2] и сестре *вписано.*
[3] *От* Жуков<ский> *было написано ниже, после* ce fils dénaturé, *но затем перенесено в данное место.*
[4] *а.* [Ск<ажи>] [Я] Я закипел
б. Узн<ав> я за<кипел>
[5] *От* [и къ] нахожу *вписано.*
[6] *Переделано из* по одной

глупого письма. Ежели объя<вят> пра<вительству>[1] что я поднял руку на отца [какое] [мне спасения] посуди как там обрадуются — Мать согласна была с отцом теперь [она] она говорит да он[2] осмелился говоря с отцом неприст<ойно> размахивать руками — дело[3] — да он убил его словами — это calembour и только [Я сказал им что буд<у>][4] [Мать меня обняла говоря que deviendrais-je si tu es à la forteresse] [Я показывал] Я посылал им письмо[5] м<ое><?> мое к тебе[6] — Отец говорит: экой дурак в чем оправдывается?[7] Да он бы еще [бить меня] ме<ня>[8] прибил... зачем же было[9] обвинять [меня] в злодействе — несбыточном? — [это] [ка<ламбур>] шутка пахнет палачом и [Сибирью] каторгой.[10] [Милый чем далее живу тем более вязну в] Стыжусь что доселе <живу> не име<я> духа[11] исполнить пророческую весть — [я б] [которая] что [не<давно>] разнеслась недав<но>[12] обо мне [и не] [и еще не застрел<ился>[13]] [Увяз я в] [Стыдно у<вязнуть><?>] Глупо час от часу далее вязнуть в жизненной грязи, [ничем к ней не привязанный]

119а. П. А. Вяземскому.

29 ноября 1824 г. Михайловское.

Ольд.<екоп> мать его в рифму, надоел он мне, плюнь[14] на него и квит — [милый] [я имел много неприятностей к стати письмо твое[15] пришло и меня подвеселило.] Твое предложение касательно моих эл.<егий> не сбыточно вот почему: В 1820 году

---

[1] *а.* Ежели дойдет до пра<вительства>
б. Ежели скаж<ут>

[2] *а.* Посуди как там обрадуются — Мать моя говорит что я
б. Посуди как там обрадуются — Мать моя говорит но он

[3] *а.* — дело десятое
б. — это же дело десятое

[4] *От* да он убил его словами *вписано;* Я сказал им что буд<у> *вписано вторым слоем.*

[5] письмо *переделано из* чт<о>

[6] *От* Я показывал *вписано.*

[7] экой дурак в чем оправдывается? *вписано.*

[8] ме<ня> *вписано.*

[9] было *вписано.*

[10] *Последняя фраза от* [это] *была написана в начале письма, после слов* [мне спасения], *но затем перенесена в данное место.*

[11] *Сперва было:* доселе не имею духа, *затем Пушкин восстановил зачеркнутое* живу

[12] недав<но> *вписано.*

[13] и еще не застрел<ился> *вписано.*

[14] *Переделано из* плюнем

[15] *а.* я имел много неприятностей и письмо твое
б. я имел много неприятностей письмо твое

[про<дал>] [его] переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке[1] — напечатал биле<ты> около 40 их роздал — я продал[2] потом рукопись мою Все<воложскому> [съ] (и следств. с извес<тным> договором). [И] Между тем принужден был бежать из Меки в Медину [стихи мои по<шли>], мой Коран пошел из рук в руки и доныне правоверные ожидают оного. Теперь поручил я брату отыскать и купить мою рукопись — [элегии посл<ания>] и тогда приступим к изданию, эл<егий> посл.<аний> и смеси. — Должно будет объявить в газ.<етах> что так как билеты по причине долговре<мян>ной остановки издания[3] [по нашей вине и прочч. и проч.[4]] могут быть затеряны подпис.<авшимися> особами, то довольно будет одного имени с адресом (ибо, солжем им на всякой страх) имена всех г.г. подпис<авшихся>[5] находятся у Издателя[6] — если понесу убыток — пенять будет не на кого сам вино<ват> [Милый] Брат увез Онегина, и там издаст его не сердись милый — в нынешних обст.<оятельствах> [др<угой>] всякой другой [м<ой>] Изд.<атель>[7] невольно привлечет внимание и неудовольствие. [Напишу брату чтоб он прислал тебе Разговор] [в следующ] Удивляюсь — как письмо [Тани очутилось] у тебя[8] — ([вот] прислали тебе его для Раича или Кюх<ельбекера> как ты захочешь —[9] Отвечаю на твою критику — нелюдим не миз.<антроп> т. е. ненав.<идящий> люд<ей> а убегающий от людей[10] Онегин — [д<ля>] *нелюдим* для деревенских соседей — Таня полагает причиной тому[11] что в *глуши*, в *деревнях всё ему скучно* и что блеск один может привлечь.[12] — Впроччем хоть смысл и не точен, тем боле истинны в письме[13] — письмо <женщины> да к тому же влюблен.<ной>.[14] Что ж душа моя, твое поминанье о Байроне? ведь я жду — я[15] кн.<ягине> В.<ере> писал, пиши мне Ее выс.<о-

---

[1] издать его, но подписка

[2] *а.* — напечатал около 40 билетов, розданных
б. — напечатал [билеты] биле<ты> около 40 их роздал — продав

[3] по долговре<мян>ной остановки издания

[4] по нашей вине и прочч. и проч. *приписано сбоку;* нашей *вписано вторым слоем.*

[5] имена гг. подпис<авшихся>

[6] *Переделано из* Издателей

[7] — в нынешних обст<оятельствах> Изд.<атель> мой

[8] Удивляюсь — как у тебя

[9] *Дальше волнистая черта, возможно обозначающая какое-то слово.*

[10] — нелюдим не misanthrope а человек который убегает от людей

[11] полагает что по тому

[12] *а.* и что привлечь может единый блеск
б. и что блеск один может привлечь его

[13] *а.* тем вернее будет в письме
б. тем истиннее будет в письме

[14] *а.* письмо женщины, да еще 17 летней
б. письмо влюблен<ной> женщины [да къ] да еще [же<нщины>] 17 летней

[15] я *вписано.*

кородию> дост.<авить> *А. С.* П. и всё тут да найди для конверта ручку почетче твоей — прощай, добрый слышатель,[1] отвечай же на мое полу-слово [2]

[Мне жаль д<яди><?>]

Написал ли дядя шести стопную эпитафию à ma tante frétillon? Вот [оказия!] случай! а потоп-то! Жду на сей водяного пс.<алма> Фиты.[3]

Перешлю брату твой поклон — [4]

122а. *Д.* М. Шварцу.

Около 9 декабря 1824 г. Михайловское.

Буря кажется успокоилась, осмеливаюсь выглянуть из моего гнезда и подать вам голос, милый Дм.<итрий> Мак.<симович.> Вот уже 4 месяца как нахожусь я в глухой деревни — скучно да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, [5] ни италианской оперы [ни вас друзья мои [6]] — Но за то нет — ни саранчи ни милордов Уор<онцовых> Уединение мое совершенно — праздность торжественна [7] Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко [совершенный Онегин] — целый день верьхом — вечером слушаю сказки моей няни оригинала няни Татьяны; вы кажется раз ее видели, она единственная моя подруга [8] — и с нею [одною] только мне нескучно. [Я начал переписку только с Ж.<уковским> и В.<яземским>[9]] — Об Одес<се> ни слуху ни духу. Сердце вести просит — [но всё] — долго не смел затеять переписку с оставленными товарищами — долго крепился но не утерпел.[10] Ради бога! слово

---

[1] *а.* — прощай, entendeur
б. — прощай, милый entendeur
в. — прощай, добрый слушатель

[2] отвечай на мое полу-слово

[3] Жду водяного пс.<алма> Фиты.

[4] Перешлю брату твой поклон *было написано перед словами* Вот [оказия!], *но перенесено в данное место.*

[5] ни голубого неба

[6] ни вас друзья мои *было сперва вписано после* неба полудня, *но затем перенесено в данное место.*

[7] *а.* Праздность моя торжественна и совершенна, уеди<нение>
б. Уединение мое и праздность торжественны и совершенны

[8] *а.* моей няни, которую кажется вы раз видели и которая единственное мое
б. моей няни оригинала няни Татьяновой; вы кажется раз ее видели, она единственная моя подруга

[9] *а.* Я в переписке с од
б. Я начал переписку с Ж. и В.

[10] *Слова* долго крепился но не утерпел *были написаны выше, перед* Об Одес<се>, *но затем перенесены в данное место.*

живое об Одессе — скажите мне что у вас делается — скажите во-первых [что] выздоровела <ли> маленькая гр.<афиня> Гурьева, [ко] я сердечно желаю всего счастья почт. и благ.

157а. А. С. Шишкову.

Около 7 апреля 1825 г. Михайловское.

Г. Ольдек<оп> в прошлом 1824 году перепеча<тал> мое[1] сочинение Бах.<чисарайский> Фонт<ан> без моего соизволения — чем и лишил меня 300<0>[2] — [Хотя тогда принимавшие во мне участие и жаловались куда следует за н<еуважение>] Отец мой с.<татский> с.<оветник> С. Л. Пуш<кин> хотя [и писал] и жаловался ваш<ему> в.<ысокопревосходнтельству> за си<е>[3] неуважение [моей] собств<енности> но не только не получил удовлетворения[4] но еще уверился я из письма ваше<го>[5] в том что г. Оль<де>коп пользуется ва<шего> высо<копревосходительства> покровительством — Выкл.<юченный> из службы след. не получая [царс<кого><?>] жалования и н<е>[6] имея [другой собствен<ности>] <друг>ого [дохода] дохода кроме своих[7] сочинений, решился я прибегнуть с жалобою [за сию покражу] к самому ва<шему> высокопр<евосходительству> надеясь что вы не захотите лишить меня хлеба[8] — не из личного неудовол<ьствия> противу г. Ольд.<екопа>, совсем для меня незнак<омого>, но единственно для [сохран<ения>] охранения себя от [сей<?> по<кражи>] по<кражи> воровства[9]

163а. Александру I.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

[Obligé de reconnaître l'indulgence de V.<otre> M.<ajesté> au moment même de ma disgrâce], je me [fer<ais>] serais fait un devoir de supporter ma disgrâce[10] dans un respectueux silence si la necessité ne me contraignit à le rompre.[11]

---

[1] издал мою
[2] чем и лишил меня 300<0> *вписано.*
[3] *В подлиннике:* сию
[4] но не получил удовлетворения
[5] *а.* но еще уверил меня в покр.<овительстве>
б. но еще уверился я читая письмо ваше
[6] *а.* покровительством — Не имея ни жалования ни
б. покровительством — Не получая жалования я
[7] *Сперва было начато:* м<оих>
[8] надеясь что вы не захотите лишить меня хлеба *вписано.*
[9] воровства *вписано, очевидно, взамен* по<кражи>, *хотя последнее слово и не зачеркнуто.*
[10] de la supporter
[11] *а.* silence. La necessité seule peut me contraindre à le rompre
б. silence si la necessité ne m'ai

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse, jusqu'a présent je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anévrisme que j'ai depuis une dizaine d'années exigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la verité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de votre caractère, j'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai[1] recours. Je supplie votre majesté de me permettre de me retirer quelque part *en Europe*, où je ne sois pas dénué de tout secours —

193а. Н. Н. Раевскому-сыну.

Вторая половина июля (после 19) 1825 г. Михайловское.

Où êtes-vous? j'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai; se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: Mes amis se sont donnés beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter, ma mère a écrit à S.<a> M.<ajesté> et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelques jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est partie pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille bonne et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'écrivant j'ai réfléchi sur la tragédie en général, [et si je me mêlais de faire une préface, elle serait piquante]. C'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la *vraisemblance*, et c'est justement [la vraisemblance] elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc.[2] quel[3] diable de vraisemblance y a-t-il [1)] dans une salle coupée en deux moitiés dont l'une est occupée par deux mille personnes, qui sont censées n'être pas vues par ceux qui sont sur les planches. 2) *la langue*. Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas! j'entends les doux sons de la langue Grecque etc. Voyez les anciens: leurs masques tragiques, leur double [acteur] personnage — tout cela n'est il pas une invraisemblance[4] conventionnelle?[5] 3) le temps, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédie[6] [Schakespear<e> et Corneille] ne se sont jamais souciés de la vraisemblance. Voyez comme

---

[1] *Переделано из* je
[2] Sans parler déjà du temps etc. *вписано.*
[3] *Переделано из* quelle
[4] — tout cela est pourtant d'une vraisemblance
[5] *От* Voyez les anciens *вписано.*
[6] de la tragédie *зачеркнуто и восстановлено.*

[ce dernier] Corneille a bravement [traité] mené le Cid. Ha vous voulez la règle de 24 heures? Soit et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus [ridicule] inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'*a-parte*, il le supprime et là-dessus[1] allonge le monologue et pense avoir fait faire une révolution dans le système de la tragédie;[2] [comme si le monologue avait plus de vraisemblance que l'a parte!] quelle [petitesse] puérilité!

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue[3] — voilà la [seule] véritable règle de la tragédie. [Sch.<akespeare> a saisi les passions; Göthe le costume] (je n'ai pas lu Calderon ni Vega) mais quel homme que ce Sch.<akespeare>! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère[4] (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pourquoi il est si facile [au[5] poëte] de les [créer] peindre), ce Byron donc [dans la tragédie] a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un; sa haine à l'autre sa mélancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie. —

[Chaque homme aime, hait, s'attriste, se réjouit—mais chacun à sa manière — et là-dessus *lisez* Sch.<akespeare>].

On a encore une manie: [(manie digne d'un roman d'Au. Lafontaine)] quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus [triviaux] étrangères [à ses passions] en porte essentiellement l'empreinte[6] (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding).[7] Un consp.<irateur> dit *Donnez moi* [*de la soupe*] *à boire* en conspirateur — et ce n'est que ridicule[8] [Par ex.] Voyez le Haineux de Byron (*ha pagato*) cette monotonie,[9] cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce [dans] la nature? [est-ce la vie?] [le poëte a peur] [le caractère se laisse voir seulement dans][10] [et là-dessus]. De là

---

[1] et là-dessus *вписано.*

[2] faire un pas énorme à la tragédie

[3] *а.* Le développement des passions et [des caractères] du di<alogue>
б. La vraisemblance des situations et la verité du dialogue et du costume

[4] *а.* qui n'a jamais conçu de caractère excepté le sien
б. qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère et c'est le sien

[5] *Сперва было начато:* d<e>

[6] *а.* tout ce qu'on lui fait dire porte l'empreinte
б. tout ce qu'on lui fait dire en porte l'empreinte

[7] *От* comme les pédants *вписано;* vieux *вписано вторым слоем.*

[8] *От* Un consp. *вписано.*

[9] cette monotonie *было написано после* de rage continuelle, *но затем перенесено в данное место.*

[10] *От* le poëte a peur *вписано; возможно, что всё это место должно было следовать и после слов* et ce n'est que ridicule

cette gène et cette timidité de dialogue. Voyez Sc.<hakespeare> <?>[1] Lisez Sch.<akespeare> [c'est mon refrain] il ne craint jamais de compromettre son personnage, il [la] le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en temps et lieu de lui faire trouver le langage[2] de son caractère.[3]

Vous me demanderez: votre tragédie est elle une tragédie de caractère ou de costume. J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai tâché de les unir tous deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par-dessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer.

Je

210a. К. Ф. Рылееву.

Вторая половина июня—август 1825 г. Михайловское.

Мне досадно, что Р.<ылеев> меня не понимает — в чем дело. Что у нас не покровительствуют литературу [?] и что слава богу? зачем же об этом говорить? [et] pour réveiller le chat qui dort? напрасно. Равнодушию [и даже п<ритеснению>] правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нынешней нашей словесности — Чего ж тебе более? загляни в журналы, в течении 6-ти лет посмотри сколько раз упоминали обо мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасно — а об [Том] наш<ем> приятеле ни гугу, как будто на свете его не было. Почему это? уж верно не [по] от гордости или радикализма[4] такого-то журналиста [а] [а потому что], нет — а всякой знает, что хоть он расподличайся никто ему спасибо не скажет и не даст ни 5 рублей — так лучше ж даром быть благородным человеком — Ты сердишься за то что я чванюсь 600 ле<тним> дворянством (NB. мое дворянство старее) Как же ты не видишь что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им.[5] Отселе гордость etc. — Не должно русских писателей судить как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия — Там стихами живут, а у нас гр.<аф> Хв<остов> про-

---

[1] *От* De là cette gène *вписано.*
[2] faire retrouver le langage
[3] *От* il ne craint *вписано.*
[4] или радикализма *вписано.*
[5] *а.* почитаем себя равными
б. почитаем себя им равными

жился иа них — Там[1] есть нечего, так пиши книгу а у нас есть нечего служи да не сочиняй — Милый мой, ты поэт и я поэт — но я сужу более прозаически и чуть ли от этого не прав — Прощай мой <милый><?>[2] что ты пиш<ешь>

215а. Александру I.

Начало июля—сентябрь (до 22) 1825 г. Михайловское.

[Quelques] des propos inconsiderés, des vers satiriques[3] [me firent [remarquer] répandre dans le public] le bruit se répandit que j'avais été traduit [à] et fou<etté> à la ch.<ancellerie> sec<rète>.

[Je] Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général, je me vis flétri [de] [découragé] dans l'opinion je suis [déco<uragé>] découragé — je me battais, j'avais 20 ans en 1820[4] — je délibérais [j'] si je ne ferai pas bien de me suicider ou d'assasin<er> — V[5]

Dans le [pr<emier>] 1 cas je ne faisais qu'assu<rer> un bruit qui me déshon<orait>, [dans] en autre[6] [second lieu] je ne me veng.<eais> pas puisqu'il n'y avait pas d'outrage,[7] je [faisais] commettais un crime [gratuit, puis], je sacr<ifiais> à l'opinion [des homm<es>] d'un public que je méprise un homme [qui] [à] auquel tenait tout et talent[8] dont j'avais été l'admirateur involontaire[9] — Ces réflex.<ions> me déterminèrent[10]

Tel<les> furent mes réflexions. Je les com<muniquais> à un ami qui fut parf.<aitement> de mon avis — [Il] Il me conseilla des démarches de justif.<ication> envers l'autorité — j'en sentis l'inutili<té>.

Je résolus de mettre tant d'indécence[11] de jactance dans mes discours et mes écrits qu'enfin l'autorit<é> [fut] soit obligée de me traiter en criminel — [j'espérai] [j'aspirais] [j'ambitionnais<?>] la Sibérie ou la forteresse comme [marque de] réha<bi>litation.

---

[1] *а.* — Там
б. — У немцев

[2] *Сперва было начато:* Прощай д<руг><?>

[3] *После* vers *сперва длинная черта, над которой затем надписано* satiriques

[4] j'avais 20 ans en 1820 *было написано в самом начале письма, но затем перенесено в данное место.*

[5] *После буквы* V — *волнистая черта.*

[6] autre *зачеркнуто и восстановлено.*

[7] puisqu'il n'y avait pas d'outrage *было сперва написано после слов* [gratuit, puis], *но затем перенесено в данное место.*

[8] [à] auquel tenait tout et talent *вписано.*

[9] involontaire *вписано.*

[10] Ces réflex. me déterminèrent *приписано сбоку страницы, очевидно, взамен следующего абзаца. Однако переработка на этом остановилась.*

[11] *Сперва было начато:* tant de d

La conduite magnanime libérale[1] [de V<otre Majesté>] de l'autorité me toucha profondém<ent> en [me déculpant] déracinant entièrement une ridicule calomnie[2] — Depuis [ce temps] [jus] jusqu'à ma disgrâce[3] s'il m'est quelquefois échappé des plaintes contre un ordre de chose reçu, si quelquefois je m'abandonnais à de jeunes déclamations,[4] je suis pourtant bien[5] sûr d'avoir toujours respecté soit dans mes écrits[6] soit dans mes discours la Pers<onne> de V.<otre> M.<ajesté>

Sire[7] on m'a accusé d'avoir compté sur la générosité[8] de votre caractère — je vous ai dit la verité avec une franchise dont [j'avoue[9] n'avoir pas été] [n'être] il serait impossible d'être capable envers tout autre souverain du monde —

Aujourd'hui j'ai recours à cette générosité — [Ma] [Ni ma campagne] Ma santé [est] a été fortement altérée dans ma jeunesse — un anévr.<isme> de coeur[10] [devenu<?> avec] exige une prompte[11] opération ou un traitement prolongé — [V.<otre> M.<ajesté>] le séjour de P.<skov> la ville qui m'a été assignée[12] ne peut me procurer aucun secours je sup<plie> V.<otre> M.<ajesté> de me permettre[13] [me] le[14] séjour d'une de nos capitales ou bien [un] de m'ordonner[15] un endroit de l'Europe où je ne serais [pas dénué de tout sec<ours>][16] prendre soin de mon exist<ence>.

284а. **В. В. Измайлову.**

Около 28 августа 1826 г. Москва.

С [чувством] искренным удоволь<ствием> получил я письмо[17] от Вас первого почтенного покровителя моих стихотворн<ых>

---

[1] La conduite libérale et

[2] *От* en me déculpant *вписано;* ridicule *вписано вторым слоем.*

[3] [jus] jusqu'à ma disgrâce *вписано.*

[4] à des déclamations

[5] *Вместо* bien *сперва было начато:* s<ûr>

[6] soit dans mes écrits *вписано.*

[7] Sire *вписано.*

[8] *а.* sur Vo<tre>
б. sur cette magn<animité>
в. sur cette générosité

[9] *Вместо* j'avoue *сперва было начато* je n

[10] *Над* coeur *начата буква* d

[11] prompte *вписано.*

[12] *а.* le séjour de P.<skov> qui m'a été assigné
б. la ville qui m'a été assignée

[13] me permettre *зачеркнуто и восстановлено.*

[14] *Переделано из* l'

[15] de me trouver

[16] *Зачеркнув* pas dénué de tout sec<ours>, *Пушкин, очевидно, случайно не заменил* ne serais *напрашивающимся* pourrais

[17] письмо *вписано.*

опытов. Обстоятельства не позволи<ли> мне до сих пор Вам отвечать — К тому же я ждал от Язык<ова> обещанных стихов; надеясь тем Вас одолжить и [вспомнить<?>[1]] заслужить более снисходительности к моим безделкам — Радую<сь> сердечно возобновлению заочного наш<его> знакомства и [нетерпеливо] о<жидаю><?>

328а. А. Х. Бенкендорфу.

24 апреля 1827 г. Москва.

M.<*on*> *Gén.*<*éral*> des affaires indispensables necessitant ma présence à Pétersbourg je prends la liberté de demander à votre exc.<ellence> la permission de venir y passer quelques jours —

Je suis avec[2] la plus haute considération

de Votre
le très —

---

[1] вспомнить<?> *вписано.*
[2] *В подлиннике* avec *написано дважды.*

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ.

Том XIII открывает собой переписку Пушкина, занимающую три тома настоящего издания. В состав ее входят все дошедшие до нас письма Пушкина и к Пушкину. Официальные отношения (служебные прошения, предписания и т. п.) даются в хронологических пределах каждого тома в особом отделе „Деловые бумаги“.

Не вводятся в переписку: 1) предназначенные для опубликования письма в редакцию, 2) письма, имеющие заведомо литературный характер, хотя бы и облеченные в форму личного письма, наконец, 3) письма и записки в стихах, поскольку трудно провести грань между ними и весьма распространенным во время Пушкина чисто-литературным жанром стихотворных „посланий“.

Соответственно этому, в настоящий том не введено „Письмо к издателю Сына Отечества“ 1824 г., тогда же опубликованное в этом журнале („Сын Отечества“, 1824 г., ч. 93, № XVIII от 3 мая, стр. 181—182), и так наз. „Письмо Н. Н. Раевскому“ („Благодарю вас ва участие, принимаемое вами в судьбе Бориса Годунова...“), относимое в предыдущих изданиях писем Пушкина к 1827 г. и представляющее на самом деле набросок статьи Пушкина о „Борисе Годунове“ (см. оба эти опуса в т. XI настоящего издания). Что касается „Письма к Дельвигу“, содержащего описание путешествия Пушкина по Крыму в 1820 г. и опубликованного сперва в „Северных Цветах“ на 1826 г., затем в качестве приложения к поэме „Бахчисарайский Фонтан“ (3-е изд. 1830 г. и в „Поэмах и повестях Александра Пушкина“, 1835 г.), то оно вводится в состав переписки лишь в одной (из дошедших до нас трех) редакции, содержащей не только текст письма-статьи, но и эпистолярную, в собственном смысле этого слова, приписку. Остальные две редакции (печатный прижизненный текст и черновик его) см. в т. VIII настоящего издания.

Ряд эпистолярных обращений к брату распорядительного характера, сделанных Пушкиным на рукописях сборника его стихотворений в связи с первым отдельным изданием их в 1825 г. (так наз. „Тетрадь Всеволожского“ и „Тетрадь Капниста“) также не вводится в переписку, в виду невозможности отделить их от стихотворных текстов, которые они сопровождают и с которыми непосредственно связаны (см. их в т. XII).

По указанному выше основанию не введены в корпус настоящего тома три стихотворные записки Пушкина: 1) В. А. Жуковскому („Раевский, *молоденец* прежний...“), 2) ему же („Штабс-капитану, Гете, Грею...“) и 3) В. П. Горчакову („Зима мне рыхлою стеною...“). Что касается чернового стихотворного

обращения к брату: „Что же? будет ли вино...“, которое Б. Л. Модзалевский также ввел в свое издание писем, то сам Пушкин в примечаниях к „Евгению Онегину“ прямо называет его „посланием“.

Не вводятся в состав переписки и две записи Пушкина в одной из его черновых тетрадей, опубликованные М. А. Цявловским и Т. Г. Зенгер в сборнике „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 154 и 155 (первая — из нескольких отрывочных слов и букв на остатке вырванного листа, вторая — из двух смазанных слов „Chère Olinka“), потому что эпистолярный характер их не может считаться до конца установленным (см. их в т. XII настоящего издания).

Не вводятся в состав „деловых бумаг“ объяснения по делу об элегии „Андрей Шенье“, дабы не отрывать их от всей группы показаний Пушкина по этому делу (см. их в т. XII).

Письма или отрывки из писем Пушкина, принадлежность которых ему вероятна, но которые были в свое время опубликованы по недостаточно авторитетному источнику (на основании устной передачи и т. п.) и текст которых не может поэтому считаться вполне адекватным подлиннику, помещаются в отделе „Dubia“.

Совершенно исключается из состава писем Пушкина французская фраза: „Le seul homme que j'aie vu qui est heureux à force de vanité“, которая помещена в издании писем под ред. Б. Л. Модзалевского в качестве отрывка из письма к П. Я. Чаадаеву (№ 11, т. I, стр. 9) и о которой впервые опубликовавший ее П. И. Бартенев противоречиво отзывался то как о „слышанной“ им от Чаадаева выдержке из письма к нему Пушкина о М. Ф. Орлове, написанного до южной ссылки повта, то как о словах, которые Пушкин „говаривал“ под „конец своей жизни“ о самом Чаадаеве.

Письма Пушкина (в том числе и коллективные) и к Пушкину даются в одном хронологическом ряду, различаясь только шрифтами. В ту же единую хронологическую цепь, на ряду с письмами, отправленными Пушкиным и полученными его корреспондентами, вводятся черновики и черновые отрывки писем Пушкина, дальнейшая судьба которых неизвестна. В основном тексте такие черновики даны в связном чтении — в сводке. Полное чтение их дается в разделе „Другие редакции“.

В случае невозможности установить точную дату письма указываются хронологические рамки, в пределах которых оно могло быть написано, при чем в общий ряд данное письмо вводится по последней из возможных дат. Началом месяца считается отрезок с 1-го по 5-е, серединой — с 13-го по 17-е и концом — с 25-го по 30-е или 31-е числа включительно. Так, датировка письма № 135 Л. С. Пушкину — „конец января — первая половина февраля 1825 г.“ — обозначает, что, согласно данным, которыми мы располагаем, письмо это было написано не ранее 25 января и не позднее 15 февраля. Датировка письма двумя датами, соединенными союзом *и*, обозначает, что данное письмо писалось в два присеста. Таково, напр., письмо № 179 П. А. Вяземскому, датируемое „25 мая и около середины июня 1825 г.“: первая, бóльшая, половина его была написана 25 мая, вторая — около 13—17 июня.

Датировка писем и в ряде случаев текст их претерпели в настоящем издании существенные изменения относительно всех прежних изданий (см. отчет

о работе редактора во Временнике Пушкинской комиссии „Пушкин“, 1, М.—Л., 1936, стр. 368—377). Обоснования новой датировки, как и всякого рода текстологических новаций, требующие, как правило, развернутого комментария, будут даны в особой серии материалов к академическому изданию.

В соответствии со специфическим характером письма, как такового, всё зачеркнутое Пушкиным и его корреспондентами сохраняется — в отличие от художественных произведений и критических и т. п. статей — в самом тексте: заключено в квадратные скобки. Редакторские восполнения и конъектуры даются в угловых скобках. Явные описки исправляются без всякой оговорки.

Тексты писем печатаются по орфографическим принципам, которые положены в основу настоящего издания вообще (см. об этом в I томе — в предисловии ко всему изданию). Колебания Пушкина и его корреспондентов в написании того или иного слова полностью сохраняются. Так, напр., в письме к брату и сестре от 4 декабря 1824 г. (стр. 127) Пушкин пишет „ко*м*исию“, в письме к Дельвигу от первых чисел июня 1825 г. (стр. 181) „ко*мм*исии“ и тут же, строкой ниже, „ко*м*иссионера“. Французские тексты воспроизводятся по современной орфографии. Заменяются обычными и такие написания Пушкина, как celà, fenaitre, trêté, imbecille, quand в значении quant и т. п. (о французской орфографии Пушкина см. заметку Б. В. Томашевского в книге „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“. Лгр., 1927, стр. 362—371).

Итальянские, латинские, немецкие и английские тексты даются в написаниях подлинника, поскольку это характеризует степень знакомства Пушкина и его корреспондентов с соответствующими языками.

Из писем к Пушкину первое письмо няни (№ 313 от 30 января 1827 г.), писанное под ее диктовку кем-то из михайловских или окрестных грамотеев, французское письмо Н. Н. Раевского (№ 169 от 10 мая 1825 г.), по поводу которого сам Раевский пишет: „Je vois à tous moments les fautes de français et d'orthographe que je fais; sans avoir le courage de les corriger“, и отчасти письмо С. Г. Волконского (№ 104 от 18 октября 1824 г.) — печатаются с макси мальным сохранением орфографических особенностей подлинника. Письма П. А. Вяземского в подавляющем большинстве случаев заканчиваются значком, напоминающим латинское V. Однако, в виду неясности характера этого значка, в тексте он не воспроизводится. В письмах к Пушкину, в основном написанных посторонней (писарской и т. п.) рукой (письма № 7 А. Е. Измайлова, № 173 И. И. Козлова, № 276 Б. А. фон-Адеркаса и все вошедшие в этот том письма А. Х. Бенкендорфа), части письма, написанные корреспондентом собственноручно, выделены разрядкой.

Пунктуация подлинника в основном сохраняется. Исключением является расстановка запятых по правилам, принятым в настоящее время. Однако вводные слова выделяются запятыми только в тех случаях, когда они выделены в оригинале. Концевое тире в беловых текстах заменяется точкой, а ряд тире — многоточием с числом точек не менее трех (при большем количестве тире — по числу тире). Концевое тире после точки сохраняется. Черновые тексты в отделе „Другие редакции“ печатаются с максимальным приближением к пунктуации подлинника.

ПРИМЕЧАНИЯ

Всё подчеркнутое в подлинниках — в письмах Пушкина самим Пушкиным, в письмах к Пушкину его корреспондентами — набрано курсивом. Сокращенные слова (с точкой или другим знаком сокращения в конце), в случае, если полное чтение их представляет для современного читателя затруднений не более, чем для людей пушкинской поры — самого Пушкина и его корреспондентов, — сохраняются в тексте беловых писем в том же виде. Слова, полное чтение которых может представить те или иные затруднения, дописываются в угловых скобках. Так дописываются титулы; равным образом дописываются в тексте письма (но не в адресах, датах, подписи) все собственные имена. В черновых письмах Пушкина, поскольку, набрасывая их только для самого себя, он естественно прибегал к более многочисленным сокращениям, сокращенные слова, как правило, дописываются в тех же угловых скобках. Дописываются в угловых скобках все слова, оборванные без знака сокращения. Наконец, слова, написанные не всеми буквами (с чем в эпистолярной скорописи приходится сталкиваться постоянно) и полное чтение которых не вызывает вместе с тем никаких сомнений текстологического порядка, восполняются и дописываются в основном тексте без угловых скобок. В отделе других редакций восполняемые части слова в угловые скобки заключены. Слова и фразы в письмах Пушкина, надписанные над строкой, приписанные сбоку и т. п., оговариваются в подстрочных сносках (пометой „вписано“). Слова, не удобные в печати, заменяются черточками в угловых скобках (по числу букв пропущенного слова).

Примечания к письмам 1826—1827 гг. составлены Л. Л. Домгером. Указания на источники текста и первые публикации писем к Пушкину 1815—1825 гг. и на источники текста писем к Пушкину 1826—1827 гг. даны Л. Б. Модзалевским.

В тексте примечаний применяются следующие условные сокращения:

ГАФКЭ — Государственный Архив Феодально-Крепостнической Эпохи. Центральное Архивное Управление. Москва.

ГЛМ — Государственный Литературный Музей. Москва.

ЛБ — Публичная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва.

ПБЛ — Публичная Библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград.

ПД — Институт Литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. Ленинград.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. И. И. Мартынову.

28 ноября 1815 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, М.—Л., 1937, стр. 178, № 423). Нижний край листа оторван: возможно, перед последним абзацем, который написан на обороте, было еще несколько слов. На обороте, после конца письма, — ряд росчерков и выписанных отдельных букв (слов, инициалов имени и фамилии Пушкина: АП, Апу, корона . . . и т. д.). Беловой подлинник неизвестен.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Русском Архиве“, 1889, кн. III, № 12, стр. 507.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, ‹Птб.›, 1903, стр. 3—4).

2. П. А. Вяземскому.

27 марта 1816 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 213/225, т. II, лл. 97—98).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 111—114. Воспроизведено (с небольшими неточностями) в издании „Семь автографов А. С. Пушкина 1816—1837 г. Из собрания кн. П. П. Вяземского. 26 мая 1880 г.“ Фотолитография Н. Индутного, 1880, № 1.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, М., 1882, стр. 1—3).

3. В. Л. Пушкин — Пушкину.

17 апреля 1816 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 101).

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в сборнике „Складчина“, в статье „Первенцы Лицея и его предания“, Спб., 1874, стр. 366—367.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, Спб., 1906, стр. 4—5).

4 и 4а. В. Л. Пушкину.

28 (?) декабря 1816 г. Царское Село.

Печатается: в основном тексте по списку из собрания П. Я. Дашкова (*Дш*) с поправками по спискам в записной книжке П. А. Вяземского (*В*) и в тетради Н. А. Долгорукова (*Дл*); в отделе „Другие редакции и варианты“ — по публикации „Сына Отечества“; в подстрочных сносках даны разночтения к основному тексту, имеющиеся в отдельных списках. Подлинник до нас не дошел. Сохранились копии: 1) В записной книжке П. А. Вяземского № 1, с 1813 по 1821 г., л. 41 (почерк, похожий на руку В. Ф. Вяземской), с надписью наверху рукою Вяземского: „Александра Пушкина к дяде Василию Львовичу“ (*ГАФКЭ*); 2) в рукописном сборнике стихотворений Пушкина ив собрания П. Я. Дашкова, лл. 66—67 об. (*ПД*, ф. 244, оп. 8, № 34); 3) в тетради Н. А. Долгорукова (*ПБЛ*, архив кн. Н. А. Долгорукова, ч. V), ч. 2, „Стихотворения А. С. Пушкина, вовсе не напечатанные или ему приписываемые“, стр. 64—66; 4) в тетради А. А. Краевского, из архива П. В. Анненкова (с рядом помет П. А. Вяземского). Последняя копия текстологического значения не имеет, совпадая с публикацией „Сына Отечества“, откуда, очевидно, и списана.

Впервые опубликовано (без согласия и ведома Пушкина) в „Сыне Отечества“ А. Воейкова и Н. Греча, ч. 68, 1821 г., № XI, стр. 178—180, в отделе „Стихотворения“, под заглавием „Письмо к В. Л. Пушкину“ за подписью: А. Пушкин (по одному из недошедших до нас списков).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания П. В. Анненкова (т. II, Спб., 1855, стр. 126—128).

5. И. В. Малиновский, С. С. Есаков, В. Д. Вольховский, А. Д. Илличевский, И. И. Пущин, А. А. Дельвиг, А. С. Пушкин и неизвестный лицеист — С. С. Фролову.

4 апреля 1817 г. Царское Село.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 178, № 424).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в сборнике „Литературные портфели. I. Время Пушкина“, Птб., 1923, стр. 19—20 (в статье „Коллективное письмо лицейской поры С. С. Фролову“, стр. 19—25).

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, М.—Л., 1926: приписка Пушкина — стр. 6; остальной текст письма — стр. 185—186).

6. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину.

1 сентября 1817 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 213/225, т. II, л. 100). В. Л. Пушкин и П. А. Вяземский, очевидно, разделили между собой письмо, причем сохранилась только часть, адресованная П. А. Вяземскому и

написанная на втором листке почтовой бумаги. Первый листок, на котором была часть письма, относящаяся к В. Л. Пушкину, оторвана и до нас не дошла: по краю отрыва сохранились лишь следы нескольких букв, заканчивающих строки: его | вали | ы.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 114. Часть письма, обращенная к Вяземскому, воспроизведена в издании „Семь автографов А. С. Пушкина“, 1880, № 2.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 3).

7. А. Е. Измайлов — Пушкину.

26 июля 1818 г. Петербург.

Печатается по канцелярскому „отпуску“ в деле С.-Петербургского Общества любителей словесности, наук и художеств „О избрании в С.П.бургское Вольное Общество Любителей Словесности, Наук и Художеств членов, 1818 году. Началось генваря 31 дня 1818.“, л. 21, хранящемся в Научной Библиотеке им. М. Горького при Ленинградском Государственном Университете (по описи университета, дело № 198, документ 21); рукою А. Е. Измайлова только подпись: „А. Измайлов, председатель общества“. Подлинник не сохранился.

Впервые опубликовано Е. В. Петуховым в статье „Из истории одного литературного общества“, в „Историческом Вестнике“, 1889, июль, стр. 215.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 8).

8. А. И. Тургеневу.

9 июля 1819 г. Петербург.

Печатается по копии Е. Вердеревского, снятой им с подлинника, который он видел в 1853 г. в Тифлисе. Копия, по утверждению Вердеревского, „рабски-верная“, была сделана для В. П. Гаевского. Находится в *ПД* (ф. 244, оп. 8, № 39). Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1867, № 4, стб. 671—672, по подлиннику, принадлежавшему И. Ф. Золотареву (с сокращениями в ряде имен, восстановленными П. А. Ефремовым). Уточнено в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 9).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 58—59).

9 и 9а. Н. И. Кривцову.

Вторая половина июля—начало августа 1819 г. Михайловское.

Печатается по черновому подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2364, л. 71).

Наброску письма предшествует на том же листе исчерканный черновик, в 16—18 строк, стихотворного послания к друзьям, начинающийся словами:

Нет, нет [мои друзья] напрасны ваши пени:
Я вас люблю, всё тот же я.

Возможно, что Пушкин предполагал отправить эти стихи вместе с письмом, возможно и то, что стихи, сходные до известной степени с письмом в тематическом отношении, послужили непосредственным толчком к самому написанию последнего. Беловой текст до нас не дошел.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLI, 1884, март, стр. 659, с пропуском некоторых, очевидно, не прочтенных мест; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 10).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, Спб., 1887, стр. 58—59) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, Спб., 1887, стр. 102—103).

10. П. Б. Мансурову.

27 октября 1819 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. Л. Б. Модзалевский, „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 28, № 46).

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Русской Старине“, т. XXVIII, 1880, июль, стр. 543—544.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 62—63).

11. П. А. Вяземский — Пушкину и А. И. Тургеневу.

Ночь с 19 на 20 и 20 февраля 1820 г. Варшава.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, лл. 43—44).

Впервые опубликовано (без разграничения адресатов) в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 12—14).

12. П. А. Вяземскому.

28 марта 1820 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГЛМ*.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в „Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.“, Пгр., 1922, стр. 9—10, по копии, сделанной В. П. Гаевским; в конце — помета Гаевского: „(Из письма к Вяземскому. Начало письма спросить у В. Зотова).“

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 9—10).

13. П. А. Вяземскому.

Около (не позднее) 21 апреля 1820 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 213/225, т. II, л. 102).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 115—116 (с пропуском второй фразы). Полностью воспроизведено в издании „Семь автографов А. С. Пушкина“, 1880, № 3.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 3—4).

13а. — Первая редакция письма 13.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 178, № 425). Подлинник без следов каких бы то ни было помарок. Видимо, начав письмо, Пушкин куда-то заложил его, и потому вынужден был написать и отправить другое.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 16).

14. П. А. Вяземский — Пушкину.

30 апреля 1820 г. Варшава.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, л. 1).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. 1, 1906, стр. 17—19).

Письмо написано не 30 мая, как ошибочно датировал Вяземский, а 30 апреля; см. письмо А. И. Тургенева Вяземскому от 19 мая, в котором он пишет: „О Пушкине уведомлю после, а письмо твое к нему пошлю с первою почтою“ („Остафьевский Архив“, т. II, Спб., 1899, стр. 38), явно имея в виду именно настоящее письмо, ибо оно является прямым ответом на письмо Пушкина Вяземскому около 21 апреля.

15. Н. И. Гнедичу.

17—19 апреля или 29 апреля — 4 мая 1820 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 179, № 426).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXVIII, 1880, июль, стр. 545. Воспроизведено в „Альбоме Пушкинской Выставки Общества Любителей Российской Словесности в Москве“, 1899, л. 18.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 63).

16. Л. С. Пушкину.

24 сентября 1820 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254; вложено вне нумерации). Сообщение П. А. Ефремова (в „Сочинениях Пушкина“, 1903, т. VII, стр. 19), что рукопись „в двух местах прожжена“, повторяемое Б. Л. Модзалевским („Пушкин. Письма“, т. I, стр. 216), ни на чем ие основано.

В мае 1844 г. послано Л. С. Пушкиным в собственноручной копии П. А. Плетневу для опубликования в „Современнике“ (письмо Л. С. Пушкина

см. в „Русском Архиве“, 1902, кн. I, № 2, стр. 353), но напечатано не было. Небольшой отрывок (от „Корабль плыл перед горами...“ до слов „Будешь ли ты со мной“, с частичным пересказом некоторых других мест, без обозначения, что они заимствованы из письма) опубликован Л. С. Пушкиным в составленном им „Биографическом известии об А. С. Пушкине до 26 года“ („Москвитянин“, 1853, т. III, кн. 2, № 10, отд. I, стр. 53—54). Впервые опубликовано, с рядом купюр, В. П. Гаевским в статье „Дельвиг“, ст. 3 („Современник“, 1854, т. XLIII, № 1, отд. III, стр. 9—11) (по копии, сообщенной из Тифлиса Е. А. Вердеревским). Полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 1, стб. 1—5.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 76—80).

17 и 17а. Арзамасцам.

20-е числа сентября 1820 г. (?) Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2365, л. 66). Запись в тетради № 2365 представляет собой сильно исчерканный черновой набросок начала письма, скорее всего незаконченного и неотправленного: нет никаких сведений о его посылке и получении. Письмо написано Пушкиным от имени своего и М. Ф. Орлова (арзамасское имя — Рейн).

Впервые опубликовано (с рядом пропусков и неточностей и без указания зачеркнутых мест) П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, № 1, стр. 220; точнее — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, апрель, стр. 109; еще точнее — в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, 1926, стр. 23. В публикации Бартенева ни адресат, ни дата письма указаны не были. Начиная с публикации Якушкина, адресатом считался один А. И. Тургенев.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 59).

18. Н. И. Гнедичу.

4 декабря 1820 г. Каменка.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 179, № 427).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в „Современном Обозрении“ 1868, т. I, январь, стр. 140—142.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 64—66).

19 и 19а. В. Л. Давыдову(?).

Первая половина марта 1821 г. Кишинев (?).

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2386 В, лл. 8—8 об. и 72—72 об.). Беловой текст до нас не дошел. Адресатом письма первоначально

считался А. Н. Раевский. Н. О. Лернер в „Русской Старине“ (т. CXXXVIII, 1909, апрель, стр. 199—206) выдвинул более убедительное предположение, что адресатом является В. Л. Давыдов.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, январь, стр. 30—33; отд. изд., Спб., 1874, стр. 185—188). Некоторые пропуски Анненкова были отмечены В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIV, 1884, декабрь, стр. 541.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 149—152).

20. А. А. Дельвигу.

23 марта 1821 г. Кишинев.

Печатается по копии в архиве П. В. Анненкова, хранящейся в *ПД* (ф. 244, оп. 7, № 19). Слово „года“ добавляем по печатным публикациям. Подлинник не сохранился.

Первое известие об этом письме в печати встречается в статье В. П. Гаевского „Дельвиг“, ст. третья („Современник“, т. XLIII, 1854, № 1, отд. III, стр. 11—13), где дан пересказ письма и приведены некоторые строки. Впервые опубликовано с сокращениями и цензурными пропусками, по сообщению А. Н. Афанасьева, в „Москвитянине“, 1854, т. II, № 5, отд. IV, стр. 4—6. П. В. Анненков поместил его (также с пропусками) в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ 1855, стр. 81—83. Полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 91—93.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 128—130).

21. Н. И. Гнедичу.

24 марта 1821 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 179, № 428).

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в статье „Первенцы Лицея и его предания“ в сборнике „Складчина“, 1874, стр. 369—371. Воспроизведено (в качестве письма к Н. И. Тургеневу) в „Истории русской словесности“ П. Н. Полевого, т. III, Спб., 1900, между стр. 56 и 57.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 66—68).

22. А. И. Тургеневу.

7 мая 1821 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 179, № 429).

Впервые опубликовано (с пропуском одной фразы) А. Фоминым в специальном пушкинском номере журнала „Русский Библиофил“, 1911, № 5.

стр. 16—17, со снимком с последних строк оригинала. Воспроизведено в „Отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии Наук за 1912 г.“, снимок № 38, между стр. 58 и 59.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания под ред. С. А. Венгерова (т. VI, Пгр., 1915, стр. 601).

23. Дегильи.

6 июня 1821 г. Кишинев.

Печатается: начало письма — по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (запись в Кишиневском дневнике Пушкина, см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 165, № 414б), остальное — по публикации Анненкова.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым (с пропуском вульгарных французских слов, замененных точками) в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, январь, стр. 35—36; отд. изд. 1874 г., стр. 192—193). Анненкову сообщено кишиневским приятелем Пушкина Н. С. Алексеевым. Начало письма (кончая словом „testament“) вписано Пушкиным в его кишиневский дневник, причем началу записи предшествует фраза: „6 июня написал следующую записку“, а после слова „testament“ приписано: „etc. etc. — оставим втого.. несчастного“. Запись Пушкина впервые опубликована Н. О. Лернером по „старинной копии“ (в части, касающейся Дегильи, только начальные слова: „Avis à Mr Deguilly ex-officier français“) в журнале „Нива“, 1912, № 5, стр. 93; воспроизведена в сборнике „Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина“, Птб., 1922, между стр. 224—225 и в „Литературном Наследстве“, № 16—18, М., 1934, стр. 676.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 154).

24. Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.

27 июля 1821 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 3—4 об.).

Впервые опубликовано (частично и с цензурным пропуском слова „конституционными“) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 235—236; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических записках“, 1858, т. I, № 1, стб. 6—7.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 80—81).

25. С. И. Тургеневу.

21 августа 1821 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 180, № 430).

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1880, декабрь, стр. 819—820.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 405—406).

26. Н. И. Гречу.

21 сентября 1821 г. Кишинев.

Печатается по тексту публикации П. И. Бартенева.

Впервые опубликовано по подлиннику (принадлежавшему вдове Н. И. Греча, Евгении Ивановне Греч, и ныне утерянному) П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1869, кн. I, № 3, стб. 602—603, „Из бумаг Н. И. Греча“. Снова, в качестве первой публикации, напечатано в „Древней и Новой России“, 1876, т. I, стр. 97—98 с цензурной купюрой, отсутствовавшей в „Русском Архиве“. Б. Л. Модзалевский в издании писем Пушкина под его редакцией (т. I, стр. 24 и 232), не учтя публикации „Русского Архива“, дает контаминированный текст „Древней и Новой России“ и второго издания под ред. П. А. Ефремова, 1882 г., принявшего текст „Русского Архива“.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 146—147).

27. Неизвестному.

1821 г. Кишинев (?).

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2365, л. 46). Было ли закончено и перебелено письмо — неизвестно.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, апрель, стр. 100. Воспроизведено в собрании сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. II, 1908, стр. 159.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. III, 1911, стр. 465).

28. П. А. Вяземскому.

2 января 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 32—33).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 116—118 (не вполне точно и с сокращением собственных имен).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 5—6).

29. Л. С. Пушкину.

24 января 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 1—2 об.). Отрывок (до фразы: „Письмо, где говорил я тебе...“) впервые опубликован

П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 235; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 1, стб. 5—6.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 81—82).

30. В. Ф. Раевскому.

1821—начало февраля 1822 г. Кишинев.

Печатается по факсимиле, находящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 11, № 29). Подлинник был у П. Е. Щеголева, местонахождение его в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией (т. VIII, 1905, стр. 590). Воспроизведено в „Литературном Наследстве", № 16—18, 1934, стр. 659.

31. Н. И. Гнедичу.

29 апреля 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 28, № 47).

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в статье „Первенцы Лицея и его предания" в сборнике „Складчина", 1874, стр. 371—372.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 68—69).

31а. Черновик письма 31.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 180, № 431).

Отрывок впервые опубликован П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 96—97.

В собрания сочинений Пушкина входит: в отрывке, опубликованном Анненковым, — начиная со второго издания сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 69); полностью — начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 40—42).

32 и 32а. П. А. Катенину.

20-е числа апреля — май 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2366, обрывок листа между лл. 17 об. и 18 и л. 18). Письмо, повидимому, написано на двух страницах, первая вырвана и на ней сохранились только концы строк, печатаемые нами в отделе „Другие редакции и варианты". Не исключена возможность, что эта часть текста к письму к Катенину вовсе не относится, представляя собой какой-то самостоятельный набросок. Адресат не указан; было ли закончено и перебелено письмо — неизвестно.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", т. XLII, 1884, май, стр. 333.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 42—43).

33. Л. Герасимовский — Пушкину.

2 июня 1822 г. С. Вассиены.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 18).

Впервые опубликовано, по материалам П. Е. Щеголева, в сборнике „Литературное Наследство", № 16—18, 1934, стр. 578.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

34. А. А. Бестужеву.

21 июня 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 180, № 432).

Впервые опубликовано В. П. Гаевским в статье „Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова" („Отечественные Записки", т. С, 1855, кн. 6, отд. III, стр. 63). с рядом цензурных купюр, в частности — с устранением имен Рылеева и самого Бестужева; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г." А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, стр. 77—78 (с небольшими неточностями).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго ивдания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 161—162).

35. Н. И. Гнедичу.

27 июня 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 180, № 433).

Впервые опубликовано П. Я. Дашковым в „Историческом Вестнике", 1880, т. II, июнь, стр. 392—393, и П. А. Ефремовым в „Русской Старине", т. XXVIII, 1880, июль, стр. 550—551.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 71—73).

36. П. А. Катенину.

19 июля 1822 г. Кишинев.

Печатается по тексту публикации П. В. Анненкова с дополнением пропущенной фразы по уведомлению министра народного просвещения в III Отделение об издании П. В. Анненкова (*ПД*, ф. 244, оп. 16, № 10, л. 248). Подлинник не сохранился.

Впервые опубликовано с купюрой (от „Радуюсь", кончая „Брянского") П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855,

стр. 58—59. Купюра восстановлена в четвертом издании сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова (1903—1905, т. VII, стр. 48—49, и т. VIII, стр. 596). Однако в изданиях „Просвещения" под ред. П. О. Морозова и переписки под ред. В. И. Саитова это место снова отсутствует.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 155—156).

37. Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.

21 июля 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 7—8 об.).

Впервые опубликовано: в выдержках — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 236; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 1, стб. 9—11.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 83—84).

38. П. А. Вяземскому.

1 сентября 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 181, № 434). В настоящее время подлинник находится в состоянии крайней ветхости: бумага обветшала; сложенное, в свое время, в четвертку, письмо на сгибах прорвалось и распалось на четыре части, края по сгибам обтрепались, так что ряд букв и слов стерся и исчез.

Впервые опубликовано Н. О. Лернером, с его объяснительной заметкой и снимками 1-й страницы письма и шести заключительных строк, в журнале „Огонек", 1910, № 41, стр. 1—3, затем в издании „Пушкин и его современники", вып. XV, 1911, стр. 1—3. Два места в письме Лернер читает иначе: фраза после слов „И это меня бесит" читается им: „Впрочем я хочу иметь (?) дело с одним Толстым, на бумаге более связываться не хочу" (в „Письмах" под ред. Модзалевского это место читается: „Впрочем я свое дело сделал и на бумаге более связываться не хочу"); фраза после слов „ежемесячная слава Прадтов": „Предприими постоянный труд или в тишине самовластия". Принимаем чтение этого последнего места, предложенное Б. Л. Модзалевским.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. III, 1911, стр. 466—468).

39. Л. С. Пушкину.

4 сентября 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 9—10 об.).

Впервые опубликовано: в отрывках П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 90—91, 188, 238; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 1, стб. 11—13.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 87—89).

40. Я. Н. Толстому.

26 сентября 1822 г. Кишинев.

Печатается по копии, хранящейся в *ЛБ* (№ 2395, лл. 467—468), исправленной рукою Жуковского (в частности, им вписана в оставленный пробел строка: „В изгнаньи скучном каждый час“). Другая копия (рукою Ф. В. Анненкова) — в архиве П. В. Анненкова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 5); в основном совпадает с копией *ЛБ*. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 186—187 (без конца, — до слов „ты пишешь мне...“, с пропусками, в том числе шести строк в стихах, и с неточностями). Конец письма был впервые опубликован В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIV, 1884, декабрь, стр. 576. Дата указана М. Н. Лонгиновым („Современник“, т. LXII, 1857 г., № 4, отд. V, стр. 265; то же в Сочинениях М. Н. Лонгинова, т. I, М., 1915, стр. 155) по копии письма, присланной ему самим Толстым и до нас не дошедшей. Точное место даты в письме неизвестно.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 159—160).

41. Н. И. Гнедичу.

27 сентября 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“ 1937, стр. 181, № 435). Почтовый штемпель: „Кишинев“, почтовая помета: „27 сент.“

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в „Современном Обозрении“, 1868, т. I, январь, стр. 143—144.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 73—75).

42. Л. С. Пушкину.

Сентябрь (после 4)—октябрь (до 6) 1822 г. Кишинев.

Печатается по копии, сделанной рукой Л. С. Пушкина и хранящейся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 5—6 об.). Подлинник не сохранился. Впервые опубликовано: с рядом купюр — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С Пушкина“, 1855, стр. 234—235; полностью: на французском языке — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 1, стр. 7—9; в русском переводе — П. И. Бартеневым в работе „Пушкин в Южной России“ (газета „Русская Речь и Московский Вестник“, 1861, № 93, стр. 642—643; перепечатано в „Русском Архиве“, 1866, стб. 1146—1147).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 84—86).

43. Л. С. Пушкину.

Октябрь 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 11—12 об.).

Впервые опубликовано в отрывках (от „Скажи мне“, кончая „кичливости моей“, и от „Если бы ты“, кончая „отвечу ему“) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 98 и 243—244; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 1, стб. 13—14.

В собрании сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 89—90).

44. В. П. Горчакову.

Октябрь—ноябрь 1822 г. Кишинев.

Печатается по копии в тетради П. И. Бартенева (стр. 147—148), хранящейся в *ГЛМ*. Перед стихами, представляющими собой поправки к печатному тексту „Посвящения“ к „Кавказскому Пленнику“, в местах, искаженных цензурой, помета Бартенева: „Его же рукою на клочке бумаги“; поправки эти, по свидетельству И. П. Липранди, были посланы Пушкиным Горчакову, при письме („Русский Архив“, 1866, стб. 1177—1178); одновременно, очевидно, был послан ему Пушкиным и экземпляр первого издания „Кавказского Пленника“ с дарственной надписью (хранится в *ГЛМ*). Подлинник не сохранился.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 97—98. Неточности публикации Анненкова, отчасти вызванные цензурными соображениями, указаны П. И. Бартеневым (см. „Пушкин в Южной России“, „Русский Архив“, 1866, стб. 1177—1178, примеч.) и М. А. Цявловским („Летописи Государственного Литературного Музея. Кн. 1. Пушкин“, М., 1936, стр. 500—501).

В собрании сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 145). Стихи из „Кавкавского Пленника“ впервые даются при письме в настоящем издании.

45 и 45а. П. А. Плетневу.

Ноябрь—декабрь 1822 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2366, лл. 43 об.—42 об.). Беловой текст до нас не дошел.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, май, стр. 338.

В собрании сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 159—160) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 44—45).

46. Л. С. Пушкину.

1—10 января 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 13—14 об.).

Впервые опубликовано: отрывок (кончая словами „да похлопочи о книгах") П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 90—91; полнее (без стихов и с пропуском слов „у нас же он ничего не значит")—В. П. Гаевским в „Отечественных Записках", т. С, 1855, кн. 6, отд. III, стр. 66, в статье „Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова"; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 1, стб. 14—15.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 90—91).

47. К. В. Нессельроде.

13 января 1823 г. Кишинев.

Печатается по публикации Б. Л. Модзалевского, во всех существенных чертах совпадающей с публикацией В. Я. Брюсова. Подлинник находился в Московском архиве министерства иностранных дел „в тетради 1820 года, IV, 6, № 1" (сообщение В. Я. Брюсова). Местонахождение его в настоящее ремя установить не удалось.

Впервые опубликовано Л. И. Поливановым в „Русской Старине", т. LIII, 1887, январь, стр. 244—245. Вновь по подлиннику (с исправлениями мелких неточностей публикации Поливанова) опубликовано В. Я. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", М., 1903, стр. 9. Снова по подлиннику — в изданиях переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 64) и писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 44—45).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 66).

48. Л. С. Пушкину.

30 января 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 15—16 об.).

Впервые опубликовано, с неточностями, сокращениями и без последних четырех абзацев, П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 237—238. Полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 1, стб. 15—16.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 91—93).

49. П. А. Вяземскому.

6 февраля 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 7020; собрание рукописей В. М. Ундольского).

Впервые опубликовано, с небольшими купюрами, Г. П. Георгиевским в „Русском Вестнике“, т. 261, 1899, июнь, стр. 391—393.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 68—71).

50. П. А. Вяземскому.

Март 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 44—45).

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым по „старинной копии“ (неточной и с рядом цензурных пропусков) в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 13—15.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 61—63).

51. П. А. Вяземскому.

5 апреля 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 213/225, т. II, лл. 104—105). Подле адреса почтовый штемпель: „Кишинев“ и помета: „7 апреля“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 118—119 (с пропуском последней — перед датой — фразы); воспроизведено в издании „Семь автографов А. С. Пушкина“, 1880 г., № 4.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 6—7).

52. Н. И. Гнедичу.

13 мая 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 181, № 436).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в „Современном Обозрении“, 1868, т. I, январь, стр. 142.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 69—71).

53. А. А. Бестужеву.

13 июня 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 181, № 437).

Небольшой отрывок впервые опубликован В. П. Гаевским в статье „Дельвиг“, ст. 3 („Современник“, т. XLIII, 1854, № 1, отд. III, стр. 13—15). Пол-

ностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 78—80.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 162—163).

53а. Черновик письма 53.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2366, лл. 36 об.—35). Две фразы из него приведены В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, май, стр. 336; полностью опубликовано впервые в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 71—72).

54. М. Е. Крупенский — Пушкину.

Октябрь 1820 г.—июнь 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 1, № 149).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании писем Пушкина под его редакцией (т. I, 1926, стр. 15) и им же в издании „Пушкин и его современники“, вып. XXXI—XXXII, 1927, стр. 1.

55. Неизвестному.

Октябрь 1820 г.—июнь 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме“, 1937, стр. 182, № 440). Записка Пушкина набросана на том же листке, на котором написана предыдущая записка Крупенского к Пушкину, и, как видно из ее содержания, сейчас же по получении последней. Б. Л. Модзалевским предположительно отнесена к И. П. Липранди; однако в „Дополнениях и поправках“, помещенных во II томе писем (стр. 501), он указывает, что адресатом записки мог быть и П. И. Пестель.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании писем Пушкина под его редакцией, т. I, 1926, стр. 15, и им же в издании „Пушкин и его современники“, вып. XXXI—XXXII, 1927, стр. 1.

56 и 56а. Неизвестной.

Июнь—июль 1823 г. Кишинев—Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2366, л. 30). Было ли перебелено и отправлено письмо — неизвестно.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, май, стр. 334. Воспроизведено в сборнике „Звенья“ (т. II, 1933, стр. 210). В качестве адресата письма, комментаторы без достаточных оснований называли М. Н. Раевскую, Каролину Собаньскую; в последнее время А. де Рибас выдвинул гипотезу о том, что письмо обращено к Е. Н. Орловой („Пушкин“. Временник Пушкинской Комиссии, т. I, М.—Л., 1936, стр. 227—231).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 184), где напечатано только в переводе на русский язык, и с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 45).

57. П. А. Вяземскому.

19 августа 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 213/225, т. II, лл. 110—111).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 120. Воспроизведено в издании „Семь автографов А. С. Пушкина", 1880, № 5.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 7—8).

58. Л. С. Пушкину.

25 августа 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 17—18 об.).

Впервые опубликовано: в отрывках П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 92—93; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 2, стб. 40—41.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 93—94).

59. Ф. Ф. Вигель — Пушкину.

8 октября 1823 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 11).

Впервые опубликовано Л. Гарским (Л. Б. Модзалевским) в „Литературном Наследстве", № 16—18, 1934, стр. 607.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

60. П. А. Вяземскому.

14 октября 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 26—27).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 120—124.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 8—10).

60а. Черновик письма 60.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, л. 16). Сохранился только конец черновика, начало его было на предшествующем вырванном из тетради листе.

Впервые упомянуто (с выпиской начальных слов) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, июнь, стр. 556—557. Некоторые места приведены в сочинениях Пушкина под ред. П. А. Ефремова (изд. 1887 г. — одно место; изд. 1903 г. — два). Полностью впервые — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 79).

61 и 61а. А. Н. Раевскому(?).

15—22 октября 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, л. 21—21 об.). Беловой текст до нас не дошел.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 223, с купюрами, восстановленными В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, июнь, стр. 557. Начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. I, стр. 79—80), предположительно относится к А. Н. Раевскому.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 179—180).

62 и 62а. Ф. Ф. Вигелю.

22 октября — 4 ноября 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, лл. 23 об.—24). Сохранился беловой текст стихотворной части письма в копии Ф. В. Анненкова, хранящейся в *ПД* (ф. 244, оп. 4, № 70). См. его во II томе настоящего издания; там же см. и об отдельных публикациях стихотворной части письма. Беловой текст прозаической части письма до нас не дошел.

Впервые опубликовано, с рядом купюр, П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 224; полнее — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, июнь, стр. 558—559. О цензурных пропусках последней публикации см. „Пушкин и его современники“, вып. XXXI—XXXII, 1927, стр. 64—65.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 180—182).

63. П. А. Вяземскому.

4 ноября 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152 лл. 28—29).

Впервые опубликовано (с купюрами) П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 124—125.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 10—11).

63а. Черновик письма 63.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, лл. 32—33). Некоторые места черновика, не внесенные в беловик, были использованы Пушки-

ным в его позднейших письмах к Вяземскому (в письме от 8 марта 1824 г. и в наброске письма от 5 июля 1824 г.).

Впервые опубликовано, в выдержках, в собрании сочинений Пушкина под ред. П. В. Анненкова (т. VII, Спб., 1857, стр. 11—12); полнее — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, июнь, стр. 564—565; полностью — в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 58—60).

В собрания сочинений Пушкина входит, в отрывке, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 15—16), где принято за часть черновика письма к Вяземскому от 8 марта 1824 г. В следующем издании (1887 г.) ошибка эта П. А. Ефремовым исправлена.

64. П. А. Вяземскому.

11 ноября 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 31—32). Письмо — приписка на последнем листке рукописи „Братьев Разбойников“, посланной Пушкиным Вяземскому. Внизу помета П. А. Вяземского: „(Это предисловие к напечатанию не назначается)“. Кроме приписки сохранились только последние тринадцать стихов варианта конца „Братьев Разбойников“ от стиха: „И в сердце радость умерла“, написанных на предпоследнем листке; остальная часть рукописи утрачена.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 126.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 13).

65. А. А. Дельвигу.

16 ноября 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 182, № 438).

Впервые опубликовано: с пропусками — П. В. Анненковым в его „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 94—95; полностью — В. Гаевским в „Вестнике Европы“, 1881, январь, стр. 6—7.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 130—131).

66. А. А. Шишкову.

Август—ноябрь 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 183, № 445).

Впервые опубликовано: П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 165—166, с пропуском слов, относящихся к Кюхель-

бекеру; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 101—102.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 185—186).

67. Н. И. Кривцову.

Октябрь—ноябрь 1823 г. (?) Одесса (?).

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 28, № 48).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1864, стб. 972—973.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 184).

68 и 68а. Майгин N. и неизвестной.

Ноябрь (после 4) 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, лл. 37 об. — 38). Беловой текст до нас не дошел. Письмо писано в Кишинев к некиим кишиневским дамам, одну из которых, Майгин, Пушкин упомянул несколько ранее в письме к Ф. Ф. Вигелю от 22 октября — 4 ноября 1823 г. Упоминание это, повидимому, и послужило толчком к написанию Майгин и ее приятельницей письма к Пушкину, на которое настоящее письмо является ответом.

Два небольших отрывка (от „Hélas, aimable Maiguine“, кончая „digne de m'en inspirer“ и от „Mais est-il vrai“, кончая „a toujours été telle“) впервые опубликованы в работе П. В. Анненкова „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, январь, стр. 35; отд. изд. 1874 г., стр. 192); полнее — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, кн. I, 1881, стр. 229—230. Дополнено В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, июнь, стр. 567. Полностью опубликовано во втором издании сочинений Пушкина под ред. П. О. Морозова, т. VIII, стр. 49—50. Вновь по подлиннику — в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 63).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 182—183).

69 и 69а. Неизвестному.

Конец ноября—1 декабря 1823 г. Одесса.

Печатается по черновику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, л. 40). Находится в середине черновика письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. Было ли закончено и перебелено письмо — неизвестно.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 230—231, как часть чернового письма к А. И. Тургеневу. В качестве самостоятельного наброска, впервые опубликовано Н. О. Лернером в сочинениях Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, 1915, стр. 601, письмо 707.

В собрания сочинений Пушкина входит: в качестве части чернового письма к Тургеневу, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 62); в качестве самостоятельного наброска — впервые в издании под ред. С. А. Венгерова (т. VI, 1915, стр. 601).

70. А. И. Тургеневу.

1 декабря 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 182, № 439).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1866, № 4, стб. 654—656, с рядом неточностей и со включением только первых четырех строк из первых трех „самых сносных строф“ „Оды на смерть Наполеона“. Это указано и исправлено при новой публикации П. А. Ефремова („Русская Старина“, т. XXVIII, 1880, июль, стр. 539 и 541—542). Воспроизведено полностью в „Историческом Вестнике“, 1899, май, стр. 11—19; частично — в „Альбоме Пушкинской юбилейной выставки в Академии Наук“ под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского, М., 1899, л. 68.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 59—61).

70а. Черновик письма 70.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, л. 40—40 об.).

Впервые опубликовано в „Русском Архиве“, кн. I, 1881, стр. 230—231.

В собрания сочинений Пушкина входит (в сводке), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 61—62). Полностью опубликовано впервые в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 65—66).

71. П. А. Вяземскому.

1—8 декабря 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, л. 30).

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 106 (отрывок о языке от: „Я не люблю видеть“, кончая „пишу иначе“); полностью П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 126—127.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 12—13).

71а. Черновик письма 71.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, л. 41).

Некоторые разночтения черновика впервые приведены П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией (т. VII, 1903,

стр. 83) и В. И. Саитовым в издании переписки Пушкина (т. I, 1906, стр. 84—85). Полностью опубликовано в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 61).

72. В. И. Туманский — В. К. Кюхельбекеру (с припиской Пушкина).

11 декабря 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, принадлежащему Ю. Н. Тынянову (Ленинград).

Впервые опубликовано (с небольшими неточностями) Ю. В. Косовой и М. В. Кюхельбекером в „Русской Старине“, т. XIII, 1875, июль, стр. 375. Вошло в собрание сочинений В. И. Туманского под ред. С. Н. Браиловского, СПб., 1912, стр. 252—253. При перепечатке письма по подлиннику (в статье „Пушкин и Кюхельбекер“ — „Литературное Наследство“, № 16—18, 1934, стр. 351—352) Ю. Н. Тынянов первый обратил внимание на то, что имеющаяся при нем подстрочная сноска принадлежит не Туманскому, как полагали все предшествующие публикаторы, а Пушкину. Частично воспроизведено (1-я и 4-я страницы) в „Литературном Наследстве“.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые в настоящем издании.

73. П. А. Вяземскому.

20 декабря 1823 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 33—34). Подле адреса почтовый штемпель: „Одесса“; почтовая помета: „24“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 128—129.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 13—14).

74. А. А. Бестужеву.

12 января 1824 г. Одесса.

Печатается по копии из архива П. В. Анненкова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 5, л. 2—2 об.) с учетом копии из бумаг В. П. Гаевского (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 7, л. 2—2 об.) и копии из собр. В. И. Яковлева (доставлено Н. В. Гербелем, *ПД*, ф. 244, оп. 7, № 8, лл. 5—6). Две последние, не считая совершенно несущественных отличий, имеют относительно копии Анненкова только два разночтения. В начале письма в копии Гаевского: „хоть до завтрего“ и в конце письма: „Туманского вчера и сегодня я не видел и письма твоего не отдал“. Чтение „не отдал“ и в копии из собрания Яковлева. В цитате заменяем „тоской“ (как во всех списках и публикациях) на „мольбой“, в соответствии с черновиком письма и текстом „Полярной Звезды на 1824 г.“, который цитируется Пушкиным. Подлинник не сохранился.

Впервые опубликовано В. П. Гаевским в статье „Дельвиг“, ст. 3 („Современник“, 1854, т. XLIII, кн. I, отд. III, стр. 15—17) — с цензурным пропу-

ском фразы „Рылеева Войнаровский..."; отрывки — в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" П. В. Анненкова, 1855, стр. 86, 163 и 186; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г." А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 80—81.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 163—165).

74а. Черновик письма 74.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, лл. 46 об. — 47).

Небольшой отрывок впервые опубликован В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", т. XLII, 1884, стр. 570.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 100—101).

75. Ф. В. Булгарину.

1 февраля 1824 г. Одесса.

Печатается по копии из архива П. В. Анненкова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 5, л. 2 об.). Идентичный текст дают копии из бумаг В. П. Гаевского и из собр. В. И. Яковлева (*ПД*, ф. 224, оп. 7, №№ 7 и 8). Чтение: „Вы принадлежите к самому малому числу литераторов", принятое в изданиях переписки под ред. В. И. Саитова и писем под ред. Б. Л. Модзалевского, — явно ошибочно, поскольку источником для обоих изданий явилась та же копия Анненкова (см. „Письма", т. I, стр. 305 и рукопись набора „Переписки" 1815—1825, хранящуяся в *ПД*, стр. 158).

Впервые опубликовано: вторая половина (от слов „Вы очень меня обяжете..." до конца) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 86—87; полностью — в переписке Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 98.

В собрания сочинений Пушкина входит: вторая половина — начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 186); полностью — с издания переписки под ред. В. И. Саитова.

76. Л. С. Пушкину.

Январь (после 12)—начало февраля 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 21—22 об.).

Впервые опубликовано: отрывок (от слов: „Читал Федору <sic!> Лобанову" кончая словами „Вот глубина глупости") П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 114; полностью (но с рядом цензурных купюр) — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 2, стб. 43—44.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 94—96).

77. А. А. Бестужеву.

8 февраля 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 182, № 441).

Впервые опубликовано: несколько строк письма (от слов „Недостаток плана“ до „а печатаю“) Ф. В. Булгариным в „Литературных Листках“, 1824, ч. I, № 4, „Литературные Новости“, стр. 147—148 (без разрешения Пушкина); почти полностью В. П. Гаевским в статье „Дельвиг“, ст. 3 („Современник“, т. XLIII, 1854, № 1, отд. III, стр. 17—20) и П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 103—104; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, стр. 81—82.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 165—166)

77а. Черновик письма 77.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, лл. 43 об. — 44).

Впервые опубликовано: отрывки — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, июнь, стр. 569; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 100—101.

78. П. А. Вяземскому.

8 марта 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 34—35). Подле адреса почтовый штемпель: „Одесса“; почтовая помета: „11 марта 1824“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 129—131.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 14—15).

78а. Черновик письма 78.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, лл. 50 об. — 51).

Впервые опубликовано: отрывок в работе П. В. Анненкова „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, № 2, февраль, стр. 506; отд. изд. 1874 г., стр. 252); публикация Анненкова введена в состав второго издания сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова (1882, т. VII, стр. 15—16), причем к отрывку черновика письма от 8 марта 1824 г. редактор присоединил в качестве части того же письма отрывок черновика письма от 4 ноября 1823 г., который Пушкин, действительно, частично использовал для беловика настоящего письма. В следующем издании 1887 г. П. А. Ефремов разъединил эти отрывки, наконец в издании 1903 г. вовсе опустил черновик настоящего

письма. В издании переписки под ред. В. И. Саитова черновик дан под строкой в качестве разночтений (т. I, 1906, стр. 102). Полностью опубликовано впервые в издании писем под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 74).

79 и 79а И. Н. Инзову(?).

Около 8 марта 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2369, л. 43).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 232. Дополнено В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, июнь, стр. 568.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 183), где впервые предположительно отнесено к И. Н. Инзову.

80. Л. С. Пушкину.

1 апреля 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 19—20 об.).

Впервые опубликовано: отрывок (кончая словами: „раскуплю половину издания“, с купюрами) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 194—195; полностью (с пропуском фамилии Булгарина, замененной буквой Б., и слов „да в сопровождении жандарма“) — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 2, стб. 41—42.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 97—98).

81. П. А. Вяземскому.

Начало апреля 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 35—36).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 131—133.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 16—17).

82. П. А. Вяземскому.

Апрель—первая половина мая (?) 1824 г. Одесса.

Печатается по копии в „Деле о коллежском секретаре Пушкине (1824)“, хранящемся в Архиве Революции и внешней политики, в Москве (фонд министерства иностранных дел). Кроме того имеются еще две копии, снятые в канцелярии министра иностранных дел гр. Нессельроде: одна, отправленная в Одессу к гр. Воронцову и приобщенная к „Делу“ канцелярии Новороссийского и Бесса-

рабского генерал-губернатора „О высланном из столицы коллежском секретаре Пушкине — 1824 г.“, хранящемся в Одесском областном архиве; другая, отправленная Рижскому военному генерал-губернатору, маркизу Паулуччи, и приобщенная к делу канцелярии Рижского генерал-губернатора „О высланном из столицы колеж. секретаре Пушкине — 1824“, хранящемуся в *ПБЛ* (F. XVIII, № 52). Копия представляет собой выписку из письма Пушкина, сделанную полицией. Самое письмо до нас не дошло.

Впервые опубликовано: три фразы — в работе П. В. Анненкова „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 512; отд. изд. 1874 г., стр. 261); полностью (в дошедшем до нас виде) — в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, „Международная библиотека“, т. VIII, Лейпциг, 1875, стр. 33, и в „Русской Старине“, т. XXVI, 1879, октябрь, стр. 293.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова, с отнесением „к неизвестному лицу“ (т. VII, 1882, стр. 187). Адресат назван П. И. Бартеневым, указавшим (в „Русском Архиве“, 1872, стб. 2355), что письмо было послано „Издателю Бахчисарайского Фонтана“, т. е. П. А. Вяземскому. Указание это, сделанное при жизни П. А. Вяземского, заслуживает полного доверия.

83 и 83а. А. И. Казначееву.

22 мая 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 183, № 442).

Впервые опубликовано: в сводке П. В. Анненковым в его работе „Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, № 2, февраль, стр. 507—508; отд. изд. 1874 г., стр. 254—255); полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 108—109).

В собрания сочинений Пушкина входит (в сводке), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 187—189).

Первая черновая редакция письма 83.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, лл. 1—2).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 110—111); полнее — в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, 1926, стр. 78—80 (в обоих изданиях с некоторыми неточностями).

84. П. А. Вяземский — Пушкину.

Конец мая (?) 1824 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (Собр. автографов, № 361). Позднейшая копия с надписью П. А. Вяземского: „Вероятно извлечение из письма моего к Пушкину“ — в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, л. 23). Другая копия — в тетради копий с писем Вяземского к Пушкину, принадлежавшей

П. И. Бартеневу, с его пометой: „Получены от князя П. А. Вяземского в 1873 году в Гомбурге и с его слов сделаны некоторые примечания. П. Б.“ Находится в *ГАМ* (№ 4506). Копия имеет некоторые разночтения; так, первая фраза читается: „Сделай милость будь осторожнее на мысли и на перо“; в четвертой фразе в словах „но не так“ — „не“ зачеркнуто.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, № 8, стр. 471 (по копии) и в „Отчете Публичной Библиотеки за 1895 г.“, Спб., 1898, Приложения, стр. 52—53 (по подлиннику).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 103—104).

85. В. А. Жуковский — Пушкину.

1 июня 1824 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 27).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1889, кн. III, № 9, стр. 113—114.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 113—114).

86 и 86а. А. И. Казначееву.

Начало (после 2) июня 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, лл. 8 об.—9).

Впервые опубликовано: в русской сводке в работе П. В. Анненкова „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 509—510; отд. изд. 1874 г., стр. 256—258); во французской сводке и в переводе — в „Русском Архиве“, 1884, кн. III, стр. 189—190, и В. Е. Якушкиным (во французской сводке) в „Русской Старине“, т. XLIII, 1884, июль, стр. 4.

В собрания сочинений Пушкина входит: в русском переводе — начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 189—190); во французской сводке — начиная со второго издания под ред. П. О. Морозова (т. VIII, стр. 64); в подлиннике полностью — начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 114—115).

87. П. А. Вяземскому.

7 июня 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 36—37). Почтовая помета: „14, Одесса 20 июня 1824“.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 115—116).

88. Л. С. Пушкину.

13 июня 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 23—24 об.). Почтовый штемпель „Одесса“; помета: „13 июня 1824“. На сложенном письме

Пушкин набросал сокращенно XXXIII строфу I-й главы „Евгения Онегина“: „Я номню море пред грозою“.

Впервые опубликовано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 2, стб. 44—45.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 98—99).

89. П. А. Вяземскому.

24—25 июня 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 37—38).

Впервые опубликовано в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 133—136, с цензурным пропуском фразы „Тиверий рад будет...“, восстановленной впервые в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 118).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания по ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 17—19).

90. А. А. Бестужеву.

29 июня 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 183, № 443).

Впервые опубликовано: в отрывках П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 104, 162, 187—188; первая половина письма (кончая словами: „Отзвонил и с колокольни долой“) — В. П. Гаевским в „Отечественных Записках“, 1855, кн. 6, отд. III, стр. 57—58 (по копии); полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, стр. 82—83.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 166—168).

91. П. А. Вяземскому (?).

5 июля 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Центральном Государственном Архиве народного хозяйства в Ленинграде (фонд Вяземского, дело № 2, лл. 16—17). Письмо набросано Пушкиным карандашом, без помарок, на письме П. А. Вяземского к его жене, В. Ф. Вяземской от 26 июня 1824 г. (на обороте первого и на втором листе; на обороте второго листа — три карандашные зарисовки Пушкиным женских головок). Набросок является частичным повторением черновика письма Пушкина к Вяземскому от 4 ноября 1823 г.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 123). Снова (точнее) — П. Н. Шеффером в „Остафьевском Архиве князей Вяземских“, т. V, вып. 1, 1909, стр. 19—20.

92. А. И. Тургеневу.

14 июля 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 183, № 444).

Впервые опубликовано И. С. Тургеневым в „Вестнике Европы“, 1880, декабрь, стр. 820—821 (с опущением слова „хам“).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 406—407).

93. П. А. Вяземскому.

15 июля 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 24—25).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 136—137.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 19—20).

94 и 94а. В. Л. Давыдову (?).

Июнь 1823 г.—июль 1824 г. Кишинев—Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2364, л. 74).

Впервые опубликовано: в сводке — П. В. Анненковым (с рядом пропущенных слов и неточностями) в его работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, январь, стр. 44—45; отд. изд. 1874 г., стр. 206—207); полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 111—112). Адресатом письма считался А. Н. Раевский. Н. О. Лернер (в „Русской Старине“, 1909, апрель, стр. 201) выдвинул более убедительное предположение, что письмо адресовано В. Л. Давыдову.

В собрания сочинений Пушкина входит (в сводке), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 153).

95 и 95а. В. Л. Давыдову (?).

Июнь 1823 г.—июль 1824 г. Кишинев—Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 21, № 47б).

Впервые опубликовано: в русском переводе — П. В. Анненковым в его работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, январь, стр. 43; отд. изд. 1874 г., стр. 204—205); в подлиннике — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 112—113). Адресатом письма считался А. Н. Раевский. Б. Л. Модзалевский в „Письмах“ Пушкина (т. 1, 1926, стр. 80—81 и 323) предположительно относит его к В. Л. Давыдову, что представляется более правдоподобным.

В собрания сочинений Пушкина входит: в русском переводе — начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 152—153); в подлиннике — начиная с издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 112—113).

96. И. С. Деспоту-Зеновичу.

8 августа 1824 г. Село Колпино.

Печатается по публикации П. А. Ефремова (с копии, снятой Е. И. Якушкиным с подлинника, местонахождение коего в настоящее время неизвестно). В *ПД* (ф. 244, оп. 7, № 2) имеется другая копия, В. П. Гаевского, по которой письмо было напечатано в изданиях переписки под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 126) и писем под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 89). Копия Гаевского совпадает с публикацией Ефремова за исключением одного слова: у Ефремова — *сожалея*, у Гаевского — *жалея*.

Впервые опубликовано в четвертом издании сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 120—121).

97. А. Н. Раевский — Пушкину.

21 августа 1824 г. Александрия, около Белой Церкви.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 163—165 (перевод — стр. 165—167), и в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. 1, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 75—77 (перевод — стр. 77—79).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 126—128).

98. Н. Н. Раевский-сын — Пушкину.

Конец августа — начало сентября 1824 г. Белая Церковь.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 167—168, перевод — стр. 168—169, и в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. 1, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 79—80 (перевод — стр. 80—81).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 128—129).

99. А. А. Дельвиг — Пушкину.

10 сентября 1824 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 500—501.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 130—131).

100. А. Н. Вульфу.

20 сентября 1824 г. Михайловское.

Печатается но копии в наборной рукописи „Переписки“ под ред. В. И. Саитова *(ПД)*, снятой с подлинника, принадлежавшего княг. А. А. Хованской, рожд. бар. Вревской, внучке П. А. Осиповой; местонахождение его в настоящее время неизвестно. Почтовый штемпель: „Опочка, 1824, сен. 21“. Другая копия (не вполне точная) — в бумагах П. В. Анненкова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 10),

Впервые опубликовано: стихотворная часть — П. В. Анненковым в VII томе сочинений Пушкина, 1857, стр. 91; самое письмо и приписка Анны Н. Вульф (в отрывках) — М. И. Семевским в статье „Прогулка в Тригорское“ („С-Петербургские Ведомости“, 1866, № 157, стр. 1); полностью (с мелкими пропусками в приписке А. Н. Вульф) — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1867, № 1, стб. 154—155; полнее всего — В. И. Саитовым в издании переписки Пушкина (т. I, 1906, стр. 131—132).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 237—238).

101. А. А. Дельвиг — Пушкину.

28 сентября 1824 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 501—502.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 133—134).

102. П. А. Вяземский — Пушкину.

Начало октября 1824 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, л. 42). Имеются следы почтового штемпеля: „Ве‹ликие› ‹Лу›ки 18‹24› окт. 6“ ‹или 9›.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, № 8, стр. 471—472.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 135).

103. П. А. Вяземскому.

8 или 10 октября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, л. 1),

Впервые опубликовано Н. П. Барсуковым в сборнике „Старина и Новизна“, кн. V, 1902, стр. 13—14.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 123—124).

104. С. Г. Волконский — Пушкину.

18 октября 1824 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 424—425, и в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. 1, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 145—146.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 138—139).

105. В. А. Жуковскому.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 28, № 49).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1872, стб. 2357.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 196).

106 и 106а. П. А. Плетневу.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, л. 34).

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIII, 1884, июль, стр. 12—13, с неправильным предположительным отнесением к Н. В. Всеволожскому.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 195—196) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 86), где адресат указан правильно. Полностью черновик прозаической части письма печатается в настоящем издании впервые.

107 и 107а. В. Ф. Вяземской.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, лл. 34 об. — 35).

Впервые опубликовано в отрывке (в переводе на русский язык) П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 516—517; отд. изд. 1874 г., стр. 269—270); французский подлинник (в сводке) — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIII, 1884, июль, стр. 13—14, и П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1884, кн. III, стр. 191, перевод — стр. 192. Полностью не было опубликовано ни разу и в настоящем издании появляется впервые.

В собрания сочинений Пушкина входит (в отрывке, переведенном на русский язык, по публикации Анненкова), начиная со второго издания под ред.

П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 191—192); во французской сводке, по публикации Якушкина, — с третьего издания под ред. П. А. Ефремова, 1887 г., т. VII, стр. 50—51, перевод — стр. 51—52; во французской сводке, по автографу, — с издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 137—138).

108 и 108а. Н. В. Всеволожскому.

Конец октября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, л. 36).

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русской Старине", т. XLIII, 1884, июль, стр. 15—16 (очень неточно); затем П. И. Бартеневым — в „Русском Архиве", 1884, кн. III, стр. 197 (точнее).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (1887, т. VII, стр. 82—83) и с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 195).

109. Б. А. Адеркасу.

Конец октября (31?) 1824 г. Михайловское.

Печатается по копии, хранящейся в *ПБЛ* (бумаги Жуковского, л. 183), сделанной рукою П. А. Осиповой для В. А. Жуковского и отправленной ею в письме к нему, написанном, очевидно, непосредственно вслед за письмом к нему же Пушкина от 31 октября. Исправления на копии могли возникнуть или потому, что П. А. Осипова сделала ее очень спешно тайком от Пушкина, или потому, что Пушкин, уже отправивший письмо, продиктовал его Осиповей, по ее просьбе, по памяти. В этом случае они принадлежат самому Пушкину. Копия обрывается (повидимому, перед подписью) на словах „вашего превосходительства", за которыми следует: „ . . . . . и протч."

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1872, стб. 2359 (с неверным раскрытием отчества Адеркаса); там же и письмо Осиповой к Жуковскому (стб. 2358—2359).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 194—195).

110. В. А. Жуковскому.

31 октября 1824 г. Михайловское и Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 29, № 50). Письмо составлено начерно в Михайловском и там же перебелено до постскриптума. Затем Пушкин принес его в Тригорское и здесь, по настоянию П. А. Осиновой, написал постскриптум, на что указывают другие чернила последнего, отличные и от черновика, и от остального белового текста.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1872, стб. 2354—2356.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 192—193).

110а. Черновик письма 110.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, л. 36 об. — 37).

Впервые опубликовано: в сводке — П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху" („Вестник Европы", 1874, февраль, стр. 519; отд. изд. 1874 г., стр. 272—273); в виде подстрочных вариантов к беловому тексту — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (I, 1906, стр. 141—142); полностью — в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 95).

В собрания сочинений Пушкина входит (в сводке), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 193—194), причем к этому письму присоединена выдержка из другого письма к Жуковскому от 29 ноября 1824 г. (так печаталось до четвертого издания под ред. Ефремова).

111. П. А. Вяземский — Пушкину.

6 ноября 1824 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, лл. 18—19).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1879, кн. II, № 8, стр. 472—473.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 144—146).

112. Л. С. Пушкину.

1—10 ноября 1824 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 28—29 об.).

Впервые опубликовано: отрывок (от „NB", кончая словами „сам привезешь") — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии Пушкина", 1855, стр. 240; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 2, стб. 47.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 101).

113. Л. С. Пушкину.

1—10 ноября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, л. 25—25 об.). Писано частью карандашом (первая и последняя фразы), частью чернилами. Подписи под картинкой — карандашом.

Впервые опубликовано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 1, стб. 1—2. Воспроизведение рисунка, подписей под ним и первого абзаца письма — там же при № 4; то же — в собрании сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова (т. III, 1909, стр. 245).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 101—102).

114. В. А. Жуковский — Пушкину.

12 (?) ноября 1824 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 27).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1889, кн. III, № 9, стр. 114—115.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 147—148).

115. Л. С. Пушкину.

Первая половина ноября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 26—27 об.).

Впервые опубликовано: в отрывках — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 121, 238 и 241—242; полностью (с цензурными купюрами) — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 2, стб. 45—46.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 99—100).

116. И. М. Рокотову.

Середина августа—середина ноября 1824 г. Михайловское.

Печатается по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым во втором издании сочинений Пушкина под его редакцией (т. VII, 1882, стр. 267—268) с подлинника, находившегося сперва у Г. Н. Геннади, затем у М. И. Семевского, который выставлял его на Пушкинской выставке, устроенной Комитетом для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1880 г. в Петербурге (Каталог, Спб., 1880, стр. 50, № 14); наконец, в 1909 г., в Акшуатском собрании В. Н. Поливанова (Корсунский уезд, Симбирской губ.). Местонахождение его в настоящее время неизвестно.

117. Л. С. Пушкину.

Начало 20-х чисел ноября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 31—32 об.).

Впервые опубликовано: одна фраза (от „Торопи Дельвига“, кончая словами „прокляну тебя“) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 239; в выдержках — В. П. Гаевским в статье „Сочинения А. С. Пушкина. Издание П. В. Анненкова“ в „Отечественных Записках“, т. С, 1855., кн. 6, отд. III, стр. 37; полностью (с пропуском слов „de faire bidet“) — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 2, стб. 47—48.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 102—104).

118. В. А. Жуковскому.

29 ноября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 29, № 51, с ошибкою в дате). Почтовый штемпель: „Опочка 1824 Дек. 1“

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1872, стб. 2356—2357.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 195—196).

118а. Черновик письма 118.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, л. 37).

Впервые опубликовано: выдержка (от „Я сослан“, кончая „пахнет каторгой“) — в работе П. В. Анненкова „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 520; отд. изд. 1874 г., стр. 273—274); последняя фраза — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIII, 1884, июль, стр. 16; две выдержки — во втором издании собрания сочинений Пушкина под ред. П. А. Ефремова, в подстрочных примечаниях к беловику (т. VII, 1882, стр. 195); полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 153).

119. П. А. Вяземскому.

29 ноября 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 39—40). Почтовый штемпель: „Опочка 1824 Дек. 1“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 137—139.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 20—21).

119а. Черновик письма 119.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, л. 40—40 об.).

Впервые упомянуто (с выпиской начальных слов) В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIII, 1884, июль, стр. 17. В издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова при беловике даны разночтения из черновика (т. I, 1906, стр. 150—151). Полностью — в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 100—101).

120. Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.

4 декабря 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 35—36 об.). Почтовый штемпель: „Опочка 1824. Дек. 8“.

Впервые опубликовано: отрывки — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 96, 239, 241 и 242, и В. П. Гаевским в статье „Сочинения А. С. Пушкина. Издание П. В. Анненкова“ („Отечественные Записки“, т. С, 1855, № 6, отд. III, стр. 37 и 66—67); полностью (с цензурными купюрами) — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 99—100.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 105—107).

121. А. Г. Родзянке.

8 декабря 1824 г. Михайловское.

Печатается по фото-копии, имеющейся в *ПД* (ф. 244, оп. 11, № 30). Подлинник находился в Библиотеке Харьковского университета. В настоящее время, согласно справке, наведенной по нашей просьбе проф. А. И. Белецким, его там нет, и местонахождение его неизвестно. Около адреса помета А. Г. Родзянки: „От Пушкина Александра Сергеевича — чрез Анну Петровну Кернову“.

Впервые опубликовано Н. И. Черняевым в статье „Неизданные письма А. С. Пушкина и В. А. Жуковского и стихотворение Д. В. Давыдова“ в „Русском Обозрении“, 1897, № 2, стр. 524—525.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 141—142).

122 и 122а. Д. М. Шварцу.

Около 9 декабря 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, л. 41 об.). Было ли перебелено и отправлено письмо — неизвестно. Первую фразу из него Пушкин впоследствии буквально повторил в письме к Туманскому от 13 августа 1825 г.

Впервые опубликовано: одна фраза, неверно прочитанная (от „слово живое“, кончая „выздоровела ли Катинька“ <sic!>) — П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 501; отд. изд. 1874 г., стр. 244—245); фраза эта перепечатана во втором издании под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 192); полностью — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIII, 1884, июль, стр. 18. В „Вестнике Европы“ П. В. Анненковым, вследствие неверного прочтения текста (Д. М. К. вместо Д. Мак.), высказано предположение, что письмо написано Дмитрию Максимовичу Княжевичу. В отдельном издании своей работы Анненков это предположение снял, однако оно было принято в большинстве собраний писем Пушкина, включая издания под ред. В. И. Саитова и Б. Л. Модзалевского. О неосновательности отнесения письма к Д. М. Княжевичу см. заметку М. А. (М. П. Алексеева) „Пушкин и Д. М. Княжевич“ (Сборник „Пушкин“, вып. I, Одесса, 1925, стр. 60—62). Адресат установлен Л. Б. Модзалевским.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 96) и третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 193—194).

123. Л. С. Пушкину.

Около (не позднее) 20 декабря 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 33—34 об.).

Впервые опубликовано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 4, стб. 97—98 (с небольшими цензурными купюрами, восстановленными, кроме одной, во втором издании под ред. П. А. Ефремова); полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 164—165).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 104—105).

124. Л. С. Пушкину.

20—23 декабря, 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 41—41 об.).

Впервые опубликовано: П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 239 (с пропуском двух фраз — от „Поздравляю", кончая „Дельвига", и последней — и с заменой фамилии Пущина первой буквой); полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 4, стб. 103—104.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 103).

125. Л. С. Пушкину.

Ноябрь—декабрь 1824 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, л. 30—30 об.).

Впервые опубликовано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 1, стб. 1 (в подстрочной сноске). Наиболее точная публикация — в сборнике „Рукою Пушкина", 1935, стр. 304—305.

В изданиях писем давалось в примечаниях (начиная с издания 1882 г., т. VII, стр. 106). В качестве самостоятельного письма-записки вводится впервые в настоящем издании.

126. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

5—7 января 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357). Нижний край листка, на котором была, очевидно, подпись, оборван. Письмо привезено Пушкину И. И. Пущиным.

Впервые опубликовано: в „Полярной Звезде на 1861 г." А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 33 (по копии) и П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век", кн. I, 1872, стр. 377.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 166).

127. П. А. Плетнев — Пушкину.

22 января 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 1—2); в начале письма — позднейшие пометы Плетнева: „Первое из всех, возвращенных мне“ и „в Михайловское“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом: одна фраза — в „Вестнике Европы“, 1881, кн. 3, стр. 13; полностью — в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, Спб., 1885, стр. 313—315.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 166—168).

128. К. Ф. Рылееву.

25 января 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 184, № 446).

Впервые опубликовано: одна фраза — В. П. Гаевским в статье „Дельвиг“, ст. 4 („Современник“, т. XLVII, 1854, № 1, отд. III, стр. 2, примеч.); отрывок, измененный по цензурным условиям (от „Мне пишут много“ — вместо „Бест. пишет мне много“, — кончая „но довольно“), — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 125; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 76—77.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 168—169).

129. П. А. Вяземскому.

25 января 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 41—42).

Впервые опубликовано (с пропуском двух фраз от „Не правда ли“, кончая словами „стишки в его же духе“) П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стр. 140—143, где разбито на два письма (№ 18, начинающееся эпиграммой „Приятелям“, и № 19 — первая часть письма, кончающаяся словами „... детей поцелуй“). В таком же виде печаталось во всех изданиях писем, вплоть до издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, где впервые опубликовано правильно (т. I, 1906, стр. 169—171).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 22—24, письма №№ 18 и 19).

130. П. А. Вяземскому.

28 января 1825 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 2—3).

Фраза из этого письма („Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен") была приведена в статье П. А. Вяземского „Из биографических и литературных записок о Д. И. Фонвизине" в „Современнике", т. V, 1837, стр. 69. Всё письмо впервые опубликовано Н. П. Барсуковым в сборнике „Старина и Новизна", кн. V, 1902, стр. 14.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 154—155).

131. А. А. Бестужеву.

Конец января 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 184, № 447).

Впервые опубликовано: отрывки — в статье В. Р. Зотова „Рашель и классицизм" (от „Слушал Чацкого", кончая „войти в пословицу"), „Пантеон", 1853, кн. II, № 12, стр. 12; в статье В. П. Гаевского „Дельвиг", ст. 4 (от „Слушал Чацкого", кончая „как истинному таланту"), „Современник", т. XLVII, 1854, № 9, отд. III, стр. 20—21; в „Материалах для биографии А. С. Пушкина" П. В. Анненкова, 1855, стр. 111 (от „Тебе кажется", кончая „много поэтического") и 128—129 (от начала письма — с заменой имени Рылеева через NN, — кончая словами: „истинному таланту"); полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г." А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 85—86.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. Е. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 169—171).

132. П. А. Вяземскому.

Конец (после 28) января 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, л. 43).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 139—140.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 22).

133. П. А. Плетнев — Пушкину.

7 февраля 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 3—4). В начале письма — позднейшие пометы Плетнева: „В Михайловское" и „2".

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева", т. III, 1885, стр. 315—318.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 174—177).

134. К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев — Пушкину.

12 февраля 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357).

Впервые опубликовано в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 33—35, и П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 377—378.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 177—178).

135. Л. С. Пушкину.

Конец января — первая половина февраля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 7020).

Впервые опубликовано в „Библиографических Записках“, 1861, № 13, стб. 383—384.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 109—111).

136. И. И. Пущин — Пушкину.

18 февраля 1825 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 68).

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русских Ведомостях“, 1897, № 37, стр. 3.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 180).

137. П. А. Вяземскому.

19 февраля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 46—47). Почтовый штемпель: „Опочка 1825 г. фев. 25“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 143—144.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 24—25).

138. Н. И. Гнедичу.

23 февраля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 184, № 448).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в „Современном Обозрении“, 1868, т. I, январь, стр. 144.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 75—76).

139. Л. С. Пушкину.

Конец февраля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 39—40 об.).

Впервые опубликовано: отрывки — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 121, 239, 241 и 242; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 102—103.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго ивдания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 108—109).

140. П. А. Плетнев — Пушкину.

3 марта 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 5—6). В начале — позднейшие пометы Плетнева „В Михайловское“ и „3“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом: отрывок — в „Вестнике Европы“, 1881, кн. 3, стр. 14; полностью — в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 318—319.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 184—186).

141. Л. С. Пушкину.

Конец февраля—начало марта 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, л. 49).

Впервые опубликовано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 109.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 118).

142. А. А. Бестужев — Пушкину.

9 марта 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 425—427, и в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. 1, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 146—148.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 186—188).

143. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

10 марта 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357).

Впервые опубликовано: в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 38—39 (по копии) и

П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, М., 1872, стр. 378—379.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 188—189).

144. И. И. Пущин — Пушкину.

12 марта 1825 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 67).

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русских Ведомостях“, 1897, № 37, стр. 3.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 189—190).

145. Л. С. Пушкину.

14 марта 1825 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 42—43 об.).

Впервые опубликовано: отрывки (от „У вас ересь“, кончая „и тому подоб.“, от начала письма, кончая „пришлю эпиграмму“, и последняя фраза после даты), с цензурными купюрами, — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 111 и 188—189; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 104—105.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 111—112).

146. Л. С. Пушкину.

14 марта 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, л. 46—46 об.); на обороте письма неизвестной рукой написано следующее обращение, очевидно, к Л. С. Пушкину: „Приходи к Плещею вкушать трапезу е.. — там будут институтки и вас зовут. Г“. Приписка явно не имеет никакого отношения к письму и, вероятно, написана каким-то петербургским приятелем Л. С., который, зайдя к нему и не застав его дома, набросал записку на первом попавшемся под руку листке бумаги.

Впервые опубликовано (с цензурными купюрами) С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 105.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 112—113).

147. Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу.

15 марта 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 44—45 об.).

Впервые опубликовано: П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 189—190, с цензурными купюрами, заменами,

пропуском абзаца о Бирукове (от „Пересчитав“ до „Что сказать вам“) и конца письма от „Не прислать ли“; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 105—107.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 113—115).

148. А. А. Дельвиг — Пушкину.

20 марта 1825 г. Витебск.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 502—503.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 194—195).

149. А. А. Бестужеву.

24 марта 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 184, № 449).

Впервые опубликовано: отрывки (от „Я хотел было“, кончая „переписывать скучно“ и от „Твое письмо“, кончая „полемику нашу“) — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 126, 127—128, и В. П. Гаевским в статье „Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова“ в „Отечественных Записках“, т. C, 1855, кн. 6, отд. III, стр. 64—65 (от „Откуда ты взял“, кончая „да более, более!“ и от „Жду П. З.“ до конца); полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 89—90 (неправильно присоединено к первой половине письма к Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г.), и в „Русском Слове“, 1861, № 2, отд. 3, стр. 24—27.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 173—174) — в составе письма к Бестужеву от конца мая — начала июня (см. примечание к письму 175). В качестве самостоятельного письма, впервые — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 195—196).

150. В. Ф. Вяземской.

24 марта 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 130/151, лл. 3—4). На письме помета П. А. Вяземского: „Александра Пушкина“.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 197).

151. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

25 марта 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357); на л. 2 запись цифр рукою Пушкина.

Впервые опубликовано: в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 39 (по копии) и П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 379—380.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 197—198).

152. Л. С. Пушкину.

27 марта 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 47—48 об.).

Впервые опубликовано: отрывки (от „Получил ли ты“, кончая „замечания свои“ и от „Душа моя“, кончая „чтеньебесия“) — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 191 и 245 (в примечании); полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 107—109.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 116—118).

153. И. И. Пущин — Пушкину.

2 апреля 1825 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 68). Почтовые штемпеля: „Москва 1825“ и „Великие Луки 1825 Апр. 17“.

Впервые опубликовано В. Е. Якушкиным в „Русских Ведомостях“, 1897, № 37, стр. 3.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 200).

154. П. А. Вяземскому.

Конец марта—начало апреля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 10—11).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 145—146.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 25—26).

155. П. А. Вяземскому.

7 апреля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 8—9).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 144.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 25).

156. Л. С. Пушкину.

7 апреля 1825 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 50—51 об.).

Впервые опубликовано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 109—110.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 120—121).

157 и 157а. А. С. Шишкову.

Около 7 апреля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, л. 65 об.).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 33—34), в качестве черновика письма к А. X. Бенкендорфу от 20 июля 1827 г. В собрании сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова также помещено вслед за письмом к Бенкендорфу 1827 г., однако с оговоркой П. О. Морозова: „Остов предыдущего письма, набросанный, видимо, в 1825 году. Пушкин, надо думать, собирался отправить письмо м. нар. просв. А. С. Шишкову“ (т. VI, 1915, стр. 32). Б. Л. Модзалевский в „Письмах“ Пушкина развернул убедительную аргументацию в пользу предположения Морозова, правильно адресовав письмо А. С. Шишкову и отнеся его к 1825 г. (т. I, 1926, стр. 112 и 386—387). Письмо, вероятно, не было перебелено и во всяком случае не было отправлено Шишкову. В 1827 г. Пушкин использовал его для указанного письма к Бенкендорфу.

158. А. Н. Вульфу.

Март—апрель (до 20) 1825 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 29, № 52).

Впервые опубликовано в статье М. И. Семевского „Прогулка в Тригорское“ („С.-Петербургские Ведомости“, 1866, № 157, стр. 1).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 238).

159. Л. С. Пушкину.

22 и 23 апреля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 52—53 об.).

Впервые опубликовано: отрывки (от „Как я был рад“, кончая „устриц“, и от начала письма, кончая „Альфиери и Байрона“) — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 151 и 240—241; полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 110—111.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 121—122).

160. В. А. Жуковский — Пушкину.

15—начало 20-х чисел апреля 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 27).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1889, кн. III, № 9, стр. 115—116.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 216—217).

161. Л. С. Пушкину.

Апрель (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 52, л. 5 об.). Настоящая записка написана в тетради, в которую Пушкин переписал для П. А. Вяземского вторую главу „Евгения Онегина“. После нее в ту же тетрадь вписаны Пушкиным два стихотворения К. Н. Батюшкова: „Подражание Ариосту“ и „К NN“ и его собственная „Ода его сиятельству гр. Д. И. Хвостову“.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 210).

162. П. А. Вяземскому.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 30—31).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 152—153.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 26—28).

163 и 163а. Александру I.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* („Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 29, № 54).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 6, стб. 1171—1172.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 199).

164. В. А. Жуковскому.

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 29, № 53).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 6, стб. 1169—1171.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 197—199).

165. Ф. В. Булгарин — Пушкину.

25 апреля 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 461—462, и в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. 1, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 28—29.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 208).

166. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

Конец апреля 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357).

Впервые опубликовано в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 37—38 (по копии); перепечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, М., 1872, стр. 380.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 204—205).

167. П. А. Катенин — Пушкину.

9 мая 1825 г. Кологрив.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 145—146, и в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 57—58.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 210—211).

168. А. Г. Родзянко и А. П. Керн — Пушкину.

10 мая 1825 г. Лубны.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Институте Литературы имени М. Горького в Москве (№ 1652).

Впервые опубликовано: неполно — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1884, кн. I, стр. 470—471; полностью, с подлинника (с большими неточностями) — в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину, не вошедшие в академическое издание его переписки“, под ред. М. А. Цявловского, М., 1925, стр. 9—10.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 213—215).

169. Н. Н. Раевский-сын — Пушкину.

10 мая 1825 г. Белогородка или Белая Церковь.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 70). По указанию Л. Н. Майкова, подлинник находился в бумагах П. В. Анненкова; согласно помете, имеющейся в рукописи набора переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (*ПД*, т. I, стр. 339), ко времени издания переписки подлинник находился в архиве Н. Н. Раевского, принадлежавшем Петру Мих. Раевскому. Если Майков ошибся, и подлинник с самого начала был в архиве Раевского, возможно, что данное письмо, несмотря на высказываемое в нем Раевским нежелание переписывать его, было всё же послано им Пушкину в другом, переписанном виде, до нас не дошедшем.

Впервые опубликовано (с переводом на русский язык) Л. Н. Майковым в статье „Из сношений Пушкина с Н. Н. Раевским“ в книге „Историко-литературные очерки“, Спб., 1895, стр. 134—138; перепечатано в его же книге „Пушкин“, Спб., 1899, стр. 143—146.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 211—213).

170. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

12 мая 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357).

Впервые опубликовано в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 40 (по копии); перепечатано в „Русской Старине“, т. III, 1871, январь, стр. 113, и П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 381.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 215—216).

171. Л. С. Пушкину.

Первая половина мая 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 37—38 об.).

Впервые опубликовано: отрывки — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 111, 239 и 240; В. П. Гаевским, с цензур-

ными купюрами и без конца (кончая словами „Что за прелесть его небесная душа"), в статье „Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова" („Отечественные Записки", т. С, 1855, кн. 6, отд. III, стр. 67—68); полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, т. I, № 4, стб. 100—102.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 118—120).

172. К. Ф. Рылееву.

Вторая половина мая 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 185, № 450).

Впервые опубликовано: отрывки (от „Древний герб", кончая „на показание победы", и от „Вообще все они слабы", кончая „кроме имен") — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 90; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г." А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 77.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 174—175).

173. И. И. Козлов — Пушкину.

31 мая 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357). Посередине надорвано. Письмо продиктовано Козловым, за исключением последней фразы, написанной им самим.

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 95—96.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 220—221).

174. Анне Н. Вульф.

Март—май 1825 г. (?) Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 185, № 452).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в газете „День" от 29 января 1917 г., № 27.

В собрания писем Пушкина входит, начиная с издания под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 126).

175. А. А. Бестужеву.

Конец мая—начало июня 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 185, № 451).

Впервые опубликовано: отрывки — В. П. Гаевским в его статьях „Дельвиг", ст. 3 и 4, „Современник", т. XLIII, 1854, № 1, отд. III, стр. 17, и т. XLVII, № 9, отд. III, стр. 5—6 (от „Твой турнир", кончая „высказывай всё на-чисто" и от „У нас есть критика", кончая „Я буду за тебя говорить"), и П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 160—162 (от начала письма, кончая словами „Я буду за тебя говорить", и „Всё, что ты говоришь", кончая „необыкновенная живость"), с многочисленными цензурными купюрами и заменами; полностью (с неправильной разбивкой на два самостоятельных письма и с присоединением первой половины к другому письму к Бестужеву от 24 марта 1825 г.) — в „Полярной Звезде на 1861 г." А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 86—87 и 88—89.

В собрания сочинений Пушкина входит (по тексту „Полярной Звезды"), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 171—174). В четвертом издании под ред. П. А. Ефремова напечатано под тройной датой: первая половина попрежнему вместе с письмом от 24 марта, но с самостоятельной датой 21 марта; вторая половина, как и в предыдущих изданиях, под датой „конец апреля". Правильно, по подлиннику, впервые — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 225—228).

176. П. А. Вяземский — Пушкину.

7 июня 1825 г. Остафьево.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, л. 39).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1879, кн. II, № 8, стр. 473—474.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 228—229).

177. А. А. Дельвигу.

Первые числа (не позже 8) июня 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 185, № 453). Почтовый штемпель: „Опочка 1825 июня 8".

Упоминание об этом письме имеется в статье В. П. Гаевского „Дельвиг", ст. 1 („Современник", т. XXXVII, 1853, № 2, отд. III, стр. 77, сноска). Впервые опубликовано: отрывки с пропусками и незначительными неточностями — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 156, 157, 244; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г." А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 93—95 (с незначительными неточностями), и В. П. Гаевским в „Вестнике Европы", 1881, январь, стр. 7—8 (с пропуском восклицания „неблагодарные", относящегося к Романовым).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 134—136).

178. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

Первая половина июня 1825 г. Петербург.

Печатается по тексту первой публикации. Подлинник не сохранился.

Впервые опубликовано в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 36—37 (по копии); перепечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 381—382.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 231—232).

179. П. А. Вяземскому.

25 мая и около середины июня 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 12—13).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 146—149, где неправильно разделено на два письма № 23 и № 24. Так же и во всех изданиях писем до издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 217—219), где впервые дано в качестве одного письма, состоящего из двух, написанных в разное время, частей. В „Русском Архиве“ и во всех последующих публикациях вплоть до издания переписки под ред. В. И. Саитова пропущены две фразы (от слов: „Стихи Неелова прелесть“ до слов: „Статьи и стихов Шаликова не читал“).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 28—29).

180. Л. С. Пушкину.

Около середины июня 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, л. 13 об.).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 149. Везде, включая издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского, печаталось в составе предыдущего письма к Вяземскому, на обороте которого настоящая записка написана.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. I, 1882, стр. 29).

181. П. А. Вяземскому.

Начало июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 16—17).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 150—152 (с пропуском слов „на девок да“, восстановленных

впервые в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 234—236).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 30—31).

182. В. А. Жуковскому.

Начало июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 29, № 55).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 6, стб. 1177—1178.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 200).

183. П. А. Вяземскому.

13 июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131, лл. 18—19). Почтовый штемпель: „Опочка 1825 июля 20“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 153—155 (с пропуском слов „род онанизма журнального“, восстановленных впервые в переписке Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 236—237).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 31—32).

184. П. А. Плетнев — Пушкину.

18 июля 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 28, № 67). В начале письма, у даты, позднейшая помета Плетнева: „В Михайловское“.

Впервые опубликовано: отрывок — Я. К. Гротом в „Вестнике Европы“, 1881, март, стр. 15; полностью — им же в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 320.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 237—238).

185. П. А. Плетневу.

Около (не позднее) 19 июля 1825 г. Тригорское (?).

Печатается по копии П. И. Бартенева, хранящейся в *ГЛМ* (тетрадь Бартенева, стр. 139—140). Письмо, видимо, залежалось, ибо, по указанию Бартенева, на нем имелся почтовый штемпель: „Августа 5. 1825 г. Опочка“.

Впервые опубликовано, по идентичной копии, в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 102, и Я. Гротом в „Вестнике Европы“, 1881, март, стр. 11. Публикация „Полярной Звезды“ содержит ряд ошибок и неточностей, сохранившихся во всех последующих публикациях, включая издание писем под ред. Б. Л. Модзалевского, и не вполне устраненных в новейшей публикации М. А. Цявловского „Из Пушкинианы П. И. Бартенева“ („Летописи Государственного Литературного Музея. Кн. 1. Пушкин“, 1936, стр. 499).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 282).

186. Анне Н. Вульф.

21 июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 186, № 455).

Впервые опубликовано: отрывок (от „Tout Trigorsky chante“ до постскриптума) — в „Воспоминаниях о Пушкине“ А. П. Керн, напечатанных П. В. Анненковым („Библиотека для Чтения“, т. 154, 1859, март, стр. 119—120); полностью — П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXVI, 1879, октябрь, стр. 326—328.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 243—244; перевод, стр. 245—246).

187. А. А. Дельвигу.

23 июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 186, № 456).

Впервые опубликовано: отрывки (от „Чем более читаю Тацита“, кончая „умов древности“, от „Некто Вибий“, кончая „ума светлого и человеческого“, и от „Если брат <вместо: он> захочет“, кончая „похлопочу с Плетневым“) — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 170, 171 и 244; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 95—96, и В. Гаевским в „Вестнике Европы“, 1881, январь, стр. 9—10.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 136—137).

188. А. П. Керн.

25 июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 186, № 457).

Впервые опубликовано (без последней фразы) в „Воспоминаниях о Пушкине“ А. П. Керн („Библиотека для Чтения“, т. 154, 1859, март, стр. 120—122);

полностью (в подлиннике и в переводе) — П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXVI, 1879, ноябрь, стр. 505—506.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 247—248; перевод, стр. 248—249).

189. П. А. Осиповой.

25 июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 30, № 56). На подлиннике помета рукою П. А. Осиповой: „1825 *année*“.

Впервые опубликовано: во французском подлиннике, без первой фразы, — М. И. Семевским в статье „Прогулка в Тригорское“ („С.-Петербургские Ведомости“, 1866, № 146, стр. 2); полностью, во французском подлиннике и в переводе — им же в „Русском Архиве“, 1867, стб. 121—122.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 208—209; перевод, стр. 209).

190. Л. С. Пушкину.

28 июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 54—55 об.).

Впервые опубликовано: П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 244—245 (без последней фразы и с неточностями); полностью — С. А. Соболевским в „Библиографических Записках“, 1858, т. I, № 4, стб. 111—112.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 122—123).

191. И. Ф. Мойеру.

29 июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 30, № 57). Почтовый штемпель: „Опочка 1825 июля 30“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 6, стб. 1172.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 201).

192. П. А. Осиповой.

29 июля 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 30, № 58). На подлиннике помета рукою П. А. Осиповой: „1825“.

Впервые опубликовано: во французском подлиннике (без первых двух фраз) М. И. Семевским в статье „Прогулка в Тригорское“ („С.-Петербургские

Ведомости", 1866, № 146, стр. 2); полностью, во французском подлиннике и в переводе — им же в „Русском Архиве", 1867, стб. 122—124.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 209—210; перевод, стр. 210—211).

193 и 193а. Н. Н. Раевскому-сыну.

Вторая половина июля (после 19) 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 112, № 287).

Впервые опубликовано: отрывки — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 135—136 и 444—445 (вторая половина письма от „La vraisemblance de situations") и в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху" („Вестник Европы", 1874, февраль, стр. 532—533; отд. изд. 1874 г., стр. 293—294, — несколько отрывков, частью по-русски, частью по-французски); полностью (с пропуском некоторых зачеркнутых слов) — В. П. Гаевским в „Вестнике Европы", 1881, февраль, стр. 645—646. Полнее всего — в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, 1926, стр. 147—148.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 269—271; перевод, стр. 271—273).

194. П. А. Осиповой.

1 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 187, № 458).

Впервые опубликовано во французском подлиннике и в переводе М. И. Семевским в „Русском Архиве", 1867, стб. 125.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 211).

195. Н. А. Полевому.

2 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по копии П. И. Бартенева (сделана с подлинника, который был у С. Д. Полторацкого и местонахождение которого в настоящее время неизвестно), хранящейся в *ГЛМ* (тетрадь Бартенева, стр. 182—181). Почтовый штемпель: „Опочка, 1825. Авг. 3". Помета Полевого: „пол.‹учено› 15-го августа 1825 г."

Впервые опубликовано в „Северной Пчеле", 1846, № 19, стр. 73, и в „Иллюстрации", 1846, т. II, № 9, стр. 131 (без адреса, так же и во всех последующих изданиях, включая издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского; впервые приведен М. А. Цявловским, „Летописи Государственного Литературного Музея. Кн. 1. Пушкин", 1936, стр. 503).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 268)

196. П. А. Вяземский — Пушкину.

4 августа 1825 г. Ревель.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, лл. 37—38).

Впервые опубликовано: неполно — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, № 8, стр. 475—476; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 251—255).

197. П. А. Плетнев — Пушкину.

5 августа 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 9—10). После даты позднейшие пометы Плетнева: „В Михайловское“ и „5“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 321—323.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 255—257).

198. П. А. Осиновой.

8 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 30, № 59).

Впервые опубликовано: во французском подлиннике М. И. Семевским в статье „Прогулка в Тригорское“ („С.-Петербургские Ведомости“, 1866, № 146, стр. 2); во французском подлиннике и в переводе — им же в „Русском Архиве“, 1867, стб. 125—127.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 211—212).

199. В. А. Жуковский — Пушкину.

9 августа 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 27). Почтовый штемпель: „С.-Петербург. 1825. Авг. 9“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1889, кн. III, № 9, стр. 116.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 258).

200. П. А. Вяземскому.

10 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 20—21).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стр. 155—156 (с заменой слова, неудобного в печати, словом „насморк“ — так же и во всех последующих изданиях, вплоть до издания переписки под ред. В. И. Саитова).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 33).

201. П. А. Осиповой.

11 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 30, № 60).

Впервые опубликовано: во французском подлиннике — М. И. Семевским в статье „Прогулка в Тригорское“ („С.-Петербургские Ведомости“, 1866, № 146, стр. 2); во французском подлиннике и в переводе — им же в „Русском Архиве“, 1867, стб. 127—128.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 213—214).

202. В. И. Туманскому.

13 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* („Рукописи Пушкина“ I, 1929, стр. 31, № 61).

Впервые опубликовано Г. А. Милорадовичем в „Черниговских Губернских Ведомостях“, 1890, № 27, стр. 3 (и отд. отт. Чернигов, 1890); перепечатано в „Русской Старине“, т. LXVII, 1890, август, стр. 380—381 и в „Русском Архиве“, 1890, кн. III, вып. 9, стр. 95—96.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 206—207).

203. А. П. Керн.

13 и 14 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по копии, снятой с подлинника, находившегося у М. И. Семевского, и хранящейся в *ПД* (ф. 244, оп. 7, № 21, лл. 1—2); местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано в „Воспоминаниях о Пушкине“ А. П. Керн („Библиотека для Чтения“, т. 154, 1859, март, стр. 135—136 и 141—142); перепечатано П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXVI, 1879, ноябрь, стр. 506—508 — подлинник, стр. 508—509 — перевод.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А Ефремова (т. VII, 1882, стр. 249—253).

204. О. С. Пушкиной.

10—15 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по публикации Б. Л. Модзалевского.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в „Известиях Академии Наук СССР“, 1927, № 1—2, стр. 154—155, по подлиннику, как указывает Б. Л. Модзалевский, найденному им в декабре 1926 г. „среди автографов Пушкина из Остафьевского архива (ныне в Центрархиве)“, „в Москве, в отделении Культуры и быта“. Однако ни в *ГАФКЭ*, ни в Центральном Архивном Управлении никаких сведений об этом подлиннике получить не удалось, и местонахождение его в настоящее время неизвестно.

Вошло в издание писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, дополнение к т. I, стр. 125).

205. П. А. Вяземскому.

14 и 15 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 22—24).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 157—160.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 34—36).

206. В. А. Жуковскому.

17 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 31, № 62). Почтовый штемпель: „Опочка 1825 Авг. 20“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 6, стб. 1173—1174.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 201—202).

207. А. П. Керн.

21 (?) августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 187, № 459).

Впервые опубликовано в „Воспоминаниях о Пушкине“ А. П. Керн („Библиотека для Чтения“, т. 154, 1859, март, стр. 136—137; перевод, стр. 142—144); перепечатано П. А. Ефремовым (подлинник и перевод) в „Русской Старине“, т. XXVI, 1879, ноябрь, стр. 515—517.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 262—264).

208. А. П. Керн.

28 августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 187, № 460—461). К письму, непосредственно обращенному к П. А. Керн, было приложено другое, отдельно запечатанное, письмо, якобы обращенное к П. А. Осиповой, которое Пушкин и просил передать по назначению. Однако на самом деле „письмо к Осиповой“ было предназначено для той же А. П. Керн и таким образом является неотъемлемой частью письма к этой последней. См. прямое заявление об этом Пушкина в следующем же письме к Керн от 22 сентября 1825 г.: „Au nom du ciel n'envoyez pas à M^{d} Os. la lettre que vous avez trouvée dans votre paquet. Ne voyez-vous pas qu'elle était écrite uniquement pour votre édification particulière?“

Впервые опубликовано в „Воспоминаниях о Пушкине“ А. П. Керн („Библиотека для Чтения“, т. 154, 1859, март, стр. 131—134; перевод, стр. 137—140; перепечатано П. А. Ефремовым (подлинник и перевод) в „Русской Старине“, т. XXVI, 1879, ноябрь, стр. 511—513; между стр. 510—511 воспроизведена часть письма, обращенная непосредственно к А. П. Керн.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 253—259), где письмо к Осиповой правильно дано в составе письма к Керн. Однако в ряде последующих изданий, в том числе переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I. 1906, стр. 271—272) и писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 157—158), письмо к Осиповой выделено в качестве самостоятельного письма.

209. П. А. Плетнев — Пушкину.

29 августа 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 11—12). Под датой позднейшие пометы Плетнева: „В Михайловское“ и „6“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом: отрывки — в „Вестнике Европы“, 1881, № 3, стр. 8; полностью — в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 323—327.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 272—276).

210 и 210а. К. Ф. Рылееву.

Вторая половина июня—август 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 186, № 454).

Впервые опубликовано: в сводке и с небольшими пропусками, частью цензурного характера, П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 504; отд. изд

1874 г., стр. 249—250); полностью — в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 138).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 178—179). В первом издании под ред. П. О. Морозова письмо отнесено не к Рылееву, а к А. А. Бестужеву (т. VII, 1887, стр. 170—171); однако во втором издании сам редактор отказался от этого (т. VIII, стр. 108—109).

211. Алексею Н. Вульфу.

Конец августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 31, № 63). Позднейшая помета Вульфа: „сентябрь 825".

Впервые опубликовано М. И. Семевским в статье „Прогулка в Тригорское" („С.-Петербургские Ведомости", 1866, № 146, стр. 2, и № 157, стр. 1, — два непоследовательно расположенных куска, составляющих в общем целое письмо); полностью — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1867, стб. 155—156.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 238—239).

212. П. А. Вяземский — Пушкину.

28 августа и 6 сентября 1825 г. Царское Село.

Печатается по копии Б. Л. Модзалевского (в рукописи набора переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, *ПД*, т. I, стр. 439—449) с подлинника, находившегося у П. И. Бартенева; местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано: бо̀льшая часть письма, кончая словами „Карамзин очень доволен твоими трагическими занятиями", — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 161—174; остальная часть — им же в „Русском Архиве", 1900, кн. 1, № 3, стр. 404.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 276—283).

213. П. А. Катенину.

Первая половина (не позднее 14) сентября 1825 г.

Печатается по явно неполному тексту „Материалов для биографии А. С. Пушкина". Почтовый штемпель: „Опочка 1825, Сентября 14". Подлинник не сохранился.

Впервые опубликовано (очевидно, с пропусками цензурного характера на местах многоточий) П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 59—60.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания иод ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 156—157).

214. П. А. Вяземскому.

13 и 15 сентября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 27—29).

Впервые опубликовано: вторая часть письма (от 15 сентября) — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 419; полностью — Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 287—290).

Вторая часть письма входит в собрание сочинений Пушкина со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 36).

215 и 215а. Александру I.

Начало июля—сентябрь (до 22) 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2370, лл. 69 об. — 70). Было ли перебелено письмо — неизвестно; однако с уверенностью можно сказать, что оно не было отправлено.

Впервые опубликовано: в сводке и в переводе на русский язык — П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1873, декабрь, стр. 487; отд. изд. 1874 г., стр. 142—143); во французском подлиннике — В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLIII, 1884, июль, стр. 33—34, и П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1884, кн. III, стр. 193; перевод, стр. 194.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 196—197), где помещено среди писем к Жуковскому, в качестве „проекта прошения государю“ (т. VII, 1882, стр. 196—197). Начиная с первого издания под ред. П. О. Морозова и четвертого издания под ред. П. А. Ефремова и включительно до издания переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 222—224), дается в качестве первоначального наброска или первой редакции чернового письма-прошения Александру I, посланного Пушкиным при письме к Жуковскому от 20-х чисел апреля 1825 г. Однако М. А. Цявловский справедливо указал, что это два совершенно самостоятельных письма, написанных через довольно продолжительный промежуток времени друг от друга („Тоска по чужбине у Пушкина“. „Голос Минувшего“, 1916, № 1, стр. 51—53); соответственно этому оно и напечатано в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. 168—169).

216. А. П. Керн.

22 сентября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 187, № 462).

Впервые опубликовано в „Воспоминаниях о Пушкине“ А. П. Керн („Библиотека для Чтения“, т. 154, 1859, март, стр. 134—135; перевод, стр. 140—141);

ватем — П. А. Ефремовым (подлинник и перевод) в „Русской Старине“, т. XXVI, 1879, ноябрь, стр. 513—515.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. XII, 1882, стр. 259—261).

217. В. А. Жуковский — Пушкину.

Вторая половина (не позднее 23) сентября 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 27). Почтовый штемпель: „С. Петербург, 1825, сен. 23“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1889, кн. III, № 9, стр. 117.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 291—292).

218. П. А. Вяземскому.

Вторая половина (не позднее 24) сентября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлинникам, хранящимся: письмо — в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 51—52); приписка — в Ленинградской Центральной Музыкальной Библиотеке.

Около адреса надпись рукою П. А. Вяземского, повидимому, о времени получения им письма: „в понедельник новое Пушкинское <- - - - ->“. Почтовый штемпель: „Опочка 1825 Сент. 24“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 423—425. К письму были приложены записанные кем-то по просьбе Пушкина ноты песни „Старый муж, грозный муж“, с припиской на обороте их, впервые опубликованной и воспроизведенной А. Глумовым в статье „Пушкин, Верстовский и Вяземский“ в журнале „Советская Музыка“, 1934, № 1, стр. 71 и 73—74. Над нотами надпись В. П. Погожева, которому принадлежал подлинник приписки: „Ноты, получены от А. С. Пушкина. Слова на обороте написаны им самим, а слова под нотами А. Н. Верстовским“. „Слова под нотами“ — первые 4 стиха песни Земфиры. Песня с нотами была опубликована Н. А. Полевым в „Московском Телеграфе“, 1825, ч. VI, № XXI, ноябрь, стр. 69.

В собрания писем Пушкина входит: без приписки, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 39—40); с припиской — впервые в настоящем издании.

219. П. А. Плетнев — Пушкину.

26 сентября 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 254, № 712). В начале письма позднейшая помета Плетнева: „В Михайловское“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом: отрывки — в „Вестнике Европы“, 1881, № 3, стр. 8—9; полностью — в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 327—332.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 293—298).

220. В. А. Жуковскому.

6 октября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 31, № 64).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 6, стб. 1174—1175.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 202—204).

221. А. Н. Вульфу.

10 октября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 31—32, № 65). Почтовый штемпель: „Опочка, 1825, окт. 12“.

Впервые опубликовано (двумя отрывками, в общем составляющими целое письмо, но с опущением стихов) М. И. Семевским в статье „Прогулка в Тригорское“ („С.-Петербургские Ведомости“, 1866, № 146, стр. 2, и № 157, стр. 1); перепечатано в „Русском Архиве“, 1867, стб. 156, с пропуском 4-й строчки стихов, частично восстановленной в издании 1882 г. П. А. Ефремовым.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 239—240)

222. П. А. Вяземский — Пушкину.

16 и 18 октября 1825 г. Остафьево—Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, л. 2).

Впервые опубликовано: неполно (от слов „Я получил твое письмо“ до конца, с купюрами) — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, № 8, стр. 476—477; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 304—305.

223. П. А. Вяземскому.

Около 7 ноября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 25—26).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 419—421 (полностью, но с неправильным расположением частей, — начинается словами: „Поздравляю тебя...“, первая часть письма помещена

в конце, — и с рядом пропусков и переделок текста, вызванных стремлением смягчить его, напр., вместо „гр. Орлов дурак“ — „гр. Орлов забавен“).

В собрания сочинений Пушкина входит (по тексту „Русского Архива“), начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 36—38); по подлиннику, с правильным расположением частей, дано впервые в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 300—302).

224. А. А. Дельвигу.

Октябрь—первая половина ноября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 133/155). На письме помета рукою П. А. Вяземского: „Пушкина должно быть к Дельвигу, который женился на Салтыковой“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стр. 450, с неточным чтением последнего стиха, исправленным в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 299—300).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 137—138).

225. К. Ф. Рылеев — Пушкину.

Около 20 ноября 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357).

Впервые опубликовано в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 35 (по копии); перепечатано П. И. Бартеневым в сборнике „Девятнадцатый Век“, кн. I, 1872, стр. 376—377.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 298—299).

226. П. А. Катенин — Пушкину.

24 ноября 1825 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 146—147, и в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 58—59.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 306—307).

227. П. А. Вяземскому.

Вторая половина ноября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 49—50).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 421—423.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 38—39).

228. А. А. Бестужеву.

30 ноября 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 188, № 463). Почтовый штемпель: „Опочка 18‹25› дек. 3“.

Впервые опубликовано: отрывки — В. П. Гаевским в статье „Дельвиг“, ст. 4 („Современник“, т. XLVII, 1854, № 9, отд. III, стр. 13); П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 86 (от „Надоела мне печать“, кончая словами „всё не то“) и В. П. Гаевским в статье „Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова“ („Отечественные Записки“, 1855, т. С, кн. 6, отд. III, стр. 64); с пропусками — в „Русском Слове“, 1861, кн. II, февраль, отд. III, смесь, стр. 27—28; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 г.“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861 г., стр. 84—85, и П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXXIII, 1882, февраль, стр. 463—464 (по копии).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 177—178.)

229. П. А. Вяземскому.

Конец ноября—начало (не позднее 3) декабря 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 6—7). Почтовый штемпель: „Опочка 1825. 3 Дек.“

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым, с перечнем стихов, посылаемых в письме, но без текста их, в „Русском Архиве“, 1871, кн. I, стб. 425; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 310–311).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 40—41).

230. П. А. Катенину.

4 декабря 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 188, № 464). Почтовый штемпель: „Опочка 1825 Дек. 7“.

Впервые опубликовано: отрывки (от начала, кончая словами „любишь меня по старому“, и от „Как бы хорошо“ до конца) — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 60—61; полностью —

во „Всемирном Труде“, 1868, № 5, май, стр. 31—32. Воспроизведено в „Истории русской словесности“ П. Н. Полевого, т. III, СПб., 1900, между стр. 80 и 81.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 157—158).

231. В. К. Кюхельбекеру.

1—6 декабря 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 32, № 66). До адресата, в связи с декабрьскими событиями, не дошло и сохранилось в бумагах Жуковского.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, стб. 1180—1182.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 280—281).

232. П. А. Плетневу.

4—6 декабря 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 32, № 67). Почтовый штемпель: „Оночка 1825 Дек. 6<?>“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, стб. 1182—1183.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 283—284).

233. Пушкин и Анна Н. Вульф — А. П. Керн.

8 декабря 1825 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 188, № 465).

Впервые опубликовано в „Воспоминаниях о Пушкине“ А. П. Керн („Библиотека для Чтения“, т. 154, 1859, март, стр. 122—123); перепечатано П. А. Ефремовым (подлинник и перевод) в „Русской Старине“, т. XXVI, 1879, стр. 517—519.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 266).

234. А. А. Дельвигу.

Середина декабря 1824 г.—первая половина декабря 1825 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 97, № 249).

Литературная часть письма впервые опубликована в „Северных Цветах на 1826 г.“, стр. 101—106, как „Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.“ (от слов „Из Азии переехали мы в Европу“, кончая словами „что подвластно ему“;

стихотворение „К чему холодные сомненья“ — полностью). При жизни Пушкина перепечатывалось трижды: в приложении к третьему изданию „Бахчисарайского Фонтана“ (Спб., 1830, стр. 41—46), в собрании „Поэм и повестей Александра Пушкина“ (Спб., 1835, ч. I, стр. 230—232) (с пропуском стихов и без заключительного абзаца) и в „Российской христоматии или отборных сочинениях отечественных писателей в прозе и стихах“, изданной И. С. Пенинским (ч. I, Спб., 1833, стр. 294—297); включено в сборник „Отрывки из прозаических сочинений лучших российских писателей для постепенных занятий переводами с русского языка на французский и немецкий“ И. Берара и И. Журдана (изд. 3, Спб., 1840, стр. 52—54). В первом посмертном издании сочинений Пушкина помещено в качестве приложения к „Бахчисарайскому Фонтану“ (т. II, Спб., 1838, стр. 188—190). Начиная со второго издания под ред П. А. Ефремова, помещается среди писем Пушкина. Во втором издании под ред. П. А. Ефремова дан контаминированный текст автографа *ПД* и публикации „Северных Цветов“ (стр. 131—134), повторяемый последующими изданиями. В издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова даны две рукописные редакции (письмо и черновик его „литературной“ части); в издании писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского напечатаны три редакции письма, причем за основную принята редакция „Северных Цветов“. Весь стиль „письма“, за исключением последних строк, свидетельствует о том, что это не интимное письмо, а чисто литературное произведение, написанное с заведомой целью отдать его в печать. Текст „Северных Цветов“ см. в приложении к „Бахчисарайскому Фонтану“ (т. IV наст. изд.) и в томе художественной прозы (т. VIII), где и черновик литературной части письма.

235. Е. А. Баратынский — Пушкину.

Первая половина декабря 1825 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 9).

Впервые опубликовано в „Сочинениях Е. А. Баратынского“, М., 1869, стр. 419—421.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 308—310).

236. Е. А. Баратынский — Пушкину.

5—20 января 1826 г. Москва.

Печатается по экземпляру „Сочинений Е. А. Баратынского“, изд. 4, Казань, 1884, стр. 504—505, принадлежавшему Нестору Котляревскому и хранящемуся ныне в библиотеке *ПД*. На экземпляр этот нанесены карандашом поправки, судя по их характеру, по подлиннику, местонахождение которого в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано в „Сочинениях Е. А. Баратынского“, М., 1869, стр. 418—419.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 316—317).

237. П. А. Плетнев — Пушкину.

21 января 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 15—16). На первой странице позднейшие пометы Плетнева: „в Михайлозское“ и „8“.

Впервые опубликовано: отрывки — Я. К. Гротом в „Вестнике Европы“, 1881, март, стр. 5, 7, 9; полностью — им же в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 333—335.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 319—321).

238. П. А. Плетневу.

Вторая половина (не позднее 25) января 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 32, № 69). Почтовый штемпель: „Опочка. 1826. Генв. 25“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 7, стб. 1366—1367.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 284).

239. А. А. Дельвигу.

20-е числа января 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 188, № 466).

Впервые опубликовано в „Полярной Звезде на 1861 год“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 96; затем П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 544—545; отд. изд. 1874 г., стр. 312).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 138—139).

240. В. А. Жуковскому.

20-е числа января 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 32, № 68).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 6, стб. 1176—1177.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 204—205).

241. П. А. Катенин — Пушкину.

3 февраля 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 148—149, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 60—61.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 322—323).

242. А. А. Дельвигу.

Начало февраля 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 189, № 467).

Впервые опубликовано в „Полярной Звезде на 1861 год“, А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 96—97, затем П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 545—546; отд. изд. 1874 г., стр. 313—314) — без приписки и адреса.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 139—140).

243. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Начало февраля 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 503—504.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 323—324).

244. П. А. Плетнев — Пушкину.

6 февраля 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 17—18). Подле даты позднейшие пометы Плетнева: „в Михайловское“ и „9“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом (отрывок от „Ты отказываешься“, кончая „Ужели не допрошусь я“, и фразы, относящиеся к Карамзину и Гнедичу) в „Вестнике Европы“, 1880, март, стр. 9—10; полностью — им же в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 336.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 324—325).

245. П. А. Катенину.

Первая половина февраля 1826 г. Михайловское.

Печатается по тексту первой публикации. Подлинник до нас не дошел.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 61.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 158—159).

246. А. А. Дельвигу.

20 февраля 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина хранящиеся в Пушкинском Доме". 1937, стр. 189, № 468).

Впервые опубликовано: в отрывке (от „Пр. Ал. уехала в Тверь", кончая „Жду Цветов" <у Анненкова ошибка: „Жду ответа">) — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 163—164, полностью — в „Полярной Звезде на 1861 год" А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 97—98, и затем В. П. Гаевским в „Вестнике Европы", 1881, январь, стр. 12—13.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 140—141).

247. П. А. Осиповой.

20 февраля 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина", I, 1929, стр. 32, № 70).

Впервые опубликовано М. И. Семевским в статье „Прогулка в Тригорское", „С.-Петербургские Ведомости", 1866, № 157, стр. 1 (кончая словами: „déjà à vous attendre"), полностью — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1867, № 1, стб. 128.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 214).

248. П. А. Плетнев — Пушкину.

27 февраля 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 19—20). Подле даты позднейшие пометы Плетнева: „в Михайловское" и „10".

Впервые опубликовано: в отрывках (от „Стихотворений Александра Пушкина", кончая „на наличные деньги", и от „В твоей воле", кончая „в его квартире") — Я. К. Гротом в „Вестнике Европы", 1881, март, стр. 6; полностью — им же в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева", т. III, 1885, стр. 337—339.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 329—330).

249. П. А. Плетневу.

3 марта 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику (из библиотеки Зимнего Дворца, собрание А. Б. Лобанова-Ростовского), хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 1/с, оп. 1, № 1470). Почтовый штемпель: „Опочка 1826 мар. 4“. Сбоку помета Плетнева: „Получено мною в 1826 году от барона Дельвига“.

Впервые опубликовано, по сообщению Н. К. Мавроди, в альманахе „Русская Правда на 1860 год“, Киев, 1860, стр. 65—66.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 284—285).

250. В. А. Жуковскому.

7 марта 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 33, № 71).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1870, № 6, стб. 1179.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 205—206).

251. П. А. Плетневу.

7 (?) марта 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, стр. 189, № 469).

Впервые опубликовано: в отрывке (от „знаешь ли?“, кончая „Жду ответа“) и с неверным отнесением к А. А. Дельвигу — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 130; полностью — в „Полярной Звезде на 1861 год“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, 1861, стр. 93, и затем В. П. Гаевским в „Вестнике Европы“, 1881, январь, стр. 13—14. Что адресатом письма является Плетнев, доказано Я. К. Гротом („Вестник Европы“, 1881, март, стр. 5—8).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 285—286).

252. Анна Н. Вульф — Пушкину.

Конец февраля—8 марта 1826 г. Малинники.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 16).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 331—334.

253. И. Е. Великопольскому.

Около (не позднее) 11 марта 1826 г. Михайловское.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. По описанию П. И. Бартенева, на подлиннике был почтовый штемпель: „Опочка 1826 марта 11“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1884, кн. I, стр. 468, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 136.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 248) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 178).

254. П. А. Катенин — Пушкину.

14 марта 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881 кн. I, стр. 149—150, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги Пушкина“, 1881, стр. 61—62.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 336—337).

255. Анна Н. Вульф — Пушкину.

Вторая половина марта 1826 г. Малинники.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 16).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 338.

256. А. А. Дельвиг — Пушкину.

7 апреля 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 503.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 339).

257. В. А. Жуковский — Пушкину.

12 апреля 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 27).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1889, кн. III, стр. 118.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 340).

258. П. А. Плетнев — Пушкину.

14 апреля 1826 г.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 21—22). Подле даты позднейшие пометы Плетнева: „в Михайловское“ и „11“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 341—342.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 341—342).

259. Анна Н. Вульф — Пушкину.

20 апреля 1826 г. Малинники.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 16).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 342—344.

260. П. А. Вяземскому.

Конец апреля—начало мая 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/153, лл. 14—15). На подлиннике помета П. А. Вяземского: „не печатать“, сделанная им при публикации писем к нему Пушкина в „Русском Архиве“ в 1874 г.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 345.

261. А. Н. Вульфу.

7 мая 1826 г. Псков или Остров.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 33, № 72). После даты помета Вульфа: „826 год“. Почтовый штемпель: „<. . .>ов 1826 май 7“.

Впервые опубликовано (с некоторыми сокращениями и зашифровкой имен) М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“, 1866, № 157, стр. 2, затем (полностью, но с ошибками и заменой имен инициалами) — П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1867, стб. 156—157.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 240).

262. П. А. Вяземский — Пушкину.

10 мая 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, лл. 20—21).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 477—478 (отрывок от „Ты жалуешься на мое молчание“, кончая „проститься с Карамзиными“); полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 346—347.

263. П. А. Катенин — Пушкину.

11 мая 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 150—151, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 62—63.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 348—349).

264. В. В. Измайлов — Пушкину.

19 мая 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 462—463, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 29—30.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 350—351).

265. П. А. Вяземскому.

Вторая половина (не позднее 24) мая 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 53—54). Почтовый штемпель: „Опочка 1826 май 24“. Д. П. Якубович предложил другое чтение зачеркнутой строки: „И поэт ‹*нрзб.*› для меня награда“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 425—427.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 41).

266. П. А. Вяземскому.

27 мая 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 4—5).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. 1, стб. 427—429.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 42—43).

267. Анна Н. Вульф — Пушкину.

2 июня 1826 г. Малинники.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 224, оп. 2, № 16).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 352—354.

268. И. Е. Великопольскому.

3 июня 1826 г. Преображенское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 189, № 470).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1884, кн. I, стр. 468, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 136—137.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 248—249) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 181).

269. П. А. Катенин — Пушкину.

6 июня 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 151—152, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 63—64.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 355—356).

270. Николаю I.

11 мая—первая половина июня 1826 г. Михайловское—Псков.

Печатается по копии П. В. Анненкова, хранящейся в *ПД*. Подлинник не сохранился. Приложенное к прошению врачебное свидетельство написано на листе гербовой бумаги ценою три рубля.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 547; отд. изд. 1874 г., стр. 315—316). Свидетельство дано Анненковым в пересказе (стр. 316—317); полностью оно опубликовано в посмертном сборнике статей Б. Л. Модзалевского „Пушкин“, Л., 1929, стр. 347—348.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 206—207). Врачебное свидетельство дается при письме впервые.

271. П. А. Вяземский и А. А. Дельвиг — Пушкину.

12 июня и вторая половина июня 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, лл. 30—31). Написано на бумаге с черной траурной каймой.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 478—479.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 356—357).

272. П. А. Вяземскому.

10 июля 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 55—56).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 429—433.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 43—44).

273. П. А. Вяземский и О. С. Пушкина — Пушкину.

31 июля 1826 г. Ревель.

Печатается: частично по подлиннику, хранящемуся в *ГЛМ* (№ 4651/1 и 4651/2) — половинки двух листков, заключающие в себе следующие части письма: стихи — строфы 1—3 без последней строки и 7—9, прозаическая часть от „на Парнассе“ до слов „получили мы письмо от Жуковского“ и приписка О. С. Пушкиной — от начала до слов „que je suis toute contente“ и от „Si Annette Woulf“ до конца (остальная часть подлинника, находившегося у П. И. Бартенева, утрачена); частично по тексту первой публикации.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. 1, 1906, стр. 350—363.

274. П. А. Вяземскому.

14 августа 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 57—58). Почтовый штемпель: „Опочка 1826 Авг. 17“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 431.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 44—45).

275. Н. М. Языков — Пушкину.

19 августа 1826 г. Дерпт.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (бумаги А. А. Краевского, б. № 35). При тексте стихов помета цензора: „Может быть допущено разве с переменами отмеченных мест“. Места эти отмечены на полях знаком NB. Сверху тут же нанесены исправления. В строке „Святее царской головы“ надписано над „царской“ карандашом „папской“, затем вся строка вовсе зачеркнута. В строке „Пророк изящного! забуду ль“ „Пророк“ исправлено на „Певец“. В строках: „Зовем свободу в нашу Русь, И я на вече, я на небе“ „свободу“ исправлено на „искусство“ и вместо „я на вече, я на небе“ — „я на тридесятом небе“. Строка „И славой прадедов горжусь“, отмеченная цензорским вопросительным знаком, оставлена без перемены. Наконец, отмечено NB

и вопросительным знаком четыре стиха, начиная от „И простодушная Москва“. Вместо „простодушная“ надписано сперва „древняя“, затем „добрая“. Знак сноски ошибочно поставлен Языковым строкой выше, чем следует; исправляем это.

Впервые опубликовано И. А. Бычковым в „Русской Старине“, т. CXIII, 1903, март, стр. 483—484; стихотворение „К Пушкину“ („О ты, чья дружба мне дороже“) было прежде того напечатано М. И. Семевским в „Русском Архиве, 1867, стб. 722—723.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 365—366, причем в качестве основного текста дан текст, позднее исправленный по цензурным соображениям).

276. Б. А. фон-Адеркас — Пушкину.

3 сентября 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357). Писано писарским почерком; рукой Адеркаса — только подпись от „покорнейший слуга“; им же подписана копия от „верно“.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 552 и 551; отд. изд. 1874 г., стр. 323 и 321). Приложение (копия отношения И. И. Дибича) точнее напечатано В. Брюсовым („Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 32).

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 368); приложение в этом издании опущено.

277. П. А. Осиповой.

4 сентября 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, стр. 190, № 471).

Впервые опубликовано М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“, 1866, № 163, стр. 1 (в переводе) и затем П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1867, № 1, стб. 129 (в оригинале).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 214—215).

278. Анна Н. Вульф — Пушкину.

11 сентября 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 16).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 369—370.

279. А. А. Дельвиг — Пушкину.

15 сентября 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 504—505.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 371—372).

280. П. А. Осиповой.

16 сентября 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 190, № 472).

Впервые опубликовано М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“, 1866, № 163, стр. 1—2 (в переводе) и затем П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1867, № 1, стб. 130—131 (в оригинале).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 215—216).

281. Анна Н. Вульф с припиской А. П. Керн — Пушкину.

15 сентября 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 16).

Впервые опубликовано (без выделения приписки А. П. Керн) в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 372—373.

282. В. В. Измайлов — Пушкину.

29 сентября 1826 г. Подмосковная.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. III, стр. 463—464, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 30—31.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 373—374).

283. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

30 сентября 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357; канцелярский „отпуск“ — в *ПД*, в деле III Отделения № 62: „О дозволении сочинителю Пушкину въезжать в столицу. Тут же об издаваемых им сочинениях и переписка с ним по разным предметам“ — ф. 244, оп. 16, № 10, л. 4). Текст письма писан рукой писца; рукою Бенкендорфа — только подпись от „ваш покорный“.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 555—556;

отд. изд. 1874 г., стр. 327—328), с пропуском, по недосмотру, нескольких слов; точнее — М. И. Семевским в „Русской Старине“, т. XCVIII, 1899, май, стр. 247—248, и В. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 34—35.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 374—375).

284. В. В. Измайлову.

9 октября 1826 г. Москва.

Печатается по копии Л. Н. Майкова (снятой с подлинника, принадлежавшего в 1891 г. В. С. Абакумову), хранящейся в *ПД* (в рукописи набора переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова). Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 376.

284а. Черновик письма 284.

Около 28 августа 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (тетрадь № 2367, л. 36 об.).

Впервые опубликовано, в неисправном и неполном чтении, В. Е. Якушкиным в „Русской Старине“, т. XLII, 1884, май, стр. 345—346. Введено в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 367, с предположительным отнесением к А. Н. Вульфу. На В. В. Измайлова, как на наиболее вероятного адресата, указано П. О. Морозовым (в собрании сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, 1915, стр. 552) и безоговорочно Б. Л. Модзалевским (Пушкин, „Письма“, т. II, 1928, стр. 189).

285. З. А. Волконская — Пушкину.

29 октября 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3557).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 427—428, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 148—149.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 376—377).

286. Н. С. Алексеев — Пушкину.

30 октября 1826 г. Кишинев.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 169—170, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 81—82.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 377—379).

287. В. А. Муханову.

9 сентября—октябрь 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику (из музея П. И. Щукина), хранящемуся в Гос. Историческом Музее в Москве.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 375, с неправильным отнесением к А. А. Муханову. Адресат установлен Б. Л. Модзалевским (Пушкин, „Письма“, т. II, 1928, стр. 187).

288. В. А. Муханову.

9 сентября—1 ноября 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику (из музея П. И. Щукина), хранящемуся в Гос. Историческом Музее в Москве.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 6, с неправильным отнесением к А. А. Муханову. Адресат установлен Б. Л. Модзалевским (Пушкин, „Письма“, т. II, 1928, стр. 187 и 189).

289. В. П. Зубкову (?).

1—2 ноября 1826 г. (?) Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 190, № 473).

Впервые опубликовано (с приложением воспроизведения) В. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 25, без определения адресата и даты. П. А. Ефремовым (в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 357) напечатано среди писем 1830 г. В издании переписки под ред. В. И. Саитова пропущено. Более вероятные адресат и дата указаны Б. Л. Модзалевским (Пушкин, „Письма“, т. II, 1928, стр. 192).

290. В. Ф. Вяземской.

3 ноября 1826 г. Торжок.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 130/151, лл. 1—2).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 379—380.

291. С. А. Соболевскому.

9 ноября 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 261, бумаги С. А. Соболевского, дело № 1, л. 112, № 397—398). Почтовый штемпель: „Опочка 1826 Нояб. 10“. Фраза: „На голос...“ и т. д. написана поперек листа, сбоку стихов.

Впервые опубликовано: в отрывке (от „Во-первых, запасись вином", кончая „Прощай, пиши") — М. Н. Лонгиновым в „Современнике", 1857, № 5, отд. V, стр. 73—74; полностью — Б. Л. Модзалевским в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 380—381.

Опубликованный Лонгиновым отрывок входит в собрания сочинений Пушкина, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 299—300).

292. П. А. Вяземскому.

9 ноября 1826 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 59—60).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1874, кн. I, стб. 432—434.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 45—46).

293. Н. М. Языкову.

9 ноября 1826 г. Михайловское.

Печатается по копии из бумаг П. В. Анненкова (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 37), с учетом другой копии, снятой с подлинника Д. Н. Садовниковым (*ПД*, ф. 244, оп. 7, № 38).

Впервые опубликовано: в отрывке (кончая словами „благоденственного и мирного жития") — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855, стр. 173; полностью — Д. Н. Садовниковым в „Историческом Вестнике", т. XVI, 1884, май, стр. 324, по ныне утраченному подлиннику.

В собрания сочинений Пушкина входит: отрывок, начиная со второго издания П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 293); все письмо — с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 250) и первого издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1887, стр. 188).

294. М. П. Погодин — Пушкину.

15 ноября 1826 г. Москва.

Печатается по снятой жандармами копии, хранившейся в архиве III Отделения, 1 эксп., № 104, дело „О Михайле *Погодине*, получившем дозволение издавать журнал под названием *Московский Вестник*. — Тут же упоминается о кн. Вяземском, Пушкине, Соболевском и других. 1826 года", л. 1: „Копия с письма М. Погодина из Москвы 15 ноября 1826-го года к Александру Сергеевичу Пушкину в Опочки" (ныне в Архиве Революции и внешней политики, в Москве). На копии помета И. И. Дибича: „для объяснений с А. Х. Бенкендорфом". Подлинник письма утрачен.

Впервые опубликовано, по сообщению П. Е. Щеголева, в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 384.

295. В. Ф. и П. А. Вяземские — Пушкину.

19 ноября 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, л. 22).

Впервые опубликовано: часть письма, написанная П. А. Вяземским, в „Русском Архиве“, 1871, кн. II, стр. 479; часть, написанная В. Ф. Вяземской, — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. I, 1906, стр. 384.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 384—385).

296. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

22 ноября 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357) (канцелярский „отпуск“ — в *ПД*, в деле III Отделения № 62, л. 6). Письмо писано рукой М. Я. Фон-Фока; рукой Бенкендорфа — только подпись от „покорный слуга“.

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXVII, 1880, январь, стр. 135. Исправнее — В. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 36.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 386).

297. М. П. Погодину.

29 ноября 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3515, л. 113). Почтовый штемпель: „Москва 1826. Дек. 3“.

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1842, т. V, кн. 10, стр. 456.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 301).

298. А. Х. Бенкендорфу.

29 ноября 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 190, № 474).

Впервые опубликовано: с незначительными сокращениями — М. М. Поповым в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 696; полностью — П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXVII, 1880, январь, стр. 137—138.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 379—380).

299. Н. С. Алексееву.

1 декабря 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 191, № 475).

Впервые опубликовано: с большими пропусками, составившими в общей сложности свыше трети письма, — П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 173; полностью, по копии Анненкова, — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 388—389).

По тексту публикации П. В. Анненкова входит в собрания сочинений Пушкина, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 296).

300. П. А. Вяземскому.

1 декабря 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 131/152, лл. 61—62). Почтовый штемпель: „Псков 1826 Дек. 3“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1874, кн. I, стб. 434—435.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 46—47).

301. В. П. Зубкову.

1 декабря 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 191, № 476).

Впервые опубликовано А. Ф. Кони в „Журнале для всех“, 1905, № 1, стр. 41 — 42, и им же в „Известиях Отделения Русского языка и Словесности Академии Наук“, т. X, 1905, кн. I, стр. 408—409 (к отдельным оттискам приложено факсимильное воспроизведение всего письма).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VIII, 1905, стр. 590—591).

302. С. А. Соболевскому.

1 декабря 1826 г. Псков.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 261, бумаги С. А. Соболевского, дело № 1, л. 115, № 403).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1878, кн. III, стр. 393.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 297—298).

303. А. X. Бенкендорф — Пушкину.

9 декабря 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357; канцелярский „отпуск“ — в *ПД*, в деле III Отделения № 62, л. 9). Письмо писано рукой М. Я. Фон-Фока; рукой Бенкендорфа — только подпись.

Впервые опубликовано: отрывок от „прошу вас“, кончая „вашего пера“, — М. М. Поповым в „Русской Старине“, т. X, 1874, стр. 696; полностью — П. А. Ефремовым в „Русской Старине“, т. XXVII, 1880, январь, стр. 138.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 392—393).

304. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

14 декабря 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357; канцелярский „отпуск“ — в *ПД*, в деле III Отделения № 62, л. 24). Письмо писано рукой М. Я. Фон-Фока; рукой Бенкендорфа — только подпись.

Впервые опубликовано М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике“, т. XV, 1884, январь, стр. 72—73 (без формул вежливости и последней фразы — „Мне крайне лестно“ и пр.); полнее и исправнее — В. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 39.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 393).

305. И. Е. Великопольскому.

Первая половина декабря 1826 г. Псков.

Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника, принадлежавшего в 1924—1928 гг. Т. М. Владимировой (Ленинград), в настоящее время неизвестно.

Впервые опубликовано (по подлиннику) Н. О. Лернером в журнале „Былое“, 1924, № 25, стр. 8. Перепечатано М. А. Цявловским в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 10—11.

В собрания писем Пушкина входит, начиная с издания под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 24—25).

306. Н. М. Языкову.

21 декабря 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 191, № 477).

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 174.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 294).

307. Неизвестной (?).

Декабрь (не позднее 22) 1826 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД*; текст набросан на оторванном клочке рукописи отрывка „Стансов“ — „В надежде славы и добра“

(см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 36, № 86, где было впервые опубликовано).

В собрание сочинений Пушкина вводится в настоящем издании впервые.

308. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

23 декабря 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357; канцелярский „отпуск“ — в *ПД*, в деле III Отделения № 62, л. 33). Текст письма писан рукой М. Я. Фон-Фока; рукой Бенкендорфа — только подпись, от „покорнейшей слуга“. В канцелярском „отпуске“ *(ПД)* первоначально было: вместо „правило опасное для общего спокойствия“ — „правило ложное в глазах правительства“ и вместо „много полезных истин“ — „много убедительных истин“. Исправлено, по карандашу Бенкендорфа, рукой Фон-Фока.

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в работе „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху“ („Вестник Европы“, 1874, февраль, стр. 556; отд. изд. 1874 г., стр. 329); исправнее — В. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 41.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т I, 1906, стр. 394).

309. П. А. Плетнев — Пушкину.

2 января 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 23—24). Подле даты позднейшие пометы Плетнева: „в Москву“ и „12“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 342—343.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 1—2).

310. А. Х. Бенкендорфу.

3 января 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 191, № 478).

Впервые опубликовано М. М. Поповым в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 697 (отрывок от „С чувством глубочайшей благодарности“, кончая „однажды написанное“); полностью — П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией (т. VII, 1903, стр. 269—270).

Отрывок, опубликованный М. Поповым, входит в собрания сочинений Пушкина, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 380—381).

311. А. А. Дельвиг — Пушкину.

Первая половина января (?) 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 275, № 770). На обороте карандашные записи рукою Пушкина (см. сборник „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 313—314).

Впервые опубликовано П. Е. Щеголевым в журнале „Былое“, 1906, май, стр. 139.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 3).

312. П. А. Плетнев — Пушкину.

18 января 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 25—26). Подле даты позднейшие пометы Плетнева: „в Москву“ и „13“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 344.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 4).

313. Арина Родионовна — Пушкину.

30 января 1827 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 2). Письмо писано под диктовку рукою малограмотного неизвестного.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 5.

314. Пушкин и С. А. Соболевский — П. П. Каверину.

18 февраля 1827 г. Москва.

Печатается по хранящейся в *ПД* (ф. 244, оп. 7, № 20) копии Ю. Н. Щербачева, снятой им с принадлежавшего ему и ныне утраченного подлинника; приписка под адресом — по книге Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин“, 1913, стр. 48 и 159; там же, на стр. 159, — описание автографа (под № 171).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 7.

315. В. И. Туманскому.

Февраль (не позднее 23) 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 33, № 73).

Впервые опубликовано Г. А. Милорадовичем в „Черниговских Губернских Ведомостях“, 1890, № 27, стр. 3 (и отд. оттиск, Чернигов, 1890), затем С. Н. Брайловским в „Русской Старине“, т. LXVII, 1890, август, стр. 381—382, и П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1890, кн. III, стр. 96.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 270).

316. А. А. Муханову.

Вторая половина февраля (после 18) 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в архиве Государственной Третьяковской Галлереи в Москве (IV/645; из собрания И. С. Остроухова). Записка Пушкина написана на третьей странице письма Н. А. Полевого к А. А. Муханову от 18 февраля 1827 г.

Впервые опубликовано, в виде факсимильного воспроизведения, В. Брюсовым в альманахе „Северные Цветы на 1901 год“, М., 1901, стр. 141 (снова, с сопровождением факсимиле, в „Письмах Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 16 и вне нумерации).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 270).

317. А. А. Дельвигу.

2 марта 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 192, № 479).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в сборнике „Литературные Портфели, I. Время Пушкина“, 1923, стр. 80. Вошло в сборник М. Цявловского „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 11—12.

В собрания писем Пушкина входит, начиная с издания под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 27—28).

318. В. И. Туманский — Пушкину.

2 марта 1827 г. Одесса.

Печатается по тексту первой публикации. Не исключена возможность, что „*свой* отрывок об Одессе“ — опечатка вместо „*твой*“. Местонахождение подлинника неизвестно.

Впервые опубликовано (с ошибкой в подписи и вследствие этого с неправильным отнесением к Ф. А. Туманскому) П. И. Бартеневым в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 127—129.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 7—9).

319. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

4 марта 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357, канцелярский „отпуск“ — в *ПД*, в деле III Отделения № 62, л. 38). Письмо писано рукой М. Я. Фон-Фока; рукой Бенкендорфа — только подпись.

Впервые опубликовано М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике“, т. XV, 1884, январь, стр. 63, исправнее — В. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 43.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 10).

320. Арина Родионовна — Пушкину.

6 марта 1827 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 2). Письмо писано, под диктовку, Анной Ник. Вульф.

Впервые опубликовано, с небольшими сокращениями, П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 4; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 10—11.

321. Н. С. Алексеев — Пушкину.

20 марта 1827 г. Крепость Хотин.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1881, кн. I, стр. 170—172, и включено им в сборник „А. С. Пушкин“, вып. I, „Бумаги А. С. Пушкина“, 1881, стр. 82—84.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 11—13).

322. А. А. Дельвиг — Пушкину.

21 марта 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 2396).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1880, кн. II, стр. 505—506.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1903, стр. 13—14).

323. А. Х. Бенкендорфу.

22 марта 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, стр. 192, № 480).

Впервые опубликовано (без обращения и заключительных формул вежливости) М. И. Сухомлиновым в „Историческом Вестнике“, т. XV, 1884, январь.

стр. 63; полностью и точнее — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 14—15.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с третьего издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1887, стр. 416—417). В первом издании под ред. П. О. Морозова (1887 г.) пропущено.

324. В. И. Туманский — Пушкину.

12 апреля 1827 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 224, оп. 2, № 84).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 129—130.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 22—23).

325. В. Д. Соломирскому.

15 апреля 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику (из библиотеки Зимнего Дворца, собрание А. Б. Лобанова-Ростовского), хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 1/с, оп. I, № 1470).

Впервые опубликовано М. И. Семевским в „Русском Вестнике“, 1869, № 11, стр. 84.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. О. Морозова (т. VII, 1906, стр. 165).

326. В. И. Туманский — Пушкину.

20 (?) апреля 1827 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 84). Почтовый штемпель: „Одесса 1827. Апр 19“.

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в сборнике „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 130.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 24).

327. М. П. Погодину.

Апрель (до 23) 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3515, л. 239).

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1842, ч. V, № 10, стр. 456.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 301).

328. А. Х. Бенкендорфу.

24 апреля 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме". 1937, стр. 192 № 481).

Впервые опубликовано, с небольшими неточностями, П. А. Ефремовым в четвертом издании собрания сочинений Пушкина под его редакцией (т. VII, 1903, стр. 272).

328а. Черновик письма 328.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 113, № 291; написано на обороте отрывка статьи „О народности в литературе").

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 34.

329. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

3 мая 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3357; канцелярский „отпуск" — в *ПД*, в деле III Отделения № 62, л. 43). Письмо писано рукой М. Я. Фон-Фока; рукой Бенкендорфа — только подпись.

Впервые опубликовано: в отрывке (от „не сомневается в том", кончая „в полном смысле сдержано") — М. М. Поповым в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 699; полностью — В. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину", 1903, стр. 45.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 25—26).

330. А. А. Муханову.

Февраль — первая половина мая 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику (из музея П. И. Щукина), хранящемуся в Гос. Историческом Музее в Москве.

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 6.

331. Л. С. Пушкину.

18 мая 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 1254, лл. 56—57).

Впервые опубликовано С. А. Соболевским в „Библиографических Записках", 1858, № 4, стб. 112 (с неправильным отнесением к 1829 году; см. соображения Е. Г. Вейденбаума в сборнике „Кавказская поминка о Пушкине", Тифлис, 1899, стр. 109).

В собрании сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 124).

332. П. А. Осиповой.

Около (не позднее) 10 июня 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (см. „Рукописи Пушкина“, I, 1929, стр. 33, № 74). Почтовый штемпель: „Петербург 1827, июнь 10“.

Впервые опубликовано М. И. Семевским в „С.-Петербургских Ведомостях“, 1866, № 163, стр. 2 (в переводе), затем П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1867, стб. 132 (во франц. подлиннике).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 217).

333. М. П. Погодину.

10 июня 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3515, л. 337).

Впервые опубликовано в „Вестнике Европы“, 1887, май, стр. 405.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 275).

334. А. Х. Бенкендорфу.

29 июня 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 192, № 483). По мнению Д. П. Якубовича, помета на письме сделана рукою не А. Х. Бенкендорфа, а Николая I, однако это вряд ли вяжется с содержанием ответного письма Бенкендорфа (см. письмо 335).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией (т. VII, 1903, стр. 277—278).

335. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

5 июля 1827 г. Царское Село.

Печатается по канцелярскому „отпуску“, хранящемуся в *ПД* (в деле III Отделения № 62, л. 45; на „отпуске“ поправки: вместо „его благородие“ — „его высокоблагородие“ и вместо „почему неугодно ли ему пожаловать“ — „просит его пожаловать“). Подлинник утрачен.

Впервые опубликовано С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 51.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 31).

336. С. А. Соболевскому.

15 июля 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 261, бумаги С. А. Соболевского, дело № 1, л. 116, № 404).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве", 1878, кн. III, стр. 394 (с неверным, подсказанным пометой самого Соболевского, отнесением к 1828 году, исправленным лишь в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, стр. 32).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 298—299).

337. Е. М. Хитрово.

18 июля 1827 г. (?) Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 193, № 484).

Впервые опубликовано в издании — „Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832" (XLVIII вып. Трудов Пушкинского Дома), 1927, стр. 1; перевод — стр. 35.

В собрания писем Пушкина входит, начиная с издания под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 37).

338. А. Х. Бенкендорфу.

20 июля 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 153, № 486).

Впервые опубликовано М. М. Поповым в „Русской Старине", т. X, 1874, август, стр. 699—700 (без обращения и заключительных формул вежливости); полностью — П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 278—279.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 381).

339. А. Х. Бенкендорфу.

20 июля 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 193, № 485).

Впервые опубликовано П. А. Ефремовым в четвертом издании сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 279.

340. А. А. Дельвигу.

31 июля 1827 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 193, № 487).

Впервые опубликовано: отрывки В. П. Гаевским в „Современнике", т. XXXVII, 1853, кн. 2, отд. III, стр. 58, и т. XLVII, 1854, кн. 9, отд. III, стр. 10; затем П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина", 1855

стр. 194—195 (с рядом пропусков) и в „Полярной Звезде на 1861 год“ А. И. Герцена и Н. П. Огарева, кн. VI, Лондон, стр. 98—99 (полнее, но с ошибкой в дате — „31 июня“ — и также с пропуском фамилий Погодина и Булгарина). Вполне исправно и со стихами напечатано лишь Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 39—40.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 141—142).

341. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

22 августа 1827 г. Петербург.

Печатается по канцелярскому „отпуску“, сохранившемуся в деле III Отделения № 62, л. 48 (ныне в *ПД*). Подлинник утрачен.

Впервые опубликовано: отрывок (от „перепечатание“, кончая „не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками“) — М. М. Поповым в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 700; полностью — С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 53.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 38).

342. А. Х. Бенкендорф — Пушкину.

22 августа 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 96; там же, в деле III Отделения № 62, л. 50, — канцелярский „отпуск“). Письмо писано рукой М. Я. Фон-Фока; рукой Бенкендорфа — только подпись от „Милостивый государь“.

Отрывок (касающийся „Песен о Стеньке Разине“) напечатан М. М. Поповым в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 701; письмо (без обращения и заключительных формул вежливости) впервые опубликовано Я. К. Гротом в газете „Русь“, 1881, № 13, стр. 18 („Еще заметка о записанной Пушкиным былине о Стеньке Разине“), и перепечатано в его книге „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“, 1887, стр. 185; всё письмо целиком опубликовано С. Сухониным в книге „Дела III Отделения собств. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, 1906, стр. 55.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 39).

343. П. А. Плетнев — Пушкину.

27 августа 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, л. 27). Подле даты позднейшие пометы Плетнева: „В Москву“ и „14“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 345—346.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 40—41).

344. М. П. Погодину.

Вторая половина (не позднее 30) августа 1827 г. Михайловское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ЛБ* (№ 3515, лл. 415—418).

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1842, ч. V, № 10, стр. 456—457 (от „Что вы делаете“, кончая „в широкошумные дубровы“); полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 35—38.

Прозаический отрывок входит в собрания сочинений Пушкина, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 301)

345. М. П. Погодину.

31 августа 1827 г. Михайловское.

Печатается по подлинникам, хранящимся: письмо — в *ЛБ* (№ 3515, лл. 435—438), конверт с адресом — в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 194, № 488). Почтовый штемпель на конверте: „Опочка 1827 сен 3“.

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1842, ч. V, № 10, стр. 457—458, с цензурными искажениями (вм. „Фауста царь пропустил“ и т. д. — „Фауст пропущен кроме двух стихов“, вм. „журнальный сыщик Сережа“ — „NN“; последняя фраза письма выпущена), устраненными только в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 41—43.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 301—303).

346. Алексей Н. Вульф, Анна Н. Вульф и Пушкин — А. П. Керн.

1 сентября 1827 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 194, № 489). „Пакет“ с рисунком на нем Пушкина не сохранился. На стр. 4 позднейшая помета А. Н. Вульфа: „827 Приписка в письме сестре А. П.“.

Впервые опубликовано: приписка Пушкина — в „Воспоминаниях о Пушкине“ А. П. Керн в „Библиотеке для Чтения“, т. 154, 1859, март, стр. 137; всё коллективное письмо полностью — Б. Л. Модзалевским в его издании писем Пушкина, т. II, 1928, стр. 43 и 261 (очень неточно) и Н. В. Измайловым в издании „Пушкин и его современники“, вып. XXXVII, 1928, стр. 8—10). Четвертая страница письма (с припиской Пушкина) воспроизведена в издании „Дневников“ А. Н. Вульфа под ред. П. Е. Щеголева, М., 1929, между стр. 96 и 97.

Приписка Пушкина входит в собрания его сочинений, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 265).

347. А. Х. Бенкендорфу.

10 сентября 1827 г. Опочка.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 194, № 490).

Впервые опубликовано в виде двух отрывков (от „С благоговением“, кончая „высочайшему его соизволению“ <вм. „высочайшей его воле“> и от „Вы наводили“, кончая „весьма важен“) М. М. Поповым в „Русской Старине“, т. X, 1874, август, стр. 700 и 701; полностью — П. А. Ефремовым в четвертом издания сочинений Пушкина под его редакцией, т. VII, 1903, стр. 284—285.

В собрания сочинений Пушкина отрывки, опубликованные М. М. Поповым, входят, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 382, №№ 5 и 6).

348. П. А. Плетнев — Пушкину.

22 сентября 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 59, лл. 28—29). На первой странице позднейшие пометы Плетнева: „В М[оскву] ихайловское“ и „15“.

Впервые опубликовано Я. К. Гротом в „Сочинениях и переписке П. А. Плетнева“, т. III, 1885, стр. 346—348.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 45—47).

349. Д. В. Давыдов — Пушкину.

Конец сентября—первая половина октября 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 24).

Впервые опубликовано П. В. Анненковым в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“, 1855, стр. 418 (не совсем точно и неполно), исправнее — в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 43—44.

350. А. Ф. Смирдину.

25 октября 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, находящемуся в частном собрании.

Впервые опубликовано в „Литературном Наследстве“, № 16—18, 1934, стр. 539 (факсимильное воспроизведение — там же, стр. 541).

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

351. Ф. В. Булгарину.

Ноябрь (до 18) 1827 г. Петербург.

Печатается по фотоснимку (*ПД*, ф. 244, оп. 11, № 3). Адрес, на снимке отсутствующий, дан по публикации И. А. Шляпкина. Подлинник хранится в Берлинской Национальной Библиотеке.

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в „Русской Старине“, т. LXXVII, 1893, январь, стр. 223 (там же описание автографа).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 280).

352. Н. О., С. Л., А. С. и О. С. Пушкины — Л. С. Пушкину.

21 ноября 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 195, № 491).

Впервые опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 48—49.

353. П. А. Вяземский — Пушкину.

22 ноября 1827 г. Москва.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 195, № 147, л. 47).

Отрывок (от „В конце января думаю быть у вас“, кончая „ты знаешь как я люблю тебя“) впервые опубликован П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1879, кн. II, стр. 482; этот же отрывок вместе с концом письма (от „Мой сердечный поклон“) напечатан в статье П. П. Вяземского „А. С. Пушкин по документам Остафьевского архива“ (газ. „Берег“, 1880, № 111, стр. 1) и затем в сборнике П. И. Бартенева „А. С. Пушкин“, вып. II, „К биографии А. С. Пушкина“, 1885, стр. 404—405. Всё письмо целиком опубликовано в издании переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова, т. II, 1908, стр. 49—50.

354. С. А. Соболевскому.

Ноябрь (после 10) 1827 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 196. № 498).

Впервые опубликовано, по „старинной копии“, В. Брюсовым в его книге „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 17; по подлиннику — в изданиях переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 65—66) и писем Пушкина под ред. Б. Л. Модзалевского (т. II, 1928, стр. 51—52). У Брюсова датировано началом 1827 г.; у Саитова и Модзалевского маем—июнем 1828 г.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с четвертого издания, под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1903, стр. 274).

355. П. А. Осипова — Пушкину.

Ноябрь (?) 1827 г. Тригорское.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (ф. 244, оп. 2, № 54). Первый лист письма оторван и утрачен.

Впервые опубликовано (с неправильной передачей адреса) И. А. Шляпкиным в книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“, 1903, стр. 125—126.

Вошло в издание переписки Пушкина под ред. В. И. Саитова (т. II, 1908, стр. 27—28).

356. М. П. Погодину.

Около (не позднее) 17 декабря 1827 г. Петербург.

Печатается по тексту первой публикации с поправкой по „Вестнику Европы“, 1887, май, стр. 405. Точно такая же поправка внесена в текст „Москвитянина“, видевшим подлинник П. И. Бартеневым (тетрадь Бартенева в *ГЛМ*, стр. 167). Подлинник, бывший в архиве Погодина, утрачен.

Впервые опубликовано в „Москвитянине“, 1842, ч. V, № 10, стр. 458—459.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 303—304).

357. С. А. Соболевскому.

Декабрь 1827 г. (?) Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (ф. 261, бумаги С. А. Соболевского, дело № 1, л. 114, №№ 401—402).

Впервые опубликовано П. И. Бартеневым в „Русском Архиве“, 1878, кн. III, стр. 393—394.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П. А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 298).

358. А. Балын—Пушкину.

Май 1821 г.—июнь 1823 г. Кишинев или около 10 сентября 1826 г.—1827 г. Москва—Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме“, 1937, стр. 105, № 267). На обороте — программа „Влюбленного беса“ („Москва в 1811 году“).

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в книге „Неизданный Пушкин“, 1922, стр. 228 (ср. стр. 147). Перепечатано М. Цявловским в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1925, стр. 8.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

DUBIA.

1. П. Я. Чаадаеву.

26—28 мая (?) 1820 г. Екатеринослав (?).

Печатается по тексту гаэеты „Русская Речь и Московский Вестник" (1861, № 85, стр. 512), где впервые опубликовано П. И. Бартеневым (в его работе „Пушкин в Южной России"; перепечатано в „Русском Архиве", 1866, стб. 1100) со слов самого Чаадаева, передававшего ему текст письма по памяти. Подлинник не сохранился.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. III, 1911, Дополнения, стр. 465).

2. П. В. Нащокину.

1821 г. Кишинев.

Печатается по тексту журнала „Северное Обозрение", 1849, т. I, отдел „Смесь", заметка „Драгоценные безделки", стр. 867—868, откуда перепечатано в 1929 г. Н. О. Лернером, в статье „Новооткрытые строки Пушкина", в журнале „Красная Нива", № 24 от 9 июня, стр. 14. Подлинник не сохранился.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

3. А. П. Полторацкому.

Январь 1822 г. Кишинев.

Печатается (с восстановлением полного имени Старова) по тексту „Московских Ведомостей" (1858, № 19, литер. отдел, стр. 82), где опубликовано впервые В. П. Горчаковым в его „Воспоминаниях о Пушкине".

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. III, 1911, дополнения, стр. 466).

4. А. П. Керн.

Вторая половина августа—начало декабря 1824 г. Тригорское.

Печатается по тексту „Воспоминаний о Пушкине" А. П. Керн („Библиотека для Чтения", т. 154, 1859, апрель, стр. 115), которая рассказывает: „Во время пребывания моего в Полтавской губернии, я постоянно переписывалась с двоюродною сестрою моею Ан. Ник. Вульф... В одном из ее писем Пушкин приписал сбоку, ив Байрона". Дальше следует текст приписки (письмо Анны Н. Вульф не приводится и нам неизвестно).

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

5. Е. К. Воронцовой.

Середина августа 1824—начало 1825 г. Михайловское.

Печатается по тексту „Русского Архива“ (1912, кн. II, № 5, стр. 159), где эта фраза впервые опубликована П. И. Бартеневым, слышавшим ее от „домоправителя“ Воронцовых, Г. И. Тумачевского, сохранившего ее по памяти. Тумачевский рассказывал, что у Е. К. Воронцовой имелась „небольшая связка с письмами Пушкина“, но что она „их истребила“.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

6. А. А. Дельвигу.

Середина марта 1825 г. Михайловское.

Печатается по тексту „Современника“ (т. XLIII, 1854, № 1, отд. III, Критика, стр. 13), где впервые опубликовано В. П. Гаевским (в статье „Дельвиг“, статья 3), которому было сообщено, по памяти, А. И. Дельвигом, двоюродным братом поэта. По словам А. И. Дельвига, всё письмо состояло из „большого листа“, на котором была написана только одна эта фраза.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 104).

7. П. А. Осиповой.

Конец июля—первая половина августа 1825 г. Михайловское.

Печатается по тексту „Воспоминаний о Пушкине“ А. П. Керн, впервые опубликованных в „Библиотеке для Чтения“ (т. 154, 1859, апрель, стр. 119). Наличие подобного отрывка подтверждается словами самого Пушкина в так наз. „письме к Осиповой“ от 28 августа 1825 г.: „Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant: «hardie dans etc.»“ (см. выше, стр. 216).

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная с издания переписки под ред. В. И. Саитова (т. I, 1906, стр. 249).

ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ.

1. В Коллегию иностранных дел.

3 июля 1817 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (дело С.-Петербургского главн. архива министерства иностранных дел 1817 г. „Об увольнениях в отпуск кол. секр. Александра Пушкина“, IV. 14. № 11). Сверху листа надпись: „под‹ано› 3-го июля 1817.“

Упомянуто в статье Льва Поливанова „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. 1817—1825“ („Русская Старина“, т. LIII, 1887, № 1, стр. 236). Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 5. Снова напечатано по автографу Л. Б. Модзалевским в сборнике „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 829.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

2. В Коллегию иностранных дел.

9 июля 1819 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ГАФКЭ* (дело С.-Петербургского главн. архива министерства иностранных дел 1817 г., IV. 14. № 11).

Упомянуто Л. И. Поливановым („Русская Старина“, т. LIII, 1887, № 1, стр. 237). Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в сборнике „Письма Пушкина и к Пушкину“, 1903, стр. 4. Вновь напечатано по автографу Л. Б. Модзалевским в сборнике „Рукою Пушкина“, 1935, стр. 830.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

3. М. С. Воронцов — Пушкину.

22 мая 1824 г. Одесса.

Печатается по публикации с подлинника Г. П. Сербского. Подлинник находится в Одесском областном архиве (дела канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора 1824 г. за № 1578, дело о саранче за № 153). Копия, поступившая от Г. П. Сербского, — в *ПД*.

Впервые опубликовано К. Зеленецким в „Заметке о Пушкине“, „Библиографические Записки“, 1858, т. I, № 5, стр. 138 (неточно и с пропусками); полностью — Г. П. Сербским в статье „Дело о саранче (из разысканий в области одесского периода биографии Пушкина)“. „Пушкин. Временник Пушкинской комиссии“, 2, 1936, стр. 282.

В собрание переписки Пушкина вводится впервые.

4. В Коллегию иностранных дел.

2 июня 1824 г. Одесса.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Архиве Революции и Внешней Полити в Москве (фонд министерства иностранных дел, „Дело о коллежском секретаре Пушкине. 1824").

Впервые опубликовано (с рядом неточностей) в статье П. Е. Щеголева „Пушкин и гр. М. С. Воронцов" („Красный Архив", т. XXXVIII, стр. 179). Перепечатано по публикации Щеголева Л. Б. Модзалевским в сборнике „Рукою Пушкина", 1935, стр. 836—837.

В собрание сочинений Пушкина вводится впервые.

5. П. А. Плетнев — Пушкину.

19 ноября 1826 г. Петербург.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ПД* (см. „Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме", 1937, стр. 293, № 822). На обороте — цифровые подсчеты Пушкина, не связанные с текстом письма-счета Плетнева. Счет этот был приложен Плетневым к высланной им Пушкину 1000 р. (см. письмо Плетнева к Пушкину от 2 января 1827 г., выше, стр. 316).

Публикуется впервые.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ.

Стр. 3, строка 6 снизу. — Прощайте.

Стр. 3, строки 1—2 снизу. — Откладываю до следующей почты удовольствие побеседовать с вами, мой милый киявь. Преданный вам С. Ломоносов.

Стр. 8, строка 19. — Конец венчает дело. Епископ.

Стр. 8, строка 9 снизу. — 1 сент.

Стр. 10, строка 14 снизу. — Дон-Базилио.

Стр. 11, строка 13 снизу. — Толстой.

Стр. 11, строка 6 снизу. — 27 окт.

Стр. 12, строки 7—9. — В этом ему отдавал справедливость даже сам Эсхил, имевший обыкновение говорить про свои пьесы, что они — лишь остатки от пиров, раскинутых в „Илиаде“ и в „Одиссее“.

Стр. 12, строка 13. — relief — рельеф; reliefs — остатки со стола; restes de viandes — объедки.

Стр. 13, строки 6—7. — Этот комический поэт, который и не комический, и не поэт, не получил бы у нас разрешения разыгрывать свои фарсы на Сен-Лоренской ярмарке.

Стр. 13, строка 15 снизу. — L'Indépendant — „Независимый“; la chaussée — мощеная дорога, шоссе; La Chaussée — Лашоссе.[1]

Стр. 14, строка 13 и сл.

Два великих сочинителя, герои Парнасса,
Любимы и лелеемы светом.
Тщетно Муза их фальшивит и гримасничает, —
Они остаются любимцами визиготов.
Некто, разбирая их писания,
Определяет нам место этих господ:
„Один, — говорит он, — певец Юга,
Другой — Севера“. И впрямь это дельно сказано, —
До такой степени один сух, а другой холоден!

Стр. 28, строка 4 снизу. — Прощайте.

Стр. 29, строка 12 снизу. — Блажен тот, кто вдали...

Стр. 30, строка 3 и сл.

К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера.
Недостаточно быть трусом, нужно еще быть им в открытую.

---

[1] Лашоссе — французский драматург XVIII в. Здесь — каламбур Вяземского: А. П. Вельяшев служил в „Особенном управлении о устроении больших в государстве дорог“.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Накануне паршивой дуэли на саблях не пишут на глазах у жены слезных посланий и завещания; не сочиняют нелепейших сказок для городских властей, чтобы избежать царапины; не компрометируют дважды своего секунданта.*

Всё то, что случилось, я предвидел заранее, и жалею, что не побился об заклад.

Теперь всё кончено, но берегитесь.

Примите уверение в чувствах, какие вы заслуживаете.

6 июня 1821. Пушкин.

Заметьте еще, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз вы ничего не смыслите в правах дуэли.

---

* Ни генерала, который удостаивает принимать негодяя у себя в доме.

Стр. 31, строка 13. — Прощай.

Стр. 31, строка 17 и сл. — Вернулась ли ты из своего путешествия? Посетила ли снова подземелья, замки, Нарвские водопады? Развлекло ли это тебя? Любишь ли ты попрежнему одинокие прогулки? Какие собаки твои любимицы? Забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизара? Чем ты развлекаешься? Что читаешь? Виделась ли ты снова с соседкой, Анетой Вульф? Ездишь ли верхом? Когда возвращаешься в Петербург? Что поделывают Корфы? Не вышла ли ты замуж? Не собираешься ли выйти? Сомневаешься ли в моей дружбе? Прощай, мой добрый друг.

Стр. 32, строка 16 снизу. — либеральный.

Стр. 33, строка 3. — Прощайте.

Стр. 33, строка 11. — Ваше письмо пришло весьма кстати, я нуждался в нем.

Стр. 36, строка 6 снизу. — Историю Крыма.

Стр. 36, строка 4. — Прощай и люби меня.

Стр. 37, строки 4—5. — Малая книжка моя, без меня (и не завидую) ты отправишься в столицу, куда — увы! — твоему господину закрыта дорога.

Стр. 37, строки 6—7. — Иди, хоть и неказистая с виду, как то подобает изгнанникам.

Стр. 37, строка 16. — Прощайте.

Стр. 39, строка 6 снизу. — слишком смело.

Стр. 41, строка 6. — Падать, рушиться; заклёпывать.

Стр. 41, строки 9 и 8 снизу. — смешна. Смешна!

Стр. 41, строка 3 снизу. — здесь не место для этого.

Стр. 43, строки 2—5. — Добрый и милый мой друг, мне не нужно твоих писем, чтобы быть уверенным в твоей дружбе, — они необходимы мне единственно, как нечто, от тебя исходящее. Обнимаю тебя и люблю — веселись и выходи замуж.

Стр. 44, строки 5—6. — Вот слова, которые вопиют, находясь друг подле друга.

Стр. 46, строки 13—14. — Отцу пришла в голову блестящая мысль — прислать мне одежды, напомни ему от меня об этом.

Стр. 48, строка 11 снизу. — представляет собою чудо мастерства.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 49, строка 19 и сл.—стр. 50.

Ты в том возрасте, когда следует подумать о выборе карьеры; я уже изложил тебе причины, по которым военная служба кажется мне предпочтительнее всякой другой. Во всяком случае, твое поведение надолго определит твою репутацию и, быть может, твое благополучие.

Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них всё самое плохое, что только можно вообразить: ты ае слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это — средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоем в свет.

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унизить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать: люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе.

Никогда не принимай одолжений. Одолжение, чаще всего, — предательство. — Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает.

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.

Никогда не забывай умышленной обиды, — будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения.

Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и во всяком случае она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым.

Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к тому вынужден. Они могут избавить тебя от дней тоски и бешенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если дело идет о счастии твоей жизни.

Стр. 51, строки 13—14. — Произвел ли он скандал, ‹пишет мне› Орлов, вот что существенно.

Стр. 52, строка 15. — нечто добавочное.
Стр. 53, строки 11 и 2 снизу. — Без гнева.
Стр. 54, строки 3 и 11. — Оплошности, промахи.
Стр. 54, строка 4. — Обозрение промахов.
Стр. 55, строка 15 и сл.

Граф,

Будучи причислен по повелению его величества к его превосходительству бессарабскому генерал-губернатору, я не могу без особого разрешения приехать в Петербург, куда меня призывают дела моего семейства, с коим я не виделся уже три года. Осмеливаюсь обратиться к вашему превосходительству с ходатайством о предоставлении мне отпуска на два или три месяца.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и величайшим уважением, граф, вашего сиятельства всенижайший и всепокорнейший слуга Александр Пушкин.

13 января 1823. Кишенев.

Стр. 56, строка 6. — „ноэль", святочная песнь.
Стр. 56, строка 12 снизу. — Вперед! марш.
Стр. 56, строка 3 снизу. — довольно о нем. Довольно, так довольно.
Стр. 58, строка 17. — пресыщенный.
Стр. 59, строка 10 снизу. — что это самое подлое ремесло. Не подлее других.
Стр. 62, строка 9 снизу. — Хорошенько всё взвесив.
Стр. 62, строки 6—5 снизу.

Я не заслужил
Ни этой чрезмерной чести, ни этого оскорбления.

Стр. 63, строка 13. — Прощайте, — цензуру же должно уничтожить.
Стр. 65, строка 12. — Господин Пушкин, будьте любезны тотчас же пожаловать ко мне.
Стр. 65, строки 15—17. Вот, полковник, записка Крупеиского, которую я только что получил. Будьте добры, подождите меня.

Пушкин.

Стр. 65, строка 10 и сл. снизу—стр. 66, строка 1 и сл.

[Не из дерзости пишу я вам, — но я имел слабость признаться вам в смешной страсти и хочу объясниться откровенно —] Не притворяйтесь, это было бы недостойно вас — кокетство было бы жестокостью, легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной, — вашему гневу я также поверил бы не более — чем могу я вас оскорбить; я вас люблю с таким порывом нежности, с такой скромностью — даже ваша гордость не может быть задета.

Будь у меня какие-либо надежды, я не стал бы ждать кануна вашего отъезда, чтобы открыть свои чувства. Припишите мое признание лишь восторженному состоянию, с которым я не мог более совладать, которое дошло до изнеможения. Я не прошу ни о чем, я сам не знаю, чего хочу, — тем не менее я вас

Стр. 66, строка 11. — боюсь данайцев.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 67, строка 14. — портфель.
Стр. 69, строка 2 снизу. — с красной строки.
Стр. 70, строка 1. — Засим.
Стр. 70, строка 9. — брошюра.
Стр. 70, строки 9—10. — что в ней слишком много божественного.
Стр. 70, строка 18. — это диковина.
Стр. 70, строка 11 снизу. — Прощай.
Стр. 70, строка 7 и сл. снизу—стр. 71, строка 1 и сл.

Отвечаю на вашу приписку, так как она более всего занимает ваше тщеславие. Г-жа Собаньская еще не вернулась в Одессу, следовательно я еще не мог пустить в ход ваше письмо; во-вторых, так как моя страсть в значительной мере ослабела, а тем временем я успел влюбиться в другую, я раздумал. И, подобно Ларе Ганскому, сидя у себя на диване, я решил более не вмешиваться в это дело. Т. е. я не стану показывать вашего послания г-же Собаньской, как сначала собирался это сделать, скрыв от нее только то, что придавало вам интерес Мельмотовского героя, — и вот как я намереваюсь поступить. Из вашего письма я прочту лишь выдержки с надлежащими пропусками; со своей стороны я приготовил обстоятельный, прекрасный ответ на него, где побиваю вас в такой же мере, в какой вы побили меня в своем письме; я начинаю в нем с того, что говорю: „Вы меня не проведете, милейший Иов Ловелас; я вижу ваше тщеславие и ваше слабое место под напускным цинизмом“ и т. д.; остальное — в том же роде. Не кажется ли вам, что это произведет впечатление? Но так как вы — мой неизменный учитель в делах нравственных, то я прошу у вас разрешения на всё это, и в особенности — ваших советов; но торопитесь, потому что скоро приедут. Я получил известия о вас; мне передавали, что Атала Ганская сделала из вас фата и человека скучного, — ваше последнее письмо совсем не скучно. Хотел бы, чтобы мое хоть на минуту развлекло вас в ваших горестях. Ваш дядюшка, который, как вам известно, свинья, был здесь, перессорил всех и сам со всеми поссорился. Я готовлю ему замечательное письмо в под-аккорд № 2, но на этот раз он получит изрядную ругань, дабы быть, как и все, посвященным в секрет.

Стр. 76, строка 7 и сл. снизу—стр. 77, строка 1 и сл.

Да, конечно, я угадал, кто они, эти две прелестные женщины, удостоившие вспомнить об одесском, ранее кишиневском, отшельнике. Я тысячу раз облобызал эти строки, напомнившие мне столько безумств, мучений, ума, грации, вечеров, мазурок и т. д. Боже мой, как вы жестоки, сударыня, если думаете, что я способен развлекаться там, где не могу ни встретить вас, ни вас позабыть. Увы, милая Майгин, вдали от вас, раздраженный, унылый, я теряю свои способности и утратил даже талант к каррикатурам, хотя семейство кн. Мурузи как нельзя более способно внушить мне их. У меня лишь одно желание, — снова вернуться к вашим ножкам и посвятить вам, как говаривал милейший поэт, тот кусочек жизни, который мне еще остается. — Помните ли вы о небольшой ‹?› поправке, сделанной вами на листе ‹?›Ар‹етина›‹?› — Боже мой, если бы вы повторили

ее здесь. Но правда ли, что вы собираетесь приехать в Одессу? Приезжайте, ради бога, у нас будут, чтобы привлечь вас, бал, итальянская опера, вечера, концерты, поклонники, вздыхатели, всё, что вы пожелаете. Я буду передразнивать обезьяну, злословить и нарисую вам г-жу <*нрзб.*> в 36 позах Аретина.

Кстати, по поводу Аретина, должен вам сообщить, что я стал целомудренным и скромным, разумеется в разговоре, потому что поведение мое было всегда таковым. Истинное наслаждение — смотреть на меня и слушать, как я говорю, — не заставит ли хоть вто ускорить ваш приезд. Еще раз, приезжайте, ради бога, и простите мне вольность, с какою я пишу женщинам, которые слишком умны для того, чтобы быть чопорными, и которых я люблю и уважаю от всего сердца.

Что касается вас, прелестная капризница, почерк которой заставил меня затрепетать (хотя по странной случайности он не был изменен), не утверждайте, что вы знаете мой характер; вы не огорчили бы меня, сделав вид, что сомневаетесь в моей преданности и в моих сожалениях.

Угадайте, в свою очередь, кто.

С., который слыл за человека с противоестественными склонностями — просовывать нитку сквозь ушко иголки, смачивая кончик — А. говорит, что он отличался всюду, где были нужны терпение и слюна.

Стр. 77, строки 4—3 снизу. — Смею надеяться, что четырехлетнее изгнание не изгладило из вашей памяти

Стр. 81, строка 17 снизу. — Рок.

Стр. 81, строка 1 снизу. — Цитата из моей новой поэмы. Каждому свое. П.

Стр. 82, строки 13—12 снизу. — Culpa — вина, faute — вина. Дерзновенный символ, жалкая вина незнания.

Стр. 82, строка 10 снизу. — Будущим Сомезам уготовят пытки.

Стр. 84, строки 13—14. — и ты, Брут.

Стр. 84, строка 6 снизу. — без злопамятства.

Стр. 85, строка 4. — Вальтер.

Стр. 86, строка 6. — Где хорошо, там и отечество. <А мне> хорошо <. . . .>

Стр. 86, строки 11—12. — Но почему ты пел?

Стр. 86, строки 8—9 снизу. — Хотите вы отыскать следы его шагов.

Стр. 86, строка 2 снизу. — надменный, гордый Ипполит, даже несколько дикий.

Стр. 87, строка 3. — Столь черной ложью.

Стр. 87, строка 8. — Где были бы вы сами и т. д.

Стр. 87, строки 14—13 снизу. — и это много значит.

Стр. 88, строки 9—10.

К нежным законам стиха я приноровлял звуки
Ее милых и бесхитростных уст.

Стр. 89, строки 17—18. — Поэт нашей цивилизации.

Стр. 89, строка 18. — цивилизация.

Стр. 90, строка 4 и сл.

Посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам уже так давно должен; прошу принять мою искреннюю благодарность. Что касается извинений, — у меня не хватает смелости вам их принести. — Мне стыдно и совестно, что до сих пор я не мог уплатить вам этот долг — я погибал от нищеты.

Примите, генерал, уверения в моем глубочайшем уважении.

Стр. 91, строка 18. — чудо ловкости и дело партийное.

Стр. 91, строка 16 снизу. — от столкновения мнений посыплются деньги.

Стр. 92, строки 11—10 снизу. — что не может быть существа разумного, творца и правителя.

Стр. 94, строка 13. — пристанище.

Стр. 94, строка 17 снизу. — как только проказами.

Стр. 95, строка 10 и сл.—стр. 96, строка 1 и сл.

Мне очень досадно, что отставка моя так огорчила вас, и сожаление, которое вы мне по этому поводу высказываете, искренно меня трогает. Что касается опасения вашего относительно последствий, которые эта отставка может иметь, то оно не кажется мне основательным. О чем мне жалеть? О своей неудавшейся карьере? С этой мыслью я успел уже примириться. О моем жаловании? Поскольку мои литературные занятия [дают мне больше денег], вполне естественно [пожертвовать им моими служебными обязанностями и т. д.]. Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе. Это две вещи несовместимые. Я не могу, да и не хочу притязать на дружбу графа Воронцова, еще менее на его покровительство: по моему, ничто так не бесчестит, как покровительство, а я слишком уважаю этого человека, чтобы желать унизиться перед ним. На этот счет у меня свои демократические предрассудки, вполне стоящие предрассудков аристократической гордости.

Я устал быть в зависимости от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника, мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу-англичанину, явившемуся щеголять среди нас своей тупостью и своей тарабарщиной.

Единственное, чего я жажду, это — независимости (слово неважное, да сама вещь хороша); с помощью мужества и упорства я в конце концов добьюсь ее. Я уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их, дабы существовать на это, — самый трудный шаг сделан. Если я еще пишу по вольной прихоти вдохновения, то, написав стихи, я уже смотрю на них только как на товар по столько-то за штуку. — Не могу понять *ужаса* своих друзей (не очень-то знаю, кто они — эти мои друзья).

Несомненно, граф Воронцов, человек неглупый, сумеет обвинить меня в глазах света: победа очень лестная, которою я позволю ему полностью насладиться, ибо я столь же мало забочусь о мнении света, как о брани ‹и› о восторгах наших журналов.

Стр. 96, строки 11—10 снизу. — где тот свинцовый зад, который будет толкать всё это.

Стр. 96, строка 7 снизу. — сектант.
Стр. 97, строка 7. — обозрение промахов.
Стр. 97, строка 4 снизу. — чаша была переполнена.
Стр. 99, строки 10 сверху и 15 снизу. — Чайльд Гарольда.
Стр. 101, строки 7—6 снизу. — но он располагает ею уже давно, вообще же дело идет только о 1000 рублей.
Стр. 102, строки 18—19. — все сборники новых стихов, именуемых романтическими, — позор для французской литературы.
Стр. 103, строки 12—11 снизу. — конституционалистке или анти-конституционалистке, но всегда обожаемой, как свобода.
Стр. 103, строки 10—7 снизу. — 14 июля — господину Тургеневу в С. Петербурге.
Стр. 105, строка 4 и сл.

из Константинополя — толпа трусливой сволочи, воров и бродяг, которые не могли выдержать даже первого огня дрянных турецких стрелков, составила бы забавный отряд в армии графа Витгенштейна. Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишенева — со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество — они умудрились быть болванами даже в такую минуту, когда их рассказы должны были интересовать всякого европейца — ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — французы и русские, которые здесь живут, выказывают им вполне заслуженное презрение; они всё сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемистокла. Я не варвар и не проповедник Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому-то я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу.

Стр. 105, строка 4 и сл. снизу — стр. 107, строка 1 и сл.

Вы совершили большую оплошность, дорогой друг, не дав мне своего адреса, и воображая, что я не сумею разыскать вас в глуши [Киевской] Псковской губернии; вы избавили бы меня от лишней траты времени на розыски и раньше получили бы мое письмо. Вы пишете, что боитесь скомпрометировать меня перепиской с вами. Такое опасение ребячливо во многих отношениях, а к тому же бывают обстоятельства, когда не приходится считаться с подобными соображениями. Да и что может быть компрометирующего в нашей переписке? Я никогда не вел с вами разговоров о политике; вы знаете, что я не слишком высокого мнения о политике поэтов, а если и есть нечто, в чем я могу вас упрекнуть, так это лишь в недостаточном уважении к религии — хорошенько запомните это, ибо не впервые я об этом вам говорю. Я испытываю настоящую потребность писать вам. Нельзя безнаказанно прожить вместе столько времени; даже оставляя в стороне множество причин, которые заставляют меня питать к вам истинную дружбу, одной привычки было бы достаточно, чтобы создать между нами [истинную] прочную привязанность. Теперь, когда мы так далеко друг от

друга, я не стану сдерживаться в выражении чувств, которые питаю к вам; знайте же, что, не говоря уже о вашем прекрасном и большом таланте, я с давних пор проникся к вам братской дружбой, и никакие обстоятельства не заставят меня отказаться от нее. Если после этого первого письма вы мне не ответите и не дадите своего адреса, я буду продолжать вам писать, надоедать вам до тех пор, пока не заставлю вас ответить мне, не считаясь с мелкими опасениями, которые должна рассеять самая невинность нашей переписки.

Не буду говорить вам о вашей беде, скажу только, что я не отчаиваюсь относительно вашего нынешнего положения: оно изменится к лучшему, не сомневаюсь в этом. Единственное, чего я страшусь для вас, это скуки в данный момент; поэтому я и берусь за перо лишь для того, чтобы развлечь вас, рассеять, поговорить с вами о прошлом, о нашей жизни в Одессе; хоть она, по правде говоря, и не была блестяща, однако воспоминание и сожаление несомненно должны приукрасить ее в ваших глазах. — ⟨.....⟩

Ризнич вновь принял бразды правления в театре; актрисы слушаются только его. Как жаль, что вас здесь нет. Завальевский продолжает увеселять своих друзей и знакомых: сейчас у него новая затея — стать писателем. Он объехал верхом южный берег Крыма, с „Достоинством женщин" в руках, восхищаясь на каждом шагу то красотой стихов, то красотой природы, и всё это на плохом французском языке, подходящем лишь для прекрасной соотечественницы и для вашей *каррикатуры*, иногда даже находившей дурной вкус в его восторгах. В конце концов он свалился с лошади в разгар своих поэтических мечтаний. Откладываю до другого письма удовольствие рассказать вам о происшествиях и черточках из жизни наших прекрасных соотечественниц; а сейчас расскажу вам о Татьяне. Она приняла живейшее участие в вашем несчастии; она поручила мне сказать вам об этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали; она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны. Даже ее прелестная дочка вспоминает о вас, она часто говорит со мной о сумасбродном г-не Пушкине и о тросточке с собачьей головкой, которую вы подарили ей. Я всё время поджидаю маленького портрета с двумя первыми строками стихов, которые вы для нее написали.

Ради бога, дорогой друг, не предавайтесь отчаянию, берегитесь, чтобы оно не ослабило вашего прекрасного дарования, заботьтесь о себе, будьте терпеливы: ваше положение изменится к лучшему. Поймут несправедливость той суровой меры, которую применили к вам. Ваш долг перед самим собой, перед другими, даже перед вашей родиной — не падать духом; не забывайте, что вы — украшение нашей зарождающейся литературы и что временные невзгоды, жертвою которых вы оказались, не могут повредить вашей литературной славе. Я знаю, что ваша первая ссылка пошла на пользу вашему характеру; что вы теперь уже не такой взбалмошный, опрометчивый. Продолжайте в том же роде,

затем — питайте уважение к религии, — и я не сомневаюсь, что в самом непродолжительном времени вас выпустят из проклятой вашей деревни.

Прощайте. Ваш друг А. Раевский.

21 августа 1824.

Александрия, близ Белой Церкви.

Мой адрес попрежнему — Киев.

Стр. 107, строка 15 и сл.

С большим огорчением, мой милый Пушкин, узнал я о вашем отъезде в имение отца. Итак, у меня нет надежды скоро увидеть вас. В том, что вы меняете место жительства, я не усматриваю ничего особенно плохого; я надеюсь, что это первый шаг к окончанию вашей ссылки. Я надеюсь также, что близость к Петербургу даст вам возможность часто видеться с родными и друзьями, и это значительно уменьшит скуку вашей жизни в деревне. Я давно не писал вам, так как перенес тяжелую болезнь, от которой не вполне еще оправился. Продолжайте писать мне и пишите больше и чаще. Не бойтесь меня скомпрометировать: моя дружеская связь с вами началась гораздо раньше вашей несчастной истории; она не имеет отношения к событиям, происшедшим потом и вызванным заблуждениями вашей ранней молодости. Хочу дать вам совет — будьте благоразумны; не то, чтобы я боялся их повторения, но я всё еще опасаюсь какого-нибудь неосторожного поступка, который мог бы быть истолкован в этом смысле, а ваше прошлое, к несчастью, дает к тому повод. Мне так хочется видеть вас, что если я не услышу о перемене в вашем положении, то обещаю навестить вас еще в этом году. Если же положение ваше изменится, вы должны обещать мне, что приедете ко мне не позже того же срока. Прощайте, дорогой друг, сохраните для меня всю ту дружбу, какую и раньше мне выказывали, пусть не повлияет на нее наша разлука, какой бы долгой она ни была. Прощайте! Я устал писать вам, голова плохо работает. Мой адрес прежний — Киев, на имя отца. Пришлите мне свой адрес. Н. Раевский.

Стр. 111, строки 21—22. — А покамест передай, что я припадаю к ее стопам и скажи, что она — прелестная душа.

Стр. 113, строка 3 и сл. снизу — стр. 114, строка 1 и сл.

Прекрасная, добрейшая княгиня Вера, душа прелестная и великодушная. Не стану благодарить вас за ваше письмо, слова были бы слишком холодны и слишком слабы, чтоб выразить вам мое умиление и признательность... Вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души менее эгоистичной, чем моя; каков я ни на есть, она одна утешила меня во многих горестях и одна могла успокоить бешенство скуки, снедающей мое нелепое существование. — Вы хотите знать его, это нелепое существование: то, что я предвидел, сбылось. Пребывание среди семьи только усугубило мои огорчения, и без того достаточно существенные. Меня попрекают моей ссылкой; считают себя вовлеченными в мое несчастье; утверждают, будто я проповедую атеизм сестре — небесному созданию — и брату — потешному юнцу, который

восторгался моими стихами, но которому со мной явно скучно. Одному богу известно, помышляю ли я о нем. Мой отец имел слабость согласиться на выполнение обязанностей, которые, во всех обстоятельствах, поставили его в ложное положение по отношению ко мне; вследствие этого всё то время, что я не в постели, я провожу верхом в полях. Всё, что напоминает мне море, наводит на меня грусть — журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства <. . . . .> Что касается соседей, то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — я слыву среди них Онегиным, — и вот, я — пророк в своем отечестве. Да будет так. В качестве единственного развлечения, я часто вижусь с одной милой старушкой-соседкой — я слушаю ее патриархальные разговоры. Ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, играют мне Россини, которого я выписал. Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах, но скука — холодная муза, и поэма моя не двигается вперед — вот, однако, строфа, которою я вам обязан, — покажите ее *князю Петру*. Скажите ему, чтобы он не судил о целом по этому образцу.

Прощайте, уважаемая княгиня, в тоске припадаю к вашим стопам, показывайте это письмо только тем, кого я люблю и кто интересуется мною дружески, а не из любопытства. Ради бога, хоть одно слово об Одессе — о ваших детях! — обращались ли вы к доктору Мили? Что он поделывает <. . . . .> ?

Князь

Стр. 116, строки 16—15 снизу. — с этим чудовищем, с этим выродком-сыном.
Стр. 117, строка 5. — вне закона.
Стр. 117, строка 13 снизу. — чувства.
Стр. 118, строка 11 снизу. — Анета.
Стр. 118, строка 3 снизу. — Произведения Лебрена, оды, элегии и проч.
Стр. 118, строка 2 снизу. — Сен-Флорана.
Стр. 119, строка 7. — ветрогон, вертопрах.
Стр. 119, строка 8. — Миртиль <и> распутный волокита.
Стр. 121, строки 16—15 снизу. — Беседы Байрона! Вальтер Скотта!
Стр. 122, строка 3 и сл.

Милостивый государь, я счел бы своим долгом послать вам свою коляску, но в настоящую минуту в моем распоряжении нет лошадей. Если вам угодно будет прислать за нею, она к вашим услугам. Если ваш брат окажет мне честь посетить меня, мне будет весьма лестно принять его и возобновить столь приятное знакомство.

Что касается цены, то, как я уже имел честь говорить вам, я хотел бы продать коляску за 1500 рублей.

Впрочем совершенно полагаюсь в этом на решение вашего брата.

Примите уверения в глубочайшем уважении и совершеннейшем почтении. Милостивый государь, ваш нижайший и покорный слуга

Александр Пушкин.

Среда.

P. S. Отец мой свидетельствует вам свое почтение. Он надеется в ближайший раз иметь двойное удовольствие принять в Михайловском вас и вашего брата.

Стр. 122, строки 9—8 снизу. — вот прекрасный случай вашим дамам подмыться.

Стр. 123, строка 8 снизу. — законным или незаконным образом.

Стр. 125, строка 11 снизу. — резвушки.

Стр. 127, строки 2—3. — Мои двоюродные внуки были бы мне обязаны этой тенью.

Стр. 127, строка 8 и сл. снизу. — Если то, что ты сообщаешь о завещании А. Л., верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно что Шаликов обмочил ее могилу.

Стр. 130, строка 9. — за песенки.

Стр. 131, строка 7. — прощай.

Стр. 131, строка 9. — вот прекрасный случай нашим дамам подмыться.

Стр. 131, строка 5 снизу. — дорожную.

Стр. 132, строка 1. — [бордо] сотерн, шампанское.

Стр. 132, строка 5. — Дорожную лампу.

Стр. 132, строка 6. — Спички.

Стр. 132, строка 9. — Рубашки.

Стр. 132, строка 10. — сапожные колодки.

Стр. 132, строка 11. — перстень.

Стр. 132, строка 12. — Простой медальон.

Стр. 132, строка 13. — часы.

Стр. 134, строка 5 снизу. — Неистового Роланда.

Стр. 134, строка 4 снизу. — Девственницу.

Стр. 134, строка 3 снизу. — и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.

Стр. 136, строки 10—11. — другие времена!

Стр. 136, строка 16. — манеру, стиль.

Стр. 138, строка 13. — Бальная болтовня.

Стр. 138, строка 3 снизу. — Клеон.

Стр. 140, строка 21 снизу. — оплошностях, зевках.

Стр. 142, строка 6 снизу. — Беседы Байрона.

Стр. 142, строка 3 снизу. — Фуше.

Стр. 143, строка 7. — Бертран <и> Монтолон.

Стр. 143, строка 9. — Наполеона.

Стр. 143, строки 10—11. — но всё, что относится к политике, писано только для черни.

Стр. 144, строки 5—4 снизу. — У него большие заслуги перед прекрасным полом, и я очень рад, что публично об этом заявил.

Стр. 144, строка 1 снизу — стр. 145, строка 1. — Эдинбургское обозрение.

Стр. 145, строка 17. — чудо мастерства.

Стр. 150, строки 8—9. — Нет спасенья вне английской литературы.

Стр. 151, строки 6—4 снизу. — Беседы Байрона, Мемуары Фуше <. . . . .> Сисмонди (Литература) <. . . . .> Шлегель (Драматургия) <. . . . .> Сен-Флорана.

Стр. 152, строка 9. — Вот женщина!

Стр. 152, строка 13 снизу. — Я и моя сестра от всего сердца и от всей души шлем вам привет.

Стр. 153, строка 3. — и т. д., и т. д., и т. д.

Стр. 153, строка 14 снизу. — А. Шенье.

Стр. 154, строки 7 и 9. — с красной строки.

Стр. 155, строка 6. — Боульс <и> Байрон.

Стр. 155, строка 9 снизу. — прелестная.

Стр. 156, строка 11 и сл.

Дорогая и уважаемая княгиня, ваше письмо причинило мне глубокую душевную боль. Я не имел понятия о несчастии, постигшем вас; не буду пытаться вас утешить, но всей душой разделяю ваше горе и вашу тревогу. Надеюсь, что в настоящее время князь и дети уже выздоравливают. Так как „Онегин" может его развлечь, я немедля начну его переписывать и пришлю ему. Напишу также брату, чтобы он выслал ему всё, что найдет у себя из моих стихов. Только прошу князя сохранить всё это для себя лично и никому ничего не читать.

Пущин напрасно рассказал вам о моих тревогах и предположениях, которые оказались ошибочными. Я не поддерживаю никаких сношений с Одессой, и мне совершенно неизвестно, что там происходит.

Успокойтесь, дорогая княгиня, если это возможно. Сообщайте мне о вашей семье и считайте меня всегда в числе самых преданных своих друзей.

24 марта.

Стр. 158, строка 4 снизу. — Жду ответа.

Стр. 159, строка 2. — <с> примечанием.

Стр. 159, строка 10. — деликатность.

Стр. 159, строка 8 снизу. — мне улыбается.

Стр. 160, строки 8—9. — Шамфор: Все те, на кого я их написал, еще живы.

Стр. 161, строка 13 и сл. снизу. — Тебе разрешают писать письма, но *только надписанные нашей сестрой* <.....> Подобно тому, видишь ли, как я пишу Анне Ивановне Вульф под именем Евпраксии <.....> Экая чепуха!

Стр. 161, строка 8 и сл. снизу. — Какой любезный тон, и в каком *он* чудесном настроении — Как вы смели написать мне подобное письмо. Хорошо, что ваш брат вместо меня взял на себя труд сжечь его!

Стр. 161, строка 4. — экспромт.

Стр. 162, строка 1. — Варианты в честь мадмуазель Н. Н.

Стр. 162, строки 4—5. — Да будет стыдно и т. д....

Стр. 162, строки 9—10. — обедню Фридриха II за упокой души Вольтера.

Стр. 163, строка 11—12. — *Драматические сочинения Шиллера, Шлегеля „Дон Жуана"* <....> Вальт. Скотта <....>

Стр. 163, строка 13. — Сен-Флорана.

Стр. 163, строка 14. — Флер д'оранж.

Стр. 163, строка 16. — Альфиери.

Стр. 164, строка 1. — она на меня дуется, а мне наплевать.

Стр. 164, строки 4—5. — Подтяжки. Сапоги.

Стр. 166, строка 17 и сл.

Я почел бы своим долгом переносить мою опалу в почтительном молчании, если бы необходимость не побудила меня нарушить его.

Мое здоровье было сильно расстроено в ранней юности, и до сего времени я не имел возможности лечиться. Аневризм, которым я страдаю около десяти лет, также требовал бы немедленной операции. Легко убедиться в истине моих слов.

Меня укоряли, государь, в том, что я когда-то рассчитывал на великодушие вашего характера, признаюсь, что лишь к нему одному ныне прибегаю. Я умоляю ваше величество разрешить мне поехать куда-нибудь в Европу, где я не был бы лишен всякой помощи.

Стр. 169, строки 10—9 снизу. — Не буду слагать стихов.

Стр. 170, строка 11 снизу. — Повторение — мать учения.

Стр. 170, строка 7 снизу. — Уверяю вас, что он не в плену у меня.

Стр. 172, строка 3 и сл. — стр. 173, строка 1 и сл.

Б. 10 мая.

Простите, дорогой друг, что я так долго не писал вам; но служебные обязанности, отсутствие досуга и общества, которое могло бы вывести мой ум из оцепенения, не дали мне возможности написать ни единого письма за полгода. Для вас первого нарушаю я молчание. Спасибо за план вашей трагедии. Что сказать вам о нем? У вас блестящие замыслы, но вам нехватает терпения, чтобы осуществить их. Итак, вам будет суждено проложить дорогу и национальному театру. — Если же говорить о терпении, то я хотел бы, чтобы вы сами обратились к источникам, из которых черпал Карамзин, а не ограничивались только его пересказами. Не забывайте, что Шиллер изучил астрологию, перед тем как написать своего „Валленштейна“. Признаюсь, я не совсем понимаю, почему вы хотите писать свою трагедию только белым стихом. [Я полагал бы] Мне кажется, наоборот, что именно здесь было бы уместно применить всё богатство разнообразных наших размеров. Конечно, не перемешивая их между собой, как это делает князь Шаховской, но и не считая себя обязанным соблюдать во всех сценах размер, принятый в первой. — Хороша или плоха будет ваша трагедия, я заранее предвижу [два] огромное значение ее для нашей литературы; вы вдохнете жизнь в наш шестистопный стих, который до сих пор был столь тяжеловесным и мертвенным; вы наполните диалог движением, которое сделает его похожим на разговор, а не на фразы из словаря, как бывало до сих пор. Вы окончательно утвердите у нас тот простой и естественный язык, который наша публика еще плохо понимает, несмотря на такие превосходные образцы его, как „Цыганы“ и „Разбойники“. Вы окончательно сведете поэзию с ходуль. —

Родители вашей графини Наталии Кагульской здесь уже с неделю. Я читал им в присутствии гостей вашего „Онегина“; они от него в восторге. Но сам я раскритиковал его, хотя и оставил свои замечания при себе. Шаховскому не удастся смастерить из него [большую] Октологию. Отрывок из ваших „Цыган“, напечатанный в „Полярной

Звезде" вместе с продолжением, которого я не знал, является, может быть, самой живой картиной, полной великолепнейшего колорита, какую я когда-либо встречал на каком бы то ни было языке. Браво, брависсимо! Ваш „Кавказский Пленник", хоть его и нельзя назвать хорошим произведением, открыл дорогу, на которой споткнется посредственность. Я отнюдь не поклонник [поэм] длинных поэм; но отрывки такого рода требуют всего богатства поэзии, крепкой обрисовки характера и положения. „Войнаровский" — произведение мозаическое, составленное из кусочков Байрона и Пушкина, склеенных вместе без большой затраты мысли. Я воздаю ему должное за местный колорит. Он неглупый малый, но отнюдь не поэт. В отрывках из Наливайко больше достоинств. Я нахожу подлинную чувствительность, наблюдательность (чуть было не сказал — знание человеческого сердца), удачный замысел, хорошо выполненный, наконец чистоту слога и истинную поэзию в „Чернеце", покуда Козлов говорит от себя; но зачем он избрал рамкой пародию на „Гяура", а кончил длинной парафразой одного места из „Мармион"? Он подражает, иной раз весьма удачно, вашей быстроте изложения и оборотам речи Жуковского. Должно быть, он знает английский язык и изучал Кольриджа. —

Простите, дорогой друг, скучный тон моего письма, я пишу вам по обязанности, а не от избытка сердечных чувств, для этого я слишком отупел. Я сам вижу также ошибки во французском языке и в орфографии, допущенные мною, но нет сил исправить их. Пишу не для того, чтобы порисоваться; но мне хотелось бы рассказать вам что-нибудь более интересное. Напечатайте же скорее ваших „Цыган", раз уж вы не хотите прислать мне их в рукописи; ради бога, пишите мне и передайте мой привет вашему брату, которого я очень люблю, хоть видел его лишь мельком.

В следующий раз я напишу вам более обстоятельно по поводу вашей трагедии.

Стр. 173, строка 4 снизу. — и т. д., и т. д., и т. д.

Стр. 174, строки 2—1 снизу. — Жанлис <. . . . .> Чайльд Гарольда — Ламартина.

Стр. 175, строка 3. — в хорошем комическом роде.

Стр. 176, строка 14 и сл. — стр. 177, строка 1 и сл.

С. Петербург. 31 мая 1825 г.

Мой милый Пушкин,

Я не в силах выразить вам то необыкновенное удовольствие, которое доставили мне ваши прелестные стихи; это было поистине упоительное мгновение в моей жизни, и я горячо благодарю вас за него. Не мой слабый талант, но восхищение перед вашим дарованием и искренняя привязанность, которую я к вам питаю, оправдывают первое полустишие 7-го стиха; еще раз спасибо, большое спасибо: оно тронуло меня до глубины души!

Я прочел 2-ую песнь „Евгения Онегина"; это прелестно; прочел я также мелкие стихотворения; из тех, что были мне еще неизвестны, многие кажутся мне неподражаемыми: Дочь Карагеоргия, стихи из Корана и две элегии особенно привели меня в восторг. Когда я соби-

раюсь писать стихи, то читаю моего Байрона, Жуковского и вас, и с грехом пополам воображение начинает работать, и я принимаюсь петь. Надеюсь, что ваше тройственное вдохновение не покинет меня в моей новой небольшой поэме о княгине Долгорукой-Шереметевой: мне кажется, что это необыкновенно трогательный сюжет. Не решусь сказать, что „Дума“ Рылеева, под тем же заглавием, лишена достоинств; однако мне кажется, что она не может служить препятствием к тому, чтобы попробовать написать маленькую поэму в 700—800 строк. У меня уже готов план, а также несколько отрывков, но сначала к вам в дверь постучится моя „Абидосская невеста“.

Я очень часто вижусь с вашим братом и со всеми нашими друзьями; Баратынский должен приехать через несколько дней, также как и Вяземский, зато Тургенев уезжает; это невознаградимая потеря. Если вы читаете наши журналы, то увидите, что Булгарин помнит о Тургеневе лишь одно — что он пьет много кофе и глотает мух, уплетая свои кренделя. Наши журналисты становятся день ото дня всё пошлее. Ваши две эпиграммы на московского журналиста заставляют умирать со смеху, особенно *Василий* и *Михаил*; здешние журналисты вполне заслуживают того же. А коли захотите французской болтовни в другом роде, прочтите новую поэму Ламартина о *Гарольде*; несмотря на отдельные прекрасные стихи, это та галиматья в квадрате, о которой говорит Бомарше. Кончаю мое слишком, может быть, растянувшееся письмо: простите, если я позволил себе беседовать с вами как со старым приятелем, я жажду вашей дружбы, милый Пушкин, и горячо желаю вам счастья.

Обнимаю вас от всей души и остаюсь навсегда ваш Иван Козлов.

Стр. 177, строка 11 и сл.

Вот, мадмуазель, еще письмо для моего брата. Очень прошу вас взять его под свое покровительство. Ради бога, пришлите перья, которые вы великодушно очинили для меня и которые я имел дерзость позабыть! Не сердитесь на меня за это.

Стр. 177, строка 11 снизу. — Данте <и> Петрарка.

Стр. 177, строка 10 снизу. — Альфиери <и> Фосколо.

Стр. 177, строка 8 снизу. — Соути, Вальтер Скотт, Мур.

Стр. 177, строка 7 снизу. — Байрон.

Стр. 179, строки 15—14 снизу. — Его молчание — общественное бедствие.

Стр. 180, строка 6. — В. Скотта.

Стр. 180, строки 6—4 снизу. — Во мне вызывает отвращение к истории, — говаривала г-жа Севинье, — то обстоятельство, что то, что мы сейчас видим, когда-нибудь станет историей.

Стр. 181, строка 3. — жалобу.

Стр. 183, строка 5 снизу. — Фосс.

Стр. 184, строка 5. — глупый.

Стр. 184, строка 7. — певец навоза.

Стр. 184, строки 12—13. — и я храбро восстановил Шаликова.

Стр. 184, строка 16. — Казимира<.....> каламбур.

Стр. 184, строка 9 снизу. — Данте.
Стр. 184, строка 7 снизу. — Буово д'Антона <.....> Влюбленного Роланда.
Стр. 185, строка 5. — Лев.
Стр. 185, строка 14 снизу. — оптом
Стр. 185, строки 10—9 снизу. — Отложим серьезные дела на завтра.
Стр. 185, строка 9 снизу. — Беранже.
Стр. 185, строка 8 снизу. — Господь бог.
Стр. 186, строка 8. — и дьявол ничего от этого не теряет.
Стр. 187, строка 12 снизу. — Ты, чье истинное имя еще неведомо миру!
Стр. 187, строка 3 снизу. — Г-жа де Сталь.
Стр. 189, строка 12. — Ладвока.
Стр. 189, строки 5—3 снизу. — Написано в присутствии этой самой особы, что для каждого должно быть ясно. Прощай, милый поэт, Прошу тебя, пиши мне. Весь твой.
Стр. 190, строка 3 и сл. — стр. 191, строка 1 и сл.

Пишу вам, мрачно напившись; вы видите, я держу свое слово.

Итак, вы уже в Риге? одерживаете ли победы? скоро ли выйдете замуж? застали ли уланов? Сообщите мне обо всем этом подробнейшим образом, так как вы знаете, что, несмотря на мои злые шутки, я близко принимаю к сердцу всё, что вас касается. — Я хотел побранить вас, да не хватает духу сделать это на таком почтительном расстоянии. Что же до нравоучений и советов, то вы их получите. Слушайте хорошенько: 1) Ради бога, будьте легкомысленны только с вашими друзьями (мужеского рода), они воспользуются этим лишь для себя, между тем как *подруги* станут вредить вам, ибо, — крепко запомните это, — все они столь же ветрены и болтливы, как вы сами. 2) Носите короткие платья, потому что у вас хорошенькие ножки, и не взбивайте волосы на височках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо. 3) С некоторых пор вы стали очень осведомленной, однако не выказывайте этого, и если какой-нибудь улан скажет вам <.....> не смейтесь, не жеманьтесь, не обнаруживайте, что польщены этим; высморкайтесь, отвернитесь и заговорите о чем-нибудь другом. 4) Не забудьте о последнем издании Байрона.

Знаете ли, за что я хотел побранить вас? нет? испорченная девица, без чувства и без... и т. д. — а ваши обещания, сдержали ли вы их? ну, не буду больше говорить о них и прощаю вас, тем более что и сам вспомнил об этом только после вашего отъезда. Странно — где была моя голова? А теперь поговорим о другом.

Всё Тригорское поет <.....> и у меня от этого сердце ноет, вчера мы с *Алексеем* проговорили 4 часа под ряд. Никогда еще не было у нас такого продолжительного разговора. Угадайте, что нас вдруг так сблизило. Скука? *Сродство чувства*? Не знаю. Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь — камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа, я пишу много стихов — всё это, если хотите, очень похоже на любовь, но клянусь вам, что это совсем не то. Будь я влюблен, в *воскресенье* со мною сдела-

лись бы судороги от бешенства и ревности, между тем мне было только досадно, — и всё же мысль, что я для нее ничего не значу, что, пробудив и заняв ее воображение, я только тешил ее любопытство, что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни более задумчивой среди ее побед, ни более грустной в дни печали, что ее прекрасные глаза остановятся на каком нибудь рижском франте с тем же пронизывающим сердце и сладострастным выражением, — нет, эта мысль для меня невыносима; скажите ей, что я умру от этого, — нет, лучше не говорите, она только посмеется надо мной, это очаровательное создание. Но скажите ей, что если в сердце ее нет скрытой нежности ко мне, таинственного и меланхолического влечения, то я презираю ее, — слышите? — да, презираю, несмотря на всё удивление, которое должно вызвать в ней столь непривычное для нее чувство.

Прощайте, баронесса, примите почтительный привет от вашего прозаического обожателя.

21 июля.

P. S. Пришлите мне обещанный рецепт; я так наглупил, что сил больше нет — *проклятый приезд, проклятый отъезд!*

Стр. 192, строка 8 и сл. снизу — стр. 193, строка 1 и сл.

Я имел слабость попросить у вас разрешения вам писать, а вы — легкомыслие или кокетство позволить мне это. Переписка ни к чему не ведет, я знаю; но у меня нет сил противиться желанию получить хоть словечко, написанное вашей хорошенькой ручкой.

Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных. Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши, — это стараться не думать больше о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости ко мне, вы тоже должны были бы пожелать мне этого, — но ветреность всегда жестока, и все вы, кружа головы направо и налево, радуетесь, видя, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу.

Прощайте, божественная; я бешусь и я у ваших ног. Тысячу нежностей Ермолаю Федоровичу и поклон г-ну Вульфу.

25 июля.

Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас. Надеюсь, вы прочтете это письмо тайком — спрячете ли вы его у себя на груди? ответите ли мне длинным посланием? пишите мне обо всем, что придет вам в голову — заклинаю вас. Если вы опасаетесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем, — сердце мое сумеет вас угадать. Если выражения ваши будут столь же нежны, как ваши взгляды, увы! — я постараюсь поверить им или же обмануть себя, что одно и то же. — Знаете ли вы, что, перечтя эти строки, я стыжусь их сентиментального тона — что скажет Анна Николаевна? ‹. . . . .›

Знаете что? пишите мне и так, и этак, — это очень мило.

Стр. 193, строка 10 и сл. снизу — стр. 194, строка 1 и сл.

Прилагаю, сударыня, два письма на ваше имя, только что полученные. Одно из них от Плетнева — и было вложено в письмо ко мне.

Надеюсь, что, когда вы получите эти письма, вы уже весело и благополучно прибудете в Ригу. Мои петербургские друзья были уверены, что я поеду вместе с вами. Плетнев сообщает мне довольно странную новость: решение его величества показалось им недоразумением, и они решили передоложить обо мне. Друзья мои так обо мне хлопочут, что в конце концов меня посадят в Шлиссельбургскую крепость, где уж конечно не будет рядом Тригорского, которое, хоть оно и опустело сейчас, всё же составляет мое утешение.

С нетерпением ожидаю от вас вестей — пишите мне, умоляю вас. Излишне говорить вам о моей почтительной дружбе и вечной моей признательности. Шлю вам привет из глубины души.

25 июля.

Стр. 196, строка 3 и сл.

На ваше имя, сударыня, пришло какое-то пустячное письмо из Пскова, которое я уничтожил. — Пересылаю вам другое — из Батова, и еще одно — от моей матери. Из него вы увидите, что за прекрасная душа этот Жуковский. Но так как я никоим образом не могу согласиться на то, чтобы Мойер делал мне операцию, я только что написал ему, заклиная не приезжать в Псков. Не знаю, на чем основаны надежды моей матери, но сам я уже давно не верю никаким надеждам.

Рокотов навестил меня на другой день после вашего отъезда, было бы любезнее с его стороны предоставить мне скучать в одиночестве. Вчера я посетил Тригорский замок, сад, библиотеку. Уединение его поистине поэтично, так как оно полно вами и воспоминаниями о вас. Его милым хозяйкам следовало бы поскорее вернуться туда, но желание это слишком отзывается моим фамильным эгоизмом; если вам весело в Риге, развлекайтесь и вспоминайте иногда Тригорского (т. е. Михайловского) изгнанника — вы видите, я, по старой привычке, путаю и наши жилища.

29 июля.

Ради бога, сударыня, ничего не пишите моей матушке о моем отказе Мойеру. Это лишь наделает ненужного шуму, потому что решение мое неизменно.

Стр. 196, строка 9 и сл. снизу — стр. 198, строка 1 и сл.

Где вы? из газет я узнал, что вы переменили полк. Желаю, чтоб это развлекло вас. Что поделывает ваш брат? вы ничего о нем не сообщаете в письме вашем от 13 мая; лечится ли он?

О себе могу сказать следующее: друзья мои усиленно хлопотали о том, чтобы получить для меня разрешение ехать лечиться; матушка писала его величеству, после чего мне разрешили поехать в Псков и даже поселиться там, однако делать этого я не стану, а только съезжу туда на несколько дней. Покамест я живу в полном одиночестве: единственная соседка, у которой я бывал, уехала в Ригу, и у меня

буквально нет другого общества, кроме старушки-няни и моей трагедии; последняя подвигается, и я доволен этим. Сочиняя ее, я стал размышлять над трагедией вообще. Это, может быть, наименее правильно понимаемый род поэзии. И классики и романтики основывали свои правила на *правдоподобии*, а между тем именно оно-то и исключается самой природой драматического произведения. Не говоря уже о времени и проч., какое, к чорту, может быть правдоподобие [1)] в зале, разделенной на две половины, в одной из коих помещается две тысячи человек, будто бы невидимых для тех, кто находится на подмостках; 2) *язык*. Напр., у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, произносит на чистейшем французском языке: „Увы! я слышу сладкие звуки эллинской речи“ и проч. Вспомните древних: их трагические маски, их двойные роли, — всё это не есть ли условное неправдоподобие? 3) время, место и проч. и проч. Истинные гении трагедии никогда не заботились о правдоподобии. Посмотрите, как Корнель ловко управился с Сидом. „А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте“ — и нагромоздил событий на 4 месяца. На мой взгляд ничего не может быть бесполезнее мелких поправок к установленным правилам: Альфиери крайне изумлен нелепостью речей *в сторону*, он упраздняет их, но зато удлиняет монологи, полагая, что произвел целый переворот в системе трагедии; какое ребячество!

Правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии. (Я не читал ни Кальдерона, ни Веги), но до чего изумителен Шекспир! Не могу притти в себя. Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! Байрон, который создал всего-на-всего один характер (у женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости; вот почему так легко изображать их), этот самый Байрон распределил между своими героями отдельные черты собственного характера; одному он придал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д., и таким путем из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных — это вовсе не трагедия.

Существует еще такая замашка: когда писатель задумал характер какого-нибудь лица, то что бы он ни заставлял его говорить, хотя бы самые посторонние вещи, всё носит отпечаток данного характера (таковы педанты и моряки в старых романах Фильдинга). Заговорщик говорит: *Дайте мне пить*, как заговорщик — это просто смешно. Вспомните Озлобленного у Байрона *(ha pagato!)*[1] — это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, разве всё это естественно? Отсюда эта принужденность и робость диалога. Вспомните Ш.<експира> <?>. Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру.

---

[1] Он заплатил!

Вы спросите меня: а ваша трагедия — трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее легкий род, но попытался соединить и то, и другое. Я пишу и размышляю. Бо̀льшая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену — такой способ работы для меня совершенно нов. Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить.

Я

Стр. 198, строка 18 и сл.

Я только что вернулся от вас; малютка совсем здорова и встретила меня самым любезным образом. Погода у нас стояла ужасная: ветры, грозы и т. п., — вот все новости, какие могу вам сообщить; полагаю, что известия от вашего управляющего будут более разнообразны. Примите, сударыня, уверения в совершенном моем уважении и преданности. Поручаю себя памяти всего любезного вашего семейства.

1 августа.

Стр. 199, строка 21. — что это первая неловкость Реставрации.[1]

Стр. 201, строки 3—2 снизу. — Я провел здесь дни, сотканные из золота и шелка, как говорила г-жа Севинье.

Стр. 201, строки 2—1 снизу. — поимка на месте преступления, как говорил Наполеон.

Стр. 203, строка 7 и сл.

Вчера получил я, сударыня, ваше письмо от 31-го, написанное на другой день после вашего приезда в Ригу. Вы не можете себе представить, до какой степени я тронут этим знаком вашего расположения и памяти обо мне. Он проник до глубины моей души, и из глубины души благодарю вас.

Ваше письмо я получил в Тригорском. Анна Богдановна сказала мне, что вас ждут сюда в середине августа. Не смею на это надеяться.

Что такое говорил вам г-н Керн касательно отеческого надзора за мною г-на Адеркаса? положительное ли это приказание? имеет ли к этому отношение сам г-н Керн? или это одни только слухи?

Я полагаю, сударыня, что в Риге вы больше знаете о том, что делается в Европе, чем я в Михайловском. Что касается Петербурга, то я совсем не знаю, что там творится. Ждем осени, однако у нас еще было несколько хороших дней, и, благодаря вам, у меня на окне всегда цветы.

Прощайте, сударыня. Примите уверение в моей нежной и почтительной преданности. Поверьте, что на свете нет ничего более верного и отрадного, нежели дружба и свобода. Вы научили меня ценить всю прелесть первой.

8 августа.

Госпоже Осиновой,
в Риге.

---

[1] Игра слов: gauche — левый и неловкий.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 205, строки 7—8. — Что такое чувство? — Дополнение к темпераменту.

Стр. 205, строка 15 и сл.

Нужно ли говорить вам о моей признательности? Право, сударыня, с вашей стороны весьма любезно, что вы не забываете вашего отшельника. Ваши письма приводят меня в восторг в такой же мере, в какой великодушные заботы ваши меня трогают. Не знаю, что ждет меня в будущем, но знаю, что чувства, которые я к вам питаю, останутся навеки неизменными. Еще сегодня был я в Тригорском. Малютка вполне здорова, и она прехорошенькая. Как и вы, сударыня, я полагаю, что слухи, дошедшие до г-на Керна, неверны, но вы правы: не следует ими пренебрегать. На днях я был у Пещурова — лукавого ходатая, как вы его называете, — он думал, что я в Пскове (*NB*). Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда.

Свидетельствую мое уважение всему вашему любезному семейству и остаюсь, сударыня, преданным вам.

11 августа.

Стр. 206, строка 10, — в разговоре, между прочим.

Стр. 207, строка 3 и сл. — стр. 208, строка 1 и сл.

Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: ‹милая! прелесть!› божественная!... а потом: ‹ах, мерзкая!› — Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда вам не хватает здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, потому что от этого вы еще прелестнее. Напр., что вы хотите сказать, говоря о печатке, которая должна для вас *подходить и вам нравиться* (счастливая печатка!) и значение которой вы просите меня разъяснить? Если тут нет какого-нибудь скрытого смысла, то я не понимаю, чего вы желаете. Или вы хотите, чтобы я придумал для вас девиз? Это было бы совсем в духе Нетти. Полно, сохраните ваш прежний девиз: ‹„не скоро, а здорово“›, лишь бы это не было девизом вашего приезда в Тригорское — а теперь поговорим о другом. Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? очень он мне нужен — разве у хорошеньких женщин должен быть характер? главное — это глаза, зубы, ручки и ножки — (я прибавил бы еще — сердце, но ваша кузина очень уж затаскала это слово). Вы говорите, что вас легко узнать; вы хотели сказать — полюбить вас? вполне с вами согласен и даже сам служу тому доказательством: я вел себя с вами, как четырнадцатилетний мальчик, — это возмутительно, но с тех пор, как я вас больше не вижу, я постепенно возвращаю себе утраченное превосходство и пользуюсь этим, чтобы побранить вас. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мне... Нет, не хочу ваших обещаний: к тому же, письмо — нечто столь холодное, в просьбе, передаваемой по почте, нет ни силы, ни взволнованности, а в отказе — ни изящества, ни сладострастия. Итак, до свидания — и поговорим о другом. Как поживает подагра вашего

супруга? Надеюсь, у него был основательный припадок через день после вашего приезда. ‹Поделом ему!› Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтительностью, испытываю я к этому человеку! Божественная, ради бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и чтобы у него сделался приступ подагры, подагры! Это моя единственная надежда!

Перечитывая снова ваше письмо, я нахожу в нем ужасное *если*, которого сначала не приметил: *если моя кузина останется, то осенью я приеду* и т. д. Ради бога, пусть она останется! Постарайтесь развлечь ее, ведь ничего нет легче; прикажите какому-нибудь офицеру вашего гарнизона влюбиться в нее, а когда настанет время ехать, досадите ей, отбив у нее воздыхателя; опять-таки, ничего нет легче. Только не показывайте ей этого; а то из упрямства она способна сделать как раз противоположное тому, что надо. Что делаете вы с вашим кузеном? напишите мне об этом, только вполне откровенно. Отошлите-ка его поскорее в его университет; не знаю почему, но я недолюбливаю этих студентов так же, как и г-н Керн. — Достойнейший человек этот г-н Керн, почтенный, разумный и т. д.; один только у него недостаток — то, что он ваш муж. Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить рая.

Всё это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и, не знаю почему, я вбил себе в голову, что получу от вас письмо. Этого не случилось, и я в самом собачьем настроении, хоть и совсем несправедливо: я должен быть благодарным за прошлый раз, знаю; но что поделаешь? умоляю вас, божественная, снизойдите к моей слабости, пишите мне, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезным. Прощайте ‹.....›

14 августа.

Стр. 208, строка 17 снизу и сл. — стр. 209, строка 1 и сл.

Милый друг, думаю, что ты уже приехала. Сообщи мне, когда рассчитываешь выехать в Москву и дай мне свой адрес. Я очень огорчен тем, что со мной произошло, но я это предсказывал, а это весьма утешительно, сама знаешь. Я не жалуюсь на мать, напротив, я признателен ей, она думала сделать мне лучше, она горячо взялась за это, не ее вина, если она обманулась. Но вот мои друзья — те сделали именно то, что я заклинал их не делать. Что за страсть — принимать меня за дурака и повергать меня в беду, которую я предвидел, на которую я же им указывал? Раздражают его величество, удлиняют мою ссылку, издеваются над моим существованием, а когда дивишься всем этим нелепостям, — хвалят мои прекрасные стихи и отправляются ужинать. Естественно, что я огорчен и обескуражен, — мысль переехать в Псков представляется мне до последней степени смешной; но так как кое-кому доставит большое удовольствие мой отъезд из Михайловского, я жду, что мне предпишут это. Всё это отзывается легкомыслием, жестокостью невообразимой. Прибавлю еще: здоровье мое требует перемены климата, об этом не сказали ни слова его величеству. Его ли вина, что он ничего не знает об этом? Мне говорят, что общество возмущено; я тоже — беззаботностью и легко-

мыслием тех, кто вмешивается в мои дела. О господи, освободи меня от моих друзей! <. . . .>

Мадмуазель Ольге Пушкиной.

Стр. 209, строка 8 снизу. — взаимный <в некоторых случаях — междоусобный>.
Стр. 210, строка 11 снизу. — это было бы от ума.
Стр. 211, строка 4 снизу. — Это злободневно, как свежая газета.
Стр. 212, строка 15 и сл. — стр. 213, строка 1 и сл.

Вы способны привести меня в отчаяние; я только что собрался написать вам несколько глупостей, которые насмешили бы вас до смерти, как вдруг пришло ваше письмо, опечалившее меня в самом разгаре моего вдохновения. Постарайтесь отделаться от этих спазм, которые делают вас очень интересной, но ни к чорту не годятся, уверяю вас. Зачем вы принуждаете меня бранить вас? Если у вас рука была на перевязи, не следовало мне писать. Экая сумасбродка!

Скажите, однако, что он сделал вам, этот бедный муж? Уж не ревнует ли он часом? Что ж, клянусь вам, он не был бы неправ; вы не умеете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. Хорошенькая женщина, конечно, вольна... быть вольной.[1] Боже мой, я не собираюсь читать вам нравоучения, но всё же следует уважать мужа, — иначе никто не захочет состоять в мужьях. Не принижайте слишком это ремесло, оно необходимо на свете. Право, я говорю с вами совершенно чистосердечно. За 400 верст вы ухитрились возбудить во мне ревность; что же должно быть в 4 шагах? (NB: Я очень хотел бы знать, почему ваш двоюродный братец уехал из Риги только 15-го числа сего месяца и почему имя его в письме ко мне трижды сорвалось у вас с пера? Можно узнать это, если это не слишком нескромно?). Простите, божественная, что я откровенно высказываю вам то, что думаю; это — доказательство истинного моего к вам участия; я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется. Постарайтесь хоть сколько-нибудь наладить отношения с этим проклятым г-ном Керном. Я отлично понимаю, что он не какой-нибудь гений, но в конце концов он и не совсем дурак. Побольше мягкости, кокетства (и главное, бога ради, отказов, отказов и отказов) — и он будет у ваших ног, — место, которому я от всей души завидую, но что поделаешь? Я в отчаянии от отъезда Анеты; как бы то ни было, но вы непременно должны приехать осенью сюда или хотя бы в Псков. Предлогом можно будет выставить болезнь Анеты. Что вы об этом думаете? Отвечайте мне, умоляю вас, и ни слова об этом Алексею Вульфу. Вы приедете? — не правда ли? — а до тех пор не решайте ничего касательно вашего мужа. Вы молоды, вся жизнь перед вами, а он... Наконец, будьте уверены, что я не из тех, кто никогда не посоветует решительных мер — иногда это неизбежно, но раньше надо хорошенько подумать и не создавать скандала без надобности.

---

1 В подлиннике — игра слов: maîtresse значит — и хозяйка, госпожа самой себе, и любовница.

Прощайте! Сейчас ночь, и ваш образ встает передо мной, такой печальный и сладострастный; мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста.

Прощайте — мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени, — я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности. Прощайте, и верьте моему бреду; он смешон, но искренен

Стр. 213, строка 10 снизу и сл. — стр. 216, строка 1 и сл.

Прилагаю письмо для вашей тетушки; вы можете его оставить у себя, если случится, что они уже уехали из Риги. Скажите, можно ли быть столь ветреной? Каким образом письмо, адресованное вам, попало не в ваши, а в другие руки? Но что сделано, то сделано — поговорим о том, что нам следует делать.

Если ваш супруг очень вам надоел, бросьте его, но знаете как? Вы оставляете там всё семейство, берете почтовых лошадей на Остров и приезжаете... куда? в Тригорское? вовсе нет: в Михайловское! Вот великолепный проект, который уже с четверть часа дразнит мое воображение. Вы представляете себе, как я был бы счастлив? Вы скажете: „А огласка, а скандал?“ Чорт возьми! Когда бросают мужа, это уже полный скандал, дальнейшее ничего не значит или значит очень мало. Согласитесь, что проект мой романтичен! — Сходство характеров, ненависть к преградам, сильно развитый орган полета, и пр. и пр. — Представляете себе удивление вашей тетушки? Последует разрыв. Вы будете видаться с вашей кузиной тайком, это хороший способ сделать дружбу менее пресной — а когда Керн умрет — вы будете свободны, как воздух... Ну, что вы на это скажете? Не говорил ли я вам, что способен дать вам совет смелый и внушительный!

Поговорим серьезно, т. е. хладнокровно: увижу ли я вас снова? Мысль, что нет, приводит меня в трепет. — Вы скажете мне: утешьтесь. Отлично, но как? влюбиться? невозможно. Прежде всего надо забыть про ваши спазмы. — Покинуть родину? удавиться? жениться? Все это очень хлопотливо и не привлекает меня. — Да, кстати, каким же образом буду я получать от вас письма? Ваша тетушка противится нашей переписке, столь целомудренной, столь невинной (да и как же иначе... на расстоянии 400 верст). — Наши письма наверное будут перехватывать, прочитывать, обсуждать и потом торжественно предавать сожжению. Постарайтесь изменить ваш почерк, а об остальном я позабочусь. — Но только пишите мне, да побольше, и вдоль, и поперек, и по диагонали (геометрический термин). Вот что такое *диагональ*. А главное, не лишайте меня надежды снова увидеть вас. Иначе я, право, постараюсь влюбиться в другую. Чуть не забыл: я только что написал [письмо] Нетти письмо, очень нежное, очень раболепное. Я без ума от Нетти. Она наивна, а вы нет. Отчего вы не наивны? Не правда ли, по почте я гораздо любезнее, чем при личном свидании; так вот, если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности — в понедельник я буду весел, во вторник восторжен, в среду нежен

в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, и всю неделю — у ваших ног. *Прощайте.*

28 августа.

Не распечатывайте прилагаемого письма, это нехорошо. Ваша тетушка рассердится.

Но полюбуйтесь, как с божьей помощью всё перемешалось: г-жа Осипова распечатывает письмо к вам, вы распечатываете письмо к ней, я распечатываю письмо Нетти — и все мы находим в них нечто для себя назидательное — поистине это восхитительно!

〈*П. А. Осиповой:*〉

Да, сударыня, пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает. Ах, эти люди, считающие, что переписка может к чему-то привести. Уж не по собственному ли опыту они это знают? Но я прощаю им, простите и вы тоже — и будем продолжать.

Ваше последнее письмо (писанное в полночь) прелестно, я смеялся от всего сердца; но вы слишком строги к вашей милой племяннице; правда, она ветрена, но — терпение: еще лет двадцать — и, ручаюсь вам, она исправится. Что же до ее кокетства, то вы совершенно правы, оно способно привести в отчаяние. Неужели она не может довольствоваться тем, что нравится своему повелителю г-ну Керну, раз уж ей выпало такое счастье? Нет, нужно еще кружить голову вашему сыну, своему кузену! Приехав в Тригорское, она вздумала пленить г-на Рокотова и меня; это еще не всё: приехав в Ригу, она встречает в ее проклятой крепости некоего проклятого узника и становится кокетливым провидением этого окаянного каторжника! Но и это еще не всё: вы сообщаете мне, что в деле замешаны еще и мундиры! Нет, это уж слишком: об этом узнает г-н Рокотов, и посмотрим, что он на это скажет. Но, сударыня, думаете ли вы всерьез, что она кокетничает *равнодушно*? Она уверяет, что нет, я хотел бы верить этому, но еще больше успокаивает меня то, что не все ухаживают на один лад, и лишь бы другие были почтительны, робки и сдержанны, — мне ничего больше не надо. Благодарю вас, сударыня [за ваше] за то, что вы не передали моего письма: оно было слишком нежно, а при нынешних обстоятельствах это было бы смешно с моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственной мне дерзостью, и решительно порву с ней всякие отношения; пусть не говорят, что я старался внести смуту в семью, что Ермолай Федорович может обвинять меня в отсутствии нравственных правил, а жена его — издеваться надо мной. — Как это мило, что вы нашли портрет схожим: „смела в“ и т. д. Неправда ли? Она отрицает и это; но кончено, я больше не верю ей.

Прощайте, сударыня. С великим нетерпением жду вашего приезда... мы позлословим на счет Северной Нетти, относительно которой я всегда буду сожалеть, что увидел ее, и еще более, что не обладал〈?〉 ею〈?〉. Простите это чересчур откровенное признание тому, кто любит вас очень нежно, хотя и совсем иначе.

Михайловское.

Госпоже Осиповой.

Стр. 216, строка 16. — Кстати.
Стр. 216, строка 9 снизу. — Сен-Флоран.
Стр. 217, строка 10. — Фурнье.
Стр. 217, строка 7 снизу. — приблизительно.
Стр. 218, строка 4 снизу. — чтобы разбудить кота, который спит?
Стр. 219, строка 13. — и т. д.
Стр. 219, строка 10 снизу. — всеми прочими.
Стр. 219, строка 2 снизу. — Прощай, духовный сын мой.
Стр. 220, строка 6. — искать полдень в два часа дня.
Стр. 220, строки 20—19 снизу. — но так как кое-кому доставит большое удовольствие мой отъезд из Михайловского, я жду, что мне предпишут это.
Стр. 221, строка 2 снизу. — это даже вовсе не звание.
Стр. 222, строки 22—23. — что опала не способствует у нас известности; она является лишь расплатой за успехи.
Стр. 222, строка 13 снизу. — что ты строишь расчеты без хозяина.
Стр. 222, строка 5 снизу. — двигателе.
Стр. 223, строка 2. — mutuel — взаимный; intestin — внутренний.
Стр. 223, строка 15 снизу.—который и есть ключ ко всему.
Стр. 225, строка 3. — Увы, Постум, Постум, уносятся быстролетные годы.
Стр. 225, строка 13. — Ротру.
Стр. 225, строка 16. — записки.
Стр. 225, строка 15 снизу. — Прощай, поэт, до свиданья, но когда?
Стр. 226, строка 6. — последним доводом за освобождение.
Стр. 227, строка 9 — Выводы.
Стр. 227, строки 12 и 14. — Сталь <. . . . .> — Г-жа Сталь.
Стр. 227, строка 13 и сл. снизу — стр. 228, строка 1 и сл.

Необдуманные речи, сатирические стихи [обратили на меня внимание в обществе], распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен.

До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 <году> — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — В

В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором — я не отомстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление, я принес бы в жертву мнению света, которое я презираю, человека, от которого зависело всё и дарования которого невольно внушали мне почтение.

Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мной. — Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации — я чувствовал бесполезность этого.

Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отне-

стись ко мне, как к преступнику; я надеялся на Сибирь или на крепость, как на средство к восстановлению чести.

Великодушный и мягкий образ действий власти глубоко тронул меня и с корнем вырвал смешную клевету. С тех пор, вплоть до самой моей ссылки, если иной раз и вырывались у меня жалобы на установленный порядок, если иногда и предавался я юношеским разглагольствованиям, всё же могу утверждать, что, как в моих писаниях, так и в разговорах, я всегда проявлял уважение к особе вашего величества.

Государь, меня обвиняли в том, что я рассчитываю на великодушие вашего характера; я сказал вам всю правду с такой откровенностью, которая была бы немыслима по отношению к какому-либо другому монарху.

Ныне я прибегаю к этому великодушию. Здоровье мое было сильно подорвано в мои молодые годы; аневризм сердца требует немедленной операции или продолжительного лечения. Жизнь в Пскове, городе, который мне назначен, не может принести мне никакой помощи. Я умоляю ваше величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц или же назначить мне какую-нибудь местность в Европе, где я <мог бы> позаботиться о своем здоровьи.

Стр. 228, строка 6 снизу и сл. — стр. 229.

Ради бога не отсылайте г-же Осиповой того письма, которое вы нашли в вашем пакете. Разве вы не видите, что оно было написано только для вашего собственного назидания? Оставьте его у себя или вы нас поссорите. Я пытался помирить вас, но после ваших последних выходок отчаялся в этом... Кстати, вы клянетесь мне всеми святыми, что ни с кем не кокетничаете, а между тем вы на „ты“ со своим кузеном, вы говорите ему: *я презираю твою мать*. Это ужасно; следовало сказать: *вашу мать*, а еще лучше — ничего не говорить, потому что фраза эта произвела дьявольский эффект. Ревность в сторону, — я советую вам прекратить эту переписку, советую как друг, поистине вам преданный без громких слов и кривляний. Не понимаю, ради чего вы кокетничаете с юным студентом (при том же не поэтом) на таком почтительном расстоянии. Когда он был подле вас, вы знаете, что я находил это совершенно естественным, ибо надо же быть рассудительным. Решено, не правда ли? Бросьте переписку, — ручаюсь вам, что он от этого будет не менее влюблен в вас. Всерьез ли говорите вы, уверяя, будто одобряете мой проект? У Анеты от этого мороз пробежал по коже, а у меня голова закружилась от радости. Но я не верю в счастье, и это вполне простительно. Захотите ли вы, ангел любви, заставить уверовать мою неверующую и увядшую душу? Но приезжайте по крайней мере в Псков; это вам легко устроить. При одной мысли об этом сердце у меня бьется, в глазах темнеет и истома овладевает мною. Ужели и это тщетная надежда, как столько других?... Перейдем к делу; прежде всего, нужен предлог: болезнь Анеты — что вы об этом скажете? Или не съездить ли вам в Петербург? Вы дадите мне знать об этом, не правда ли? — Не обманите меня, милый ангел. Пусть вам буду обязан я тем, что познал

счастье, прежде чем расстался с жизнью! — Не говорите мне о восхищении: это не то чувство, какое мне нужно. Говорите мне о любви: вот чего я жажду. А самое главное, не говорите мне о стихах... Ваш совет написать его величеству тронул меня, как доказательство того, что вы обо мне думали — на коленях благодарю тебя за него, но не могу ему последовать. Пусть судьба решит мою участь; я не хочу в это вмешиваться... Надежда увидеть вас еще юною и прекрасною — единственное, что мне дорого. Еще раз, не обманите меня.

22 сент. Михайловское.

Завтра день рождения вашей тетушки; стало быть, я буду в Тригорском; ваша мысль выдать Анету замуж, чтобы иметь пристанище, восхитительна, но я не сообщил ей об этом. Ответьте, умоляю вас, на самое главное в моем письме, и я поверю, что сто́ит еще жить на свете.

Стр. 231, строка 10 снизу. — Вариант.

Стр. 235, строка 1 снизу. — ‹О› мемуарах ‹поговорю с› Сен-Флораном.

Стр. 238, строка 5 снизу. — по преимуществу.

Стр. 238, строка 3 снизу. — оскорбления нации.

Стр. 242, строка 10 снизу. — она приводит в восторг.

Стр. 242, строка 8 снизу. — Бланш и Гискар.

Стр. 242, строка 6 снизу. — Манлий.

Стр. 243, строка 20. — Шедевр.

Стр. 243, строка 21. — В. Скотт.

Стр. 243, строки 14—13 снизу. — Здесь кое-что было.

Стр. 244, строка 5. — Записки.

Стр. 244, строка 10. — бросать вызов, презирать.

Стр. 247, строка 1 снизу. — Каламбур! узнаешь ли ты кровь?

Стр. 249, строка 19 снизу и сл. — стр. 250, строка 1 и сл.

Никак не ожидал, чародейка, что вы вспомните обо мне, от всей души благодарю вас за это. Байрон получил в моих глазах новую прелесть — все его героини примут в моем воображении черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в образах и Гюльнары и Леилы — идеал самого Байрона не мог быть божественнее. Вас, именно вас посылает мне всякий раз судьба, дабы усладить мое уединение! Вы — ангел-утешитель, а я — неблагодарный, потому что смею еще роптать... Вы *едете* в Петербург, и мое изгнание тяготит меня более, чем когда-либо. Быть может, перемена, только что происшедшая, приблизит меня к вам, не смею на это надеяться. Не стоит верить надежде, она — лишь хорошенькая женщина, которая обращается с нами, как со старым мужем. Что поделывает ваш муж, мой нежный гений? Знаете ли вы, что в его образе я представляю себе врагов Байрона, в том числе и его жену.

8 дек.

Снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я попрежнему люблю вас, что иногда вас ненавижу, что третьего дня говорил о вас гадости, что я целую ваши прелестные ручки и снова перецеловываю их, в ожидании лучшего, что больше сил моих нет, что вы божественны и т. д.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

‹Анна Н. Вульф:›

Наконец-то, милый друг, Пушкин принес мне письмо от тебя. Давно было пора получить мне от тебя весточку, так как я не знала, что и подумать о твоем молчании; однако, из письма твоего я не вижу, что́ могло тебе помешать писать ко мне, и не могу понять, на какое письмо ты мне отвечаешь — на то ли, которое я тебе послала через мадмуазель Ниндель, или на другое; твои письма всегда меня сбивают с толку. Алексей писал мне, что ты отказалась от намерения уехать и решила остаться. Я поэтому совсем было успокоилась на твой счет, как вдруг твое письмо так неприятно меня разочаровало. Почему ты не сообщаешь мне ничего определенного, а предпочитаешь оставлять меня в тревоге. Не бойся за свои письма, можешь писать теперь просто на мое имя в *Опочку*. Моих писем больше уже не вскрывают, они тащатся через Новоржев и иногда могут даже затеряться. Вполне ли решен твой отъезд в Петербург? Последнее событие не изменит ли твоих планов? Байрон помирил тебя с Пушкиным; он сегодня же посылает тебе деньги — 125 рублей, его стоимость. Следующей почтой постараюсь прислать тебе свой долг, мне очень неприятно, что я заставила тебя так долго ждать. Сейчас не могу заговаривать об этом с матушкой, она очень больна, уже несколько дней в постели, у нее рожистое воспаление на лице... Что тебе еще рассказать? Этой зимой надеюсь непременно уехать в Тверь, а покамест томлюсь, тоскую и терпеливо жду; отвечай мне поскорее. Бетшер давно уже в Острове... навсегда твоя подруга

Анета.

Стр. 251, строка 19. — Лаццарони, нищий.
Стр. 252, строка 12. — фонтаном слез.
Стр. 255, строки 3—4. — Юниуса... Шиллера.
Стр. 258, строка 20. — и компании.
Стр. 259, строка 13 снизу. — Альфиери.
Стр. 261, строка 2 снизу. — Эдинбургского Обозрения.
Стр. 262, строки 12—13. — Ио, Гимен Гименей, ио, Ио, Гимен Гименей!
Стр. 263, строка 7 и сл.

Сударыня,

Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом; это образец грации, изящества и чувства. Вы будете от нее в восторге.

Полагаю, сударыня, что вы теперь в Твери; желаю вам приятно проводить время, но не настолько, чтобы совсем забыть Тригорское, где, погрустив о вас, мы начинаем уже вас поджидать.

Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

20 февр.

Будьте добры, сударыня, передать мой поклон м-ль вашей дочери, равно как и м-ль Нетти.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 267—268, строка 1 и сл.

Вы уже давно должны быть теперь в Михайловском, — вот всё, что мне удалось в точности узнать о вас. — Я долго колебалась, писать ли вам, пока не получу от вас письма; но так как размышления никогда мне не помогают, я кончила тем, что уступила желанию вам написать. Однако с чего начать и что сказать вам? Мне страшно, и я не решаюсь дать волю своему перу: боже, почему я не уехала раньше вас, почему? — Впрочем нет, сожаления мои излишни, — они, быть может, станут [для вас] лишь триумфом для вашего тщеславия; весьма вероятно, что вы уже не помните последних дней, проведенных нами вместе. Я досадую на себя за то, что не написала вам тотчас же после приезда: мое письмо было бы очаровательным; сегодня для меня это уже невозможно: я могу быть только нежной и, думается мне, кончу тем, что разорву это письмо. [Почти] Знаете ли вы, что я плачу над письмом к вам? это компрометирует меня, я чувствую; но это сильнее меня; я не могу с собой справиться. Почти окончательно решено, что я остаюсь здесь; моя милая маменька устроила это, не спросив меня; она говорит, что очень непоследовательно с моей стороны не желать оставаться здесь теперь, между тем как зимой я хотела уехать даже одна! Видите, всему виною вы сами; — не знаю, проклинать ли мне или благословлять провидение за то, что оно послало вас [на моем пути] в Тригорское? — Если вы еще станете сердиться на меня за то, что я осталась здесь, вы будете после этого чудовищем, — слышите ли, сударь? Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы не оставаться тут, даю вам слово, но если это не удастся, поверьте, что вина будет не моя. Не думайте однако, что это происходит, быть может, от того, что здесь возле меня никого нет, — далеко не так: я встретила [здесь] прелестного кузена, который страстно любит меня и не хотел бы ничего другого, как доказать это на ваш манер, — если бы я пожелала. — Он не улан, как вы может быть предполагаете, а гвардейский офицер, прелестный молодой человек, который не изменяет мне ни с кем, — слышите ли? Ему нестерпима мысль, что я столько времени провела вместе с вами, таким великим распутником. Но, увы! я ничего не чувствую при его приближении — его присутствие не вызывает во мне никакого волнения. — Я всё еще надеюсь получить от вас письмо. Каким наслаждением это для меня было бы! Однако не смею просить вас об этом, боюсь даже, что буду лишена возможности писать вам, ибо не знаю, удастся ли мне прятать письма от кузин, — а тогда, что смогу я вам сказать, — я скорее согласна вовсе не получать от вас писем, нежели получать такие, как в Риге. Почему я не рассталась с вами теперь так же равнодушно, как в тот раз, почему Нетти не пришла за мной во-время? Может быть, мы простились бы иначе. Под разными предлогами я не показала ей этого письма, сказав, что пишу Анете Керн. Но я не смогу всегда так делать, не подавая повода к подозрению. Несмотря на всю мою ветреность и непоследовательность вы сумели научить меня скрытности. — Я говорю о вас возможно меньше, но мне

грустно, и я плачу. Всё же я очень безрассудна, ибо уверена, что вы-то сами думаете обо мне уже с полным безразличием и, быть может, говорите обо мне гадости, между тем как я... — Забыла вам сказать: маменька нашла, что у вас был грустный вид при нашем отъезде〈.....〉 Мое желание вернуться вызывает у нее подозрение, и я боюсь слишком настаивать. — Прощайте, делаю вам *гримасу*.

8 марта. Уже прошло порядочно времени с тех пор, как я написала вам это письмо: я всё не могла решиться его вам отправить. Боже! решено, что я остаюсь здесь. Вчера у меня была очень бурная сцена с маменькой из-за моего отъезда, она заявила в присутствии всех родных, что безусловно оставляет меня здесь, что я обязана остаться, и что она не может взять меня с собой, потому что при отъезде она всё устроила в расчете на то, что я здесь останусь. Если бы вы знали, как мне грустно. — Я в самом деле думаю, как и Анета Керн, что она хочет одна завладеть вами, и оставляет меня здесь из ревности. — Но всё же я надеюсь, что это протянется только до лета, тетушка поедет тогда в Псков, мы вернемся вместе с *Нетти*. Однако сколько перемен может произойти до тех пор, — может быть вас простят [я знаю, что тогда], может быть Нетти сделает вас другим? — Будет неосмотрительно с моей стороны возвращаться вместе с ней, но я всё же рискну и надеюсь, что у меня окажется достаточно самолюбия, чтобы не сожалеть о вас. Анета Керн также должна приехать сюда; однако между нами не будет соперничества; повидимому, каждая довольна своей долей. Это делает вам честь и доказывает наше тщеславие и легковерие. *Евпраксия* пишет мне, что вы ей сказали, будто развлекались в Пскове — и это после меня? — что вы тогда за человек, и какая же я дура! У вас ли тросточка Ильи Ивановича? Когда я вернусь, я ее у вас потребую. — Боже! если бы пришло письмо от вас, как я была бы довольна; не обманывайте меня во имя неба, скажите, что вы совсем меня не любите, тогда может быть я буду спокойнее. Я негодую на маменьку, — что за женщина, право! Впрочем, во всем этом есть отчасти и ваша вина.

Прощайте. Что вы скажете, когда прочтете это письмо? Если напишете мне, посылайте через Трейера, так будет надежнее. Не знаю, как переслать вам это письмо, боюсь, если через Тригорское, как бы оно не попало в руки маменьке; не писать ли мне через *Евпраксию*? — посоветуйте, как лучше.

Стр. 270, строка 9 и сл.

Если вы получили мое письмо, во имя неба уничтожьте его! Мне стыдно своего безумия, я никогда не посмею поднять на вас глаза, если опять увижусь с вами. Маменька завтра уезжает, а я остаюсь здесь до лета; по крайней мере так я надеюсь. Если вы не боитесь компрометировать меня перед моей сестрой (что вы делаете, судя по ее письму), то заклинаю вас не делать этого перед маменькой. Сегодня она подтрунивала надо мной в связи с нашим расставаньем в Пскове, которое она находит весьма нежным; 〈„Они, говорит она, думали,

что я ничего не замечаю"〉, как вам это нравится? — вам нужно лишь казаться тем, что вы есть на самом деле, чтобы разубедить ее и доказать, что вы даже не замечаете моего отсутствия. Какое колдовское очарование увлекло меня? Как вы умеете притворяться в чувствах! Я согласна с кузинами, что вы очень опасный человек, но я постараюсь образумиться.

Во имя неба уничтожьте мое первое письмо и разбейте мою псковскую чашку: такой подарок — плохое предзнаменование, я очень суеверна, а чтобы вознаградить вас за потерю, обещаю вам, когда вернусь, подарить сургуч для писем, который вы просили у меня, когда я уезжала. — Начну заниматься итальянским языком, и хотя я очень сердита на вас, все же думаю, что мое первое письмо будет к вам mio〈?〉 delizie〈?〉.[1]

Стр. 273, строка 3 и сл. — стр. 274, строка 1 и сл.

Боже! Какое волнение я испытала, читая ваше письмо, и как я была бы счастлива, если бы письмо сестры не примешало горечи к моей радости. Вчера утром я пила чай, когда с почты принесли книги; я не могла угадать, откуда они ко мне прибыли; когда же, распаковывая, я увидела *Лас-Каза*, сердце мое забилось, и я не смела продолжать их распаковывать, тем более, что в комнате были посторонние. Я была бы довольна вашим письмом, если бы не помнила, что вы писали такие же, и даже еще более нежные, в моем присутствии к Анете Керн, а также к Нетти. Я не ревнива, поверьте; будь иначе, несомненно моя гордость скоро восторжествовала бы над чувством, и все же не могу удержаться, чтобы не сказать вам, как обижает меня ваше поведение. Как можете вы, получив от меня письмо, воскликнуть: 〈„Ах, господи〉, *какое письмо, — будто его* писала *женщина*!" — и тут же бросить его, чтобы читать глупости Нетти; не хватало только, чтобы вы сказали, что считаете его *чрезмерно нежным*. Неужели надо вам говорить, насколько это меня обижает; достаточно того, что вы скомпрометировали меня, сказав, что письмо было от меня. Сестра моя была очень оскорблена этим и, не желая меня огорчать, пишет обо всем Нетти. Нетти, которая даже не знала, что я писала вам, рассыпается в упреках мне за недостаток дружбы и доверия к ней — вы обвиняете меня в ветренности, а вот что вы сами делаете! Ах, Пушкин, вы не заслуживаете любви, и я вижу, что была бы более счастлива, если бы уехала раньше из Тригорского и если бы последние дни, которые я провела [тут] с вами, могли изгладиться из моей памяти. Как не поняли 〈вы〉, почему я не хотела получать от вас писем, вроде тех, которые вы посылали в Ригу? Ведь тон, который тогда уязвлял только мое тщеславие, теперь разорвал бы мне душу, Пушкин того времени был для меня совсем не тем человеком, кому я пишу нынче. Неужели вы не чувствуете разницы? Это было бы очень унизительно для меня — боюсь, вы не любите меня так, как должны бы были, — вы разрываете и раните сердце, которому не знаете цены; как я была бы счастлива, если бы была так холодна, как вы это предполагаете! Никогда еще не пережи-

---

[1] наслаждение мое.

вала я такого ужасного времени, как теперь; никогда не испытывала я таких душевных страданий, как нынешние, тем более, что я вынуждена таить в сердце все свои муки. Как проклинаю я поездку сюда! Признаюсь вам, что последнее время после писем Евпраксии я хотела сделать всё, что в моих силах, чтобы попытаться забыть вас, так как очень сердилась на вас. Вам незачем тревожиться относительно кузена, холодность моя его оттолкнула, к тому же появился другой соперник, с которым он не осмеливается мериться силами и которому должен безусловно уступить место: это Анреп, пробывший здесь несколько последних дней; нужно признаться, что он очень хорош собой [он] и очень оригинален — я имела счастье и честь одержать над ним победу — о, этот человек превосходит даже вас, чему я никогда не могла бы поверить, он идет к цели гигантскими шагами; представьте себе, я считаю, что он даже превосходит вас предприимчивостью. Мы много беседовали о вас; он к удивлению моему произнес также некоторые из ваших фраз, напр., что я слишком умна, чтобы иметь предрассудки. Чуть ли не в первый же день он схватил мою руку и заявил, что имеет полное право поцеловать ее, так как я ему очень нравлюсь. При этом, сударь, прошу заметить, — он ни раньше, ни теперь ни за кем здесь и не ухаживал, равно как не повторял мне фраз, сказанных другой женщине; напротив, он ни на кого не обращал внимания [и ходил повсюду за мной следом]; уезжая, он мне сказал, что его возвращение сюда зависит только от меня. Однако не опасайтесь ничего — я не испытываю к нему никакого чувства; он никак не *действует* на меня, между тем одно воспоминание о вас вызывает во мне такое волнение!

Маменька обещала прислать за мной в июне месяце, если тетушка не приедет летом. Надо ли вас просить сделать всё от вас зависящее, чтобы это произошло возможно скорее? Я очень боюсь, что у вас совсем нет любви ко мне; вы ощущаете только мимолетные желания, какие испытывают совершенно так же столько других людей. — У нас множество народу, я едва выбрала минуту написать вам, к нам приехал из Новгорода еще один приятный молодой человек, г. Павлищев, большой музыкант; он мне сказал, что знает вас. Сегодня мы отправляемся на обед к одной из моих тетушек, надо кончать письмо, так как пора одеваться, я буду в большом обществе, но буду думать только о вас. Пишите мне совершенно спокойно через Трейера, на *Торжок:* это надежнее, вам нечего бояться, он не знает, чьи письма передает мне; здесь же ваша рука известна. Уничтожьте мое письмо, когда прочтете его, заклинаю вас, я же сожгу ваше; знаете мне всегда страшно, что письмо мое покажется вам слишком нежным, а я еще не говорю всего, что чувствую. Вы говорите, что письмо ваше глупо, потому что вы меня любите, какой вздор, особенно для поэта, что может сделать красноречивым, как не чувство? Пока прощайте [Если вы чувствуете то же, что я, — я буду довольна]. Боже, могла ли я думать, что напишу когда-нибудь такую фразу мужчине? Нет, вычеркиваю ее! Еще раз

прощайте, делаю вам гримасу, так как вы их любите. Когда-то мы увидимся? До той минуты у меня не будет жизни.

20 апреля.

Стр. 275, строки 12—10 снизу. — Вы пристроили своих детей, — это превосходно. Но пристроили ли вы мужа? а ведь он много стеснительнее.

Стр. 276, строка 18. — (или почти что).

Стр. 276, строки 9—8 снизу. — стихотворствующая моя скотинка.

Стр. 277, строки 11—12. — греков и болгар, и т. д.

Стр. 277, строка 14. — греки и болгары и прочие варвары.

Стр. 279, строки 8 и 5 снизу. — Ланселэ.

Стр. 280, строка 1. — г-жей де Сталь.

Стр. 280, строка 10 снизу и сл.—стр. 281, строка 1 и сл.

Наконец-то я получила вчера ваше письмо. Трейер сам принес его мне, и, увидев его, я не могла удержаться от восклицания. Как это вы так долго мне не писали? Как будто это нельзя было сделать из Пскова? — Плохи оправдания, которые вы вечно мне приводите. — Всё, что вы мне говорите об Анрепе, в высшей степени мне не нравится и вдвойне обижает меня, во первых — предположение, что он сделал больше, нежели поцеловал мне руку, оскорбительно с вашей стороны, а слова: *всё равно* — того пуще, они обижают и мучат меня в другом отношении — надеюсь, вы достаточно умны, чтобы почувствовать, что вам угодно было этим сказать, что для вас безразлично, до чего мы с ним дошли. — Нельзя сказать, чтобы это было деликатно. Вовсе не по его поведению со мной одной заметила я, что он превосходит вас смелостью и бесстыдством, но по его манере обходиться со всеми и вообще по его разговору. Итак нет надежды, что маменька пришлет за мной, как это прискорбно! Надежда Гавриловна всё время обещает маменьке приехать в следующем месяце; но на это нельзя полагаться; она-то и портит всё дело; будь иначе, г-жа Трейер приехала бы сюда через две недели, и я могла бы отправиться вместе с ней. Если бы маменька прислала вместе с этой женщиной экипаж, это было бы восхитительно; тогда еще в этом месяце я была бы в Тригорском. — Я рассчитываю, что мой брат устроит всё это: надо лишь убедить маменьку, что Надежда Гавриловна будет вечно отсрочивать с месяца на месяц свою поездку ⟨.....⟩ — Думаю, что он уже в Тригорском, и напишу ему насчет этого. — Вся эта неизвестность меня очень мучит — я очень болела всё это время, да и теперь еще чувствую себя весьма плохо. Как изумилась я, когда получила недавно [получила] большое послание от вашей сестры, написанное ею совместно с Анетой Керн; обе они очарованы друг другом. Лев пишет мне в том же письме тысячу нежностей, и к великому своему удивлению я нашла также несколько строк от Дельвига, доставивших мне много удовольствия. Мне кажется однако, что вы слегка ревнуете ко Льву. Я нахожу, что Анета Керн очаровательна, несмотря на свой большой живот, — это выражение вашей сестры. Вы знаете, что она осталась в Петербурге, чтобы родить, а потом собирается приехать сюда. Вы хотите на „предмете“ Льва выместить его успех у моей кузины. — Нельзя сказать, чтобы

это свидетельствовало о вашем безразличии к ней [однако]. И еще: какая неосторожность с вашей стороны бросать так мое письмо, — как только маменька не увидела его! Ах! какая блестящая мысль: нанять почтовых лошадей и приехать одной; хотела бы я посмотреть, какой любезный прием оказала бы мне маменька — она могла бы совсем не впустить меня, эффект был бы слишком велик. Бог знает, когда-то я опять увижу вас — это ужасно, и это переполняет меня тоской. Прощайте, *ti* mando un baccio, mio amore, mio delizie.[1]

2 июня.

Пишите мне чаще, умоляю, письма ваши — единственное мое утешение, я очень грущу. Знаете ли, как хочу я и как боюсь вернуться в Тригорское. — Но я предпочитаю ссориться с вами, нежели оставаться здесь. Места эти до крайности пошлы, и надо сознаться, что среди *уланов* Анреп — это еще самый лучший, а в общем весь полк сто́ит немногого, да и здешний воздух для меня нездоров, так как я вечно болею. Боже! когда же я увижу вас?

Стр. 282, строка 9 снизу. — „Полночь“.

Стр. 282, строка 7 снизу. — Флоридор.

Стр. 282, строка 4 снизу. — час пастушка.

Стр. 285, строки 21—22. — Возлюбленная тень.

Стр. 289, строки 12—13. — что надо быть одержимым, чтобы по нынешним временам сочинять стихи.

Стр. 289, строка 13 снизу. — Гара.

Стр. 289, строка 12. — Сюар.

Стр. 290, строка 8 и сл.

Вяземскому не терпится с его тарабарщиной, он прислал мне это письмо незапечатанным, как бы нарочно предоставив мне полную свободу прочесть его, но — убей меня бог, если я могла пойти дальше 4-го куплета. Это бесконечно раздражает меня — а между тем я люблю его почти до обожания, этого князя Вяземского! Вчера Лев переслал мне твое письмо ко мне, но ничего не сообщил о письме, которое я должна была получить через Дельвига — Вяземский утверждает, что оно было ему вручено еще в Петербурге, однако, думаю, он не знает, что говорит. Насчет Ревеля скажу тебе, что очень довольна своим пребыванием здесь. Морские купанья, свобода, какой я располагаю, чтобы гулять одной, видеться с людьми, которые совершенно чужды всему, что творится в Петербурге и так мало похожи на дорогих моих соотечественников — всё заставляет меня воображать, что я нахожусь за 35 тысяч верст от любезной моей родины, и это дает мне мгновения счастья Однако довольно на эту тему, — я начинаю впадать в грусть <.....>. Если бы ты только знал, как хочется мне поехать за море — ты бы пожалел меня. Прощай! Надеюсь, что мы скоро увидимся. Будь здоров, береги себя, бога ради.

---

[1] шлю *тебе* поцелуй, любовь моя, наслаждение мое.

Если Аиета Вульф уже вернулась, — скажи ей, чтобы написала мне. Известно ли ей, что я настолько подружилась с ее кузиной Керн, что была крестною матерью ее дочери, которую нарекли моим именем. Смею льстить себя надеждой, что это вернет мне немного ее нежности...

Ольга П.

<... Карамзина->мать никогда не казалась мне такой интересной, а ведь я ее всегда любила.

Стр. 292, строка 2 снизу. — твой вблизи и вдали.

Стр. 294, строка 3 и сл.

Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас сколько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегеря у нас грешных ничего не делается; мне также дали его, для большей безопасности. Впрочем, судя по весьма любезному письму барона Дибича, — мне остается только гордиться этим. Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8-го числа текущего месяца; лишь только буду свободен, тотчас же поспешу вернуться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце.

Псков, 4-го сент.

Стр. 294, строка 14 и сл. — стр. 295, строка 1 и сл.

Что сказать вам и с чего начать мое письмо? А вместе с тем я чувствую такую потребность написать вам, что не в состоянии слушаться ни размышлений, ни благоразумия. Я словно переродилась, получив известие о доносе на вас. Творец небесный, что же с вами будет? Ах, если бы я могла спасти вас ценою собственной жизни, с какой радостью я бы пожертвовала ею [ради вас] и вместо всякой награды я попросила бы у неба лишь возможности увидеть вас на мгновение, прежде чем умереть. — Вы не можете себе представить в какой тревоге я нахожусь — не знать, что с вами, ужасно; никогда я так душевно не мучилась, а вместе с тем, судите сами, я должна через два дня уехать, не зная о вас ничего верного. Нет, за всю мою жизнь не переживала я ничего более ужасного — не знаю, как я не сошла от всего этого с ума. А я то надеялась наконец увидеть вас в ближайшие дни! Подумайте, [как] каким неожиданным ударом должно было быть для меня известие о вашем отъезде в Москву! Однако дойдет ли до вас это письмо, и где оно застанет вас? — вот вопросы, на которые никто не может [вам] дать ответ. Вы, может быть, сочтете, что я поступаю очень плохо тем, что пишу вам — я и сама думаю то же, но не могу лишить себя этого единственного утешения, мне остающегося. Я пишу вам через Вяземского; он не знает, от кого письмо, и поклялся сжечь его, если не сможет передать его вам. Да и доставит ли оно вам радость? — быть может, вы очень изменились за эти несколько месяцев — возможно, что оно покажется вам даже неуместным, — признаюсь, эта мысль для меня ужасна, но сейчас я не в силах думать ни о чем, кроме опасности, которой вы подвергаетесь, и пренебрегаю всякими другими соображениями. Если это вам возможно, то, во имя неба, напишите мне хоть словечко в ответ. Дельвиг собирался было

написать вам вместе со мною длинное письмо, чтобы просить вас быть осмотрительным!! — Очень боюсь, что вы держались не так. — Боже, как я была бы счастлива узнать, что вас простили, — пусть даже ценою того, что никогда больше не увижу вас, хотя это условие меня страшит, как смерть. На этот раз вы не скажете, что это письмо остроумно, в нем нет здравого смысла, и всё же посылаю вам его таким, каково оно есть. Как это поистине страшно оказаться каторжником! Прощайте, какое счастье, если всё кончится хорошо, в противном случае не знаю, что со мной станется. Я очень скомпрометировала себя вчера, когда узнала эту ужасную новость, а несколькими часами раньше я была в театре и лорнировала кн. Вяземского, чтобы иметь возможность рассказать вам о нем по возвращении! Мне надо бы еще многое сказать вам, но нынче я наговорю [мало] слишком много или слишком мало, и думаю, что кончу тем, что разорву свое письмо.

11 сентября.

Кузина моя А[нета] К[ерн] живейшим образом интересуется вашей участью. Мы говорим только о вас: она одна понимает меня, и только с ней я плачу. Мне так трудно притворяться, а я вынуждена представляться веселою, когда душа во мне разрывается. Нетти [тоже] очень обеспокоена вашей судьбой. Да спасет и охранит вас небо! — Подумайте, что буду я чувствовать по приезде в Тригорское. Какая пустота и какая мука! Всё будет напоминать мне о вас. — А я то думала совсем с иным чувством подъезжать к этим местам, Тригорское стало мне дорого — я рассчитывала опять найти там для себя жизнь, как не терпелось мне вернуться туда, а теперь я найду там только мучительные воспоминания. Зачем я уехала оттуда? увы! Однако я слишком много говорю вам о своих чувствах. Пора кончать. Прощайте. Сохраните для меня капельку приязни: то, что я чувствую к вам, заслуживает этого. Боже, если бы мне довелось увидеть вас довольным и счастливым!

Стр. 296, строка 3 и сл.

Вот уже неделя, что я в Москве и не имел еще времени написать вам, это доказывает вам, сударыня, насколько я занят. Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, т. е. по Тригорскому; я рассчитываю выехать отсюда самое позднее через две недели. — Сегодня, 15-го сент., у нас большой народный праздник; версты на три расставлено столов на Девичьем Поле; пироги заготовлены саженями, как дрова; так как пироги эти испечены уже несколько недель назад, то будет трудно их съесть и переварить их, но у почтенной публики будут фонтаны вина, чтобы их смочить; вот — злоба дня. Завтра бал у графини Орловой; огромный манеж превращен в зал; она взяла на прокат бронзы на 40 000 рублей и пригласила тысячу человек. Много говорят о новых, очень строгих, постановлениях относительно дуэлей и о новом цензурном уставе; но, поскольку я его не видал, ничего не могу сказать о нем. — Простите нескладицу моего письма, — оно в точности отражает вам нескладицу моего теперешнего

образа жизни. Полагаю, что обе м-ль Анеты уже в Тригорском. Приветствую их издалека от всего сердца, равно как и всё ваше прелестное семейство. — Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважения и неизменной привязанности, которые я буду питать к вам всю жизнь.

Москва, Пушкин.
15 сент.

Стр. 296, строка 8 снизу и сл.—стр. 297, строка 1 и сл.

Петербург, 16 сентября.

Я так мало эгоистична, что радуюсь вашему освобождению и горячо поздравляю вас с ним, хотя вздыхаю, когда пишу это, и в глубине души дала бы многое, чтобы вы были еще в Михайловском, [и] все мои усилия быть благородной не могут заглушить чувство боли, которое я испытываю от того, что не найду вас больше в Тригорском, куда влечет меня сейчас моя несчастная звезда, чего бы только не отдала я за то, чтобы не уезжать из него вовсе и не возвращаться туда сейчас. — Я послала вам длинное письмо с князем Вяз.‹емским› — мне хотелось бы, чтобы оно не дошло до вас, я была тогда в отчаянии, узнав, что вас взяли, и не знаю, каких только безрассудств я не наделала бы. Князя я увидела в театре и занималась только тем, что лорнировала его в течение всего спектакля, я надеялась тогда рассказать вам о нем! — Я была чрезвычайно рада вновь увидеться с вашей сестрой — она очаровательна — знаете, я нахожу, что она очень похожа на вас. Не понимаю, как не заметила я этого раньше. Скажите пожалуйста, почему вы перестали мне писать — из равнодушия или забвения? *Гадкий* вы. Вы не заслуживаете любви, мне надо свести с вами много счетов — но горе, которое я испытываю оттого, что не увижу вас больше, заставляет меня всё забыть ‹.....› Прощайте, мои радости, миновавшие и неповторимые. Никогда в жизни никто не заставит меня испытывать такие волнения и ощущения, какие я чувствовала возле вас. Письмо мое доказывает, какое у меня доверие к вам. — Надеюсь поэтому, что вы не станете меня компрометировать и разорвете это письмо; получу ли я на него ответ? —

Господину
Александру П. —
подставному братцу, дабы не скандализовать общество.

Стр. 299, строка 17 снизу и сл.

Москва. 29 сего октября 1826.

Вот уже несколько дней, как я приготовила для вас эти две строчки, дорогой господин Пушкин. Но я всё забывала вам их передать; это происходит от того, что при виде вас я становлюсь *мачехой*. „Жанна“ была написана для моего театра, я играла эту роль, и так как мне захотелось сделать из этого оперу, то я была вынуждена кончить шиллеровскую пьесу на середине. Вы получите литографированное изображение моей головы в виде Giovanna d'Arco[1] с композиции Бруни, — поместите

[1] Иоанны д'Арк.

ее на первой странице и вспоминайте обо мне. Возвращайтесь к нам. Московский воздух легче. Великий русский поэт должен писать или в степях, или под сенью Кремля, а творец „Бориса Годунова“ принадлежит стольному граду царей. — Кто она, та мать, зачавшая человека, чей гений — вся сила, всё изящество, вся непринужденность; кто — то дикарем, то европейцем, то Шекспиром и Байроном, то Ариосто, Анакреоном, но всегда Русским — переходит от лирического к драматическому, от песен нежных, любовных, простых, порой суровых, романтических или язвительных, к важному и безыскусственному тону строгой истории?

До свидания — надеюсь, скорого.

Княгиня Зинаида Волконская.

Стр. 300, строка 20 снизу. — госпожа.

Стр. 301, строки 13—14. — Здравствуй; приходи ко мне завтра вечером в 8 ч. — Будем читать Годунова.

Стр. 301, строки 21—24.

Я надеялся увидеть тебя и еще поговорить с тобой до моего отъезда; но злой рок мой преследует меня во всем том, чего мне хочется. Прощай же, дорогой друг, — еду похоронить себя в деревне до первого января, — уезжаю со смертью в сердце.

Стр. 301, строка 11 снизу и сл. — стр. 302, строка 1 и сл.

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т. п. — но мадригал и чувство сделались одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и проч., очень беспокоят двух моих спутников, — я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда приходится путешествовать совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П.*) — мой добрый ангел, но *другая* — мой демон; это как нельзя более некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях.

Прощайте, княгиня, — еду похоронить себя среди моих соседей. Молитесь богу за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, — это будет с вашей стороны очень милым кокетством. — Вы, умеющая [лучше] смастерить записочку лучше, чем покойная моя тетушка, — неужели же вы не проявите такой доброты? (NB. *записка* впредь будет синонимом *музыки*). Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, поскольку вы ни за что не хотите, чтобы я вам ее целовал.

Торжок 3 нояб.

Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Решительно восстаю против этого.

*) Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин.

Стр. 302, строка 8 снизу. — путеводитель.

Стр. 306, строка 11 и сл.

Вот письмо, которое, думается, сильно займет вас, моя же немощь и лень [положат этому] хотят воспользоваться этим, чтобы сказать вам лишь несколько слов. Прежде всего не безумец ли вы? как можно так легко обращаться со своими прекрасными стихами и так сорить деньгами? количество поясов привело меня в негодование и только качество их может служить вам извинением, ибо они все прелестны. Всё ли еще добрый ангел и демон сопутствуют вам? думаю, что вы давно уже от них отделались. Кстати вы [ее] так часто меняли *предмет*, что я уже не знаю, кто эта *другая*. Муж уверяет меня, будто я *надеюсь*, что это *я сама*. Да сохранит небо [вас] нас обоих от этого, — прежде всего я никак на хочу путешествовать вместе с вами, я слишком слаба и слишком стара, чтобы пускаться в дальний путь; я стала бы в полном смысле слова вашим злым ангелом, но я притязаю на вашу дружбу, вы же кажется сбросили это ярмо, между тем вам совершенно необходимо ему подчиняться, дабы без возмущения выслушивать кое-какие истины. Итак до свиданья, мой важный друг, сообщите нам о своих планах.

Стр. 310, строки 9 и 10. — Прощайте, чета, с виду столь легкомысленная, прощайте.

Стр. 311, строка 3 и сл. — стр. 312, строка 1 и сл.

Дорогой Зубков, ты не получил письма от меня, — и вот этому объяснение: я хотел сам явиться к вам, как бомба, 1 дек., т. е. сегодня и потому выехал 5—6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной, из-за отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать; от бешенства я играю и проигрываю. Довольно об этом; жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых.

Оба твои письма прелестны; мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но раз уж я застрял в псковском трактире вместо того, чтобы быть у ног Софи, — поболтаем, т. е. поразмыслим.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т. е. познать счастье, Ты говоришь мне, что оно не может быть вечным: хороша новость! Не личное мое счастье заботит меня, могу ли я возле нее не быть счастливейшим из людей, — но я содрогаюсь при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает — содрогаюсь при мысли, что не смогу сделать ее столь счастливой, как мне хотелось бы. Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. — Следует ли мне связать с судьбой столь печальной, с таким несчастным характером — судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного?.. Бог мой, как она хороша! и как смешно было мое поведение с ней! Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести, — скажи ей, что я благоразумнее, чем выгляжу, а доказательство тому — <что тебе в голову

придет...> Если она находит, что Панин прав, она должна считать, что я сумасшедший, не правда ли? — объясни же ей, что прав я, что, увидав ее хоть раз, уже нельзя колебаться, что у меня не может быть притязаний увлечь ее, что я следовательно прекрасно сделал, пойдя прямо к развязке, что, раз полюбив ее, невозможно любить ее еще больше, как невозможно с течением времени найти ее еще более прекрасной, потому что прекраснее быть невозможно...

А. П.

В Москве я расскажу тебе кое-что. Я дорожу моей бирюзой, как она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова.

Стр. 314, строка 8 снизу. — [Сударыня<?> я говорил вам о]

Стр. 320, строка 4 снизу. — Андрие.

Стр. 321, строка 8.— Барону.

Стр. 322, строки 11—10 снизу.— такова нынче мода.

Стр. 327, строки 13—12 снизу.— Немедленно, если вы это желаете, приезжайте вместе с секундантом.

А. П.

15 апр.

Стр. 329, строки 21—24.

Пришли мне план Петербурга. Когда мы увидимся?

А. П.

Ты болен? Сегодня вечером буду у тебя.

Стр. 329, строка 7 снизу.— как говорится.

Стр. 330, строка 9 и сл.

Я очень виноват перед вами, но не настолько, как вам может это казаться. Приехав в Москву, я тотчас написал вам, адресуя мои письма <на Ваше имя в почтамт>. Оказывается, вы их не получили. Это меня обескуражило, и я не брал больше пера в руки. Так как вы изволите еще мною интересоваться, что же мне вам сказать, сударыня, о пребывании моем в Москве и о моем приезде в Петербург — пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны, и так как я притязаю на беспристрастие, то скажу, что, если бы мне дали выбирать между обеими, я выбрал бы Тригорское, — почти как Арлекин который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным? — ответил: я предпочитаю молочный суп. — Я уже накануне отъезда и непременно рассчитываю провести несколько дней в Михайловском, покамест же от всего сердца приветствую вас и всех ваших.

Стр. 330, строка 2 снизу. — Силлери <сорт шампанского>.

Стр. 332, строка 11 и сл.

Не знаю, сударыня, как выразить вам всю свою благодарность за участие, которое вам угодно было проявить к моему здоровью; мне почти совестно чувствовать себя так хорошо. Одно крайне досадное обстоятельство лишает меня сегодня счастья быть у вас. Прошу принять мои сожаления и извинения, равно как и выражение моего глубокого уважения.

18 июля.

Госпоже Хитровой. Пушкин.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 340, строка 5. — Прощайте.
Стр. 340, строка 15 снизу. — и ты, Брут!!
Стр. 340, строка 10 снизу. — Что дозволено Уранин, дозволено <.....>
Стр. 340, строка 9 снизу. — <не только> дозволено, <но> подобает.
Стр. 342, строки 14—12. — и это из чувства симпатии, увидев в моем — письме, что ты ела пирожные, и он ест орехи и яблоки и пр. и пр.
Стр. 342, строка 8 снизу. — Прощайте, прекрасная дама.
Стр. 344, строка 15 снизу. — на опыте.
Стр. 346, строка 9 снизу и сл. — стр. 347, строка 1 и сл.

<Н. О. Пушкина:>

Санкт-Петербург, 21 сего ноября *1827.*

Когда, как и где доберется до тебя это письмо, не знаю, дружок. Бухмеер взялся за это, и он же сказал Корфу и Семеке, что ты был здоров, когда он покидал Эривань, но могу ли я быть вполне спокойной, не имея с 5 августа ни строчки, написанной твоей рукой. Несомненно, ты написал бы нам, если бы мог, однако что помешало тебе? оказий достаточно, курьеры только и знают, что ездят туда и обратно, боюсь, уж не заболел ли ты, не перестаю молить за тебя бога, дорогой Лев, чтобы он тебя сохранил и дал мне счастье вскоре обнять тебя. Получил ли ты деньги? надеюсь, что они прибудут во время. Что касается писем, мы не заставим тебя томиться, мы не пропускаем ни одной оказии и часто пишем по почте. Вот всё, что могу тебе сейчас сказать, молчание твое так меня мучит, что и не выразить; мучение это кончится только тогда, когда смогу прочесть твое письмо, которого жду с нетерпением, как можешь себе вообразить, ты знаешь, как ты мне дорог, и как я страдаю от того, что от тебя нет вестей.

Прощай, милый мой дружочек, мой дорогой Лев, прижимаю тебя к сердцу, сестра твоя и твой брат обнимают тебя.

<С. Л. Пушкин:>

Я уж не смею надеяться, дружок, что получу от тебя письмо — я всё боюсь, не болен ли ты, потому что, несмотря на утешительные вести, какие нам сообщают, боюсь, что это делается просто для нашего успокоения. Уже больше месяца тому назад я послал тебе по почте на имя г-на Раевского 2000 рублей; не знаю, получил ли ты их. В августе месяце, после твоего письма, я послал тебе через г-на Оппермана 500 рублей, ответа не было, однако больше всего беспокоит меня твое здоровье. Недавно прочел я „Путешествие в Грузию“ Гамбы: уже одни подробности относительно дорог навели на меня трепет. — Если прибудет еще один курьер без вестей от тебя, не буду знать, что и думать. Боюсь даже задерживаться на этой мысли, — ты знаешь, каков я, а в данное время у меня есть все основания беспокоиться о тебе. Прощай, обнимаю тебя нежно, от всего сердца. Ежедневно, ежеминутно молю бога сохранить тебя. — Александр у нас и обнимает тебя. — Хамеков, которого я нынче встретил, обнимает тебя. Прощай! Будь счастлив, а главное — здоров.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

⟨А. С. Пушкин:⟩

Передай Раевскому, чтобы он писал мне на батюшкин адрес. — Тебе следовало бы делать то же самое.

⟨О. С. Пушкина:⟩

А что мне сказать тебе, дружок? Здесь нет ничего нового, кроме разве того, что ожидают с живейшим нетерпением итальянскую труппу. Утверждают, что она затмит московскую. Пока же мы довольно заметно обогатились французскими актерами [которые]: г-ном Бра, четой Шардон, г-ном Полем — для комедии, и некоей девицей Бертран — для балета. Я еще не видела их, но говорят, что это прелесть, и я очень верю этому. Французские спектакли посещаются больше, чем когда-либо, и в продажу поступают всего только 3 ложи. Вот последние театральные новости, какие могу тебе сообщить. Об остальном ты несомненно прекрасно осведомлен — через известную *особу*.

Стр. 349, строка 3. — (буквально).

Стр. 349, строки 14—16.

на новый год отдохнете — а там улетите из наших рук — к новым радостям, к новым наслаждениям — к новой Славе. Прощайте, целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю. П. О.

Стр. 351, строка 5. — Соболевскому.

Стр. 351, строки 1—2 снизу. — Как вастать вас?

А. Бальш.

Стр. 352, строки 2—1 снизу. — Образ, промелькнувший перед нами, который мы видели и который не увидим больше никогда!

Стр. 353, строка 3. — Что делает ваш грубиян-супруг?

Стр. 353, строка 7 и сл. — Хотите знать что за женщина г-жа Керн? она податлива, всё понимает; легко огорчается и утешается также легко; она робка в обращении и смела в поступках; но она чрезвычайно привлекательна.

Стр. 370, строки 21—20 снизу. — Малая книжка моя, без меня, и не завидую, ты отправишься в столицу, куда — увы! — твоему господину закрыта дорога.

Стр. 370, строка 18 снизу. — Иди, хоть и неказистая с виду, как то подобает изгнанникам.

Стр. 371, строка 3 снизу. — отсюда.

Стр. 374, строка 23 снизу, и стр. 375, строка 8. — Без гнева.

Стр. 376, строки 14—13 снизу — стр. 377, строка 1 и сл.

[Не из дерзости пишу я вам, но я имел слабость признаться вам в смешной страсти и хочу[1] объясниться откровенно —]. Не притворяйтесь, [это] это было бы недостойно вас [и к тому же] это совершенно бесполезно — кокетство [которое вам так к лицу] было бы [жестокою] жестокостью [очень] [холодно] легкомысленной и, главное, совершенно

---

[1] но, раз что я имею глупость и слабость и неловкость признаться вам в своей смешной страсти, я хочу

бесполезной, — вашему гневу [1] я также поверил бы не более — чем могу я вас оскорбить; я вас люблю с таким порывом нежности, с такой скромностью — [Если ваша гордость задета] даже ваша гордость не может быть задета [вы [знали, что] [знаете мое высокое] меня поняли] — [давно<?>] [вы].

Будь у меня какие-либо надежды, я не стал бы ждать кануна вашего отъезда, [и вы] чтобы [вам сделать] открыть свои чувства. Припишите мое признание лишь восторженному состоянию, с которым [2] я не мог более совладать, которое дошло до изнеможения [и глупости] [Я не хочу ничего] Я не прошу ни о чем, я сам не знаю, чего хочу, — тем не менее я вас

Стр. 377, строка 19. — это — диковина.

Стр. 377, строка 15 снизу. — прощай.

Стр. 378, строка 8 и сл. — стр. 379, строки 1—3.

Отвечаю на вашу приписку, так как она более всего аанимает ваше тщеславие.[3] Г-жа Собаньская еще не вернулась в Одессу, следовательно я еще не мог пустить в ход ваше письмо; [и] во-вторых, так как моя страсть в значительной мере ослабела, а тем временем [4] я успел влюбиться в другую, я раздумал. И, подобно Ларе Ганскому, сидя у себя на диване, я решил более не вмешиваться в это дело. Т. е. я не стану показывать вашего [письма] послания г-же Собаньской, как сначала собирался это сделать, [оставив] скрыв от нее только то, что придавало вам интерес [Байронического] Мельмотовского героя, — и вот как я намереваюсь поступить. Из вашего письма я прочту только выдержки с надлежащими пропусками; со своей стороны я приготовил обстоятельный, прекрасный ответ на него, где побиваю вас в такой же мере, в какой вы побили меня в своем письме; я начинаю в нем с того, что говорю: „Вы меня не проведете, милейший Иов Ловелас; я вижу ваше тщеславие и ваше слабое место под напускным цинизмом“ и т. д.; остальное — в том же роде. Не кажется ли вам, что это произведет впечатление? Но так как вы мой неизменный учитель в делах нравственных, то я [почтительно] прошу у вас разрешения на всё это, и в особенности — ваших советов; но торопитесь, потому что скоро приедут. Я получил известие о вас, мне передавали, что Атала Ганская [5] сделала из вас фата и человека скучного, [однако] ваше последнее письмо совсем не скучно. Хотел бы, чтобы мое хоть на минуту развлекло вас в ваших горестях. Ваш дядюшка, который, как вам известно, свинья, был здесь, перессорил всех и сам со всеми поссорился. Я готовлю ему замечательное письмо в под-аккорд № 2, но на этот раз он получит изрядную ругань, дабы он был, как и все, посвященным в секрет [и не оказался единственным, не понявшим того, что ему хотят сказать].

---

[1] — гневу
[2] Припишите мое признание [волнению] смятению, которое
[3] вас занимает: в особенности ваше тщеславие.
[4] и что
[5] Я получил известие о вас, ваш брат мне передал, что г-жа Ганская

Стр. 379, строка 12. — [Соблазнительное примечание].
Стр. 380, строка 16 снизу. — Это ученый⟨?⟩ подражатель и ничего более ⟨?⟩.
Стр. 381, строка 2. — [Это] ⟨.....⟩ кончетти ⟨изощренная игра словами и понятиями⟩.
Стр. 381, строка 3. — антитез
Стр. 381, строка 5. — Мильвуа.
Стр. 381, строка 9. — Лавинь.
Стр. 381, строки 24—25. — поэт нашей цивилизации ⟨.....⟩ цивилизация.
Стр. 382, строка 15 — стр. 383, строка 1 и сл.

Да, конечно, я угадал, кто они, эти две прелестные женщины,[1] удостоившие вспомнить об одесском, ранее кишеневском отшельнике. Я тысячу раз облобызал эти строки, напомнившие мне столько безумств, мучений [вечеров], ума, грации, вечеров [вальсов], мазурок и т. д. Боже мой, как вы жестоки, сударыня, если думаете, что я способен развлекаться там, где не могу ни встретить вас, ни вас позабыть. Увы, милая Майгин, вдали от вас, раздраженный, унылый, я теряю [все] свои способности и утратил[2] даже талант к каррикатурам, хотя семейство кн. Мурузи как нельзя более способно внушить мне их [и презабавные]. У меня лишь одно желание — снова вернуться к вашим ножкам и посвятить вам, как говаривал милейший поэт, тот кусочек жизни, который мне еще остается. Помните ли вы о небольшой ⟨?⟩ поправке[3] [въ] в [его книге] сделанной вами на листе ⟨?⟩ Ар⟨етина⟩⟨?⟩ [но] Боже мой, если бы вы [сделали то же самое в м] повторили ее здесь. Но правда ли, что вы собираетесь приехать в Одессу? Приезжайте, ради бога, у нас будут, чтобы привлечь вас, бал, итальянская опера, вечера, концерты, поклонники, вздыхатели, всё, что вы пожелаете. Я буду передразнивать обезьяну, злословить и нарисую вам г-жу ⟨*нрзб.*⟩ в [тридцати] 36 позах Аретина.

Кстати, по поводу Аретина, должен вам сообщить, что я стал целомудренным и скромным, разумеется в разговоре, потому что поведение мое было всегда таковым. Истинное наслаждение — смотреть на меня и слушать, как я говорю, — не заставит ли хоть это ускорить ваш приезд. [Приезжайте] еще раз, приезжайте ради бога, и простите мне вольность, с какою я пишу женщинам,[4] которые слишком умны для того, чтобы быть чопорными, и которых я люблю и уважаю от всего сердца.

Что касается вас, прелестная капризница, почерк который заставил меня затрепетать [и которой я писал ⟨?⟩] [и] (хотя по странной случайности он не был изменен) [он] не утверждайте, что вы знаете мой характер; вы не огорчили бы меня, сделав вид, что сомневаетесь[5] в моей преданности и в моих сожалениях.

Угадайте, в свою очередь, кто.

[1] я угадал, кто она, эта женщина
[2] утрачиваю
[3] *а.* помните ли вы вашу поправку
б. вы помните о небольшой поправке
[4] женщине
[5] вы не огорчили бы меня, усомнившись

С., который слыл за человека с противоестественными склонностями — просовывать нитку сквозь ушко иголки, смачивая кончик — А. говорит, что он отличался всюду, где были нужны терпение и слюна.

Стр. 384, строки 3—4. — Смею надеяться, что четырехлетнее изгнание [меня не] не [вовсе] изгладило на вашей памяти

Стр. 386, строка 15. — [и]

Стр. 386, строка 24. — и ты, Брут.

Стр. 386, строка 18 снизу. — без злопамятства.

Стр. 387, строка 24. — и это много значит.

Стр. 388, строка 16. — К нежным законам —

Стр. 390, строки 3—10. — Посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам [задолжал] уже так давно должен; [примите] прошу принять мою искреннюю благодарность,[1] что касается извинений, — у меня не хватает смелости вам их принести. — Мне стыдно и совестно, что до сих пор я не мог уплатить вам[2] [мой] этот долг — я погибал от нищеты.

Примите, генерал, уверения в моем глубочайшем уважении [и моем сожалении]

Стр. 394, строка 3 и сл. — стр. 395, стр. 1 и сл.

[Ваше письмо очень меня огорчило] Мне очень досадно, что отставка моя так огорчила вас, и [ваша скорбь меня] сожаление, которое вы мне по этому поводу высказываете, искренно меня трогает. Что касается опасения[3] вашего[4] относительно последствий, которые эта отставка может иметь, то оно не кажется мне основательным [Если вам жаль] ‹?› О чем мне жалеть? О своей неудавшейся карьере?[5] [С этим] [я примирился с этим уже 4 года] С этой мыслью я успел уже примириться. [Или] О моем жаловании?[6] [Я знаю, что при отсутствии у меня состояния и ничтожных моих средствах мне не следует[7] пренебрегать им] [Но [мне] [я предпочитаю] мои занят] Поскольку мои литературные занятия [дают мне [больше денег я] больше [денег] [чем служба], вполне естественно [пожертвовать им моими служебными обязанностями и т. д.] Вы говорите мне о покровительстве и о дружбе. Это [на мой взгляд] две вещи несовместимые; я не могу, да и не хочу притязать[8] на дружбу графа Воронцова, еще менее на его покровительство: по моему, ничто так не бесчестит, как покровительство, а я слишком уважаю этого человека,[9] чтобы желать унизиться перед ним. [Несмотря] На этот счет у меня свои демократические предрассудки, вполне стоящие предрассудков [и гордости] аристократической гордости [бесполезно].

---

[1] мою благодарность

[2] что я не мог уплатить вам

[3] что касается опасений

[4] *а.* выражаемых вами
б. выраженных вами

[5] О чем вам жалеть. О моей ‹неудавшейся› карьере?

[6] О жаловании?

[7] мне не следовало бы

[8] я не могу притязать

[9] еще менее на его покровительство, я слишком его уважаю

[А кроме того] Я устал быть в зависимости от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника [я пресытился] мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому [болвану] юнцу-англичанину, явившемуся щеголять среди нас своей [развязностью] тупостью и своей тарабарщиной.[1]

Единственное, чего я жажду, это — независимости (слово неважное, да сама вещь хороша); с помощью мужества и упорства я в конце концов добьюсь ее. Я уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их,[2] дабы существовать на это, — самый трудный шаг сделан. Если я еще пишу[3] по вольной прихоти вдохновения,[4] то [во всяком случае], написав стихи, я уже смотрю на них только как на товар по столько-то за штуку. — Не могу понять *ужаса* своих друзей (не очень-то знаю, кто они — эти мои друзья).

Несомненно, граф Воронцов, человек неглупый, сумеет [доказать мою неправоту] обвинить меня в глазах света: победа [весьма] очень лестная, которою я позволю ему полностью насладиться [поскольку] ибо я [очень мало] столь же мало забочусь о мнении света, как о браии ‹и› о восторгах наших журналов —[5]

Стр. 396, строка 20 и сл. — стр. 397, строка 1 и сл.

из Константинополя — толпа трусливой сволочи [маклеров, худших чем евреи, биржевых мошенников] воров и бродяг, которые не могли выдержать даже[6] первого огня дрянных турецких стрелков [вот что такое] [эти герои] составила бы забавный отряд в [русской] армии графа Витгенштейна. Что касается офицеров, то они еще хуже солдат. [Можно видеть] Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишенева — [мы] со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество — [какое-то] они умудрились быть болванами даже в такую минуту,[7] когда их рассказы должны были интересовать всякого европейца — ни малейшего понятия о военном деле, никакого представления о чести, никакого энтузиазма — французы и русские,[8] которые здесь живут, [говорят им дерзости прямо в лицо, а иногда даже] выказывают им вполне заслуженное презрение, они всё сносят, даже палочные удары, с хладнокровием, достойным Фемвстокла. Я не варвар и не проповедник [правительств] Корана, дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому-то

---

[1] явившемуся щеголять своей глупостью
[2] Я поборол былое отвращение к тому, чтобы писать стихи
[3] если я пишу
[4] по прихоти вдохновения
[5] *а.* как о
б. как о листках
в. как о наших журналах
г. как о брани наших журналов
д. как о восторгах наших журналов
[6] *а.* которые никогда не могли выдержать
б. которые [не] [не могли] не мог‹ли›
[7] в такую даже минуту
[8] — французские и русские офицеры

я и негодую, видя, что на этих ничтожных людей возложена священная обязанность защищать свободу.

Стр. 397, строка 14 и сл. — стр. 399, строка 1 и сл.

Прекрасная [и] добрейшая княгиня Вера, душа прелестная и великодушная. [Я все ждал] Не стану благодарить вас [язык [слишком] признательности] за вашу [память и] ваше письмо, слова были бы слишком холодны и слишком слабы, чтоб выразить вам мое умиление и признательность...[1] [Нет эгоизма, который устоял бы] [ваша нежная дружба утешила бы] вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души менее эгоистичной, чем моя; каков я ни на есть, она одна утешила меня[2] во многих [горестях] [печалях] горестях и одна могла успокоить бешенство скуки,[3] [которая] снедающей мое нелепое существование[4] — оно [это существование] [Я угадал] — Вы хотите знать его, это нелепое существование: то, что я предвидел [это] сбылось. Пребывание[5] [в лоне] среди семьи только усугубило мои огорчения и без того достаточно существенные [правительство имело гнусность предложить моему отцу быть [его] соглядатаем]. Меня попрекают моей ссылкой; считают себя вовлеченными в мое несчастье; утверждают, будто я проповедую атеизм сестре — небесному созданию — и брату [который малый с головой] — потешному юнцу, который восторгался [восхищался] моими стихами, но которому со мной явно скучно. Одному богу известно, помышляю ли я о нем? Мой отец имел слабость [принять [по отношению ко мне] [предложение] предписание] согласиться на выполнение обязанностей, которые, во всех обстоятельствах, поставили его в ложное положение по отношению ко мне; [всё это повело] вследствие этого всё то время, что я не в постели, я провожу верхом в полях. Всё, что напоминает мне море [или голубое небо мне], наводит на меня грусть — журчанье ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — [и] думаю, что голубое небо [оказало бы на меня то же действие] заставило бы меня плакать от бешенства; [благодаря] ‹но слава› богу ‹.....› — — [на всё про всё [и] у меня есть одна славная соседка, [старинная знакомая] достаточно оригинальная] что касается соседей, [я] то мне лишь по началу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают — [и не] я слыву[6] среди них Онегиным, — и вот[7] я пророк

---

[1] чтоб выразить вам всё умиление моей признательности

[2] она меня утешала

[3] *а.* и на некоторое время уберегла меня от бешенства скуки
б. и на некоторое время предохраняет меня от бешенства скуки
в. и ваши письма... и ваши
г. могла бы одна [дать] успокоить бешенство скуки

[4] *а.* которая меня пожирает
б. которая пожирает мое [бедное] глупое существование.
в. которая пожирает мое существование

[5] Мой приезд

[6] я имею

[7] *а.* и вот в ‹?› моем ‹?› *б.* и вот я

в своем отечестве. Да будет так. В качестве единственного развлечения, я [часто] часто вижусь с одной милой старушкой-соседкой [ее две дочери]; я слушаю[1] ее патриархальные разговоры; ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, [мне] играют мне[2] Россини, которого я выписал. [Если] [Если скука одиночества<?> [Если жизнь<?>] может вдохновлять] я нахожусь в [наилучшем положениии] наилучших условиях, чтобы закончить [мою поэму] мой роман в стихах, но скука — холодная муза, и поэма моя не двигается вперед — вот, однако, строфа, которою я вам обязан — покажите ее *князю Петру*. Скажите ему, чтобы он не судил [обо всем] о целом по этому образцу.

Прощайте [княгиня] [дорогая и] уважаемая княгиня, в тоске припадаю к вашим стопам, [покажите] показывайте это письмо только тем, кого я люблю и кто интересуется[3] мною дружески, а не из любопытства — [и примите], [если] ради бога, хоть одно слово об Одессе — о ваших детях! — обращались ли вы к доктору Мили? что он поделывает — [что поделывает] <....>?

Князь

Стр. 401, строка 18. — с этим чудовищем, с этим выродком-сыном.

Стр. 402, строка 6. — каламбур.

Стр. 402, строка 7. — что со мной станется, если тебя посадят в крепость.

Стр. 404, строки 5—6. — моей тетке-вертушке, резвушке.

Стр. 405, строка 26 и сл. — стр. 406, строка 1 и сл.

[Вынужденный признать снисходительность вашего величества в самую минуту немилости ко мне], я [счел] почел бы своим долгом переносить мою опалу[4] в почтительном молчании, если бы необходимость не побудила меня нарушить его.[5]

Мое здоровье было сильно расстроено в ранней юности, и до сего времени я не имел возможности лечиться. Аневризм, которым я страдаю около десяти лет, также требовал бы немедленной операции. Легко убедиться в истине моих слов.

Меня укоряли, государь, в том, что я когда-то рассчитывал на великодушие вашего характера, признаюсь, что лишь к нему одному ныне прибегаю. Я умоляю ваше величество разрешить мне поехать куда-нибудь в Европу, где я не был бы лишен всякой помощи.

Стр. 406, строка 12 и сл. — стр. 408, строка 1 и сл.

Где вы? из газет я узнал, что вы переменили полк. Желаю, чтоб это развлекло вас. Что поделывает ваш брат? вы ничего о нем не сообщаете в письме вашем от 13 мая; лечится ли он?

---

[1] *а.* я приезжаю зевая
б. [я слушаю<?>] <я> зеваю слушая

[2] Ее дочь, довольно непривлекательная во всех отношениях, мне играет

[3] *а.* тем кто
б. только тем, кто принимает

[4] переносить ее

[5] *а.* молчании. Одна лишь необходимость может побудить меня нарушить его.
б. молчании, если бы необходимость не побуждала меня

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

О себе могу сказать следующее: друзья мои усиленно хлопотали о том, чтобы получить для меня разрешение ехать лечиться; матушка писала его величеству, после чего мне разрешили поехать в Псков и даже поселиться там, однако делать этого я не стану, а только съезжу туда на несколько дней. Покамест я живу в полном одиночестве: единственная соседка, у которой я бывал, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме старушки-няни и моей трагедии; последняя подвигается, и я доволен этим. Сочиняя ее, я стал размышлять над трагедией вообще [и если бы вздумал написать предисловие, оно вышло бы занятное]. Это, может быть, наименее правильно понимаемый род поэзии. И классики и романтики основывали свои правила на *правдоподобии*, а между тем именно [правдоподобие] оно-то и исключается самой природой драматического произведения. Не говоря уже о времени и проч., какое, к чорту, может быть правдоподобие [1)] в зале, разделенной на две половины, в одной из коих помещается две тысячи человек, будто бы невидимых для тех, кто находится на подмостках; 2) *язык*. Напр., у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, произносит на чистейшем французском языке: „Увы! я слышу сладкие звуки эллинской речи“ и проч. Вспомните древних: их трагические маски, их двойные роли, — всё это не есть ли условное неправдоподобие? [1] 3) время, место и проч. и проч. Истинные гении трагедии [Шекспир и Корнель] никогда не заботились о правдоподобии. Посмотрите, как [этот последний] Корнель ловко [обошелся] управился с Сидом. „А, вам угодно соблюдение правила о 24 часах? Извольте“ — и нагромоздил событий на 4 месяца. На мой взгляд ничего не может быть [смешнее] бесполезнее мелких поправок к установленным правилам: Альфиери крайне изумлен нелепостью речей *в сторону*, он упраздняет их, но зато удлиняет монологи, полагая, что произвел целый переворот в системе трагедии; [2] [как будто в монологе больше правдоподобия, чем в речах „в сторону“!] [какая мелочность] какое ребячество!

Правдоподобие положений и правдивость диалога [3] — вот [единственное] истинное правило трагедии [Шекспир понял страсти; Гете — нравы] (Я не читал ни Кальдерона, ни Веги), но до чего изумителен Шекспир! не могу притти в себя. Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик! Байрон, который создал всего-на-всего один характер [4] (у женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости, вот почему [поэту] так легко [возсоздавать] изображать их), этот самый Байрон [в трагедии] распределил между своими героями отдельные черты собственного

---

[1] всё это однакож правдоподобно

[2] что сделал огромный шаг в трагедии

[3] *а*. Развитие страстей и [характеров] диалога
б. правдоподобие положений и правдивость диалога и изображения нравов

[4] *а*. который никогда не создавал характера, за исключением своего собственного
б. который создал всего-на-всего один характер — и это его собственный

характера; одному он придал свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — свою тоску и т. д., и таким путем из одного цельного характера, мрачного и энергичного, создал несколько ничтожных — это вовсе не трагедия.

[Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется — но каждый на свой лад — *почитайте-ка* Шекспира].

Существует еще такая замашка [(достойная романа Авг. Лафонтена)]: когда писатель задумал характер какого-нибудь лица, то что бы он ни заставлял его говорить, хотя бы самые [обыденные] посторонние [его страстям] вещи, всё носит отпечаток данного характера[1] (таковы педанты и моряки в старых романах Фильдинга). Заговорщик говорит: *Дайте мне* [*супу*] *пить*, как заговорщик, — это просто смешно [Напр.] Вспомните Озлобленного у Байрона (*ha pagato*)[2] — это однообразие, этот подчеркнутый лаконизм, эта непрерывная ярость, разве всё это [в] естественно? [разве это жизнь?] [поэт боится] [характер обнаруживается только в] [и затем] Отсюда эта принужденность и робость диалога. Вспомните Ш.<експира><?> Читайте Шекспира [это мой постоянный припев], он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык,[3] соответствующий его характеру.

Вы спросите меня: а ваша трагедия — трагедия характеров или нравов? Я избрал наиболее легкий род, но попытался соединить и то, и другое. Я пишу и размышляю. Бо̀льшая часть сцен требует только рассуждения; когда же я дохожу до сцены, которая требует вдохновения, я жду его или пропускаю эту сцену — такой способ работы для меня совершенно нов. Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить.

Я

Стр. 406, строки 18—19. — [и] чтобы разбудить кота, который спит?

Стр. 409, строка 7 и сл. — стр. 410, строка 1 и сл.

[Некоторые] необдуманные речи, сатирические стихи [обратили на меня внимание [распространились] в обществе], распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен.

До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным [впал в отчаяние] в общественном мнении [я впал в отчаяние] я впал в отчаяние — дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 <году> — я размышлял [я] не следует ли мне покончить с собой или убить — В

В первом случае я только подтвердил бы сплетни, меня бесчестившие, во втором [втором случае] я не отомстил бы за себя, потому что оскорбления не было, я совершил бы преступление [понапрасну потому что],

[1] *а.* всё, что он его заставляет говорить, носит отпечаток
б. всё, что он его заставляет говорить, всё носит отпечаток

[2] (Он заплатил)

[3] он снова найдет для него язык

я принес бы в жертву мнению [людей] света, которое я презираю, человека [который] от которого зависело всё и дарования которого невольно внушали мне почтение. Эти размышления определили мое решение.

Таковы были мои размышления. Я поделился ими с одним другом, и он вполне согласился со мной. — [Он] Он посоветовал мне предпринять шаги перед властями в целях реабилитации — я чувствовал бесполезность этого.

Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец отнестись ко мне, как к преступнику; я [надеялся] [жаждал] [добивался<?>] Сибири или крепости, как [средства] средства к восстановлению чести.

Великодушный и мягкий образ действий[1] [вашего величества] власти глубоко тронул меня и [оправдал] с корнем вырвал смешную клевету. С тех пор [до] вплоть до самой моей ссылки, если иной раз и вырывались у меня жалобы на установленный порядок, если иногда и предавался я юношеским разглагольствованиям,[2] всё же могу утверждать, что, как в моих писаниях, так и в разговорах, я всегда проявлял уважение к особе вашего величества.

Государь, меня обвиняли в том, что я рассчитываю на великодушие[3] вашего характера; я сказал вам всю правду с такой откровенностью, [с которой признаюсь не мог бы] которая была бы немыслима по отношению к какому-либо другому монарху.

Ныне я прибегаю к этому великодушию. [Моя] [Ни деревня моя] Здоровье мое было сильно подорвано в мои молодые годы; аневризм сердца [сделавшийся<?> с] требует немедленной операции или продолжительного лечения — [Ваше величество] жизнь в Пскове, городе, который мне назначен,[4] не может принести мне никакой помощи. Я умоляю ваше величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц или же [в какой-нибудь] назначит мне[5] какую-нибудь местность в Европе. где я не был бы [лишен всякой помощи][6] позаботиться о своем здоровьи

Стр. 411, строка и сл.

Генерал, неотложные дела требуют моего присутствия в Петербурге, осмеливаюсь просить у вашего превосходительства разрешения приехать туда на несколько дней.

С чувством глубочайшего почтения
Вашего
всепокор.—

---

1 Образ действий, мягкий и

2 я разглагольствованиям

3 *а.* на ваше
б. на это великодушие
в. на это великодушие

4 *а.* жизнь в Пскове, который мне назначен
б. город, который мне назначен

5 подыскать мне

6 ... не был бы ... мог бы

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

В указатель введены все встречающиеся в тексте переписки Пушкина личные имена, географические названия, названия исторических событий, литературных произведений, произведений искусства, учреждений, обществ и т. п. Литературные произведения, имена их персонажей и цитаты из них сосредоточены при имени автора (с отсылом к нему из общего алфавита) и расположены в алфавитном порядке названий. Ссылки даются не только на те страницы, где прямо упомянуто данное имя или название, но и на те, где оно употреблено описательно, условно, или содержится в скрытом виде. Исключение составляет лишь имя самого Пушкина, указываемое только на тех страницах, где оно названо непосредственно. Цифры страниц, относящиеся к письмам Пушкина, набраны прямым шрифтом, к письмам к Пушкину — курсивом. Кроме обычных сокращений (*гр.* — граф и графиня, *кн.* — князь и княгиня, *кнж.* — княжна, *рожд.* — рожденная и т. п.) применяются следующие: *парод.* — пародия, *полн.* — полностью, *цит.* — цитата, *изм. цит.* — измененная (неточная) цитата.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПУШКИНА.

(Цифры обозначают номера писем).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ К ПУШКИНУ.

(Цифры обозначают номера писем).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ

1824

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Dubia

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

А.С.Пушкин
Полное собрание сочинений в 17 т.
Том 13

XIII том напечатан в 1937 году.
Текст воспроизведен по этому изданию.
Переиздание XIII тома осуществлено
газетно-журнальным объединением «Воскресенье» при участии ТОО «Евразия+».

Ответственные за переиздание тома:
В.Н.Бакланов, А.В.Белова, А.В.Быстров, С.В.Богачев,
П.О.Иванов, М.И.Никитин, Н.И.Мастерова, В.В.Милюков,
Г.В.Пряхин, Д.К.Соколова, Л.М.Ульянова, В.И.Филимонов,
Е.В.Шпикалова.
Переплет, факсимильные оригиналы рукописей
А.С.Пушкина подготовлены художником Н.Стольниковым.

Подписано к печати 05.06.1996 г.
Формат 70 x 108 1/16. Бумага офсетная № 1.
42,75 п. л. Тираж 25 000 экз. Заказ № 5614.
Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»
125805 ГСП-47 г. Москва, ул.«Правды», 24.
ЛР №010193 от 19.02.1992.
Телефон для справок (095) 257-39-46
Факс (095) 257-33-12

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате
Комитета Российской Федерации по печати.
214020, г.Смоленск, ул.Смольянинова, 1.

ПРЕДЛАГАЕТ "ВОСКРЕСЕНЬЕ"

А.С.Пушкин. Полное академическое собрание сочинений в 24 томах. Вышло 17 книг. Издание завершается в 1997 году.

В.Дуров. "Ордена России". Ордена и наградное оружие Российской империи с XVII века до 1917 г. Подарочный альбом на русском и английском языках.

С.Есенин. "Москва кабацкая". Основные поэтические произведения великого русского поэта, архивные фотографии, часть которых публикуется впервые.

"На острове Буяне". Прекрасно иллюстрированный сборник сказок и невероятных историй русских писателей XVIII-XX веков. Многие произведения предусмотрены школьной программой и рекомендованы для внеклассного чтения.

В.Максимов. "Ковчег для незваных". Два романа известного русского писателя.

"Белый пароход". Четыре повести о детстве классиков отечественной литературы Чингиза Айтматова и Веры Пановой, а также известных современных писателей Георгия Пряхина и Вацлава Михальского.

"Уноси мое сердце в звенящую даль..." 240 популярных русских и цыганских романсов с нотами и фотографиями известных исполнителей и композиторов.

М.Фомина. "Детство Ивана Грозного". Повествование о первых годах жизни "предтечи Петра Великого", построенное на основе русских летописей и других материалов отечественной историографии.

И.Жуков. "Рука судьбы". Правда и ложь о Михаиле Шолохове и Александре Фадееве.

С.Чибиряев. "Сперанский". Историческое повествование о русском реформаторе начала XIX в. Современные выводы о судьбе реформ в России.

Х.-К.Андерсен. "Русалочка". Сборник сказок великого датского писателя.

"Кулинария". Воспроизведение уникального издания 1955 г. 3000 рецептов, кухня народов бывшего СССР.

"Заздравная чаша". Энциклопедическое издание о винах, водках, пиве, производимых в России и импортируемых из-за рубежа, изготовление вин в домашних условиях. Правила приема гостей, сервировки стола.

"Детское питание". Иллюстрированная книга о том, как правильно кормить ребенка, чтобы вырастить его здоровым и крепким. Питание при аллергии и других заболеваниях.

Адрес газетно-журнального объединения "Воскресенье":

125805, ГСП-47, Москва, ул. "Правды", 24 (м.Савеловская)
Тел. 257-32-53, 257-30-53.
Факс (095) 257-33-12, 257-31-06.

Наш филиал:

ул.Селезневская, 13, стр. 3 (м.Новослободская)
Тел. 978-47-88.

Москвичи и гости столицы могут приобрести книги непосредственно в издательстве или его филиале, что обойдется значительно дешевле оформления заказа по почте.